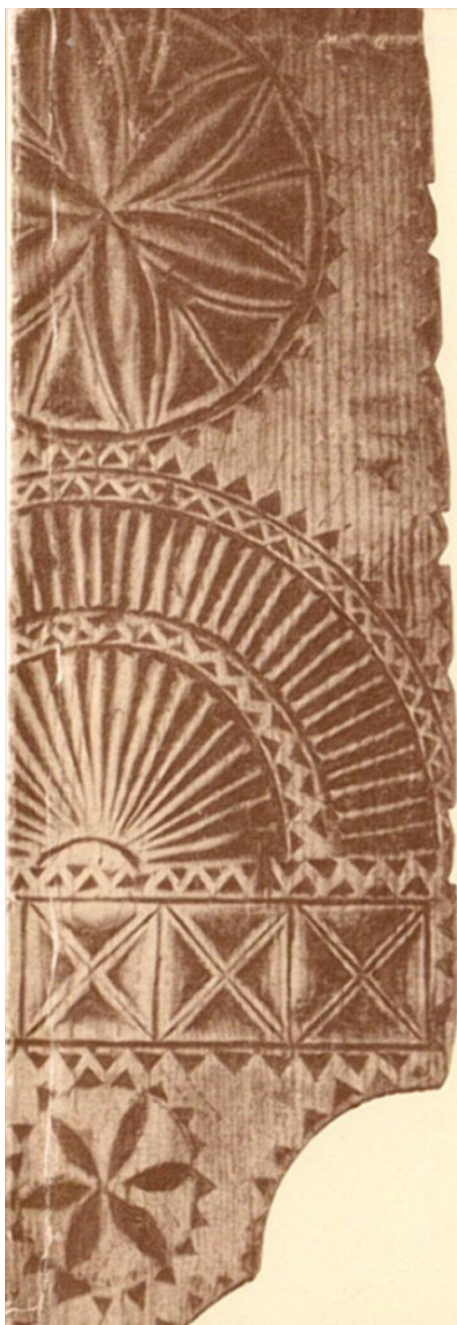

К – 127785

ДУХОВНАЯ
КУЛЬТУРА
СЕВЕРНОГО
БЕЛОЗЕРЬЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
имени Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

И.А. МОРОЗОВ, И.С. СЛЕПЦОВА,
Е.Б. ОСТРОВСКИЙ, С.Н. СМОЛЬНИКОВ,
Е.А. МИНЮХИНА

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА СЕВЕРНОГО БЕЛОЗЕРЬЯ

ЭТНОДИАЛЕКТНЫЙ СЛОВАРЬ

МОСКВА 1997

ББК 63.5

Ответственный редактор:
И.А. МОРОЗОВ

Рецензенты:
д.и.н. И.В. ВЛАСОВА, д.и.н. М.С. КАШУБА

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 95-06-17237)

Морозов И.А., Слепцова И.С., Островский Е.Б., Смольников С.Н., Минюхина Е.А. Духовная культура Северного Белозерья. Этнодиалектный словарь. М., 1997. — 432 с.

В книге в словарной форме описана семейная и календарная обрядность, народные заговоры и молитвы, молодежные и детские развлечения и игры, различные типы несказочной прозы (предания, былички, анекдоты) и детского фольклора, записанные в Северном Белозерье. Издание предваряется очерком истории заселения Белозерского края и описанием основных его этнографических и языковых особенностей.

Для этнографов, историков, филологов и всех, интересующихся традиционной русской культурой.

В оформлении обложки использованы фрагмент лопасти и лопасть прялки из Вашкинского р-на Вологодской обл. Художник А.В. Фролова

ISBN 5-201-13762-8

© Коллектив авторов, 1997

© Институт этнологии и антропологии РАН

ВВЕДЕНИЕ

ПУТИ И СПОСОБЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЭТНОДИАЛЕКТНЫЙ СЛОВАРЬ

Судя по появившимся в последние годы публикациям, в отечественной науке совершается очень важный процесс: осознана необходимость емкого и сравнительно лаконичного описания культурных форм. По-видимому, одним из существенных импульсов для этого стало появление на нашем книжном рынке многочисленных переводных словарей, справочников, энциклопедий самой разнообразной тематики, в том числе по мифологии, фольклору, истории культуры. Предвестниками новой эры стали двухтомник «Мифы народов мира» и «Мифологический словарь»,¹ а количество изданных в последние годы отечественных словарей фольклорно-этнографической и культурно-исторической направленности уже исчисляется десятками. Среди них и такие фундаментальные исследования, как этнолингвистический словарь «Славянские древности» и его научно-популярная версия — энциклопедический словарь «Славянская мифология».² Вместе с тем принципы создания словарей и энциклопедий этой тематической направленности, способы подачи иллюстративного и фактического материала требуют, по-видимому, дальнейшей разработки. Лапидарно сухой, предельно сжатый стиль энциклопедического словаря, помноженный на усложненный научный аппарат и нередко весьма обильную специальную терминологию, как правило, весьма затрудняет использование такого рода источников не только широким читателем, но и специалистом. Причем если для первого сообщаемая информация недостаточна из-за чрезмерной многослойности, зашифрованности, «закрытости» текста, то для второго текст слишком «очевиден» и декларативен, ввиду отсутствия или явной скудости конкретной информации, на основе которой с текстом можно было бы соглашаться или полемизировать. Это, кстати, нередко служит поводом для скептического отношения и тех и других к жанру энциклопедии и словаря. Не намного исправляют положение и списки литературы и источников, приводимые в конце словарных статей —

¹ Мифы народов мира. Т. 1-2. М., 1980-1982; Мифологический словарь. М., 1991.

² Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под. ред. Н.И. Толстого. Т. 1. М., 1995; Славянская мифология: энциклопедический словарь / Научн. ред. В. Я. Петрухин, Т. А. Агапкина, Л.Н. Виноградова.

и ввиду уникальности и редкости многих из них, и уже хотя бы потому, что фактически сводят функции энциклопедического словаря к аннотированному библиографическому указателю.

Но возможно ли в принципе преодоление противоречия между вынужденно сжатой и краткой словарной формой подачи материала и желанием вложить в нее как можно полезной информации, фактического материала? Здесь видится несколько возможных подходов. Можно, скажем, минимизировать число описываемых «морфологических единиц», отведя для обстоятельного анализа оставшихся большее место. К сожалению, этот метод мало приложим при описании столь обширных культурных пластов, как мировая или даже славянская (германская, романская, тюркская и т. п.) мифология или традиционная культура. В этих случаях остается только уповать на возможность создания в будущем многоаспектных и многоязычных компьютерных энциклопедий, в которых наряду с кратким описанием функций и культурных контекстов выделенных единиц можно будет найти и подкрепляющие их достаточно пространственные оригинальные тексты. Вместе с тем этот метод вполне приемлем при создании более узконаправленных, тематически ограниченных словарей вроде вышедших недавно в свет «Русского демонологического словаря» Т. А. Новичковой и «Новой Абевеги русских суеверий» М. Н. Власовой,¹ где подкрепляющим дефиниции цитатам отводится вполне достойное место.

Отметим, что последнее из упомянутых изданий явно апеллирует к принципам построения, известным по диалектологическим словарям, в которых особое внимание уделяется языку самих носителей того или иного культурного (или «фольклорного») диалекта, причем диалект в данном случае понимается не только как «лингвистическая территориальная единица», но и одновременно как этнографическая и культурологическая общность.² В русской традиции словари такого типа впервые появились еще на рубеже веков. В качестве наиболее ярких образцов сошлемся на «Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» А. О. Подвысоцкого, «Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении» Г. И. Куликовского и «Смоленский областной словарь» В. Н. Добровольского.³ Эта традиция не прерывалась и во второй

¹ Новичкова Т. А. Русский демонологический словарь. СПб., 1995; Власова М. Н. Новая Абевега русских суеверий. СПб., 1995.

² Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 21.

³ Подвысоцкий А. О. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885; Куликовский Г. И. Словарь областного олонекского наречия в

половине нашего века. Укажем хотя бы на «Словарь говоров Подмосковья» А. Ф. Ивановой, включивший в себя богатый этнографический материал (в первую очередь по свадьбе) и коллективные словари псковских, смоленских, брянских говоров, которые хотя и уступают в этом отношении упомянутым изданиям рубежа веков, но все же не пренебрегают описаниями реалий народного быта.¹ Таким образом, вырисовывается еще одна возможность хотя бы частичного преодоления трудностей, встающих перед создателями энциклопедий и словарей фольклорно-этнографической тематики: создание их на основе локальных традиций, тем более что именно в этой области русского и славянского народоведения пока сохраняется немало «белых пятен».²

Но обращение к локальным традициям неизбежно приводит исследователя не только к необходимости считаться с явлением, которое принято называть «диалектологией фольклора», но и ставит его перед неизбежностью учета *языковых проявлений* фольклорных диалектов. Языковой образ мира неразрывно связан с другими сторонами народного мировоззрения. Более того, чисто методологически представляется более корректным представить традиционное народное мировоззрение не только с точки зрения внешнего наблюдателя — исследователя, создателя словаря, но и изнутри — так, как его понимает и видит сам носитель культуры. Понятно, что при этом неизбежно возникает проблема использования при описании не только клишированных народных языковых форм, но и более обширных *речевых* фрагментов, народной речи в самом широком смысле слова. Тип словаря, построенного по этому принципу, можно было бы назвать *этнодиалектным*. Образцы словарей такого типа на материале полесских говоров появились в свет уже несколько лет назад³.

его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898; Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.

¹ Иванова А. Ф. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969; Словарь псковских говоров. Вып. 1. М., 1967 и след.; Словарь смоленских говоров / Под ред. А. И. Ивановой. Вып. 1. Смоленск, 1974 и след.; Словарь брянских говоров. Вып. 1. Л., 1976 и след.

² См. по этому поводу: Толстая С. М. Географическое пространство культуры. // Живая старина. 1995. № 4. С. 4, 6.

³ См.: Толстая С. М. Полесский народный календарь. Материалы к этнодиалектному словарю (А—Г) // Славянское и балканское языкознание: Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984. С. 178-200 (Предисловие, буквы А — Г); То же. Славянское и балканское языкознание. Проблемы диалектологии. М., 1986. С. 98-131 (буквы Д — И); То же. Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. М., 1986. С. 178-242 (буквы К — П); То же. Славянский и балканский фольклор. Этнолингвистическое изучение Полесья. М., 1995. С. 251-317 (буквы Р — Я); Гура А. В. Из полесской свадебной терминологии. Свадебные чины (словарь: Б — М) // Славянское и балканское языкознание: Язык в этнокультурном аспекте. М.,

Предлагаемый ниже вниманию читателя этнодиалектный словарь представляет из себя опыт комплексного описания фольклорно-этнографических реалий на территории Северного Белозерья. Он включает в себя статьи, посвященные разным аспектам духовной культуры. Здесь представлены описания различных праздников и обрядов, как календарных («Великий Четверг», «Пасха», «Троица», «Первый выгон скота», «Престольные и заветные праздники» и др.), так и семейных («Свадьба» и ее составляющие — «Дары невесты», «Кравай», «По соломам ходить», «Сватовство и богомолье»). Особые статьи представляют важнейшие календарные периоды («Святки», «Масленица») и связанные с ними народные обряды, обычаи и верования («Гадания», «Коляда», «Кудеса», «Христа славить», «Жатвенные обряды»). Уделено внимание и основным мифологическим персонажам («Банник», «Домовой и дворовый», «Кикимора», «Леший»), а также лицам, выполнявшим важные функции в традиционной празднично-обрядовой жизни («Гармонист», «Пастух»). Направленностью интересов составителей словаря объясняется наличие статей по отдельным жанрам фольклора: «Анекдоты и бывальщины», «Былички», «Гадания с подблюдными песнями», «Заговоры и народные молитвы», «Заклички», «Колыбельные», «Пестушки и потешки» и т. п., в том числе ряд статей по народным играм («Былой», «Волчок», «Игры с пасхальными яйцами», «Качели и скакухи», «Лодыжки», «Лопта», «Со вьюном ходить», «Утушка», «Чигом», «Шубу шить» и др.), персонажам и сценкам ряжения («Блины пекчи», «Грамофон», «Лошадь», «Мельница», «Петух», «Покойник»), типам поведения в будни и во время праздников («Беседы», «Гуляния», «Драки», «Застолье», «На шашлыно делать», «Подшучивания и розыгрыши»).

Представленные в книге материалы были собраны в Вашкинском районе Вологодской области в ходе полевых исследований 1990, 1994 и 1996 гг. экспедициями Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН и Вологодского областного научно-методического центра народного творчества в составе И. А. Морозова, И. С. Слепцовой и С. Н. Смольникова. Поскольку первоначальные цели собирателей существенно отличались от сформулированных в ходе работы над данным словарем, а техническая оснащенность экспедиции 1990 г. не соответствовала современным требованиям, в распоряжении авторов оказались материалы разной степени ценности и полноты. Однако нам представляется достаточно

1984. С. 137-177; То же. Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. М., 1986. С. 144-177 (Н — Сважка); То же. Славянский и балканский фольклор. Этнолингвистическое изучение Полесья. М., 1995. С. 318-334 (Свеночельники — Ш).

уместным цитирование некоторых записей «от руки», без отражения диалектных особенностей, особенно если речь идет о фактах, плохо представленных в более поздних материалах. В то же время авторы полностью отказались от цитирования архивных или опубликованных источников, стремясь к большей однородности и цельности корпуса словаря. Все цитируемые диалектные тексты переданы средствами русского алфавита. Полная или частичная редукция безударных гласных в приводимых ниже диалектных текстах передается заключением таких гласных в скобки. Другие фонетические нюансы передаются лишь в том случае, если это позволяет подчеркнуть диалектную принадлежность данного текста. Так, передаются в окающей огласовке слова типа «рассказ», «рассказывать» > «россказ», «россказывать»; в ряде случаев указываются в соответствии с реальным произношением несмягченные варианты фонем <е> и <и> («жэншыны») и фонематический переход <в> в <ф> в позиции перед глухим («дефки», «красафчик»). Фиксируются «иканье» и «еканье», твердые долгие аффрикаты, «в» или «ў» на месте «л» («йиздили», «гледили», «шшовчки нашшовкивали»), ряд морфологических и грамматических особенностей говора (например, возвратная частица «се» вместо обычных «ся» или «сь» — «становилисе», «соберуще» и под.). Вместе с тем в подавляющем большинстве случаев не передается позиционное оглушение согласных, сохраняются формальные грамматические показатели, характерные для литературного написания (например, мягкий знак во втором лице единственного числа глаголов — «делаэш»).

По нашему мнению, ключевым моментом для словаря данного типа является наличие развернутой интерпретации рассматриваемых фактов традиционной культуры самими ее носителями. Конечно, их точка зрения не обязательно является более объективной и достоверной, чем мнение исследователя, описывающего то или иное явление извне. Это тем более очевидно в случае, когда мы имеем дело с меморатами, т. е. «изустными преданиями», воспоминаниями очевидца о том, что он некогда видел или в чем он когда-то участвовал. Такого рода рассказы, подчиняясь общим законам устного рассказа и молвы, используют характерные для них способы построения и включают в себя типичные для сказа фигуры, формулы и общие места. Тем самым любой меморат, особенно если он принадлежит опытному, искусному рассказчику, несколько «приукрашивает» действительные факты, стремится свести их к некоему «усредненному целому», ввести в рамки и каноны традиционного устного повествования. Но, подчеркнем, что эта «обобщенно-типическая» точка зрения на описываемые события

самих носителей традиции, отраженная в меморатах, также является для исследователя несомненной ценностью.

И все же в целом устные рассказы не только воссоздают некие объективные факты, но и, что особенно важно, представляют их с точки зрения человека лично их внутренне эмоционально «прожившего» и, следовательно, ощутившего их «иную» реальность и внутреннюю взаимосвязь с внешне, казалось бы, весьма удаленными реалиями и явлениями. Именно эта черта свидетельств непосредственных участников традиционных праздников и обрядов дает возможность выявить многие не очевидные для внешнего наблюдателя мотивировки, без которых зачастую невозможна правильная интерпретация сущности происходящего.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что хотя формально рассказы носителей традиции в структуре словаря выполняют иллюстративную функцию по отношению к комментирующим текстам автора той или иной статьи, реально оба эти типа текстов функционально равноправны, так как в ряде случаев сами мемораты являются комментариями к предшествующим или следующим за ними авторским текстам и фактически являются их неотъемлемой частью.

Наличие нескольких комментариев и иллюстраций к одному и тому же факту объясняется как стремлением авторов словаря выявить все доступные нюансы и разночтения в трактовках того или иного явления носителями традиции, так и необходимостью отразить локальные разновидности описываемых явлений, что является одной из важных целей данного исследования. Тяжеловесность и не удобочитаемость текста, вызываемая подобным избытком диалектных цитат, является, с нашей точки зрения, необходимой платой за большую полновесность и объективированность описания. Впрочем, как и словари других типов, данное издание не рассчитано на «сплошное линейное прочтение», но предполагает прежде всего выборочное знакомство с интересующими читателя темами в удобной для него последовательности.

Для облегчения пользования словарем в каждой статье предусмотрен ссылочный аппарат, отсылающий к близким темам в других словарных статьях. С этой же целью в начале книги дан общий список словарных статей с указанием страниц. Каждый конкретный текст внутри словарной статьи сопровождается ссылкой, дающей возможность в случае необходимости получить подробную информацию об исполнителе и собирателе, месте записи (оно может отличаться от места рождения информанта) и ее нахождении в личных архивах собирателей. Ввиду того, что записи производились в разное время и на разные типы носителей (катушечные и компактные аудиокассеты, «ручная» запись и расшифровки аудиозаписей как в

тетради, так и в компьютерные банки данных), сноски несколько различаются по оформлению.

В большинстве случаев первым в сноске идет трехбуквенный шифр исполнителя (информанта) — по первым буквам фамилии, имени и отчества (например: ААД — Архипова Анна Дмитриевна). Полную информацию об исполнителе можно получить в специальном алфавитном указателе, прилагающемся к словарю. Далее, через запятую следует указание на место, к которому относится данное сообщение (ААД, д. Малеево); оно, как правило, совпадает с местом записи, но может относиться и к месту рождения информанта или другим местам его проживания. В тех случаях, когда шифры исполнителей совпадают (ААК — Аксёнова Анна Кирилловна, род. из д. Ухтино, прож. в д. Никоново и Антипова Александра Кузьминична, род. из д. Естошево, прож. в д. Пиньшино), их идентификация становится возможной только по месту рождения или записи (ААК, д. Ухтино и ААК, д. Естошево). Если запись велась одновременно от нескольких информантов в одном населенном пункте, его название обычно приводится только один раз после шифров исполнителей; в том же случае, если один и тот же факт подтверждался одновременно несколькими информантами из разных населенных пунктов, то после шифров исполнителей обычно каждый раз указывается место их рождения (МНИ, д. Мыс; МЛМ, д. Сальниково; СИС 21:63об.). Если описания тех или иных фактов у разных собирателей очень близки или совпадают, то в сноске сначала указывается источник приводимой в тексте записи, а затем могут следовать указания на ее дубликаты (КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:61; БАД, д. Иевлево; ССН 13:12). После названия места записи через точку с запятой идет шифр собирателя (МИА — Морозов Игорь Алексеевич; СИС — Слепцова Ирина Семеновна; ССН — Смольников Сергей Николаевич), номер полевой тетради в личном архиве собирателя и через двоеточие — листы в ней, на которых находятся приводимые записи. Поскольку многие расшифровки аудиозаписей 1994 — 1996 гг. напрямую вводились в компьютерный банк данных, то ссылки на них оформлены по описаниям фонограмм. Сначала следует шифр собирателя, номер полевой тетради, в которой содержится опись аудиокассеты, затем через двоеточие шифр фонограммы и порядковый номер данной конкретной записи в описи (например: МИА 24:Ф1994-11Волог. Оп. № 74; МИА 25:Ф1994-16Волог. Оп. № 99к). Индекс «к» возле номера описи указывает, что данная расшифровка содержится только в компьютерном банке данных. В квадратных скобках даются разъяснения или уточнения (со знаком =) авторов.

Морозов И. А.

ОЧЕРК ИСТОРИИ ЗАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО БЕЛОЗЕРЬЯ

Район Белого озера с древнейших времен был связан с этнической историей и культурой финно-угорских народов. В I тысячелетии н. э. в этом регионе обитала весь — одно из многих прибалтийско-финских племен. Основная территория расселения веси находилась к западу, юго-западу и югу от Белого озера. В северном Белозерье археологические памятники веси немногочисленны, большей частью они сосредоточены в нижнем и среднем течении Кемы и в Киснеме и относятся к первым векам II тысячелетия н. э.¹

На западе и северо-западе соседями веси были прибалтийско-финские племена карел, ижоры, води, еми. К северу и востоку от вепсов жили различные финноязычные племена, названные в летописи «заволоцкой чудью». Этническая принадлежность их до сих пор вызывает споры, хотя большинство исследователей склоняются к мысли, что это были прибалтийско-финские племена.²

С юга к землям веси примыкало еще одно финское племя меря, относящееся к поволжской группе финно-угорских народов, которое занимало район Верхней Волги. С ним весь поддерживала постоянную торговлю, и через него оказывалась связанной с государствами, расположенными на Великом Волжском пути.

Все эти племена оказали большее или меньшее влияние на формирование традиционной культуры Белозерья.

Освоение славянами Европейского Севера происходило в течение очень длительного периода, начиная с середины I тысячелетия н. э. К этому времени относятся первые славянские поселения, обнаруженные археологами к юго-западу от Белого озера. На северном и восточном берегах озера славяне появились позже — в X — XI вв.³ Археологами отмечено резкое увеличение числа памятников в этот период, которое, хотя и более медленно, продолжалось в XII — XIII вв., что несомненно отражает процесс колонизации и указывает на широкое проникновение населения извне.⁴

¹ Голубева Л.А. Весь и славяне на Белом озере. X — XIII века. М., 1973. С. 20, 27-28, 52, 56 и др.

² Историографию по этому вопросу см. Рябинин Е.А. К этнической истории Русского Севера (чудь заволочская и славяне) // Русский Север. К проблеме локальных групп. СПб., 1995. С. 13-42.

³ Башенькин А.Н. Новые аспекты славянского освоения Европейского Севера по археологическим источникам V-XIII вв. // Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского Севера. Вологда, 1992. С. 20; Макаров Н.А. Русский Север: таинственное средневековье. М., 1993. С. 18.

⁴ Макаров Н.А. Археологические данные о характере колонизации Русского Севера в X — XIII вв. // Советская археология, 1986, № 3. С. 69.

Природные особенности Европейского Севера, прежде всего огромные густые леса и непроходимые болота, и как следствие отсутствие сухопутных дорог, определили единственно возможный способ передвижения колонистов — по рекам и озерам. Благодаря своему географическому положению, Белозерье оказалось на перекрестье путей, ведущих из юго-западных и центральных земель государства в глубинные районы Севера. С юго-запада, из Новгородских земель основной маршрут проходил по Ладогге, Свири и Онежскому озеру. Далее пути расходились на север, восток и юго-восток. Последний путь пролегал от Онежского озера по Вытегре и Ковже до Белого озера. Верховья Вытегры, впадающей в Онежское озеро и Ковжи, впадающей в Белое озеро, соединял волок. Вытегорско-Ковжский путь существовал в X — XIII вв., но вероятно он был особенно оживленным в XI в., о чем свидетельствуют многочисленные археологические находки, среди которых немало привозных вещей, датируемых этим временем.¹

С центральными районами Ростово-Суздальской Руси, а затем Московского государства Белозерье связывала Шексна, относящаяся к Волжскому бассейну. Этот путь, вероятно, использовался финно-угорскими племенами Верхней Волги задолго до проникновения славян.

Далее из Белозерья можно было сравнительно легко попасть в бассейны трех крупнейших рек Севера — Онеги, Сухоны и Двины. Так, путь на Онегу начинался по Ухтомке, впадающей в Белое озеро, в озеро Волоцкое (Волокское) и через волок в озеро Долгое, из которого вытекает Ухтомица, затем в Модлону и озеро Воже, а затем уже по Свири в озеро Лача, дающее начало Онеге. Судя по археологическим материалам, эта водная дорога уже использовалась во второй половине IX — X вв. финно-угорским населением, а в XII в. можно уверенно говорить о появлении здесь и древнерусского населения.²

Путь на Сухону и верховья Двины проходил по Шексне, далее по ее левому притоку Славянке, озеру Никольскому, через Волок Славенский в Порозовицу, впадающую в Кубенское озеро. Этот маршрут был проложен славянами еще в начале XI в., но особенно оживленным он стал с середины XII в.³

Основная причина, которая заставляла пускаться в длительные, полные опасностей путешествия, заключалась в необходимости освоения новых промысловых районов. Известно, что важной статьёй русского экспорта (как Новгорода, так и Владимиро-Суздальской Руси) была пушнина. Именно в обмен на меха можно было получать драгоценные металлы, изделия восточных и запад-

¹ Макаров Н.А. Русский Север... С. 43.

² Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI-XIII веках. М., 1997. С.56-57.

³ Макаров Н.А. Русский Север... С. 45, 48.

ноевропейских ремесленников, а главное — западноевропейские денарии, бывшие основным средством обращения на Руси в XI в. Однако к рубежу I и II тысячелетия в центральных областях добыча пушнины значительно сократилась. Это обстоятельство дало толчок как к поиску новых угодий для собственного пушного промысла, так и для установления торговых и даннических отношений со своими северными и восточными соседями. Причем, вероятно, движение на Север было одновременно и стихийным, идущим снизу, и организованным государством. Без сомнения, колонистам приходилось в той или иной степени «оседать на землю», обзаводиться хозяйством, поскольку подвоз продовольствия из центральных районов государства был делом сложным и не всегда надежным.

Наиболее ранние поселения располагались по берегам Белого озера и крупных рек, где они образовывали иногда густое скопление. Площади земельных участков, пригодных для земледелия, были здесь сравнительно невелики. Остальные обширные незаселенные территории покрытые лесом использовались местным населением как охотничьи угодья. Природные условия определили оптимальный хозяйственный комплекс, в котором главную роль играли охота и рыбный промысел, а производящие отрасли хозяйства — земледелие и скотоводство, были подсобными.

На территории Вашкинского района наибольшая плотность археологических памятников фиксируется в низовьях и среднем течении Кемы: поселения располагались по обоим берегам от устья до д. Новосело.¹ Большое поселение также существовало в X — XI вв. на северном берегу Белого озера в Киснеме. Оно занимало площадь около десяти гектаров. Несмотря на еще недостаточную изученность, ясно, что это был крупный центр и возможно своеобразный соперник города Белоозера.² Население привлекали сюда богатейшие рыбные ловли: около Киснемы на каменистых отмелях находились нерестилища ценных пород рыб. Известно, что в XVI — XVII в. здесь были заповедные участки, улов с которых шел к царскому двору. Вероятно, и в более ранний период местные жители платили дань рыбой. Кроме того отдельные поселения зафиксированы в Киуе, Вашках, Мунье и в устье Ухтомы. У д. Волок возникло поселение, которое обслуживало волок между озерами Волоцкое и Долгое на пути к Сухоне.³

Показательно, что большая часть раннесредневековых поселений основана на местах существования памятников предшествующих эпох — кам-

¹ Макаров Н.А. Восточное Прионежье в экономической системе Древнерусского государства // Археологические источники об общественных отношениях эпохи средневековья. М., 1988. С. 139; Макаров Н.А. Русский Север... С. 90.

² Макаров Н.А. Русский Север... С. 86.

³ Макаров Н.А. Колонизация северных окраин... С. 50-57.

ня, бронзы и раннего железа. К вновь освоенным в X — XIII в. регионам относятся Киснема, Ухтома и участок в среднем течении Кемы у д. Новосело и с. Покровское. Такое размещение поселений свидетельствует о том, что в этот период продолжали эксплуатироваться «территории, наиболее пригодные для архаичного доземледельческого хозяйства».¹

В ключевых местах, где легче всего можно было контролировать передвижение, то есть в устьях рек и на волоках, создавались административные поселения. Такой поселок, например, существовал в XI в. в низовьях Кемы при слиянии ее с Ковжей на водной магистрали Обонежье — Белозерье. Характер археологического материала позволяет без сомнения связать его основание с Новгородом. В нем жили дружинники — представители администрации, которые контролировали весь вывоз пушнины из северных владений Новгорода и собирали пошлину. В 70-х годах XI в. этот поселок перестал существовать, так как вероятно таможенный пункт был перенесен к истоку Шексны в город Белоозеро.²

Следы двух древнерусских миграционных потоков прослеживаются в Белозерье очень рано. Вероятно, новгородская и ростово-суздальская колонизация проходили практически одновременно, можно говорить лишь об изменении удельного веса того или другого потока населения в определенный период. Так, в конце IX — третьей четверти X в. преобладающим оказалось движение с юга из бассейна Верхней Волги, заселенного мерей. Только небольшой компактный регион в низовьях Кемы был связан по происхождению с Новгородом. В конце X — первой четверти XII в. более массовой несомненно оказалась миграция из Новгородских земель. С середины XII в. вновь наблюдалось усиленное продвижение верхневолжского населения. Оно стало не только преобладающим элементом в Южном Белозерье, но и проникло далеко на север.³

Состав обоих потоков славянской колонизации очень сложен и не до конца изучен. Судя по многолетним исследованиям, основной массив славян-кривичей, населявших Новгородские земли, имеет западные корни и связан по происхождению со славянами, жившими на южном побережье Балтийского моря.⁴ Очевидно также, что в движении на Север наряду со славянами могли участвовать и отдельные группы местной «чуди».

Миграция из Волго-Окского междуречья включала в себя славянское население, связанное по происхождению с племенами Поднепровья и славянизир-

¹ Макаров Н.А. Восточное Прионежье... С. 126.

² Макаров Н.А. Русский Север... С. 76-78.

³ Макаров Н.А. Новгородская и Ростово-Суздальская колонизация в бассейнах озер Белое и Лача по археологическим данным // Советская археология, 1989, № 4. С. 101; Макаров Н.А. Русский Север... С. 162-165.

⁴ Янин В.Л. Новгородские берестяные грамоты // Российская археология, 1996, № 3. С.48.

рованное мерянское население Ростовской земли. Еще до начала славянской колонизации меряне хорошо знали водный путь по Шексне в Южное Белозерье и поддерживали с ним тесные торгово-экономические связи.

О древних и тесных контактах Белозерья с центральными районами свидетельствуют данные диалектологии. Среди севернорусских диалектов особо выделяются белозерские и вологодские, наиболее близко связанные с говорами владимирских и московских земель. Причем, распространение росто-во-суздальских, а в дальнейшем московских инноваций, вероятно, произошло в основном в период до XVII в.¹

Итак, в течение XI — XIII вв. полностью были освоены и заселены берега крупных озер и рек. Дальнейший рост населения, а также кризис промышленного хозяйства, вызванный истощением пушных ресурсов, привел к тому, что возникла необходимость в разработке земель во внутренних районах. Этот процесс шел очень быстро. В Белозерской округе, например, в X — XIII вв. насчитывалось около 60 деревень, а в XVI в., судя по письменным источникам, их было не менее 440.² Исходя из этих данных, можно заключить, что освоение территорий происходило в основном в течение XIV — XV вв. Причем на этом этапе оно носило принципиально иной характер. Если в предыдущую эпоху колонистов в первую очередь интересовали богатые промысловые угодья, то начиная с XIV в. благодаря изменению сельскохозяйственной технологии колонизация стала преимущественно земледельческой. Кроме того, после нашествия Батые в 1237-1238 годах из центральных районов произошел значительный вынужденный отлив крестьянского населения, которое стремилось вернуться к привычным занятиям и образу жизни.

В конце XVI — начале XVII вв. состав населения в Белозерье в основном стабилизировался. То небольшое количество починок, которые отмечены для этого времени, вероятно, основано местным населением и возникло в результате естественного прироста.³ В течение XVIII — XIX вв. каких-либо заметных изменений в составе и размещении населения не произошло.

Политическая история Северного Белозерья не богата яркими событиями, это была дальняя окраина, которой мало касались потрясения, происходившие в центре. С начала XIII в. эти земли входили в состав Ростовского княжества, а после гибели в 1238 г. ростовского князя Василька Кон-

¹ Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970. С. 288; Судаков Г.В. Лексические диалектизмы и диалектные объединения языка Московской Руси // Вопросы языкознания. 1985, № 5. С. 90.

² Макаров Н.А. Восточное Прионежье... С. 127.

³ Колесников П.А. Северная деревня в XV — первой половине XIX века. Вологда, 1976. С. 84.

стантиновича из его владений выделилось княжество Белозерское, князем которого стал его младший сын Глеб. В XIV в. Белозерское княжество дробится на несколько уделов, в том числе возникают Кемский с центром в селе Покровское и Ухтомский с центром в селе Ухтома.¹ Выгода обладания огромными северными областями прекрасно осознавалась и боярами Новгородской республики, и князьями Ростово-Суздальской и Московской Руси. Летописные источники свидетельствуют о частых военных конфликтах, происходивших за право видеть дань с тех или иных северных территорий, между этими двумя государственными образованиями. Положение особенно обострилось в конце XIV в., когда новгородцы предприняли карательный поход против строптивых двинцев, а также разорили северные волости московского князя, в том числе и Белоозеро. Лишь только с покорением Новгорода и присоединением его к Москве в 1477 году закончилось это противоборство.

До периода опричнины Ивана Грозного (т. е. до 60-х годов XVI в.) в Белозерском уезде² продолжали существовать целые гнезда мелких захудалых княжений, образовавшихся в результате деления уделов между наследниками. Так, например, Кемский удел принадлежал пяти владельцам. Несколько вотчин находилось по берегам реки Вашкицы и Вашкозеру. В Киснеме существовало и боярское землевладение, известны так называемые киснемские бояре.³

Дворцовое землевладение сосредоточивалось по берегу Белого озера в Киснеме и Липнике. В XVI — XVII вв. из этих мест поставляли рыбу к государеву столу. «И с тое Липниковские волости ямских денег не платити, и посошные службы с них не наряжати, и города им не делати. <...> А бити им царя и великого князя ез на усть реки Шексны у Белоозера. <...> А с того езу и с тоней давати им царю и великому князю оброку 10 осетров: 5

¹ Копанев А.И. История Землевладения Белозерского края в XV—XVI вв. М.-Л., 1951. С. 39; Кучкин В.А. Формирование княжеств Северо-Восточной Руси в послемонгольский период // Вопросы географии. Сб. 83. М., 1970. С. 107-108.

² Территория Белозерского уезда в XVII веке включала в себя Белозерский, Кирилловский и Череповецкий уезды XIX в., но с некоторыми отступлениями. Западная граница в основном остается без изменения. На севере древний уезд захватывал часть Вытегорского уезда Олонецкой губернии по реке Кеме до Кем-озера и по реке Ухте до озера Лача. На востоке в уезд не входила Чарондская округа. Южнее граница без изменения проходит с Вологодским уездом. И, наконец, южный клин Череповецкого уезда между Ярославской и Тверской губерниями в состав старинного Белозерского уезда не входил. Уезд делился на четыре стана, Вашкинский район составляет часть Заозерского, северного, стана. — Новосельский А.А. Служилое общество и землевладение на Белоозере после Смуты // Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 140-141.

³ Копанев А.И. Ук.соч. С. 157, 180.

осетров семерников вислых да 5 осетров пятерников вислых; да 150 стерлядей вислых <...> да пуд с четью икры осетрьи. А та рыба возити им к Москве в год на 2 срока половине осетров, стерлядей и икры на Ильин день, а другая половина осетров, и стерлядей и икры возити им в осень на Дмитриев день Селунского». ¹ С государевой дворцовой Киснемской волости оброку платили «просольные рыбы 33 бочки с третью бочкою: 16 бочек щучины, 17 бочек с третью бочкою судочины».²

В опричнину в этих районах вотчинное землевладение было полностью ликвидировано, а также упразднено всякое служилое землевладение. Почти все земли стали считаться черными или дворцовыми.

По окончании Смуты произошли резкие перемены в землевладении и общем строе управления. В 1613 — 1615 годах Московское правительство осуществило обширные раздачи земель в Белозерье служилым людям, в результате чего практически весь уезд, за исключением ранее сложившегося монастырского вотчинного землевладения, перешел в руки новых владельцев. Так, в 1612 — 1613 годах на черных волостях было посажено «более 500 владельцев очень пестрого состава и очень демократического происхождения».³ Из волостей, находящихся на территории современного Вашкинского района, помещикам были отданы следующие волости: Волоцкая, Шубачи, Киуй, Киснема, Муньга, Кянда, Кемская, Вашпан, с. Ильинское и др. Земли получили прежде всего те, кто в результате войны с Речью Посполитой потерял свои поместья в западных регионах государства. Новых землевладельцев по происхождению и прежнему месту жительства можно условно разделить на следующие группы.

Во-первых, это служилые люди, приписанные к городам западной окраины государства, которые или оказались захваченными поляками, или сильно пострадали от разорения. Прежде всего смоляне, лишившиеся поместий, но оставшиеся верными Московскому князю («были за ними поместья в Смоленске и теми де их поместьями владеют литовские люди»⁴), затем разорившиеся служилые люди из Можайска, Волока (Волоколамска), Вереи, Рузы, Звенигорода, Клина, Новгорода.

Во-вторых, наиболее преданная часть казачества, оставшегося под Москвой, а также государевы люди: кречетники, сокольники, ястребетни-

¹ Писцовая книга езовых дворцовых волостей и государевых оброчных угодий Белозерского уезда 1585 года / Под ред. А.Г.Манькова. М.-Л., 1984. С. 134-135. Ез — сооружение для ловли рыбы, представляющее собой запруду из вбитых поперек течения реки кольев, переплетенных ветками. В ней оставляются отверстия, которые прикрываются коническими корзинами. Осетр-пятерник длиной в пять пядей (90 см), семерник — семь пядей (126 см).

² Писцовая книга... С. 148-149.

³ Новосельский А.А. Ук. соч. С. 142.

⁴ Копанев А.И. Ук.соч. С. 73.

ки. Несколько позже испомещаются «сытного, кормового и хлебного двorca дворовые люди».

В-третьих, большое количество иноземцев: литва, немцы, «угрены», «волошеняне», нанятые на службу правительством.¹

Таким образом, в начале XVII в. практически все земли края стали принадлежать помещикам, за исключением некоторых сел и деревень по рекам Кеме и Ухтомке, в Вашках, Муньге, Киуе и Ярбозере, ранее приобретенных Кирилло-Белозерским, Покровским Суздальским, Троицким Усть-Шехонским монастырями.

Водворение новых владельцев на полученных землях происходило медленно. Многих пугала отдаленность уезда и связанные с этим трудности приезда на службу, других — необходимость и малолюдность края и сложность ведения хозяйства из-за длительных отлучек. Поэтому часть служилых людей не являлась в пожалованные поместья, а старалась каким-нибудь образом получить земли в центральных уездах. Правительство стремилось воспрепятствовать этому, издавая указы, в силу которых земли, оставляемые смолянами могли переходить тоже только к смолянам. Вероятно, все же большая часть служилых людей осела у себя в поместьях. Об этом свидетельствует ряд документов. Например, в 1615 году воеводой князем Лыковым была послана «отписка» Белозерскому воеводе Чихачеву об отправленном на Белоозеро сборщике, который должен был составить именной список «дворяном и детем боярским, Смоленском и иных розных городов, и атаманом и казаком, Белозерским помещиком», собрать их «со всею службою и с запасом» и ждать дальнейших распоряжений.² Спустя двадцать лет в 1635 году белозерский пушкарь Пинай Горбушин получил «память», по которой «ехать ему в Белозерский уезд в Заозерской стан в поместье и вотчины иноземцев; и приехав в Шубацкия волости в Черную, в поместье Андрея Радилова, и выслал яз при себе Андрея Радилова к Москве по государевой грамоте...». Тогда же Пинай Горбушин приезжал еще за помещиками Яковом Станицким и Тимофеем Клюковским.³ Вероятно, по поводу призыва на службу между властями и помещиками не раз возникали конфликты. В частности, в том же году жители Белоозерска «ста-

¹ Новосельский А.А. Ук.соч. С.142-143; Копанев А.А. История землевладения Белозерского края XV-XVI в. М.-Л., 1951. С.73.

² Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Изданы Археографическою комиссиею (далее — АЮБ). Т.3. Спб., 1857. С. 44-45.

³ АЮБ. Т.1. Спб., 1857. С. 526.

рого выезде иноземцы поместной Захарей Сломинский да кормовой Борис Сломинский» били челом царю на притеснение местных властей.¹

Любопытно сравнить исторические сведения с материалами ономастики. Вашкинский район выделяется большой концентрацией фамилий на *-ичев* (например, Паничев, Лукичев). Их количество превышает сто человек на тысячу, тогда как в других местах Вологодской области их бывает всего несколько человек на тысячу. Этот формант в XVIII в. был характерен для дворянских фамилий, причем вероятно распространение этой модели со стороны Белоруссии. Интересно, что те же самые фамилии встречаются в Верхнем Поочье, на стыке Тульской и Орловской областей.² Известно, что в этих местах в XVI-XVII вв. для защиты южных границ московское правительство поселяло служилых людей, многие из которых были выходцами из польско-литовского государства. Вполне вероятно, что в заселении как южных, так и северных земель участвовали представители родственных семей. Из этого же следует, что распространение фамилий на *-ичев* на территории Вашкинского района произошло в указанный период. Конечно, далеко не все жители, носящие сейчас такие фамилии, являются потомками переселенцев, их широкое распространение могло произойти в более позднее время, при отмене крепостного права. Хорошо известны случаи, когда крестьяне получали фамилию своего владельца.

Еще одной особенностью Вашкинского района является то, что абсолютное большинство жителей носят фамилии от канонических имен — от двух третей до трех четвертей всего населения, а местами и более (за исключением юго-восточного Ухтомского с/с). В других же районах такие фамилии фиксируются не более чем у четверти жителей. Видимо, заселение Вашкинского района происходило отлично от других районов области.³ Повышенная частотность фамилий от канонических имен встречается также в юго-западных районах области, и в новгородско-псковских землях.⁴ Это обстоятельство позволяет предположить существование миграций населения из этого региона. Своеобразие Ухтомского сельсовета, хорошо прослеживаемое по этнографическим материалам, находит свое подтверждение в истории заселения.

Слепцова И. С.

¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 3. Спб., 1842. С. 335, № 183.

² Никонов В.А. География фамилий. М., 1988. С. 45, 80-81.

³ Никонов В.А. География фамилий. С. 83.

⁴ Никонов В.А. География фамилий. С. 83.

ЯЗЫКОВЫЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОЛЬКЛОРНОГО ДИАЛЕКТА ВАШКИНСКОГО РАЙОНА

Состав словаря продиктован реальными материалами, которые оказались в распоряжении авторов после нескольких экспедиций (в 1990, 1994 и 1996 гг.) в Северное Белозерье. Эти материалы отражают сложные этнические и языковые взаимодействия, в результате которых сформировался довольно своеобразный этнографический облик этого края. В течение нескольких столетий Белозерье и бассейн реки Кемы, ограничивающей Вашкинский район с северо-запада, лежали на перекрестке оживленных торговых путей. Местное население издавна активно занималось торговлей, отхожими промыслами, лесосплавом, поэтому не удивительно, что местная традиция в целом отличается значительным городским влиянием, сказавшемся как на бытовом укладе (жилье, одежда, пища, взаимоотношения в семье, отношение к браку и т. п.), так и в особенностях календарных праздников, развлечений и игр. Значительное влияние на формирование культуры и мировоззрение населения восточного и северо-западного Белозерья оказало старообрядчество, а в более поздний период — бесконечный поток ссыльных и политкаторжан, в том числе иностранцев (поляков, финнов, литовцев, немцев).

Все это способствовало формированию календарного цикла городского типа, в котором почти не звучит тема столь популярных на Русском Севере праздников, как масленица (не отмеченная практически ничем, кроме катаний по деревне на лошадях), Пасха, Троица и Петров день, отмечавшиеся, как все годовые праздники, массовыми гуляниями, пением частушек и плясками «на кругу» («кадриль», «ланчик», «цыганочка»). При этом лишь изредка встречаются упоминания об остатках старинных обрядовых действ: «ломание веников» к Троице, обычай варить на этот праздник яйца в специальном «общинном» котле, бросание венков в реку на Иванов день. Мало были распространены пасхально-троицкие игры с яйцами, слабо представлено обрядовое печенье: кроме пасхального кулича выпекались небольшие лепешечки «фролы» на Фролов день, «тобольники» и «рогалики» — на все крупные праздники, а в некоторых местах был известен слегка «убашонный» свадебный каравай.

Уже в начале века практически во всех обследованных деревнях, расположенных вдоль рек Индоманка, Унжа и Кема, не были известны «долгие» хороводные и игровые песни. Распространенные в этих местах старые лирические песни (преимущественно общеизвестные — «Во субботу день неясный», «Последний nonешний денечек», «Лучше бы я девушкой у баюшки жила», «Скоро, скоро я уеду» и под.), часто со следами воздействия

городского жестокого романа, функционировали в качестве обрядовых: например, как сенокосно-жнивные, застольные, «некрутские». Вместе с тем вплоть до последнего десятилетия активно функционировала частушка самых разных видов: «страдания», «супостатки», «проходочные», «на задир», «под драку».

Довольно плохо сохранилась и традиционная свадьба. В большинстве мест даже старожилы (1905 — 1915 гг. рождения) видели старый свадебный обряд лишь 5 — 12-летними детьми, а сами женились и выходили замуж уже гражданским браком. Быстрому исчезновению традиционной свадьбы способствовали, видимо, существовавшие здесь издавна свадьбы «убёгом» и обычай похищения парнем предполагаемой невесты. Однако по воспоминаниям еще можно реконструировать наиболее важные составные части свадебного обряда, некоторые из которых довольно любопытны (например, хождение невесты «по соломатам» или «по дrochenам» накануне свадьбы, а также роль соломата как ритуального свадебного угощения и др.).

Наиболее полно сохранившейся частью народного календаря являются святки. Хотя в обследованной местности к 20-м годам XX в. уже почти вышел из бытования обычай колядования (наиболее распространенной разновидностью святочного обхода было «христославение»), эта лагуна компенсировалась обходами домов разнообразными «красивыми» ряжеными («кудесами»), приход которых сопровождался пляской под гармонь, под специальные частушки или «под язык». Припевки «под язык» являются не только голосовой имитацией музыкальных инструментов (балалайки и гармошки), но и сохраняют некоторые черты архаической сакральной речи и потому, несомненно, требуют тщательного изучения.

Среди «страшных» кудесов, приходивших на местные посиделки («беседы»), особо выделяются «покойник» и «медведь», вокруг которых могли разыгрываться целые спектакли. Во многих деревнях сохранились исполнявшиеся при этом старые приговоры и припевки («Умер покойник ни в среду, во вторник», «Медведущка, постой»). Сценки, разыгрывавшиеся «кудесами», отличаются значительным разнообразием: «выпекание блинов», «мельница с чертом», «кузница», «доение коровы», «шкуряние медведя» и др. На фоне полуразрушенной остаточной обрядности других календарных праздников подобная архаика кажется удивительной. Одним из объяснений этого парадокса может быть ярко выраженный «мужской» тип культуры обследованных деревень.

Последнее особенно очевидно в описаниях настоящих сражений, которые происходили во время престольных праздников между парнями из различных местностей, причем особой задиристостью и боевитостью сла-

вилось мужское население Мосеевского сельсовета (местность Индоман). Драки происходили без правил, очень жестоко, со многими архаическими чертами: игра гармонистов «на задир» и «под драку», напоминавшая призывные звуки боевой трубы; задирание атаманов («ломание» и «хорканье»), имевшее ярко выраженные «медвежьи» черты; организация и поведение мужских «шатий» и др.

К архаизмам можно отнести еще сохранившиеся во многих деревнях подблюдные песни, тексты которых помнят почти все люди старше шести десяти лет, хотя напеть могут уже очень немногие.

Поскольку, как уже было сказано выше, этнографические и фольклорные особенности диалекта неразрывно связаны с его языковыми чертами, необходимо хотя бы вкратце на них остановиться. По языковым особенностям население Северного Белозерья обычно относят к Белозерско-Бежецкой группе так называемых межзональных говоров северного наречия (к ним относятся также Онежская и Лачская группы)¹. По некоторым чертам говоры Белозерско-Бежецкой группы близки к Владимирско-Поволжским (например, по употреблению старых форм инфинитивов с суффиксом «-чи» у глаголов на задненёбный согласный: «пе(к)чи», «стеречи» и под.) или западно-русским говорам (употребление форм местоимений «ён», «ёна», «ёнё»), в частности, северо-западной их группе (употребление конструкций типа: «у меня воды принесено»). Причем Белозерская подгруппа по ряду особенностей сближается с окраинными западными ареалами языковых явлений Вологодской группы: например, по сходству ударенного и предупредительного вокализма после мягких согласных и по отсутствию согласных в окончаниях родительного падежа единственного числа прилагательных и местоимений («коо», «моо», «новоо»). Кроме того Белозерские говоры выделяются произношением окончания 2-го лица единственного числа возвратных глаголов -шша или -шшы («посмеёшша», «напугаешша», «гонобишша»)².

В говорах Вашкинского района привлекает внимание возможность замены интервокального «л» на билабиальный «в» («быва», «испытава», «повожива» — дд. Опрячкино, Аверино, Липин Бор), которое, как представляется, трудно объяснить обобщением аналогичного перехода в абсолютном конце слова и перед смычными согласными типа «быв», «гавка». Этот переход обычно объясняют наличием особого «европейского» (альвеолярного) смычно-проходного согласного «л» в северно-русских гово-

¹ Кузнецов П. С. Русская диалектология. М., 1973. С. 249, 258-259; Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970. С. 116-117; 120-122 и прилагаемая «Диалектологическая карта русского языка».

² Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение... С. 120-121.

рах. П. С. Кузнецов, при рассмотрении подобного рода переходов (например, «погост» > «повост» в Лаврентьевской летописи), считал это отражением общей «тенденции к ослаблению звонкого согласного в интервокальном положении»¹. Отметим, что билабиальный «в» в говорах Вашкинского района в большинстве случаев можно охарактеризовать как «слабо огубленный», в отличие, скажем, от соответствующего западнорусского или белорусского звука. Но степень огубленности в индивидуальном произношении сильно варьируется, что и отразилось в представленной в словаре транскрипции: при слабом огублении и наличии акустически ощутимого эффекта смычки звук передается через «в»; при достаточно сильном огублении и практически отсутствующей смычке — через «ў».

В качестве других характерных черт, встречающихся в речи старшего поколения, можно отметить более напряженный звук «й» («ј») в результате чего в ряде случаев (например, в конце основы, особенно перед задненёбными гласными) он приобретает «г»-образный призвук: «ночью» [пóč'ju] > «ночьгю» [пóč'g'u] (д. Зуево). Этот эффект достаточно последовательно отмечается в речи отдельных носителей диалекта, но в транскрипции в большинстве случаев не отражен. Нередки случаи употребления местоименных форм «ён», «ёна», «ёо», «ёвный». У отдельных носителей диалекта отмечается также нейтрализация «ч» и «ц» (уже, правда, непоследовательная) и закрытый «у»-образный «о», обозначенный в наших расшифровках как «ò». К лексическим особенностям можно отнести употребление формы «не знай» (дд. Никоново, Тимофеева Гора, Опряхкино, Село), которая встречается и в других местах Русского Севера в речи как северных русских, так и финно-угров (коми, вепсов, карелов, удмуртов). Отсутствие в данной предикативной форме грамматического признака рода и лица (т. е. , фактически — употребление ее в той же функции, что «нет») может быть результатом как внутрдиалектного развития, так и субстратного воздействия. Отметим, что подобная редукция конечного гласного наблюдается и в некоторых других формах: например, в числительных — «двой», «трой» (д. Панино).

Любопытную близость с говорами Лачской и Вологодской групп можно проследить по названию игры в прятки, образованному от глагола «сохучаться». Формы «усухутком», «в сухутки», «сохutelкой» распространены в Каргополье и известны на прилегающей территории Плесецколго, Коношского и Няндомского районов Архангельской области, а также на Мезени (в

¹ Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953. С. 165.

Юроне Лешуконского р-на).¹ В Вашкинском районе варианты названий для прятков от этого корня («сокучем», «охучек», «охуткой», «палочка-охучалочка») распространены только в зоне наиболее древнего заселения — на побережье Белого озера (Киснема, Кьянда) и по течению Кемы (дд. Покровское, Новосело). В качестве названия зимнего варианта прятков «охучи» были известны в Ивановском сельсовете (д. Зуево); в этой же местности глагол «(в)охучаться» употреблялся по отношению к действиям игроков в игре «в прятки» или «в галю» (дд. Малеево, Артово). Отметим, что диалектологические словари отмечают бытование глаголов «охучать», «охутить» и «охутать» в значении «прятать; спрятать», а также «охутиться», «окучаться» в значении «спрятаться; скрываться, прятаться» исключительно в пределах бывшей Олонецкой губернии (преимущественно в Каргополье),² хотя другие образования от этих глаголов и родственных им слов распространены на гораздо более обширной территории. При этом преобладающими у них являются значения покрыва, укрытия, оболочки, т. е. того, что укрывает, скрывает от холода или от глаз: «окута», «окутка», «окуточка» — в значении «одеяло, покрывало» (Яросл., Новгород., Псков., Костром., Волог. Кадник. и Тот., Олонец, Арханг. Беломор. и Шенкур., Нижегород., Пермск. и Сибир.) и в значении «одежда» (Новгород., Псков., Перм. Охан.). В верхнем Поволжье слово «окута» известно в значении «кожа или рогожа, служащие для укрытия товаров на возу» (Ярослав. Ростов.), а слово «окутка» — в значении «защита от холода» (Владимир. Шуйск.).

Кроме того в Пермской области у последнего слова встречается значение «пеленки», а в Кадуйском районе Вологодской области — «избушка, укрытие в лесу у староверов».³ Бытование этого слова в среде старообрядцев само по себе уже является симптоматическим и свидетельствует о том, что в данном случае мы скорее всего имеем дело с архаизмом. И действительно, притом, что в южнорусских говорах обсуждаемая группа слов в значениях «скрывать(ся), укрывать(ся), прятать(ся)» практически неизвестна, в Вяземском уезде Смоленской губернии отмечена форма «обхут» — «маленький, хорошо законопаченный дом».⁴ В говорах Селигеро-Торжковской группы и в прилегающих к ним говорах Псковской и Верхне-Днепровской групп распространены глаголы «обхутать» — «законопатить»

¹ Комягина Л.П. Лексический атлас Архангельской области. Архангельск, 1994. С. 128, карта № 94.

² Словарь русских народных говоров (далее: СРНГ). Вып. 25 (Отчурить — Перначок). Л., 1990. С. 55-56.

³ СРНГ. Вып. 25 (Отчурить — Перначок). Л., 1990. С. 177-179.

⁴ СРНГ. Вып. 22 (Обвивень — Одалбливать). Л., 1987. С. 262.

(Твер. Осташков.), т. е., собственно, «закрывать, скрыть от ветра и холода», и «охутываться» — «закутываться» (Смолен., Псков.).¹

Глагол «окутывать» употребим в русских говорах также в значении «затыкать, закрывать дымоход, печную трубу» (Рязан. и Ярослав. Любим.); ср. словообразовательно близкое ему слово «окут» — «печная вьюшка или ветошь для затыкания дымохода» (Твер. Бежецк.).² По-видимому, специфические значения «прятаться» и «играть в прятки», характерные для Лачской, Онежской, западной части Вологодской групп и Вашкинских говоров, развились у глаголов «охучаться» («сукучаться») и у близких к ним словоформ на основе общерусских семантических моделей, для которых характерна общая семантика «укрывания, покрывания, скрывания». В качестве еще одного образца семантического развития этого словообразовательного гнезда можно привести «окут», «окута» — «обманщик, мошенник, плут, вор» (Новгор. Белозер., Вологод., Костром., Перм., Твер., Рязан.), т. е. «гот, кто что-либо скрывает», и родственные им «окутывать» — «обмануть, надуть» (Вологод., Твер., Орлов.), «окутаться» — «обмануться, ошибиться» (Вологод., Твер.). В Вашкинском районе также известны употребления слов «сохутить» и «ухутить» в значении «спрятать, убрать с глаз» («Ухутят большухи из избы скоромное: ухутят — спрятают, оберут от нашоо брата, всё супрятают» — ААК, д. Естошево; СИС 26:34об.) или «украсть» («Дровни сохутили, туды укатали, на пролубь на реке» — ТАМ, д. Трифоново; ССН 8:73об.). Отражение этой семантики можно, очевидно, усмотреть в одном из местных названий пряток — «палочка-охучалочка» (ср. более широко распространенное название этой игры — «палочка-воровочка»). Близко к этому семантическому полю и значение слова «окута» в Гороховецком уезде Владимирской губернии — «ряженный» (т. е. «тот, кто скрывает свое истинное обличье»)³.

Остановимся теперь на зафиксированных в ходе полевых исследований отличительных признаках «фольклорного» диалекта, носителем которого является население Северного Белозерья. Необходимо подчеркнуть, что именно отдельные значимые детали (названия, атрибуты, действия), а не сложные культурные явления (например, свадебный или родинный обряд в целом), чаще всего дают наиболее достоверную картину культурных различий. Анализ наиболее ярких черт традиционной культуры позволяет выделить на обследованной местности несколько локальных зон. Скажем, колядование сохранялось вплоть до 30-х годов в прибрежных селениях, которые,

¹ СРНГ. Вып. 25 (Отчурить — Перначок). Л., 1990. С. 55; СРНГ. Вып. 22 (Обвивень — Одалб-ливать). Л., 1987. С. 262.

² СРНГ. Вып. 25 (Отчурить — Перначок). Л., 1990. С. 177-178.

³ СРНГ. Вып. 25 (Отчурить — Перначок). Л., 1990. С. 177-178.

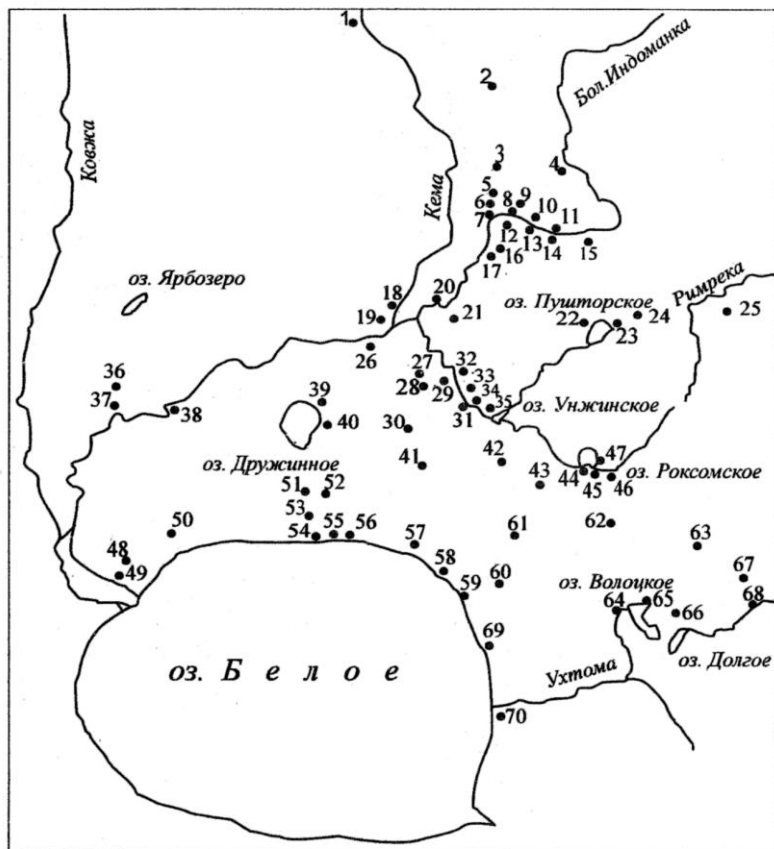
судя по данным заселения края, основаны еще в XII — XIII вв. В остальных местах уже в начале века существовало только «христораславие». Существенность этого локального различия подтверждается и другими фактами. Например, именно в прибрежных деревнях (в первую очередь в Киснеме) удалось записать традиционные свадебные причеты, именно здесь зафиксированы фрагменты скоморошин и старинные плясовые песни, в одной из которых упоминается река Торопа (протекавшая в бывшей новгородской вотчине — Бежецкой пятине, ныне — Тверская область). В Киснеме зафиксированы и наиболее старые разновидности подблюдных песен с рефреном «Слава!» и «Аллилуйя!» Первый рефрен был некогда связан с величанием хозяев и присутствующих при гадании девушек-невест¹, из второго произошли широко распространенные в восточных районах Вологодской области «Илеи». В прибрежных деревнях сохранилось также старое название коллективных пряток — «в былу» или «в булу». Близкие черты характерны и для деревень, расположенных в нижнем течении рек Кема и Индоман. Таким образом, зона наиболее древнего заселения продолжала сохранять некоторые существенные культурные особенности вплоть до первой трети нашего века.

Специфические черты характерны и для населения Вашкинского района, проживающего на территории от границы с Кирилловским районом вплоть до современных Вашек (с. Липин Бор). Именно здесь, к примеру, наиболее распространено ряжение «быком». Этот тип ряжения особенно характерен для Кирилловского, Белозерского, Бабаевского районов и для юго-востока Вологодской области — Никольский, Кичменгско-Городецкий районы. Любопытно, что в пределах Вологодского края ряжение «быком» тяготеет к зонам активного контакта с финно-угорским населением. Скажем, о нем вспоминают многие выходцы из бывшего Шалго-Кемского района, заселенного в прошлом преимущественно вепсами (в связи с проведением работ в зоне Беломорского канала район был упразднен, а жители большинства деревень расселены в соседние районы). Если учесть, что ряжение «быком» вообще довольно характерная черта Русского Севера (на юге и в центре России ему соответствовало ряжение «козой»), то ее вполне можно принять в качестве важного отличительного этнодиалектного признака.

Морозов И. А.

¹ Сахаров И.П. Песни русского народа. Т. 1. СПб., 1838. С. 47-48.

Карта-схема Северного Белозерья

- 1-Брянское, 2-Кропачёво, 3-Пужомзеро, 4-Речка, 5-Аверино, 6-Алёшино, 7-Зуево, 8-Малеёво, 9-Тимофеева Гора, 10-Ушаково, 11-Ларино, 12-Ивановская, 13-Мылтчино, 14-Трифаново, 15-Октябрьский, 16-Семёновская, 17-Матеевская, 18-Никоново, 19-Мосеево, 20-Большая Чаготма, 21-Остров, 22-Сапогово, 23-Филиппово, 24-Хойшково, 25-Новое (Новская), 26-Шугино, 27-Аниково, 28-Гавриловская, 29-Турзино, 30-Холмок, 31-Кононово, 32-Андреевская, 33-Мытник, 34-Давыдово, 35-Первомайский, 36-Калитино, 37-Покровское, 38-Новосело, 39-Пиксымово, 40-Росстань, 41-Тимино, 42-Ваномозеро, 43-Весёлая, 44-Мыс, 45-Никольская, 46-Сальниково, 47-Парфеново, 48-Паршино, 49-Берг, 50-Семёнтьёво, 51-Ивлево, 52-Слизово, 53-Москвино и Рогалево, 54-Тарасьево, 55-Монастырская, 56-Троицкое, 57-Задняя Слободка, 58-Вашки, 59-Липин Бор, 60-Липник, 61-Логиново, 62-Конёво, 63-Юрино, 64-Глухарёво, 65-Поповка и Пиньшино, 66-Таптосово, 67-Естошево, 68-Опрячкино, 69-Муньга, 70-Ухтома

АНЕКДОТЫ И БЫВАЛЬЩИНЫ

Среди традиционных развлечений, пользовавшихся равным успехом как в молодежной среде, так и среди взрослых, в первую очередь — мужчин, особо выделяется балагурство, искусство рассказывать озорные, веселые, иногда устрашающие истории: анекдоты, бывальщины, былички (см.), сказки. Люди, обладавшие даром балагурства пользовались особым почетом и уважением, неизменно собирая вокруг себя обширный круг благодарных слушателей. В Индомане вспоминают о бродячем сказочнике Александре Себастьяновиче, ходившем по деревням и зарабатывавшем себе на пропитание рассказыванием сказок. Репутацию искусных рассказчиков имели и нередко кочевавшие в этих местах цыгане. «У нас был Саша, он Себастьянович — инвалид (нога плохая). Сказки, сказки рассказывав. Ну, ёо визьде принимали хорошо. У нас дак по месяцу жив. Как где ночевáэт — тут пóвна изба мужиков. Самосаду накурят — только потолок не сожгёт! Цыгане где ночевают, сказки росказывают — тожо полный дом мужиков соберецца! Ранше ездили на лошадях, ночевали часто. Нынче нету. Нынче, видишь, на машинах ездят — ранше на лошадях. А нынче цыгане на машинах. Цыгане богаче нас всех. А правда!..» [ЛИМ, д. Шугино; МИА 23:51].

Несомненно, наибольшей популярностью пользовался такой лаконичный и предельно афористичный тип устного рассказа, как анекдот, с его парадоксальным взглядом на обыденность, повествованием о злоключениях незадачливого парня, простоватых девушек, глупой тещи и т. п.

[«Про тещу»] «Теща у зятя была в гостях. Он ее угощает, наливает один стакан чаю, другой, третий, приговаривает: “Пей, мамаша, пей, пока жопу не покажешь!” Ей уже не хочется пить, она думает, как бы зятю жопу показать, чтобы не при всех. При всех стыдно. Она ему говорит: “Не хочу, зятюшка, при всех-то, одному жопу покажу!” А надо было только чашку вверх дном перевернуть, у чашки “жопу” показать: не хочу пить больше!» [ЯОП, д. Сальниково; СИС 21:44об.].

«Соленые» анекдоты про тещу пользовались большим успехом в мужской компании. «Собрались две сватьи у своих детей в доме, а самих молодых дома не было. Мать молодой бегают по двору, хлопочет, а мать мужа лежит. Та ей говорит: “Что ж ты лежишь-то, ничего не делаешь?” Она отвечает: “Ты родня по п..., так и бегай везде, а я родня по х..., так лежу и не охаю!”» [ЯОП, д. Сальниково; СИС 21:44об.].

Среди старых анекдотических сюжетов, бытовавших в Вашкинском районе, можно отметить рассказ о парне, которого отец учил, что делать с женой в первую ночь. Такие истории, имеющие насмешливо-назидательный характер, явно рассчитаны на молодежную аудиторию.

[«Ищи в шерсти!»] «Парень женился, а не знал, что к чему. Отец ему говорит: “Ищи в шерсти”. Легли спать на палати, а там стоял короб с шерстью. Вот парень всю ночь в шерсти и рылся. Утром отцу говорит: “Тятя, я всю шерсть перебрал, а ничего не нашёл!” Это на самом деле было» [ЯОП, д. Сальниково; СИС 21:44об.].

К тому же типу относятся анекдоты о женитьбе глупого парня или засидевшейся девушки. «Девка красивая-красивая была, а никак замуж не выходит, а так всем нравилась на деревне. Вот всем надо высватать и всё, а никак не выходит она замуж. Вот один парень (уш любил её) и пошов к ей туда. Нарядилсе старухой, пришёл: “Матушка, пусти ты меня ночевать”. А у ней только матка умерла. “Ой, бабушка, милая, ночевай, ночевай! Я очень рада, што ты пришла ко мне”. Она на печку забралась эта “бабка”, а она пошла обряжацца. Обрядила всю скотину, потом само(в)ар поставила, чай поставила: “Бабушка, слезай чай пить, хоть вместо мамушки со мной чай попьёшь”. — “Ой, матушка, я не хочу”. — “Да давай садися, садися, попьём”. Вот она села за само(в)ар, штоб её не видно, што снаряжона. Ну, гоорит: “Ты жа это хорошая, красивая, чё же ты замуж-то не выходишь никак?” — “Ой, да бабушка, вышла бы замуж, да у меня хайжинка есь!” Хайжинка — недостаток там какой-то хайжинкой называлосе. “Да што у тебя, матушка, за такая за хайжинка?” — “Сказать смешно! Как уш, на м... бородаўка”. — “Ой, дак это дак ничё”. — “Давай, ложися со мной спать, баўшка, поспи со мной вместо мамушки”. Вот они легли спать. Она гоорит: “Што жо элак боишься-то?” — “Да, вот уш видишь вот какая хайжинка”. Он потрогал её: “Ой, да это, матушка, невелика хайжинка, вот у меня хайжинка мамушка!” Она потрогала: “Ну, дак баўшка, тогда же посылай ко мне сватов, я выйду, раз у тебя такая хайжинка, да и то вышла”. Парень пришёл домой: “Мама, поидем Машку сватать, согласиласе”. — “Ой, иди, да не за коо не выходит, а ты...” — “Поидем, согласиласе”. Вот так и вышла девка замуж» [СЕВ, д. Задняя Слободка; СИС 25:19-20].

Одним из самых популярных героев традиционных анекдотов, известным также по бытовым сказкам, был солдат с его невероятной смекалкой и находчивостью, способностью выходить сухим из воды. «Раз шел солдат. Заходит в одну деревню, видит мужика. Тот ему говорит, что: “У меня дочка помирает!” Солдат посмотрел: девица такая! Только с сердцем чего-то, а сама жива. “Ну, — говорит, — сейчас я ее этого, душу вставлю!..” Обделал ее — она и встала! Ну, мужик обрадовался, дал солдату денег и всего, наградил за то, что он дочь воскресил. Ну, солдат идет дальше. Заходит в деревню, а там старуха померла семидесяти годов. Ну, солдат идет, а они, значит, в очередь выстроились — подглянули, значит, когда солдат девку-то обделывал. Он им и говорит: “Чего здесь стоите-то?” — “Да вот, — говорят, — как ты один и справился? У нас старуха померла, всем селом е..., а никак душу не вставим!”» [РПФ, д. Аверино; ССН 8:31].

Известен был в вашкинских деревнях и сюжет близкой к анекдоту быт-вой сказки про то, как солдат сварил кашу из топора. «Ну, давно это, от стариков слышал. Соберуцца мужики и рассказывали. Солдата царь держал двадцать пять лет. Служили по двадцать пять лет — всё набегги были вот этих наших соседей, как их... Ну, а солдат чё? Двадцать пять лет отслужил там — и-и ничё не дали. Идет домой, значит, видит — валяэцце небольшой топор. “А дай-ко ёо возьму!” Ну, прихо(д)ит ночевать: “Баушка, как бы чайку да с чем-нибудь...” А она: “Ой, батюшко, у м(е)ня ничёо нету!” Ну, солдат и говорит: “А знаешь чёо? Давай топор сварим! Ты принеси хоть вот стоко-то крупки, сальца или меска́ и вот и хороший навар будёт!” Ну и старуха наносила — мясо полóжила, крупу полóжила, дак всё, всё, чёо надэ, воды налила да всё и ушла пока туда, к скотине. Она токо ушла, ак он топор вынёл, и в мешок полóжив, в лунёк. Вот с топора наварили суп. Он всё съел это, значит, и: “Баушка, как?” — “А топор-то где?” — “А, — говорит, — в супе разварилсе! — а он вынял топор-то. — А видишь какой хорошей суп-то из топора!” А он вынял всё. Он ёо там и не дёржал. Ак вот, вишь, как солдат-то...» [КНИ, д. Глухарёво; МИА 25:Ф1994-16Волог. Оп. № 97к].

Другие популярные герои народных сказок и анекдотов — цыган и цыганка, которые в вашкинских анекдотах порой предстают простоватыми и незадачливыми «пошехонцами».

[«Как цыганка у мужика яичек просила»]. Цыганка пришла в дом к мужику и просит: «“Дай чё-нибудь: еичок дай! — то, говорит, — Молочка дай!” А мужик один был. Он говорит: “Не знаю, — говорит, — есь ли молоко, — гоорит, — а еичок: лезь вон туды, вон там курицы кладуцца, под печку!” Ну, там раньше дрова клали, ухваты, у печки у русской-то. Одна выёмка — топить можно, а эта, ишь там — под всё это. Ну, как называли: “боров” и “свинья” выкладёно. Ну, вот: “Лезь туда, там яйца, — гоорит, — есте — там курицы несущца”. Ну, цыганка залезла туда, а он сам тут сзади пристроился и давай иё нахаливать. А цыган-то зашов, видит, што мужик-то стоит, это — ну и кричит цыган-то: “Вертухайся, не довайся, ломай ему е...ло-то!” Вот. А она-то: “Што я могу сделать, когда захомандричилось?” — ну, они заканчивают уже... Цыганка-то цыгану говорит, што: “Не кричи, я не виновата, когда захомандричила!” — по-ихнему, по-цыгански, “захомандричило” — половое сношение значит. А это слово я маленькой ишо слыхав, когда в балаганах были» [КНИ, д. Глухарёво; МИА 25:Ф1994-16Волог. Оп. № 98к; МИА 25:Ф1994-17Волог. Оп. № 1к].

В других случаях цыгане — воплощение самой невероятной изворотливости и находчивости.

[«Как цыган сам угостился и свою семью угостил»]. «Ну, вот зять приехал к теще, дак. А зять когда приезжает — там всё на свете нажарят, напярят, соломаты наделают, всево! Ну, теща вот всё наносила на стол. И цыган

появляецца как раз. Цыганы — оне специально по деревне ходят, а зять приехал, дак! Тык, где зять, дак, гоорит, (в) подворóтку [=подворотню]¹ лезь. Значит, пришов: “Го-о! Здравствуйте! — ну. — Со всем почтением, — там, — тес(т)ь, и теща, и...” И так договорилсе, што уш старик-то и говорит: “Садись, цыган-то, ешь!” Ну. А зять сидит, ну, гребает ложкой это — ес(т) потихоньку. А там лёхкоо есть, и печень, и всё. И мясо. “Ну, ты там, Стёпа (или Сеня, или там как ёо звали — я не знаю), мясо-то тоскай! А ты, цыган-то, цыган, хоть ты лёхкоо-то таскай!” А цыган и говорит: “Ничео, я и тежолоо вытащу!” А потом вдруг цыганка-то идёт, заходит цыганёнок и цыганка. А эт, ну, тесь с зятём, и тёшша, значит, и этово зятя, ёво жона — все родня сидят. Как цыган встал, говорит: “Гэй! — заматюкалсе тут, заорал. — И, куды вы пришли?” — тут все свои, видишь. Хватаэт каравай и кидает прямо йим пód ноги. Ну, вот. А те схватили да и убежали — йим это и надэ. А чё пód ноги-то — там чисто всё. Коровай (с)хватили — я токо видел! Сам наелся и этих накормил. Вот они какие!..» [КНИИ, д. Глухарёво; МИА 25:Ф1994-16Волог. Оп. № 99к].

Еще одна группа популярных сюжетов, активно использовавшихся в анекдотах и заветных сказках, — о попе и его жене, а также о попе и его работнике.

[«Как попадья с любовником попа провела»]. «Батюшка уехал своё владение вокруг объежжять: хлеба и там фермы какие эти у ёо там — скот и всё. “Матушка, я поехал!” Она говорит: “Поежжяй с Богом, поежжяй, батюшко!” Ну, он уехал. Попадья такой банкет устроила новому своёму ё...рю! А он прикрывался, этот мущина как брат. Как брат. И вот пришол-ты — одёжешка плохая, всё плохое — всё дала: плащ дала, кустюм, ботинки, рубашку, одела, и сидят. А батюшка всё нету — объежжяет владения. Свою землю и посевы, там ходют фермеры там, кони. Так, гыт, лошадь-то у попа раскололась [=очень тучная, упитанная]. Ну вот, приежжяет батюшко, а оне уже на полу лежат, не на кровати, а на полу. У матушки всё — подол на голове сшитай, этот уж тожо лёжит — чёво ёму! В стельку пьяные! От батюшко и говорит: “Вот што значит своё-то родное — рядом лёжит, и то не трогаэт!” — у матушки всё поднято, дак! Ну, а он, как потом соскочили тут всё: “Батюшко уш, прости! Чё-то с сестрой-то — сердечко”, — да там всё. Ну, причину стал находить. А потом он надёваёт кустюм, ботинки, рубашку и плащ — дала плащ. Ну и батюшка тут: “Матушка, плащ-то ведь вон какой! Ботинки тоже какие. Да, вишь, как у меня ведь это!” — ак эть у ёо, у попа-то тожо было: плащ такой, и всё. — “Ну, значит, брат-то, видимо, на службе на хорошей!” Ак эть у ёо ни один плащ быв — ну, точно там пачка

¹ Ср. пословицу «За зятем, так хоть в подворотню гнетись», то есть «за зятем хоть куда»; это мотивировалось тем, что зятя хоть где напойт и накормят [ЛЯД, с. Вашки; СИС 21:83].

моэт лежала. Он и: “Да, да, да, да-а!” — и удрал. А потом там уш — когда встречались...» [КНИ, д. Глухарёво; МИА 25:Ф1994-17Волог. Оп. № 2к].

[«Об Илье Григорьевиче и попадьё». Жил у нас раньше поп с попадьёй. «А Ильа Григорьевич у ёо как замолотчиком быў, это сушиў овины, пони-маашь, рожь. Да. Приходит утром-то рано, понимаеш сё, грит: “Батюшко, — грит, — я высушиў, — грит, — можно итти молотить”. Попадья выстала да и грит: “Ну, и сё, этот, Ильа Григорьевич, ты рано и ставаешь?” — “Ну, а е...я доўго не люблю...” — изматюкаўся да» [РПФ, д. Аверино; ССН 9:58]. Здесь Ильа Григорьевич — реальное лицо, хорошо известное рассказчику.

Как видно из этого примера, анекдоты в наших записях нередко пред-ставлены в виде бывальщин. Бывальщина — это рассказ-быль с установкой на достоверность, обычно повествующий об удивительном, необычном происшествии, анекдотичном случае. Как правило, бывальщина использует устойчивый сюжет (например, популярный анекдот, бытовую сказку, бы-личку), который связывается повествователем с реальными людьми и пред-ставляется как реальный факт. В ряде случаев бывальщина включает в себя анекдот или сказку в качестве одного из компонентов повествования. Таков, скажем, рассказ о Никите Угольском, с которым рассказчик, по его словам, был лично знаком.

[«Никита Угольской». «Забыў, как старика-то звать — Никита Уголь-ской! Он будёт: от Липника тут Угольская деревня есь, от Липина-то Бора тут недалеко, да. А старику-то уш годов восемьдесят, да. Привезли, а мне аппендицит делали операцию, понимаеш сё, я уш поправляться стал, ходить. А он ишо барскова происхожденья-то старик-то. Ну вот. Иду, грит, домой-то — от Череповца-то итти-то, в Белозерск-то! Там хуторов много было, понимаашь сё, ить сейчас-то эти хутора нарушились. Это хутора, как столыпинская система отрубáнова. Ну, грит, я зашеў в одну квартиру, по-просиўся: “Пустите, — грит, — меня к ночи!” А баба, старуха, да доцька есь, грит, понимаашь сё? Такая красивая! Ну ладно! Утром, грит, проснуёсе, при[няў], а деўка, ис(т)ь одна — ушли молотить, да. А, гыт, видеў, куда деўка спать-то ложиласе. Ну я, грит, пришёў, а — лежит! Лежит. Я, грит, забираўся, понимаашь сё? Ну ладно! Ну, я, грит, девцёнку уже изладиў уже, грит. Ёсё сделав над деушкой, да и опять лег спать. Да! А деўка пришла с молоценья-то да и заплакала. Ну, вот. “Я, — грит, — пришла...” Видеў? А я, — гит, — и не чую, как она пришла с молоценья-то. Я, гыт, выстаў: “Чё плачешь?” — ну, думаю, ладно, я тя наладиў сёдни! “Ой! — и говорит, — у нас баушка помёрла!” — “Где баушка-та?” — “А вон она кончае...!” Я, гит, мёртвую стаў! Вот это старик рассказаў. Ранше. Ишо пришли укол делать, эти медички-то там в больнице. А это-то и рассказаў. Девки так и укола не сделали, с хохотом убежали, понимаашь-от сё? Мы до тоо дохотали в палате, дак!» [РПФ, д. Аверино; ССН 9:57об.-58].

Бывальщины возникают в общем контексте разговора не случайно. Они являются закономерным продолжением рассуждений на определенную тему, яркой их иллюстрацией и нередко предваряют анекдот, быличку или заветную сказку. Так, например, рассказ об обычае садиться на пороге всем пришедшим в дом во время застолья органично соединяется в бывальщине с анекдотом о хитром цыгане: «На пороге запрещали сидеть. Такой обычай был. Говорят: “Зачем сел на порог-то, как нищий?” Нищие раньше ходили, придут, видите ли, за милостынькой, дак, видимо, стеснялись пройти, поэтому. Вот и садяцца на порог, пока не пригласят...» Другой рассказчик перебивает: «Слушайте, я расскажу историю! Вот Филя Данилов — Мани этой, Филиной, отец, отец-то. Пришел из лесу, сел ес(т)ь, — семья большая была, стол большой. Цыган с цыганёнком сидели [на пороге]. Он цыгана посадив есть: цыган тямца через весь стол. “Да, цыган, двинься ближе-то, тебе далёко доставать там!” — “Мне-то не далёко — вон парню далёко-то!” А парень на пороге сидев, да. “Мне-то, — говорит, — недалёко!” — за столом он, дак! А не дошло до мужика-га — мужик посадив и парня. Потом — осень ведь, знаэш, били скот, дак тут это жаркоё. Поддиваёт всё печёнку. “Ты, — говорит, — цыган, лёгкоё-то поддевай!” — “Да мне чё, и это ни тяжолоё!” Там печень и легкоё, дак печень и легкоё [надо есть], ак он больше печень. Ак только што как хозяин-то: “Ты, — гыть, — поддёвай лёгкоо-то!” — “Да мне и это ни тяжолоё!”» [ЛИМ, ЛАФ, д. Мосеево; МИА 23:50об.-51].

Анекдот нередко сочетается с забавными рассказами о повседневной жизни. Хорошей иллюстрацией плавного перехода такого рода рассказа в анекдот может послужить вспомненная одним из рассказчиков история, как кто-то из его односельчан ходил по нужде в городе. «Мужичок у нас в ватар [=ватерклозет] ходил. (Съ)ехали в Черёповец ли — кажецца, в Черёповец. Ну, ходили, ходили — ишо там жона была да ишо кто. “И мне, го(в)рит, надэ в ватар сходить. А, говорит, дед, хоть штаны катый — и всё! Я, говорит, заскочил в один дом, а там лес(т)ница идет. Я под лес(т)ницу. Только, говорит, ну, сходил — мужик (а из-под лесницы там ишо квартира была), а у ёо чё-то в руках было. Ка-ак мне, гов(о)рит, хрястнет! Дак ишо я, гвыт, увёрнулсе за косяк. Да бежать!..” А потом, который не знает тоже это — ну, этот ушел так, убежал — а потом, значит, [другой] мужик-то ходил-ходил, тоже захотелось. Ну, зашел куды-то тут в садик, где кустики, положил бумагу, газету ли чё ли, наворотил...» Жена рассказчика перебивает его: «Красный платок!» — «Это платок?» — «Да! — «Ну, давай сама росказывай!» Жена: «Да. Мужики-то гоорят: “Есле ты в город поедешь, то, значит, срать нельзя никуда!” Дак он туалета не мог найти, а в красный платок завернул и полóжил в карман. Пришел в магазин, зашел, а там очередь большая — повидлой торгуют. Вот и вешают повидлу все. И он стоял в очереди. Ну, и бабе свёшали килограм(м) повидлы и кто-то выгащил у неё эту повидлу. А она забегала по магазину.

Вот и говорят, штё, значит: “Вот у нево, в красном-то платке этот, всё!” А он и не знает, ростерялся, думает, ево обнаружили. Вобшом, говорит она: “Не-ет! Можот он съел — надо ведь свешать!” Свешали, а там на(в)эшали восемсот грам(м). Она гыт: “Нет! Мне надэ, шшобы килограм(м)!” Дак он рад уже тресёцца — за двести грам(м) уплатил деньгám. Приежаэт в деревню и говорит, што, вобшом: “Вот, мужики, [кому] надэ ехать в этот, в город, так надэ ходить срать по килограм(м)у. Я, — гыт, — насрал восемсот грам(м), дак за двести грам(м) уплатил деньгам!”» [КНИ, д. Глухарёво; МИА 25:Ф1994-16Волог. Оп. № 101к, 102к].

В ряде случаев установка бывальщины на достоверность приводила к тому, что самые анекдотичные ситуации преподносились рассказчиком как реальное событие и могли восприниматься слушающими всерьез. Таково пародийное описание обычая «ездить по соломатам» (см.). «Вот невеста приезжает с подружками и причетальщицей, она ездила, кто пригласит из родни. Невеста походит по полу, покланяется, а причетальщица причетает:

У рожонной-то у матушки
Было потыкано и помакано
Да о крайчик поколочено.
У кормильца-то у батюшка
Много висит да много лягается —
Сорок фунтов без веревочки.

Это всерьез пела, сама невеста придумала. Это значит, что: “У матушки” — невеста много олашек со сметаной съела, а “у батюшки” — много мяса висит вялится» [ПМД, д. Логиново; ПМП, д. Никольская; СИС 21:34].

Герой бывальщины — остроумный, находчивый человек, с честью выходящий из различных неожиданных ситуаций либо обладающий какими-нибудь другими выдающимися качествами.

[«Об отце — силаче»]. «[Отец] таков быў двухсердешный, дак восемнацати годоў девять пудоў куль соли этому Соловьёву (местный богач) на второй этаж выносиў мешок. Вот куль соли. Это были кули из рогожи — ну из льни-то вытканы, вроде вот, понимаашь. Вот он мог выносить, понимааш ты. Вот на паўке никто ево не мог в сельсовете перетягивать. Он жиў только пейсят четыре года. У ёво зоб быў большой. И ево признали враци в Ноўгороде во время войны вот этой гражданской, когда быў в Ноўгороде на камиссии, вот его признали двухсердешным. Дак вот моих на два кулака у ёо быў один. А мы-то удались вот в матку, у матки жопёнка быва с два кулачка. Ну вот мы в ёо!» [РПФ, д. Аверино; ССН 9:55об.].

Широко известны бывальщины о девушках, гадавших в овине или бане. Легко узнаваемое серьёзное начало былички (см.) завершалось неожиданно анекдотично, что и определяло занимательность интриги.

[«Как под овином гадали»]. «Она сперва работала в Липином Бору воспитателем в детском саду, это уже в эти годы-то всё. Ну вот, значит, они что: сошли три девушки, договорились. А робята, наверно, слышали, што... Значит, нао встать вот — овины сушат, понимаэш што? — ту(д)а под овин-то, к каменке, где огонь-то топищэ, туá. Наверху-то там снопы накладены. Ранше снопы жали, дак. Наа голой задницей, вытулить туа задницу. Вот если как потрогат в руковице за задницу, понимаэш, сё (а можот и за маточку схватят!) — знацит выйду за богатово замуж. Если как голой рукой захватят — знацит за беднова. А если лопатой, то знацит помру. Так вот эта деўка (там робята подслушали), а она вытулила жопу, а ей как лопатой дали! Понимаэш? А она и пала, понимаэш. А эти, деўки эти, больше и не пошли слушать. А эта деўка сийчас исё, каэцца, жива, не померла. А уш ей годов семисят, понимаэш, сё. Вот как было дело это. Это под овин ходили, понимаэш, сё» [РПФ, д. Аверино; ССН 9:56-56об.].

В устах другого рассказчика подобная история о святочных проделках парней по форме приближалась к быличке.

[«Почему страшно гадать»]. «Они [=девки] пошли — наа туг смелую тожо! — пошли в баню, в нетопленную баню пошли. Ну вот собралисе, што: “Какой жених?” Вот наа голой задницей туда высунуцца, во двери в баню. Вот одна высунулася. А там наа шаршавой рукой — эта за богатова, значит, выйдёт. А у другой — голой, эта — за бедново. А третья подошла, а дурацёк какой-то взяў лопату да хлесь ей по заднице-то! Она знай куда и вылетела! Да ладно, што ищё покойника не случилось! Вот как глядить-то!» [ИЕИ, д. Гавриловская; ССН 9:59об.].

Традиционный устойчивый сюжет, имеющий реальную привязку и мотивацию, отличает бывальщину от других жанров устной прозы. Характерный для бывальщин мотив, знакомый также по бытовым сказкам и анекдотам: хитрый гость обманывает простоватого хозяина — использовался в инсценировках святочных ряженных, потешающихся над хозяевами благодаря своей неузнанности (см. «Кудеса»). Сюжеты бывальщин и анекдотов могли разыгрываться кудесами на святочных игрищах и посиделках.

Смольников С.Н.

БАНИК

Баенник и баенница — демонологические персонажи, по представлению крестьян, хозяева бани. Поверья о баеннике связаны с почитанием бани как особого, сакрального места. Такое отношение к ней сохранялось у старшего поколения вплоть до последнего времени. «Вот кода из байны выходишь, байне нао спасибо гоорить, там што хозяину. Идёшь из байны, намылась и так и гооришь: “Спасиба тебе парная, неугарная. Тебе на стояньцо, а мне на здоровьцо!” И вот кажный раз нао оставить водички в баенке — никуда не выливай, штоб оставить» [СЕВ, д. Задняя Слободка;

СИС 25:18об.]. Иногда обращения к баеннику практически не отличались от обращений к домовому (см.). «В баенку иду, тожо просишь “хозяина”, “хозяйошку” помыцца. Ну, вот всё с Богом надо» [КУН, д. Задняя Слободка; СИС 25:15].

Отношение к баеннику связано с чувством повышенной опасности и страха. Этим продиктовано стремление любой ценой избежать непосредственного контакта с ним. Отсюда запрет мыться в бане после двенадцати часов, когда там появляется баенник. «Ну, вот ты [в баню] сойдёшь, а в двенадцать часов ночи ты уш не ходи. Вот тут — я помню хорошо — у нас байна была, а та суседка, грит: “Я сошла, — грит, — нао было розвисить пинжаки (знаэш, с озера пришли ребята)”. Дак она: “Как открыла, — грит, — а там мозцца на этом, на полке. Я, — го(в)орит, — закрыла, да унеси Господи!..” Он как челоек...» [СНН, д. Село; СИС 26:83]. Страх объясняется тем, что по отношению к человеку баенник, как правило, агрессивен. Этим он отличается, например, от подовинника, который и сам защищает овин от посягательств враждебных сил, и помогает в этом хозяину: «А вот один мужик подовин сушил — ну, рига, овин. Овин с этой стороны. И вот приходит — всё на у ёо там сушицца, уже подложил дров. Приходит мужик — сосед. Приходит с уздой: “Пошол, — там, — Иван, я пошол, лошадь наа привязать, да...” Ищё што с вечера, как. И: “Потом к тебе я зайду!” — “Ну, ладно, заходи”, — говорит. Тут доски были положены, дак лёг да лежит. Приходит. “Ну, привязал лошадь, всё”, — потом, значит. А там пазушины, где тепло-то й от каменки идёт туды, сушить-то, в сушильное помещэние. Ак такоэ там саниметров питнацца-двацца, штобы тепло туды шло, и там рожь или овёс там пшеница или чёо, дак штобы сохло. Вот этат кум, сосед, набрал пучёчик и поджигает [тут], а мужык-то сторож, сосед-та, как ёо овин-то, говорит: “Чёо ты, — это, значит, — делаэш-то?” А до этово тогда, когда кум ушов, вышел это, овинник, подовинник-то: “Это, — гооит, — к тебе ни кум приходив, ни кум приходив, а баенник, с бани. Ак ты вот кали две клюхи, принеси ищо клюху. Одну клюху эту в каменку-ту [ни] положь”. Ну, кум-о этот и пришов, да начал соломку да поджигать. “Да ты чё делаэш-то? Ить солому поджигаешь!” А подовинник-то ему предупредил, што: “Две-то клюки накали, дак одной-то (он черной, а я дымчатой), — как у фрицов вот были кителя мышинново цвета, — дак ты, — гвоит, — если он чёрной, дак ты ево и поджигай этой клюхой-то, а то нам с тобой ни одолеть, он нас сильнее!” Подовинник-то сказал. И вот. А потом он ухватил прядку да хотел ищо. Мужык-то выхватил эту, клюху-то, а одна ищо там калицца, красная. И давай водить йему в рыло да везде. А подовинник йиво тожо, значит. И вот выскочил и удрал. “Вот, — говорит, — а если, — говорит, — бы я тебе ни предупредил? Вот

какой кум-то к тебе приходил!” Вот как бывает-то...» [КНИ, д. Глухарев; МИА 23:109об.-111].

Баенница, согласно народным представлениям, связана с родильной обрядностью. Былички не только указывают на эту связь, но и отмечают характерную внешнюю особенность баенницы — одноглазость. «Банник есть. Вот у нас, ну, в нашей деревне, знацит, ранше как рожонка родит робёноцька, эту рожонку ў байну. Утопляют баню, и рожонку вот с робёноцьком ў байну. Там живет неделю, можот и не неделю прожить. Там всё к ней ходят, носят еду в эту байну этой рожонке. Вот один раз, говорят, случай. Вот пришла одна — тут принесла ей чо мо(жо)т в баню. А грят, одной нельзя быть этой, котораа родит — рожонка — в бане, штобы одной нельзя. А это, котора к ней пришла, грит: “Я за водичкой схожу на реку”. Которая пришла-то к ей. А грит, ты, грит, клади ноги в крес(т). Этой рожонке грит: “Ноги в крес клади”. Нога на ногу, штобы крес быв. Вот она ушла, вдруг глаза, грит, открываю: стоит женьщина передо мной, во лбу один глаз, большу-у-шшой глаз, и грит: “Женщина, скинь ногу, скинь ногу!” Это штобы креста не было. Она бы к ей подошла, моот чо бы в ей сделалось. А раз крес положён — ей нельзя. “Я, — гит, — со мной, — гит, — худо сделалось. Из памяти меня вычи[кнуло]”. Дак потом, гэт, сразу эта и пришла женщина, котора ушла за водой-то. Вот каки, вишь, случай... А кто? Тут нецистый дух быў уш. Баенница, этот, баенница: один глаз во лбу. “Свитёт, один, — гит, — большой глаз. Со мной, — гит, — худо и зделалось!”» [ААИ, с. Липин Бор; ССН 9:21].

Смольников С. Н.

БЕСЕДЫ

Беседы играли очень важную роль в жизни деревенской молодежи, являясь тем местом, где происходило знакомство молодых людей и складывание потенциальных брачных пар, усвоение норм поведения и традиционного игрового, песенного, танцевального репертуара, представлений об окружающем мире и т. п. Для этой формы времяпровождения молодёжи характерно сочетание труда и развлечений.

Начало молодежных собраний в избах определялось сроками окончания полевых работ и подготовкой льна (кудели) для прядения. Первая в сезоне беседа обычно устраивалась в одно из воскресений октября или ноября, реже — приурочивалась к крупному местному празднику (Казанская — д. Мосеево; Кузьмин день — д. Филиппово; Михайлов день — д. Макино; Филипповское заговенье — дд. Весёлая, Опрячкино; Николин день — д. Новая Деревня). Нередко ее собирали и в любой будничный день, сразу по окончанию сезона полевых работ. Праздничные и будничные беседы различались по

составу развлечений и по названию: «О праздника, ковды празники — это называлисе игришшо. Это уш игришшо дак о празник большой: “Ой, сённи, там, гли, игришшо-то какоо большоэ!”». Тут наберёще народу много, дак пляшут русскоо, пляшут да ланцика, пляшут да — на больших игришшах. А это как вот ковды што одне свои только гуляют, дак: “Сённи биседа-та вот там у старухи-то”...» [ОУА, д. Опрячкино; СИС 26:51об.].

В зависимости от количества девушек и их возраста в деревне могло быть две или три беседы. «Дак у нас, видишь, девочки были маленькие, только начинали которые ходить пряс(т)ь. Потом — четырнадцать-двенадцать лет, это вторая была. А третья — уж на выходе» [ЗПЕ, д. Парфеново; МИА 23:20об.]. «Вот у нас было три ровни: брат с сестрой вот старшиэ ходили на одну ровню, потом вот втораа сестра ходила ишо ровня была, а я уш ходила как на последнюю ровню, на биседы, ну» [ЗЕД, с. Ухтома; СИС 24:37об.]. «Две беседы в деревне было: на младшую ходили с тринадцати лет, на старшую — с шестнадцати» [ЯАА, д. Веселая; СИС 21:6]. Младшим, подросткам, не всегда удавалось получить в свое распоряжение избу, иногда им приходилось довольствоваться баней. Устройство вашкинских посиделок в бане — несомненно архаическая черта, уже к 20-м годам нашего века отмечавшаяся только в самых глухих уголках Русского Севера.

Переход с младшей беседы на старшую происходил постепенно. Сначала маленькие только иногда забегали к старшим в качестве зрительниц, а потом и усаживались где-нибудь в уголке с работой. Определенной возрастной границы при этом не существовало, все зависело от конкретных обстоятельств. Обычно на большую беседу ходили с того возраста, «с какова пустят. С какова бедных пустят, дак мы посидим у больших-то у девок, старше-то нас которые намного, за плечам. Робята найдут как чужие-то, дак мы и убегаам домой. Вот как. А у девок за спиной вот посидим, штобы ни показацца. Кто в суконнике, кто в одной юбке, кто в чём, дак это стыдно показацца. И-и только двери шшовка́ли — домой! Вот, батюшко, кака(а) жисть наша была!» [ЕГП, д. Гавриловская; МИА 25:36].

Старшие, особенно парни, также могли заходить на младшую беседу, но для того, чтобы подразнить и попугать девочек. «Парни старшие придут к младшим: “Девки, мы сейчас вам титьки шшупать будем!” Те завизжат, убегут, а они щелчков [=узлов] в кужели наделают» [ИАН, д. Малая Чаготма; СИС 22:63об.].

Обычно беседу проводили по очереди в каждом доме, где были девушки. «Биседы по очерёду. Вот севодня, например, у меня, а завтра у другова. Вот так вот ниделю и ходят. Там сколько там девок. Это девкам всё скоплялись, ходили» [КАД, д. Москвино; ССН 9:94об.-95].

Девушка-хозяйка должна была устроить всё для приёма гостей: «Лучины нашшыпаю — мой вечер, дак. Только засвичаю да во свитильно кладу» [ВЕФ, д. Малая Чаготма; СИС 22:48]. Кроме того она убирала избу, приносила воду и т. п. Если же принять подруг не было возможности, то приходилось нанимать («кортомить»)

избу, в этом случае все расходы несла та, чей черёд был проводить беседу. «Из других дере(в)ён ходили, деўки-то ходили на святки гулять. Дак вот и в чужизе дереўни, там станет она вечер отводить, цья оцередь подошла, надо в ту дереўню ийти уш, там уш пляска. А кортомили мало, о святках так ходили больше по оцере-ди вот так, по оцере-ди. А это вот какиэ праздники — вот топерь вот Михайлов день подойдёт — на Михайлов день поряжали. Раньше знаэш там эть хороший хозяин не пустит игришша. Што игришшо розрешит тут плясать! Бедной тожо, какиэ побидняэ, дак пирогаў там возьмёт. Ну, сколько там хозяйка попросит — пирог ли два ли, дак вот пирогами отдавали» [ОУА, д. Опрячкино; СИС 26:73об.].

Иногда молодежь кортомила избу на всю зиму. Тогда обязанности распреде-лялись следующим образом: парни обеспечивали обогрев и освещение, привози-ли по возу дров и покупали по очереди керосин, а девушки приносили хозяевам пироги или зерно и мыли пол, иногда также отработывали летом на жатве. «Бесе-ду-то раньше выкортомили на всю зиму. От девушки, дак выкортомим на всю зиму, што определённo место. А сплясать охота — а уж не пляшут, а все прядут. А как сплясать охота, дак соберут робята деньги. Ну, как деньги робята — хозяй-ка сколько скажот, что сколько надо денег, ак робята соберут: “Ну, тут пляшите до утра, сколько хочите!”» [ГАВ, д. Курулёво; МИА 25:45].

Повсеместно занимали избу на святки и другие большие праздники. В 20-30-е годы в Вашкинском районе существовал обычай устраивать на большие праздники званные вечера, по происхождению связанные с тради-ционными гощениями (см. «Престольные и заветные праздники»). Эти ве-чера также назывались «беседами», но в отличие от обычных бесед, на ко-торые ходили по желанию, на них рассылались приглашения. «Это как би-седы, вот ковда афиши-то писали [=приглашения на беседы], так это в праздник вот так вот, ковды Егорий быв да, дивятово дикабря — он в чис-лах бываит. Так тут афиши-то все и разошлём [в другие деревни]. То нам пришлнот, так ходили» [МНИ, д. Мыс; СИС 21:59].

Девушки составляли постоянное ядро беседы, парни же могли приходиться и уходить — иногда за вечер они обходили все окрестные деревни. «Девки ходили только на свои беседы, а парни со всего сельсовета» [МДП, д. Логиново; СИС 21:28]. Причем в вашкинских деревнях парни, в отличие от девушек, на беседах не работали, а только развлекались: устраивали соревнования на ловкость и силу, играли в карты, заигрывали с девушками или подшучивали над ними и, наконец, плясали и пели под гармонь. «К нам всё индомана ходили. Приходят, снег шап-кой обметут с валенок: “Здравствуйте, девушки! Заждались?” — “Да нисколько и не думали!” Парни на пол усядутся и тянутся на руках, или по одному, или пар-рой» [ИАН, д. Малая Чаготма; СИС 22:63]. «Робята блажили всяко. Девки-то пряли — недосут было. Придешь с беседы, дак штобы пряжа принёсена была! А парни играют (“шубы”-то эти “шьют” [см. «Шубу шить»]) да блажат. Ишо и, знаэш, девчонка есь и глупая, иная есь и гуляшшая с каким парнем. А какая (э)ть

и ни гуляшшаа, а парень какой гуляшшой. Как муж да жона гуляли некоторые. Это с биседы укатят! Укатят, уведут, уведут...» [МАЯ, д. Мытник; МИА 25:12об.]. Конечно, коротать вечер было веселее в присутствии парней, поэтому, если они задерживались, применяли нехитрые магические приёмы — кричали в печную трубу: “Робята, идите сюда!” — или мели мусор в передний угол [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:79].

Единственным временем, когда девушки могли посещать беседы в других деревнях, были святки и следующий за ними мясоед. Тогда они ездили «перегациваться» по родне, т. е., пожив какое-то время у родных в одной деревне, переезжали в другую, третью, а затем возвращались домой, захватив с собой незамужних родственниц из этих семейств. Так иногда продолжалось по два месяца. Этот обычай расширял круг потенциальных женихов и невест и помогал молодёжи выбрать себе пару по душе.

Начав ходить на взрослую беседу, каждая девушка довольно быстро обзаводилась постоянным кавалером. «Это так было: и посидят там, к другой перебегут. Посидят и просто так. Там у одной посидит, потом к другой: “Надо чё-то с тобой поговорить”. К другой сядет посидит. Там поговорят чово. То дак и можот и к третьей перейдёт ишо. С третьей поговорит» [КЕЕ, д. Слизово; ССН 9:81об.]. Присмотревшись ко всем беседницам, парень в конце-концов останавливал свой выбор на одной, с которой затем и проводил большую часть времени.

Иногда этот обычай использовался девушками, чтобы опорочить соперницу и выставить себя в лучшем виде. «У нас соберутся — значит вот, например, у меня собрались севодни вот. Все девушки садятся вот. Частушки, песни, и длинные песни старинные пели. Потом являються ребята. Ребята приходят, значит: сначала они там помнутся у порога, а потом подберут местечко, к девчонке садятся, к которой каждый вечер садятся. А иногда в шутку [девушка скажет]: “Ты севодня садись вон к той, — своему парню скажут, который к тебе садится, — посиди у той девчонки”. И вот начнешь песню петь там, а той девчонке стыдно будет. Я-то не хотела этово, подружка моя: “Ванюшка, иди, сядь к Маруське”. Она была худенькая, черненькая такая, тоненькая. Вообще в деревне, знаете, девки были одна другой здоровей, вот. Ну, вот и она запела:

Супостаточка моя,
Да милому хвалёная,
Девяти мылами моецца,
И то зеленая!

Тут вот мне неприятно было, што она вот это затеяла» [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:74об.-75].

В некоторых деревнях еще в 20-е годы сохранялся обычай сидеть у девушек на коленях, хотя чаще уже поступали наоборот. «Парень сажитца к деушке, и деушку сажитца на колени, котора гуляэт деушка с парнём, с этим дак сажитца. Ну

и так — не то, што гуляэт, а там на бисиди мало места: ранше знаэш как было народу-то? Ить наберёцца, дак нету места, дак там парень посадит: “Давай, садись ко мне на кол이니-то...” Которой как парень дак боевой, дак он обойдёт весь круг, посидит, а эть какой смиренный, дак и не к одной не подойдет. Хоть и деўки были бойкиэ. Што деўка бозвая, дак это обойдёт весь круг и с робятам посидит, а какая смиренная, дак сидит в углу» [ОУА, д. Опрячкино; СИС 26:52].

Наибольшим успехом пользовались красивые и богатые девушки, хорошие рукодельницы. «Ну боле напрядёт, дак это слаўтница. Эта ходко предёт, да и хорошо предёт — эта славутница» [ГАВ, д. Курулёво; МИА 25:44]. Хорошая репутация во многом определялась успехами в прядении. «Никола вот девятнадцатое этоо декабря, так вот это на Николу нао было, гоорят, штобы из сук вышла, напресть сорок пас(м). А не напредёшь — не знай, уш видно сука будешь» [ОУА, д. Опрячкино; СИС 26:52об.].

В с. Вашки, где ощущалось городское влияние, славутницами считались дочери учителей и священнослужителей. Место около пряхли у таких девушек никогда не пустовало — парни первыми приглашали их в игру и пляску, иногда не давая им передышки. «Ак чё? Вецер робята пропляшут, мы и скажом: “Робята! Дак — вот девки-то!” — “Пусть они сидят в углу-то, они не достойны плясать!” Не возьмут и всё. А другую дак ухоженую — надо сопрятатца, а што всё равно в коридоре найдут и выволокут, што: “Пошли плясать ланчика!” Одну таскают весь вечер, она рада хоть куды сопрятатца, а другие сидят так» [МАД, д. Москвино; ССН 9:105]. Это нередко мешало выполнить на беседе заданную матерью работу.

Для тех, кто «сидели так», существовали различные насмешливые прозвища. В дд. Малая Чаготма, Опрячкино о тех, кого не приглашали плясать, говорили: «Ой, сёдни пошла с седёлкой с беседы». Парню: «Ты сёдня порожняком едешь!» [ИАН, д. Малая Чаготма; СИС 22:64; ОУА, д. Опрячкино; СИС 26:52]. В д. Москвино «если плясать вот не спляшешь ни разу за вецер, дак говорили, што “сидёлку не стрясла”. Не стрясла седёлки. “Севодни была на беседе — седёлоцьки не стрясла”... Говорили тожо: “Сидит углы конопатит,” — никто не провёв плясать» [ЛАД, д. Москвино; ССН 9:92об.]. В д. Ларино так говорили о скромных, «невидных» девушках: «“Весь вечер угол проконопатит!” — это уж очень смиренная» [ММВ, д. Ларино; СИС 21:58].

Умение хорошо прясть было очень важно для деревенской девушки, поэтому неудивительно, что как само прядение, так и процесс обучения этому искусству сопровождались целым рядом магических приёмов. Например, смотав в клубок первые спряденные девочкой ниточки, бросали их в печь со словами: «Печка топись, клубочек гори!» — или ходили вокруг ступы, приговаривая: «Ступа да пест, научи меня прясть!» Это должно было помочь маленькой пряхе быстрее овладеть навыками прясть «гладенько» [БАД, д. Иевлево; ССН 13:6]. Считалось, что качество нитки определяет будущую жизнь пряхи: «Отглого, это, прядёшь, дак отлого и будешь жить.

Ну, худо с мужем будешь жить, дак вот так и жисть пройдёт. Отлого — дак это вертят худо, нитка-то она и слабая» [ЕНА, д. Новая Деревня; СИС 24:15об.].

Отпуская маленькую пряху на беседу, ей в шутку могли сказать такое напутствие:

Уж ты пряха моя,
Молодая моя!
Ты сиди, сиди преди,
Головёнкой не верти.

Дедко сделал веретно
Гладкое, точёное,
Чтоб прялося и вертелося,
А Кате спать не хотелося.
[ИАН, д. Малая Чаготма; СИС 22:61].

Или, желая ей побыстрее закончить работу, говорили: «Сколько птичушка на колышке сидит, столько бы тебе кужелёк опрясть» [ММФ, д. Кропачево; СИС 22:4].

Старшим же девушкам давалось определенное задание. Его без особого напряжения могла выполнить каждая взрослая пряха. Однако проплясав и проиграв весь вечер, девушки иногда не успевали справиться с работой и прибегали к разным уловкам, чтобы избежать упрёков и наказания. Например, потихоньку брали с собой веретёна с готовой пряжей и выдавали их за новые или обматывали веретено бумагой, тряпкой, а поверх навивали несколько рядов нитей.

Накануне праздника или воскресенья прядение заменялось вышиванием или вязанием. «Вот против воскресенья никогда не пряли. Ну, вот почему-то думаешь одна работа — или вязать, или вышивать, или чёо (тоже вить работа!) — это можно, это делали, а прясть, уж с прялками никогда не ходили» [АТК, д. Макино; СИС 23:31]. Кроме того никогда не пряли и на святках (см.), руководствуясь древними представлениями о том, что все, что происходит в это время, оказывает влияние на урожай, плодovitость скота и людей. «На святках престь нельзя: жать станём, дак рожь перепутаэцца — нельзя жать!» [ГАВ, д. Курулёво; МИА 25:43]. «В святки не пряли, какое-то страшное время» [МАИ, д. Устье; СИС 22:36]. Отсюда и поверье: «Прялки раньше были, кужли прели. Дак это нао кужель допрясть до Но(в)оо [года], а то черти поедут, так обоссат. Завтре будёт солоной, до Крешшенья. Дак черти поедут, так обоссат кужель» [ААК, д. Естошево; СИС 26:31об.].

Кроме запретов на прядение существовали ограничения и на веселье во время постов, а также накануне воскресенья или праздника. «Вот с Филиппова-то заговенья это пройдет и ходят [на беседы], а уш плясать тут не пляшут. Тут только одне вот ходят с прялочками — придут, прядут. Кавалеры приходят, там садяцца к барошням за прялочку, посидят, а плясать не плясали до Рождества. Это было грех видно. А ить песни пели — песни дак пели. Ну ить поиграть-то тожо розрешали, ну это моды у нас не было» [ОУА, д. Опрячкино; СИС 26:72об.]. «Тожо говорили, што грех плясать против праздника и против воскресенья. Против воскресенья тожо не бывало у нас. Было несколько гармошек в деревне: придут с гармоньей, когда

без гармонн, так поиграют, посмиюцца, а плясать не плясали! Если вот какую нибудь там песенку споют» [АТК, д. Макино; СИС 23:31].

На будничных беседах развлечения занимали немного времени и зачастую были связаны с самой работой (см. «Подшучивания и розыгрыши»). Инициаторами забав выступали парни, которым хотелось отвлечь девушек от работы и обратить их внимание на себя, поэтому эти забавы носили характер заигрывания и ухаживания, нередко в виде различных способов порчи девичьей работы. Наиболее распространенными были разнообразные манипуляции с куделью (ее мочили или поджигали, сыпали в неё сажу, соль или перец, и завязывали в ней узлы — «щелчки», «щелканы», скручивали её в толстые нитки и т. п.). «Как спичечку чирнут, дак кужель и загорелся. Загорицца, забегаим, гасить-то все холеры станут. Ой, у нас вить хорошо было то(г)да!» [МНИ, д. Мыс; СИС 21:59]. «А зажгут кужель да и горит. Чтобы не прятла. Там веть быв — это быв раньше и дружок, дак от сядёт рядом да штоб (в)ить говори с йим! А ить мне наа прятть, дак некогда разговари(в)ать. Так возмёт и зажгёт кужель. Тут уж забегаёшь: тушишь» [ЖВН, д. Ваномозеро; МИА 23:83]. «Ну это в редкость бывало, штобы кужель-то поджигали, но бывали случаи... Блажество, бывало, начнут, што: “Хватит тебе прятть, напряла много”, — начнут убирать. Ну, потом худово-то (в)сё равно ничево плохово не было» [АТК, д. Макино; СИС 23:30об.].

Поджигание кудели могло служить наказанием для девушки, чем-либо рассердившей парней. «Уйди с беседы, дак схватят кужель да. Схватят у девки, котору девку не любят они — там налит чово-нибудь, выругаёт ёво, чо-нибудь эдакое скажот. Ак он, девка пойдет домой с беседы, он кужоль оберёт да зажгёт» [ККС, с. Липин Бор; ССН 9:14]. «Кужель у прявки прядёшь, кужель прядёшь. А ежли ты ещё ничево, дак у тебя не зажгут, а вот ежли над этой смеюцца, дак этой цыркнут спицькой и сожгут. Она рёвом и заревит. Чёо ли бросят, да платком завернут, дак и затухнет» [МАД, д. Москвино; ССН 9:105].

В некоторых деревнях (Тимофеева Гора, Панино, Курулёво) поджигание кудели символизировало смерть (сожжение) свекровки. «Если кужелёк маленький, подождут: “У тебя свекровка померла!” — И сразу захлопают, потушат» [ЛАФ, д. Панино; СИС 23:1]. «Вот допрядаэт там небольшой кужелёк какая тамо-тко деушка, дак подойдут, луценку подождут, да подождут кужель, гоорят: “Свекровка у тебя умерла! Свекровка умираэт!” Ну, дак видно было, не нао было свекровок-то. Теперь:

Слава тебе, Господи,
Свекровка умерла!
Все мутовоцьки, квашоноцьки
Мне передала!»
[ОУА, д. Опрятчино; СИС 26:53об.].

«Охлопочек на сошкѣ у печки парни сожгут, девки ругаются: “Свекровка наперѣд жгите, потом свѣкра, а нет и сами загоритесь”. — “Как я у матки буду жечь?” — “А с нас матки пряжу спрашивают!”» [МФФ, д. Тимофеева Гора; СИС 22:23]. «“Свекровка горит — чѣо сидишь-то, предѣшь-то?” — [скажет парень]. В кужлю спичку поднесут, а (и) кужель запылаэт. Ну уш тут-то уш потом запретили» [ГАВ, д. Курулёво; МИА 25:44].

Реже этот тип подшучивания связывался с другой символикой, более характерной для центральных и восточных районов Вологодской области. «В кужель ткнут луцѣну да, штобы кужель загоревси. Только кужель подождут: “От сецяс вот Макарка мы у тебя сделаэм!” Подождут кужель да и всё» [ОУА, д. Опрячкино; СИС 26:53об.].

Иногда забаву со сжиганием кудели устраивали с согласия всех участниц посиделок. Парни собирали по маленькому клочку кудели и поджигали её в самоварной трубе. «А вот само(в)арная труба была, (д)ак навьют эдак кудель, туды напехают — опускали в трубу. У той, да у другой, да у всех. Много этъ — по двадцать пять штук собираюсе в одном месте! Ак хто чѣо может спатрашит. И трубу берут, и вот туды: там загуди-ит, загудит! И интересно ведь: куделя, ак она это дыму-то немного, от ей никакоо почти нету, а токо шчо звук такой интересный. Там вовнутрь, зажгут — и он в руках дѣржит за ручку, а там гудит уже!» [БДП, д. Мытчиково; МИА 24:Ф1994-9Волог. Оп. № 79].

Сожжение кудели могло использоваться и при гаданиях. «Мы уш большиэ были, с прявкам сидели на биседе-то, дак было шáли это. Большиэ кавалеры эти поджигали, да — “кружки” делали. Вот закатают кудели, вынут да. Шарик этот и зажгут. Да ишо приметы делали, што весь сгорит ли нет? Это как: “Куды это дым пойдѣт?” Куды, в какую деревню — дак туды невеста бу(д)эт» [ЕНА, д. Новая Деревня; СИС 24:16]. В д. Мосеево скатывали два клубочка, один — парню, другой — девушке, и поджигали. Чей клубочек раньше сгорал, тот должен был первым жениться или выйти замуж [ЛМФ, д. Мосеево; СИС 21:10].

Так же часто использовали и такой способ порчи кудели, как завязывание в ней узлов. Символика этого действия становится понятной при сопоставлении с теми смыслами, которые придавались узлу в народной культуре. Узел — это оберег от нечистой силы и прием в любовной магии. «Баловались тожо веть ребята-то. Уйдешь там, например (с парнѣм ведь уходили некоторые сидеть там, (в)этъ гуляли, как же, некоторые любили); ак уйдут, дак нашшовкáют ребята шшовчков этой девке, ак и не роспрясть потом и бороды — придѣще сколько кудели вытаскать!» При этом, чтобы сделать «шшовчок», делали на нитке петлю «в удавку». «Куделю захватит там, выташшыт немного, туды куделю сунет и тянет [чтобы затянуть узел]: “Шшовчки, шшовчков нашшовкали!” — Насыплют и золы, и всяко, и сажи [в кудель]. Котору девку вот, например, не любит, дак наделают, дак!... Просто это так, для смеху!» [БДП, д. Мытчиково; МИА

24:Ф1994-9Волог. Оп. № 78]. «А это тоже было. Шшолконы-то завернут да, петлю завернут из нитки. И от кужли выдернут [прядку] и туды зашурнут. Вот и всю бороду эту, с какой предёшь, усю на шшолканы складут. А ё потом пока не выдираешь этой бороды, тут всё со льнём, дак ни запристь будёт. Это было, ну не со всем(и) было, а такие девки были» [МАД, д. Москвино; ССН 9:105]. «Затянут нитку, там на куделе задёрнут — придёшь и прясть нельзя! Весь кужель зашшыплют. Хто убежит или оставит прявку — и наделают... Навредить, ну, чтобы она больше не пряла» [КАА, д. Трифоново; МИА 24:Ф1994-11Волог. Оп. № 61].

Подобным образом делали в кудели и «соски» — вытягивали из «бороды» несколько прядей и скручивали их в короткие толстые жгуты наподобие коровьих сосков, которые обильно смачивали водой. «Глупёли! Намóчат, да там это навертят, да навяжут этих — “соски”. Это в кудель, элакие “соски” водяныэ. Сколько тут выдергаэш этих “сосков-то”! Матка спросит: “Куды кужель-то девала? А?”» [ЕНА, д. Новая Деревня; СИС 24:17].

Оброненное девушкой веретено часто становилось предметом шуточного спора или борьбы с парнем. Обычно получить веретено обратно можно было поцеловав парня, поэтому те пускались на разные уловки, чтобы его заполучить. Чаще всего с этой целью делали «ло(в)ушку» — маленький крестик из двух лучинок (4-5 см) или такой же длины палочку, которые привязывали на нитку. «Сделан вот такой вот крестик на нитке, и вот бросят тебе на нитку, нитка сорвётся, и веретно у ево окажецца, ты и останешься так. Крестик ло(в)ушкой называли» [ВЕФ, д. Малая Чаготма; СИС 22:48]. «Ловили веретёна [парни]. Крестиком свяжошь — на нитку — две лучинки (в)от такие. Чуть побольше [чем спичка] — вот такие. И ло(в)ишь. Вот закидывашь — она, нитка, привязана на этот крестик. И вот ко(г)да нитку оттянет [из кудели] она, девушка-то, значит — ловишь нитку и дергаэш на себя. Если веретно вырвёшь, зна(чи)ть, на(д)а целовацца. [Целовались] при всех: там в шшкоу или как» [БНС, д. Пиньшино; МИА 23:33-33об.].

«Вот в мой возраст, вот ребят много у нас дома было, в Никонове, уй! У нас ребят не знай сколько было! Придут дак на беседы, дак это мы ишо не пускаэм, с прялкам придём, с прялкам. Дак они просяцца: “Деўки, пустите, деўки, пустите! Я дак сахару кусок принёс! А я гороху корман принёс!” — Заведут там присказывать всякие присказки, токо штобы пустили. А потом уж мы йих и пустим, так это сидим, придём. Дак у каждой прялки сидят и сделано: такая нитка и палка привязана, и имаэт веретно, имаэт это веретно у деўки, отхватываэт вот это от кужля, от бородки. А потом надо выкупить. “Давай, — говорит, — выкуп!” Я говорю: “А чё тебе выкуп надо?” Так иной ишо запросит, скажет: “Ну-ко, давай-ко, деушка, поцелуй! — говорит. — А нет, дак давай рядом посидим, дак!” Ведь это смех, прямо смех!» [ВВП, д. Никоново; СИС 23:43].

Впрочем, кавалеры не всегда обременяли себя изготовлением «ловушки». Соскучившись ждать, когда веретено упадет само, они выдергивали его

из руки девушки и требовали выкупа. «Ты прядёшь, а у тя выдернут да обертут, а ты у него молишься Богу... Смиюцца, штобы не прями, да што(б) плясать шли. Раньше вот это кадрель ходили да вот всяко ходили» [ЕНА, д. Новая Деревня; СИС 24:16]. «А вот прядёшь, прядёшь, нитку-то оттягивашь у прявки-то — кужель привязано тут у прявки-то — ак они и уберут. Сидят, сидят, да вздумают, да подошёл вырвав веретёшко дак понёс. Выкупить на(д)а веретно, вот, выкупят, и поцелующца» [ККС, с. Липин Бор; ССН 9:14].

Отношение к поцелуям при этом могло быть очень различным, от полного отрицания («Убей беда целовать парня!» — ЕЕЛ, д. Большая Чаготма; СИС 22:27об.), до полной лояльности и снисходительности, хотя целоваться с малознакомыми избегали. «Парни ўдили девок: “Давай девок ўдить!” Крючком на нитке веретена из рук выдергивали. Выкупи — поцелуй. “В шёду давай!” — если парень мало знаком. Если парень с девушкой мало сидит, она его не будет целовать» [ИАН, д. Малая Чаготма; СИС 22:63об.].

Как и во всех молодежных развлечениях, здесь большую роль играли личные симпатии и антипатии. В 30-е годы принятые при такого рода заигрывании нормы поведения уже нередко нарушались: девушка могла отказаться от поцелуя, иногда даже в грубой форме. «Вот она прядёт, а он возьмёт у ёй выхватит да. Скажот, што выкупи. Иная выкупит, а другая говорит: “Насеру! Не хочу выкупать. Хоть не отдай веретёшко, дак не нужно!” Подёржит веретёшко да как обратно пехнёт» [КЕЕ, д. Слизово; ССН 9:81об.].

Готовую пряжу, если парням попадало в руки веретено, оставленное без присмотра, они часто использовали, чтобы отомстить изменнице или наказать ту, которая отказывалась гулять с парнем. С этой целью пряжу спутывали или, напротив, разматывали и развешивали по деревьям и заборам. Разматывание пряжи могло расцениваться и как шутка, хотя и довольно суровая, так как нитки при этом запутывались, рвались, и девушка должна была дома выслушивать от матери попреки. «Уташшат это, веретно, да там размотают. Размотают где-нибудь — на огород размотают. Да вот если тут вот ес(т)ь огород на этой стороне — и на другой, через дорогу ес(т)ь — вот и замотают это место всё. Побежишь и запутаэшь» [ЖВН, д. Ваномозеро; МИА 23:33об.]. В дд. Паршино, Тарасьево эту шутку называли «телефон проводить». «Ребята эту, нитки размотают посреди улицы. И по деревне ростáск(и)вали — “телефон” такой делали. Нитки разматывают — и это уш “телефон” у них» [БЗМ, д. Тарасьево; МИА 25:78]. При этом начинали «вести телефон» от дома, где проходила беседа, через всю деревню к избе хозяйки украденного простня. «Телефоны надельвали: разматывали кудышку, простень во всю деревню. До твоей квартиры и проведут телефон — на огород, на угол повешают. Это какой по злобе, если не гуля(э)т. И вообще для шуток» [ПЕИ, д. Паршино; МИА 15:53]. В других местах (д. Москвино) эту шутку ассоциировали с протянутыми проводами — «струнами».

Пряжу мотали на огороды, а вот это напряли дак, оберут это вот — на верётна там прядут пряжу-то. Дак унесут из-за прявки, вон какой простень да большой да напряден ниток! Выйдут да всю деревню скобкам и замотают. У меня привяжут и к тебе проведут. Это струны проводили. Дак вот на проводили струны-то. Их всех и замотали» [МАД, д. Москвино; ССН 9:105].

Слепцова И. С.

БЛИНЫ ПЕКЧИ

Одна из самых распространенных сенок ряженных в Вашкинском районе. Ее первоначальная символика связана с обрядами поминовения умерших, которые часто приурочиваются к Рождеству и святкам (ср., например, «закливание Мороза» или обыкновение «греть родителей» в Центральной и Южной России).

В Вашкинском районе еще уцелели пародийно-шуточные формы этого обряда, близкие к магическим действиям в Рождественский сочельник с подбрасыванием зерна или каши и стимулирующие плодородие скота, здоровье и благополучие членов семьи. Скажем, в Троицком сельсовете «на биседы придут “блины печи”». Пеплю накладывают, воды нальют (в ведре на мешают воды да пеплю), где биседа, тут и в потолок! “Печи блины” будут, дак зола эта в потолок. Она такой поварёночкой: “Блины пекём! Блины пекём — а сами в потолок. Всё обрыжут! А на второй день идут этот дом мыть, где биседа. Да» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:61; БАД, д. Иевлево; ССН 13:12].

В большинстве же случаев этот обычай уже превратился в форму подшучивания над девушками, выступающую порой как разновидность святочного озорства парней. Основной смысл этих сенок в том, чтобы «девок измарать». «Такую шайку принесут, шайку, там чё накладывают, там всякой сажи, ско(в)ороду. Вот один нальёт, а другой — как подшолнёт вот эту ско(в)ороду снизу, палкой, дак, на людей это всё. “Блины пекёт, — говорили, — испёкся блин!” Вот как скажут, другой, этот шшелнёт и выльёт, на ко(в)о попадёт. Всё по сторонам, попадёт на девок. У иных платица хорошие обольёт. Дак уж о святках, пожалуй, и гонобилисе тако хорошее одевать» [ЛАФ, д. Панино, СИС 23:3]. «Пеплу намутят, дак вот этой поварёночкой “блины” и пекут, и выливают. Да еще подшибут под это место [бьет снизу по руке], дак и “блины” полетели кверху. А девки рёвом заревают, все в хороших платьях. А робята заругающа, што девок всех привозили [=измарали] в саже да в пеплу» [МАД, д. Москвино; ССН 9:97об.]. «Собираласе беседа — народу тыщ-тыщу, в крестьянской избе. Приходят “кудеса” называлисе, “с блинам”... Наведёно жидкоо глиняноо раствору — и начи-

нают “печь блины”. Тряпкой хлѣшшут коо попало — одни хлѣшшут тряпкой, а другие дверь держат, штобы девки ни выбежали. Всех подряд хлѣстали. По одежде хлѣшшут, по одежде: окунут тряпку в этот, в глиняной роствор и хлѣшшут. ... Ну, у них одето ведь было всё нежально это: если сами замарающа, ак ни жалко... Лицо открыто, мужики ходили, мужиков надо крепких» [ЛИМ, д. Шугино; МИА 23:43]. Аналогичные сценки были известны в дд. Никольская, Ларино, Мытник, Курулево, Тарасьево.

В некоторых случаях «печенье блинов» соединялось с другими представлениями кудесов, например с «мельницей» (см.). «Мы ходили на беседу вот в Семеновскую. Только все сокопляемся, а ребята, чудаки были, приходят, приносят жорноў (жорноў — вот раньше были), приносят уголья, чугунок. В этот жорноў опускают это уголья — мелют, мелют это уголья! А один ходит со сковородкой, поливает воды, эту сажу кладет на сковородку и “блины” бросает на сторону, на другую! А девки вижжат, а девки вижжат, дак! А мы не знали, што будут “блины”. У меня была белая кофта, ой! Милые! Дак она у меня стала всяким разным, петушкам! Валенки-то белые, только прячу под скамейку» [ВВП, д. Ивановская; СИС 23:41об.].

В д. Слизово «с блинами» приходили «старик» со «старухой». «”Блины пекли” вот так. Приходит “старик” да “старуха”. Одеты все по-старушечью и по-стариковски: юбка у “старухи” длиннаа (ранше были эти, холшовые, дак). Холшовая юбка была. Одета в какой-то саван, подвязано, все фартуки надеты холшовые — вся в холшовом. И у “старика” тожо обред: штаны эдакие холшовые надеты (нарошно эдак и одевающа)... Борода и всё — подделана была, привязано. Борода была у “старика”... А волоса — шапка была надета на голо(в)е, шапка. Старая-старая шапка одета... И вот “блины” несут ведро и несут там ковшик или чёо ли в ведре. Вот “старик” и говорит: “Старуха, а испики-ко мне блиноў! (В)от. А “старуха” размешаат этой, ковшиком ли там чем в ведре. Размешаат, почерпнёт, а и все сидят одетые, и как на народ и нацнёт вот так черпать — сажа намучёна-та, сажа. Токо вот так всех! Дак всех в саже-то замараёт! Ак все народ-от токо из угла в угол бегают. Дак токо из угла в угол. А “старуха” “пекёт блины”, а “старик” ходит заслед за “старухой”, “блины” дожидает. А “старуха” только ходит да в народ этим, ковшиком черпаат да поливаат... А “старик” только говорит, што: “Старуха, пеки блины! Старуха, пеки блины!” А “старуха” и гот(в)а печи эти, блины... Токо все рёвом ревили, бегали. Мы ишо вото такие были, ак и веть запомнено чёо? Токо бегали: как оне туда идут, дак все народ туды. Ак “старуха” опять повернёцца и туда опять начнёт поливать» [КАА, д. Слизово; МИА 25:69-69об.].

Иногда смысл сценки сводился к вымарыванию избы. «“Блины” приносили: натворят теста из глины, из песка, возьмут выльют на пол — вот тебе и “блины”» [ШТА, д. Мякишево; ССН 8:41; ЛМФ, д. Мосеево; СИС 21:10].

Морозов И. А.

БЫКА ПРОДАВАТЬ

Ряжение «быком» и сценки с его участием наиболее распространены на территории, прилегающей к Кирилловскому и Белозерскому районам, где «бык» — один из центральных персонажей святочного ряжения. Встречался этот персонаж и на побережье, в Киснеме. Основной смысл сценки — демонстрация достоинств «быка», его «продажа» и разделка его «туши» («шкура́ние»), нередко сопровождавшаяся демонстрацией обнаженной натуры. В этом смысле сценки с участием «быка» мало отличались от сценок с участием «медведя» (см.).

В деревнях Волоцкого и Муныгского с/с (Мыс, Пиньшино, Устье, Естошево) «быка» заводил «хозяин» на длинной веревке («тянут веревку, двери открыты»). Затем следовал торг с «покупателем», забивание «быка» и дележ шкуры. «Только этоо “быка” водили, где беседа, девичья беседа где есь. Вот поста(в)ят мужика раком, накинут на ёо шубу, на голо(в)у поста(в)ят кринку — кринки вот каменны́э [=глиняные] — привяжут верёвку гибкую. Дак вот этоо “быка” и тянут за верёвку. “Бык” ишо знай где, а двери отво́рят и вот этоо “быка” и ташша́т в избу. До чёо ёо доволокут — ковды-нековды приволокут этоо “быка”, среди полу поста(в)ят! [И вот продавали “быка”]. Там чё просят, не сойдуцца: “К такой матери, я лучше заколю! Не буду продавать!” Идёт “мясник” — наа “быка колоть!” Как по этой по кринке-то ша́рнет! Кринка-то розлетицца, все тут зареят-то, што (э́т уш знают, не бык приведён — челозк), а челозку-то ничё не сделаэцца, ша́рнут-то по кринке... Ну и вот шкурали это тут: шубу-то эту снимут, а — мужик голый! А ён станет, да уйдёт» [ААК, д. Естошево; СИС 26:24об.-25].

Очень близки по смыслу и сценки из других деревень. «Быка продавали. Один (“бык”) в шубе, второй ведет его на длинной веревке. Он Бог знает, где там идет, мычит. Избу специально выстудят. Один выходит с круга нашего, покупает, цену сбивает. А кто продает, нахваливает: “Хороший бык, племенной!” Потом сойдуцца в цене. Кто купил “быка”, по голове колотушкой [его] стукнет и тот падает (к голове как-то горшок приделан). Начинают его шкура́ть — расстегнут шубу, а там мужик голый в трусах. Мужик убежит, а шубу уберут» [МАФ, д. Устье; СИС 22:34]. «Быка тут приделывали — раз я видел — да у йих всё развалилось... На верёвках вдут, кольцо в нос вставили. А рванули, дак отпало всё, дак ушли да и всё... А рога приделывали, как у быка или там коровы. У стариков раньше были рога — откладывали. Они высохли, и всё...» [КНИ, д. Глухарёво; МИА 23:109].

Другой тип ряжения «быком» заключался в запугивании девушек и детей более или менее искусно сделанным чучелом быка, которое восприни-

малось как личина «черта» или «сатаны». «И ходили, привязаны этот, шкура сдёрнута да рогá — специально высушат и с рогами, всяко. Дак эти, небольшие, в обморок падúт! Ак ходили только в клуб, по избáм не ходили. [На беседу] не ходили, што ес(т)ь другой раз и на беседе подросточки или какие, ак до полусмерти напугающа — с рогам!» [ВВП, д. Никоново; СИС 24:1]. «Бык ходил — только пугал девок» [КАД, д. Панютино; СИС 25:42]. Появление этого персонажа в 30-е годы на Индомане и в Киснеме — явление явно позднее.

Интересно встречающееся в д. Сергеево противопоставление «быка» и «медведя». Здесь «бык», зайдя в избу, «буткал» привязанными к его голове коровьими рогами девушек, валял их в растоптанных по полу угольях. Потом появлялся «стрелок» и пулял в него горохом из деревянного ружья. «Бык» ревел и падал замертво. Когда в избу вваливался «медведь» и начинал свое озорство и шутки, бык «оживал» и дрался с ним [ПАЕ, д. Сергеево; МИА 15:47].

Слепцова И. С.

БЫЛИЧКИ

Среди активно бытовавших в повседневном и праздничном обиходе разновидностей народной устной несказочной прозы (см. «Анекдоты и бывальщины», «Предания», «Устные рассказы») особо выделяется быличка — оригинальный тип рассказа, в котором получили отражение народные представления о потусторонних силах, вмешивающихся в дела людей и решающих их судьбу. Динамичная и занимательная, нередко близкая по содержанию к сказке и анекдоту, а по достоверности и включенности в повседневность — к бывальщине, быличка пользовалась огромной популярностью в молодежной среде, например, как разновидность времяпровождения на беседах (см.) и игрищах, где многие сюжеты быличек разыгрывались ряжеными (см. «Кудеса»). Активно использовались былички для передачи традиционных представлений и знаний об окружающем мире, а также в «воспитательных» целях: для вразумления непослушных или ленивых детей и подростков и поощрения тех, кто старался (см. «Святки»).

Форму былички получала любая житейская история, осмысленная как следствие контакта с «нечистью». Неминуемое вмешательство «потусторонних блюстителей» могло быть вызвано как нарушением запретов и норм поведения (несоблюдение ритуала, работы или ругань в урочное время, самонадеянность и хвастовство, пренебрежение молитвой и оберегом, ношение креста и т. п.), так и вредительством (порча, сглаз, оговор). Например, девушку испортили потому, что: «Стрекóзка [=булавка] у тела носить

наа или крестик, крест носить. А она была некрешшо́наа. У меня пять девок и все некрешшонные... Стрекозка это хорошо от порчи хоть от чё. Он [=черт, нечистый] уш сталь не примет уш это ничёо. Была бы у ей эта крес(т) — не пристало бы ничёо» [ТАМ, д. Трифоново, ССН 9:39].

Последствия вмешательства нечистой силы, как правило, трудно исправимы. По мнению вашкинских старожилов, устранить их можно только при помощи специальных знаний: «“Ой! — говорят, — у Нюрки-то корову съеў воўк! Во́то у деревни у самой!” Ну дак чёо, ранше всё было — выпустишь, чёо ли скажешь, вот и потереецца. Надо человека искать, штобы знает. Сделает и найдёшь» [ККА, д. Кононово; ССН 9:80]. Быличка утверждает особую значимость «знающих людей», их большую роль в крестьянской жизни.

Народной традицией определен устойчивый круг сюжетов и персонажей быличек (домовой, дворовый, баенник, овинник, леший и др.). Нередко быличка не называет «нецистово духа», а указывает на него: «Он» — поскольку неосторожное упоминание его имени может иметь нежелательные последствия (см. «Леший»).

Быличка не лишена сказочного вымысла, хотя для неё более характерны установка на достоверность, правдоподобность. Отсюда большое стремление рассказчика к убедительности. Как правило, всё случившееся происходило с ним самим, его знакомыми, родственниками, рассказано людьми, в правдивости и компетентности которых он не сомневается. Повествование может включать названия конкретных мест, обрастать бытовыми деталями, использовать диалоги, переплетаться с воспоминаниями о том времени, в которые происходили излагаемые события, и о людях, принимавших в них активное участие: «Свекровушка была у меня, уш с тройкой выводилась [=вынянчила], уш с четвёртым выводилась. Нинка была уш по пятнадцатому го́ду, а я-то на операцию йиздила. После операции приехала: “Мама, ты не уходи в лес-то!” Она: “За ягодам, за морошкой наа сходить в это, в Микулинскёё болото. За морошкой. Я схожу, Нюрка! Я хоть [там] буду жать, дак хоть каку травинку сажну, а грит, там в со́гре [=низкое сырое место] все-таки домой принесу”. Товды с сеном-то худо. Не давали нам всё косить-то. Всё наа в колхоз, всё в колхоз косить-то. Дак вот мы в шогру [=согра] зайдём, пойдём домой-то, дак кучишечку нажнёшь эту, кусочик осоки-то, принесёшь. Ну вот, а она: “Уш давай, — Нюрка, я схожу!” — “Ак я сейчас, — грю, — допряду, во на вожжи!” Уш пряла эти от отрэпий-то — трепали как отрэпий, пряла на вожжи. Ну и она пошла, пошла... “А вы, — гыт, — не сумлевайтесь, я недолго схожу!” Только сказала. А Столенька видела в окошко, грит: “А как махнула [=побежала] бабка!” А взяла две зобенецьки: “Ести грибы — грибов пособираю, есть отварушки — отва-

рушок. А на Митре(е)ско место сойду”. Там деверь, ёйной деверь, там где-то собирав на Микулинском болоте. А она и побежала. А пошла-то ак порáто уш, быстро-то. “А побежала только сюда гляди, — гыт. — Дак и она-то как, — гит, — все равно што босиком бежит-то, Господи, ак!” Пушторской дорогой — все удивилесе.

Ну и прошел этот вечер — нету, у меня сам приходит — нету, картошку объехали — нету! Машка пришла, все пришли — нету. Деўки! Надо итти искать. “Пойдёмте девочки!” — пошли искать Укались-ўкались, укались-укались. Ничё не видно, тёмно — ничё нету. Вот до чёо доходили, никак не могли натти. Никак не могли натти. А это “Он” увёв!

Потом стали дорогу разбирать, делать дорогу эти, на поселке. Этот поселок строить — дорогу. Ак мужик тут дорогу строил, да ёлки-то с корнем наа вытаскивать. “Дак оно раз! — ён гыт. — Косьё, — гыт, — выкинуло”. Дак на ёлке была, на пне [=на комле] — вот косьё это. Никак тебе ни мидвежье, ницьё, а кос(т)ьё целовецьё. И правда — зобенецька берестяна тут, и всё было. Машка-то ходила, дочка-то ходила, и там зарыла косьё и всё. Вон увело куды ей! Вот ён и водив. “А што бы только, бабы, — гыт, — по старухам-то сходить? Привёв бы он ей бы!” Все думают: “На отпус(к) — отпус-от как пасут от лесу, дак — на отпус(к) где-ли наступила, дак ей, — гыт, — увело”, — гыт. Все на отпуск и думали.

А што мне Наста Олёшина: “Нюрка, ты хоть, — у меня сам поехав в лесозаготовок, — Нюрка, ты ворот не открывай. Станут стукацца — ты не отворяй ворот! Напугаешша, — гыт. — Кто знат, — гыт, — какая она то-перь, бабка есь. Бабка вон там за поселком очюдилася в лесу таком таме(?). Вот вы гытите: всё-ё есь, детушки милые, всё-е есь на свете!» [ТАМ, д. Трифоново; ССН 9:39-41].

Нередко нечистая сила проверяет человека, испытывает его. Выдержав испытание, можно избежать нежелательных последствий либо устранить их (см. «Банник»).

Иногда трагедии в личной жизни человека были вызваны вредительством, определяемым быличкой как порча. Чаще всего объектом порчи являлись молодожены, как во время свадьбы, так и после нее, что связано с особой уязвимостью человека в этот период, а потому и с особо интенсивным использованием охранительных средств (см. «Свадьба»). «Мама рассказывала. Мама. Поехали — свадьбу-то остановили. Вот стали кони — деревню Ваномозеро переехали, а никак не пошли лошади и всё! Никак! А хорошо тут как-то нашоўсе, коўдун какой-то быў. Дак коўдуны ковды сделали — дак токо кони пошли». И в подтверждение возможности этого, рассказчик описывает каким образом останавливали свадьбу: «Вот порчу-то и делали. Вот ишо бывало: сбирали, знааш вот,

ковда быў горох — найди девять стручкоў по девять горошин. Вот и, говорят, кладут. Это веть я не дельвала! Сохрани меня Господи! А это я слыхала. Вот и кладут:

Девять кулей по девять пудоў,
Десятый жоних, одинаццатая невеста —
Конь не с места.

Это хорошо слыхала — это было. Но я на самом диле сама видала, што коней дак останавляли. Дац вот вы пощитайте, што наа скласть: девять кулей да и по девять и пудоў! Десятой жоних, одинаццатая невеста — конь не с места! Вот, вот — раньше всё было» [КАВ, д. Мытник; ССН 9:67об-68].

Порчу, по мнению рассказчика, можно было сделать не только при помощи наговорённых предметов, обладавших магической силой, но и при помощи, например, таракана, способного превращаться в медведя: «Делали это — свадьбу. Вот раньше свадьба дак, знаешь, всё больше на лошадях да на тарантасах. Тройку запрягут — три лошади. И вот если надо кому испортить свадьбу, тут дедко у нас такой быў. Это раньше, я-то ишо не знаю, в то-то время. Вот он возьмет спичельнэй коробок, положит таракана и. Ранше, знаешь, отвода-то были — свои были, не в колхозах — от деревни отвода [=изгородь в конце деревни]. Вот подходит к отводку и на этот столб отводной кладёт этот спицельной коробок. Там накоўдует цёво-то — этот таракан зделаёцца медведем. И эти лошади как подъезжают — а раньше веть дороги были по дерёвням, не было вот эдаких дорог, прямых, штобы возлэ дерёвни, а по дерёвням всё были — вот лошади как подходят к этому к отводку, все на дыбы вскакивают, всё валют и тут всё ломают. Ну — медведь выходит! И поэтому коўдуну (знали, что это эдак делает) и ёму цетверть выносят, этово — самогонку раньше варили (да и сецяс варят самогонку). Самогона ли вина, там цёво-то, штоб цетверть — это три литра. Вот, ставят — этот дедко там снова всё делает: пропадёт медведь, лошади все уже успокоились, и все снова запрягут и поехали. Вот какие раньше были — видишь? Эдак вот сделают, што всякие гадости» [БАД, д. Иевлево; ССН 14:34-35].

Возможно, с данными поверьями связан и обычай останавливать поезд молодых, возвращавшихся от венчанья (см. «Свадьба»). «Ну сделают, што и невеста запердит — да и вот! Пердит или чё-нибудь таково. Или разбеацца вот [=разойдутся]. Ну уш как видят, што это свадьба испорчена, вот и коўдуна и ишшут. Ранше, вишь, этому уш приучен быў народ-то. Можот, раньше время уш смеають, што если кто хочет испортить [=предполагают недоброжелателя]. Можот, знаешь, это там у суседей это не ладицца ли, чово ли — мало ли чёо бывает, што! Вот так и испортят, так и получаецце, што чё-нибудь такоё гадкоё зделают» [БАД, д. Иевлево; ССН 14:35-36].

Связь былички с поверьями очевидна. Цель былички — подтвердить их. Живые верования — главное условие существования быличек. «Черная река да вот она в лесу текёт. И теперь всё как в лес идут за грибам и за ягодам, дак говорят: “За Черной рекой были”. И вот у Черной реки (это была легенда или просто правда была, не знаю), што вот идёт мужик, пастух. Шел пастух и вот што показалось ему. Сидит [на берегу] как русалка. Ну, вроде женщины. И вот она рощёсываэт так вот, волосы-то длинныэ, рощёсываэт и говорит это: “Год году хуже, год году хуже”. Дак вот это всё она так вот чесала, и всё она это приговаривала. Дак и так-то вот подумаэш — и правда-то вот, действительно вот год году хуже. И дошло, што теперь Бог знает што будет» [КАЛ, д. Сементьево; СИС 25:30].

Рассказы о возвращении покойников и вторжении нечистой силы в жизнь людей во время святков (см.) основаны на вере, что именно в это время наиболее вероятны контакты с потусторонними силами. «Это рассказывала бабушка Ириша, моей бабушке будет сестра родная. Сидели на беседах в одной деревне, при одном свете. Она говорит, што пойду я домой. “Иду, — говорит, — только вот вышла, смотрю: эта женщина-то в одном одеянии, в каком её схоронили, бегаёт от одной избы к другой! — говорит. — Смотрю: побежала к нашей избе, к нашей прабабушке Тане, стучится. Дёрнулась там, что: “Ой, у Тани как всегда закрыто!” Побежала на кладбище”. Сестра [бабушки] говорит: “Не чую, как потом и дошла!” Дёрнула дверь-то — дверь открыта. Рассказывает матери, что так и так, приходила вот покойница с кладбища. Она говорит: “Ты не бойся, я знаю, что она придёт, дак ножик под порог положила”» [ОЕЕ, местн. Ярбозеро; СИС 23:15-15об.].

В святки не только покойники могли смущать своим появлением людей, но и черти под видом парней приходили к девушкам. Вот как рассказывает об этом быличка: «Это в святки. В святки девушка с маленькой девочкой были одни только в избе. И пришёл какой-то кавалер, с виду такой нормальный, придёт такой, что типа как барин. Она: “Ой!” — да на стол собрала, познакомились. Сели да чай стали пить, а девка маленькая ложку по стол уронила да полезла. Смотрит, что у него вместо ног копыта и свою-то там толкает сестру в бок. “Што, чё да чё?” — “Вон, чё”. И она увидела там копыта. Они, раз-раз, не показывают это никакого внимания, что. Раз-раз, к сеним подбираются. Ну, он, видимо, узнал это, дознался, погнался за ними. Дак она бежала, орала. Дак потом он всё же задрал то ли одну, то ли обоих...» [ОЕЕ, местн. Ярбозеро; СИС 23:16].

Былички, как правило, сопровождают и рассказы о святочных гаданиях, связанных с вызыванием нечистой силы в образе «жениха», «суженого-ряженого» (см. «Анекдоты и бывальщины», «Гадания»): «[Мама рассказывала]. Она у меня чесная была, не врунья, нецё. Она была, на Макине жила. Пять километров отсюда это Макино там. “Вот, — гит, — это, деф-

ки, подѣмтѣ слушать в святки!» Пришли, — грит, — на кресты (дорога-то кресты). Зацертились: надо сковородник взять, встать спина в спину двум цѣловеком, окресь [=вокруг себя] обводить этим сковородником и приговаривать: “Церти цертитесь, биси биситесь, сама сатана подымайся со дна!” Три раза сказать. Стоим, слушаём. Вдруг, — гит, — колокольчик! Колокольчик зазвенеу, зазвенеу. Колокольчик. Отселе, от Бору. Бор в стороне. Та, — грит, — мне и говорит: “Надюха, слышишь?” — “Слышу. А ты-то слышишь?” — “Слышу.” Так, потом стали: “Цѣрт-то, поўно! Цѣрт-то, поўно!” Нао, штоб большо не бреньцяло: “Цѣрт-то, поўно!” Всѣ, звонок прекратиўся, этот звонок. Не звенело им больше. А, — гит, — в Крешшенье меня сватать и приехали. Туды. Отсюда на Макино. Здешной боровской отец-то. Приехали сватать, так, — гит, — и просваталась. Тут и вышла. А колокольчик звенеу. Она уш врать у меня не люби-и-ла! Точно, што правда!» [ААИ, Липин Бор; ССН 9:22].

По сходной схеме строятся и другие былички о гаданиях, например, при ночевке в чужом доме: «Моху выдергиваешь и вот и задумываешь, што: “Выйду я сей год замуж!” или “Как судьба присницца”... В зголову положишь и всё. Присницца дак присницца. Вот мне дак приснився, это я дѣвава. Вот уш это, чево не девай, это на себе испытала. Вот. Это. Ночевава я у Герасимовых дома. Ну, новый дом сделали, мы с Анфисей пришли туда, а этот хозяин, Веня, и говорит: “Деўки, — грит, — тѣмно иди-то, ночь тѣмна, ночуйте”. Мы и ночевали.

“Девки, мох-то вы дѣрґайте да задумайте женихов, куда замуж за ково выйдете!” Ну, это просто шутя, моху я надѣрґава, повожива и мне приснився, вот это приснився мне муж Кириков. Как мы пришли на Макино, вот я в конце Макина этово ево встретила, а дошла до другово конца — я ево потеряла. В окурат вышло: вышла и розошлась. В конце сошлась, а в другом я ево потеряла. И этот, этот самый, приснився мне жених!» [КЕА, с. Липин Бор; ССН 9:9].

Даже в поздних вариантах гаданий, при полной утрате архаических особенностей, расширении круга участников, изменении предмета гадания, рассказ о них сохранял традиционную форму былички: «Против Нового году в зерькало глядели, ак наводили эдак зерькало, дак мно-о-го туды зерькалов! И задумывают тут чево — нас тут четверо или троѣ ждало. Я почти стала уш порядошна, большая, бабой уш была, вдовой. В зерькало глядились, кому чево покажѣцца. А мне показалось больница, и я ушла в больницу работать этого году. И койки, и всё, и белые халаты и всё! Цесно слово, это дак уш правда!» [САМ, с. Липин Бор; ССН 9:19].

Нередко былички вклиниваются в рассказы об обрядах и ритуалах (см. «Устные рассказы»). С одной стороны, они комментируют их, а с другой — в таком контексте получают особую значимость и достовер-

ность. В качестве иллюстрации можно привести быличку о колдуне, рассказанную уроженкой с. Вашки в качестве комментария к обычаю бежать наперегонки после пасхальной службы домой. «Когда служба кончицца, надо крест поцеловать, который священник держит, вот, и прибежать в деревню первым, чтобы первым справляцца с работой. И вот был такой случай. Это была деревня от нас [=от с. Вашки] километрах в пяти, наверно. Вот Парфён Афанасьич, мушина такой степенный (его правнука нынче в милицию взяли работать), и с ним шел вместе колдун. Колдун-то шел Аверьян Аверьянович. А ихняя деревня была намного дальше, не нашего прихода он был. “Парфён Афанасьич, — говорит, — не спеши, не спеши!” — “Да как не спешить-то? Первый прибегу в деревню, буду первый работу кончать!” — “Ничё, мы первые придём!” Дошли два километра — “очичком” называли. Видно, отсечена от ково-нибудь была эта земля. В очичек зашли, и показал он ему медведей: медведи ходят — медведи и всё! — в лесу. Медведей в это время трудно увидеть! Пошли дальше. Пришли к самой деревне. А все уже мужики пробежа ли. Этот волнуецца — с колдуном спорить не будешь! Вот. Подходят к деревне — óзимь-то уже оголилась, снег-то сошёл. И лошади бегают по озими, а мужики бегают за лошадей, не могут выгнать никак! И они первые пришли в деревню» [ЛАД, с. Вашки; СИС 22:69об. - 70]. Доказываемые быличкой утверждения нередко находят выражение в кратком резюме, которое придаёт всему повествованию характер проповеди-наставления, имеющей параллели в христианстве.

Былички часто рассказывались во время досуга, являлись своеобразной формой развлечения. Причем наиболее излюбленными темами в компании мужчин и парней были былички об овиннике, баннике, лешем, охотничьи рассказы, а в кругу женщин и девушек бытовали преимущественно былички о снах, гаданиях, болезнях, о кикиморе (маре) и т. п.

При разрушении традиционных верований значительным изменениям подвергается и быличка, она либо усиливает систему доказательств, вовлекая в свою сферу новые объекты непознанного, например, НЛО, либо превращается в свою противоположность, не утверждает суверенные представления, а разоблачает их: «думали — одно, на самом деле — другое».

Для современного бытования быличек характерно их сохранение в пределах одной семьи, где они воспроизводятся и передаются от поколения к поколению, приближаясь по своей функции к семейному преданию.

Смольников С.Н.

БЫЛОЙ

Этот вариант игры в прятки, при котором игроки делились на две равные группы, в Вашкинском районе был более известен под названием «галой» (см. «Охучкой»). В некоторых прибрежных деревнях использовались более старые варианты названия — «былой», «булой» (дд. Паршино, Берег), «бузой» (д. Паршино). Еще одна разновидность названия представляла из себя устойчивый приговор, применявшийся в этой игре: «Пора ли на кружок?» (сс. Вашки и Липин Бор), «Во пора ли во кружок?» (д. Покровское). В игре принимали участие как дети, так и подростки (с 10 до 17 лет) — и девушки, и парни. Причем более взрослые игроки нередко использовали эту игру для ухаживания: парни, спрятавшись вместе с девушками, за которыми они ухаживали, принуждали их к поцелуям, попугивая при сопротивлении: «Тише, а то услышат!»

В начале игры вожак определяли, какой команде прятаться первой: мерялись на палке, тянули жребий на палочках, бросали палку вверх и т. п. (см. «Кориться»). Вожак команды, которая пряталась, забрасывал палку («былу», «булу», «бузу») куда-нибудь в траву или кусты, чтобы их соперники искали ее подольше. Прятались все вместе на сараях, в банях, гумнах, амбарах, овинах, т. е. в тех местах, куда обычно ходили гадать. Летом и осенью нередко прятались в поле, во ржи, за стогами и т. п. Найдя «былу» носили ее все время с собой. В сс. Липин Бор и Вашки пока игроки одной команды прятались, другие, стоя в условленном месте, время от времени выкрикивали хором: «Пора ли на кружок?» Первые, спрятавшись, посылали своего вожака, чтобы он отбежав в сторону прокричал: «Пора!» — и вернулся к своей команде. «Старший выходит отдельно и со стороны кричит» (с. Липин Бор).

Те, кому удавалось обнаружить спрятавшихся, с криком: «Было, было!» («Чура, чура!») или «Была, была, была!» бежали к вожаку, державшему в руках палку, а найденные пытались их догнать. Если это им удавалось, то могли прокатиться до «булы» на спине соперника. Если найденный прибежал к «буле» первым, то опять забрасывал ее и игра начиналась сначала. Иногда найденные должны были нести на спине до условленного места тех, кто их нашел [КМА, КАН, КОП, д. Паршино; МИА 15:55; ГЗП, ГЕП, д. Берег; МИА 15:60; КНИ, с. Липин Бор; МИА 15:6; ЛАД, с. Вашки; СИС 21:26].

В д. Сементьево, по воспоминаниям старожилов, «была игра “возить”». Оно тоже также почти как «охучок», но только делились там напополам. Одна половинка пряталась, а другие искали. Прятались везде. Ну, большинство в старых домах — были вот нежилые дома. А хоть и жилые, да всё равно тут за какиэ-то закоутки, за двор-то убежишь или, может, и в землю падёшь ли там ли где там. На землю падёшь дак, а тёмно всегда, мы днем не играли, а всегда вечером». Если игрок из водящей команды увидел

прячущегося, то должен был выкрикнуть его имя и убежать. «“Нюрка!” — и сам убегает, значит вот, а я должна — вот он меня назвал, што: “Нюрка вот тут!” — значит, я выбегаю, я выручаю команду, я должна на тебя шлёпнуть. За то, што шлёпну я, и это называюцца: “Он везёт”. Если я не успела, значит я уже тут стою. Определенное место тут», т. е. там, где начинали играть. По условиям игры, если другой из прячущихся шлёпал найденного, то тем самым его выручал. «Дак вот если они нашли этоо человека и, значит, ты успеешь на нёо хлопнуть. Если ты хлопнул, значит, я опять могу прятацца, ну и выручаю всю команду. Мы опять все прячемся. А если он не попался, значит мы уже водим, а эти, которые водили, уже прячуцца» [КАЛ, д. Сементьево; СИС 25:34об.].

В некоторых случаях условия были иные: «Нашли — водит та же команда» [КНИ, с. Липин Бор; МИА 15:6], т. е. роль ищущих представлялась более престижной.

Слепцова И. С.

ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРГ

Четверг на страстной (предпасхальной) неделе Великого поста — это день, которому придавалось важное значение в народном мировоззрении. С одной стороны, в христианской традиции он был связан с предуготовлением к Пасхе. С другой стороны, к нему были приурочены многие магические обычаи и обряды, верования, приметы, характерные для канунов всех годовых праздников — ср. четверг накануне Троицы (см.) или Ильина дня (см.). Все, что происходило в этот день, оказывало воздействие на будущее. Скажем, по погоде в Великий Четверг гадали о том, какой будет весна: «Если хороший день, то и весна хорошая [будет]» [САМ, с. Липин Бор; ССН 9:19]. Для того, чтобы «работа весь год ладилась», с утра имитировали жестами те виды работ, которыми предстоит заниматься: «В Великий Четверг на сенях “жали”, да “покосить”, “помолотить” надо, штоб легче было» [ГАМ, д. Устье; СИС 26:4об.].

Совершавшиеся в Великий Четверг обряды и магические действия имели камерный, семейный характер. Наиболее ярко проявляется в них очистительная символика: отсюда одно из названий этого дня — «Чистый Четверг» (д. Кропачёво). Утром хозяйки умывались («В Великий Четверг только умывалисе с яйца, боле ничёо не делали. Вот это, большуха вставаэт рано утром, вот кладёт яйцо в раукомойку, в раукомойку кладёт яйцо. Вот с этова яйца умывалисе» — ААК, д. Естошево; СИС 26:35), убирались в доме, кропили все «святой» водой («Всю избу с дресвой вымывали, скалиной шарили

[=берестой терли]. Святой водой во дворе и доме брызгали» — ЯОП, д. Сальниково; СИС 21:43).

Очистительный смысл имели и различные действия, направленные на обновление: «Мужики ходили в лес, высекали из сосны новое помело» [ЯОП, д. Сальниково; СИС 21:43-44]. Этим помелом нужно было «в пещке попахать, потом ковриги пехать» [ТАМ, д. Трифонов; ССН 9:39].

С очистительной магией были связаны различные отгонные и предохранительные магические действия (см. «Заговоры и молитвы», «Первый выгон скота»). «Этот заговор вообще-то заговаривают в Великий четверг, утром до сонца рано. Ну дак вот, вот этим безымянным пальцем или ножницам это скотину обходишь и заговариваешь: “Не мышь, не гад, не трожь моих курочек и цыплят. Не кошечка ло(в)учая, не собачка хавкучая, не птица летучая, не злые люди, не волки не медведи”, — как уш оговариваешь. И вот этот безымянным пальцем или ножницам [крестишь по воздуху], и вот надо уже этот крестик там, где курицы сидят, в курятнике дак (большинство ведь по курятникам), по всём стайки, по всёму курятнику. И так три раза» [КАЛ, д. Семетьево; СИС 25:37].

В некоторых деревнях практиковалось объезжание избы на помеле: «Объезжают рано, чтоб никто не видел» [МАД, д. Москвино; ССН 9:107]. Объезжала избу на помеле обычно хозяйка («большуха»): «Помело берёшь в руки и около избы своей обйдёшь на помеле — изутра́, изутра. Штобы Бог (с)пас (и) берёт, избу, дом. Штобы некакоо — не молонья [=молния], нечо не пристало... И приговаривают: “Спаси, Господи, береги, Господи, мою хижину от злых людей, от злых зверей. Летушко красное, штобы все было спокойно”. Обойдут — и говорят это всё» [ЛИАП, д. Сукозеро; МИА 24:Ф1994-11Волог. Оп. № 88].

Специальная отгонная магия была направлена против хищных птиц (ястреба, ворона или коршуна): «Помело старое жгли или на огороде, или в печи: “Куда дым, туда и ястреб!” Или одевали помело на колышек в огороде и говорили: “Ястреб, ястреб, не ешь наших куриц, ешь помело, чтоб тебя разорвало!”» [ВАИ, д. Ушаково; СИС 21:52-53]. «Закармливали горохом петуха, чтоб злее был, кур охранял. Выпускали из подола кур и цеплят с закрытыми глазами со словами: “Я не вижу, пусть не видит ни кошка, ни собака, ни ворона, ни коршун!”» [ЯОП, д. Сальниково; СИС 21:43-44].

Чтобы коровы летом вовремя возвращались с пастбища, звали их в печную трубу: «В трубу и то говорили: “Матушка (там какая) Чернушенька, приходи вовремя, нигде не задерживайся”, — в четверг» [ММФ, д. Кропачёво; СИС 24:26об.], что перекликается с магическими обрядами первого выгона скота (см).

Общий смысл многих магических действий, совершавшихся в Великий Четверг, заключается в стремлении закрепить, сохранить уже имеющийся порядок или достаток, а при возможности и усилить или приумножить их. Скажем, в д. Сукозеро в Великий Четверг «у коров по(д)стригали хвосты... По(д)стригут и хвост кладут во хле(в)е там куды ли — под матицу ли под чё. Даκ шобы коро-

вушка знала свое место» [ЛАП, д. Сукозеро; МИА 24:Ф1994-11Волог. Оп. № 87]. «Деньги считали, матерьял мерили, чтоб больше велось» [ЯОП, д. Сальниково; СИС 21:43-44]. «За водой с подойником ходили, чтобы столько молока носить» [ВАИ, д. Ушаково; СИС 21:52-53]. «Сметаны накопят много хозяйка, дак-от. В Великий Четверик всё мешали, штоб все не выводилось: не масло, ничё» [ГМЕ, д. Пужомзеро; ССН 9:37].

На это же были направлены магические действия с хвостами животных и птиц. На Великий Четверг «хвостики [у куриц] подстригут, завяжут. Сколько куриц это держали, дак эти все хвостики завяжут ниточкой и вот в гнезда кладут, где курицы кладуца, вот приго(в)аривают: “Где хвос(т), тут буэт и нос!” Дак курицы станут своё место знать, ёйца носить» [ЛАП, д. Сукозеро; МИА 24:Ф1994-11Волог. Оп. № 87]. «У кур, коров хвосты обстригали, клали в гнездышко, у коров — в реку бросали, чтобы больше молока давали» [ВАИ, д. Ушаково; СИС 21:52-53]. «И хвостика отрежешь, и потом это у овечек тожо маленько отрежешь и все в одно место кла(д)ёшь, а потом понемножечку отстригишь от каждого да хлеб и испикешь эдакой, вот такой колябушничек, небольшой. И им потом скормишь... [Остатки шерсти] я всё под матицу кладу на двор, на двор под матицу» [ММФ, д. Кропачёво; СИС 24:26об.]. В д. Сементьево в Великий Четверг пекли «алябушек» — продолговатый пирог, в который запекали состриженную с каждой скотинки шерсть. У крупного рогатого скота срезали шерсть с ямки меж рогов («соколка»). Когда выпускали скотину первый раз, скармливали этот пирог всем животным [КАЛ, д. Сементьево; СИС 25:24].

Разновидностью последнего обычая можно, по-видимому, считать закармливание скота в Чистый Четверг, практиковавшееся в близлежащих деревнях Вытегорского района: «В Чистый Четверг закармливали корову ес(л)и: сойдут, кусочек возьмут да, кусочек да, на порог сядут вот эт(о), туды во хлев да. Сами поедят и короушке, скотинке отдают. Вот эдак» [ЕМА, д. Новая Деревня (Холуй); СИС24:13].

Мотив ритуальной слепоты, возникающий в охранительной магии (“я не вижу, пусть не видит ни..., ни..., ни...”, — см. выше), может трактоваться в противоположном смысле: на Великий Четверг необходимо совершить те или иные магические действия, чтобы «улучшить зрение», сделаться более зорким, например, при поиске пичьих яиц. «В жаратке рылись, золу перегребали, чтобы летом найти тетерыи яички в лесу» [ЯОП, д. Сальниково; СИС 21:43-44]. То же делали, «чтобы яйца находить куриные, когда они на стороне кладутся» [ВАИ, д. Ушаково; СИС 21:52-53].

Реже встречаются свидетельства о вредоносной магии, приуроченной к Великому Четвергу. Причем в большинстве случаев, видимо, эти действия являются разновидностью оберега (охранительной магии). Скажем, чтобы отомстить («отместить») обидчику, «эжли кто кого не любит там, не в порядке живут, дак вот в Великий Четверг ходят утром, открывают дверью: вот эжли она мне чё-то навредила, ну, я её отmeshу за это! Откроешь двери

и скажешь: “В том доме собаки да волки, а в моем доме — чтобы зайцы да лисицы!”» [КАД, д. Москвино; ССН 9:107].

Миныхина Е. А.

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Вербное воскресенье — воскресенье шестой («вербной») недели Великого поста. Традиционное название этого дня связано с обычаем освящения в церкви веток вербы («вербушек»), символизирующих, по народным верованиям, быстрый рост, здоровье, жизненную силу, плодородие.

В Вашкинском районе в Вербное воскресенье утром «раньше в церкву ходили за вербушкам [освященными]» [ШЕВ, д. Погорелово; ССН 8:52]. «Вербушки — это тоже в Вербное воскресенье в церкви давали, вербушки. Вербушки ложили за иконку и так там они, пока не запылятся. Обязательно иконки три в углу, и вот за все иконки туда и запикивают» [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:86об.]. «Ставили вербушки к иконам по той и другой стороне. И бумажками украшали» [НМП, д. Мыс; МИА 23:10].

Украшение освященных веточек вербы происходило обычно в неделю перед Пасхой (см). Под иконы могли ставить и не освященные в церкви «вербушки»: «Кто желает — вот я: сходила, наломала вербушек, украсила вербушки, тряпочек навязала» [ШЕВ, д. Погорелово; ССН 8:52].

Освященные вербы хранили под иконами до начала пастбы и наряду с другими магическими предметами использовали в обрядах первого выгона скота (см).

Миныхина Е. А.

ВОЗНЕСЕНЬЕ

Сороковой день после Пасхи, день Вознесения Господня. Смысл этого праздника очень хорошо понимался народом: «Иисус Христос вознесётся на небеса — поэтому и Вознесенье, а до этого на земле [ходит]» [ААИ, с. Липин Бор; ССН 12:4]; «в Вознесеньё-то И(и)сус-то и подымещца на небо, батюшко. Вот так это говорили. Да» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:57]; «говорили, што под окошечком Христос ходит, слушает, што говорят — до Вознесенья. А потом вот в Вознесенье опять он на небеса, говорят, опять на небеса вознесёцца» [КАГ, д. Филиппово; ССН 14:41]; «От Пасхи до Вознесенья всё говорили, как заходишь в каждой дом: “Исус Христос воскрес!” Шесть недель говорили — от Пасхи до Вознесенья — шесть недель, сорок

дней. А когда уш Вознесенье пройдёт — значит, Иисус Христос вознёся на небо — уш не станут говорить этова» [ИАВ, д. Ильино; ССН 12:10].

С периодом от Пасхи до Вознесенья в Вашкинском районе был связан целый ряд запретов, которые определялись поверьем, что Иисус Христос находится на земле и наблюдает за жизнью людей. Это в первую очередь запрет что-либо выбрасывать или плевать в окно, а также лазить через него. «За окно нельзя ничево выбрасывать, што в Нево попадёшь — в старину говорили так» [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:84]; «Иисус Христос ходит по земле, дак за окошко нечё(о), гоорят, бросать нельзя. Мало ли там — из избы чё-нибудь выбросить в окошко...» [НАИ, д. Веселая; МИА 23:84]. «Воды за окно не лили и даже не разговаривали через окно» [ФАА, с. Липин Бор; СИС 23:27об.]. «Говорят: “Не плюй за окошко, Истинный Христос за окошком!” После Пасхи за окошко уш не дадут плюнуть. И до сих пор не плюнешь за окошко. Все гоорят: “Истинный Христос за окошком до Вознесенья Господнева. Как Вознесенье Господне пройдёт, тогда лавай за окошко и плюй за окошко!”» [ККС, с. Липин Бор; ССН 10:13].

Запрет работать в воскресенье объяснялся следующим поверьем. «Иисус, когда вознёся на небеса, сказал: “Я неделю работал с вами, а вы один день штобы не работайте — в воскресенье!” Грешно работать в воскресенье. Очень грех! Сказал, што: “Я на вас неделю, а вы на меня один день не работайте!”» [ААИ, с. Липин Бор; ССН 12:6].

С Вознесением было связано также поверье, что, поднявшись на небо, Иисус «установит погоду», поэтому старались «помочь» Ему в этом. Пекли открытые пироги с картофелем или крупой — «рогúшки», «рогúльки» — края которых зашпиывали, полагая, что именно по этим «щипочкам» Иисус Христос поднимется на небо: «Ну, хто какие испекёт: картофные, крупы накладёшь. Вот рогúшку-то испекёшь, края-то загнуёшь, дак шшыпóчкам элаким. Што гоорят: “Иисус Христос подымаэцца на шшыпóчках на небо!”» [НАИ, д. Веселая; МИА 23:84]. С этой же целью пекли блины, символизировавшие обувание Христа перед дальней дорогой. «Блины в Вознесенев день, дак: “Это, — век свой, гоорят, — Христу на онучки”. Это вот блины. Дак там хоть какиэ пироги есь, а уш блинов нао напечи» [ААК, д. Естошево; СИС 26:38об.].

Кроме того изготавливали и такое печение как «хворост», которое обычно подавалось на стол только во время праздников. «Перед Троицей Вознесенье, да. Сочешки выскут из белой муки красивые — скалкой выскёшь [=раскатаешь]... “Хвóросты”, “хворосты” называлисе. Делали — и о свадьбах вот делали... Кодá масло кипит, на веретёшко вот так завёрнут, и иё прямо в масло. Дак он закрутицца сам в масле — на веретно ево элак завьют. Завьёшь — и он там сварицца. Оно кряду сварилось, а потом на тарелóцки кладут» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:57].

В некоторых деревнях в этот праздник также варили яйца и бились ими: «Яйца варили — после Пасхи Вознесение есь. Яйца варили, а бились меньше, чем в Пасху. Мы в поле ходили — там у нас полянка такая, и вот мы-то: “Пойдемте играть туда!” С яйцами сойдем, дак всё там было. Игра есь игра, дети есь дети: и друг друга постукаэм яичкам, и повыбываем, и... А бросать-то уш не бросали — лишь надо съесть было. Как бросишь яйцо? Можэт там два ли три дано, дак как бросишь ёво? Радёшоньки, што оно дано. Не бросали...» [ЛИМ, д. Шугино; ЛАФ, д. Мосеево; МИА 23:56об., 61].

Связанная с этим праздником символика поминовения усопших получила отражение и в обычае посещения могил. Так, в Шалге на кладбище «ходили о Вознесеньё дне. А у нас в Шалге была родня, так мы в Шалгу ходили вот в Вознесеньё Христово. Это тут и йиичко ишо носили» [ААК, д. Естошево; СИС 26:38об.]. «Там в Вознесеньё в Олёшино гуляют. Там на могилки где, так и на могилку сойдёшь с пирожком. Пирожка снесёшь да яичко да, конфеточка была, конфеточку кладёшь да» [ТАМ, д. Трифоново; ССН 9:40об.]. «У церкви было кладбишшо. Ну потом тут у церкви не розрешили [хоронить], дак было дальше туды в лесу это кладбишшо. А потом тут сделали у нас недалёко кладбишшо от нас — ну, наэрно, за километр. Ак вот новое сделали кладбишшо это, так вот ходили в Вознесеньёв день на кладбишшо. У нас тут как уш мы празновали! Пирог пекли и поминали вот родителей своих на кладбишшо. Ну там помянут тожо, дак этъ и выпьют тут всё, и посидят на могилках. А потом уш тут пляску откроют — плясали на кладбише. На кладбише! Дорога там — у нас кладбишшо было весёлоэ, у реки, ницё не заросло — дак тут дорога, проез(д)ная была дорога. Дак вот на дороге тут и плясали» [ОУА, д. Опрячкино; СИС 26:65]. Такое же гулянье на старом кладбище в этой деревне устраивали на второй день Троицы (см. «Троица»).

Милюхина Е. А.

ВОЛЧОК

Среди любимых старинных посиделочных развлечений была игра «в волчок». Игра с ним представляла из себя разновидность древней игры в кости («в зернь»). В прежние времена так развлекались парни на беседах в ожидании хороводов или плясок. Играли обычно на деньги или на щелчки. К 20-м годам волчок в большинстве обследованных деревень уже превратился в чисто детское развлечение.

Волчок делали в форме кубика с гранью около полутора сантиметров и пирамидальной или конусообразной ножкой высотой около одного санти-

метра. Ручку волчка могли вырезать из того же куска дерева. Иногда ее заменяла палочка или спичка, воткнутая в выдолбленное сверху отверстие.

Единственным упоминанием об игре в волчок во время посиделок можно считать сообщение из д. Ваномзеро. Здесь игра напоминала «фанты». «Ставили-т вроде тарелку. И вот на этой на тарелке чё-то было, какие-то предметы. Бумажки, наверно, написаны клали. На какой чё напишут (имян не писали, а только вот чё-т тут, какие-то вот предметы). И вот кидали элакой — как волчок. Кругленький дере(в)янный волчокек сделают элакой. Вот топерь делают коляцко железноо да сунут палочку, да крутнёшь — оно и крутище. А тогда дере(в)янной делали элакой: забстрят конец — квадратный. Забстрят конец, а сверху эдакой штырёк, как карандаш вот. На середине-то ширóкоо мústечко делают, а там конец заостренный. Ага. Квадратный, а концы-то засрублены, острые. Дак он крутицца как вот!.. Вот бросишь ёо, как крутнёшь — он и катаэцца. Вот как под(с)катицца этот, волчок, к этому мústечку вот — как топерь “Поле-то Чудес-то”: куда-то) кладут всё в машину чё — так и там было всё наклáдэно. Где чёо наклáдэно кругóm — тарелки большии были или поднос. Вот к какому значку подойдёт, то надо и сделать: там спеть ли чё ли, сплясать ли...» [ЖВН, д. Ваномзеро; БНС, д. Пиньшино; МИА 23:26].

Другие варианты игры, при которых важно, какой именно стороной упадет волчок после вращения, больше напоминают игру в кости. Для этого стороны метили: на каждую грань наносили соответственно одну, две, три параллельные насечки, а на четвертой — крест. Если выпадали I, II, III черты, то игрок соответственно получал 10, 20, 30 «лобачей» (щелчков), если же «X», то наказание отменялось. Когда в игре участвовало много народу, особенно парней, то неудачнику «голову разнесут» [ААД, д. Малеево; СИС 22:11].

В других деревнях щелчки заменялись спичками: «Играли в спички — денёг не было, в детстве, взрослые дак не играли. Волчок крутанёшь — на сколько падёт... Одна, две, три и крес(т). Одна — одну ставишь, две — две ставишь, три — три ставишь. Крест падёт — значит забираэшь банк, всё себе, да, выиграл» [ЛИМ, д. Шугино; МИА 23:67].

Бытование игры в детской среде привело к упрощению не только игры, но и самого игрового предмета. Его стали делать из любых подручных материалов. «Волчок мы ак из картошины всё из сырой: вырёжим да воткнём туда палочку какую-нибудь, да вот крутанёшь вот так» [ЛФАФ, д. Мосеево; МИА 23:67].

Морозов И. А.

ВОРОН

В эту старинную игру во многих местах Русского Севера еще в конце прошлого века могла играть молодежь во время весенне-летних гуляний. Первоначально смысл игры заключался в том, что один из парней выбирал себе девушку из цепочки игроков («вороном» или «коршуном»), преследовал ее и при удаче становился с ней рядом. Позднее игра стала исключительно детским развлечением. Именно детские варианты представлены в Вашкинском районе.

К числу наиболее характерных для района можно отнести вариант из д. Веселая. Здесь игра начиналась с диалога «матки», возглавлявшей цепочку игроков, и «ворона», сидевшего на земле:

- Ворон, ворон, што ты делаэш?
- Ямку рою.
- На што тебе ямка?
- Угольки класть.
- На што угольки?
- Иголочки ковать.
- На што иголочки?
- Мешочки шить.
- На што мешочки?
- Чертей ловить!

«Ворон вскакивает: “чертей ловить” — дак и имаэт!

- А на што тебе черти?
- Детей хоронить!

Он вскакивает и задняго-то имаэт, а этот передний-то, который спрашивал-то дак, обороняэт эту цепочку-то всю. В сторону да в другую тожо бросаэцца». Ворон, когда поймает последнего, встает вперед, «как матка», а пойманный становится вороном [ЯАА, д. Веселая; СИС 21:72].

Диалоги «ворона» и «матки» несколько различались в разных деревнях. Так, в д. Пиньшино на вопросы «матки» «ворон» отвечал:

- Ямку копаю.
- Угольки тушить.
- Иголочки ковать.
- Мешочки шить.
- Дров да порох класть.
- Твоих детей бить!

«А что мои дети сделали?» — спрашивала «матка». «Ворон» говорил: «Всё огородное съели!» — и бросался ловить последнего в цепочке [МАК, д. Пиньшино; СИС 22:43].

Мотив мести за испорченный огород встречается и в д. Естошево:

- Ворон, ворон,
Што делаэш?
 - Ямку копаю.
 - На што тебе ямка?
 - Угольки тушить.
 - На што тебе угольки?
 - Иголки ковать.
 - На што тебе иголки?
 - Сапоги шить.
 - На што тебе сапоги?
 - Твоих детей гонять.
 - А што тебе мои дети надоэли?
 - Да в огороде моркоўку либо капусту сыйили.
- [ААК, д. Естошево; СИС 26:42]

В д. Парфеново «ворон» отвечал: «Ямку копаю». — «Угольки класть». — «В печку класть». — «Огонек зажечь...» [ПМП, д. Парфеново; СИС 22:56]. Игра была известна и в деревне Новосело [КМС, д. Новосело; МИА 15:27].

В д. Москвино дети «один за другим вставали и ходили вокруг:

- Ворон, ворон,
Што делаэш?
- Ямку копаю.
- На што тебе ямка?
- Камешки класть.
- На што тебе камешки?
- Ножички точить.
- На што тебе ножички?
- Твоих детей резать!

Все разбегались, а ворон-то и ловит, бегаэт за след за йим» [ЛАД, д. Москвино; СИС 25:45].

В с. Вашки игра несколько отличалась от приведенных выше вариантов. Сначала, как обычно, происходил диалог с «вороном»:

- Ворон, ворон, что делаешь?
- Ямку копаю.
- Зачем тебе ямка?
- Угольки класть.
- Зачем угольки?
- Иголочку ковать.
- Зачем тебе иголочка?

- Мешочки шить.
- Зачем тебе мешочки?
- [Порох?] класть.
- Зачем тебе [порох].
- Твоих детей стрелять!

После этой реплики «ворона» игроки кричали: «Ворон, баня горит!» — и тот бросался ловить последнего в цепочке. Игра заканчивалась, когда «ворону» удавалось поймать всех игроков [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:21].

Упоминание бани отсылает к концовкам старых вариантов игры, которые обычно завершались «баней» для «ворона» или «матки», т. е. их избиванием, «клочением» волос, осыпанием песком и т. п. Варианты с «баней» более редки и выглядят более архаично. Не исключено их возникновение под воздействием местного аборигенного населения. «У «ворона» была байна. А тут у «хозеина» есь много «деток» — пять, можот шес(т)ь. Вот приходит: «Ворон, ворон, дай-ко баенку!» А [«ворон»] гит: «Возьми да не сожги!» А он пошел, да байна загорелась. Ревят: «У ворона байна горит! У ворона байна горит!» Вот «ворон» имаэт, а этот фост-то ребят-то большой, долгой, дак он фатаэцца за это. А байна-то горит! Все бегают да ревят: «У ворона байна горит!» До чёо докружишься, да и ноги заболят — жалко робят-то своих! Ему [=«ворону»] схватить-то наа. Ну дак схватит он всё равно» [КУН, д. Задняя Слободка; СИС 25:8]. «Друг за дружку дёржимсе и кричим: «Ворон, ворон, дай байну истопить!» Там один целоэк это стоит уш, за «ворона», отвичает: «Топите, да не сожгите!» А идно [=иной раз] ответит што: «Не дам топить вам байну!» Ну, ладно, опять это. Ак он скажот, што: «Топите да не сожгите!» А мы заревим: «Не парились, не мылись, а баэнка сгорела! Кар-кар-кар-кар!» Вот и имаэт [=«ворон»]. Тот станет «вороном», коо имают, а это опять связка ходит» [ОУА, д. Опрячкино; СИС 26:64об.].

Этот же мотив появляется в варианте игры, в котором главный персонаж называется «коршуном». В с. Липин Бор игроки обращались к нему с просьбой: «Коршун, коршун, дай-ко баенки!» Тот отвечал: «Берите, только не сожгите!» Немного погодя все кричали: «Коршун, коршун, баня горит!» [ААИ, с. Липин Бор; ССН 12:4]. В д. Волково от диалога сохранилась только последняя реплика: «А коршун дак — все в кружок встанут, вот и кружацца, кричат: «Коршун, байна горит! Коршун, байна горит!» Э-э! Потом разбежацца — элак все разбежацца. Потом все в круг опять встанут» [ЮЕМ, д. Волково; ССН 15:9об.]. К сожалению, более полного текста игры записать не удалось. Отметим, что название «коршун» для главного персонажа в играх подобного рода, мало характерно для этой части Европейского Севера.

Слепцова И. С.

ГАДАНИЯ

Гадания («ворожба») — распространенный вид магической практики, в более поздний период перешедший в разряд молодежных развлечений (см. «Беседы), в Вашкинском районе были приурочены к святкам (см.), Иванову дню (см.), реже к Троице (см.). Наиболее древний пласт традиционных гаданий связан с предвещением будущего: «доли» — здоровья, болезни или смерти, богатого урожая, приплода скота и т. п. Из гаданий этого пласта в Вашкинском районе сохранилось немного. Известно, например, предвещение жизнеспособности новорожденного по тому, куда он обращен лицом при рождении. Бабка-повитуха могла с уверенностью заключить: «Девка вниз глядит — скоро умрёт!» И наоборот [МАЯ, д. Мытник; МИА 25:12]. Перед уходом в армию на парня девушки заламывали на березе веточку и украшали ее лентами. Если веточка совсем отломится, то парень домой не вернется [ВАИ, д. Ушаково; СИС 21:51об.].

Для гадания о судьбе или в других конкретных ситуациях (болезнь или смерть отсутствующего члена семьи, пропажа скотины и т. п.) могли применять овечьи косточки — лодыжки, употреблявшиеся также при игре (см. «Лодыжки»). По воспоминаниям старожилов из д. Новосело, «только старушки гадали на лодыжках (или картошки нарежет кусочками): тридцать элаких расшевелит на месте и раскладывает парами. Потом опять вместе соберёт» [СЕА, д. Новосело; МИА 15:32; ФАП, д. Берг; ГМК, д. Сементьево; МИА 15:58]. Более подробных описаний такого рода гаданий в Вашкинском районе записать не удалось.

С этими же целями нередко применяли «Соломон» или «оракуль» — гадательную книгу, лубочное издание которой в конце XIX—начале XX века было известно в самых глухих уголках России. В Вашкинских деревнях нередко использовали не саму книгу, а начерченный на столе или на полу ее примитивный аналог. «Соломон, оракуль — только старые люди делали. Чертили кружок, делили на части и бросали в него хлебный шаричек с горошину». О судьбе судили по тому, в какой сектор круга попадет шарик. Для этого в каждом секторе делали условные метки [СЕА, д. Новосело; МИА 15:36].

О том, что случится в наступающем году, гадали с поленьями и ложками. «Во снег полинья поставишь против Новово году — сколько человек в семье: “Это на Дарью, это на Марью...”. Утром выстанёшь, смотришь — одно полено упало. Значит кто-то выбудёт в этом году. Также ложки деревянные. Приметки сделаёшь, в большую кадушку с водой кидаёшь, разболтаёшь, разболтаёшь. Если все ложки вместе сдвинулись, значит все вместе будут, а если чья-то ложка отойдёт — тот выбудёт из семьи (замуж там выйдёт или чёо)» [СЕА, д. Новосело; МИА 15:35]. «В ложки наливали. Снегу решатó принесём и в ложки воду нальём, в снег

ложки положим, в решато, и вынѐсем на мороз. У коо, го(о)ряг, горбылькѐм застынѐт, дак этот чело(в)ѐк умрѐт в этом году! А как у коо ровно, дак этот, го(о)ряг, не умрѐт...» [НАИ, д. Веселая; МИА 23:81об.].

Девушки на святочных посиделках нередко гадали о судьбе по пеплу от сожженного клочка кудели. «На сковороде жгли да подносили [к стене]. И там сгорит эта, куделька-та ли бумага-та, дак оно тут и освещшаэт, и видно, што — ну, не точно, а ить што: “У-у-э! Лошадь йидет!” Напротив стены гледишь, против огня-та, дак там видно, што как люди идут, как лошадь идѐт — похѐжо... Да эдак до пятнацати годов тут ходили с прялкам, сидели, и робята приходили. Дак уйдут они как, робята, так мы и давай это же(г)чѐ. Дак ѐк как выпадѐт: “Ой, девки, — народу много, — жоних приийдет, замуж сѐ год выйду!” А другаа скажот: “Уи, мине дак мѐгила, верно, хто ли умрѐт в семье!”» [ННС, д. Сухарево; МИА 25:97]. Иногда гадали и по скорости горения кудели: «Поджигали у стены кудели. Пѐднесут сюда вот, к стенке — она там держит, на дошшѐчке держит, на желѐзинке ли. Ак загорлице, вся пепелком туда сядѐт. Дак вот ѐжли как куделька быстро погаснет, то знацит девушка-та замуж в этот год выйдѐт». В этой же деревне гадали по лучинкам, которые макали в прорубь: «А в Рожество вот, в эти святки, да, бегали в пролуб, моцили лучинки — на всех девушек, скоко ѐсь на бесиде. Все побѐжим — вецером, вецером. Намоцим в пролубе, лучинка обмѐкнѐт, придѐм, зажгѐм — у ково загорлице эта лучинка, зажгѐще ѐжли, то знацит та девушка замуж выйдѐт, а не зажгѐще — не выйдѐт» [КАА, д. Трифоново; МИА 24:Ф1994-11Волог. Оп. № 62].

Известны были и различные гадания, связанные с магией «первого дня». К ним, например, относится гадание по первому гостю, чаще всего совершавшееся в Рождество или на Новый год. Впрочем, так могли гадать и в другие праздники. «Да хоть на какой праздник: придѐт (в)от. Дак так не гадали, а так, вобшом, разговор элакой был, што: парень придѐт, дак хорошо год прожи(в)ѐм, девка придѐт, дак тожо — знай как, мужик — тожо хорошо, а баба, дак худо» [ЗТН, д. Поповская; МИА 23:94]. Зная этот обычай, старались поступать соответствующим образом. «На Новый год нужно, штоб зашѐл в дом первый мужчина. Так большинство мужчин уже стараются выйги походить, а женщины уже оберегаются. Счастливо год проживут — мужчина зайдѐт; как женщина зайдѐт, так это плохо» [ЛАД, с. Вашки; СИС 22:71]. Близко по смыслу и гадание по первому встречному: «В Крещеньѐ сочни пекли, с сочем ходили и смотрели, кто первый навстречу попадет — так судьбу [=жениха] будут звать» [САМ, с. Липин Бор; ССН 8:9].

В отличие от более древних форм ворожбы, тесно связанных с магией, подавляющее число позднейших святочных гаданий сосредоточено на наиболее актуальной для гадающей молодежи теме замужества или женитьбы. В 20-е годы в Вашкинском районе уже были практически забыты старинные формы святочных гаданий в овине и в бане. Большинство рассказчиков знает о них лишь со слов своих родителей. Так, в д. Мытник девушки

в прежние времена гадали в бане: «Двери отворят — поодиначке в байну! Да задницу туда, во двери-то и впихнут. Двери-то отворят, жопу высунут голуу туда, дак чоо хватят, за коо замуж: ак мохнатаа рука, дак за богатово выйдёшь, а голаа — за бедново... А как узнают робята, што там собирающа от, подснярядяцца, сойдут, да всякие там и хватают, и хватают...» [МАЯ, д. Мытник; МИА 25:12].

Из старинных типов гаданий можно отметить также гадание на перекрестке. «Кружацца, кружацца — куды падёшь? Падёшь в эту сторону там — замуж туда» [КУН, д. Задняя Слободка; СИС 25:5об.]. «На святках (лучше против Нового году и Крещения) три-четыре девушки выйдут на кресты, очертяцца: слухали, где колокольчик зазвонит, собака залает, туда замуж выйдут» [КАС, д. Новосело; МИА 15:26]. В дд. Задняя Слободка, Макино дополнительно еще накидывали на себя скатерть. «Четыре челоэка, пятый сковородник и скатерётку [накидывают на головы]. Четыре челоэка вставают спина в спину. Одна чертит: “Черти чертитесь, биси беситесь, сотона сотонися!” Три раз скажось... Вот стояли, стояли, да про Палашу задумали (она уж дева старая была), што: “Если в сё год приедут сватать, — раньше сватали веть, ну, — дак уш почудися: или лошадь едет, или чё-нибудь”. Только-только стали спиной (двое крест-перекрест, на крестах) — йидет! Как мороз-то дикой в Новой год, дак сани-то скрипят да скрипом-то да, дак близко-то! Мы толкаэм, што: “Гледи уш, гледи уш — наэрно черти!” Все толкаэм. Потом Палаша схватила [скатерть] да: “Черти, полно, черти полно!” — скатерть схватишь и убежишь домой. И эть ие просватали тот год!» [КУН, д. Задняя Слободка; СИС 25:6об.-7]. «Слушать ходили, понимаэш, всё. Там я не знаю, я не бывав, но слушать ходили, вот. Наа итти на кресты на дорогу, во! Чёртяцца, видишь ты этим, крюком. Или там берут ухват, понимаэш сё, во: “Чертись, — гыт, — черта железная от земли до неба, от востоку до западу!” — во. Значит, вот загадывают там, чёо: кто замуж выйдет, кто, видишь ли, помрёт. Это загадывали. И, говорят, правда было вот чёо задумав, дак: или, можот, какая замуж выйдет ли, што вот, где собака залает, значит, в той стороне будет эйной, знашь што? — Ухажор будет в ту сторону!» [РПФ, д. Аверино; ССН 9:50]. Приговоры при «слушаньи на крестах» могли быть разными. Скажем, три раза очерчивались сковородником, каждый раз приговаривая: «Черти-биси с нами вмисти!» [ЯОП, д. Сальниково; СИС 21:46]. Или говорили: «Черти чертитесь, бёси беситесь, сама сотона иди сюда!» [ШТА, д. Мякишево; ССН 8:42]. «Черти чертитесь, беси беситесь, сам сотона подымайся со дна» [КАА, д. Макино; СИС 22:58]. «Где дорога вот так и так [=крестом], вот это ходили гадали. Зачерчивались скоорóдником. Станёшь — я и сама девушкой была — дак станёшь там двоё или троё и зачертиссе скоорóдником, што блины-то пекём, што-от: “Судьба, — значит, — покажисе в которой стороне!”» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:65].

Такого же рода гадание могли устраивать и около проруби, сидя на коровой шкуре. Оно считалось особенно опасным, так как вызываемая со дна нечистая сила могла утащить шкуру вместе с гадающими под лед, если по ошибке коровий хвост оказывался за пределами очерченного круга [ММВ, д. Ларино; СИС 21:56].

Особый приговор завершал «слушанье»: «На кресты ходили чертились — обводились угольком. И обратно чертились — делают в воздухе рукой или ножом крест: “Чёрту полно! Чёрту полно!”» [КЕА, д. Липник; ССН 8:3]. Или «Чур-то полно, чур-то полно» [КАА, д. Макино; СИС 22:58]. Тем, кто забыл или не успел «отговориться» угрожала опасность (см. еще «Святки»): «Говорили, што ходили слушать — на кресты надо. Знаэш, кресты были. И ушли — далёко эти кресты были. Пошли на кресты, там очертились. Наа вот сговородник взять и очертить. Мы троё сошли — наа три круга очертить. Вот и говоришь, што: “Черти чертятся, биси беситесь, а нам гость!” Вот когда эдак три раза скажешь, и ставаэш в круг. В кругу стоишь, очерчиваэш и про себя эдак говоришь. Ну вот, мы однажды сошли — такой случай быв — сошли, а: “Давайте, девки, откуда колокольчик, дак, значит, в ту сторону жоних придет!”. Ну вот, только мы успели очертиться, а идёт — колокольчик зазвеве! Звенит близко и близко, близко и близко, а мы — бёжать. Бёжали-бёжали, бёжали-бёжали — далеконько бёжать-то! Прибёжали. А колокольчик мимо деревни прозвеве, да. Там оказываатца в самом деле лошадь ехала, ехали сваты, а мы вот: “Откуда колокольчик позвенит да, откуда жоних придет да. Всяко делали...» [ИЕИ, д. Погорелка; ССН 9:59]. Нередко над «слушающими» девушками подшучивали парни (см. «Подшучивания и розыгрыши»).

К этому же типу относится так называемое «слушание» под окнами или у конюшни. «Ходили с соцьнём ко дверям к избе — выскут соцьень, да с соцьнём. Про цёо говорят: если про свадьбу говорят, дак уш к невесте тут и бежат, што чё у невесты. Или жоних — чё выяснят. Соцельник быв, это бегали в соцельник-от» [КМГ, д. Хошково; ССН 9:73об.]. «На святках задумывали о чём-либо и под окошками или под дверью слушали, что говорят. Я на мужа задумала в войну. Вот и говорят: “Письмо пришло!” Мне и пришло — через четыре года! И у коней слушали. Я, к примеру, загадаю: “Хорошо ли год проживу?” — если чхнёт, то проживу» [СЕА, д. Новосело; МИА 15:36]. «Слушали у лошадей: “Если я выйду замуж, лошадь, чхни!”» [ШТА, д. Мякишево; ССН 8:42]. «Идут к лошаде — ну, там она одна. Эсли сё год просватают ли замуж выйду, дак уш: “Или лошадь чхни, — или там, — затопайся”. Задумают, и лошадь, значит, начинает чихать или топать. Эт значит выйдешь» [КУН, д. Задняя Слободка; СИС 25:7]. «Девушки раньше ходили в святки, слушали — ко дворам — за какую заганут. Пойдём ко двору: если лошадь забегает на дворе, то та и замуж и выйдет» [РИА, д. Вашкозеро; ССН 8:18].

Разновидностью «слушанья» можно считать гадание с соломой: «“На соломинке гадали” называлось. Тянули соломинку прямую [двумя пальцами] — рожь-то была хорошая. Бабка Феня у нас соберёт да и нацнёт: “Слушайте: И-иван, И-иван”, — или там другое имя, будто соломина говорит [КУН, д. Задняя Слободка; СИС 25:5об.].

В Вашкинских деревнях еще в 20-е годы была широко распространена такая форма гадания, как «полáние» снега. «Вот все йдём артилью, дак. Зáдном полóтнишшом [=сзади в подол] накладывают там снегу, вот и тресём: “Злай, злай, собáчка, у суженоу на крыльéчке!” Ну, там собáчка и (в)злáет... Дак у коо на крыльце злает, туда и замуж выходú. Да». В Роксеме еще в середине 60-х годов девушки иногда так гадали в шутку, тряся снег в подоле юбки [НМП, д. Мыс; МИА 23:7-7об.]. «Захватишь в подол [юбки], штобы кругóм снег был, вокруг себя, и вот полéшь, што в какую сторону трясёшь подол — юбки-то большиз оденим, старинныэ, из холста дак юбки большие — вот стоим и полем: у коо снег летит — туда замуж» [ВЛФ, д. Ивановская; СИС 24:20об.].

К пережиточным формам магии можно отнести заглядывание на сон: перед сном выполняли различные действия, которые должны были способствовать появлению суженого-ряженого. «За большой палец-от у ноги пере(в)язывали. Спать когда ложиться о святках, и завязкот. Ну, я-то не перевязывала, а слыхала, перевязывали. На парня, с которым, примером, гуляла, што: “Судьба ли нет будёт?” И вот он присницца. Ес(л)и судьба, дак она ёо во сне увидит. Вот это дак гадали вот так вот» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:65]. В д. Росстань «кляли мотушку — пряли ранше на прявках-то. А я мотала против воскресенья. Ну, намотала мотушку на мотовило и сняла — сем [=семь] пас. В зголову клала. Спать легла да сказала. Там скажи, штобы: “Высужоный да ворóжоный, приснишь ты мне!”» [ДЕГ, д. Росстань; ССН 9:60об.]. В д. Липник «в коробочку в спичельную положишь таракана и в зголову к нóче кладёшь: “Таракан-пошехон, сведи к милому в дом!” Это проговоришь, эти слова, и кладёшь в зголову. Ну, вот и приснище если какой дом, значит...» [КЕА, д. Липник; ССН 9:8]. В д. Новосело в ночь «против Нового году или Крещения» девушки с приговором: «Богосужоной-богоряженой, приходи к моему колодцу коня поить, меня глядять!» — кляли на ночь под изголовье ключи от замка, которым запирали колодец. Считалось, что после этого приснится жених [КАС, д. Новосело; МИА 15:26]. В д. Кропачево девушки кляли под подушку сковороду, приговаривая: «Богосуженый-богоряженный, приходи за сковородником!» [ММФ, д. Кропачево; СИС 22:6об.]. В этих же деревнях «залажáли девушек матки, спящих дочерей. За что-нибудь из одежды замок зацепят, залóжат сонную: “Сужоной-ряженой, приходи ключи просить и невесту глядеть!” — и брали ключ. Утром спрашивали, кто приходил — приснился» [СЕА, д. Новосело; МИА 15:36]. «Залóжали против Нового году — замок на ляжке запирали: “Богосуженый-богоряженный, приходи за ключом!” — приснится жених для той, у кого замок» [ММФ, д. Кропачево; СИС 22:6об.]. Иногда предмет для этого гадания заготовли-

вали заранее: «Осенью, когда листья летят, надо один ртом поймать и хранить до Нового году. Положить под подушку, тогда приснится жених — у кого хлеб буду есть» [ММФ, д. Кропачево; СИС 22:6об.].

Очень распространенным было гадание с зеркалом. «Ходили в пустую летнюю избу со стаканом воды и глядят против зеркала, кто покажецца: гроб или что серое (может, черт!)» [СЕА, д. Новосело; МИА 15:36]. «В зерькало гледилисе в нежилых избах, так я тожо не гляживала. Когды я была деўкой, так это я разок. Так в жилой избе стали глидецца, а первой у нас Маше показаўсе гроб, деушке. Деушка уш она была не молодаа — мы с ёй дружили — деушка была не молодаа, ей показаўсе гроб. Мы всё тут кинули, завижжяли. А боле я к зерькалу к этому не подхожвала, и не видала, и не ходила и с подружкам ни с каким!» [ААК, д. Естошево; СИС 26:29об.]. Еще в 20-30-е годы в гадающие искренне верили в то, что «предвиделось», хотя уже, как правило, стремились найти для результатов гадания то или иное рационалистическое истолкование. «Да много о святках так гаданий было. Да в зерькало гледелись (зерькало, так это беда была: Сам [=черт] ходив в это, в зерькало — БАН, д. Ново). Да. Вот посадили иё. Собралисе, а в зерькало вот элак (вот большое зерькало, бóле метра!), вот элак наклонно стоэло. “Ну, — гоорят, — Тоня, садисе ты пёрваа: ты постарше, дак!” Вот она села, знач(ит) — свечка-та прямо поста́влёна с огнём, а зерькало-то наклóнно. Вот нагрелосе да и лопнуло зерькало. Да. Да ить прямо бы было поставлёно зерькало, дак не лóпнуло бы. А зерькало наклонно, а свечка-та — прямо в зерькало жар-то! Вот и лопнуло зерькало. Дак вот сразу с испугу сделавсе порóк сердца и вылечить не могли — померла́. Четыре года болела. Вот. Вот как гледилися... Ну а так, гоорят, судьба выйдет. Вот за коó выйдёшь, ак в зерькало, гоорят, и выйдёт. Ну, ак другóо [=не своего парня] увидит, дак другой, тот и будёт, который выйдёт в зерькале. Ой, ма́тушки-свёты добрые! [=со смехом] Прихо́дицца отка́зат(ь), как судьба показáлась другаа, дак...» [НМП, д. Мыс; БАН, д. Ново; МИА 23:7об.].

Вариацией гадания с зеркалом было «глядение в кольцо». «Нао в пустой штоб в избе, ни где живут — ну, в бане уж там. Баня была истоплена (я-то была маленькой, мы сидели на полке, а оне глядели). Нао не мигнуть сколько время. Всё тихо, потом стал выходить, она говорит: “Выходит, выходит!” Как увидела судьбу, в тот год и вышла» [КУН, д. Задняя Слободка; СИС 25:6].

Позднейшие формы гаданий о женихе по своей сути очень близки к игре и большинством рассказчиков осмысляются как развлечения. «На Новый год глаза закрывали платком, ухват и крюк, лопату к стенке ста(в)или — три [предмета] только и клали. Дак как поклóнишшо: какому поклонишшо. Ухвату — дак за пьяницу выйдёшь. А за это от, за крюк, то, грит, крюку поклонишше — за вдовца выйдёшь. Вот. В печке загребают, железный крюк. И лопату деревянну — лопата, дак помрёшь. Сама подойдёшь, поклонишше — и всё. За вдовца, дак за вдовца. Хто [промахнецца] — замужом

за мѡлодцѡ. Вот и всѡ» [ЗТН, д. Поповская; МИА 23:94-94об.]. В других деревнях символика предметов была иной. «Глаза завяз(ы)вали. Девушке глаза завяжут, тут лопату, клюшку, ухват — это всѡ выста(в)ят вот, а глаза завязаны. Тебя подводят, а там переменяют. Ты уш видела, а сменѡ место-то. Вот это невзначай-то и поклонисься. Это клюшке — вдове, а лопате — дак старой девке, а ухвату — дак молодцу» [ЯАА, д. Веселая; СИС 21:69]. В с. Липин Бор «ухвату кланялись: ухват, лопата, сковородник — все выставят. Если лопате поклонисьшѡ, дак старой девой останешшѡ; сковороднику поклонисьшѡ — за савдата выйдѡшь; а ухват, дак за простово парня выйдѡшь» [ККС, с. Липин Бор; ССН 9:33].

В Роксѡме девушки писали на бумажках имена парней, скручивали и клали на края блюда, а затем пускали туда таракана. К какой бумажке таракан подбежит, так будут звать жениха [ЯОП, д. Сальниково; СИС 21:46]. В Кьянде «гадали ишо на этом: тарелка с водой, там уголёк — вот это мешаэм и на кромочки-то на эти кладѡм читьри предмета: кольцо, печина (што от печки это глина), кольцо и спичка. Хлеб — богатство, а спичка — это уже плохая. Печина — печаль, кольцо — к замужеству. Бываэт не всегда правильно выпадаэт, но всѡ-таки» [КАЛ, д. Сементьево; СИС 25:26].

В Муньгском сельсовете «грудок-то [=кучек зерна] все в круг накладут: вот тут твоя грудка, тут моя, тут вот этой грудка — вот это петуха-то ро-скружат да как кинут. Вот к какой грудке петух подбежит, так этот женищѡ или замуж выйдѡт там. “Ой, — гоорят, — (в)ѡть петух-то эту грудку за-клѡ(в)ав!”» [ААК, д. Естошево; СИС 26:30].

Здесь же гадали под Новый год с поленьями. «Деўки пойдут к полинницам, к дро(в)ам. Вот если подошла к полиннице ни глядя, полено выдернула, несу в избу. Если полено хорошоэ, не суковатоэ — за хорошоэ замуж выду. А нет, какаа принесѡт: “Ой! Не знай какой урод будѡт!” — полено худоэ принесла» [ААК, д. Естошево; СИС 26:29].

Морозов И. А., Смольников С. Н.

ГАДАНИЯ С ПОДБЛЮДНЫМИ ПЕСНЯМИ

Одна из разновидностей святочных гаданий (см.), активно бытовавшая в Северном Белозерье еще в 20-30-е годы. В Вашкинском районе гадания такого типа обозначались устойчивыми словосочетаниями: «имать или хватать кольца» (д. Иевлево), «кольца трясти» (дд. Мякишево, Малеево, Опрячкино) или «блюдо трясти» (д. Лукьяново), а сопровождавшие их песни часто называли «подблюдными» (дд. Сукозеро, Ваномзеро, Кропачево). В д. Савалиха об этом гадании говорили: «В блюде гадали: колечка кладут, и один человек поѡт» [БАИ, д. Савалиха; ССН 8:28об.].

Многие из наших рассказчиков сами уже не гадали, а лишь видели, как это делали другие, или слышали о гаданиях с подблюдными песнями от

старших родственников. «Моя бабушка пела, отца мать. Я не пела сама...» [КАА, д. Слизово; МИА 25:75-75об.]. Ефросинья Александровна Сафонова из д. Новосело вспоминает, что впервые увидела этот тип гадания, когда десятилетней девочкой гостила в д. Кистнево вместе со своими родителями [СЕА, д. Новосело; МИА 15:35-36]. Апполинария Александровна Якуничева из д. Весёлая также слышала подблюдные песни, когда гостила в детстве у дедушки в пос. Первомайский [ЯАА, д. Веселая; СИС 21:68-68об.]. Вместе с тем в некоторых местах (например, в д. Рогалёво) подблюдные гадания на святки продолжали бытовать до недавнего времени. Правда, в современных вариантах гаданий песни исполняются только старейшими жительницами деревни и при этом либо утратили традиционный напев, либо исполняются речитативом. Впрочем, исполнение подблюдных песен пожилыми женщинами или старухами (а не гадающими девушками) отмечалось и в более ранний период.

Гадали обычно вечером накануне Нового года — в «подблюдный вечер» [БНС, д. Пиньшино; МИА 23:26] или «под Новый год и под следующее воскресенье» [ММФ, д. Кропачево; СИС 22:15]. Собравшись у кого-либо в избе, девушки садились кругом, одна из них (или женщина постарше) брала на колени закрытое платком блюдо, куда все остальные складывали мелкие вещи. В старину это были обычно предметы, символизирующие девичество: колечки или сережки. «Вот в блюдо накладывают там какое — ты кольцо либо предмет какой-нибудь кладёшь. Вот одна сидит, завяжот платком блюдо и поёт» [КМГ, д. Хошково; ССН 9:72]. Затем водящая или все девушки хором начинали петь какую-нибудь припевку и одновременно, не глядя, доставали один из предметов, обладательницу которого ожидала судьба, «зашифрованная» в песне. «И вот одна пожилая женщина песни поёт этим молодым: какáа песня выпадёт кому? Она ни видит, она поёт песни там по порядку — какаа песня кому...» [БНС, д. Пиньшино; ЖВН, д. Ваномзеро; МИА 23:26]. Чаще всего во время пения блюдо трясли. «Колечок накладёшь на блюдо, да. Там кольца — кто чё накладёт — да в блюде трясут, да и имают» [ЛАП, д. Сукозеро; МИА 25:Ф1994-12Волог. Оп. № 10]. «В блюдо кладут кольцо, закроют блюдо это платком. Ну, одной рукой трясут, а другая в блюде. Там выскоцит какое кольцо, попадёт в руку. Вынут. Вот кому это достанется. Вот твоя там пуговка или кольцо ли чё ли будет, дак скажут: “Моя!” Мне и песня эта досталась» [КЕЕ, д. Рогалёво; ССН 9:80об.].

В поздних вариантах гадания вместо колечек могли применять и другие предметы: булавки, пуговицы, брошки. «Моя бабушка пела... Например, я кольцо своё дала, другой какую ли пуговицу дас(т), запомнит. И вот она закроет платком блюдо: в блюдо кладёт, закроет платком — и там споёт песню, и там вот так тряхнёт, там схватит вот так. Какая попадёт в руку: “Чья эта?” Если моё кольцо, дак моя эта песня, мне досталасе...» [КАА, д. Слизово; МИА 25:75-75об.]. «Берём пуговок, и вот в блюдо так раскладут. Мы всё больше пуговики кладём, колец-то у нас нет топерь, дак. И вот блюдо

это завернешь платком. Вот там трясёт. Я-то, правда, это не делала. А пуговики-то кладовала каждый год почти. Прошлый год только не была... Блюдо тряёшь — закрыто платком — дак элак, как говоришь, эдак и поём [=речитативом]. Какая пуговка выпадет, чья попадёт в руку» [ЛАД, ЛНП, д. Роголёво; МАД, д. Москвино; ССН 9:86об.-88, 98]. В старых вариантах гадания важное значение имела и очередность вытаскивания предметов: «Чьё кольцо [раньше] ухватит, та быстрее замуж выйдет, наперед» [КАА, д. Трифоново; МИА 25:Ф1994-12Волог. Оп. № 10].

Смысл гаданий с подблюдными песнями заключался в толковании коротких припевок, исполнявшихся для каждой участницы, а их обычными темами были «замужество» — «девичество», «здоровье» — «болезнь», «жизнь» — «смерть». «Против Нового году пили. Это вот как замуж здобляюща девушки. Што: “Взámуж возьмёт ли нет?” В блюдо вот колечки кладут, и закроют блюдо, и трясут. Писню спюют (там ишо не одна писня!). Што какое колечко загребёт через марлю там: если твоё колечко — тебе эта писня» [БАИ, д. Савалиха; ССН 8:28об.]. Толкование смысла припевок основывалось на традиционных образах-символах, широко распространенных в фольклоре. Например, «полная квашóнка» означала богатую жизнь, изобилие, достаток; «глодание ошúрок» (т.е. шкварок, остатков) — отсутствие ухажора, сидение в девках («в ошúре», в «пересúдках», в «хвостé»); «соловей» или «воробей» — персонажи, известные по свадебным песням и хороводным играм с выбором пары, т.е. тесно связанные с брачной символикой.

Гаданию с подблюдными песнями еще в 20-30-е годы придавалось большое значение. На гадание собиралось порой все население деревни. Гадали не только о замужестве, но и о жизни, о судьбе. «Вот в Естошеве у нас это собирались все: и парни там какиэ взросльэ, и мужики какиэ тут это любят какиэ-то присказки — это все писни пить собирались» [ААК, д. Естошево; СИС 26:28-29]. Часто загадывали не только на себя, но и на своих детей и близких родственников. «Верили, потому што это сходилось. Вот я уш загадывала на деток, дак вот у меня это всё сходилось. У меня вот дочка старшаа, она тожо песням этим верит, потому што ей по песням сходилось. И вот она: “Мама, ты уш спой, сходи попеть песен!” А я уш сколько годов не бывала, не ходила. Вот уш года два как не бывала. А так собирались, собирались женщины: “Пойдёмти песни петь!” Это наа накануне Старого года, вот тринадцатоо. Вот вечером, уш после обряда, уш там в восемь, девять часов мы идём. И там вот к этой бабушке [=Авдотье Куликовой родом из с. Слизово] собирались и там все пуговицы несем и на себя, и на детей: на кажноо ребёнка там разная пуговица, штобы нам не спутацца. Это мы уш собираемся, дак всю сёмью и переберём, о ком душа болит больше. Ну вот, берём блюдо, закрываем новым платком, штобы новый был, и вот эта [бабушка] трясёт вот этим блюдом. Трясёт, а рука-то там, и вот какая пуговичка падёт на ладошку — ну, песню поёшь на эту пуговицу — и

какая сюда на ладонь. Ну, значит, она эту вынимает: “Это чья пуговица?” Значит, моя как эли, дак вот мне какая песня выпала» [КАЛ, д. Сементьево; СИС 25:29].

Каждая песня сопровождалась небольшим рефреном, который некогда выполнял роль магической заклинательной формулы.

Кому поём,
Тому сбудецца,
Не менёуецца!
[ГАВ, д. Курулёво; МИА 25:45об.-46].

Наиболее старые формы рефренов в подблюдных песнях использовались в Троицком сельсовете: «Слава!», связанная с величанием хозяев и присутствующих при гадании девушек-невест, и «Аллилуйя!», из которой произошли широко распространенные в восточных районах Вологодской области «Илеи».¹

В некоторых случаях сохранялось обыкновение перед началом гадания петь или произносить речетативом специальный приговор. «Эту писню споют, там какáа:

Трясú я, трясу блюдечко,	Выйдёт ли на девушку
Трясу я для себя:	Моя судьба?

А потом уш про судьбу свою» [БАИ, д. Савалиха; ССН 8:28об.].

Приведем несколько описаний гадания с подблюдными песнями из разных деревень района с комментариями самих исполнителей. Большая группа песен связана с темой богатой и счастливой жизни (нередко в замужестве) или болезни и смерти: «А это значит “богатства много”:

Идёт бык по гóроду,
Несёт рог выше гóроду.
Слава!»
[КАА, д. Слизово; МИА 25:75-75об.].

«На святках подблюдные песни пели:

Растворила квашóночку на дёньшке,
Стала наўтро с краем наровнё.

¹ Толстой Н.И. Аллилуйя // Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под. ред. Н.И. Толстого. Т. 1. М., 1995. С. 100-102.

Дак, значит, хорошо год проживёт. И наоборот:

Растворила квашоночку с краэм наровнё,
Стала наўтро на дёньшке.

Дак это уш хúdo проживёт. Вот такиё всё нескладúхи собирали...» [БНС, д. Пиньшино; ЖВН, д. Ваномзеро; МИА 23:25об.].

«А там всякие, где хозяйские такие:

Растворила квашоночку на дёньшке,
Утром встала — с краям наро(в)ёнъ.
Кому сбúдэцце,
Кому станёцце,
Не минúёцце.

Заехала в ухаб
Да не выехать никак.

А это какая-то помёщица в жизни будёт, чё-то неладно» [ЯАА, д. Веселая; СИС 21:68-68об.].

Рстворила я квашоночку,
На дёнушке,
Росходиласе квашоночка
До самых до краёй.

«Тожо хорошо — это хорошая писня. Ну. У-уй!...» [ЛАП, д. Сукозеро; МИА 25:Ф1994-11Волог. Оп. № 10].

«Вот трясём блюдо эдак и поём:

На полатях мужик
Обосрался лежит.

Это кому эта песня выпадет, дак уш худо будет за год время.

Вышли из-за пёчи
Рваные плечи.

Дак тоже песня эта худая для жизни будет.

Идет кузнец из кузницы:
Одна полá во сто рублей,
А другая — во тысяцю.

Эта дак уш хорошая.

Идёт (вар.: Ходит) бык по гóроду,
Несёт рогá выше гóроду.

Эта тоже хорошаа.

Пльвёт шшучка
Из Белоберега,
На ей чошуйка серебряная.

Тожо это хорошая песня» [ЛАД, ЛНП, д. Рогалёво; МАД, д. Москвино; ССН 9:86об.-88, 98].

Медвидь росыхавсе, роздыхавсе...

«“К болезни”. Это кому достанецца эта песня — или больнэй, или заболееет» [КАА, д. Слизово; МИА 25:75-75об.].

Одни и те же песни, спетые для разных людей, могли обозначать разные, иногда совершенно противоположные вещи, и их понимание во многом зависело от степени владения искусством трактовки традиционной символики. В этом смысле объяснение смысла подблюдных песен мало отличалось, к примеру, от толкования снов. «Накануне Новоо года берут блюдо, кладут кольца с руки, замечают, што вот какаа писня мне достанецца. Вот это блюдо и трясут. Трясут это блюдо и писни поют там. Рука навёрху так, на этом на платке. Какоо кольцо скрозь хватят какоо кольцо, писни поют:

Намазаны сапожки
Идти в дорожку,
Кому поём, тому с добром,
Кому сбудицца, не минуэцца.

Вот уш это попадёт это кольцо, как эсли парню, там ли матка задумала про сына, што в армию возьмут ли, матка тут уш заплакала: “Ой, возьмут!” Ли опять запоют:

В подсораэ саннички,
На сараэ сундучки.
Сись [=сесть] да уехать.
Кому поём, тому с добром,
Кому сбудицца, не минуэцца.

Матка опеть заплакала:”Сей год девка, видно, взамуж выйдёт!”
А вот ишо писню пили всё што:

Шашнули венички на грядочке,
Кому поём, тому с добром,
Кому сбудицца, не минуэцца.

Ну уш, а раньше в гроб клали виники, ну уш тут в этой симье кто-нибудь опеть неладно, кто ли умрёт.

Растворила квашоночку на дёнышке,
Стала по утру — с крайми наравень.
Кому поём, тому с добром,
Кому сбудицца, не минуэцца.

Ну, вот эта писня хорошаа» [ААК, д. Естошево; СИС 26:28-29].

«Я загадала што, на дочку, как например, што как дочка будет жить, ак вот и поют:

Кисни квашоночка,
Со дна вороти,
Только квашоночка
Дно береги.

Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя!

Ну вот. Значит, эта песня означает, што ты — «кисни квашоночка» — молодость твоя, но только дно береги, штобы, ну понимаете в чем дело, береги себя, будь осторожна. Вот ищо:

Идёт кузнец из кузницы,
Одна пола в золоте,
А другая в серебре,
А самому кузнецу и цены нет.

Значит эта уже хорошая, очень даже хорошая, значит он будет богатый и работающий, раз “идёт кузнец из кузницы”.

Идет кузнец из кузницы,
На нем шубейка худёшенька.

Это бедный жених.

Зовёт кошур кошку
В печурку спать.
Там кусок пирога
Да бутылка вина.

Вот это уже к свадьбе.

На паперти два отрока венчающа,
Золотыми кольцами обвенчающа.

Вот это уже “на паперти”, дак это тожо нехорошая. “На паперти” — это они не хорошо. Значит, эта песня уже или к молодым или к умершим.

Саночки-самокаточки,
Только бы сесть да поехати.

Значит, куда-то ты можешь уехать, што всё приготовлено уже к дороге.

На полатах старик,
Обосрался лежит.

Это уже тут худаа песня.

Плывёт щучка с Белазера,
На ней чешуйка серебрянаа.

Вот эта хорошаа: щучка идёт, дак к свадьбе может быть.

Растворила квашоночку
На дёнышке.
Утром встала —
С краям наравне.

Это уже к богатству.

На корыте сижу,
Да корысти жду.
Еще посижу
Да еще подожду.

Значит, невеста ждет жениха. Это не знаю, выйдет или нет, што невеста ждёт жениха, а неизвестно, приедет, нет.

Вышли из-за печи
Рваные плечи.

Ну, это тоже бедный, к бедности.

Вынесло пучище на рипище.
Пучина вшей, а другая гнид.

Уж очень бедные. Это уж очень бедно проживут.

Чашечка-поплавушечка
От берега отстала,
К другому не пристала.

Это значит она может быть разведёная.

Плывёт щучка с Белазера,
Волокет свой хвост на Новозеро.

Это к замужью, в другое место.

Ставь мати опары,
Пеки пироги.
К тебе едут гости,
Ко мне женихи.

Ну, это понятно.

Подобулась коровушка в лапотки
На лысню спать
Да травы искать.

Это тожо подёт искать еду. Да, она к бедности тожо.

Сидит воробушка на перегороде,
Глядит воробушек на чужу сторону.

Идёт бык по городу,
Несёт рога выше города.

Эта самолучшая тоже песня.

Хватит шить на батюшку,
Пора шить на ладушку.

Это идёт тоже к невесте» [КАЛ, д. Сементьево; СИС 25:29].

Преобладающее число подблюдных песен посвящено теме замужества.
«Бабка в решето кладет одно кольцо, решето трясет:

Пеки, мама, опáры,
Пеки пироги:
К тебе едут гости,
Ко мне женихи.

Одна кольцо хватает на эту песню: успела — выйдет замуж.

Ещё помани
Да ишшó посиди!

Попадает кольцо в руку под эту песню — сидеть будет в девках» [СЕА, д. Новосело; МИА 15:35-36].

«В блюдо это положишь — вот там трясе́шь:

Сидит воробей на перéгороде,
Гледит воробей на чужú сторонú.

Это, значит, поют если писню да если тебе эта писня выпадёт, там девушке [которую] отвева́ют, дак што она уш уйдёт, уйидит» [КАВ, д. Мытник; ССН 9:68].

«Это “воробей”, дак как будто выбудёшь на чужую сторону:

Сидит воробей на перéгороде,
Глядит воробей на чужú сторонú.
Кому сбудёцце,
Кому станёцце,
Не минуёцце.

Стоят санки у лésенки,
Сесть бы в эти санки да уéхати,
Уехати да ни приехати.

А это, дак перед замúжьём: “ехать и не приехать” — кому достанецца. Это считаецца хорошая песня.

Стук-бряк иголочка во яшшычке —
Шить на своёго ладушку.

“Пала иголочка” — перед замужьём» [ЯАА, д. Веселая; СИС 21:68-68об.].

«А там жо тресёт тода одна и поёт, а другие уш има́ют колечко — тут чьё кольцо. Это всё против Нóвоо гóду делали. Это подблюдные тожо писни. Песни поют, защнут пить, што:

Сидит соловей
На перéгороде,
Гледит соловей
На чужую стóрону.

Ну, чьё колечко попало уш в руку, дак вынимают. Дак: “О, это, девка, ты замуж выйдёшь сёб году!” Ишь — “соловей” поют, а [её] колечко

пѳймали. Да много элаких писѳен пили. Начнѳт пить, так кому жо хто чѳѳ възьмѳт.

На лѳжанѳчке лѳжѳ,
Толокнянѳчки бажѳ.
Я ишшѳ полѳжѳ
Да ишшѳ побажѳ!

Толокнянѳчку — из толокнѳ заварят, да, как киселя, да. Так эта худѳа писня. Ну, ак всѳ ранше го(в)орѳли, шо: “У-уй, девка, на лѳжанѳчке лѳжишь, дак худо!” Пили тожо (трясѳт, дак):

Пеки, мама, опѳры,
Опѳрники,
К тибѳ приедут гости,
А ко мне жонихи!

Вот тѳжо: “О-ой, девка, ты зѳмуж выйдѳшь! Колечко твоѳ, дак!..”

Намазаны сапѳжки
В дорожку идти.
Систь бы мне
Да уехати!

Вот. Это от што “зѳмуж возьмут” — в сапѳжках уш» [ЛАП, д. Сукозеро; МИА 25:Ф1994-12Волог. Оп. № 10].

«Ну, вот кому какѳа песня достанецце. Вот зарѳдят: “Эта, эта песня тебе!”

Сижѳ на плѳшке
В красной рубашке.
Кому поѳм,
Тому сбудецца,
Да не менѳецца!

Вот. “Ну-у, эта не выйдѳт замуж!” Всем замуж нада век свой девкам-то...

Сидит в печурке,
Хрястает ошѳрки [=шкварки].
Кому поѳм,
Тому сбудецца,
Не менѳецца!

Эта тожо замуж не выйдѳт!

Не пора ли те, игѳлочка,
В коробѳчке лежать? —
Налѳжалася да навалѳлася!
Кому поѳм,
Тому сбудецца,
Не менѳецца!

Ну-у, эта: “Девка, ты зѳмуж выйдѳшь!”» [ГАВ, д. Курулѳво; МИА 25:45об.-46].

«А потом ишо какую-то песню пели:

Шáстнули винички на грядочке,
Заржáв жеребец на Ивановском
(вар.: Заржáв жеребец на всю Ивановскую).

Ну, значит, хто там замуж выйдёт в этом году, ли чё ли там. Вот такиё всё нескладухи собирали...» [БНС, д. Пиньшино; ЖВН, д. Ваномзеро; МИА 23:25об., 29об.].

Похожие песни пели и в дд. Ушаково, Роголёво, Москвино, Кропачево:

Ски, мамка, сочни,
Пеки пироги,
К тебе суляться гости,
Ко мне женихи.

«Эта замуж выйдёт» [ВАИ, д. Ушаково; СИС 21:50-51].

Пеки, мати, опáра,
Пеки пироги.
К тебе прёдуд гости,
Ко мне женихи.
[ЛАД, ЛНП, д. Роголёво; МАД, д. Москвино; ССН 9:86об.-88, 98]

Подкатилася карета
С красивым молодцам.
[ММФ, д. Кропачево; СИС 22:15об.]

На печурке сижу,
Ошурки гложу (вар.: грызú).
Еще посижу,
Еще погложу.
(вар.: Я еще посижу,
Я еще погрызú. — КФГ, д. Москвино; ММФ, д. Кропачево)

«Будет сидеть в девках».

Заехала в ухаб,
Да не выехать никак.

«Сидеть в девках» [ВАИ, д. Ушаково; СИС 21:50-51; КФГ, д. Москвино; ССН 8:45-46; ММФ, д. Кропачево; СИС 24:27].

Винички шумят таки шумят,
Они ишшо пошумят,
Ишшо посидят.

Сиди-ко, Домна,
На своих гóвнах!

«Эти дефки уш не выдут тово году» [ММФ, д. Кропачево; СИС 24:27].

Сидит соловей (вар.: воробей)

На перёгороде,

Глядит соловей

На щюжү(ю) сторонү.

[КЕЕ, ЛАД, ЛНП, д. Рогалёво; МАД, д. Москвино; ССН 9:80об., 86об.-88, 98.; КФГ, д. Москвино; ССН 8:45-46]

За столáми сижү,

Сарафаны крою.

Я ищó посижү,

Я ищó покрою.

«Эта не выйдет замуж» [КФГ, д. Москвино; ССН 8:45-46].

Саночки-самокаточки —

Только сести да поехать.

[МАД, д. Москвино; ССН 9:98].

Пóлно те, игóлочка,

В коробочке лежать,

Порá тебе, иглолчка,

Дары припасать.

Намазаны сапожки

В дорожку идти.

«Это к свадьбе» [КФГ, д. Москвино; ССН 8:45-46].

Особую группу составляли песни “для нечестных” девушек. Получить такую песню считалось большим позором. «Моя бабушка одной девушке спела песню:

$\text{♩} = 90$

Нотация Е.Г.Богиной

Мышь пы - шшыт ко - ро -

вай та - шшыт. И - шшо по - пы - шшыт, дру -

гой при - та - шшыт. Сла - ва!

Мышь пишшыт,
 Коровáй ташшыт.
 Ишшó попышшыт [=попищит],
 Другóй приташшыт.
 Слава!

И она в эту зиму родила. Ага. Она и приташшыла коровай» [КАА, д. Слизово; МИА 25:75-75об.].

Другая подблюдная песня на эту тему была известна в Пушторе, в Пиксимова и в д. Савалиха:

Бегаёт тѣлушка
 По наволоку,
 Ишшот тѣлушка
 Быкá-третьякá!

Девка выташшыт, и эта писня бу(д)ёт, дак какаа ли гуляшшая бу(д)ёт девка. Бык-третьяк, дак это уш большой бык, да, большой, дак...» [ЛАП, д. Сукозеро; МИА 25:Ф1994-12Волог. Оп. № 10, 11].

Бегаёт нетѣлица по наволоку,
 (вар.: Ходит нетѣлка по наволоку. — БАИ, д. Савалиха)
 Ишшет нетѣлица быкá-третьякá.
 [КМГ, д. Хошково; ССН 9:72; БАИ, д. Савалиха; ССН 8:28об.]

В д. Рогалёво намеком на то, что девушка ведёт себя слишком вольно, могла быть песня:

Кисни, квашоночка,
 Дно береги!
 [ЛАД, ЛНП, д. Рогалёво; ССН 9:86об.-88]

В д. Сементьево беременность сулила песня, которую по отношению к людям преклонного возраста истолковывали как предвешение болезни:

Идѣт медведь
 Запыхался, задыхался.

«Значит, это уже к беременности — это уже может забеременеть. Или, может, старая там какая — это может быть к старости, што она будет плохо мочь. Здоровье плохое...» [КАЛ, д. Сементьево; СИС 25:29].

Такой же смысл приписывался часто и песням с мотивом «поиска», хотя в поздних вариантах трактовка могла быть и более широкой: «А эта песня вот кому какая — по песне тебе знать, што чё, как будешь год жить».

Подобулася корбушка
Пошла на лысню спать
Да травы искать.

Пошёл кот к ошурку
В печурку спать,
Судьбу искать:
— У меня, у кота,
Есть бутылка вина
Да кусок пирога!

[ЛИАД, ЛНП, д. Роголёво; МАД, д. Москвино; ССН 9:86об.-88, 98]

Некоторые песни, указанные выше со значением «остаться в девках», могли трактоваться и как «плохие», «к болезни» или даже «к смерти».

В печурочке ошурочки.
На печурочке лежу,
Ошурочки грызу.
(«К плохому»).

Обулся не так,
Оболокся не так,
Заехал в ухаб —
И не выехать никак.
(вар.: Заехал мужик в ухаб
Да не выедет никак. — ШТА, д. Мякишево)
(«К смерти», «к плохому»).

На полатах мужик
Обосрался лежит.
(«К плохому»).

[КФГ, д. Москвино; ШТА, д. Мякишево; ССН 8:42, 45-46].

В подавляющем большинстве случаев гадания с подблюдными песнями приурочивались к святкам (см.), чаще всего — к вечеру накануне Нового года. Но по некоторым сведениям они могли практиковаться и во время свадьбы: «Когда отдавали замуж, кольца клали в блюдо, на дно стелили “что-то мягково”, потом трясли и “пели песни причетальные”» [КНИ, д. Глухарёво; МИА 23:96]. По-видимому, не случайно и название «подблюдная песня» для свадебной величальной песни «Чарочка», исполнявшейся во время «большого стола» (см. «Свадьба»): «Подружки подблюдные поют песни ... — “на золотом блюдечке” как подносят чару» [САМ, с. Липин Бор; ССН 11:5].

Морозов И.А., Слепцова И.С.

ГАРМОНИСТ

Гармонист («игрѳк») входил в число персон, обладавших, по общепринятым воззрениям, «особым» умением и «силой» (см. еще «Пастух»), а потому имевших высокий авторитет и пользовавшихся всеобщим уважением. Гармонист был обязательным участником семейных и общественных праздников (см. «Застолье», «Некрута», «Свадьба»), молодежных бесед. Особо одаренные всегда были «нарасхват» и нередко играли за плату, хотя она, конечно, была очень небольшой и обычно вносилась продуктами. «На праздники дак пригласят гармониста: “Чѳе не придѳшь не поиграѳшь?” — “Пожалуста!” — соглашаѳцца. Сразу скажѳт — у нас не принято было ломѳще... Гармонисты были самородки, вобшом, одарѳнные ребята. О, Володя Макаров играв, Виссарион вот! У нѳо была хрѳмка, а у них [т. е. в соседнем сельсовете] — кирилловские... Потом стали появляѳцца патефоны. Ну, на патефоне-то и я бы играв!..» [ЛИМ, д. Шугино; МИА 23:51об.]. Искусное музицирование было одним из важных свойств «знающего» пастуха (см.). «У нас Паша Кириллов пас (Егора Коновалова отец), дак берѳстянаа была труба, вот, наѳрно длиной [=с метр — показывает руками]. Так там, в Шугинѳ трубив. Один пастух у нас был Офѳнька, каѳцца, со Слободки вон. У тоо гармошка была: утром вместо барабана пройдѳт проиграѳт. И в лес носив гармошку...» [ЛИМ, д. Шугино; МИА 23:52].

В молодежных «шатаях» роль гармониста была не менее значимой, чем роль атамана: «Гармонист обычно в кампании в первых рядах. Были атаманы, но гармонист независим был. Ни с одной, ни с другой стороны некто ево не должен, не имел права тронуть. Некто не имел! Это как вроде в гражданскуу войну в бой шли, в горн играли...» [ГАМ, д. Никоново; МИА 25:Ф1994-12Волог. Оп. № 36]. Особым вниманием пользовался гармонист и со стороны девушек, так как, по традиционным воззрениям, умение играть на гармонии или другом музыкальном инструменте — признак готовящегося к женитьбе парня, «доброго молодца». Хорошему гармонисту оказывали всяческие знаки внимания, пели ему специальные частушки.

Хорошо, игрок, играѳшь,
Я смотрю на пальчики.
Любите, девки, игроков —
Хорошенькие мальчики!

Ой, играй повеселее,
Игрѳчек красивенькой,
Подарю тебе платочик —
Уголочик синенькой.

Хорошо игрок играѳт
С Шалги ли откудова?
Далеко ли эта ягода
Живет отсюдова?

Я любила гармониста,
Гармониста тешила.
Гармонисту на плечо
Сама гармошку вешала.

Гармониста я любила —
 Не попала за ево.
 Не хватило капиталу
 У папаши моево.

Хорошо игрок играэт,
 Но не как милаша мой.
 А милаша мой играэт —
 Серце колет как иглой.
 [БАЕ, д. Малеево; МИА
 24:138-138об.]

«Милашам» девушки нередко дарили платочки и вышивали ремни у гармошки. «Раньше гармонистам вышивали ремни, а в моё время всё реши-ли. Ну, чё-нибудь да (в)сё вышьют» [СНН, д. Село; СИС 26:82].

Важную роль играл гармонист во время праздничных гуляний (см.) и драк (см.). Иногда искусство «громкой игры» заранее предreshало исход схватки. «Ну, бывало, што ведь идут — например, вот Девятаа Пятница праздник у нас был — наших человек семьдесят идёт, семьдесят пять (гармонист идёт в первых рядах) и там то же самоо. Ну и гармонисты друг против друга сôревновались: кто лучше сыграэт и коо гармошка громче сыграэт. Есле гармошка мôя громче взяла, значит наша уже, щитай, победа будет. А если у них слабонька, значит компания слабенька... У-у! Гармошек этих! У коо есть, каждый нес. Вот кампания пошла, собрались там, пришли, по деревне пошли — челозк семсят вот, семисят пять, восемисят. Значит, идет гармонист уже там из восьмидес(я)т(и) челозк вот, например, с Индомана, от нас. А можот шесть-семь гармошек взяли. А это лучше игрок играат — уже пошли, ну, как го(вор)ицца, в бой...» [ГАМ, д. Никоново; МИА 25:Ф1994-12Волог. Оп. № 36].

При пляске в кругу на гулянии, «вот тожо игроки стоят рядом: который которово перешибёт в игре, у коо громче» [ГАМ, д. Никоново; МИА 25:Ф1994-12Волог. Оп. № 38]. «В гармонью играют и вот друг перед дружкой-то вот и хоркают. И вот хто сильнее: там партия и тут партия. Гармонист играэт под драку — ну, такую резкую, перебор такой. Ну, под такт этой песни, как он хрястаэт, поёт:

Атаман, — гыыт, — играй под драку,
 Драка начинаэцца.
 Вся весёлая игра
 Дли драки не кончаэцца!

Вóто какие песни пели оне!» [КНИ, д. Глухарёво; МИА 23:105]. Игра не прекращалась и во время драки: «Ну, они в сторонке играют, штоб йих там не захватили» [ГАМ, д. Никоново; МИА 25:Ф1994-12Волог. Оп. № 38]. Причем на гармонь могли покуситься только когда совершенно не сомневались в победе. «Гармонистов не-ет! Не дай Бог, если гармониста тронь — тут всё-о! А и бывали случаи — гармонь могли разорвать. Это уже в полной, в полной уверенности, што наша взяла. Тут уже могли в это время и девчонку

обидеть, и гармонь разорвать. Бывало всяко...» [ГАМ, д. Никоново; МИА 25:Ф1994-12Волог. Оп. № 38]. Иногда драка начиналась именно с нападения на чужого гармониста: «Это когды, знаэш, эт зляще, дак. Вот друг на дружку косяще. Как ужо писня-то поёще:

Поиграй, гармошка наша,
Мы чужюу разорвем!
Де на нас робята сердяцца,
Туда гулять идём!

Ну, это дак эт другой раз роздеруще, дак и гармошку порвут: ножом пону́т — и всё!..» [ЗСН, д. Ларино; МИА 24:148].

В послевоенные годы, когда мужское население резко уменьшилось, в деревнях стали появляться и девушки-гармонистки. Судя по свидетельствам, отношение к ним было настороженно-презрительным, поскольку игра на гармонии явно роняла их женское достоинство. «Раньше эть мало играли (э)ти, девушки-то. Теперь уш играют полно́, а то́гда не играли. Дак раньше вот меня обзывали — мне стыдно, неудобно вам объяснить... То́гда (в)от гулянье — ить много народу было — собирающе, идут. Дак вот идешь — человек, наверно, петнацать и дваццать — играэш. Они г(о)ворят: “Уй, вон белошишко идет! У-уй, белошишко играэт!” Белошишко — это считаэще нехороший чало(в)эк, шо, ну, какая-та хулиганка и матюкунья. Дак мне так неудобно было!» [НВА, д. Трошино; МИА 25:Ф1994-12Волог. Оп. № 20-21]. Обычно же наиболее «бойкие» девушки пользовались балалайкой: «Девчата тоже х́дили, ну, своей компанией, тожо встрéту так попадали. И тожо идут, захватывались за руки, и — балалайки были — в балалайки играли и частушки пели» [ВВВ, д. Рашино; МИА 24:110]

Морозов И.А.

ГОРОДКИ

Игра в городки (“в цыбики” — с. Липин Бор) была известна во всем районе. В неё играли и дети, и молодежь, и взрослые, и даже старики. Если для взрослых и стариков это было праздничным развлечением, то дети и молодежь, особенно парни, играли, начиная с ранней весны: «Снег растаэт, сухо станёт — тепло, сухо, — и в свободное время, в выходной, в воскресеньё [играли]. До сенокосу был в воскресенья отдых. А в сенокос — некакоо отдыха!» [ЛИМ, д. Шугино; МИА23:66]. В дд. Покровское, Калитино «женатые» играли в городки по вечерам все лето [КМИ, д. Покровское; МИА 15:17].

Как правило, игровые компании делились по полу и возрасту, хотя дети могли играть «всем залпом», т. е. мальчики и девочки вместе. В некоторых

местах (с. Вашки) девочкам-подросткам и девушкам не разрешалось играть в городки.

Существовало для варианта игры: команда на команду и каждый за себя, причем последний вариант встречался гораздо реже. Команды могли собираться «по согласке» или по жребью (деление на команды — см. «Лопта»).

Для игры необходимы были палки («галы», «лопты», «биты») длиной около 70-80 см. с круглой ручкой и «городки» или «цыбы» диаметром 5 см и длиной 15-20 см.

На расстоянии 10-15 шагов друг от друга чертили два «города» (или «поля») — квадрата со стороной 1-1,2 м, каждая команда себе. Затем те, кто должен был бить, вставляли у передней черты своего города и начинали по очереди бросать биты. Каждому игроку давалось определенное число бит, обычно 2-3. У хороших игроков были свои биты, которые они помечали инициалами. «В цыбы играли да. А вот нарежут этих палочек-то круглых-то, наставят городков на большую дорогу, и потом у их лофты вот такие были сделаны, и вот они швыряли, в цыбики-то эти и бросали лопты. Потом сделают эдакой избушкой, накладут побольше, штобы разбить-то Выбивают друг у дружки это, играют дак кто сколько выбьют» [ККС, с. Липин Бор ССН 9:14].

Существовало несколько вариантов расстановки городков в городе. В д. Лукьяново они имели следующие названия: «пушка», «колодец», «звездочка», «письмо», «змейка» [КМИ, д. Лукьяново; СИС 22:50об.]. В д. Потетноево: «клеточка», «хвостик», «избушка», «стоякам», «звезда» [ЧИС, д. Потетноево; ССН 8:17].

В д. Новоселово кроме «пушки», «колодца», «змейки» ставили «стенку», «ворота», «поезд», «звезду», «бабушку в окошке» (то же, что «пушка») [КЛА, ФВН, д. Новосело; МИА 15:24]. В д. Покровское «пушку» могли делать так: один городок клали поверх четырех других городков, положенных параллельно — поперек них [КМИ, д. Покровское; МИА 15:17]. В д. Шугино ставили «пушку», «письмо», «ворота», «колодец» и «серп» [ЛИМ, д. Шугино; МИА 23:66].

Задача бьющей команды — выбить из «города» все лежащие городки («лѣги»). Если городок после удара оказывался на черте, то выбит он или нет считали по тому, где лежит его большая часть. Выигравшей считалась команда, которая выбила все фигуры за меньшее число бросков. Проигравшие везли ее от одного города до другого «на кукрах», т. е. на плечах [КМИ, д. Лукьяново; СИС 22:50об.].

Другим, более жестким наказанием было «откатать на полках». Обычно оно применялось при грубом нарушении правил: провинившегося брали за руки и ноги и несколько раз провозили спиной по положенным параллельно полкам: «Если згузил, катали: на баталки положат, за руки, за ноги — и

спиной по палкам раза два шарнут хорошо» [КЛА, ФВН, д. Новосело; МИА15:24]. Существовали и варианты игры, когда обе команды по очереди выбивали городки из одного и того же «города». При этом «город» представлял собой две параллельные линии, проведенные на расстоянии около полутора метров одна от другой. На первой ставили городки (10-12 штук). Затем отойдя на 10-15 шагов от первой линии, игроки броском биты («галы») старались выбить городки за вторую черту. Кон выигрывали те, кто выбивал городки меньшим количеством ударов. За каждый выигранный кон начислялось очко. Городок, сбитый, но не выкатившийся за вторую черту, назывался «лёгой». При игре старались избежать превращения городков в «лёгу», так как это существенно затрудняло задачу выбивающих. Выигрывала команда, набравшая большее число очков [КНИ, д. Глухарёво; МИА23:96].

Слепцова И.С.

ГРАМОФОН

Сценка ряженных позднего происхождения, сопровождавшаяся припевами, пародийно-комический вариант гаданий с подблюдными песнями (см.). Существовали ее варианты под названиями «патефон» или «телефон». Все они восходят к старинным посиделочным развлечениям с «обчиниванием» девушек¹ и некоторым вариантам святочных гаданий. Эти сценки были удобной формой выражения взаимных симпатий и антипатий (если припевки адресовались конкретным лицам), а форма жребия создавала эффект неожиданности и комизма.

Успех сценки во многом зависел от мастерства человека, изображавшего грамофон. Для этой роли обычно подбирали весёлых и «голосистых» людей, владевших большим песенным репертуаром, в первую очередь частушечным. «Эт шас как патефон, а раньше назывался “громофон”. Там сидит — в кузову. Кузов раньше был вот такой, ну, корзинка эта. Закроют, а он там всякие матерные песни, и всякие песни пел. У нас одна женщина (вот она померла), дак пела по девяносто песен в этом, в кузову. И матерные, и простые, и всякие» [БЗМ, д. Тарасево; МИА 25:77]. Частушки «с картинками» сопровождались комментариями привозивших «грамофон»: «Ой, какие песни хорошие!» [ФАА, д. Мытчиково; СИС 22:33].

¹ Морозов И.А., Слепцова И.С. Свидание с предком (пережиточные формы ритуального брака в святочных забавах ряженных) // Секс и эротика в традиционной русской культуре. М., 1996. С. 291.

Иногда «грамофон» отступал от своей роли «проигрывания пластинок» и заводил разговор с девушками: «Ну, начнет там, приговаривает: “Што за девочка со мной говорит? — там девки отвечают. — Што за девочка со мной говорит? Я бы погулял бы с ей. Хорошая ли, красивая ли?” Ну, там, ска(ж)ет: “Как тебя зовут?” Скажешь, как зовут. Ну, вот так. И потом опять на чунках и укатят, и так и не покажут ё» [ВВП, д. Никоново, СИС 24:4об.]. Вопросы, задаваемые девушкам «грамофоном», были отнюдь не всегда безобидны. Ряженные очень часто выступали своего рода «рупором общественного мнения», особенно когда они были под маской (см. «Кудеса»).

Такой же характер (одобрение или порицание девушек) мог носить «разговор по телефону», который устраивали двое ряженных. «Какую трубу, либо элака какаа ли дудка тут пустая элакая, дак вот и говоришь, настаиваэшь, спрашиваэшь там: “Алё! Алё!” — там оттуда отвичают. Кто чёо спрсят...» [ЖВН, д. Ваномозеро; МИА 23:32об.].

Правда, во многих вариантах тексты, исполнявшиеся «грамофоном», не имели конкретного адресата. В этих случаях комический эффект достигался за счет «отборных» частушек, нередко матерных. «А вот станки принесут от этих — топоры раньше точили, такой станок (в)он. Да есть и сичас (в)он точат напилки да топоры, дак. Вот закрывающца, туды посадят ни одноо чело(в)эка (ребят вот молодых) — в станки-то туда, закрыто, ак не видно. И вот этот, один нарядицца там каким-нибудь “бёсам”, там посмишней шчобы — у нас все Толя Богданов ходив с “патефоном”. Нарядицца, вот за ручку вертит, как топор точит. Ну, от дак Толя вертит и там начинаэшь: “Давай, ребята такую-ту пластинку!” А оне частушки матюкальные поют: штё боле матюков, то и йихняя частушка (там не видно, хто орёт — завешано пологом)... Дак это где на биседу только ходили с таким — поставят посреди квартиры там в какой биседа идёт. Для всех, для всех (пели) — это просто шобы смиялись больше. Потом так уходят, (в)едь надоест жо!» [БМП, д. Мытчиково; МИА 24:Ф1994-9Волог. Оп. № 81].

Аналогичные сценки разыгрывались ряженными в дд. Панино, Мосеево, Тарасьево, Мытчиково, Москвино, Никоново, Ивановская). Часто для придания большего «сходства» с грамофоном станок или кузов, где сидел ряженный, оснащали самоварной трубой. «Прикатим чунки, на чунки кладём кузов, в кузов сядет трубу возьмет — самовар кипятили — труба. В эту в трубу писни и поёт. Поёт, поёт, как расхочет, как патефон, а мы все пляшом кругом этово кузо(в)а. Она сидит там, писни поёт. [Песни] всякие пели, другой раз и худую, матюкальную споют, и всякую» [ЛАФ, д. Панино; СИС 23:1об.; БАД, д. Иевлево; ССН 14:2].

Слепцова И.С.

ГУЛЯНИЯ

Под словом «гуляние» или «гулянка» подразумевалось как совместное времяпровождение молодежи на досуге: по выходным дням, вечерами после сенокоса, помочей или супрядок — так и праздничное шествие по селу или деревне и связанные с ним церемонии и веселье. Гуляния, приуроченные к крупным годовым и престольным праздникам, были одной из кульминационных точек народной праздничной жизни. «Гулянием» называли также перегащивание и пирование на праздники (см. «Престольные и заветные праздники», «Застолье»), продолжительность которых могла варьироваться в зависимости от значимости праздника и местных традиций. «А вот как Иванов день, дак два дня праз(д)ник, гулянка: один в Мосееве (Мосеева деревня), а потом, на другой день — в Никано(в)о. Два дня гуляли» [ЗКИ, д. Захарово; МИА 25:22]. «На Мысу Хролов день три дня празно(в)али» [НМП, д. Мыс; МИА 23:5]. «У нас Тифинскаа престол, ак два дня празно(в)али — потом косить начинают. А Изосим и Савватий — пивной праздник, дак до недели ходили друг к другу по взаимному приглашению — от дяди к матери...» [КНИ, д. Глухарёво; МИА 23:95]. «Идут к церкви в Благовешшенё и приходят из церкви, попьют цяйку там, пообедают, молодяшка идут на гулянку: “Сёдни, — гоорят, — розришоной день!” Што: “Сёдни деушка голоушки не дешёт, а птицька гнёздышка не вьёт”. Это уш быў день заветный тожо» [ОУА, д. Опрячкино; СИС 26:72об.].

Существовали установленные традицией места для гуляния и пляски (см.). Так, в д. Новосело «скоплялисе у часовенки, плясали кадрель “с номерами”, крутили парами» [СЕА, д. Новосело; МИА 15:33]. В д. Ларино весенние и летние гуляния проходили «где вот только удобно. Ну, где посушá или поглаже, тут и. А ес(т)ь и, бывáло вот, и в другом мисте гуляли вот. У нас к цишше с ёлочкой по вечерам ходили. Ну, цишша — косище [=выкашивается], а тут ёлочки стоят посажонны. Эт называлась так: “цишша с ёлочкой”. У речки вот, по речке, на горúшке — а тут всё горúшки у нас были. И вот вечером туды скоплялисе молодёжь. Это не в праз(д)ники — это урвúцца вечером после робóты» [ЗСН, д. Ларино; МИА 24:Ф1994-11Волог. Оп. № 10]. «Вот Погорёлка место былá, ак ходили. А в Троицу гуляли, место называлось “игрóвый луг”. Это вдоль озера от Васютины почти и до деревни Мянда... Нет, не пустóо место! [Это] место было оживленным всё время! Обыкновенная дорога. Пó сторону (да) по другú, когда — эт тогда трéхполка была — когда овёс, когда рожь... Со всех деревень сами приходили — не нá(д)а звать! На Троицу. Даже Пуштора, Чарозеро, Логинóвскэй. Ну, частично, конечно, это свойственность. Ведь тогда свойственность была вездe: гуляли, влюблялись, плясали и всё... Цельми партиями вот по три-четыре чело(в)эка. Девушки отдельнё идут под ручки, поют. Ну, это у которых не было знакомых так... А ребята, когда

пьяны(е), дак ничё ни делали, токо матюкались. Это в Троицу гуляли вдоль дороги...» [ЗПЕ, д. Парфеново; МИА 23:13об.-14].

Однако наиболее распространенным местом сбора гуляющих была местная церковь. «У нас всё у церкви гуляньё было. Вот от озера и туда гуляньё было... Ходили где гулянка, туда собирались, там танцевали. В каждом месте всё плесали, гармошки. Со всех дере(в)энь шли к церкви...» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:59]. Для пляски нередко отводили просторные хозяйственные постройки: «Дак, милый, на гумне: гумно розметут да на гумне там и плесали о Паске...» [ЗКИ, д. Захарово; МИА 25:22]. «Тожо, раньше ак всё в овинах собирависе. Это как Благовешшенё Христо(во) — в то время уш маленько станет тепло — где овин там опростают, подметут деўки всё в овине, выметут, и вот собирающе, пляшут» [ОУА, д. Опрячино; СИС 26:72об.].

Традиционным местом праздничного гулянья была также ярмарка. «На Благовешенье была ярмарка у Никольской церкви в Поповке. Днем гуляли парами-тройками по площади без песен. Парни девушкам конфеты дарили, а девки отдаривали им яйца в Пасху. Чтобы заработать яйца, девки занимались мыть избы к Пасхе, за день работы давали двадцать штук» [БАН, д. Митрофанова Гора; СИС 22:24об.]. В Киснеме устраивали ярмарки на зимние престолы: Катерину (7.12.) и Василия Великого (14.01.). «Ой, иной год не подымаэт ярманка! Там Село-то, там река-то широкая, застынет зимой, дак уй! С кадушкам, да со всяким да, едут да дровень везут да, чунок да, горшков да, и с хорошим и со сладостями со всякими, с баранками, с сямям [=семечками]. Эта вся река там в конях. Все ходят, девкам были, ак посещали — вот положено да. В пальтах да, с воротником да, кто богатой. Ходят, гуляют. Подойдут, сямячков возьмут либа конфетину да. Интиресно так-то ходить. А потом у коо родня, дак все по гостям, по гостям, по гостям. В Слободке кто есть родня — к родне и подъежжают. У нас из Киснемы две лошади подъедут к тяте да к маме. В каждой деревне, где праздник (от Тихвинская на Чертёже), от там все идут. Все туда идут. Где праздник, вот в Киснеме Троица, все идём мы туды. В Спасов день к нам все идут. Улица не подымались, што народу-то, ой! Протти нельзя. Пляски, пляски, тут пляшут, тут в ланца, там в ланца, што делаэцца! Не топерешнее. Потом вечером биседы» [КУН, д. Задняя Слободка; СИС 25:8-9].

Группы девушек и парней по дороге к месту пляски и при прохаживании по улицам, как правило, не смешивались. «Робят шайка идет: хто пляшет идёт. Ну, рядом все, элак агульно шеренгой идут... А девушки отдельнё: друг с дружкой вот схватующе. Ну, за гармонью партия робят, а сзади, можот, партия девок: вот эдак, друг с дружкой руки вот элак связкою. И — писня пúсно рóдит!..» [ЗСН, д. Ларино; МИА 24:Ф1994-11Волог. Оп. № 10]. Добравшись до места гуляния, особенно после праздничной службы, гуляющие нередко разбивались на парочки. «Девушки и парни все когда ак и парам гуляют. Где сокóпяцца, дак пляшут.

Дак тут гармонья, и всё, тут и пляшут, и тонцуют, и всё делают...» [ЗКИ, д. Захарово; МИА 25:22]. «Да, да, да, шли парами и шли артилями. Но шли уш очень акуратно... Ес(л)и парень с девушкой знаком, дак он йиё под ручку захватит, и гуляют идут, да. И девушки тожо идут так жо. Девушки идут тожо парами так жо. Парами, парами. И под ручку... И девушки с гармонистом ходят да, парень играэт, а девушка рядом идёт. Ранше много было, много в гармошки играли... И парни идут так жо. Идут, идут там, потом своих знакомых найдут — барошон. И пойдут гулять. Веть уш где девушка с парнём во своей деревне, дак со своей деревни гуляют. Ну, и бываэт, што приезжали издалёка на эти празники к нам. Познакомяцце и с чужим девушкам гуляют...» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:59-59об.]. «Духов день, Троица и Заговеньё — гулянья были хорошие, целый день ребята гуляют и пляшут тут на улице. А вечером домой уж уходим. Девушка с девушкой идёт, парочкой, а как девка какая гуляэт, дак парень подойдёт, дак с парнем гуляэт» [МФФ, д. Гора Тимофеева; СИС 22:47].

Гуляние в шеренгах по деревне сопровождалось специальными наигрышами.¹

♩ = 100 - 112 Нотация Е.Г.Богиной

¹ «Проходочная», записана от В.В. Володичева род. из д. Рашино, прож в д. Ивановская.

По пути обычно плясали «руссково» и пели частушки. У парней особым шиком считалось пение матерных припевок. «На розв́ал играли. А ребята — писня писню рóдит! Идут, я иду играю, а они — какáа поматеристее-то:

Вересóвья кустóчки,
Голубья ягоды.
[Доро]гáя, на обман
Да завлекать не нáдо бы!

По деревенке кативсе
Мáленькой бочёночек.
На бочоночке написано:
“Любим (вар.: Е...м) девоночок!”»
[ЗСН, д. Ларино; МИА 24:Ф1994-
11Волог. Оп. № 12].

Милка, беленькой платочек,
Ты всегда оввязывай,
Из нагана меня ранят,
Раны перевязывай.
[ВВП, д. Никоново; СИС
23:43об.]

Что у нашоо двора
Да петуха не троньте!
У ёо большое горе —
Курица на фронте.

Рожь высокая, густа,
Густа, ни примологиста.
Моя милая товста,
Товста, ни по(в)оротиста.

Выйди, милаа, во полё,
Посмотри, какая рожь?
Если мелкоё колосьё —
За меня не попадёшь.

За овином боронила,
Борона кувырнулаась.
Ничёо не мог я сделать,
Пока ты не выгнулаась.

Рожь высокая густая,
Мелкоё колосьицо,
Милая, не заносисе,
Рыжоё волосьицо!

Што по нашой по реке
Плывёт девка в ермаке.

«Ермак — это раньше носили элакой азям. Вобшом, наподобие плаща — старинной, домотканной».

Подпоясана ремнём,
Сѣдни вечером е...м!
[ВВВ, д. Рашино; МИА 24:112-112об.]

Хулиганская головушка
Резиной обвитá,
Штобы ножики не резали
И гиря не брала.

Пошла игра веселая,
Запел веселый атаман:
— Если ножичок не выручит,
Дак выручит наган!
[ЛИМ, д. Шугино; МИА 23:67об.]

В праздничное веселье нередко вклинивались мелкие стычки между парнями, иногда переходившие в общую драку (см.), служившую своеобразным развлечением для мужчин. «На гулянии шайка идёт: хто пляшет идёт, хто поёт. Рядом все элак агульно шерёнгой идут. И оттуда идут. И ты идёшь, играешь в гармонью. Кому наа подрáцца, дак тот ткнёт коб ли плечом, и поглядишь, хто коб тут задев — и потасовка пошла тут, партия на партию» [ЗСН, д. Ларино; МИА 24:Ф1994-11Волог. Оп. № 10].

Особая роль при этом отводилась гармонистам (см.) и атаманам, превращавшим стычку в настоящее драматическое представление для гуляющей публики. «Куплет споёт и хёрнёт и в это время подпрыгнёт и спляшот. [Или] вот за ворот рубашки руки положит и рубашку порвёт у себя — атаман. Да, у себя, сам у себя. Да, да, да, когда ломáэцца...» Причем очевидцы отмечают, что парни специально «принимали для храбрости» перед началом гуляния. «А обычно пьяные всёгда это. Но не напивались вот как теперь! Тут уш, на праз(д)ник идёшь, в это время уже там гоношишься — по бутылке или там кто скóко может унёсть. Бутылку уже обезательно берёшь. И, прежде чем на гулянку идти там (не у кáждоо же есть родственники!), вот где-то в кустóчках выпьёшь, подзаёла — и пошол!» [ГАМ, д. Никоново; МИА 25:Ф1994-12Волог. Оп. № 50].

Одной из обязательных церемоний, связанных с праздничными гуляниями, было взаимное одаривание девушек и парней. «Там ярмарка у Никольской церкви была. Вот девушку угошшу чем-нибудь: конфеты там, пряники — ну, ранше, знаэш, много было што. Она уш мне в Христове дне и йийщó обратно дас(т) — одно, а может два. Вот так вот было тожо...» [ААЯ, д. Гавриловская; МИА 25:30]. «Это пойдут как гулять [на троицкое заговенье], дак и подарят парней. Ну, которая гуляет уш с кем, с этим парнём, она ёму подарит, да. Ну, там сколько подарит? — можот два ли там, три ли подарит ёму...» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:56-56об.]. Дарение яиц парням на Пасху или Троицу нередко было своеобразным откупом за катание девушек на саях во время масленицы (см.).

Во время пляски (см.) гуляющие из каждой деревни образовывали свой круг, откуда и выражение «выйти на круг», т. е. «пойти в пляску». «А вот пляску создают, и вот где пляшут, дак наро́ду-у круго́м! Толпа — глядят!.. Ну, круго́м это глядят, а в се́рдке — это хто пляшет, дак. А гармонис(т) играэт...» [ЗСН, д. Ларино; МИА 24:Ф1994-11Волог. Оп. № 10]. Иногда насчитывалось до десятка таких кругов.

Реже при рассказах о гуляниях упоминаются игры (см. «Лен сеять», «Летели две птички», «Огорелом», «Со вьюном ходить», «Хороводные игры», «Чимкой»), которые, как и на посиделках, обычно заканчивались выбором пары. Так, в Ивановском сельсовете во время гуляний играли «в краски» (см. еще «Игры и развлечения на беседах»). «Пойдём вот на лужок, ребята и девки собирауца играть “краскам”. Захватываэшься, стоишь верёвочкой там. Вот, какой парень какую краску выбираэт. Вот парень бегаэт, не знаэт, мы какой краской назовёмся, а ему на(д)о отгадать. Вот он бегаэт, отгадываэт. “Кто там идёт?” — [его спрашивают]. — “Я ангелок”, — [отвечает парень]. “А за чем идёшь?” — “За краскам”. — “За каким?” Там скажот: “Зелёная”. Вот если зелёная ес(т)ь краска, девушка выходит, идёт к парню. Стоят. Потом это парень [другой]. Вот всех когда выберут, потом уж начинаэм опять какой ли хоровод» [ВЛФ, д. Ивановская; СИС 24:21об.-22].

Наиболее яркими и многолюдными во многих сельсоветах были гуляния на Троицу (см.). «С церкви дорога была большая, мост тут у нас был через реку — всё народное гуляньё, и все с берёзкам — маленький такой веничек у большинства. Молодёжи было! Они такие же подростки были. Плясали на мосту кадрили» [ААИ, с. Липин Бор; ССН 12:3]. «В заговенье троицкоё ходили на гуляньё. У нас были за деревней Васильевское кресты — дорога вот так шла [=был перекресток]. Гуляла молодёжь. Тожо под гармошку плясали и пели, и ходили тут, вся молодёжь собиралась дак» [ИАВ, д. Ильино; ССН 13:2]. «В Троицу гулянка у нас. Гуляньё с гармошкам, под ручку. Барышни идут, можот, сколько по дороге тут: зафатяцца под ручку и вот все идут. Песни поют. Робята есте. Робята ходят с гармошкам. Под вечер разложатца, с барышням гуляют. Вот. Под ручку зафатяцца и гуляют взад да вперед. Дак и гуляньё! Песни поют — у-уй! Накопище полная деревня. Вот это я жила здесь (под речкой-то зимоўка у нас была) придут к окошечку-то: “О-ой, тёта, дай ты кусочка!” — знаашь не у кажново родня была в деревне, а со всей волости придут дак. Вынесеш пирожка, им даси. Наа накормить робят да девоку» [ЛМА, д. Трифоново; ССН 8:74].

В Троицком сельсовете, расположенном вблизи Белого озера, отличительной чертой гуляний на троицкое заговенье было угощение яйцами «в кустышках» и катание на лодках по озеру: «Вот здесь были кустышки — местность, лесок такой был, на круче (а сичас у нас всё вырублено!). Это девушки и ребятки сойдут туда и варят там в котле эти яйца... А на озере — в лодки сядут с гармошкой и каталисе по озеру. Ти-ихо! Взад да вперед и катающа, катающа на вёслах на заговенье троицкоё...» [КНЯ, д. Сидорово;

МИА 25:56]. Пасхальные и троицкие гуляния обычно сопровождались качанием на качелях (см.), играми с пасхальными яйцами (см.), подвижными играми: «в городки» (см.) и «в лапту» (см.).

Морозов И.А.

ДАРЫ НЕВЕСТЫ

Под «дарами» в традиционной свадьбе понимались подарки невесты родне жениха. Подготовка «даров» — важнейшая составная часть предсвадебного этапа брачной церемонии. «Дары» в полной мере представляли саму невесту, поэтому сразу после сватовства и богомолья до свадьбы невеста вместе с подругами принималась за их изготовление. Для этого вечерами приходили подруги и рукодельничали в доме невесты. За это их кормили и поили чаем. Некоторые, из дальних деревень, здесь же и ночевали. «Иная как придёт девка не из этой деревни — из другой ходили знакомые девушки, дак эти ночё(в)али. Ак ежели со своей деревни, дак уйдут» [МАЯ, д. Мытник; МИА 25:8об.]. Так продолжалось приблизительно с неделю, иногда две: «Ну, эк у коо сколько сказано, через сколько дней свадьба. Когды как договаривающце» [БАН, д. Ново; МИА 24:5об.].

Подруги помогали готовить невесте не только дары, но и собственно приданое: одежду, постельные принадлежности и прочее. «Дефка сидит и готовит приданое. Девушки приходили, шили, вышивали» [САМ, с. Липин Бор; ССН 11:1]. «Перед свадьбой когды собирали деушок, шили тут — молодежи подсобляли это... А всё шили: полотенца — мо(ж)от, шиты да не дошиты там ли цё ли. Дак гото(в)или, ак подсобляли девки. Ак это до свадьбы, так просто — придут как на беседу-та» [БАН, д. Ново; МИА 24:5об.]. «Помогали, помогали эт-та подружки. Там кому мущинам — так рубашки какие вышитые дак, кому полотенца... А уж нынешнее время там покупали. Кому платьем, кому материалом дают, кому чем» [ЗАП, д. Ушаково; МИА 24:Ф1994-11Волог. Оп. № 58].

Парни на этих собраниях обычно не присутствовали. «И шили невесте, помогали. Чёо? Мало ли надо ей чёо. Другая выходит, взамуж не думаэт, а потом пойдёт — и нет ничёо... Робят не пустят: чёо их — шалить?» [МАЯ, д. Мытник; МИА 25:8об.]. В д. Задняя Слободка перед свадьбой «ходят девушки там, кто скатерётки шьют, кто рубит рушники вот да всё. Это всё помогают, сидят. Вот я сама вот вышла, ко мне все девки ходили. Кому чё — приданое... А ребята приходили всё равно — не все робята, там несколько. Посидят просто, а мы все сидим, шьём. И жених ходил к невесте — пока до свадьбы так он ходит» [КУН, д. Задняя Слободка; СИС 25:11].

Совместное приготовление даров было необходимо в силу того, что невеста обязательно должна была одарить всю, иногда весьма многочисленную женихову родню, поэтому одной ей справиться с таким объемом работы было невозможно. «Вот раньше дарили, где свои. Так раньше невесту раззорят: пощё надо бы всем бы щёбы подать» [ХЕП, д. Артово; МИА 24:26]. «Раньше ты вот жениўся, я бы, например, вышла. У тя семья-то большая, а всё это надо подарки какие: то полотенца, то платок» [ГМЕ, д. Пужомзеро; ССН 14:63об.].

Следует отметить, что труд этот был довольно кропотливым, поскольку нужно было не только приготовить холсты, выбелить их, разрезать и подшить, но и украсить традиционной вышивкой и узорами. «Вот у меня сёстра была, хоть не родная у меня, — тожо выходила замуж. А я окурат: тода была нога у меня досажона в холке, ак я не могла ходить, лежала на койке — была в ногах холка у меня вы(в)ёрнута. Ну, дак она от выходила замуж вот тогда. Ну, дак и ей туды [=на беседу] принесут ховсты (ну, она [=сама] несла ховста́ — она так-то приходила одна!), нарежут таких полотенца. И вот там пришла, и тут ей полотенца принесены ошивают да, рубят да, всё да. Эту рубашку там сошьют да и там вот эти, кофты ли делят, юбки делят. Это всё готовят, невесту зашивают. Или там вот одияльё да всё от. Ранше у всех они сшиты — ткали одияльё вот эти, шерстяныэ — ак сшивали вместо от. Верх-то, вишь, шерстяной, дак эт ткут в две нитки, а снизу подкладка-то. Одияльё-то шили всё, да вот постельники шили да. Это ишо до свадьбы. Это вечёрам прихо(д)ят к невесте девушки: подсобляли шить. Ну, как вроде бисёды — приходили девушки, да и шили, пили [песни]. Так вечёром поси(д)ят, попоют, да потом чаэм ишо напоят хозяева, и пойдут по домам» [ХЕП, д. Артово; МИА 24:27об.-28].

Городская мода и здесь оказывала влияние на традицию: при изготовлении даров часто использовались покупные «узоры» — шаблоны вышивок. «Узоры были пришиты дак. Не сами придумывали, а продавались. Посылали купить, какой узор делать. Например, какой к кофте, какой к рубашке мужской узор. Были эти узоры, вот, крестом вышивали, простой гладью вышивали. Полотенца вышивали. Холста набият, полотенца нарежут. По два метра полотенца. Вот и вышивают концы у полотенец тожо узорам разным. Сошьют ешо и свяжут из ниток. Всё хорошо было. Приданое готовили, дак всё и навышивают, наделают» [ИАВ, д. Ильино; ССН 12:15-16].

Подарки, которые дарила невеста свадеблянам, были, естественно, не одинаковыми. Свекру и свекрови полагались особые, наиболее ценные подарки, поскольку молодая приходила в новую семью и ей нужно было зарекомендовать себя хорошей мастерицей и состоятельной невестой. «Невеста женихову свадьбу полотенцами дарила. Матери, дак там платьё дávalи, отцу, дак там вот рубашку. Как есь у коо чёо. А нету, дак и ничёо...» [МАО,

д. Мытник; МИА 25:7]. «Молодицу берут в дом, дак молодица свекровке и дарила. На платьє дарила свекрови» [САМ, с. Липин Бор; ССН 11:1]. «Свекру там — рубашка, свекроушке надо тоже чё-то: платьє или рубашка» [ГМЕ, д. Пужомзеро; ССН 14:63об.].

Отметим, что подарки родне жениха преподносились, как правило, дважды: это происходило на богомолье (см. «Сватовство») и собственно на свадьбе. «А дарили тут до свадьбы-то. Свадьбы-то ешо нету, а вот договорились совсем, Богу помолилися. А раз Богу помолилися, ак нао выходить. Ну, дак вот и подарят. Вот до свадьбы-то и подарят» [ГМЕ, д. Пужомзеро; ССН 14:63об.]. «Дарили в свадьбу, либо как просватающца, дак товда дарят — свёкра да свекровку. Да коль семья велика, всех и обдарят полотенцами» [ЕТП, д. Гавриловское; МИА 25:38]. «Кода прих(о)дят на свадьбу, так-то дарят... Шас дарят невесте, а ранше невеста дарила...» [ХЕП, д. Артово; МИА 24:26]. «Подарки дарят, ковда свадьба, ковда уж за столом. Рассказы-вают, што ковды сидят за столом — это уж повенчающа, приедут — товды дарит невеста своей родне чё. Кому полотенца, кому чё. Уж и приготовлено всё» [САМ, с. Липин Бор; ССН 11:2].

Подарки не только дарили, но и «трясли», показывали их окружающим, тем самым подчеркивая «славу» невесты в присутствии новой родни, которая принимала её в свой круг. «Кажут: кому чё подарят, дак и покажут. Вот, например, я бы вам подарила, либо вы бы мене. А я бы сказала, што вот:

Наша-то невеста
Не по лесу ходила,
Не лыки драла,

А дары припасала.
Пряла да шила,
Вязала, вышивала.

Невесту хвалили. Как жо, хвалили!» [САМ, с. Липин Бор; ССН 11:2].

В д. Мытник существовал несколько иной вариант приговора при дарении:

У нас невеста и ткáха, и пряха,
Не по лесу ходила,
Не грибы собирала,

Ткáла и пряла
И дары припасала.
[КАВ, д. Мытник; ССН 9:62об.].

Островский Е.Б.

ДЕТСКИЕ ИГРЫ

Наиболее распространенным развлечением маленьких детей были ролевые игры, например, игра «в дом». «Избушку делали из досок у стены. Бúдочку. Вот и играли. Из глины наделаэм посуды да пирожков, да всё. Всё это из глины делали-то. Друг дрúжка в гости ходили. Из травы, из травы: там хто клé(в)еру нашшыплет тут в эти тарелочки, хто чё тут. Вот и в гости

и звали — наделаем-то. Мы наделаем — те наделают. Вот. И угошшали друг друга этим. Вот столик быв. Ак за стол-то там [усаживают гостей], приго(в)ривали: “Садитесь, гости дорогие, будем кушать!”» [БНС, д. Пиньшино; ЖВН, д. Ваномзеро; МИА 23:35об.].

Значительную часть детского репертуара составляли подвижные игры. Прежде всего это игры с преследованием, от самых простых и повсеместно распространенных пятнашек, в которых один игрок должен был догнать другого и осалить его, до такой их разновидности, как «будалки»: водящий «будал» преследуемого головой [МАК, д. Пиньшино; СИС 22:43].

Существовало также много игр на опережение. Например, в с. Вашки играли «в уголки». Четверо игроков вставали по углам комнаты, водящий подходил к одному из них и быстро говорил:

Бабушка-галанушка!
Продай уголок
За шильце, за мыльце,
За белое копье, за
За зеркальце!

В это время все игроки перебежали с места на место, а водящий старался занять пустой угол. Оставшийся без уголка становился водящим [ЛАД, с. Вашки; СИС 22:66об.].

Близкая игра была известна в д. Пиньшино. Водящий подходил к одному из игроков, стоящих по кругу, и говорил:

Кумушка-кума,
Продай уголёк
За шильце, за мыльце,
За зеркальце!

После чего игроки хлопали ладонь о ладонь и бежали по кругу в разные стороны, стараясь первым прибежать на место. Опоздавший шел «покупать уголёк» Если же игрок боялся соревноваться с водящим, то он отвечал: «А нет, не продам!» — после чего тот подходил к другому [МАК, д. Пиньшино; СИС 22:42об.].

В д. Малая Чаготма существовала детская и подростковая игра под названием «в ремень» или «бей — не жалей». Игроки вставали в круг, плотно прижав плечо к плечу и держа руки за спиной. Водящий с ремнем шел за кругом и старался незаметно положить его кому-нибудь в руки. Тот хлестал ремнем своего соседа справа, и затем оба игрока бежали в разные стороны вдоль круга, стремясь опередить своего соперника. Прибежавший последний шел водить [ИАН, д. Малая Чаготма; СИС 22:64об.].

В Андреевском сельсовете дети играли «белым камнем». «А это, помню, пили и камёшок в руках тресли белой. На улочке больше всё играли. Все

трясут и што: “Белый камень у меня, у меня!” А догадайсё — у одноо камешок вот белой! А тут сколько людей стоит, дак. Дак было, все и пели. А там другой узнаваат...». Так играть могли и зимой, и летом [КАВ, д. Мытник; МИА 25:14].

У мальчиков были популярны игры-соревнования в силе, ловкости, выносливости. Например, в д. Малая Чаготма играли «в петушиный бой»: чертили круг и один говорил:

Шани-мани,
Что под вами,
Под железными столбами?

Шуни-муни,
Бог с тобой,
Выходи, дружок, на бой!

Тот, на кого пришлось последнее слово, выходил в круг и игроки начинали, прыгая на одной ногу, стараться вытолкнуть друг друга из круга [ИАН, д. Малая Чаготма; СИС 22:64об.].

В д. Пиньшино «тянули репку». Обхватив друг друга за пояс, вставали цепочкой за самым сильным игроком, который держался за столб. Начинали тянуть, стараясь оторвать его от столба, и при этом кричали: «Бабка за дедку, дедка за репку, репка тянуть крепка, а есть сладка!» Когда отрывали, валились все на землю с криком: «Вытянули репку!» [МАК, д. Пиньшино; СИС 22:42].

В д. Калитино один игрок садился «по-узбекски», остальные по очереди перепрыгивали через него. Каждый перепрыгнувший клал ему на голову шапку. Тот, кто сваливал шапки, подвергался наказанию: его ставили «раком», а сидевший перепрыгивал через него столько раз, сколько шапок тот свалил [БЮП, д. Калитино; МИА 15:39].

В с. Вашки играли «в свайку»: по очереди бросали ножик так, чтобы он воткнулся в землю. У кого это не получалось, должен был зубами вытащить колышек, забитый остальными игроками в землю [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:36].

Среди игр спортивного характера необходимо отметить игры с мячом. Кроме «лапты» (см.), игры «в лунки» (см.) была известна еще игра «в круги». Чертили вразброс или по окружности круги диаметром 1-1,5 м на один меньше числа играющих, расстояние между которыми было 4-5м. Затем корились: бросали палку, поставив ее концом на носок и размахнувшись и придерживая другой конец рукой. Тот, у кого палка упала ближе всех, водил, остальные игроки вставали в круги. Водящий «чекал» мяч (тряпичный, берестяной или резиновый), стараясь осалить игроков, а те отбивали его палками. Если водящему удавалось попасть в кого-либо, то он менялся с ним местами. Если игрок выбегал из круга, водящий мог его занять, и тогда он также переставал водить [КЛА, ФВН, д. Новосело; БАИ, д. Калитино; МИА 15:24, 38].

Сравнительно мало в Вашкинском районе были распространены игры с деревянным шаром. Записаны две их разновидности. Одна напоминает игру «попа гонять» (см. «Попа на прогон»), отличие заключалось в том, что вместо чурочки-«попа» ставили березовый шар диаметром около 10 см. На

расстоянии 10-15 шагов от него клали жердь, от которой игроки и бросали палки. После того как все пробили по шару, водящий подбирал шар и бросал им в жердь с того места, куда он укатился под ударами игроков. Если он попадал, то выбирали нового водящего [ФВН, д. Новосело; МИА 15:28]. В другом варианте шар клали в лунку и игроки по очереди старались броском палки выбить ее оттуда. Тот из игроков, кто «гонял кобылку» (=водил), подбирал шар и бросал им в жердь. Если попадал, менялся ролями с игроком [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:24].

Одной из самых популярных была общеизвестная игра «в классы», которая бытовала под названиями «чертой» (дд. Пиньшино, Устье), «огонёк» (дд. Берег, Сальниково), «огорел» (д. Пиньшино), «в домики» (с. Липин Бор, д. Новосело), «в плитку» (дд. Берег, Мыс), «в кон» (дд. Залохта, Семеновская). Играли в нее чаще всего девочки и мальчики до 7-8 лет. Чертили на земле прямоугольник, разделенный на 6-8 клеток, к дальнему торцу которого подрисовывали полукруг, называвшийся «домом» (д. Сальниково) или «огорелом» (д. Пиньшино). В д. Берег полукруг («огонёк») рисовали у правой передней клетки. Правила игры были примерно одинаковы повсюду. Бросали в первую клетку щепочку, плитку или какой-нибудь другой предмет и, подобрав его, скакали по всем клеткам. Затем так проделывали, кидая плитку во все остальные клетки. Если первая фигура была проделана успешно, приступали ко второй. «Чекали» [=бросали] плитку в клетку и, прыгая на одной ноге, слегка подпнывали ее, чтобы она попала в следующую. Если плитка попадала в «огорел» или «огонек» или если игрок наступал туда ногой, то он «сгорал» и должен был начинать игру сначала. В д. Сальниково правила несколько отличались: прыгали на одной ноге, а подталкивали палочку другой. Когда удавалось без ошибки пройти все клетки, разрешалось выбрать себе «дом» — клетку, где можно было остановиться, и куда другие игроки не могли наступать [ФВН, д. Новосело; МИА 15:28; ГЗП, ГЕП, д. Берег; МИА 15:60; ЯОП, д. Сальниково; СИС 21:41; МАМ, д. Залохта; СИС 22:22].

Кроме того были известны различные забавы без строгих правил. Например в д. Лукьяново соревновались, кто разобьет насаженный на кол горшок с завязанными глазами. Желаящего отводили на несколько шагов от кола, раскручивали и отпускали [КМИ, д. Лукьяново; СИС 22:51об.]. Там же играли еще и таким образом. Клали дощечку на небольшое бревнышко так, чтобы один конец лежал на земле и упирался во вбитый колышек. На этот конец клали мячик. Затем один из игроков бил по верхнему концу доски, мяч взлетал и все наперебой бросались его ловить. Поймавший получал право бить по доске в следующий раз [КМИ, д. Лукьяново; СИС 22:51]. Популярна была забава, в которой один из игроков занимал горку, пень, бревно, а другие старались его оттуда стащить [КМИ, д. Лукьяново; СИС

22:52]. Один из игроков, встав в середину круга, старался подпнуть кому-нибудь в ноги камешек или что-либо подобное. Кто не успел увернуться, менялся с ним местом [КМИ, д. Лукьяново; СИС 22:52]. В д. Пиньшино так развлекались зимой, пинали в ноги «стыляк» — льдинку или кусок слежавшегося снега [МАК, д. Пиньшино; СИС 22:43об.].

Слепцова И. С., Морозов И. А.

ДОМОВОЙ И ДВОРОВЫЙ

Домовой — демонологический персонаж. В народных верованиях — хозяин крестьянского дома. Этот персонаж, восходящий к духам предков, покровителям домашнего очага, занимал очень важное место в системе традиционного мировоззрения. Обширный пласт быличек, верований, связанных с ним, еще продолжает бытовать в Вашкинском районе. Правда, обращение к домовому в них нередко дублируется молитвой. Так, обычно считалось, что «в каждой избе хозяин есть, без хозяина изба не стоит» [МЭФ, д. Маньково; ССН 8:30]. Поэтому, чтобы обеспечить избе прочность, а живущим в ней — благополучие, при строительстве нужно было принести жертву домашнему духу: «Денёжки клали, когда вот, примером, [под первый] камень ямку выроют — в эту ямку денёжки клали. Во все четыре угла клали денёжки, да... Ну, так всё говорили, што: “Благослави, Господи, в доброй час во святой!” Вот так приговаривали» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:58об.].

Ритуальная жертва домовому приносилась и при входе в новый дом. Её символизировало животное или каравай хлеба: «“Хозяин и хозяйюшка, рзрешите мне зайти в дом!” — просишша в новый дом. И берёшь иконку и кошечку. И коровай хлеба. Вперёд заносишь, благословясь заходишь... Ну, заходишь, двери открываешь, дак как же уж: “Господи, благослови в доброй час во святой!”» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:58об.].

Домового обязательно приглашали из старого в новый дом. Причем если дом строился на месте, где когда-то уже было чье-либо жилище, необходимо было предварительно «отказать» прежнему «хозяину», чтобы домовые не ссорились. «Рассказывали, что на самом деле было — даже они на Индомане сейчас живут. Новую избу построили. Она работала в магазине. Придёт из магазина, когда ещё муж с работы не вернулся (в колхозе дак долго работали), говорит вот: “Сижу там, считаю там, магазинные всякие дела — из подполья вылезут два человека и топчутся друг перед дружкой, такие мохнатые: “Я хозяин в этом доме!” — “Нет, я хозяин в этом доме!” Тихо сижу так. Вдруг пошевельюсь, они убегут. При муже сижу, дак они не появляются вообще. Пошла тоже к нашей бабушке, что: “Чё такое? Как останусь одна, так и вылезут”. Бабушка говорит: “Вы, наверно, в дом новый входили, на старом месте был построен, старому не

отказали и нового с собой взяли. Вот они и ссорятся. Как начнут они-то ссориться, ты выйди там на этом месте, топни, скажи что: “Я хозяйка в этом доме!” Она как топнула — не стали больше домовые показываться» [ОЕЕ, местн. Яр-бозеро; СИС 23:14об.-15].

По народным представлениям, на любые действия, связанные с пребыванием в доме, необходима была санкция домового. Например, если кто-нибудь приезжал в дом, даже ненадолго, то обязательно обращался за разрешением погостить к домовому: «Хозяин, хозяйюшко, дайте мистечко!» [КУН, д. Задняя Слободка; СИС 25:15].

Домовому (хозяину дома) иногда противопоставлялся дворовый дух, «дворóвушко» — хозяин двора, ухаживающий за скотом. В Вашкинском районе домовый гораздо чаще предстает хозяином дома и двора одновременно. «Хозяин-то всё равно. На дворе-то есть хозяин жо. Што дома есь, и так и во дворе-то есь хозяин. Животина вот и там родица, прибудёт — тожо у хозяина наа спрашивацца» [ЗАП, д. Ушаково; МИА 24:Ф1994-11Волог. Оп. № 36].

Важная роль отводилась домовому при обзаведении скотом. Хозяйка при этом старалась угодить дворовому духу, чтобы новая корова или лошадь понравилась ему и была принята под опеку. Нередко выбрать их должен был помочь сам «хозяин»: «Когда пойдешь за коровой, надо сказать во своём дворе: “Хозяин, хозяйюшка, пойдемте за коровушкой! Я возьму себе коровушку, пойдемте за коровушкой. Я буду поить, кормить и ладить, а вам — по шерсте гладить. Штоб была чиста, и здорова, и едова, моя милая животина!”» [БАИ, д. Митрофанова Гора; ССН 8:55-55об.]. «Как покупаешь коровку, нао у своего хозяина спроситься, кого взять. Тот выберет, какая ему по уму, какая по шерсти. Тебя сам он подведёт, там эту и берешь. “Бери-ко, эта-то хорошая!” — хозяин-то говорит. [Сначала надо] спросить у Господа Бога, второй раз у хозяина. Спроситься-то надо ей: “Хозяин и хозяйюшка. Мне по уму, а вам по шерстé. Пой и корми моего живота”, — и будет по шерсти-то гладить» [ТАМ, д. Трифоново; ССН 9:42об.]. «Говорили, што как во дворе ес(т)ь хозяин... Ну, вот так и приговаривали, што “домовой хозяин” называли: “Домовой хозяин, прими мою животинку и спаси, и сохрани!” Вот так. А это приговаривали, когда, примером, родица или купишь там животинку...» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:58-58об.]. «Ес(л)и купят животинку и заводят, значить, там у хозяина, хозяйюшки наа спросицца обезательно: “Хозяин и хозяйюшка, мальэ детушки, взяли мы себе животинку. Она нам по любви, вам буэт по шерсте. Поите, кормите, баско водите, по двору не гоняйте, впяту не опускайте!” Впяту — штоб обратно не уходила. Есть другие уйдут обратно животины-то. После животина вот и там родица, прибудёт — тожо у хозяина наа спрашивацца, тожо так жо, што: “Прибыла у нас животинка. Нам — полюбé, вам — по шерсте. Ак поите и кормите...”» [ЗАП, д. Ушаково; МИА 24:Ф1994-11Волог. Оп. № 36]. «“Хозяин и хозяйюшка. Милы малы детушки, поите и кормите мою милую коровушку, гладьте и ладьте, к ноце местецько дайте!” [При этом] по шерсте нао

гладить, по шерсте от головы и ту(д)а» [ИАВ, д. Ильино; ССН 9:33]. «Хозяин-батюшко, прими милова живота, мне люба и тебе люба будь!» — это заставляэш коўды, заставаэш [=загоняэш в стойло] либо берешь откуда коровушку» [ДЕГ, д. Росстань; ССН 9:61]. «Выйду на двор, домой-то как приведёшь, купишь. Сейчас, пока идёшь, дак этот на след все следки скидаёшь к ей. Ну и приведёшь и скажёшь — на все четыре угла поклониссе: “Хозяин-батюшко, хозяюшка-матушка, малые детушки! Пойте и кормите мою (там конюшенькю, Чернюшенькю, хоть Красную телюшенькю). Пойте и кормите, доводите ей доволе(?), тёплом и добром и милосью Господней!” Обойдёшь все уголки, поклонишше и попросишь у хозяина, штобы он приняў животинку как следуэт. А не попросишь, дак, знаэш, вот если не любая хозяйину, дак утром приди — шерсь вся у лошаде к голове повёрнулася. Шерсь даже к голове повернета у лошадки! А как она к тебе ко двору, дак она, придёшь, дак как мылом она вымыта — лошадка. И так и коровушка. Коровушку купишь — надо попросица! Вот и обойдёшь во все угольцьки» [КАВ, д. Мытник; ССН 9:65]. «Лошадь вот застанут — у нас веть в озере всё ловили — поте-е-лая придёт лошадь-то, устанет. На двор застанём. Ну, если вот по двору, примером, утром вся ейная коса, вся рочёсана у лошади. Да. И ето говорили, што “по двору”. А если не по двору, дак такая вся сусленаа — как засуслиэт всё! Да, это говорили...» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:59].

По представлениям старожилов Вашкинского края, домовый хозяин принимает облик главы крестьянской семьи и сам имеет подобную семью. «Он как хозяин — в аккурат как тот [=отец]. Двери открывающа и выходит чело(в)эк, а я думала сам. От там в комнате скрывсе и не знай куда... Я заслед, чё-то хотела сказать. Пришла — он спит. Я испугалась, думаю: “Нао идти сходить посмотреть, кто жо вышел-то?” Никоо нет, дверь, всё закрыта. А вышел челоэк» [СНН, д. Село; СИС 26:84]. Считалось, что домовый контролирует работу хозяйки по дому. Вот как рассказывает об этом быличка: «Хлеў вот был. Одна старуха рассказывала, што: “Я, — говорит, — шла сей год ночью, не во время поила скотину. Люди уже стали спать ложицца, а я, — grit, — пойду скотину поить. Раз прихожу, — grit, — а он на яслях сидит и говорит: “Неужели тебе, Марфа, некогда днем-то прити?” Я, — grit, — гляжу; как вот мой-от дедко. Такой, — grit, — лохматый сидит. Я, — grit, — и подумала: “Дедко у меня оставсе на лежанке лежать. А с чё тут пришоў?” Двери раскрыла — сидит на яслях. Я, — говрит, — после того больше всё! Надо во время всё делать» [МИФ, с. Вашки; СИС 22:76-76об.].

Судя по некоторым свидетельствам, домовый иногда мог отождествляться с кикиморой (см): «Домовой может прясть, если не благословясь положишь прялку» [ЗЗВ, с. Липин Бор; СИС 21:20].

ДРАКИ

Силовое противоборство между мужским населением отдельных местностей, селений, разных частей («концов», «слобод») больших сел или провинциальных городов было важной отличительной чертой традиционной культуры и придавало специфическую окраску многим народным праздникам и гуляниям (см.). Оно было причиной возникновения многих своеобразных форм мужского поведения, этикетных и этических норм и являлось важным механизмом, регулирующим взаимоотношения как внутри молодежных групп (в Вашкинском районе их обычно называли «шأتиями» или «шайками»), так и между ними. Скажем, в некоторых случаях статус чужака надежно предохранял от нападения. Один из рассказчиков вспоминает, как он в юности гостил в Роксоне и вместе со своим приятелем, местным уроженцем, попал в драку: «А мы — Олёха Варёнов только пришов с армии — на скамейку выстали. Го(о)рю: “Лёх, тут...” — “Не бойся, — гвит, — чужово не трóнут!” ... Только свои, между собой [дерутся]» [ЛИМ, д. Шугино; МИА 23:58].

В других случаях, особенно при гулянии парней партиями во время праздников, к чужакам напротив относились откровенно враждебно. «Ни из-за чёо, просто ни из-за чёо: видят, што человек чужой пришов, и вот надо ёо набить» [ГАМ, д. Никоново; МИА 25:Ф1994-12Волог. Оп. № 40]. «Если ты павшозёра, то в Индомане тебя обязательно набьют, и наоборот» [АМИ, д. Малеево; СИС 22:10]. «В своей деревне не так, а вот рядом деревни — собирауце в одно место и не поладят — и драка пошла. А это ишо ладно, это ишо свои. А вот как пришли из чужой волости кавалеры, тут уш всё!» [ОУА, д. Опрячкино; СИС 26:74]. «Идут: с одной стороны чило(в)эк десять шайка идёт — ну, рядом все агульню шеренгой идут. Хто пляшет идёт... Ну, и оттуда чилоэк там тоже пятнаццать идут, с друго́во сельсовета. Свои, сельсоветские, с одной вóлости, дак мирно жили. А особенно с друго́во сельсовета придут — вот тут враждá!» [ЗСН, д. Ларино; МИА 24:Ф1994-11Волог. Оп. № 15]. «Дрались сельсовет на сельсовет, между собой драк не было, только с чужаками» [ГМФ, д. Лейбручей; СИС 22:14]. Отсюда шутливая поговорка: «Ранше Шилда да Ухта — две деревни были — Ондрей Михаич росказував: “Если Шилда гуляэт, дак Ухта спит. А если вместе гуляют, дак роздеруща”. Это поговорка такая» [ЛИМ, д. Шугино; МИА 23:58]. Некоторые местности славились особой драчливостью: «Индома на очень дрались, драчуны сильные были» [АМИ, д. Малеево; СИС 22:9об.]. «Индоман звали “ножовиками” — с ножами ходили, махалисе» [ГМФ, д. Лейбручей; СИС 22:14].

Поддержанию воинственного духа способствовали постоянные вылазки смельчаков в чужие волости: иногда для того, чтобы повидать приглянувшуюся на праздничном гулянии или на ярмарке девушку, иногда для выведывания «планов врага», а иногда и просто для демонстрации храбрости.

Впоследствии эти похождения могли служить предметом хвастовства и многочисленных устных рассказов, которыми молодежь развлекала друг друга во время посиделок. Особенно часто такие вылазки совершались во время праздников. «Бывал вот у меня случай такой, што сошли к Девятой Пятнице вот в Ондреевскуу. Ну, и надо узнать, сколько противника. Меня отправили туда, в йихноо логово [говорит с усмешкой — И.М.], в Ондреевское там, в Становой деревне. И вот я сошёл, тоже необдуманно туда ишё — там бы меня они могли свободно даже убить. Так хорошо, што мужик такой из города нашовсе, который мáло маля, што: “Вы што, ребята? Да от одной матери сыновья!” — всё это. Ну, и я вижу, што йих подходяще там. И мы разделились на две кампании. Молодяшка (до армии это я) до двадцатú лет — там нас человек триццать было — ушли как в деревню. Остальные как в засаде там — постарше уже. Тоже человек сорок сидит. Ну, а перед этим-то годом наших даже обидели там. Ну, я сошóв, розведав всё это. Ну, это, чуть не получив. Ну, а заядлый — у меня одноклассник со мной оттуда, с Тимина быв. Ну, и он, ёó послали к нам. Мы уже по деревне ходили с гармошкой — вот эти вот триццать челоэк, молодяшки. Ну, и он (в)зашóл, и пришлось мне разводить драку, раз знаэт, што я знаю, скоко там! По три милиционера было на празднике на этом. Конешно, меня засикли тут...» [ГАМ, д. Никоново; МИА 25:Ф1994-12Волог. Оп. № 40].

Несмотря на очевидный риск, связанный с такого рода прогулками (а отчасти и благодаря ему), они были важным элементом традиционных праздничных гуляний и являлись своеобразным развлечением: на праздники молодежь непременно стремилась посетить те деревни, с которыми существовали отношения соперничества и даже вражды: «Де на нас робята сердяцца, / Туда гулять идем!» Наиболее удобные возможности предоставляли для этого престольные праздники (см.), нередко совпадавшие с крупными годовыми (см. «Троица», «Ильин день»), во время которых в деревни, отмечавшие престол, стекался народ со всей округи, а потому пребывание на территории потивника было как бы освящено традицией.

Драка, как правило, была кульминацией всего праздничного гуляния, а ее отсутствие могло восприниматься как недостаток: «Это разве праздник был, что никого даже не убили?» Столкновение предварялась многочисленными взаимными провокациями со стороны соперничающих компаний парней («шáтий», «ватáг», «артелей»). Шатии обычно возглавлялись наиболее авторитетными, физически сильными парнями, славившимися своими выходками на всю округу: «А вот Сук — Вася Сук был за атамана там: всё Сук да Сук, прозвище-то. Задиристый такой быв, дак Сúком звали...» [ЛИМ, ЛАФ, дд. Шугино, Мосеево; МИА 23:58]. Именно они шли во главе компании во время гуляния, и именно они в большинстве случаев давали знак к началу столкновения.

Частым поводом для драки было так называемое «прика́лывание», т. е. зади́рание, намеренное оскорбление соперников. «Вот если, как у нас называ́эцца, не кампания, как там, а ша́тия на шатию. Ну, там:

Шатия на шатию
Давайте раз на раз!

А тут уш два идёт у́харя впереди, которые уже как атаманы считающа. И уже в руках там “прикб́ла” (и)ли што-то у ёб ес(т)ь — кол. Ну, и вот. В это время уш друг перед дружкой эт. Не дай Бог, если вот: как друг дружки не отвернули — всё, уже понеслось! Тут уже началось! Там независимо, што ты мне должен чем-то или я тебе должен...» [ГАМ, д. Никоново; МИА 25:Ф1994-12Волог. Оп. № 48]. «Приколами» атаманы били по земле при приближении к группе соперников, иногда и при пляске. Порой это превращалось в своеобразное соревнование между атаманами. Причем считалось большим позором, если кол от удара об землю ломался. «Идет и вроде как пок[азуэт] — я тебе показую, што: “Вот у меня, — мол, — коль кр́епка!” Тот тоже стукнёт. А бывало, што и у котóрово и лóпнёт... Это уш значит уже: “Слабовато взято!”» [ГАМ, д. Никоново; МИА 25:Ф1994-12Волог. Оп. № 48].

Функции «прикалывания» выполняли и многочисленные частушки провокативного характера, в том числе и матерные, исполнявшиеся прогуливавшими ватагами под «деревенский перебор», «чтобы поднять боевой дух».

За...ла ваша нашу
Пока не́ было меня,
А теперя х...то —
На гулянке есте я!

Со гуляночки погонят —
Ты, товарищ, не зевай:
Чашше ножиком помахивай,
До чёрня [=рукоятки] забывай!
[ЛИМ, д. Шугино; МИА 23:67об.]

Я иду, а брата режут
За дорогой в стороне.
Вынимаю финский ножик —
Всё ровно сидеть в тюрьме!
[ВВВ, д. Рашино; МИА 24:112об.]

Своеобразным «приколом» и одновременно испытанием на храбрость было намеренное прохаживание парней из разных деревень вдоль села, в котором отмечался праздник, шеренгами, почти полностью перегораживавшими улицы деревни. Шедшие навстречу шатии практически прекрывали друг другу путь, стремясь вынудить соперников уступить дорогу или повернуть назад. «Ну, бывали, што ведь идут — например, вот Девятаа Пятница праздник у нас был — наших человек семьдесят идёт, семьдесят пять (гармонист идёт в первых рядах) и там то же са́моо... Ну, и не отвора-чи(в)али друг от дружки. Это не дай Бог, если мы смёлые, а от нас отвернули! Это значит уступили, проиграли считай што поле боя!..» Уступивших дорогу высмеивали: «Ну, это как по-русски в ма́тах-то всяко там, хто как

выкрикнет. Ну, там матом: “Трусы!”» [ГАМ, д. Никоново; МИА 25:Ф1994-12Волог. Оп. № 37].

Именно таким прохаживанием вдоль улицы шатий объясняется обычное начало драки: будучи не в состоянии разойтись, соперники, проходя мимо, невольно или умышленно задевали друг друга плечом. «Ну, кому наа подрацца, дак тот ткнёт коо ли плечом — и партия на партию! Ну, ткнёт: оттуда идут — и ты идёшь, играэш в гармонию. И поглядишь, хто кооб тут задёв — и потасовка пошла тут» [ЗСН, д. Ларино; МИА 24:Ф1994-11Волог. Оп. № 10]. «Конешно, шубацкий парень подойдёт к роксомскому, дак уже ишшот. Да, ишшот — плечом!» [ЗПЕ, д. Парфеново; МИА 23:14об.]. «Один к другому подошов, плечом толкнув — и пошло! “А-а, ты меня задел! За што задел?” Друг другу не понравилось — и пошло!» [ЛИМ, д. Шугино; МИА 23:57об.].

В некоторых случаях драка сводилась к поединку между атаманами (а порой начиналась или завершалась им). Провокацией к драке могли быть специальные частушки про «своего» и «чужого» атамана:

Атаман у нас молоденький,
Не выдадим ёо:
Семерых в могилу сгоним
За ёо за одноо!
[ЛИМ, д. Шугино; МИА 23:67 об.]

Атаман у нас молоденький,
Не выдадим его:
Лучше семеро погибнем
За него за одного!
[АМИ, д. Малеево; СИС 22:10]

Атаман идет вперед,
Мы его помощники,
Кто заденет атамана,
Засверкают ножики!
[АМИ, д. Малеево; СИС 22:10]

Атаман у вас высóкой,
Токо виники ломать;
Нае...нули по баклуше —
Улетев, е...на мать!
[ЗСН, д. Ларино; МИА 24:148об.]

Иногда в припевках про атамана улавливается и некоторая ирония:

Атаман у нас молоденький —
Семидесяти лет.
За ево седуу бороду
Бороцце будем век!
[ВВВ, д. Рашино; МИА 24:112об.]

Характерной чертой поведения атаманов было «вылóмывание», сопровождавшееся различными вызывающими жестами и выходками. «Вылóмывались — это уш!.. С выпляской идут и всяко там это вычивíривают. Да... И обязательно песни мáтерные вот [пели]. Ну, какую песню там? Их же очень-очень [много] — там сотни! Ну, вот:

Атаман идёт по бéрежку
И машет батожкóм.
Атаманову сударушку
Е...ут под бережком.

[Атаман “ломается”], а остальные песни поют. Он запекает, остальные подтяги(в)ают песню эту, частушку... Куплет споёт и хёрнёт и в это время подпрыгнёт и спляшет. [Или] вот за́ ворот рубашки руки полóжит и рубашку порвёт у себя — атаман. Да, у себя, сам у себя. Да, да, да, когда ломáюща... А обычно пьяные всёгда это. Но не напивалисе вот как те-перь!..» [ГАМ, д. Никоново; МИА 25:Ф1994-12Волог. Оп. № 50].

«Хёрканье» — один из самых впечатляющих приемов демонстрации агрессивности и презрения к сопернику, известных в Вашкинском районе (см. еще: «Пляска», «Кудеса»). Хрипящий звук, возникавший при втягивании в себя воздуха, отдаленно напоминал рычание хищного зверя. По свидетельствам некоторых рассказчиков, «хорканье» считалось совершенно неприличной выходкой («это пострашнее мата будет»); по отношению к девушке оно выражало сексуальное желание. Разошедшегося подвыпившего плясуна, начавшего «хоркать» при пляске (см.), немедленно выставляли: «А хоркали (публики много на улице!), когда пляска идет в кругú. Ну, уш тогда ёб — скажут, што: “Уходи, хватит тебе!” — не усят больше на круг...» [КНИ, д. Глухарёво; МИА 23:104об.]. При встрече шатий «хорканье» было формой прикалывания: «С гармоньей одне идут оттуда, а мы отсюда [=навстречу друг другу]. И вот друг перед дружкой-то вот и хёркают. В гармонью играют. И вот как хёрканье-то это, што: “Вот хто я!” — хто сильнее...» [КНИ, д. Глухарёво; МИА 23:105].

«Прикалывание» во время гуляния по улице или при пляске могло включать в себя не только «ломание» и «хорканье», но и «стращание» — исполнение частушек с угрозами в адрес «супостáтов», т. е. других парней, претендующих на благосклонность девушки, за которой ухаживал (или хотел бы ухаживать) поющий. «[Пели это] ну, на задир. Ну, вот если ревнуешь, тебе охота с этой девкой ходить, дак. Вот он и поёт:

Супостáта ненавижу,
Как собаку бéлуу:
Финский ножик запехáю
Под лопáтку левую!

Это страшáэт, видишь... Ну, и на гулянье. Вот тут встричаэцце и напеваат ему тут элак...» [ЗСН, д. Ларино; МИА 24:Ф1994-11Волог. Оп. № 17]. С пением такого рода частушек желающий начать драку заходил в круг, образованный молодежью соседней деревни, и начинал плясать вопреки установленному порядку, задевая плечом других пляшущих парней, «ломаясь» и «хоркая».

Индомана люди злые
Жизнь веселую ведут,
Попади бутылка в руки,
Так и горло оторвут!
[АМИ, д. Малеево; СИС 22:10об.]

Злятся-косятся
Малеевцы (вар: индомана) на нас.
У нас ножики наточены,
Мы по... вас!
[АМИ, д. Малеево; СИС 22:10об.]

Важную роль в «прикальвании» играл гармонист (см.): идя рядом с атаманом, он исполнял наигрыши под частушки «на задир», под пляску, а также специальный наигрыш «под драку», напоминавший призывные звуки трубы. «Я в Роксоте насмотревсе уш это: хлѣшшущце ремням, бляхам — кров летит! Гармонист ходит — и игра какáа-то специальнаа, “под драку”» [ЛИМ, д. Шугино; МИА 23:57об.]. Именно с нападения на чужого гармониста нередко и начиналась драка: «Это когды, знаэш, эт зляцце, дак. Вот друг на дружку косяцце. Как ужо писня-то поѣцце:

Поиграй, гармошка наша,
Мы чужуу разорвем!
Де на нас робята сердяцца,
Туда гулять идём!

Ну, это дак эт другой раз роздерущце, дак и гармошку порвут: ножом пону́т — и всё!..» [ЗСН, д. Ларино; МИА 24:Ф1994-11Волог. Оп. № 14].

Рукопашные столкновения и драки в Вашкинском районе отличались жестокостью, а порой и жестокостью и, в отличие от кулачных боёв, распространенных ранее в Центральной и Южной России, обычно проходили без соблюдения каких-либо правил, больше напоминая поножовщину. «Были драки, дак это не было праздника, штоб целовека не убили. В Мосѣевской ранше отмечали [праздники]. Там распорядок бив вроде: некоторой он интересовався дракой, знацит, сѐ(о)дни надо кому-нибудь дать!.. Друг другу попадут встрѣчу там, ну, целовек по пять, по шесть, ну и росспóрят, и роздерущца, и всё вот. Кто ково, понимашь. Быват камнем колону́т. А быват некоторый носит гирю, понимашь, вот; ранше гири — видев? — были: на весах эти, што на ремень можно одеть. А у некоторых ножик бив, што и ножиком ткнѣт, понимашь» [РПФ, д. Аверино; ССН 9:53 об.].

«Драки были в праздники — как жо, как жо! Тожо друг дружку ухлѣшшут, убьют и всё было. Дралися чѣ попадѣт —кольями. Да вот у нас (в)этэ это на Волоку-то [=местность Волоцкое, Васильевский с/с] коромыслом платяным. Ну, у нас этэ “платяноэ коромысло” называэцца — палка. В деревне дак коромыслом зовѣм платяным. Этэ ранше водонос быў — воду носили ушатом — так это водяноэ коромысло. А это платяноэ. Так этэ один парень (Ефим вот топере-то) двух парней захлѣснул коромыслом» [ААК, д. Естошево; СИС 26:19об.-20]. «Кóльем дралисе. Ну, это вот штакѣтник отрывáли, полиньѣ — всё в ход шло. Камѣньѣ шло... Да, вот эт вот этим и бросáлисе. Да-а. Пáлкам друг в дружку... Гири ранше носили. Даже на этом, на ремнѣ на кóжаном у ёб привязана — и в кармане. Вот с гирем ходили. Были потом ишó эти вот, наладóшники — свинцóваа такáя штука. Сюды вот элак вот ремешок — и она́ в ладонь помешáласе. Элакаа выпуклаа, из свинца — тяжóлаа и выпуклаа. И по голове... Никаких правил нѣ было: хто куда! Хто смел, тот и съев!.. [Тех, кто упал,] есь и били, а есь и нет. Так-то и рознимáли, да знáэш ведь. Если зло, дак пока не отгáшшат...» [ЗСН, д. Ларино; МИА 24:Ф1994-11Волог. Оп. № 19]. «Пьяные не

разбирали как били, дрались гирями на ремне, кастетами, курка́ми». Курками назвали вставлявшийся в тележную ось гвоздь длиной 60-70 см, с очень большой шляпкой» [ГМФ, д. Лейбручей; СИС 22:14].

Драка понималась как коллективное действие: один на один дрались редко.

Партия на партию,
Которая возьмёт,
Наша партия с наганом,
Вашу партию ...
[ААК, д. Естошево; СИС 26:19об.-20]

Достаточно было кому-либо из «чужаков» задеть «своего», как в единоборство спешили ввязаться помощники, иногда под предлогом «защиты» или прекращения драки. «И пожилые участвовали. Если у ёб там родственника задела да стали колотить, дак даже старики, и те подхватывали. Жалко всё-таки, знаэш, — срóдственник... А бывало и дети. Бывало и так: палки подкид(ы)вали. Бывало и так...» [ЗСН, д. Ларино; МИА 24:Ф1994-11Волог. Оп. № 19]. Подмогу в 20-30-е годы созывали свистом или «по-морскому», криком: «Полúндра!» Свист служил также способом сбора шатии после схватки, особенно если она происходила уже в сумерках: «Ну, от друг дружку потеряют — осенью от, (на) Пречистой, дак особенно тёмно, дак. Ну, как розгоняют-то, дак потом-то скликающе они по свисту, собирающце» [ЗСН, д. Ларино; МИА 24:Ф1994-11Волог. Оп. № 19].

При драке никогда не смущались, если противник оказывался в явном меньшинстве или был повержен на землю: «Чем больше лежит на земле, тем сладше бой, как говорицца... Бывало, што вот (были драки), што по триццать — сорок человек одноó лежачево бьют. Ну, и травмировали людей...» [ГАМ, д. Никоново; МИА 25:Ф1994-12Волог. Оп. № 41].

Хотя в 20-30-е годы специальной системы обучения подростков приемам рукопашного боя не существовало («Никто даже никоó не учил ничему, ничёб этоó. Не учили, што даже как и драцца. Это всякий по-своёму дерёцца, правда ведь...») — ГАМ, д. Никоново; МИА 25:Ф1994-12Волог. Оп. № 42), можно уловить остатки прежних приемов воспитания в некоторых традиционных формах взаимоотношений взрослых и детей и подростков, действовавших подспудно и от случая к случаю («Они сами собой воспитывались все из поколения от поколения вот. Ну, просто такáа традиция» — ГАМ, д. Никоново; МИА 25:Ф1994-12Волог. Оп. № 42), но в конечном счете приводивших к формированию специфических «бойцовских» качеств. К таким формам воздействия можно отнести демонстрацию некоторых типов поведения («действуй как я»), например, нарочитой, вызывающей агрессивности по отношению к «чужакам» и «подзúживание» подростков, натравливание их на соперников, в том числе превосходящих их по силе. «Вот, например, я бы вот с ним шол, а идёт там мущина взрослый или там парень взрослый. Ну, и сказав, шо: “Ну-ко, дай ему́!” Если мне сказали, за[крутивсе]:

“Чёб, закрутнвсе? А-а, трус!” Ну, он видит, што уже отступать нёкуда, и он шлёпнёт. А тот если сдачу сдав, значит драка завязáлась хорошая...» [ГАМ, д. Никоново; МИА 25:Ф1994-12Волог. Оп. № 42].

Подростки, а порой и дети 10-12 лет, могли идти вслед за прогуливающейся по улицам во время праздников шатией и иногда первыми ввязывались в драку со сверстниками из шатии противников. «Ну, а там сзади уже идёт помельче — вот лет по тринадцать. Ну, и такие [=лет по десять — показывает на своего внука] были. Если мы не завели — они могут завести драку. Подойдёт и там шлёпнет какому-нибудь тожо такому же подростку — и пошло! А мы розвёрты(в)аэмсе — и, как говорищэ, в бой...» [ГАМ, д. Никоново; МИА 25:Ф1994-12Волог. Оп. № 37]. «Драки начинались с того, что задирались младшие. Их специально натравливали: подговаривали окурками кидаться, плевать, толкаться. А когда старшие дрались, они подносили камни, колья, бросались камнями издали» [АМИ, д. Малеево; СИС 22:9об.].

Участие женщин в драках обычно не допускалось этикетом, однако считалось вполне допустимым, что женщины разводят дерущихся по сторонам, разбирают их или даже защищают «своих» мужчин (мужа, брата) от нападения «чужих». «Это вот на гулянке топерь вот о Покрове, о Пятнице — это в Естошеве догуливали. Там Естошево — большаа деревня была самая крайнаа — ну, дак там гулянка на другой день. Дак вот там тожо всё, было, дрались. Дралнсе — уй! Да сбежищце баб-то, штобы розннть-то йих, дак переругаимсе!.. Нет, бабы не дрались. Ты за своёво мужа, если твоёво обидели, я за своёво мужа — вот и разругаимсе. Што: “Паразита уводи! Гли, паразит-то чё делаэт!” А можот мой паразит хуже. Ты меня, што: “Твой задел-то! Не мой виноват!” Вот и ругаимси ишо...» [ААК, д. Естошево; СИС 26:19об.-20].

В связи с этим очень характерны некоторые типы устных рассказов, бытующие до сих пор во многих деревнях, в которых описывается, как храбрая жена защитила мужа. «Дерущца, дак сколько силы у коб ес(т)ь. Вот и ходили — Де(в)ята(а) Пятница былá. Шли от нас-то, муж да жона шли. А индомáна (вот десить километров Индоман), индомáнской парень идет и, значит, в руке цёб-то, урáзина — на Павлúху на Чéнина (а он с жоной шов) — и назывáэт, што на Павлуху (он оттоле вот, с Поповке). А Марина, значит, жона: “Па(в)эл, ты ни подходи! — это мужу. — Я пойду, розделаюсь. Тебя судить будут, а меня, — г(в)ит, — ни будут: за мужа пристáну!” Как хватила огород, жердь выломила. А мужу сказала: “Пáэл, ты ни подходи, стой!” Она как ёму дёрнула этим, колóм-то (вот такой кол!) — только побежав! А Павла, дак он бы наруúшив, убив — идёт с уразиной ... [Эта пара была] первоо году. “Ты, — гит, — Паэл, ни подходи! Я розделаюсь с йим!..» [МАЯ, д. Мытник; МИА 25:11 об.].

Заканчивались драки, когда одна из сторон отступала или обращалась в бегство, а преследование соперника продолжалось до границ «своей»

территории. В Вашкинском районе не было принято устраивать мировую. Только в очень редких случаях атаманы могли мириться: «“Давай, дружок, помиримся” — и до следующего праздника» [АМИ, д. Малеево; СИС 22:10об.].

Морозов И.А.

ЕГОРЬЕВ ДЕНЬ

Егорьев день (6 мая) — день, посвященный памяти святого Георгия Победоносца (Егория, Юрия), в народе считавшимся покровителем скота. Специфику обрядов Егорьева дня составляет его осмысление как дня первого выгона скота в поле (см.). «Первый раз скот выгоняли на Егорья. Пастух за день до выгона брал отпуск, обходил кругом поскотину. На утро скотину приводили к церкви, батюшка обходил стадо, а кто-нибудь нес икону. С Пасхи берегли кусочек паски и давали скотине, и тогда же закармливали последним снопом «Иванушкой». Все лето надо было гонять скот одной витвинкой» [ЛАД, с. Вашки; СИС 24:30об.].

В Егорьев день совершались многочисленные обряды и магические действия, направленные на то, чтобы обеспечить сохранность скота во время летнего выпаса. В Вашкинском районе представлены все основные общерусские элементы обрядности Егорьева дня: ритуальное кормление скота, обход скота хозяином или хозяйкой дома, выгон скотины в стадо, обход стада пастухом.

Обычай закармливать скотину на Егория определялся почитанием святого как «скотьего бога». «На Егорья тятя, помню, обходил да скотину, ак не выпускали еще на улицу, а на дворе обходил. В решето накладёт ложки, хлеб, ножик и поминанье — ну, иконка. Ну и топор сзади под кушак. И топор кладёт к воротам, штоб так выпускать дак через топор. Вот обходит три раза кругом овцы ходит, и коровы, и телёнок. Три раза обходит. И што-то цитаэт. Выпустить-то ишшо не время (ну, нельзя ишшо, холодно), дак так обойдёт... А когда выпускать будет блаословясь, тода топор кладёт и это, вересу, у ворот вересинку зажгёт» [КУН, д. Задняя Слободка; СИС 25:14]. «На Егорья хозяйки с иконой, хлебом и солью обходили вокруг скота, закармливали скотину» [СТИ, д. Мосеево; СИС 21:19].

Хлеб, который использовали в обходе и давали при закармливании, иногда пекли, добавив шерсть, взятую у всей скотины, что также должно было привязать ее к дому. «Алябушка — шерсть закатана, с мукой да, помешано с этим да. А им потом скормишь. Штоб двор знали што ли?» [КУН, д. Зад-

няя Слободка; СИС 25:14]. Такой же хлеб обычно выпекали и для первого выгона.

При обходе скотины употреблялись магические предметы: икона, яйцо, веточка вербы, хлеб. Хозяйка, держа в руках решето, в котором лежали хлеб и яйцо, обходила собранную во дворе скотину с приговором: «Как кругом яичко катаецца по решещу, так бы скотинка кругом своей избушки знала и ходила домой, нигде не останавлиалася». При этом она старалась, чтобы яйцо без задержки каталось вокруг хлеба [ММФ, д. Кропачёво; СИС 22:86]. «Это скотинку выгоняли — Егорей праздник, значит, — в перво времечко. И всегда была икона на дворе — Егорей. На дворе перед потолóком, перед дверями, перед воротами. Когда скотинку выгоняэш, вот эти вербушки, значит, и эту иконку. На дворе обходишь кругом скотинку с этой иконой, а потом выпускаэш на улицу [и говоришь]: “Господи, благослови! Сохрани, Господи, нашу скотиночку и спаси! Господи благослови в добрый час и во святой!” — это уш вот так говоришь» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:58].

Изредко это событие сопровождалось устройством пирушки. «Егорей весенний, дак там гости придут да, опять бабы скопяцца в одно место да, попьют в одной избе да, попляшут да, всё тут — попоют да. А выгонели [скотину], дак это вот принесут эти —давали вербушки в Вербноэ воскресенье — вот эти вербушки принесут, поста(в)ят в угол, и ене стоят в углу, пока скотинки не наа выпускать. Скотинку наа выпускать, разломают эти, просвирочки — пекут колько животинок есь, каждому кусочик — и с этим с вербушкам выпускают» [ААК, д. Естошево; СИС 26:24].

Этот обряд продолжает выполняться и в настоящее время, что порождает особенное к нему отношение. Так, нежелание сообщить приговор при обходе, вызван представлением о том, что переданный текст потеряет свою силу. «Это в сам Егорей ты выпустишь. Ишо может зима, ты не выпустишь [на пастбище], но всё равно надо двор оботти, эту скотину. Ну, с иконкой нао, с решетом, хлеб-соль. К Егорью нао обращацца. Я уш по-своему. Ой, дак вы уш не записывайте, чё-то я это как боюсь!» [КАЛ, д. Сементьево; СИС 25:31об.].

Однако в большинстве деревень Вашкинского района обряды Егорьева дня, связанные с первым выгоном, были отнесены на более позднее время, когда климатические условия позволяли перевести скот на пастбища (см. «Первый выгон скота»).

Минюхина Е.А.

ЖАТВЕННЫЕ ОБРЯДЫ

Жатвенные обряды имели в крестьянском быту особое значение, поскольку урожай зерна определял благосостояние семьи, достаток на целый год. Обряды и обычаи, связанные с началом и завершением жатвы занимают большое место в воспоминаниях вашкиных старожилов, хотя в конце 20-х — начале 30-х годов многие из них уже не соблюдались или поддерживались только старшим поколением. Главная роль в жатвенных обрядах отводилась хозяйке дома — большухе. Если пахота и сев были сугубо мужским занятием, то жатва являлась преимущественно женским делом, причем работа вплоть до 20-х годов («при единоличной жизни»), как, впрочем, и позднее, при колхозах, носила коллективный характер, что является отголоском древнего общинного уклада. В повседневном быту еще иногда практиковались некоторые магические действия, призванные, по поверьям, способствовать успешной уборке урожая. Например, «а ковды кокушку первой раз услышишь, как-то надо, гоорят, через голову сколько раз кувырнуцце, шшобы — раньше-то как жали — дак шоб спина не бóлела» [АНИ, д. Зуево; МИА 24:91].

Основные ритуалы традиционной жатвы связаны с ее началом («зажинки») и окончанием («дожинки», «выжинки», «обжáтки»). В первую очередь убирали рожь, в последнюю — овес. От зажиночного обряда сохранились лишь обычаи опоясываться первыми срезанными колосками, приносить несколько колосков домой, а также выпекать хлеб из зерен нового урожая. Интересный рассказ о зачине жатвы записан в д. Естошево: «Вот жать пойдёшь, уш вот к полосе придёшь, ну дак вот зажинаишьсе. “Господи, блааслови!” — пошла с дому так серпик с собой. Пришла к полосе: “Господи, блааслови! Полоска-матушка, как серый зай в край. Кыш! Побегай!” Ну дак сделаэшь сперва вязочку. Ну, сожнёшь вот, накинешь серьп на тут сколько пылинок [=колосков], и соклонише и говоришь: “Как пылинка гнёцце и не ломицце, так бы у рабы Божьей Шуры спинка гнуласе и не ломиласе и не уставала. Во веки веков, амины!” Вот эту сдернешь, срежешь, сделаэшь вязочку. Навязвашь на себя: “Как эта вязочка кругом снопика обвиваэтцце, так бы у рабы Божьей Шуры спинка обвиваласе кругом жниўки, жала и не уставала!” И опеть эдак вот два раза. Элак три раза сделаэшь, кинешь и пошла жать» [ААК, д. Естошево; СИС 26:35]. В памяти старожилов сохранились смутные воспоминания об обращении при начале жатвы к хозяину поля: «Когда она [=мать] начинала зажинать, так она гоорила, (и)шо подговори(в)ала, што де нао зажинать, ак тут хозяин, всёму полю хозяин...» [СНН, д. Село; СИС 26:85].

Особое ритуальное значение имели первые и последние сжатые колосья. «Зажинались ковды. Эту выжнешь горстоцьку, вот так [=жгутом] переплетёшь и вот э(д)ак [=вокруг пояса] завяжошь: “У Овдотьи у рабы да поясинка не боли! Во

веки веков. Аминь”. Три раза. Это мама меня учила, дак помню. Штобы поясинка не болела» [ДЕГ, д. Росстань; ССН 9:61]. «Рожь жнут, дак делали поясок изо ржи: “Как стояла ты крепко, рожка, так спина моя штоб была крепка, никогда не болела”. Носят этот поясок, пока всё не выжнут. Дома снимают, а как пошли жать, дак этот поясок и надевают» [ИАВ, д. Ильино; ССН 12:15]. «Приходишь жать, ты три волóточки сожнёшь: “Полоска в край, как белый зай, кыш, погоняй, кыш, погоняй!” Штобы она [=полоска] бежала вперед-то, штобы помогала, жать-то помогала. Ну, и жнёшь, и жнёшь. Эту волоточку-то, три волоточки по себе оденешь. Три раза проведёшь, потом одеваешь по себе эту волоточку: “Как волоточка-то обвивается, так штобы у рабы-то Анны спинка извивалась”. Колесом штобы спинка, колесом» [ТАМ, д. Трифоново; ССН 9:39].

Первый сноп каждый стремился сжать раньше всех. «Первой сноп, первой сноп — хто наперёд! Ак все торопяцца, торопяцца, все вместе и нажнут. Вот» [ГАВ, д. Курулево; МИА 25:45об.].

Во время зажинок несколько колосков ржи срезали и приносили в дом. «У нас дак мама веточкам приносила рожь. Хлеб штобы вёвся в избе. В передней уголок надо. Веточки там три-четыре сорваны и кладены ей, Боженьке» [ДЕГ, д. Росстань; ССН 9:61-61об.]. Обеспечить достаток хлеба должна была и найденная на поле спорынья — раздвоенный ржаной колос. «В рже это, рожь как растёт, дак. Говорят: “Спорынью принесла, вóто нашла. Принесла”. Это слыхала я, это раньше, когда рожь-то рука́м жали, дак ишо чё былá-то, маленькая. Мама жнёт дак: “Вот спорынью нашла, дак на, понеси домой!” Дак понесёшь и кладёшь к образку — в передний угол к образку, к иконке. Вот куды клала я» [ЛНП, д. Москвино; ССН 9:90]. Этим мотивировано обычное приветствие, адресованное жнеям: «Спорынья тебе в дом!» [КНИ, д. Глухарев; МИА 23:96]. В д. Гавриловская раздвоенный колосок называли «сórка» [ААЯ, д. Гавриловская; МИА 25:35].

Наиболее сохранившейся к 20-30-м годам частью жатвенного обряда оказались дожинки, отчасти благодаря тому, что некоторые ритуалы окончания жатвы официально поддерживались в колхозах. Жатву старались завершить к «Пречистой» (28.08.) — Успенью Пресвятой Богородицы. «В августе мисяце перед Пречистой уш, тогда всё-то выжнут, дак ба́бье лето... Вот август-то. Тогда ить раньше выжина́ли. К сентябрю не оставят жниву. Дак штобы на Фролов день, штобы было всё очышшно. И, вишь, Пречистая ёсте, штобы: “Пречистая всё оцистила!” — вот. Все штобы поля оцистила. Ак до Прецистой уш всё выжнут, только бúde картошка у коо ишшо не выкопана» [ЗКИ, д. Захаров; МИА 25:25].

По окончании работы, а также при переходе с одного поля на другое катались по ниве. Верили, что это восстановит затраченные силы, даст жнице энергии и здоровья. «Я сама дожинала. Каталисе — с нивушки на нивушку переходили, дак: “Нивушка-нивушка, дай мне силушку на вторую нивушку!”» [МНИ, д. Мыс; СИС 21:67]. «Кувыркались — это шобы спинка не болела, да и ничё

не болело. Кувыркались. Так вот: “Нивка-нивка, отдай моя силку, тебе лежать, а мне роботать!” Так — через голову, вот так вот через голову кувырнуцца, и головы ни болили. Это как дожнёшь» [МАЯ, д. Мытник; МИА 25:5об.]. «Кончили жать, дак каталисе по полосе. На полосу падёшь и катаиссе, как нетёлка: “Ржаная жнивушка, отдай мне силушку на всю студёную зимушку!” Вот это катались» [ААК, д. Естошево; СИС 26:35об.].

Иногда это делали и при зажинании, приговаривая: «Нивушка-нивушка, дай мне силушки на всю жнивушку!» [ЛАД, д. Москвино; ССН 9:90]. «Там придёшь на полосу жать, на ниву. Дождёшь — перека́тишше ишо на этой, на ниве. Перекувырнёшше, што: “Нивка ты нивка, отдай мою силку! Тебе на́а лежать, а мне нада жать!” Это говорили. Это я и сама говорила» [ЖВН, д. Ваномозеро; МИА 23:35]. В некоторых случаях кувырkanie обрамляло весь процесс жатвы. «Начинали жниву, дак вот тут вот и катались по полосе тода. Вот это, што тут: “Нива ты, нивушка, дай мне силушки!” А потом уш это полосу выжали, дак на другую, што: “Нивушка ты, нивушка, отдай мне силушку на другую жнивушку!”» [КАА, д. Сементьево; СИС 25:29].

По другим описаниям, кончив жать, жница кланялась на все четыре стороны с приговором: «Полюшко-поле, подай мою силу на всю студёную зиму!» [КАА, д. Макино; СИС 23:17]. «Вот снопик выжнешь, поклонишше во все стороны, што: “Овсяная жнивушка, отдай мне силушку на всю студёную зимушку!” — и этот снопик несёшь домой и ставишь в передний угол» [КУН, д. Задняя Слободка; СИС 25:15].

При окончании жатвы старались завершить работу раньше всех. Видимо, считалось, что неубранный в срок хлеб, а также оставленные на поле колоски обладают вредоносной силой: грозят жницам болезнью — «кило́й». Причем «килой» называли и пропущенные, несжатые колоски. «Вот надо, штобы цисто жали, вот што. А другие ведь там оставят. “Надо килу привязать!” Ну, знацит вот, што это [=колоски] собрать да ей привязать. Вот, например, колоски, што: “Зацем оставляла?” Или, может быть, она жнёт-жнёт, и вдруг там немножечко, несколько этих веток из колосев останецца. Да: “Смотри, килá-то, килá-то за тобой тянецца! Сечас, — гв(о)рит, — тебе надо привязать килу́!” Обвернёцца, увидит, дак сожнёт» [ИАН, д. Малая Чаготма; СИС 23:26].

Представление о «киле» послужило основой для насмешек над отстающими в работе. «Жали загоном. Ты загон жнешь свой. Вот, например, полоса идёт, а тут борозда идёт, а тут опять полоса. Я на этом жну, а эта на этом жнёт — загоны-то одина́кие шириной-то. Ты жнешь впередé, а она — вон сколько осталосе! Так ей никто не перейдёт не поможет, не поддёржит. Поднасмехающца, што жнет, да: “Ну, сёдни на киле йидёшь, на киле се(в)одни йидёшь!” И смиющца» [ВЕФ, д. Малая Чаготма, СИС 22:49]. «“У-уй! В килé тыянесе! В килé тыянесе!” — говорю. Ну-у: “Тебе кила!” — го-

ворит. Закончит — не доделала, дак эти кончат все: “О-о, тебе, тебе осталась кила!”» [ЗАП, д. Ушаково; МИА 24:Ф1994-11Волог. Оп. № 46].

Стремление выполнить работу быстро привносило в нее дух соревновательности. Над отстающим подшучивали, его наказывали навязыванием «килы», которую мог символизировать пук соломы или изношенный лапоть. «Ты вот осталась, я спереди [=раньше] вот выжала, а другая жнёт. Даκ вот я тебе принесла лапоть: “Тебе лапоть! Тебе лапоть! Ты вот осталасе, даκ тебе лапоть я несу!” На огород лапоть вешели. Или на полосу принесёшь, даκ на палку оденешь да палку воткнёшь этому же целовеку, вот который оставсе сзади, к ей на загон и воткнёшь эту палку да лапоть оденешь» [ЛАД, д. Москвино; ССН 9:92]. «Лапоть напротив повесят. На кол наколотят и напротив повесят. Это ночью сделают. Утром выстанут, а лапоть на участке!» [ШЕВ, д. Погорелово; ССН 15:10об.].

Навязыванием «килы» подшучивали и над отставшими в других видах сельскохозяйственных работ. Например, при уборке картофеля последнему говорили, что он «остался на килё или на козё». «Хоть чё делай. Я вот жала... Мы всё картошку копаем, да ежли у меня картофник: ты выкопаешь — я осталасе. Толькё как сам кончиў, даκ несёт паўку и с лаптем мне в картофник поставит: “Вот тебе чёо! Ты не сделала вовремя, тебе лапоть, ты осталася на козё даκ!” Тебе лапоть и положат... Это единолишно жили, даκ друг дружке вешали. Придёшь утром на картофник, у ёо уж лапоть — палка забита и лапоть висит. Это на киле осталась, раз ты не сделала во время даκ» [МАД, д. Москвино; ССН 9:103]. «И вот картошку копаам, даκ тоже: “О-ой! Мы на киле осталисе!” — токо говорили, а боле цё?.. Кто последний — на киле и остаўсе. На киле катаэцц» [ДЕГ, д. Гавриловская; ССН 9:61об.].

При окончании уборки овса на конце полосы оставляли небольшой участок на «последний сноп». Он выжинался хозяйкой в последнюю очередь. Сноп связывали по-иному, не как обычный. При этом соблюдали ряд правил: колосья сжинали, двигаясь вдоль края оставленного участка и клали сжатые горсти по кругу на расстеленную скатерть, чтобы они не коснулись земли. «Последний сноп когда дожинали, клали на скатерть кругом по горсточке» [ЛМФ, д. Мосеево; СИС 21:14]. «Вот нажнёт кружочик, оставит в окурат на сноп. Вот элак вязку дёржит да только в горсти кладёт. Вот элак, на землю не кладём» [ЗКИ, д. Захарово; МИА 25:24об.]. «Когда сжинали последние колосья (для бороды), то складывали горсти по кругу, а затем все вместе на вязку» [ЯАА, д. Веселая, СИС 21:7].

«А другой вот сожнёт, оставляют такой ключочик, и этот наа — вот там жнёшь — даκ кругом обойти да этот [=сжатые колосья] тебе класть. А ты дёржишь сноп на коленях. Один сидит, а другой жнёт и носит в сноп. Вот носит в сноп и завяжет в сноп. Вязку наа знать, как сделать — вязка-та для ёо [=последнего снопа] только. Ежли как [обычно] жнёшь, даκ сделаэшь вязку, што-

бы зерно вёшалось [=свисало]. А ежли домой несёшь, зерно закручиваёшь в вязку. Так ёо не оставляёшь висеть» [МАД, д. Москвино; ССН 9:103об.]. «Это овёс, овёс-то жали это уш. Это из овса делали сноп, не изо ржи. Раньше эт жали-то серпám. Вот всю жниву выжнёшь, послидне — на послидней снопик осталосе, какой тут ляпачок оставишь. Ляпачок — вот элакой кружочек вот оставишь на послидней сноп. Вот это полё все-то пожнёшь уш, поставишь бабочки [=копёнки]. Потом этот ляпачок, кружочик сожнёшь на вязочку, вязочку завяжошь, понесёшь домой, поставишь в передней угол. И ёо берегёшь» [ЖВН, д. Ваномозеро; БНС, д. Пиньшино; МИА 23:34об.-35].

Последнюю горсточку овса часто называли «бородой». ««Бороду» какую-то оставляли» [МНИ, д. Мыс; СИС 21:67]. «Оставляли “бороду” Пресвятому Николаю и Покрову Пресвятая Богородица» [БАИ, д. Митрофанова Гора; ССН 8:55]. «Бороду» не сжинали, а скрутив и завязав в узел, присыпали землей. «На поле оставляли немножичко — “Богу на бороду”. Потом завивали да. Завьют и кладут туды. И серьпом — у меня эть, запомню хорошо маму-ту — вот элак заколотит [колоски] туды да, в землю» [СНН, д. Село; СИС 26:84об.-85]. «Завёрнешь вязочкой и завяжошь узелком. Это в земле оставляёшь эти колоски. Берёшь эти ветки в руку и завьёшь их, как вот вязку-то завивают. Эти же ветки завяжошь у земли. А потом уже земли отгребёшь и положишь, земелькой запорошишь» [МАД, д. Москвино; ССН 9:103об.]. Если это проделывали при помощи серпа, то жгутик не завязывали узлом, а просто пригибали к земле. «Я помню, што мама э(д)ак завьёт серпом и туда в землю и зароет» [КАГ, д. Филиппово; ССН 9:36].

Обычай должен был обеспечить хороший урожай на следующий год. «А это уш на полосе оставляли. Этот овёс дожинают послидний, там веточку, другую оста(в)ат. Вот и семенá вот так завьют эти уш. На рúку. И вот тут — не выдёрьгивают! — и землю порозрóют, и семенá в землю — Господу Богу, што: “Господь Бог, береги семена!” Дак и говорят, што: “Выжалисе, — дак Господу Богу и просят, што, — Господь Бог, бла(г)осла(в)и, мы дожинаамсе, симяна в землю оставляям, а Бог дай урожай на будущшый год лучше, чем у сёб дне, сёгóд!” — вот. И эти симяна и прикладут и пошли домой. А уш как домой приходят, дак сноп в угол и угошшают гостей!...» [ЛАП, д. Сукозеро; МИА 24:Ф1994-11Волог. Оп. № 79].

«Бородой» в некоторых деревнях (дд. Филиппово, Веселая, Трифоново, Сукозеро) называли и сам последний сноп. «Дак вот сноп-то “борода” и звали, дак. Да, который принесли сноп-то, дак “борода” — уш топерь в земле уш, симяна все приданы, Господу Богу помолилисe, што: “Господи! Дай, Господи, урожай на инной год лучше, чем сёб годы!”» [ЛАП, д. Сукозеро; МИА 24:Ф1994-11Волог. Оп. № 79]. В других местах были распространены названия «соломáтник» (дд. Захарово, Трошино, Мосеево, Новая Деревня) и «Иванушка» (с. Липин Бор).

Возвращались с поля с последним снопом все дожинщицы вместе. «Дождут остатки, этот сноп завяжет. Вот эдак возьмём все серпы за пояс за

спину, домой и пойдем» [КАГ, д. Филиппово; ССН 9:36]. Шествие с поля с последним снопом представляло из себя настоящее праздничное действо. «Делали ёо — последний сноп овса — несли и песни пели. Да. Старинные песни пели. Ну, “Последний нёнешний денёчик”, “Скоро, скоро я уеду”. Это длинные, пока идём домой. Сноп несёт женщина — кверху. Мы все — песни поём» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:68об.].

При входе в дом приговаривали: «Сноп — в дом, а клопы и блохи — из дому вон!» [ЛМА, д. Трифоново; ССН 9:45]. «Снопик последней овса принесёшь, в передней уголок кладёшь — “борода”. С “бородой” идёшь. Раньше большушка идёт в дом с им, дак: “Тараканы, клопы — вон!” Вот три раза и проговоришь: “Тараканы, клопы вон — большушка в дом!” С бородой идёшь и серпики складёшь тут в этот снопик. Веточки березовые в сноп ставили. Вот и стоит до Покрова» [ЛМА, д. Трифоново; ССН 9:45]. С этим приговором могли обмахивать снопом стены: «Последний сноп называли “борода”, его приносили в дом и обмахивали им стены, говоря при этом: “Мухи, клопы, тараканы вон, а борода — в дом!”» [ЯАА, д. Веселая; СИС 21:7]. «Сноп нажнёшь и принесёшь домой. Ломают прутьшки на кустике. С этим со снопом пройдёшь по всему дому, этим виничком всё ометёшь: “Идёт хозяин в дом, прогонит клопов и тараканов вон!” И ставишь в передний угол. Где вот образки тут вот ёо ставишь» [МАД, д. Москвино; ССН 9:103]. «Кончали жать, дак это о(в)ёс самой послдний. Я помню хорошо, што выжинали и этот сноп несли домой — “хозяина” несём, клали в передний угол. Заходишь ты в дом, дак: “Мухи, и клопы, и тараканы — все вон, а хозяин в дом!” Вот это. И всё обмахну, двери польэ, всё...» [СНН, д. Село; СИС 26:84об.-85].

Дожинки отмечали как семейный праздник, если жали своей семьей, или как довольно многолюдное застолье, если приходилось по каким-либо причинам собирать помочь. «У нас хлеба многоросло. И мать заболела. Сделали по́мощь. Накупил папа вина. И созвали крешшоных. Нам выжали всё поле. Помогали ранше элак, помогали» [КАА, д. Босово; ССН 9:79об.].

Однако в любом случае главным блюдом была соломата, которая и определила название как последнего снопа, так и самого праздника. «Как дома [=в деревне] дожнём этот “соломатник”, ну, а потом принесём — да вот в передний угол. В передний угол серпы, и “соломатник” туг. А как только “соломатник” принесут — соломата на столе. Соломату намешають и едят. Вся семья» [ЗКИ, д. Захарово; МИА 25:24об.]. «Когда кончишь жать, дак сноп — ёвёс уш кончишь, дак овса несёшь сноп домой. Называли “солома́та гулять”. Это кончили жать, дак соломата» [ВАИ, д. Трошино; МИА 25:21]. «Называлоса “соломата”. Если ты кончила всю работу: “Сёдни наа соломата. Будемте соломату мешать!” Так называли, што соломата сёдни» [ДЕГ, д. Росстань; ССН 9:61об.]. «Выжинки выжинали, уж тут соломата с большушки. Соломату должна большушка мешать» [ЛМА, д. Трифоново; ССН 9:45]. «После жатвы соломата у меня. Ну-у, кончат жниву

там, дак... А так просто, што кончили роботу, так на соломату все идут» [ЗАП, д. Ушаково; МИА 24:Ф1994-11Волог. Оп. № 45].

«У кажноо своя земля была. Ак знаэм, што сѣдни у этих дождут — жнивы немного. Так и сойдут — старухи там, бабы — на выжинки. Так вот уш хозяйка там и соломаты намешаэт, пирогов уш напекѣт. И угошшают. Это “выжинки”, считали, што выжинки... Это всё и назовут застолю — сидит гостей. Все роботали, гости-то, ак наа накормить. Кормили. Суп варили, што как приготавлилось. Хѣзьяка уш настояшшо, шо: “Сѣодне выжинки, дак наа пригостице, люди придут”. Ну и нагото(в)ят суп, варили там, олашки пекли да всё. Раньше веть в перемену принесут суп, принесут каши, принесут там какую жаренину (звали всё жаренина). Вот это уш принесут, пойдят, а уш послидню соломату несут. Да киселя наварят. Ак говорят: “Сѣдни у нас выжинки, борода, дак ешьте на доброѣ здоровьицо!” Да и большуха и поспасибаат [тем, кто дожинал]: “Спасибо, матушки, пришли да бороду доужали!”

А элаку навяжут этих веточек [=колосков] как. Дый тут поставят — не в соломату, а в блюдо. Да веточок овса. Овѣс, овѣс дожинали, дак. Што сѣодни выжинки. Это уш большуха ишо там заготовит в овсѣ ишо. И элаку делают как веточка. И вот в стакане либо там поставят. Это уш выжинки сѣодни. А потом веточку эту веточки потом в сноп туда да и всё.

На выжинках дак наварят пива. Водки нѣ пили элак, как нонь! Чаэм напоят, да едой накѣрмят, да большуха поспасибаат: “Спасибо, матушки, пришли, хозяйку, меня выручили!” А оне: “Дай тебе Господи вперед шѣббы вырос хлеб, штобы тебе бы помогали, а не ты бы помогать бегала!” Хорошо было ранше!» [ЛАП, д. Сукозеро; МИА 24:Ф1994-11Волог. Оп. № 81].

Коллективный характер дожинок привел к тому, что этот обычай довольно долго сохранялся и после коллективизации, легко превратившись в общеколхозный праздник окончания уборки урожая. «В колхозе-то уж было. Вот эдак кружок оставят это. Всё дождут и потом бабы ходят заслед это — горсточки. Сколько баб, это и берут, по горсточке кладут в сноп, кажна в сноп кладѣт, а потом одна завяжет. Как дождѣмсе, всё выждѣм, дак и сноп несѣм. Ёо называли — последний сноп это, што выжали — “соломатником” называли. А этот сноп принесут, в этот — хлеб-то дѣржат — дак это занесут, в онбар занесут и кладут. Вот идут бабы-то с “соломатником”, а председатель идѣт: “Вот мы тебе соломатник несѣм! Штобы соломата была!” Председатель отпустит масла, и соломаты намешаэт. На другой день [гуляля] — уж вечером придѣшь, нековда, на другой день. Все, которые жали эти все, больше ништо, хто нѣ жав, так тот нѣ быв, а хто жав!» [ЕНА, д. Новая Деревня; СИС 24:17].

Последний сноп хранили до Покрова (см.) и закармливали им скотину. «Дождѣм этот соломатник, ну, а потом принесѣм — да вот в передний угол. А потом этот стоит, стоит соломатник, а как Покров придѣт, дак по горсти всё и скотине и роздают» [ЗКИ, д. Захарово; МИА 25:24об.]. «Вот всю жниву выждѣшь,

последне — на последней снопик осталосе, какой тут ляпачок оставишь. Потом этот ляпачок, кружочик сожнешь на вязочку, вязочку завяжешь, понесешь домой, поставишь в передней угол. И ёб берегёшь. И эт в углу стоит, а потом на Покров, наэрно, когда скот уже заставают, на Покров и закормливали скотинку-т. [Что говорили при этом] — а Бог знаэт! Мать всё носила, дак я топерь не помню. Мы ишо маленькие были, дак тут...» [ЖВН, д. Ваномозеро; БНС, д. Пиньшино; МИА 23:34об.-35]. Закармливала скот хозяйка рано утром, «до свету», обязательно на сытый желудок и ни с кем не разговаривая [ЯАА, д. Веселая; СИС 21:7].

Интересный рассказ о закармливании скота на Покрова записан в д. Естошево. «А последний сноп овсяной жали. Последний сноп нажнёшь — “борода”, “бороду” эту несёшь домой, ставишь в угол (ну там эть дожинали дак уш в летнюю избу несёшь), и стоит эта “борода” до Покрова. (В)станешь в Покроу, сперва первым делом отрежёшь холодца, принесёшь студени, на стол скатёрку накроэшь, хлеб принесёшь. Всё эть сделаэш, седёшь, тут похлебаэш сама, пойиси. Хлеб-то всем отрежешь — всёй скотинки, “бороду” эту с собой, и идёшь во хлев. Вот эту “бороду” по горсточке даси, хлебаца даси. У хозяина попросиси: какая скотинка поставлена на место [=на зиму], нао у хозяина попросица в Покроу. Станёшь вот среди, это всё надаваэш (это в уголки всё: наугольники-то были раньше, так в наугольники и клали этот, хлеб-то, — делили по четырёх углам), станёшь среди полу, по этому, хлева и просиси: “Хозяюшко-батюшко, хозяйюшка-матушка, ставлю я милова живота-скотинку на всю студёную зиму. Вы её пойте и кормите, теплом обогревайте и спать мистечко давайте!” Вот поклониссе везде, (во) все четыре уголочка поклониссе и три раза проговоришь, потом пойдёшь давать сено. Ёни уш этот кусочек прожовали, этот овесиц сыйили. Ак веть раньше сена мало накошивали, дак веть о Покрове-то только это какая скотинка в зиму, дак ту закормляли-то» [ААК, д. Естошево; СИС 26:36-37].

Морозов И.А., Смольников С.Н.

ЗАГОВОРЫ И НАРОДНЫЕ МОЛИТВЫ

Заговор — это магический ритуал, включающий ритмически организованный словесный текст и символическое действие, употреблявшийся для достижения различных практических целей. Действие заговора основано на вере в магическую силу, материальность произнесенного слова.

В Вашкинском районе наиболее сохранились хозяйственные и лечебные заговоры. Большинство их основано на магии подобия, что нашло отражение в организации словесной магической формулы («как... — так...»). В случаях, когда основную функциональную нагрузку несет символическое действие,

текст, как правило, поясняет, комментирует его («делаю то-то... будет то-то...»), поэтому он легко варьируется, а иногда утрачивается.

Другая группа заговоров использует заклинания в виде инвективы-приказания заговариваемому объекту («Будь...!», «Стой...!», «Уродись...!» и т. п.) или обращения-просьбы о помощи к потусторонней силе (например, при входе в новый дом, покупке скота, первом его выгоне — см. «Домовой», «Первый выгон скота»). Заговор сопровождался закрéпками и «зааминиванием». Для сохранившихся заговоров характерна утрата традиционных закрепок, упрощенная структура и лаконичность текста.

Близки к заговорам различные приговоры (см. «Гадания», «Великий Четверг», «Жатвенные обряды» и др.). В отличие от заговоров с их особой сакральностью, известных только избранным, приговоры были известны всем. Их произнесение было обязательным в той или иной ситуации, например, при отправлении в дальний путь. «Када уэжжаэт, вот так перекрестишь: “Никола по дороге, Господь по пути! Никола по дороге, Господь по пути!”» [СЕВ, д. Задняя Слободка; СИС 25:16]. «Это куда вышла: на улицу ли куда ли — это тожо очень хорошо: “Как на хлеб на соль нет супостата, так бы на меня рабу Божию не было бы супостата. Аминь, аминь, аминь!” Вот это тожо очень хорошая, эту запомни и для себя, куда поэжжаэш» [СЕВ, д. Задняя Слободка; СИС 25:17].

К магическим приговорам близки и этикетные формулы приветствия, которые употреблялись в строго определенных ситуациях. Например, застав хозяйку при замешивании теста, желали ей: «Спорина в квашню!», «Спорина стряпать!»; во время дойки: «Море под коровой!»; во время мытья пола: «Лебеди летели!»; во время стирки: «Мыло в корыте!», «На беленько!» Если кто-нибудь заходил в дом, когда хозяйка печет блины, то приветствовал ее: «Печешке сарафан красной!» — а та должна была ответить: «Ешь-ко блин с маслом!» — и угостить пришедшего блином. Встретив кого-либо с ведрами у колодца, говорили: «Свеженько!» Особое приветствие существовало при входе в новую избу. Гости брали в руки полено и, войдя, обращались к хозяевам со словами: «Хозяюшке тепла, а хозяину — добра!» [МАИ, д. Устье, ЕЕЛ, д. Большая Чаготма, ММФ, д. Кропачёво; СИС 22:28, 36об., 74]

Заговоры и заклинания в традиционном быту сопровождали человека с первых минут его жизни и даже еще до появления на свет. Так, они широко практиковались бабками-повитухами да и самими роженицами с целью облегчения родов. «Штоб ни мучица [во время родов], обезательно приговор быў: “Сам Иисус Христос идёт по Иерусалиму и видит женшшыну скобящую (как што она, видишь, бьёцца што) и мученицу. Отворитесь двери, выходите князь либо княгиня поскорей!” Когда тебя станет мучить, то скажи, у тебя мученья прекратицца, легко рóдишь» [ММФ, д. Кропачево; СИС 22:75].

Особенно большим числом магических действий и приговоров характеризовался период раннего детства, когда ребенок наиболее уязвим и подвержен постороннему воздействию (сглазу, порче, подмене, различными болезням). Производимые действия в первую очередь должны были поддержать жизненные силы ребенка и сообщить ему необходимые качества. «Когда приходит эта вот кумушка, крёсная, которая крестила. Из церкви, когда уже вернулись с ребенком, перед обедом, только зашли в помещение. Вот. Она, значит, с ребенком и бегаёт в кружки по этому [=по комнате]. “Бегай побыстрее, говори порезчеё”, — в кружки и бегаёт. Это было, это я помню» [ЛАД, с. Вашки; СИС 22:70об.]. Обычны были магические приговоры и при пестовании детей (см. «Пестушки и потешки»). Например, когда ребенок потягивался, приговаривали: «Сколько потянусь, столько подрасту! Сколько потянусь, столько подрасту!» [СЕВ, д. Задняя Слободка; СИС 25:19].

Специальные приговоры сопровождали такую жизненно важную процедуру, как мытье: «Ну как намозьшь [=ребенка] да всё, там всё сделаешь да: “Не рубашечку одеваю, а здоровьищем раба Божия,” — там назовёшь, да и всё. Вот это тоже было, маленькому кода. Это у нас дак мама всё время гоорила» [СЕВ, д. Задняя Слободка; СИС 25:19]. Окаывая ребенка водой в бане, говорили: «С гуся вода, с Ванечки худоба! Откуда пришла, туда и пошла!» Или: «Водичка вниз и вниз, а Ванечка вверх(ь)х и вверх(ь)х расти!» [ЛАД, с. Вашки; СИС 22:70об.]. «С гуся вода, с раба Божья скорбь и болезни, и вся худоба» [ММФ, д. Кропачево; СИС 22:75об.]. Впрочем, этот приговор, наряду с другими, нередко употреблялся при мытье и взрослыми: «Вот я и сама, кода вымоюсь дак: “С гуся вода, с лебеда вода, сойди с рабы Божьей вся худоба. Во веки веков аминь!” Кода окатываешься. А потом ишо кода идёшь из байны, можно гоорить таии сло(в)а:

Намылась, напарилась	Штоб краше сонца красно,
Раба Божья Лизавета,	Свитляз месяца ясно.
Всем людям понравилась,	Штоб сном не засыпал,
Старым и малым, всем средовикам.	Едой не заедал,
А этому человеку (сказала кому тебе надо),	На уме на разуме держал!

Это кода идёшь из байны, намылась и так и гооришь. “Средовикам” — ну дак своего возраста. Это всё девки, девки!» [СЕВ, д. Задняя Слободка; СИС 25:18об.].

Очень широко был распространен обычай чертить ножом, лучинкой (д. Пиньшино), квашенником (дд. Сальниково, Ильино, Залохта) крест-накрест по полу перед ножками делающего первые шаги ребенка с приговорами: «Страх черчу!» или «Страсть перейдешь и сразу пойдешь!» [МАК, д. Пиньшино; СИС 22:41]. Считалось, что после этого ребенок быстрее начнет ходить. «“Крестики” делаешь [ребенку], он идет по этим крестикам. “Как крестики крепко идут по

полу, чтобы так же и ребёночек крепко себя веё, не бояёся, не страшиёся”. И он уж бежит-бежит, только бы не пасть. И вперёд ёо угадать наа, што пока бежит, дак наа крестиков наставить» [МАД, д. Москвино; ССН 9:104]. «Крестили дорогу ножницами, как только ступил первой раз: “Со Христом пошол, батюшко!”». Чертя первый крестик приговаривали: “С Богом”, — второй: “Со Христом”, — третий: “С батюшком!” [ККС, Липин Бор; ССН10:17]. Иногда это действие имело смысл отвращения нечистой силы: «Когда начинал ходить, перед ним чертили крестики батожком и говорили: “Бўкушку чершў“. Букушкой пугали» [ММФ, д. Кропачево; СИС 22:16]. «[Берут] квашельник — тупой ножик для квашни. Когда ребенок пошел и секут им: “Страх засекаю, страх засекаю!” — у него сзади. Чтобы не страшился идти» [ИАВ, д. Ильино; ССН 13:2].

В некоторых деревнях вместо закрепощивания дороги пропускали варёное яйцо через ворот рубашечки и затем катили его перед малышом. «Йиичко сюды катицца, и ён идёт за йиичком» [ММВ, д. Ларино; СИС 24:8]. «“Яичко покатицца, Василией пойдет!” — так он и тёпаэт» [МФФ, д. Тимофеева Гора; СИС 22:46об.]. В д. Залохта после этого яичко давали съесть ребенку [МАМ, д. Залохта; СИС 22:21об.].

Разумеется уже далеко не всем производимым действиям придавался магический смысл, многие из них, особенно в послевоенные годы, выполнялись по инерции или в шутку. Например, «привязвали на шейку камешек маленький, как пуговка. “Жорновка” у нас так звали. В песке найдём да, в земле находишь — привяжешь камешек. “Ой, жорновка, у нас жорновка! Неси, батюшка, на нитку да на шею — лутше спать будешь!”» [МНИ, д. Мыс; СИС 21:67об.]. Пестуя, «тютюшка» ребенка, «шлёпали по попочке — это чтобы рос быстрее. Только чтоб по этому месту [=темени] не ударить». В шутку могли так пошлёпать малыша и на именинах [ЛИАД, с. Вашки; СИС 22:70об.]. Как забава рассматривалась рекомендация малышу бросить на печь первый выпавший молочный зуб и сказать: «“Мышка, мышка, на те зуб репный, дай мне костяной!” Бросали через левое плечо к задней стене не печку» [БДТ, д. Мыгчиково; МИА 24:Ф1994-9Волог. Оп. № 86]. А для того, чтобы не болели зубы, в той же деревне на печке сушили обгорелые корки.

Заговоры, используемые в лечебных целях, были известны далеко не всем, детей лечили специальные «бабушки»: «Дак вот и ходили тоже к бабушкам, кака вот. И лечили робятишек. Поговорят на воду, да и окачивают этой водой. Оговор — это оговорили. Поглядили да похвалили: “Ой, какой хороший да здоровый мальчик!” Булавку-стрекозку с левой стороны на теле носили, чтобы не приставал оговор» [ИАВ, д. Ильино; ССН 12:14].

Одним из общеупотребительных лечебных средств была «святая» вода. «Из святого колодчика водичку брали по зорям (по утренней или вечерней) и обмывали маленьких рябятишек, подогреют немного и приговаривают: “Куда вода, туда и болесь вся!” — три раза надо сказать» [ИАВ, д. Ильино; ССН 12:13-14].

При лечении «криксов» и «собачьей старости», когда считалось, что ребенок «подменён» нечистой силой, он должен быть как бы рожден заново. Магической силой в этом случае обладало само действие: символическое перепекание в печи, продевание через межу на поле. Так, при лечении «криксов» надо «в двенадцать часов ночи идти в полё. Деревня-то, может ни очень далёко была — всё-таки двенадцать часов ночи, дак страшно. Робёночек какой-то был — или у неё собачья старость що ли. Он ну не рос — и всё! “А-а-а! А-а-а! А-а-а!” — всё ревел. И надо же было сделать, понимаешь, в конце полосы прокопать туды, штобы ёо продить. Прокопать землю, штобы ёо туды, на ту сторону как-то пропехать. Вот это слыхала, слыхала тожо. Женщина одна рассказывала, — и потом всё наладилось путём» [ПЕС, д. Тарасьево; МИА 25:90об.].

В лечебной магии применялись и диалогические заговоры, комментирующие совершаемые действия: «Мама грыжу загрызала. Я ходила ей помогала... Робеноцёк болеет или теленоцёк, все равно. Грыженный дак. Вот она ничёнки-то (кросна-то ткут, ничёнки-то эти), дак она — вдоль-то ничёнки ниточка-то эта, пониточка-то эта — эту пониточку берёт и с этой идёт... “Я, — гыт, — буду говорить, а ты только мне говори, што вот”:

— Чёо вяжошь?

А мама мне ответит, што:

— Двиг и грыжу.

А мне наа сказать, што:

— Вяжи крепче, штоб вовек не было!

Она вяжат узелки, и там еще што говорит. [А тут опять] я у ей спрощу, што:

— Чёо вяжошь?

Мама отвичаёт, што:

— Двиг и грыжу.

Знаэш э, — двиги бывают. Двиг — это хуже он грыжи, целовек болеет, двигаэт-то ево, дергает-то эдак. Лучше грыжа, чем двиг. Ак вот она робяткам делала. Она мне отвечает:

— Двиг и грыжу.

А мне токо:

— Вяжи крепче, штоб век не было!

Вот три разка она проговорит так. А она шла, она там слова знала. Вот она мало только ходила, а она добро делала» [КАВ, д. Мытник; ССН 8:38об.].

Таким же образом засекали «утин» [=радикулит]: «Тот у ково радикулит, ложится на порог, приходит второй с топором, говорит:

- Я сейчас секу.
- Што секёшь?
- Утин
- Штоб никогда ево вовек не было!

Вот так приговаривали. Это три раза — топором вот на спине вот просто так, как будто ты сечёшь... Ну и потом: “Тфу, аминь, тфу, аминь, тфу, аминь!” Три раза и всё. Вот такой заговор» [КЕА, БЕФ, с. Липин Бор; ССН 9:10].

Большая роль заговорам отводилась и в хозяйстве, особенно при начале или окончании работ (см. «Жатвенные обряды»). Произносимая магическая формула должна была обеспечить хороший результат; например, при посадке овощей или посева льна — богатый урожай. Так, когда сеяли лен, бегали вокруг полосы: «Кто посеет, тот и бегаэт. И мужчины, и женщины сеили, вот. Один [раз] назрно вокруг полосы обегут. Приговаривали, штоб лён хороший вырос. По заднице ишо хлопали: “Как ж... белаа, такой и лён белый уродись!”» [АВП, д. Медведево; СИС 25:22]. «Лён состелим, да жопу заголим, бегаэм, штобы лён белый был... Станов [=штанов] не носили ак. Всё похочем, дак...» [КУН, д. Задняя Слободка; СИС 25:14об.]. В д. Село «когда лен сеили, яйца кидали. Я помню хорошо, што: “Я сёни пойду [лен сеять], — тятя бив, отец-то мой, — неси мне яйц!” Я три ийица несу. Он выкинёт высоко-высоко: “Лён ты мой лён, рости больше и долше. Во веки веков, аминь!”» [СНН, д. Село; СИС 26:86об.]. В с. Вашки, когда расстелют лен, приговаривали: «Льнищо ты, льнищо, будь на волокнищо!» А когда сеяли, то клали в семена яйцо и бросали вверх, чтобы выше рос [ЛАД, с. Вашки; СИС 24:31].

При посадке картошки приговаривали: «Уродись, картошечка, крупная и ровная, штобы всем хватило: хозяину и хозяйюшке, и милым детушкам, и нишшым, и пришлым!» [ПЕС, д. Тарасьево; МИА 25:91]. «Вот в гряде-то садили капустку, ак это старухи-то сядят, да и приговаривают: “Вейся, капустка, вейся белая! — да. — Быть те, капустке, штоб чистой, будь клубнистая”, — штобы выросла, штобы была соковáа. И всё. Ак это все и приговаривают. Да. Ак вот капустка-та и выростёт. “Капуста, капуста, не рости пусто, а вейся в клубочки кажную ночку, развивайся в клубочик...”» [ЛАП, д. Сукозеро; МИА 24:Ф1994-11Волог. Оп. № 91].

Большинство хозяйственных заговоров и приговоров было связано с уходом за скотом, его приобретением и лечением (см. также «Первый выгон скота», «Великий Четверг», «Жатвенные обряды»). Так, при покупке коровы «поведёшь со двора:

- Я беру коровушку
- С родом и плодом,
- С большим переводом.

Веду к себе домой. В ворота стучусь, ко двери рыльцем коровушку.

Вот твой стол,
Вот твой дом,
А на том дворе,
У твоего хозяина,
Сгорело всё пламенным огнём.

И она уже обратно не пойдёт» [БАИ, д. Савалиха; ССН 8:55об.].

«Когда покупают коровушку. Когда ведут купленную. Ак хозяйка вешает свой поясок под порог. Ну и говорит слова:

Была за рекой,
Туда не ногой.
Перешла реку —
Забывая тоску!

Три разика нао сказать. Вот коровушка и привыкнет, не бу(д)ёт тосковать о своём доме, где она куплена» [ИАВ, д. Ильино; ССН 9:33]. «Возьми там веточку — березу ли, что ли, маленьку с земелькой вырви, домой принеси, как коровушку приведёшь домой. Зайди во двор, по всем уголкам помолись, веточку клади куда-нибудь: хоть под переводинку или под матицу. Скажи, что: “Как эта веточка в земле крепко лежала, так бы и мой милый живот свой домик крепкий знаў!”» [КАВ, д. Мытник; ССН 9:65об.]. «Когда куриц берёшь: “Чтобы курицы велись, да чтобы яйца клались!”» [ДЕГ, д. Ростань; ССН 9:61].

При разрушении заговора, утрате магических свойств действия и текста, могли ограничиваться простым благословлением: «Это когда коровушку купила ли там каб, дак как завожу в дверь и это говорю, што: “Господи, благослови в добрый час и во святой!” Вот так говорили» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:58].

Разнообразные заговоры использовались при лечении скота: «А вóто делаэтца у короушки — жва́ку теряют. Дак тожо надо этот вот, эсли в стаде ходят на поле. Дак сойдёшь к короушке другой. Токо одинакоа надо штоб шерсть была. Сойдёшь, хлебаца возьмёшь... Вот этой короушке даси чёрноу хлебаца да и скажощь, што: “Милая Чернушонька [=обращаясь к чужой корове], дай моёй Чернушоньке жваку. Моёй дай жваки, и себе оstay. Моёй Чернушоньке дай, и своёй оstay! ... Дай животу моёму милому Чернушоньке и себе оstay!” Три разка скажощь, вот принесёшь, коровушке скормишь и жваку короушка находит. Жваку теряют на поле» [КАВ, д. Мытник; ССН 8:38]. «Дай другой корове пожевать кусочек. Та корова жуёт и моей даёт. Ты возьми, кусочка ей дай, другой корове, а потом этой: “Та коровушка жуёт и тебе даёт. Ты коровушка, жуй и ты жуй. Она пожевала и тебе отдала!”» [БАИ, д. Митрофанова Гора; ССН 8:55об.].

«Грудники бывают у коровушки. У меня у самой быў, дак меня старушка научила: “Сходи на ключик, возьми водицы ключевой, три раза возьми и скажи”:

Морской царь и царица, Дайте морской водицы. Не ради хитрости, Не ради мудрости, А ради доброго здоровья Милому животу моему, Чернушеньке.	Как эти ключики кипят и разливаются, Так бы у моего милого живота, У Чернушоньки, Молочкё в вымечке Кипело и разливалось, По всему вымечку раздавалось. Во веки веков, аминь!
--	---

Это иди, наа на заре вечерной, иди на ключик, возьми эти водицы. Этой водицы возьмишь, принесёшь, там коровушку помоёшь и ей напоишь этой водицей. У ей этот продой и проходит» [КАВ, д. Мытник; ССН 9:65-66об.].

«Если желудок [у коровы] заболит, тоже есть заговор. Берешь ножик, от головы и до самых крестов [=вдоль спины] поперек секли, заговаривали:

От седока, От паровика, От нутренника, От ветренника	Секу, секу. Во имя Отца и Сына И Святого духа, аминь!
---	---

“От паровика” — шtbody чтобы не парилась коровушка, “от нутренника” — нутренних болезней, “от ветренника” — может ветром надуло». На словах «Во имя Отца и Сына и Святого духа», — секут «на крестах» крест накрест [ИАВ, д. Ильино; ССН 9:33].

Чтобы корова стояла, когда доят после отёла в первый раз: «Вот из титечек крес на крес подоишь молочка, вот и ведешь от головы до самого, опять до крестов:

Стой, как печка, Дой, как речка, Стой не лягайся,	Хвостом не махайся, Головой не мотай. Во веки веков, аминь!
---	---

Тоже надо три раза сказать» [ИАВ, д. Ильино; ССН 9:33]. «Доить-то самый первый раз это уш кода седешь — доить, так иё уш устанавливаэшь, бываэт. И вот ей и говоришь: “Стой как скамья, дой как из рукава! Стой не переступай, свою хозяйку знай!” — это вот говорят» [СЕВ, д. Задняя Слободка; СИС 25:16об.]. Еще один вариант этого приговора бытовал в д. Сементьево: «Как крепко земля укрепилаь на трёх китах, на трёх слонах, на трёх львах, так бы крепко бы стояла моя коровушка, хвостом не махалась, доицца бы давалась большушкам, старушкам, молодым девушкам» [КАЛ, д. Сементьево; СИС 25:32].

Существовали специальные приговоры и магические действия, направленные на выдворение из дома насекомых. «У нас — перешли мы в дом — оказались клопы. Так прямо не знаю откуда взялось. [Мама их] обливаёт, обливаёт, всё равно нас кусают. А вот ёо научили это: ес(т)ь, как называлась — ящорка. “Ящорку изымай, — говорит, — ящорку. Да заверни, — говорит, — в тряпочку, да в матицу, штобы она засохла”. И: “Как ящорка сохнёт, так и клопы все сохните! Во веки веков, аминь!” Эть никоо нету топере!» [СНН, д. Село; СИС 26:86].

Особую группу текстов образуют народные молитвы, позаимствовавшие у заговора традиционную форму. Основная их функция — предохранение от различных опасностей. В отличие от заговора, преследующего конкретную практическую цель, народные молитвы являлись панацеей на все случаи жизни. Их читали при молении наряду с христианскими молитвами или вместо них. Использование их носило регулярный характер.

Например, молитва «На сон грядущий» произносилась каждый вечер, чтобы обеспечить хозяину дома безопасность во время сна:

Благослови, Господи,
Каждую двериночку,
Каждую шпелиночку,

Каждое подвальное бревешечко
На всю ночку темную.
Во имя Отца и Сына и Святого Духа!
[ГЕФ, д. Аверино; ССН 8:25]

Нередко чтение молитвы на ночь мотивировалось необходимостью предохраниться от «ходячего покойника», т. е. умершего близкого родственника, который по тем или иным причинам «никак не утишится»: постоянно «приходит» — снится или «видится» по ночам. «Нао говорить и крестить постель:

Ложусь я с крестом,
Буду спать с ангелом и Христом.
Дай мне, Господи, тихую ночь,
приятно сна,
Доброо утра и счастливоо дня.
Во веки веков, аминь!

Ангел мой, ложись со мной,
На правую ручку, на левый бочок.
Ангел мой, будь со мной,
А ты, сотона, уйди от меня,
От окон, дверей, от постели моэй.
Аминь, аминь, аминь!

— и в это время крести постель. Три раза это прочитать. Это кода покойник умрёт, дак вот штобы не бояцца. Спать ложишся, так это и сделай, так очень хорошо. А потом ишо есь слова, тожо такая, тожо от покойника:

Ангельский ключ, богородицкий замок,
Закроюсь, замкнусь, никоо не боюсь.
У окон святые угодники стоят,
На пороге Исус Христос!
Аминь, аминь, аминь!»
[СЕВ, д. Задняя Слободка; СИС 25:16-17].

«Когда в избе плохо, так:

Избушка-матушка,	Одевает святую ризу,
О четырёх углах батюшка,	Освящает избушку-матушку,
В каждом углу по ангелу	Двери и окошечка,
Читают по Евангелу,	Нижнее бревёшечка
В самих дверях Иус Христос	И саму трубу-матушку!

— тожо прочитавать три раза. В избе. Я вот это, кода у меня муж умер-то, так это думашь: стукнуло ли, брякнуло? А это я так ложусь, эти все три-четыре молитовки прочитаю, перекрещшусь и всё...» [СЕВ, д. Задняя Слободка; СИС 25:17об.].

Чаще всего народные молитвы носили общепрофилактический характер, защищая от возможных болезней и бед. «А молитву читай хоть к ночи, хоть из утра. Из утра. Хороша эта молитва. Поможет Господь... Што чашше, то лучше. Кажный день два раз, ли раз три раз читай, дак хорошо. В другой молитве так и есь: “Хто три раз цитаэт, того Господь спасаэт и защищаэт...”

Хранитель мой,	(К) святому деянию
Святой соблюдатель, Богу(с) с небес,	Направь миня на путь спасения.
Прилично молицца дано мне ты есь.	Исцели рабу Божию Евгенью,
Просвяти рабу Божуу Евгенью,	Во веки веков,
От всякия скорби, болезни сохрани.	Аминь!

[Читают], когда пожелаэш» [ПЕС, д. Тарасьево; МИА 25:88об.-89]. Приведенная выше молитва «на сон от покойника» могла употребляться и при входе в новый дом. «В доме хозяин иисть. Ты приэдишь, дак эть сё равно попросишьсе, вото, а так нельзя. Когда переходят в новой дом [читают]:

Дом стоит — четыре угла,
 [В нем] живут четыре ангела,
 Четыре ангела читают четыре Евангеля,
 А сам Иус Христос стоит во дверях,
 Одеваэт святую ризу,
 Освешшаэт мою родную избу,
 Освешшаэт родную печь,
 Было штобы тепло и хорошо и здоровьё...

Иус Христос вот это вроде попа, а ангела сидят во углах: четыре угла — четыре ангела» [СНН, д. Село; СИС 26:83об.-84].

Особым уважением и популярностью в Вашкинском районе пользовалась молитва «Сон Богородицы», основанная на традиционном апокрифическом сюжете, известном по русским духовным стихам:

Божая Матерь
 Ночевала у Господа на престоле.
 Ей приснился сон,
 Што жиды нашего Бога распинали,
 На корельского дерева
 Руки-ноги прибивали,
 Горячую кров проливали.
 Горячая кров пролилася,
 Сыра земля мать потреслася,
 С неба звезды посыпались.
 Мать Марeya горьку кров собирала,
 На белую бумагу писала,
 Всем православным людям рассылала.
 Хто будёт эту молитву знать,
 Того будет Господь спасать.
 Спаси меня, Господи,

Спаси меня, Господи,
 От зверя идучеа,
 От змея кусучеа,
 От холода, от голода,
 От тюрьмы, от сумы,
 От воды потоплённой,
 От огня погорённово,
 От всех врагов,
 От злых людей,
 От всех разных болезней!
 Защити миня, Господи,
 Железными тынами,
 Царскими замками,
 Господними ключами,
 Аминь!
 [ПЕС, д. Тарасьево; МИА 25:88-88об.]

Считалось, что молитву «Сон Богородицы» также нужно читать несколько раз в день. Известен и другой её вариант, который «ото всёго читай, дак буэт. Проси Бога, всё буэт хорошо».

Матушка Владычица,
 Мать Мария, Присвятая Богородица,
 Шла она шла
 Три дня и три ночи,
 Приустала.
 Зашла в апостоловску церк(о)ву,
 Прилегла на престол Божий.
 Вдруг открывающца царские двери,
 Идёт Сын Божий:
 — Што, Мать Мария,
 Спишь или так лежишь?
 — Чадо моё милоё,
 Чадо моё любимое,
 Я не сплю три дня и три ночи,
 Много я настрадалася,
 Много я [навидалася],
 Была за морями (И)сианскими,
 Видела три дерева:
 Кéдровое, шчéдровое (и) чапарыша.
 Тибя, Христа-Бога, распинали,
 Руки-ноги на гвозди припаяли,
 Со креста сымали,
 Во гробницу клали,

В сыру землю опускали,
 Сырым песком засыпали,
 Тяжолым камням погружали!
 (В)зрадовалсе Сын Божий:
 — Не плачь, Мать Мария,
 Я через три дня на небо вознесуся
 И тебя с собой возьму —
 Ни ангела, ни архангела не пошлю,
 Сам слечу, тебя на плечистые руки возьму
 И с собой унесу.
 Твой сон на шолкову пелену спишу
 И в апостоловску церкву
 На икону вознесу —
 Тебе на утешенье,
 Добрым людям на украшенье.
 Хто этот сон знаёт
 И молитву знаёт,
 Того Господь спасает,
 Того Господь спасает:
 В лес пойдёт — деревом ни задавит,
 В бой пойдёт — ни убьёт,
 В суд пойдёт — ни обсудят,
 А в дорогу пойдёт — щаслива будет.
 [ПЕС, д. Тарасьево; МИА 25:89-90об.]

Милюхина Е. А.

ЗАКЛИЧКИ

Заклички — небольшие песенки или рифмованные приговоры, обращенные к силам природы, животным, насекомым, растениям и т. д. — уже довольно давно утратили свои обрядово-магические функции и перешли в детский репертуар, став одним из жанров детского фольклора (см. также “Колыбельные”, “Пестушки и потешки”). Они наиболее активно бытуют в среде детей дошкольного и младшего школьного возраста, продолжая отчасти сохранять магический характер: произнесение закличек должно вызвать желаемое явление или прекратить, отвести нежелаемое.

Чаще всего встречаются приговоры, произнесение которых должно было повлиять на природные явления, в первую очередь на дождь, что объясняется их происхождением из земледельческой магии.

Дождик, лей,
Дождик, лей
На миня и на людей,

На папину рожь,
На мамин ечень
Поливай весь день!
[ННС, д. Сухарево; МИА 25:95]

♩ = 114 Нотация Е. Г. Богзиной

Дождик, лей, дож - жик, дож - жик пе - ре - стань,
мы по - с - дем на ре - стань, ста - нем бо - гу мо - ли - ша
Хри - сту по - кло - ни - ша, што у на - шо - во Хри - ста
от - кры - ва - ют во - ро - та кло - чи - ком за - мо - чи - ком

Дождик, лей,
Дождик, лей
На миня и на людей,
(вар.: На людей по ложке,

На меня по крошке!)
Ситами-решетами,
Цельми ушатами.
[КМГ, д. Хошково; ССН9:75;
ВЛФ, д. Ивановская; СИС24:21].

Кувыркались через голову по направлению к реке и кричали:

Дождик, дождик, пуще,
Мы поедим гуще,
На меня не лей,
А лей на других людей!
[ИАН, д. Малая Чаготма; СИС 22:61об].

Дождик, дождик пуще,
Я прибавлю гущи!
[ЛАД, с. Вашки; СИС 22:68].

Дождик, дождик
Пушке лей
На меня и на людей.

Што на дядину пшеницу,
На наш ячень
Поли(в)ай весь день!
[ААК, д. Естошево; СИС
26:41об.].

Дождик, дождик, перестань
Мы поедем на рестань
Станём Богу молицца,
Христу поклонница.
(вар.: У Христа была жена
Отворяла ворота)
Што у нашово Христа
Открывають ворота
Ключьком, замочьком,
Шолковым платочьком.
[КМГ, д. Хошково; ССН 9:75об.;
ИАН, д. Малая Чаготма; СИС
22:61об.].

Дождик, дождик, перестань,
Я поеду в верестань
(вар.: Я поеду на рестань)
Богу молицце,
Кресту (вар.: Христу) паклоницце
Есть к Бога сирота,
Отлажает ворота,
Ключ(и)ки-замоч(и)ки
(В) шолковы(м) платоч(и)ки.
[ЛАД, д. Москвино; ССН 9:91;
ННС, д. Сухарево; МИА 25:95].

«Вот. А сам бежишь с поля домой»:

Дождик, дождик, перестань,
Мо поидем на рестань
Богу молицца,
Христу поклонница,
У Христа сирота,
Заложает ворота,
Ключиком, замочиком,
Да шолковым платочиком.
[ААК, д. Естошево; СИС 26:42об.].

Дождик, дождик, перестань,
Мы пойдём на рестань
(вар.: на йордан)
Богу молицце,
Царю (вар.: Кресту) поклоннице...
Крючикам, замочкам,
Шолковым платочкам!
[ЗКИ, д. Захарово; МИА 25:25об;
ЛАД, с. Вашки; СИС 22:68].

Дождик, дождик, перестань,
Я поеду в Арестай,
Богу молицца,
Христу поклонница!

«Как Христу поклониссе, дождь перестанет» [НАЕ, д. Полохтино; СИС
26:12об.].

Радуга-дуга,
Увези дождя на ту сторону,
За крутые горы,
За дальние долы,
За топкие болота.
[ИАН, д. Малая Чаготма;
СИС 22:61].

Радуга-дуга,
Не давай дождя,
Давай совнышка,
Колоковнышка
(вар.: Пересолнышка).
[ЛАД, д. Москвино; ССН 9:91;
ННС, д. Сухарево; МИА 25:95;
ЛАД, с. Вашки; СИС 22:68; ЖКК, д.
Семеновская; СИС 22:20].

Радуга-дуга
 Не давай дождя,
 Дай солнышка,
 Дай вёдрышка!
 [НАЕ, д. Полохтино; СИС 26:12].

Радуга-дуга
 Дай нам дождя, / 2 р.
 Дай пирожка,
 Дай нам праздничка!
 [БАЕ, д. Малеево; МИА 24:132].

«Это [кричали], когда солнце зашло за тучку»:

Солнышко-пикúлька,
 Выгляни на улку,
 Дам те рогульку
 Масляную, перемасляную!
 [ЛАД, с. Вашки; СИС 22:67об.].

Солнышко, солнышко,
 Выгляни в окошко,
 Дам пирожка —
 Картофельничка!
 [ИАН, д. Малая Чаготма; СИС 22:62об.].

В некоторых закличках ещё можно уловить мифологический подтекст. Это прежде всего относится к текстам, содержащим обращение к животным, птицам, насекомым.

Божья коровушка,
 Лети на небеса,
 Бог тебе даст здоровьица!
 [ЛАД, с. Вашки; СИС 22:68].

Божья коровка,
 Лети на Божью полку,
 Бог тебя примет,
 Крылышки отымет!
 [ЛАД, д. Москвино; ССН 9:91об.].

Богова коровушка,
 Стань на колёска,
 Лети на небёска.
 [КМГ, д. Хошково; ССН 9:75об.].

Божья коровка,
 Стань на колеса,
 Полети на небеса,
 Там твои детки
 Катают колеса
 (вар.: Играют в колеса).
 [ММВ, д. Ларино; СИС 21:57].

Божья коровушка,
 Лети на небеса,
 Там твои детки
 Творят чудеса!
 [ММВ, д. Залохта; СИС 22:21об.].

Широко распространенными были различные формулы, произносившиеся при виде журавлей. «Когда го(во)рят, первый раз летят [журавли], дак нада: “У журавля спина колом, а у меня колесом!” Токо перевернёшься кверху ногам, головою [вниз], штобы спина не болела. Я ак элак часто делала» [ННС, д. Сухарево; МИА 25:96]. В с. Вашки, увидев журавлей, кричали: «Последнему журавлю пуля в жопу!» [ЛАД, с. Вашки; СИС 22:68]. С улетающими журавлями прощались и подражали их голосам, гадали по ним о предстоящей зиме: «“До свиданья, журавли!” Они кыркают. Которые как высоко, дак ишшо зима далёко, а как низко, дак зима близко» [ЗКИ, д. Захарово; МИА 25:26]. «Журавли закурукают да и мы закурукаем все маленькие... Раньше веть старики да старухи цё наuczят маленьких, дак то и делали» [КМГ, д. Хошково; ССН 9:76].

В закличках нередко присутствует мотив обмена, т.е. за выполнение просьбы персонажу обещают какое-либо вознаграждение. Так, например, повсеместно был распространен обычай забрасывать на печь первый выпавший зуб ребенка со словами: «Мышка, мышка, на тебе репный, дай мне костяной!» Желая посмотреть, как ползёт улитка, часто говорили: «Слизень-близень, выпусти (вар.: выпучи) рога, я тебе дам пирога-гороховика!» [ММВ, д. Ларино; СИС 21:57; ННС, д. Сухарево; МИА 25:95; ЛАД, д. Москино; ССН 9:91об]. «Слизень-близень, высуну рога, дам пресного пирога!» [НАЕ, д. Полохтино; СИС 26:12]. Или приговаривали:

Улитка, улитка,
Покажи рога,
Выпучи глаза,

Дам пирога —
Гороховика!
[ИАН, д. Малая Чаготма; СИС 22:62об.].

В некоторых закличках этот мотив угадывается уже с трудом. «Это, купались да, в уши вода попала, дак на одной ноге скачашь да приговариваэшь:

Мышка, мышка,
Вылей воду
На дубовую колоду.

Там кони пьют,
Там воду льют!
(вар.: Коням пить — не пролить!)»
[ЛАП, д. Сукозеро; МИА 25:Ф1994-12Волог. Оп. № 1; ЛАД, с. Вашки; СИС 22:67].

Мышка, мышка,
Вылей воду
На косую огороду —

Нао тёпленькой,
Не холоденькой!

«На одной ноге и скачком» [ММФ, д. Кропачево; СИС 22:84].

«Если в ухо попало, на одной ноге скачет: “Выйди, водичка,.. — как-то, — скачи, Антошка, на одной ножке!” — несколько раз» [КНИ, д. Глухарев; МИА 23:98].

Специальные приговоры должны были способствовать удаче во время собирания ягод и грибов. «Бросали корзинки: “Антошка, Антошка, наполни мне лукошко!” — приговаривали и бросали вверх. Если она стоя станет — наберёшь полное лукошко, на бочку, значит полкорзинки наберёшь, а кверху дном — значит, ничё не наберёшь» [ЛАД, с. Вашки; СИС 22:69]. «Идём по ягоды:

Тимка-Тимошка,
Наполни лукошко,
Поставь на окошко,
Не просыпли, Тимошка!

И полотницу [=корзину из бересты] бросали» [НАЕ, д. Полохтино; СИС 26:12]. Любопытно, что обращение в этой закличке совпадает с названием водящего в игре «чимкой» (см.).

ЗАСТОЛЬЕ

Застолье было одной из главных составляющих народного праздника (см. «Престольные и заветные праздники», «Ильин день», «Крещение», «Масленица», «Троица»). Совместная трапеза, некогда связывавшаяся со совместным поеданием мяса жертвенного животного, специально приготовленной пищи (см. «По соломатам ходить») или печенья (см. «Каравай», «Хворосты»), еще в 20-30-е годы представляла из себя сложную церемонию, включавшую в себя как строго соблюдавшиеся всеми присутствующими элементы ритуала, так и элементы веселья и игры: шутки, розыгрыши, пение, пляску.

Регламентации, касавшиеся совместной трапезы, строго соблюдались и в повседневном обиходе. Это относится, скажем, к церемонии усаживания за стол. Начало и конец трапезы непременно сопровождалось молитвой. «Ранше заходят [за стол], дак Богу моляцца. Перекрестицца и заходит за стол. Из стола выхо(д)ят, тожо ведь моляцца. Когда повстают, ак все прекрестяцца, дак: “Господи, Господи!..” Помоляцца Богу, ска(ж)ут: “Спасибо!” — да всё. Из-за стола ранше (в)ить ранше и мы от — маленькие были, ак выходили (к)ак из-за стола, (д)ак крестимсе мы» [ХЕП, д. Артово; МИА 24:15]. Особенно строго соблюдались запреты на нарушение порядка и «благочинности» за столом. Они в первую очередь распространялись на детей и подростков, хотя следивший за порядком хозяин мог подвергнуть наказанию любого, участвующего в трапезе. Несоответствием общей аскетично-серьезной атмосфере традиционного застолья объясняется, в частности, и встречающееся в наших материалах упоминание о запрете смеяться и петь за столом. Например, в д. Новая Деревня после совместной работы женщин на «супрядках» или «потрепúшках» устраивали совместную трапезу: «Ну, это у нас супрядка это. Соберут потрепушки — ну, вот этак называют, што трепало вот было, трепалом трепали. Это и треплют там сколько соберёцца баб. И вот обед соберут это вечером — это отреплюцца там. Созовут обед, накормят. Соломаты намешают, наварят там, нанесут. Дак вот за столом писен не пили. За столом грех песни петь. Господь-то есь? Раньше сядут за стоў семейка, матушка, — сядут за стоў. Ну, сели, дак не схохочут! Схохочи, дак тебе чё будет? У меня, бывало, отец быў да мать, а мы с Катериной расхохоталисе за столом-то. Чё? — ложки в лоб влетели. Больше не схохотали. За Божьим даром, за столом не надо не хохотать, ничё не надо. Это раньше было. Потом из-за стола выйдут — это наедяцца-напьюцца — да гармонью принесут и пляшут, и пляшут. По-одинку, по-двойку, в гармонью играют и напляшуще. А за столом писен не пили!» [ЕНА, д. Новая Деревня; СИС 24:14об.-15].

В обычные праздники угощались соседи и родственники из одной деревни, переходя из дома в дом. Во время крупных праздников застолье устраивалось для

родственников и знакомых, пришедших или приехавших в гости из соседних деревень. Причем сначала угощались чужие, затем родня. Иногда два этих типа гостевания совмещались или следовали друг за другом. «Гостёбищю — после праздника вся деревня ходит друг к дружку. Потому што в праздник чужие гости приходят, так некогда — мы чужих-то вперед угостим. Вот у меня [=в Малеево], например, дак из Исаево всё ходили: там придут эти сёстры двоюродные да племянки. А после праздника мы и гостим-то со своим бабам. Вот эдак по двадцать пять человек собирацца, гостили друг у дружки. Тут и пляска, тут и песни поют. Не важная гостилась, конечно, иные не гостяцца. Одни женшшыны, да и мушшыны гостят, мушшыны тоже. Мелкоту не гостят, веть не берут мелкоту, только эти взрослые. И плясали, и песни пели всякие» [ММФ, д. Кропачево; СИС 22:73об.-74].

Наиболее обильный стол устраивали в годовые и престольные праздники (см.). «Ну, вот [на Пречистую] стол подавали, ак это-то уш егнёнка (и)ли там коо-нибудь зарежут уш, так. У нас, ну, вот до праз(д)ника зарежут, ак сўпу наварят, да тушонку да: картошку накрошят да вот мяса да, вот и называэцца “тушонка”... Потом это, киселя наварят да. Разноо тут — жита намолотят, намéлят крупы-то, а потом отстоище, киселя наварят и с молоком прихлёбывают или там со сладкой водой киселя наварят. Вот загустят (э)лак ёó, потом ёó ложкой поддевают да.... Жаренины надельвали да, блины пекли да, олашки да, это все нанóсят.... Кто картошку или какуй-нибудь там кашу или чё ли принесут вот, пшонную кашу варили йили... Пирогы творожники от, картóфники. А ес(т)ли ягоды были, ак ягодников напекут да. С морошкой, потом вот и с черницей да. Тожо пекли эти вот тут: накладут, солома́ты намешают на масле да и такú корочку выстряпают — это то назывались как “мяконники”. Это уш напекут тожо этих. Ак они жирные, ак тут розогриют, принесут на стол, ак они [прямо] жгут! Дац они бо́льнэ скúсныэ, жирныэ» [ХЕП, д. Артово; МИА 24:14-14об.].

Порядок подачи на стол различных явств мог различаться в разных деревнях, однако в большинстве случаев основной их состав совпадал. Даже за праздничным столом обычно ели из одного или нескольких общих блюд. «Ранше было из одноó блюда едят. Если снесут вот сўпу мясноó блюдо большóо — все из одноо блюда едят. Нынче, гыт: “Поделим кажному, што наа тарелочка отдельнё!” А ранше суп принесут — все из одноо блюда суп йидят. И на праздники» [ХЕП, д. Артово; МИА 24:14об.].

В д. Артово порядок подачи кушаний на праздничный стол был следующий: «Пойидят суп — уносят-то это, блюдо, на второо приносят там эту, кашу там, тушонку, потом жаренины дава́ют. А потом уш блины да олашки напоследие. Принесут, сков(о)роду: на низу блины в сков(о)роде, а наверху ола́шки накла́дены. Она вот намажот эти блины маслом (ранше по́ три коровы у всех было, по́ две, дак), вот так вот розрежот эти блины [на четыре части]. А потом

наверх этих олашок. Олашки там в масле оммáслят, дак тожо мáсляные. Сначала олашки йидят, а потом блины дойдíдают... [Когда едят олашки], прихлѣб(ы)вают молока. В стокане принесут молоко, дак олашку возьмѣт и вот подпивает. Либо вот так (в)от поста(в)ят чашку такúу вот, так вот и себе прихлѣбывает ложечкой молоко. И кисель-то тут приносили, кодá олады: дак хто с молоком йист, а хто с киселѣм с этим вот. А потом чаю...» [ХЕП, д. Артово; МИА 24:14об.]. В д. Опрячкино «это было раньше, знаэш. Вот наварят от на Михайлов день: студень наварят, суп, потом это каша яшная — из яшной крупы крутую кашу наварят. Потом пшоннаа. Эта уш, пшоннаа, на молоко. Ну там греци тожо это не бывало. Потом олашки, соломата, йишница и кисель [клюквенный] уш напоследок. Как уш кисель принесут, дак: “Ну, кушайте, гости, больше потчевать нечем, угошшайтесь!”» [ОУА, д. Опрячкино; СИС 26:75об.].

Блюду, завершающему трапезу, приписывалось особое значение. Очень часто это были кисель или солomat (см. «По солomатам ходить», «Масленица», «Жатвенные обряды», «Цыгане»). Скажем, в Троицком сельсовете во время застолья на троицкое заговенье непременно угощением, которое обычно выносили под конец трапезы, был солomat. «В троицкоо-то заговенье тожо солomату делали, да, да. Солomату мешали да — ели, ели! Это пóследнее там — ђбедашь ли ужинаэш, дак пóследнюю солomату несут, ели...» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:66].

Важное значение имела церемония приглашения гостей за стол и их потчевания. «Ну, вот сажашь, уш што вот: “Кушайте!” — да всё заставляют тут...» [ХЕП, д. Артово; МИА 24:15]. Потчевание было связано с древними представлениями о ритуальной трапезе, в частности, с необходимостью съесть все предложенное без остатка, так как выделенная часть ритуальной пищи символически отождествлялась с «долей», а следовательно со здоровьем и силой. Пережиточные формы такого рода верований распространялись и на повседневный обиход: «Когда едят и не доедают, говорят: “Свою силу оставив!” У другого привычка есть — хоть хамók да оставит» [КАА, д. Слизово; МИА 25:71].

Ни одно застолье на крупные праздники не обходилось без пива (не случайно их обобщающим названием было «пивные праздники»). Важную роль играло пиво и при потчевании участников выжинок (см. «Жатвенные обряды»). «На выжинках дак наварят пива. Элак не варят, как вот нонь: песок кладут, дрожжи. Ранше варили, дак солод сделают изо ржи. И вот эти, солод этот ста(в)ят на горшки на такие в печку. Этих, на выжинки, дак поста(в)ят там бочоночки элакие. Нонь дак всё стеклянноэ, а ранше дере(в)янноэ. Вот сварят пиво. Этот сóлод сделают, в печке выпарят, пи(в)о наварят. Хмель в лесу быв, да и хмельники были, и дома прямо много разводили...» [ЛАП, д. Сукозеро; МИА 24:Ф1994-11Волог. Оп. № 81].

Пиво начинали варить заблаговременно — примерно за неделю до праздника — и варили его сообща, всей общиной. Этот обычай продолжал сохраняться

вплоть до 30-х годов, а порой и дольше. «Пиво пили! Пиво раньше все варили. Это раньше пиво шо и питья-то!.. [Мы вот] в Вашках жили там, в отделении-то. Так вот эт, знаете, такой шан [=чан] есть. Вот щас у меня вот кадúшка есть большаа такаа: на восемь ушúатов — дикúша-дикúша! Щас вот в лёжку лёжит под водой — цэлнаа эта кадушка. Так это так та(д)а было десеть как домохозя-ёв, ак (на) эту кадушку там все собирауца за недилю, дней за пять, там у этой, у реки, вот и варят всё пиво. И вот на эту вот у нас-то на sóлод рожь намúнают — это изо ржи. Дак и вина не надо бы — вкúсноó! Мы ма́леньки были, ак щё ребята, сúсло пили, да. Потом такоó дрожжей, хмелю накладут — там выхóдит. И потом ёó там делят перед праздником: накануне праздника, как Пречистой, делят...» [ХЕП, д. Артово; МИА 24:12об.-13]. «Складшына была, складшына. Этот шшан-то большой, дак в шшану варили. А, гыт, не у кажново раньше был этот шшан-то, а у дедка у нас быú дак. Три целовека, цётырё складывалисе вместо. Вот и потом розливали. Варили в праздник на Пречистой, варили на Михайлов день. Вот. А уш в зиму на какиё праздники там...» [ЛМА, д. Трифоново; ССН 8:74-74об.].

Принеся домой свою долю пива, его могли крепить при помощи дрожжей и сахара. Креплёное пиво имело свое особенное название — «кúмушка» — и в старину, по-видимому, применялось лишь в особых обрядовых ситуациях. В 20-30-е годы оно стало заменителем «вина», как в местном говоре обычно называли водку. ««Кúмушку»-то потом ишó делали. Пиво сварят, а потом вот с бочки рожнёц (бочонки такиэ были) там нальют, домой снесúт да. Вот в этот бочонок уже приба(в)ят дрожжей да песку приба(в)ят. И потом называэцца “кумушка” — ишó, ишó крепче оно потом бы(в)ало. И сладкая пить, и хмельняэ всё... Тут зимой перед масленкой каждый у себя: вот элакой шан быв, два ведра с поло(в)иной. Ну, так вот такаа дырочка туда открыта. Ак туда солод нальют, ну, там накладут пескú да дрожжей, да. Выходит там какой “кумушки”. А потом оттуда процедят через эту, через сетку такúу, да выливаúют в эти, в бúтыли. Вон щас эти бутьли стоят такиэ, по пять литров. Налють бутьли, а потом гости прихо(д)ят, дак с этих бúтылей потом пьют пиво-то это...» [ХЕП, д. Артово; МИА 24:13,18-18об.].

В д. Глухарёво различали три сорта пива: «первяк», «вторяк» и «перевáра». «Перевару» давали только посторонним, случайно зашедшим на праздник незванным гостям [КНИ, д. Глухарёво; МИА 23:95]. Из «первяка» обычно готовили сусло. «А по сорту вот: варили вот на улице-то на Пречистой, дак там варили первой и второй сорт всё (в)место валили. Токо с перво-во сорта поставят сусло (ранше кисели варили, дак с киселём хлебать). Сладкоё веть ранше сусло-то было» [ЛМА, д. Трифоново; ССН 8:74-74об.].

От некогда тщательно и детально отработанного «пивного ритуала», описания которого еще можно найти в источниках конца XIX века, в Вашкинском районе уже мало что сохранилось. «Пиво пили, если когда вот тут

за столом сидят, дак. Они садыца и вкруг пиво розливают и пьют... Это вот уш ак все, все, все сядут за стол, дак уже этот, всё такóо была эт, называлась “чáша”. Такаа большáа была, экаа дере(в)яннаа она, красиваа-красиваа, всяко выкрашена экаа. Ну, дак вот тут и сидит дедушко да по(в)арёночкой налива́эт эти им, стаканчики, да и подава́ат. Из чашки, из одной чашки. Такаа большаа вот она, красиваа, всяким узорам уш. И вот кáжному налива́эт там: хто если выпьет, дак выпьет, а если кто не выпьет, дак и...» [ХЕП, д. Артово; МИА 24:16-16об.]. В д. Глухарёво пиво также пили из специальной «пивоварной деревянной расписной чашки. Наливал пиво отец: сначала в ведро с носиком в сарае, затем в чашку» [КНИ, д. Глухарёво; МИА 23:95]. «Вот угошшали за столом. Чашки пивныэ лаковыэ таики были. Ну, дак вот эту чашку ты попьёшь, я попью, друг дружке [передаем], по очереди это и пьём... Это сразу гости придут, так это уш из чашки из большизэ попьют. А потом уш сядут, так принесут винця, по рюмочке нальют, выпьют. А потом уш наливают пиво в стакан, чёкаюцца да и: “Давай, сват, пей всю-то! Весь-то допивай давай, сват, допивай!”» [ААК, д. Естошево; СИС 26:20об.].

Гораздо реже гостей угощали покупным «вином», т. е. водкой. «Угошшают. Это кода этли обедают, дак угошшали... Пи(в)о всё больше сразу давали. А потом уш вина. Вина ранше брали, но ни как щас — меньше» [ХЕП, д. Артово; МИА 24:16об.].

Для традиционного пивного ритуала была характерна постоянная языковая игра: приговоры, шуточки, каламбуры, сопровождавшие каждый тост, несомненно вносили дополнительные штрихи в общее веселье. В Вашкинском районе этот элемент праздничного застолья оказался практически полностью утраченным. Из приговоров сохранилось, например, пожелание хозяина, подававшего каждому гостю «стокан» пива: «Это мужики, дак те, как дают, ска(ж)от: “Те до дна!” А ранше так и пили» [ХЕП, д. Артово; МИА 24:17]. В д. Пиксимо-во, выпив предложенное, говорили: «Как Христос по горлышку прокатился!» [БАЯ, д. Пиксимова; СИС 22:60], «Как Исус Христос прокативсе по сер(д)цу» [ОУА, д. Опрячкино; СИС 26:6об.], а в д. Кропачёво: «“Как Христос прокативсе!” Ишо скажут: “Ой, вино, вино, вино, не прокисло ли оно?” — наó пить! Как долго не садыца за стол дак, мужики и заговорят: “Вот вино, не прокисло ли оно?” Наó пить» [ММФ, д. Кропачево; СИС 22:73об.-74]. Из других приговоров можно упомянуть: «Выпил, как Христос с лаптями прошел!», «Выпил, как Бог босичком пробежал», «Хлёснул — только волны пошли!» [МНИ, д. Мыс; СИС 21:4]. «Мужики выпьют стопку: «О! Как Исус Христос протыпал! Ой, как легко сделалось. Из горла как камень прокатился, а то и дышать нечем!» [НАЕ, д. Полохтино; СИС 26:10].

Гостей упрашивали: «“Выпейте, пожалуста, помяните праздник, проздравьте!” Мужики-то выпьют, дак: “Ой, как Исус прокативсе!” — кто дак любил вино. И по голове проведут рюмку кверху ногам» [МФФ, д. Гора Тимофеева; СИС

22:47об.]. Того, кто оставлял в рюмке вино недопитым, упрекали: «Чёо зло оставив?» [КАА, д. Слизово; МИА 25:71]. «Вот как выпьешь до конца, дак это хозяина и хозяйку любишь, а как уш оставят, гоорят, штобы: “Допивай, допивай, — што, гоорят, — зло имиэшь?” Иной не допьёт, вот хозяин и говорит, обижаэще» [ЕНА, д. Новая Деревня; СИС 24:15]. «Если кто не хочет пить, на пол выплеснет, хозяева обижаются — деньги плочены. А если гость опрокинет стакан вверх дном, больше хозяин не наливает, не заставляет пить» [НАЕ, д. Полохтино; СИС 26:10об.]. Для традиционного застолья характерно постоянное подчеркивание взаимной солидарности, готовности «положить голову на алтарь» ради поддержания хорошей компании. «Так вот пили-то, а как если: “Чёо ты тут, деўка, не пьёшь-то? На чё сердишьсе ли чё ли туто-ко? Не знаю я, чё тебе не пить-то, пей давай!” — “Ай, давай, деўка, допьём!” Вот одна: “Ой, я с вами, деўки, хоть скипидару стакан выпью! Я вас люблю, ак скипидару стакан выпью!” Я всё скипидару стакан пила, и топеря пью — вон Маргарита Ивановна знаэт, што я вино не пью» [ААК, д. Естошево; СИС 26:20об.-21].

«А пиво дак пили так: в дере(в)анные чашки нальют да, большие — посу́дина элака, так вроде чашки. Да вот нальют, да и поднесут хозяйёва, хто угошшаёт, дак: “Пейте на доброё здоровьё!” Всё пожалáют всем: “На доброё здоровьё!” Вот ты попьёшь, я попью [=по кругу]. А попьют да: “Спасибо, ой, какоо пивко-то хорошоэ!” Пили, хорошо пили! Обнесут элак всем. Кáжному, кому хто жалáат, дак дóсыта пили... До дна нé пили да. “Не пей до дна, не увидишь добра́!” [Выпив], на́ голову эту, скору́шку ста(в)или. Ну, посудинку. Как в осóбе нальют стакáн да и всё. Ак выпьют — и опять нальют: “Вот как, ишь, выпили та!” Потом пúво пьют. Выпьют пиво, и всё, выходят, гости уходят» [ЛАП, д. Сукозеро; МИА 24:Ф1994-11Волог. Оп. № 81].

Нередко пьющие устраивали соревнование. Скажем, в д. Полохтино мужики подначивали друг друга: «Тебе не выпить!» Другой спорил: «Выпью!» — и пили кружками; считали, кто больше выпьет без закуски. Спорили тоже, кто выпьет зараз без передыха две, три или больше кружек [НАЕ, д. Полохтино; СИС 26:10].

Неотъемлемой частью застольного ритуала было величание присутствующих «Чарочкой». «Припевали жену к мужу, девушку к парню, чтоб крепче любили»:

Чарочка моя,
Подзолоченая,
Кому чару пить,
Марьюшку любить,
Пей до дна! / 3 р.

В это время все хлопали в ладоши [НАЕ, д. Полохтино; СИС 26:10об.].

Застолье всегда сопровождалось пением «длинных» песен, под которыми в Вашкинском районе обычно подразумевали позднюю лирику и городские

жестокие романсы. «Ак выпьют да сделаюцца весёленькими, то писен попоют да. После еды уш...» [ХЕП, д. Артово; МИА 24:16об.]. Примечательно, что запевалями при этом обычно были мужчины (откуда и чисто «мужской» городской репертуар): «Это, в Шалге-то это ишо было. Родня была (у нас тожо родни было много, тут вот, эти вот мунжаки [=из Муньги] тожо). Так всё придут элаки мужики-то эть хорошиэ были, не как нонешныэ, не пьяницы шо. Эть раньше пили только с праздника на праздник и то пиўка, ну ишо тут самогоночку ишо гнали, а эть вина так и не брали на праздники. Дак соберуцце да как какиэ песельники-то у нас были всё гости-то, дак эть как песни-то отпоют! Дак это залюбуиссе. За столом сидят тут (ну, выпьют, эть сразу сядут, дак не поют), как немношко захмелеют, так и запоют песни. Вот пели песни — “По Дону гуляэт”, эту песню пели да много. Ой, как уш это дядюшка! Мушшыны, мушшыны уш запевают мушшыны, а женшыны за ними тянут тожо...» [ОУА, д. Опрячкино; СИС 26:61].

Важным элементом праздника было угощение «посторонних»: зашедших «на огонёк» соседей или нищих, странников. «Кто зашел одиночка: “Здравствуйте, с праздничком!” — “Также и Вас!” — ему давали пива у порога. Своих звали: “Пожалуста, милости просим в гости!”» Незванным гостям давали третьесортное пиво — «перевáру» [КНИ, д. Глухарёво; МИА 23:95].

Жители некоторых деревень могли превращать нищенство в выгодный промысел, ежегодно совершая паломничество на престольные праздники в те или иные соседние местности. «Вот уже если зайдут — знакомый какой — угóстишь, што: “Иди за стол чай пить!” Ранше все вот там Шáлга да Кóшара бедно жили да пó миру всё ходили. (Д)ак это от Пречистаа начинаэцце, дак токо двери шшовка́ют — всё хо(д)ят с корзинам, што: “Милостинку Христá [ради]!” Да эк надаваэшь хлеба. Пирогов давали. Их так тут напят этих нишшых, ну, да. Там так давали всё стоканом, дак вот стокан, два иногда дадут. Какие пили, а какие и нé пили ес(т)ь. А иных и садили [стол], как если ты знакомый, дак от захó(д)ишь, вот и сажать тибя хозяин и будет. Я и то, хоть и небольшая была, помню...» [ХЕП, д. Артово; МИА 24:13об.].

Морозов И.А.

ИВАНОВ ДЕНЬ

Иванов день (7.07.) — один из важных летних календарных праздников, день Рождества Иоанна Крестителя, на юге России известный под названием Ивана Купалы или Ивана Купальского. Обрядность этого дня на Севере существенно отличалась от южнорусской, включавшей в себя целый ком-

плекс обрядовых действий: сбор трав и цветов, плетение венков, украшение зеленью построек, разжигания костров, обливание водой, магические действия против «ведьмы», любовная магия и т. д.

В Вашкинском районе на Иванов день обычно ограничивались собиранием лекарственных трав и цветов, а кроме того гадали, плели и бросали в воду венки. «За цветками ходили перед Ивановом днём. Помню, што это цветки собирали какиё-то. В бане мылись разными цветами...» [ЗЕД, с. Ухтома; СИС 24:37]. «Вили веночки в Иванов день. Ходили по полям и веночки вили. И веночки на голову надевали, ходили в веночках. Вечером, вечером пойдут в поле...». В конце гуляния венки бросали в речку [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:64].

В д. Село рано утром в Иванов день срывали на поле колоски и клали их под иконы. «Это што(бы) хлеб, знаэш, урожалсе хорошо. Я помню хорошо, што у миня тятя ходив и муж ходив [в поле] и даже вот нашов три на одной этой, три колоска [на одном стебле], в образ и склав. Утром, утром, штобы не было сонца, до сонца это всё было. Урожай штоб быв хорошей» [СНН, д. Село; СИС 26:86].

Гадания на Иванов день были связаны с верой в наибольшую «крепость», т. е. целительную и магическую силу трав и цветов в этот день. «Собирают травы, когда цветут. Во время цвета у них самая крепость. Перед Ивановым днем в двенадцать часов ночи собирались. Надо было собрать двенадцать разных цветов, завязать в букетик и положить под подушку и задумать, какой сон приснится. Если хороший — дак хорошо год проживеши, худой — дак худо» [ИАВ, д. Ильино; ССН 12:2]. Считалось, что собранная в Иванов день трава придает силу, излечивает. «Говорили, што будто бы в Иванов день по траве надо, у коо спина болит, по траве надо повалаться. Вот ходили, по траве валялися» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:64].

Остаточные, уже никак не мотивированные формы любовной магии сохранились в д. Опрячкино. «Это накануне Иванови дни байну стопят: “Надо сѣдни баских виницьков наломать”. Вот и побежим и всяких тут — и черёмухи тут, и берёзы тут, и ребины — это прутья, прутья наломаэм. Вот этими баскими виниками выпаримсе: “Надо, — говорят, — попарище!” — и виник этот бросали в крапиву, вот не знай для чѐо» [ОУА, д. Опрячкино; СИС 26:68об.].

Особенно торжественно Иванов день отмечали в местностях Ухтома и Индоман, где он был престольным праздником (см. «Престольные и заветные праздники», «Гуляния»). Поэтому в этот день служили обедню, ходили в гости, устраивали гуляния. «На мосту танцовали, плясали ланчика да, кадрель да такое...» [ФАА, с. Липин Бор, СИС 23:29об.]. В с. Вашки «в Иванов день прыгали через костры, венки плели, цветы собирали — двенадцать

нужно было цветков собрать разных. Венки бросали в речку. К какому берегу приплывет твой веночек...» Здесь Иванов день не считался крупным праздником. «Широко праздновали вот на Индомане Иванов день, праздновали и в Ухтоме. В Ухтому ходили, вот уже когда взрослые были, туда на праздник ходили, там очень много молодёжи собиралось. Это по детству помню. И парни, и девушки, все гурьбой [гуляли]. В эту ночь иногда даже и не в двенадцать приходили, позднее. У нас в моде не было, чтобы парочка пошла по лесу вдвоем, у нас это за бесчестье считалось. Еще когда в детстве было, ночью [прыгали через костры] по одному человеку». Взрослые обычно гуляли своей компанией [ЛАД, с. Вашки, СИС 21:85об.]. «Я однажды бывала в Ухтоме об этом празднике. У меня бабушка-то, мамина мама из Ухтомы. Ухтомские ходили за цветами, в лес ходили. Делали венки, ну и тут изукрашали тут — свой праздник, дак они знали... Сделают веночек и на голову надевают, на голове. Весь вечер и танцуют всё в веночке» [ФАА, с. Липин Бор; СИС 23:29об.].

В окрестностях д. Опрячкино праздник отмечали еще в 40-е годы. «Иванов день у нас вот седьмова июля — очень бив праздник хорошей! Ковда сенокос начнут, ковда не начнут сенокосу — ну, уш празновать празновали в каждой год этому Иван(в)у дню. Это уш вот тут послиднее время уш вот эта в войну дак, в праздник так ишо и поработают. Ну (в)сё равно уш с обеда уш гулянка, уш не работали. А это ишь как до тоо, до войны-то, так эть не работали, праздник не работали. Уш тут гулянка не у нас в дереўне была. Вот, назрно, за километр такая дереўня — называлась Тихонино. А ишо раньше не в Тихонине, а тут тожо мост такой быў — дере(в)янной хоть, большой мост — и тожо вот гуляли ишо на дороге на этой. Я ишо это помню, мы босиком ходили на гулянку. Сойдём — комароў, ты знаэш, в это время! — ак вот седем на конаву, дак вот так платышком-то закроэм ногти, штобы комары-то у нас не кусали, а нам всё равно было охота тожо сходить поглядить-то.

А гулянка вот, гуляли тожо по дереўне тут, ну, по дороге. На мосту ак там плясали, а по этой дороге гуляли. Пароцьки ак пойдут куды-нинабудь туды дальше, к лесу. Вот элакой Иван(ов) день хорошей праздник бив. А на второй день ишо где-то ишо спишь на сараэ (вот летом-то, дак на сараэ спишь) уш гармошки в дереўне заиграли! Утром где-то рано-то как заиграют, дак как скрозь-то сну, да сколь весело-то было — играют гармошки-то! Вот на второй день в нашей дереўне была гулянка, в нашей дереўне, в Опрячкине. Тут уш народу тожо много, тут эти гости приходили, и молодяшки много было, тут в нашей дереўне гуляли» [ОУА, д. Опрячкино; СИС 26:67об.-68об.].

Милюхина Е. А.

ИГРЫ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ НА БЕСЕДАХ

Значительную часть свободного времени на вашкинских беседах начала века занимали пляски (см.), которые в старину сочетались с хороводами и играми. Старые беседные игры в Вашкинском районе почти не сохранились. Так, уже к 20-м гг. была практически забыта игра «золото хоронить», хотя в д. Малеево, например, еще вспомнили фрагмент припевки, которая ее сопровождала:

$\text{♩} = 172-180$ Нотация Е.Г. Богиной

Пал, пал плестень, де - вушки га - дай - те,
 ма - туш - ки от - га - ды - вай - те,
 у ко - го мой зо - ло - той плестень, про - ис - кал весь день

Пал, пал плестень.
 Девушки, гадайте,
 Матушки отгадывайте,
 У кого мой золотой перстень,
 Проискал весь день.
 [КФГ, д. Малеево; ССН 9:94].

Пал, пал перстень.
 Девушки, гадайте,
 Красные отгадывайте,
 У кого мой золотой перстень.
 [КФГ, д. Малеево; ССН 9:94].

В д. Москвино еще в 30-е годы играли в поздний вариант этой игры под названием «золотцом». Игровая припевка уже отсутствовала: «Вот сядем все эдак, а другой ходит. Вот кому это золото опустит» [ЛАД, д. Москвино; ССН 9:83об.]. В д. Мякишево подобная игра называлась «родничок» [ШТА, д. Мякишево; ССН 8:41].

Несколько больше был распространен современный вариант этой игры — «кольцом». Игроки садились по кругу, а парень-водящий, обходя их, старался незаметно положить в руки колечко какой-нибудь девушке. Затем он отходил на середину комнаты и говорил: «Кольцо, кольцо, выйди на лицо!» — после чего избранная девушка должна была выйти и поцеловаться

с ним. Потом шел другой парень, а эта пара садилась среди других игроков [ЯАА, д. Веселая; СИС 21:5].

В Шалго-Будуновском сельсовете играли в разновидность «горюна». «Это у нас игра — “за ушко ходили”. Ну там вот, например, биседа, а там вот в этой половинке света нету, вот я бы ушла туды и скажу вот: “Мне пошлите вот таково-то парня”, — какой мне понравится. Ну вот, парень придет, тамо-тко пообнимаэмсе, поцелуемсе. Например, я вызывала парня, так я ухожу, а ёо спрашиваю: “Коо тибе послать? Какую там деушку?” Он скажет. Я приду, посылаю эту деушку: “Иди ты, там тибя зовут”. Вот так это и было, опять парень уходит, а деушка там заказ(ы)ваэт какой кавалер ей любой» [ОУА, д. Опрячкино; СИС 26:50об.].

В 20-30-е годы наибольшей популярностью на беседах пользовались игры, связанные по своему происхождению с городской мешчанской средой. Это прежде всего «фанты», «почта», «соседи» и некоторые другие повсеместно распространенные игры.

«А “в почту” как? — писали записки, передавали друг дружке. Ну, там один человек ходит, собираэт и вот кому написано и разносит... Ак уш хто што напишет. Бывало, што и матерно напишет, бывало, што хорошее — про любовь напишут, хто кому нравицца там чё-нибудь или там: “Пойдёшь ли ты со мной?” — чё-нибудь такоё писали...» [БЗМ, д. Тарасьево; МИА 25:78].

Со старыми посиделочными играми их сближает мотив выбора или смены игрового партнера. «Сядем все в ряд по лаўкам и сидим вот. Я сижу, вот тут кавалер мой. Вот это ходит один целозк: “Люб ли сусед тибе?” Я скажу там — мне парень этот нравицца: “Люб!” — так пускай сидит ишо, не уходит. А некак: “Не люб!” дак скажу: “Пусть погуляэт!” — парень уходит. Или там парня спрашивают, што там: “Деўка тебе люба ли нет ли?” Тожо элак...» [ОУА, д. Опрячкино; СИС 26:51]. «Парень у девки спрашиваэт, а девка ходит, дак у парня спрашиваэт. Не люб, дак девка отходит; или парень, дак тожо. Вызывали, хто полюбяэ» [МФФ, д. Гора Тимофеева; СИС 22:46; ККС, с. Липин Бор; ССН 8:7]. «“Люб сосед” играли. Сидят там парень и девушка, ни обязательно там парень и девушка [которые дружат], а просто сидят. “А каво вы хатите?” — “А вот я таво-та хачу”. И меняюща местами» [ИАН, д. Малая Чаготма; СИС 23:24]. В д. Мыс спрашивали парня и соответственно только он мог сменить соседку, «девушку не спрашивали, девушка это подначальна» [МНИ, д. Мыс; СИС 21:59].

Хорошо были известны разные варианты «обертышков». «Вот станут спина в спину, парень и деўка. Ну, поэрнуцца: “Направо!” Направо как обоё вдруг по(в)эрнуцца в одну сторону, дак эти целующя. А один туды, другой туды — значит уш эти не целующя» [ГАВ, д. Курулево; МИА 25:44об.]. «Садимсе на скамейку, вот седет парень и девка. Вот наа по(в)эрнуцца — в котору сторону там, эти считают: “раз, два, три!” Вот в котору сторону. Если вернёмсе в обе стороны одинакоо — парень и девка — поцелуёмсе. А

врозь — ничё» [ОУА, д. Опрячкино; СИС 26:51]. После этого один из партнеров уходил, а на его место садился другой игрок.

Некоторые из этих игр, несомненно, распространились под влиянием клуба и до сих пор продолжают бытовать в детской среде. «Еще была такая игра. Што-нибудь прячут, а человек должен выгги в коидор, который будет искать. И гармошка штоб была в этом помещении, и музыкант видел штоб, куда эту вещь прячут. Иногда вот такой маленький крандашик или што-нибудь, вот. Но и забьёшь в причёску себе, в волосы, вот... Заходит тот и идёт: “Где?” — он не видел, не знает. За этим сторого следили, штобы не знал. А музыкант, когда он подходит к этому месту, где вот эта девушка сидит или кто другой, когда девушка или парень там сидит, к этому месту подходит, он замедляет музыку, вот. Как токо прошёл он, значит уже веселей играет, значит в этом месте он начинает искать, начинает везде шарить — чело(в)эка определил уже» [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:76; ИАН, д. Малая Чаготма; СИС 22:64об.].

«“В вопросы” играли. Ни закрыта [девушка] — сидит на стуле, дак. Ей тада задают вопросы, а ана атвичаэт. Хто какой тут вопрос задаст, из разных — хто чё мѳг задать. Ну, там вот спрашуют: “С кем ты дружила? — или там. — Ково любишь? — или там. — Цем ты занимаешься?” Ей задают вопросы, а ана на этот вопрос отвечала» [БЗМ, д. Тарасьево; МИА 25:78]. В д. Мякишево вопросы с участников беседы собирал водящий и затем задавал их сидящему в стороне игроку. Если игроку вопрос не нравился, он отказывался на него отвечать и уходил с места, которое должен был занять задавший этот вопрос [ШТА, д. Мякишево; ССН 8:41].

Подростки играли на беседах «в краски» («анделом»):

- Тук, тук!
 - Кто там пришов?
 - Андел пришов.
 - Зачем?
 - Пришов за красками.
 - За какими?
 - За синими! (или там за красными)
- [БЗМ, д. Тарасьево; МИА 25:78об.]

В отличие от уличных вариантов игры «в краски» (см. «Детские игры») здесь водящий («андел») должен был только угадать название красок.

В Вашкинском районе плохо сохранился пласт развлечений, связанных по происхождению с древнейшей земледельческой обрядностью. Так, катание по соломе, широко практиковавшееся на святках в восточных районах, здесь было зафиксировано только в Волоцком сельсовете. «У меня мать-та с Волоцково, вот там так солому носили; а вот на биседе, вот ковды биседу соберут, так тукáч [=обмолоченный сноп] принесут, да по всёй биседе

ковды собирались, по всёму полу роскатят да, катались робята. Падут и вот покатающца, пошалают. Боком, боком, боком, каткóм. Поодиночке, да и по двойке, да. Девушки не катались, нет. А у нас дак не было этово» [МЛМ, д. Сальниково; СИС 21:65].

В некоторых местах было известно старое развлечение, под названием «Сидора колоть» очень популярное в Верховажском и Тарногском районах. «А в Сидора — дак поставят веник. Станут друг к другу задницей. Возьмут ухват. Один стоит — колет Сидора: “Я сейцяс сколю!” Другой крик: “Я сберегу!” Вот этот ухват — промеж ног. Один не даёт. Тот дак колет, а этот берегёт! Тут и штобы веник не сколоть. Вот так Сидора кололи у нас» [ШЕВ, д. Погорелово; ССН 15: 10об.]. «А играли, што: “Сидора сколю!” Один колет. А другой приго(в)арёёт: “А я сберегу!” Да, ухват либо чё ли там взят, да...» [ЛАП, д. Сукозеро; МИА 25:Ф1994-12Волог. Оп № 19]. В Муньге «Сидора кололи» так: два человека, становились спиной друг к другу и брали ухват, держа его или между ног или сбоку. Один из них старался сбить ухватом стоящее за его спиной полено, а второй ему мешал [БТМ, д. Гора; СИС 24:34]. Примечательно, что в д. Малеево «Сидором» называли медведя [КЯЕ, д. Москвино; ССН 8:45].

Морозов И.А., Слепцова И.С.

ИГРЫ С ПАСХАЛЬНЫМИ ЯЙЦАМИ

Примечательной особенностью празднования пасхальной и троицкой недель были игры с пасхальными яйцами (см. «Пасха», «Троица»). Из множества их разновидностей, известных в Вологодском крае, в Вашкинском районе в 20-е годы наиболее распространенной была забава с битьем яйцами (обычные названия этого обычая: «еичкам колотище» или «яйцам бицца»). В основном так развлекались мужчины, преимущественно неженатая молодежь, собравшись на улице «артелью, по парам»: «На улицу выйдут, соберут кампанию, вот и вот тут и бьюцца...» [КНИ, д. Глухарово; МИА 23:106]. Впрочем, по многим свидетельствам, и старики не уступали молодым («старики еще азартнее молодых»). «Это мужики выбивали друг у дружки... Дак и на улице, на улице — мужики ак выйдут. Придут вот если [из церкви], дак там, в деревне приходят мужики в компанье (скопяцца в Паску, дак и празновали), дак и бьюцца яйцам. У коо какоо крипче, дак выбьют яйца да отдают» [ЗТН, д. Поповская, МИА 23:93-93об.]. «Билися больше [на улице]. Кто сколько выбьет. У коо крепкие — навывбываэт много. А коо слабенькие эти [=яйца]. [Мужики] всё подходят да, у коо яйцо есь, дак бьюцца» [МНИ, д. Мыс; СИС 21:66]. Иногда играть могли и в избе, и в каком-нибудь другом помещении. «В Паску яичками бились взрослые — дома» [КМИ, д. Покровское; КАФ, д. Калитино; МИА 15:18]. «В квартире

соберуцца там, дак вот — с друзьям, дак што: “Давай, сѣдни пойдѣм там к Васке или к Федьке ли, Данилку ли!”...» [РАФ, д. Ново; МИА 23:86]. Хотя эти сведения скорее всего относятся ко времени постепенного угасания обычая, когда все, что относилось к сфере религиозного, подвергалось гонению и запретам, а потому игры с пасхальными яйцами превратились из яркого общественно-го развлечения в забаву в узком кругу родственников, знакомых и друзей.

Яйцо в традиционном обиходе Вашкинского района играло важную роль как предмет взаимного одаривания в ритуалах свадьбы (см.), масленицы (см.), при взаимоотношениях девушек и парней (см. «Гуляния», «Качели и скакухи»). Обычай битья пасхальными яйцами в старину был непосредственно связан с обменом ими и «христосованием» либо с поминовением умерших родственников (см. «Пасха», «Троица») и нередко совершался на площади у церкви или на прилегающем к ней погосте. Пережиточная форма этого обычая еще в 20-е годы сохранялась в Троицком сельсовете: «Ранше у цѣрквы дак яйцам билисе. Вы-то, наверно, это и ни испытали? Ну, ну. Служба. После службы выходят все — яйцам бьюцца. Вот элак вот. И идет на могилки, на могилках яйца кладут: [не те, которыми бились], другие клали...» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:53].

В деревнях Парфёновского сельсовета молодежь нередко билась пасхальными яйцами на церковной колокольне или ходила играть ими в дом к церковному сторожу. «Яйца к Паске варили, вот к церкви ходили, дак билисе там. Бились езчкам вот... Это ходили на колокольню, дак носили, брали с собой яйца, билисе там, дак... Элакой домик у цѣрквы построѣн — [“килья”]. Там жив этот, сторож. И в киль(г)ю ходили да вот: туды молодяшка ходили и яйцам бились» [НМП, д. Мыс; МИА 23:9-10об.].

Существовал определенный порядок игры, различавшийся по местностям. Обычно билась обоими концами яйца. Острый его конец назывался «носочком», а тупой чаще всего «пугой». В д. Новосело тупой конец яйца называли «пяткой» или «жопкой», а в граничащем с Вашкинским районом Чарозерском сельсовете Кирилловского района — «пушкой». В большинстве случаев сначала билась «носочком», затем «пугой». Если разбивались оба конца, то яйцо считалось проигранным, если же какой-либо из них оказывался целым, то в этом случае яйцо делили пополам. «Бились о Паске: сразу носѣчком, потом пугой. Если носочек расшибѣцце, а пуга устоит, (то) пополам ейцо» [НАИ, д. Веселая; МИА 23:76]. «Пуга — это второй конец. А этот, носочик — ѳстренькой. Этим и бились. Да, да, носочком билисе. А это пугой уш потом уш [бились]. Бывѣэт, што и пуга удержит, а носочик лопнѣт. Например, вот ты у меня выбьѣшь — я тебе отдаю. Другой мно-ого навывивѣэт яйц себе!...» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:55об.]. «Этим, носочком билисе. Да эть уш это, не пушкой — пушкой не станешь. Носочек в носочек и билисе...» [РАФ, д. Ново; МИА 23:86]. В Роксомском сельсовете иногда тупым концом не билась, и яйцо считалось проигранным полностью, если

разбивался носочек. «Еички к Паске варили, вот к церкви ходили, дак билисе там, бились еечкам вот. А хто дак много выбьёт, а хто, (д)ак много пробьёт. Да вот носок в носок колотят да. Вот твоё лопнёт, значит я забераю, а моё лопнёт, дак ты забераешь это. Другой стороной не колотились, носкам колотились» [НМП, д. Мыс; МИА 23:9]. В Логиновском сельсовете употреблялось специальное выражение для обозначения разбитого (проигранного) яйца: «ейцо пало». «Бились, дак токо што носочком, у котороо острое это... Вот Вы дёржите ейцо вот так зажато, а тот колотит сибё. У тово пало [= разбилось]: “Давай ейцо мне!” Сломаэцце: “Ой, пало твоё!” — он называэт “пало”. “Пало, твоё еичко пало!” Ну. Тот, значит, у неё лóмано отбираэт...» [КНИ, д. Глухарев; МИА 23:106].

Как уже указывалось выше, яйцами бились чаще всего взрослые мужчины, но эта забава была любима всеми, в том числе и детьми. Они также бились яйцами, но чаще всего не на улице, как взрослые, а за столом, когда разговлялись. «Ейца к Паске по одной красили... Дак веть семья сидит, дак и то и робята, ак и то друг дружку поколотят. Да, побьют ейцо-то в ейцо. А каким яйцом попадёт [=и не пасхальным] у робёнка!..» [БАН, д. Ново; МИА 24:9об.]. «Все, все [бились]: и дети, и взрослые — все, кто мог держать ейцо» [КНИ, д. Глухарев; МИА 23:106]. «На кáжноо на Христов день, дак — у-у! Вволюшку! Наварят, накрасят рáзным крáскам... Да там у коó семья большáа, ак роздилят робятишкам да всем поровну там по сколько яиц сварят, дак. И топёрь эдак. Да потом сйидят, ак роздилят. Ак какой колóтяцца ходят и. Ну, што хто выбьёт, дак отдадут йййцо, да...» [ЗАП, д. Ушаково; МИА 24:]. «Колотились яйцом (носком и пяткой) о Паске: маленькие выбегут на улицу. Пробили яйцо — отдать должен» [КМС, КАС, д. Новосело; МИА 15:27].

Яйцо в крестьянском обиходе было достаточно ценным продуктом и появлялось на столе далеко не каждый день, а чаще всего только в праздники. Многие семьи поэтому яички берегли и старались напрасно не расходовать. Этим объясняются и необыкновенный азарт, сопутствовавший играм с яйцами, и обычай изготовления фальшивых яиц: их делали для того, чтобы уберечь свои от проигрыша. Однако если обман раскрывался, то провинившемуся приходилось туго: «оплеух надают старики заядлые» [ЯОП, д. Сальниково; СИС 21:43]. Подделки изготовляли обычно двумя способами. Наиболее распространённым был следующий. С обоих концов яйца проделывали маленькие отверстия, через которые выдували его содержимое. Затем в пустую скорлупу аккуратно заливали древесную смолу («сёру») и тщательно заделывали дырочки на концах. Застывшая внутри смола укрепляла скорлупу, придавала яйцу вес и не позволяла ему биться. «С этим яичкам было и грехá. Другой, знаэш, оттуда выльет, а серы нальёт — поддельные делали. Ак дело доходило до драки. Вот друг друга стукнут, которое разбилось — тому. Этот, который обделав яйцо-то так крепко, он навывиваэт сколько яиц-то себе!.. Серой нальют — сера. Ну, это делали нечесные люди — псы. Ак избить и наа

было за это дело!..» [ЛИМ, д. Шугино; ЛАФ, д. Мосеево; МИА 23:59об.]. «Вот молодёжь дак чё-то сделают дырочку да нальют — это, штобы не билосе яйцо... А не знаю вот чё наливали! В носочек нальют — вот и бьюцца. У ёё ёйце не раколёцце... А как у теа пробили, ак уш у теа это ейце и оберают — отдавать нэдэ...» [РАФ, д. Ново; МИА 23:86].

Другой, реже встречавшийся способ, — это изготовление деревянного яйца, которое вытачивали на станке и покрывали лаком. «Потом подделывали под это от яйцо дере(в)янное, ага. Вот так подделуют деревянное. И выбьёт — так целоо решето набьёт! И бьёт, и бьёт, и бьёт! Оно чистоэ всё, как и это яйцо, всё выточёно специально и клеено, и лаком покрыто» [КНИ, д. Глухарев; МИА 23:106об.]. В реальности подделки встречались сравнительно редко и единодушно осуждались. На это мог пойти лишь отчаянный и азартный игрок, который мог позволить себе не считаться с общественным мнением и не слишком боялся наказания, полагаясь на собственную силу или изворотливость. В подавляющем же числе случаев в игре использовали настоящие яйца. При этом, однако, старались выбрать такое, которое бы не разбилось, выигрывало. Для этого стучали яйчком по зубам. Если звук был глухой и скорлупа мягкой, то такое яйцо считалось удачно выбранным для игры. Если же яйцо при ударе «звучало», то это значило, что скорлупа окостенела и не выдержит удара, лопнет. «Пробовали определить: штобы постучать, постучать о зубы. Уже я определю, што это не лопнет. А другое лупит, дак и не поймёт — правильно [ли], дак. А бывает и мягко к зубам отнёсище, когда стучишь. А у котóроо звучащее — звучит сильнее — то лопнет быстрее, чем это. А мягкоо выигрывает...» [КНИ, д. Глухарев; МИА 23:106об.].

Кроме Пасхи игры с яйцами были распространённым развлечением на Троицу (см.), а иногда и на Вознесение (см.). «Яйца варили — после Пасхи Вознесение ес(т)ь. Варили, а бились меньше, чем на Пасху...» [ЛИМ, д. Шугино; МИА 23:59об.]. В это время их красили в зелёный или зеленовато-жёлтый цвет в отваре берёзовых листьев, поскольку именно после Троицких праздников начинали ломать банные веники, и бились ими.

Реже в Вашкинском районе практиковалась другая игра: катание яиц по полу или столу. В этом случае яйца катили навстречу друг другу. Если у одного из играющих яйцо разбивалось, он должен был его отдать сопернику. «Яйца красили в Пасху и Троицу. Одинаково. У нас дак много виников наносили да. Всё сдёрнем [листья] да, ишо вечером да, намочим, а утром наварим. Цвет получался жолгинькой. Берёзовые веники. Луковая шелуха, дак это розовая. Катали, помню, кажется по столу...» [МНИ, д. Мыс; СИС 21:66]. «Ёйцо в яйцо попадёт, и хто разобьёт ево. Один сильно шáрнет, а другой потихоньку — навстречу. А с каково расстояния? Может, вот мы сидим вот здесь, дак вот с тоо места до этово. Да, метра полтора-два» [КНИ, д. Глухарев; МИА 23:106-106об.].

ИЛЬИН ДЕНЬ

Ильин день (2.08) — день, посвященный памяти пророка Ильи, — в народном календаре один из первых праздников периода перехода от лета к зиме, завершавших цикл летних работ. Традиция почитания Ильи-пророка как покровителя грома и дождя была общей для восточнославянских народов. «Поехал Илья-пророк по небу — гром гремит» [ИАН, д. Малая Чаготма; СИС 22:62об.]. Ильин день являлся одним из крупнейших и особо почитаемых общерусских народных праздников. Большое значение приписывалось и его канунам, например, Ильинской пятнице: «Вот эти самыэ богобоязныэ — эт Ильинска Пятница да Ильин день. Дни эти самыэ, батюшко, эти самыэ уш праздники большиэ — эта Пятница Ильинскаа, а потом Ильин день» [ЗКИ, д. Захарово; МИА 25:26].

Общественных празднеств и увеселений в большинстве деревень Вашкинского района в Ильин день не устраивалось. Исключение составляли те деревни, где этот праздник был престольным. «Второва августа — век свой Ильин день быў. Вот Илья Пророк — это у нас была часовня в Естошеве Илье Пророку. Дак вот у нас тожо все старушки эти, все пожилыэ люди — все сбиралисе, попа привозили, служили молебен в цясовне и свитили скотину. Побежим — мы маленькиэ были дак тоже; ну не такиэ уш маленькиэ были — порядошныэ были. Скотинку эту всю в прогон загонят, и туто станем в прогон тут и там. И вот тамэтко скотинку эту, там поп обойдёт кругом и свитит. И коней так подводит каждый хозяин к попу, поп коней свитил. Это в Ильин день. Весь день этот празнуют. Вот тут скотину освятят, в цясовне отслужат, а уже потом пойдут по избам цяй пить, и поп пойдёт со крестом по избам. В Ильин день только ходит поп один со крестом...» [ААК, д. Естошево; СИС 26:15об.-16].

Иногда к этому празднику выпекали специальное обрядовое печенье. Так, в д. Веселая в четверг накануне Ильина дня было принято выпекать колоб, изготовлявшийся также на все крупные праздники (см. «Масленица», «Пасха», «Троица», «Первый выгон скота»). «Перед Ильиным днем в четверг пекли колоб во всю сковороду, сверху смазывали его солوماتой [до выпечки]. Этот четверг называли “Баской Четверг”» [ЯАА, д. Веселая; СИС 21:8].

С Ильиным днем связывался ряд запретов, что определялось, в первую очередь, карающей функцией Ильи-громовержца. Скажем, в Индомане считали, что на Ильин день и Ильинскую пятницу нельзя «сено метать, дак. Гоорят, нет, дак и можот стог сгорить» [ЗКИ, д. Захарово, МИА 25:26]. Сре-

ди других распространенных запретов: запрет купаться и есть землянику после Ильина дня. «А землянку дак нельзя ись. Што, если станёшь после Ильина дни ись землянку, дак будёшь спать, дрёмать будёшь. Вот мы и не или» [КМГ, д. Хошково, ССН 9:75].

Запрет купаться мог мотивироваться по-разному: «Илья-пророк сунув в воду лёдок» — вода холодная [КНЯ, д. Сидорово, МИА 25:65; КУН, д. Задняя Слободка; СИС 25:15]. «Илья-пророк опустил льдинку в воду, теперь не купайтесь» [МНИ, д. Мыс; МЛМ, д. Сальниково; СИС 21:67; ЛМФ, д. Мосеево, СИС 21:13].

Также считали, что вода после Ильина дня осквернена, испорчена чёртом: «Со второго августа не купаются: в этот день выкупался и нассал чёрт в реке... После Ильина дня ни за что не купались!» [ИАН, д. Малая Чаготма; СИС 22:62об.]. По другой версии «в Ильин день чёрт с солью приезжает», что в первую очередь угрожало девушкам: «А купацца, дак это чуть маленько, дак: “Чёрт с солью приехаў! Топерь, деўки, не купайтесь — чёрт с солью приехаў!...” Ну, так страшшали. И топерь: “Чёрт с солью приехаў. С Ильина дни, — гыт, — купацца нельзя — чёрт с солью-то приехаў вот, дак. Как вас поймает, осолит и всё! — вот и станут. — Поймает так и засолит!” Мы и боимся итти купацца» [ТАМ, д. Трифоново; ССН 8:33].

Чёрт в местных поверьях соотносился с водяным, также наказывавшим купающихся с неположенное время. Скажем, чертом дети нередко запугивали друг друга при купании: «Приговаривали што: “Чёрт тебя хватит, если останешша одна, — выйдем из реки дак. — Чёрт (она там назаде есте), чёрт тебя хватит за ногу”. Дак рёвом заревят-то все-то, бежим вперде-то, друг-то друга перегоняем. Чёрт схватит за ногу, дак!» [ДЕГ, д. Росстань; ССН 9:61].

Эти поверья стали основой некоторых быличек (см.) о тех, кто пренебрег этим предостережением: «Говорили: “Не ходитё, там водяной есть!”. У нас одна девка двадцатигодовая побежала да: “Водяной ухаў за солью!” Как зашла, тут и потонула. Только волосья развеяло. Дак вот эдак вот: пошёў, пошёў выюнком, и сразу и потонула. Не глубоко и было, неглубоко. И добро ей, поди: язык вытянула [=зря сболтнула] — водяной уташшыў» [ММФ, д. Крощачево; СИС 22:75об.-76].

Поверья о чёрте, связанные с Ильиным днем, перекликаются с представлениями о святочной нечисти (см. «Святки», «Крещение»). Мотив приезда чёрта с солью нашёл отражение в святочном ряженье, например, в сценке «Лёд или соль продавать» (см. «Кудеса»). Катание девушек на святки или масленицу в снегу (см. «Масленица») также на Русском Севере часто определялось как соление.

КАМЕШКИ

Одна из самых распространенных летних детских игр, известных на территории всего Вологодского края. Играли в нее преимущественно девочки. Усевшись где-нибудь в кружок и установив очередность (см. “Кориться”), каждая клала перед собой небольшие галечки (обычно пять). Игра состояла в том, чтобы подбросив вверх один камешек, подхватить с земли один, два, три или четыре лежащих камешка, и затем поймать подброшенный. Если при этом камешек падал, то игра переходила к другой. «Один [камешек] подбрасывает и потом хватает этот [с земли] и штоб этот [первый] словить надо очень быстро, вот. Значит, пять раз по одному, а второй раз (это “кон” считался) уже по два склад(ы)вают эти вот камешки, парочками: одна парочка и вторая парочка. И опять также: камешек подбрасываешь, ловишь, вот. Сначала двумя руками, потом одной рукой. А потом, значит, после двух камешков надо все четыре схватить, все четыре. В кучку ложат и, значит, схватываешь и ловишь — этот уж приходится выбросить-то выше» [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:72об.].

«В камешки — эх и я играла... Не сосчитать топерь, сколько камешков было! Было и около десятка. Вот один камешок в руке, дак вот выкинешь этот камешок, а другой (с)хвратишь и этот на(д)а поймать, надо по одному [хватать] и откладываешь. У кажно своя кучка. Все выловить надо. Вот пока не поймаешь, пока не стронишь камешка из рук, што вот не поймав, да и этот стронив, значит уш ты не играэш больше этот. Другие там кидают» [НМП, д. Мыс; МИА 23:11об.].

Выигравшей считалась та, которая первой закончила выполнять все фигуры. Проигравшую же наказывали — «давали цапки», т. е. говорили: «Гуси кусают, лебеди царапают, петухи гребут», — и одновременно щипали («кусали», «царапали» и т. д.) ее за руку [ЯАА, д. Веселая; СИС 21:9].

Слепцова И. С.

КАРАВАЙ

Каравай — обрядовый хлеб круглой формы, выпеченный специально на свадьбу. Изготавливался из ржаной и пшеничной муки. Обычно караваем встречали молодых после венчания в доме жениха его родители. Однако каравай как обрядовый хлеб употреблялся не только в свадебной, но и в предсвадебной обрядности. Так, например, им благословляли молодых во время сватовства. «Вот напечен каравай. Дома пекли такие круглые, как решето всё равно што. Пожалуй, што больше, то лучше. А сверху делают ямочку, дак в ямочку эту поставят солонку там небольшую какую. Накладут

соли, и потом встречают молодых» [ЗАП, д. Ушаково; МИА 24:Ф1994-11Волог. Оп. № 51]. «Каравай высоко поднимают и несут на вытянутых руках, когда молодых от винца встречают» [ЕНА, д. Новая Деревня; СИС 22:3]. «Коровай делали — я сама [делала]. Это дело было. Коровай испекёшь изо ржаной муки, да такой испекёшь порядошной — вот поменьше сковороды. На жаровню там кладёшь — высокой получищя... А ничем у нас дак не украшали. На полотенце — и молодых (в)стретишь. Сольцы кладёшь тут да отломают, штобы сыйили по кусочку, и всё...» [АНИ, д. Зуево; МИА 24:88-88об.]. «И нонь делают коровай у нас. И раньше делали коровай. Вот коровай испекёшь, приедут молодызэ вот там вот-ки, это от ты выходишь, это от (в)стричаэшь» [МТК, д. Сапогово; МИА 24:59]. «Невеста да жених как едут от винченя, дак полотенцем коровай закинут, и идут за этим за короваем. Басили, полотенцам басили. А сверьху кинут на коровай полотенце баскоё. Их на лошадях привезут, дак оне это у крыльца стритят да вот и всё» [ЕТП, д. Гавриловская; МИА 25:38об.]. «Когда молодые едут, вот там уш зарегстрировалисе (ранше винчалисе, дак), ак тут матка и там вот батько выходят с коро(в)аем вот таким — большим. Кода ведут-то тут — никоо сразу не пускают. Первых молодых туда пускают. Там такие вот полотенца ишо, и вот с этим полотенцем выходит, так вот на руках дёржит-то эта, в тарелке-то. Вот такой вот кругленькой да. Ранше так делали» [ХЕП, д. Артово; МИА 24:25].

Встреча молодых с обрядовым хлебом, безусловно, имела глубокое магическое значение. На это указывают некоторые полевые записи, в которых зафиксированы интересные детали употребления караваея. Так, в ритуале встречи молодых обращают на себя внимание два момента. Во-первых, каравай выносился разрезанным; а во-вторых — после угощения новобрачных оставшиеся куски раздавались желающим из числа поезжан и зрителей. «Ёо розрезали — там вот сделают такой красивой там да принесут. Вот там каким-нибудь ягодкам баят или там энтим чем-нибудь таким, так — узёринкам всяким, колачикам элаким бываэзт ишо. Ак ну, так от ёо так убаят этот коро(в)ай-то, молодые там возьмут по кусочку, а тут остальные раздавают там. Вот и. Ак он у йих там приготоулён — розрезан таким чёрточкам. Чёо останецце, дак унесут потом домой опеть. Иново да унесут, дак и немного» [ХЕП, д. Артово; МИА 24:25-25об.]. Разрезание и раздача обрядового хлеба окружающим символизировали взаимное породнение жениха и невесты, а также тех, кто отпробовал караваея.

Если каравай выносили целым, неразрезанным, то «так наа откусить зубам невесте и жениху: который больше откусит, тот, значит, будет хозяин» [ЗАП, д. Ушаково; МИА 24:Ф1994-11Волог. Оп. № 52]. «А от венца везут прямо к жениху. Положат половик, постелют, как дорожка в церкве-то. С хлебом-солью встречали. Батько с маткой выходят, несут хлеба каравай и соль и вино. [А молодым] откусить хлеба надо было — кто больше откусит» [ККС, с. Липин Бор; ССН 10:5-6].

Впрочем, молодых встречали не только хлебом, но и солью. Иногда к хлебу и соли прибавлялось вино, причем сосуд, в котором оно подавалось, затем разбивался. «Когда встречают с хлебом-солью и две рюмки водки подносят. Кто больше откусит, первый выпьет и разобьет рюмку, тот первый в доме будет» [ЯОП, д. Сальниково; СИС 21:45].

Известны и другие действия с обрядовым хлебом. Например, воровство каравая у дружки девушками в доме невесты перед венчанием. «Один коровай завязан в скатерть (ну, небольшая такая скатерть) и кладёт на стол. И как-то ошибёнце, отвернеце — вот девки и украдут этот коровай. Вот он и выкупаёт» [ГЕИ, д. Тарасьево; МИА 25:Ф1994-16Волог. Оп. № 91]. Дело в том, что дружка должен привезти каравай, полученный у невесты в доме, в дом к жениху. Хлеб же в данном случае выступает в качестве атрибута новобрачной, является ее символической заменой, а его кража по смыслу приравнивается к краже невесты. Дружка, разумеется, выкупал не только каравай, но и саму невесту, которую «охраняли» подруги, исполняющие по этому случаю специальные ритуалы. Таким образом, выкуп каравая являлся лишь небольшой частью развратной церемонии выкупа невесты перед венчанием.

Островский Е.Б.

КАЧЕЛИ И СКАКУХИ

Одним из самых старых и излюбленных развлечений подростков и молодежи, составлявших отличительную черту пасхально-троицкого праздничного периода, были качели («качу́ли»). По традиции их обычно сооружали (или обновляли) каждый год перед Пасхой. «Качели ставили к Паске, всю Святую неделю качались на качелях на сараях» [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:87об.]. В каждой деревне существовало строго установленное традицией место для качелей: в центре деревни или на каждом ее конце, на лугу, «на горúшке» или около реки. Порой устанавливали несколько качелей: «И маленькаа, и большаа: на берегу, среди деревни — две-три качули в деревне ставили» [КМС, КАС, КАС, д. Новосело; МИА 15:25]. Однако чаще всё же сооружали одни большие качели, которые становились средоточием всего деревенского веселья практически на все время от Пасхи до Троицы. Если же на Пасху еще лежал снег, то качели приходилось устраивать в гумне, там же собиралась молодежь на пляску.

Свидетельства о другой временной приуроченности качания на качелях единичны. Так, в д. Гора «сделают качели на улице мужчины в масленицу. Два столба поставят высокие. На концы встанут, а кто посередине сидит. Те, кто стоят, за ручки держатся, вот и раскачивают» [БТМ, д. Гора; ССН 8:16].

В хозяйственных постройках сооружали обычно и качели для детей. «Кто где сделает качу́лю. На сараях делали, да в овинах делали, да. Качулю,

знай, сделаем, да качаемсе. Паска-то в другой раз ишó в зимé бывает, дак всяко бывали. Это в детстве. А уш большие-то дак качались — на улицах качули были. Сами качалисе, кто придёт на качулю» [НАИ, д. Веселая; МИА 23:76]. «Когды ишо были подростками, дак качели наделают в каждом овине, дак качались. А кто на улице сделаэт качель дак» [АТК, д. Макино; СИС 23:35]. Иногда сооружение качелей связывалось с наступлением весны, а не с празднованием Пасхи. «Ак Паска-то ведь разная. Когда снег, вода, дак тогда какие качели? Это уш качели делали, когда обсохнет. Вот у йих там [=в д. Шугинó] дак на берегу, когда сухо станет, снег растает, да просохнет всё, ак потом и делали... Всё лето качающца, пока сама не упадёт...» [ЛАФ, д. Мосеево; МИА 23:61об.].

Нередко качание на качелях и сопровождавшее его веселье переходили из одной деревни в другую, следуя за «крестами», т. е. иконами, которые в Пасхальную неделю приносили в каждую деревню из прихода (см. «Пасха»). «В той деревне, где кресты, туда и люди, там и пляшут» [МФФ, д. Гора Тимофеева; СИС 22:25].

Наиболее распространенными были качели, представлявшие из себя укрепленный на двух столбах вал («валóк», «валёк»), свободно вращавшийся в специальных проушинах («ушáх»). В вал врубались две или четыре жерди, удерживавшие доску — сиденье. Выступающие над валом концы жердей обычно связывали веревками или ремнями или соединяли металлическими скрепами. К каждой паре жердей прибавляли поперек поручни, за которые держались качающиеся. Столбы, высота которых могла колебаться от трёх до пяти метров, подпирались с одной или с двух сторон массивными досками или слагами — «откóсинами». На такие качали обычно садилось несколько человек. В д. Новосело рабочая часть качелей внешне напоминала букву «А», стоящую на широкой массивной доске. Жерди, образующие стороны равнобедренного треугольника, вставлялись в продолбленные в доске сквозные отверстия, а их концы сверху и снизу прочно связывались веревками или ремнями. Качающиеся становились на концы доски и держались за поперечные ручки, прикрепленные к жердям (на уровне перекладины буквы «А») [КМС, КАС, КАС, д. Новосело; МИА 15:25]. «Вот элак поставят два стовба, да эту сделают... Обычно элако бревно ста(в)ят и ... А тут эти, вот такие [жерди] придельвают. А тут качуля — доска» [НМП, д. Мыс; МИА 23:11-11об.]. «Сделают стовбы, поста(в)ят. Вся качель на них держицца. А с боков откóсины такие поставят, штобы не расшатывалась. Стовбы закрéплены...» [БАМ, д. Янино; МИА 23:11об.]. «Сделают дере(в)янную качелю на столбах. Деревяннаа. Такой вал, откóсины, а там доска внизу. Большая качеля — дак чело(в)эк десеть вмешшалосе...» [ЛИМ, д. Шугино; МИА 23:61об.]. Более старой формой можно, видимо, считать качели на кóзлах: «Валóк такой сделают, и вот как это у нас щас называющце — “кóзла”, элака штука деревяннаа. Внизу доска длинная, и там человек шесть-семь входило. Ранше делали и на верёвках. Силь-

ноо всё сделают, крепкоо. Это взрослые парни делали. Да-а, в первую очередь штобы девушки покачались...» [БАМ, д. Янино; МИА 23:11об.].

Сооружали качели парни в свободное от будничных работ время. В благодарность за это девушки одаривали их яйцами, которые те, устроив складчину, тут же жарили и ели. «Девки за эту качелю яйца собирают. Большаа сковорода. Ребята тут на улице жарят эти яйца. Ну, у нас “колотухой” называли. Яичница — ак “колотуха”, “колотухой” называли. Готовят эту “колотуху” и йили без всякой выпивки. Этоо не было, штоб выпивали...» [ЛИМ, д. Шугино; МИА 23:61-61об.].

Раскачивали качели либо парни, либо сами качающиеся девушки. «Ребята — ногам [раскачивали]: станёшь стбя...» [БАМ, д. Янино; МИА 23:11об.]. «Сами сидят на концах или стбя — и пошо-ол!» [ЛИМ, д. Шугино; МИА 23:61об.]. Парни, отличавшиеся особым удальством, раскачивались на качелях так, что переворачивались по инерции вокруг оси по несколько раз подряд.

Качание на качелях, как правило, сопровождалось пением. «Как же, как же, песни всякие пели. У-уй, чёб делали! Да там было страшно и подойти иногда. Чёо дёльвали, дак!..» [БАМ, д. Янино; МИА 23:11об.]. В 20-30-е годы это были лирические песни или частушки, которые начинались словами “На качулюшке качалась” и продолжались в зависимости от фантазии исполнителей.

На качулюшке качалась,
Потеряла брошку.
Не ругай меня маманя,
Я люблю Сережку.

На качулюшке качалась,
Какая вышиная!
У Машиного Миши
Дом какая вышина.

На качулюшке качалась,
Под качулюшкой вода,
Бело платье подмочила,
Мама ж... надрала.
[БАН, д. Митрофанова Гора; СИС 22:25].

Для детских качелей, устраивавшихся в овинах или на сараях, вместо жердей, как правило, использовали веревки. Для трёх-пятилетних малышей могли устраивать качели и зимой в доме. В этом случае веревку продевали сквозь специально вбитое в матицу кольцо: «Подушку под зад — и пошол!» [КМС, КАС, КАС, д. Новосело; МИА 15:25]. Реже веревочные качели ставили на улице. Обычно они также предназначались для детей или подростков, которых еще не пускали на большие качели. В деревнях, расположенных вблизи от озера, для устройства детских качелей нередко использовали старые рыбацкие сети. «У нас вóто наделаны качули, дак мерёжки [=сети] наprivязываны. Дак вот девочки выходят, садяцца в эту мерёжку и качающца» [НМП, д. Мыс; МИА 23:11-11об.]. Иногда родители использовали это детское развле-

чение для своих чисто практических нужд. «Холстов мама много ткала, очень много, и мы их вытя(г)ивали. Перекинет на сараз через балку, внизу завяжат, вот мы на этих холстах всё и качались. И холсты вытянуцца. Оне выбеляцца — всё, знаэш, ссядуцца, и вот на качуле на этой вытягивали холсты. Качались долго-долго, а потом они вытянуцца, она выкатаэт их, укладёт в стопку...» [СЕВ, д. Задняя Слободка; СИС 25:21].

В отличие от взрослых, которые переставали ходить на качели после Троицы, дети могли качаться все лето. Для этого на сараях «веревку перекидывали в несколько рядов, потом у доски на конце вот так накручивали. А потом садились. Двое на концах стояли. В середине сидели несколько человек, и боком садились, и верхом садились». По-одному на этих качелях не качались. «Это вот когда из дерева сделают качели, вот там можно было одному» [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:88]. «На верёвке и всяко было... Через переднюю верёвку кладём [доску] и верёвкой заматаэм вот эту жо опять дёску. Конец вот элакой дóвгой стават, а верёвка, например, вот тут вот так — не в один ряд. И тот конец элак. И вот встават на конец человек и на другой. За верёвки дёржацца. Дак так и качаемсё. Дак так укачаимсё, дак до блеóтины. Это в Паску дело было» [БАЕ, д. Малеево; МИА 24:Ф1994-10Волог. Оп. № 44].

Если на качелях качались поодиночке, то возникала необходимость установить очередность. При этом в Вашкинском районе иногда могли играть в специальную игру, более широко распространённую в других районах Вологодского края. Играющие бросали старый веник-голик тому, кто сидел на качелях, в ноги, а он старался отопнуть голик подальше, чтобы никто из собравшихся не смог его поймать. Иногда для этой цели шили специальный продолговатый мяч («в виде дыни комок из тряпок» — ПМП, д. Никольская; СИС 21:33). Когда, наконец, кому-нибудь удавалось схватить голик, он шел качаться. «На качели катались, веник старый, голик, бросали. “(В)злупнёшь” ногой, он и улетат, там и хватают. Не (с)хватит — еще качаешься» [МНИ, д. Мыс; СИС 21:3]. «Это перед Паской, перед праздником качелей наделают на улице, на сараях. Качули дере(в)янныеэ, так вот виники ишо подпинывали. Хто качаэцце, так вот тому виники кидают. Виник как отпихнёт ногами, как ты поймала виник: я уш выходи, ты садись» [ААК, д. Естошево; СИС 26:38]. «А мы — вот эти, маленькиэ — мы бегаэм (качули нависят) по качулям качаэцце. В огороде-то стовбы были элакиэ высокиэ поставлёны, и на эти на стовбы повешаны качули. А качули дере(в)янныеэ были. Сделают из (в)итвин элаки гужи и вот заколотят клинышки туды в этот — наверх. Вот качули надевали на эти. И мы тут качались. Бросали голик. Голик — ну, веник, просто веник. Вот хто поймаэт этот веник, тот садище качаэцце» [ОУА, д. Опрячкино; СИС 26:62].

Помимо качелей в Вашкинском районе была известна простейшая разновидность каруселей, которую называли «бегунками», «гиганнами» или

«гиган(т)скими шагами». Их конструкция была достаточно простой. На вершине прочно установленного высокого столба (в д. Новосело его высота достигала пяти метров — КМС, д. Новосело; МИА 15:25) укреплялся штырь, на который надевалась крестовина из плотно пригнанных друг к другу перекладин, свободно вращающаяся вокруг него (в д. Новосело вместо крестовины употребляли железное колесо). К концам перекладин привязывались веревки с петлями внизу, которые могли служить качающиеся своеобразным «сиденьем». Расстояние между «петлями» и землей колебалось от одного до полутора метров. На таких качелях качались либо самостоятельно, схватившись руками за одну из петель и разбегаясь вокруг столба до тех пор, пока натянувшаяся веревка не отрывала бегущего от земли, либо при участии специальных помощников, которые длинными палками с развилкой на конце — «сёрками» — подхватывали веревки и кружили сидящих, стараясь поднять как можно выше. «Делали еще гиган(т)ские шаги. Ставили высокий-высокий [столб], ну, бревно, можно сказать, ставили и там уже вешали перекладину такую. Вешали ее там [на штырь]. Вот. И к концам приделывали длинные веревки. Веревки делали из конопля. И на конце верёвки пётля, на которую садились, держались. И вот побегут: сначала бегут такими большими шагами, а потом уже поднимаются кверху. А еще брали сёрку, штобы выше, выше поднимать. Вот этой сёркой поднимали верёвку которые бегают, и вот тогда уже очень высоко! Я боялась. Высоко-высоко поднимали, на целое бревно надо туда подниматься» [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:87об.-88].

В дд. Покровское и Калитино «бегунки» устраивали «с весны, ковды празники: в Троицкое заговеньё, Ильинскую пятницу (заветный праздник), Фролов день». Раскручивали их большим колом [КМИ, д. Покровское; КАФ, д. Калитино; МИА 15:18]. В д. Новосело на «бегунке», который устанавливали обычно посреди деревни, дети и подростки катались всю весну и лето. По воскресеньям к нему приходили и взрослые. Качающиеся стремились продемонстрировать своё мастерство собравшейся публике («сидят на скамейках, глядят»). Для того, чтобы определить кому качаться следующим, мерялись на палке (см. «Кориться»), причем сначала бросали палку тому, кто сидел «в петле» на «бегунке», а затем остальные перехватывались выше того места, за которое он сумел схватиться [КМС, КАС, КАС, д. Новосело; МИА 15:25].

Еще одним развлечением, тесно связанным по смыслу с качелями, было скакание на доске — «скаку́ха». В Вашкинском районе оно было гораздо менее распространено, чем в других местах Вологодского края. «Положишь чурбак, доску длинную положишь на чурбак, одна станет на конец, другая на другой. Значит, одна стоит тут, а другая как прыгнет на этот конец — попадешь или не попадешь на этот конец» [АКТ, д. Макино; СИС 23:39об.]. «Скакали на доске летом и зимой... Прыгали девочки и мальчики — чурак

подложишь под доску и скачешь» [КАС, ФВН, д. Новосело; МИА 15:27]. В д. Лукьяново наиболее ловкие подпрыгнув, поворачивались на 90° или 180° [КМИ, д. Лукьяново; СИС 22:51]. Иногда упоминают и о других фигурах, выполнявшихся участниками этого развлечения в воздухе: «На доске скакали — были уш годов (по) шешнаццать, пятнаццать, ак и четырнаццать. Кладём чурбан большой. Доску широкуу выберем, длинную — ну, метра два элака. (А) три, дак ишо лучче. Вот одна на конец стаёт, а другаа на другой. Вот ты и вѡзьмѣшь — ка-ак прыгнѣшь! Та как слетит туды, дак метра два туды подлетит вверьх. Потом та падаэт на конец — ты полетишь. Дак так, альни сердце замираэт... Ногам всяко делали. И што и пѡлетишь, дак ногам элак всяко росширишь, элак и туды подогнѣшь, и всяко...» [БАЕ, д. Малеево; МИА 24:131]. Хотя дети начинали скакать на доске как только сходил снег, в некоторых деревнях эту забаву запрещали до Пасхи [ПМП, д. Парфеново; СИС 22:54об.].

Островский Е.Б., Морозов И.А.

КИКИМОРА

Демонологический персонаж, одновременно связываемый с лесным миром и с крестьянским хозяйством: «Кикимора — в лесу будто как старуха, в подполье живёт» [МЕФ, д. Маньково; ССН 8:30]. Кикимора или Мара, по представлениям жителей Вашкинского района, имела характерный внешний облик: «Детей тоже пугали Марой: “Сицяс Мара забирѣт — вот там, на вышке!” — “Какая, бабушка, какая Мара-то? — вот у миня внучата уш это маленькие. — Баушка, какая Мара-то?” — “Придѣт жѣншына такаа, старуха — вся замазанная, грязная, в саже, в грязи. Вот это и есь Мара”. Мара — от слова “марáэцца”, ну, “пачкаецца” иначе. По-нашому. У нас в деревне все гыт: “Уй, как замаралась-то, смотри-ко, как Мара! Ну-у, как Мара замаралась!”» [ЛАФ, д. Мосеево; МИА 23:52об.]. «Кикимору вспоминать вспоминали: оденется как-нибудь [=плохо], дак вот и кикимора» [БТМ, д. Гора; ССН 8:16]. Марой могли называть также любую «блазнь» или привидение [РПФ, д. Аверино; ССН 9:57об.].

По многим признакам этот персонаж близок к «грязнухе», «ледяной» или «белой бабе», встречающимся на Русском Севере. Эти мифологические персонажи, тесно связанные с народным культом Богородицы (Божьей Матери), наказывают женщин за нарушение запретов при работе. В Вашкинском районе также сохранились некоторые поверья, связывающие кикимору с прядением. «Эта. Я никак этао ничѣму ни верю. Аэ, ну, што где-то брякаэт, только ходит кикимора — ма-а-ленькая! Ак: “Баушка, хто она?”»

— “Она, — говорит, — маленька старушка, — говорит. — Вот скока у нас семья, столько и их симья. Вот на печной столб сядет, прядёт. Слышишь, веретном колотит?” А там нихто ни колотит ничёб. А, бывало, полóжона берёстина. А билё занесёно было на грядкё, каплёт на берестину, как веретно, этим, пяткой, веретном-то стучит. Ну, ак кака кикимора?... А в двенадцать часов ночи — приходит и садицца на печной мос(т) — столб. А печной столб рядом с печкой стоит, если печка скреплёна, да она как ограждениё» [КНИ, д. Глухарев; МИА 23:109об.].

По поверьям, кикимора или Мара следит за девушками во время прядения. «Пугали девушек Марой: “Если не благославясь прялку положишь, значит, Мара там шшолчков нашшовкáэт!” — дак куделю-то и перепортит. Вроде, узлов на этом, на кúжле навязет ниткой... [У] девушек, и женщин, и всех — наа благословясь прялочку положить: “Ну, слава Богу, сёдня попряла!” — нá ночь...» [ЛАФ, д. Мосеево; МИА 23:52об.]. Данную угрозу приводили в исполнение парни, если заигравшиеся на беседе девушки надолго оставляли прялку с пряхей (см. «Беседы»).

Кикиморой часто пугали детей: «Мама пугала нас: “Не шалитё, вот кикимора выйдет из подполья!”» [ИАВ, д. Ильино; ССН 13:3]. «Говорили робятам: “Не ходитё, там кикимора есть в поле! В поле есть кикимора!” Какая кикимора — тоже не знаю!» [ММФ, с. Вашки; СИС 22:76].

Все эти представления нашли отражение в святочном ряжении (см. «Кудеса»).

Смольников С.Н.

КОЗЕЛ

Персонаж ряжения, на территории Вологодского края встречающийся довольно редко: в других районах обычно ряжутся «быком». В Вашкинском районе святочная маска «козла» была распространена наряду с маской «быка» и порой употреблялась одновременно с ней. Сценки с участием «козла», как правило, достаточно незамысловаты. Их основной смысл — в том, что козёл бодает («буткáет») народ, причем это действие обычно носило эротический оттенок: «Бодал, под юбку поддевал» [МАИ, д. Устье; СИС 22:35об.].

Чаще всего эту маску водило два человека. «Козёл придёт дак буткáлсе. Девок буткал. Полог такой, а там два человека, рога окладены. Два человека, взади человек и спереди человек, а тут вилы кляли, как-то запёханы, а положом завешено, дак не видно, что вилы-то. Вилы деревянные, большие. Дақ вот этим вилам-то и бежит и буткáэцца. Козла да покойника боялись» [ЛАФ, д. Панино; СИС 23:2об.]. «“Козла” водили — два челозка, значит. И он прыгаат. Ухват делали тут как рога (намотаашь это, верётишшо-то — и

как рога), а морду — валенок на ухват. Один держит ухват там, а второй взади (он сгибавсе). И длинный батог так привяжут [поверх спин], значит, вдвоём. А если нао, вроде, прыгнуть на коо-то этому козлу, значит, подыма-эт этот ухват, а тот присажáэцца. А [сверху] от по́логом, верéтишшом таким — как полог (раньше домотканные полога были большиэ). Или одяло большое, штоб до полу почти» [БНС, д. Пиньшино; МИА23:21]. «Козёл — на четвереньках бегаёт, блеет, рога от козла, не бодался. Покажется, покру-тится» [ПМП, д. Парфёново; СИС 22:54].

Нередко “козел” приходил с поводырем: «“Козёл” интересный был кудес. Двóе: один водит, а другой скачот... Голо(в)а закрыта и к голове как-то ухват пристроят — тут эти, ухват-то обмотан — как рога у козла. Шуба тожо вывернута наоборот. Скачот, будаёт, особенно девок. Вот у нас Олëха, этот Михайлов, — этот ходил, дак прискочит-то, знаэш, как козёл в окку-рат» [ЛИМ, д. Шугино; МИА 23:44].

Особая разновидность этого персонажа встречалась в Ивановском и Мосеевском сельсоветах, где «козла» или «козу» наряжали с использованием решета, как в Центральной и Южной России. «Робята ходили козлом. Вот это ухват сделают, возьмут ухват, да как эти вот вилы деревянные-то, раньше сено-то метали, трéхрогие эдакие были. Да наздóбяцца. К голове — так козла и сделают, как похоже тут на рога и всё тут — козёл и козёл! Согнувшись ходил, как горб сделан, решето кладовáли, решето привязвали тут, не знай на хвост ли куда. При(д)úт тут, знаэш, будят оне, вилам-то вертят, дак дума(е)шь-то! Тут элак вот [нагнёт] голову-то эдак и начнёт будáть. Дак рёву, визгу-то тут всё на биседе, Господи! Мы вся беседа разбежимсе! А он чё? Побегает, побегает, да больше чё будет делать? Убежит обратно» [МФФ, д. Тимофеева Гора; СИС 22:44-44об.; ЗАП, д. Ушаково; МИА 24:Ф1994-11Волог. Оп. № 29]. «“Козой” — на четырех ногах, рога из ухвата на голове, полог сверху, под полог на задницу решето. Девок буткала, детей гоняла с беседы» [КМС, д. Мосеево; СИС 21:15].

В д. Мытчиково в 20-е годы сценка с козлом могла завершаться разбира-сыванием экскрементов. «У нас Олëха Королёв “козлом” нарежавси. Ак водит один ходит — поводырь-то водит ёо. Ну, хо(д)ит по кругу, будаэт это. Ну, буднуть-то он не буднёт — у ёо вилы вместо рогов там. Или ухват, или там вилы дере(в)янные вот ста(в)ят, шобы хребет-то быв до́ле. Што большой, дак на спину привяжут вот. Дак вот нарядят козла, ак он насыт тут! В квартире. Да! А некоторые ак ишо нагадит тут, и всё это сделаэт: оправщи-ца, што козёл» [БДП, д. Мытчиково; МИА24:Ф1994-9Волог. Оп. № 81].

Слепцова И.С.

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ

Один из жанров детского фольклора (см. также «Пестушки и потешки», «Заклички и приговоры», «Кориться»). К сожалению, в Вашкинском районе этот вид народной поэзии находится в забвении. Колыбельные знают и при необходимости поют только пожилые женщины.

Истоки колыбельной песни восходят к глубокой древности, по своей структуре и функции они близки к заклинаниям, которые должны обеспечить малышу хороший сон и здоровье. С этой целью мать или нянька призывали к младенцу «сон да дрему», а с принятием христианства — всегдашних хранителей ангелов и Бога.

Маленький ребенок, не понимая слов, воспринимает в первую очередь мелодию и близкий к биению сердца ритм, плавность и размеренность которых успокаивают его и постепенно погружают в сон. На это же нацелен и звуковой рисунок песенок — частое повторение одних или близко звучащих слов, мягких согласных. Через колыбельную песню происходит самое первое приобщение к родному языку и музыке, знакомство с традиционными образами народного творчества, прежде всего с теми, кто служит символом дома и покоя. Но «котики» и прочие действующие лица колыбельных нужны только затем, чтобы показать единственность малыша. Замкнутый, интимный мирок колыбельных вращается вокруг ребенка, он неизменно главный герой этих несложных песенок.

«Это маленьким можно было байкать».

Спи, дитя мое, усни,
Сладкий сон себе возьми.
Улетела от кота,
Была мачеха лиха,
Она била кота,
Приговаривала:
— Не ходи-ко, кот,
По чужим дворам,

[Н]и качай-ко, кот,
Малых детушок.
Приди к нам ночевать,
У нас Ваню качать.
Уж я серому коту
За всю работу заплачу —
Дам кувшинчик молока,
Дам кусок пирога.
[ККС, с. Липин Бор; ССН 10:16].

«Я много знаю “плетушок”, хто как байкал».

У кота-боркота
Была мачеха лиха,
Она била кота,
Колотила кота.
— Не ходи, котя,
По чужим домам
Чужих деток качать.

Приходи-ко, котя, к нам
Нашу девочку качать.
Уж я тебе, коту,
За работу заплачу —
Дам кусок пирога,
Дам кувшин молока.
[САМ, с. Липин Бор; ССН 11:13].

Сон ходил по синечкам,
Дрема́ по новым
В сарафане кубовым,
Баюшки-баю.
[ННС, д. Сухарево; МИА 25:99].

Сон да дрема,
Поди к Ване в глаза.
Спи-ко, Ваня, засыпай,
Бог твой сон хранит.
[ПЕС, д. Тарасьево; МИА 25:87].

Одна из любимых тем колыбельных — предсказание будущей богатой и счастливой жизни ребенку.

Спи-ко, Шура, Бог с тобой,
Божья Милость над тобой.
Бай, баю, бай.
Шура вырастет большой,

Не пойдёт гостить пешой,
Батько лошадь запряжёт,
Шуру в гости повезёт.
Бай, бай.
[ННС, д. Сухарево; МИА25:99].

Баю, баюшки, баю,
Лёжит барин на краю.
Он не беден, не богат,
У ёо много ребят —

Все по ла(в)очкам сидят,
Все пола(в)очкам сидят,
Кашу манную едят.
[КАА, д. Слизово; МИА 25:73].

Баю-баюшки-баю,
Спать сыночка укладу.
Укладу сыночка спать
Во пуховую кровать.
Во пуховую кровать —

Никому не дам кричать.
Ой, вы кутки-собачки,
Не лайте-тко,
У м(е)ня милово сыночка
Не пугайте-тко.
[КАЛ, д. Сементьево; СИС 25:33].

В колыбельных редко присутствуют страшные персонажи. «Начнут баюкать маленькоо младенца»:

♩ = 116

Нотация Е.Г.Богиной

Ходит бука по сараю,
Говорит, што напугаю.
На сарае тукачи, [тукач=обмолоченный сноп]
Да буке некуда ле(г)чи.
[ВЛФ, д. Ивановская; СИС 24:2об.].

Бай-бай-бай-бай,
 Не ложись, сынок, на край,
 Придёт серенький волчок,
 Тибя схватит за бочок.
 [КАЛ, д. Сементьево; СИС 25:33об.]

$\text{♩} = 108-120$ Нотация Е.Г.Богинной

Ба - ю - ба - ю - бай, да бай Се - рё - жу - ми -
 лоо, лю - лю - лю. Я Се - рё - жу не ру - га - ю.
 пой - ду в ре - чке ис - ку - па - ю.
 ба - ю - ба - ю - бай, С бе - реж - ка по - по - ло - шу, е -
 му здо - ро - вья по - про шу, бай - бай.

Баю-баю-бай
 Да бай Серёжу милоо,
 Люлюлю.
 Я Серёжу не ругаю,
 Пойду в речке искупаю,
 Баю-баю-бай.
 С бережка попошусь,
 Ему здоровья попрошу,
 Бай-бай.
 Бай да побай,
 Да не ходи-ко на тот край.
 Люлюлю.

Не ходи-ко на тот край,
 Под своим окном играй.
 В том краю собачки злыз,
 Есь робятка боевыз,
 Набьют батожками,
 Закидают камешками
 Баю-бай.
 Люли-люли, люли-люли,
 Не отдам Серёжу в люди,
 Бай-бай.
 В чужих людях хорошо,
 Да белым ручкам тяжело.
 [ААК, д. Естошево; СИС 26:48].

Как правило, отдельные колыбельные песни исполнялись непрерывной чередой, различные сюжеты сплетались в единую цепочку, которая все тянулась и тянулась, пока ребенок не засыпал. Вот пример такого рода:

Баю-бай, баю-бай,
 Спи-ко, Ваня, до поры, / 2 р.
 Пока точат топоры.
 Придёт времечко-пора,
 Разбудим, Ванечка, тебя.
 На роботку будем звать,
 Неохота Ване вставать.
 В руки косынку даём —
 Ты коси хоть не коси, / 2 р.
 Всё по травушке ходи!

Спи-ко, Ваня, бог с тобой,
 Божья милос(т)ь над тобой.
 Божья милос(т)ь
 Ване в баюшку лёжилась,
 Ване в баюшку гнёлась,
 Правой ручкой обнялась,
 Призадумаласе,
 Приокутыласе.
 Спи-ко, Ваня, милой мой,
 Глазки, Ванечка, закрой!

Ой, ёлки-матушки, ой!.. Спи-ко, Ваня...

Ходит бука по сараю,
 Гов(о)рит: “Ваню напугаю!”
 А мы буконьку уьём,
 Ванюше шубоньку сошьём.
 Баю-бай, баю-бай!..

Божья милос(т)ь
 Ване в баюшку лёжилась,
 Ване в баюшку гнёлась,
 С Ваней рядом улеглась,
 Правой ручкой обнелась..
 [КАА, д. Трифоново; МИА
 24:Ф1994-11Волог., № 68].

В Вашкинском районе порой можно встретить колыбельные литературного происхождения, такие как «Спи, младенец мой прекрасный, баюшки-баю» М. Ю. Лермонтова. Иногда какие-то их части вкрапляются в традиционный текст, например:

Баю, баюшка, баю,
 Спи, дитя моя родная,
 Бог твой сон хранит.
 Твоя матка шансонетка
 По ночам не спит.

Баю-баю, баю-бай.
 Спи, дитя, засыпай.
 Спи, усни, глаза зажми,
 Ангельский сон в себя возьми.
 [ПЕС, д. Тарасьево; МИА 25:87].

Слепцова И.С.

КОЛЯДА

Обычай «колядования», т. е. рождественского поздравительного обхода домов, некогда бытовавший практически повсеместно, в Вашкинском районе в 20-е годы сохранялся только в некоторых деревнях по р. Кеме и на юго-востоке, в местах наиболее раннего заселения. В других деревнях он был вытеснен «христославлением» (см. «Христа славить»). В д. Новосело его исполняли 13-14-летние подростки (девочки и мальчики), обходившие

дома рано утром на Рождество («утром рано, и в шесть часов придем, под окошком хавкаем — гулом все закричим»). Текст коляды исполняли на пороге или под окном.

Коляда, коляда накануне Рождества.
Мы ходили, мы искали святую коляду
По всем по дворам, по заулочкам.
Нашли коляду у Ивана на дворе.
Иванов двор, железный тын.
Середине двора три терема стоят,
В первом терему — красно солнышко,
Во втором терему — алы звездочки,
А в третьем терему — малы детушки.

Колядку исполняли те, кто постарше, а все остальные хором подтягивали: «Коляда-а-а!» Затем «один заходит в дом; ему дают пироги, сахар. Где много дадут»:

Дай тебе Боже семьдесят коров,
Пятьдесят нетелей,
Штобы по полю ходили,
Только зыгрывали.
Домой приходили,
По подойнику доили,
По ушату накопили!

Хором: «Коляда-а-а!» Если подавали мало:

Дай тебе Господи
Одна корова
И та нездорова,
Токо по полю ходила,
Штоб здристывала!

После того как обходили всю деревню, собирались в избе одного из участников и устраивали чаепитие [СЕА, д. Новосело; МИА 15:34-35].

В некоторых местах колядованием сопровождался обход домов ряжеными-«цыганками» (см.). «У нас ходили под Рождество колёдой. Вот там наберут, наредят “цыганкам”, идут к окошкам, вот придут к окошку:

Колёда, колёда,
Што уш наша-то колёдка
Не велика, не мала,
Дай вам Восподи сорок короў,
Петьдесят нетелей!

Выходит хозяйка, зовёт в дом. Накладывают йим що: тут и масла, тут и толокна (ну раз “цыганки” так они с котелками) — всё им накладывают — мяса,

и ени это носят. А една [=хозяйка]: “Ой, к лешому! Только давай! Ходят наредяцца, да тут народ полошат”. Веть народ-то всякой раньше быў. Быў жадной, быў скупой, быў такой ехидной какой-то — народ веть всякой быў. Так деўки рыкнут тут:

Дай вам Восподи
Дристунюшку нажать!

Што корову-то дристунюшку. И побегут табуном. Ну, я-то не ходила, я только это запомнила, я бегала ешо собачкой...» [ААК, д. Естошево; СИС 26:22об.-23об.]. «На святках тожо вот и ходили, колёда. У нас вроде так наредяцца тожо, вот девки-то “цыганками” наряжались, да вот ходят по дереўне тожо. Свои песни какие пели там. Дак как хорошо хозяин отнесёцца к йим, дак и они хозяину добра желают. А есь идно [кто-нибудь] ишо и не пустят (там эть они по избам ходили), идно и в избу не пустят, да(к) как оне хозяйина не будут ругать?!» [ОУА, д. Опрячкино; СИС 26:55].

Обход обычно завершался совместной пирушкой колядовщиков: «У них уш изба отведёна. Уш такую избу — раньше тожо избы эть были, одне старушки жили — ну ак ени уш такую, окортомлено. Ени — веть это деўки ходили, не бабы! — ени вот в эту избу несут, (в)сё жарят-парят... Соберутсе в избе, тут затопят печку. Ак и деўки тут саломаты намешают, всё тут — олашек напекут, всё тут наделают, мяса нажарют. Едят да пьют. А вот парней так не видала, не звали парней, парни не пойдут эть. Это девчата, девчата. И деўки ходят тут не один день. Доедают всё тут» [ААК, д. Естошево; СИС 26:22об.-23об.].

Пережиточной формой колядования являлись, судя по всему, варианты обходов «красивых кудесов» (см.), при которых группу ряженных составляли и девушки, и парни, причем молодежь, как правило, наряжалась в одежду противоположного пола. Эти обходы некогда, по видимому, носили поздравительный и благопожелательный характер. «Приходим, дак в святки, што, мол, там поздороваемся с хозяином, скажем, што: “С праздничком! С началом там этих, с Рождественской, с этими, святками. Поздравим вам, вот, пожелаем вам!” Как же, поздравим. Потом хозяин, хозяйшке там. Мы чё-то пели тут йим, а теперь не помню, чё уш тут собирали... И частушки пели. А хозяин скажет: “Ну-ка, попляшите!” Мы уш тут выходим с частушкам: все, не одна, не вторая, а кто што умеэт, и парни, и девки, всё — вроде тут и повеселим йих. Другой раз с нами вот ходил всё подросток, гармонист ищё ходил с нами, штобы — надо хозяэв, штобы оне дали да што — дак заслужить» [ИАН, д. Малая Чаготма; СИС 23:21об.].

Морозов И.А.

КОРИТЬСЯ

В большинстве игр спортивного типа выбирали водящего или делились на команды, употребляя при этом предметы, использовавшиеся в игре. Так, одним из самых распространенных способов было «мерянье на палке»: «на палке мерялись, кому имать и кому сохучацца [=прятаться]» [КМИ, КАФ, д. Покровское; МИА 15:18]. Игроки по очереди перехватывали руками палку, и тот, кто последним мог удержать ее за конец, становился водящим. Иногда водил («гонялся») тот, чья рука накрывала палку сверху (это положение называлось «крыша») или ставил на «крышу» кулак — «трубу» [БЮП, д. Калитино; ФВН, д. Новосело; МИА 15:38, 25]. Во многих играх (см. «Лодыжки», «Лапта», «Городки», «Охуткой») бросали игровой предмет и замечали, как он ляжет, либо применяли жребий на лучинках, спичках или палочках. Один игрок зажимал в кулаке несколько палочек величиной со спичку, одна из которых была короче остальных, чтобы снаружи оказались только их кончики. Число палочек соответствовало количеству игроков. Затем все тянули по очереди палочки из кулака. Чья оказывалась самой короткой, тот должен был водить.

В ряде случаев водящим оказывался самый неумелый игрок. Так, перед игрой «в чижа» (см.) часто подбивали «чиргу» палкой: кто набивал наименьшее число очков, шел в поле. В тех играх, где применялись палки (см., например, «Попа на прогон»), водящего выбирали обычно следующим образом: игроки ставили палку на вытянутый носок, придерживая другой ее конец рукой. Затем, отведя ногу назад, резким движением посылали палку вперед. Тот, чья палка отлетела ближе всех, считался водящим. «Корилися — бросали палки с ноги или рукой» [КЛА, ФВН, д. Новосело; МИА 15:24]. В некоторых случаях этот жребий несколько видоизменялся. Палки бросали рукой, но с тем условием, чтобы они летели кувырком, ударяясь о землю попеременно то одним, то другим концом — «копылялись» или «кувырялись». Это называлось «копылялки бросать». Так, скажем, определяли очередность при игре «городкам» в д. Новосело [КМС, КЛА, д. Новосело; МИА 15:24, 25]. Иногда выбор водящего совершался по формуле: «водитель — по желанию, остальные по росту» [ЛВИ, д. Покровское; МИА 15:13].

Существовало также немало считалок, представлявших из себя своеобразную игру: проигрывал тот, на кого выпадало последнее слово, он и становился водящим в следующей, основной игре. Приведем некоторые типы считалок, бытовавшие в Вашкинском районе с 20-х годов вплоть до наших дней.

Перводан, другодан,
В три, в четыре заиграв,
(вар.: Все четыре заиграв)
Пятьсот судья,
Пономарь свинья...
[ЛАД, д. Москвино; ССН 9:84].

Чикилики, микилики,
Летали голубилики,
(вар.1: По божьей росе,
По поповой полосе — д. Макино;
вар.2: По Кеме-реке.
Там чашки, олашки,
Медок, сахарок,
Выйди вон, королек! — д. Лейбручей)
По кусту по насту,
По белому ли касту.
Шгучка — три,
Сахарок, медок,
Пооди вон, уголёк!
[ЛАД, д. Москвино; ССН 9:99об.;
КАА, д. Макино; СИС 22:57; ГМФ,
д. Лейбручей; СИС 22:14об.].

Пере, ере,
Чухо, рюхо,
Пято, сото,
Иво, дубо, крѣс,
Долгий нос
Пятак унёс!
[ЛАД, д. Москвино; СИС 25:45об.;
ММФ, д. Кропачево; СИС 22:5об.].

Шла кукушка мимо сада,
Наплевала на росаду.
Ты, кукушеца, кук,
На зеленый луг!
[ММФ, д. Кропачево; СИС 22:5об.].

Катился яблук круг огорода,
Кто его поднял, тот воевода.
Воеводина жена принесла семерых:
Гришку, Мишку,
Трех Матрен да Луку с Петром,
Да Сидора, да Макара,
Да дедушку Захара.
[ЛАД, с. Вашки; СИС 22:69].

Первинчики, другинчики,
Летали голубинчики
По кусту, по насту,
По жеребьёву касту.
Щучка, оплётка,
Соколик, вон!
[ГМК, д. Сементьево; МИА 15:59].

Чикилики-микилики,
Летели голубилики
По кусту, по русту,
По белому по насту.
Прело, горело,
За морѣ летело.
Церква Никола,
Анна Быкова.
(вар.: В море пало,
Церкву затопяло.
В церкви икона,
Марья Быкова! — д. Москвино)
Тюли-юли,
Кошка хлюп!
[АНИ, д. Зуево; МИА 24:91;
ЛАД, д. Москвино; ССН 9:99об.].

Шани-мани,
Што под вами,
Под железными столбами,
Шишел-мышел,
Сам пошёл,
Наде шапочку нашёл!
[КУН, д. Задняя Слободка; СИС
25:8об.].

Шла старушка мимо сети,
Ей попали злые дети.
Все кричали: “Куку-мак!”
Убирай один кулак!
[КАЛ, д. Сементьево; СИС 25:34].

Курило-мурило,
Фока, Ярмило.
Протасьев сын
Попал под тын,
До свету пролежал,
Потом встал и убежал.
[КАА, д. Макино; СИС 22:57].

Жили-были дед да баба,
Ели кашу с молоком.
Рассердился дед на бабу —
Хлоп по пузу кулаком!
[ИАН, д. Малая Чаготма; СИС 22:63].

В этой маленькой корзинке
Есть помада и духи,
Ленты, кружева, батисты,
Что угодно для души?
[ММФ, д. Кропачево; СИС 22:5об.].

Иногда при конании применялось сразу несколько считалок, следовавших одна за другой:

Пёра, мара,
Шига, лыга,
Пято, сого,
Иво, дубо,
Крѣс!

«Этот выходит. Потом опять, всех переделаяшь:

Соломина, соломина,
Огашка, тетерька,
Сокол!

Этот опеть вышел...» [КУН, д. Задняя Слободка; СИС 25:8-8об.].

Некоторые типы считалок очень близки по форме к пестушкам и потешкам (см.) или представляют из себя фрагменты плясовых припевок:

Туру-ру, туру-ру,
На поповом на лугу
Потерял мужик дугу.
Шарил, шарил, не нашел,
Шишел-мышел сам пошел!
[КУН, д. Задняя Слободка;
СИС 25:8об.].

Цынцы-брынцы балалайка,
Не моя жена Парайка.
Моя Пашенька,
Растопашенька,
Шевели-ко ты ногой,
Три копейки за тобой!
[ИАН, д. Малая Чаготма; СИС 23:24].

Аба-аба-абака,
Была яма глубока.
Там сидели мышки.
У попа на вышке.
(вар.1: Ама-ама-амака,
Была яма глубока.
Там играют мышки. — д. Берг;
вар.2: Раз, два, три, четыре,
Жили мышки на квартире... —
д. Логиново).

Одна мышка околела,
Всему свету надоела.
(вар.1: Одна мышка околела,
Много сахара поела. — д. Берг).
Поп под стол,
Попадья на стол.
[ККС, с. Липин Бор; МИА 15:4;
ФАП, д. Берг; МИА 15:59; МДП, д.
Логиново; СИС 21:28].

Девки, бабы лён прядут,
Прялки на небо кладут.
Вот те прялка, вот те лён.
Вот те сорок веретён!
[НАИ, д. Веселая; МИА 23:71]

КРАСИВЫЕ КУДЕСА

Хождение на святки «красивым кудесам», распространенное практически повсеместно, являлось, пожалуй, единственным видом ряжения (см. «Кудеса»), в котором могли принимать участие девушки. Только раз в году им представлялась возможность, пробежаться по чужим деревьям, обойти дома возможных женихов и посмотреть на них своими глазами. Кроме того этот обход можно рассматривать и как своеобразную «ярмарку невест»: девушки одевались в красивые наряды, плясали и пели перед хозяевами, стараясь показать себя с самой лучшей стороны в глазах родственников своих возможных женихов.

В обходе обычно участвовали девушки-участницы одной беседы («По одной не ходили: как же, што ты — по одной!..») — ЗПЕ, д. Парфеново; МИА 23:20об.). Самое пристальное внимание уделялось костюму, который продумывался и иногда даже готовился задолго до святок. Все участницы ряжения с большим удовольствием и в деталях вспоминали свои наряды. В большинстве случаев старались использовать старинную одежду, если ее не было дома, то брали у соседей или родственников. Обязательно прикрывали лица реденькими платками, стараясь остаться неузнанными. При этом нижний, тонкий, платок или кусок марли завязывали на шею в роспуск и перебрасывали на лицо, а затем поверх накидывали нарядный платок, шаль или надевали шляпку. Очень часто костюм украшался полотенцами с большими вытканными концами, которые обычно вешали на божицу, зеркало и стены (ими также отмечали почетных гостей на свадьбе).

«На третий день Рожества кудесам ходили у нас. “Красивыми”: рубахи — подолы вышитые и сарафаны кубовые или ситцевые сарафаны и кофты; юбки широкие, полосатые шерстяные (синяя, алая с белым, коричневая полосы) или из пестряди. Полотенца сзади или сбоку “стрекозкой” [=булавкой] зашпилишь. Лицо завешивали и сверху платок накидывали или надевали шляпки соломенные с широкими полями. Вязал их один местный мужик на продажу. Красил солому и плел узором. Под шляпку — платок ситцевый. “Красивые” и днем и вечером ходили» [ПМП, д. Парфеново; СИС 22:53]. «Придут иной раз кудеса рознаряженные, эти, — раньше ить женщины-то выходили взамуж, дак у йих было старинно всё. Дак придут эдакие в сарафаны да кофты да всё, да вышитые, дак будь здоров!.. Закрывали лицо, платок [в роспуск] вот здесь [=на шею] завязвали, штобы никто у тя не стащшыл, и платочёк вот так [=сложенный на угол] наверх» [ВВП, д. Никоново; СИС 24:5об.]. «Придут другой раз баские. И игрок с йим с гармоньей. Пляшут, пляшут! Платьё-то хорошее, и полотенца вышитые надеты и на плечи, и по поясу. [Крест-накрест] по плечам, на поясе завязано. Лицо закрыто. Да веть в сапогах придут в хороших!» [ЛАФ, д. Панино; СИС 23:4]. «И всякие женские эти рубашки эти, да. Кто какоё можот чёо

найти: бабушки давали нам сарафаны свои, рубашки вышитые давали. Нарядимся, напляшемся сколько надо этими кудесами» [ЛАФ, д. Мосеево; МИА 23:49]. «Мы на Ивановской жили. Мы старались одевать старинное. У нас у мамы была такая из пестряди вытканы юбки с оборкам. Пока бегаэм, у нас юбки — все, бывало, подóлы обстынут, дак мы в дом заходим, как в колоколе! Подол стоит, как колокол. В лаптях приходили на беседах, одинешь портянки и всё в крестик завернёшь, завернёшь [оборы]. Пока пляшешь в избе-то оттают портянки-то, а на улице-то выскочишь — на морозе замерзнут, опять в другой раз оттают. Дак только лапти шумят. А пока бегаэш из избы в избу и лапоточки-то разваляцца. То застынут, то оттают, то застынут, то оттают. И разваляцца! Ой!... И вот одевались, бегали, а сё равно не бросали. Ой! Тут только и ждём святок, дак как какво праздника» [ВЛФ, д. Ивановская; СИС 23:41, 45об.].

Одной из целей «красивых» было посещение бесед в соседних деревнях. При этом важно было остаться неузнанными. «О святках кудесам ходили у нас. Наздóбляцца кудесам, кто хорошим кудесом — хорошую снаряду, как дают матки, дак. Ну и давали так и соседи. Попросишь вот, придешь: “Бабушка, дай нам (ли тётушка) снарядицца кудесам сходить”. Дак она дас(т). Оболокёся, попляшошь, закроешся гвúхо, ш(т)обы тебя на узнали. Ну, раньше марли-то не было — каким ли тоненьким платком, чем ли. Это попляшошь сходишь, ну, поузнá(в)ают, поузна(в)ают, не могут узнать. Дак вот придешь и разболокёшься, придешь на беседу, да: “Сёдни были какие-то девки на беседе, не могли никак узнать”. — “По пляске не могли узнать?” — “Не могли. Не знаэм, што за девки”. Ну, ладно, не узнали, ничё не скажешь» [МФФ, д. Тимофеева Гора; СИС 22:44].

Гораздо реже использовали для ряжения новую праздничную одежду («нарядноо празднично платье»), что, видимо, было вызвано невозможностью достать старинный костюм. При этом не всегда закрывали лицо, так как пользовались косметикой: «И губки помажут, и... Надевали сáмо лучше платье — если не своё, дак суседки» [ЗПЕ, д. Парфеново; МИА 23:20об.].

Неотъемлемой частью обхода была пляска. Уже входя в дом, «красивые» спрашивали: «Можно ли войти поплясать?» Часто группу ряженных сопровождал гармонист, а если его не было, то девушки в первую очередь старались обойти те дома, где жили деревенские музыканты. «Ходили по всем домам: нарядимся, придём. Вот гармонист тут был, Федя Петров, гармошка (у) нёб была, он пиликав. Придём к нему, [он]: “У-уй! Дак пожалуста, девки! Ой, вой, вой! Ко мне какие девки-то пришли! Давай!” — “Ну, давай!” — гармонь возьмёт, сколько надо напляшемся. “Ну, типерь, — скажот, — ну, типерь покажитесь, кто вы?” Откроем лицо. “Ну, молодцы!”...»

Вот прибежим иногда и к бабушкам. Ну, гармошки нету — старуха, дак чё? “Ну, давайте, матушки, давайте, давайте!” — сковородку возьмёт, лошкучу возьмёт железную. Сама-то это, значит, колотит, а языком наигрывает —

песни поёт. А мы напляшемся, сколько надо» [ЛАФ, д. Мосеево; МИА 23:49об.].

Обязательной была и пляска «красивых» на беседе. «Парень с гармоньёй к нам ходил. Он придет на беседу пораньше, все кудеса [туда] придут — знают, што он ушоў... Играли всяко: в сков(о)роду позвонят, да всяко. Писен попоют, да по писням [пляшут]» [ЛАФ, д. Панино; СИС 23:4об.].

Разновидность «красивых» ряженных представляли группы, в которые входили и девушки, и парни, причем молодежь, как правило, наряжалась в одежду противоположного пола. Эти обходы некогда, по-видимому, носили поздравительный и благопожелательный характер и являлись пережиточной формой колядования (см. «Коляда»). «Приходим дак в святки, што мол, там, поздороваемся с хозяином, скажем, што: “С праздничком! С началом там этих, с Рождественской, с этими, святками. Поздравим вам, вот, пожелаем вам”. Как же, поздравим. Потом хозяйину, хозяйошке там — мы чё-то пели тут йим, а теперь не помню, чё уш тут собрали... И частушки пели. А хозяин скажет: “Ну-ка, попляшите!” Мы уш тут выходим с частушкам (все, не одна, не вторая, а кто што умеэт — и парни, и девки), всё, вроде, тут и повеселим йих. Другой раз с нами вот ходил всё подросток, гармонист ищё ходил с нами, штобы надо хозяйэв [повеселить], штобы оне дали да што, дак заслужить» [ИАН, д. Малая Чаготма; СИС 23:21об.].

Переодевание в одежду другого пола часто имело комический, фарсовый оттенок. При этом старались подчеркнуть половые признаки. «Бы(ва)ло один парень высокой — выше меня ростом был: “Давай, Кóлюшка, мы тебя севодня маскированным нарядим, сделаем!” А старшая сестра у меня была разведена: она вышла замуж, но разошлась с мужем — первая в селе разошлась с мужем. Ну, вот. “Счас мы, Колюшка, тебя оденим”. Вот и начали Колюшку одевать. Взяли ее лиф (она была полная) и платок шерстяной трикотажный, такой он мягкий, пушистый. Забили его сюда [=в лиф]. Потрогали — не узнать ребятам, парень или девка, вот. Подвели его. Ну, а юбка-то всё равно между ног болтается, между штанов-то. Вот и пришли (и мы пошли на беседу вместе с ним туда, где было сборище). Вот, дружок его этот схватил — как это, думает, што парень — схватил: “Уй, вымя-то, груди, — говорит, — как у девки!”» [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:77об.]. Такого рода сценки получили особую популярность в 20-30-е годы.

Девушки при переодевании в одежду парней ограничивались тем, что подвешивали колокольчики на пояс или запихивали их в штаны. «Красиво одевались, сáмо(о) красиво одевали. Идёшь — знашь у ко(в)о платья много, это у женшын — вот и идёшь: “Снареди кудесám!” Она уж приносит: “Вот, — скажет, — снаряжайтесь”. И хто как снарédицца. Вешали колокольчикито, знаэш: в штаны запехають, да тожо побегут. Колокольчики зазвонят, а не видно нигде — в штанах, дак. Комедили, тожо шалили всяко» [ЛАФ, д. Панино; СИС 23:4об.].

В такого рода обходах отчетливо прослеживаются брачные мотивы. Иногда в группе ряженных выделялась пара, называвшаяся «молодыми», которая копировала некоторые черты поведения настоящих молодоженов: «Нарезались “молодыми”, ходили кланялись всем, здоровались со всеми — на беседу придут» [ЗКИ, д. Захарово; МИА 25:27]. «И наряжались “невестам”, “невесту” ведут, причитают туто, хто плачет, хто это чёо. Они припевали, как невесту замуж отдавали. Вот это всё ходили. Ну, это кудеса тожо, кудеса» [ЕНА, д. Новая Деревня; СИС 24:11].

К «красивым» могли относиться и некоторые другие персонажи. Например, в д. Ваномозеро приходил человек, весь обмотанный куском ткани: «Матирьялом, мануфактурой весь обовьёцца. А хто в белом придет тут во всём элаком нарядицца — как невеста. Всяких бы(в)ало раньше! Красиво-то и наряжались. Ить наа: в матирьял-то весь-весь увьёцца, дак всё — и руки. Да всё разным-то! Дак ить залюбуёшьсе. Обматывающа прямо матерьялом целиком — там какой можот, сколько метров: можот пять, а можот шес(т)ь, а можот десеть. Вот она и путаэцца. Путаэцца — вся опутаэцца!» [ЖВН, д. Ваномозеро; МИА 23:29об.-30].

В послевоенное время «красивыми» могли считать и наряженных в военную форму. «Хорошим кудесам ходили — военным приходили. Придет, попляшот и всё. Солдатом парни снарезались и девушки» [ЛАФ, д. Панино; СИС 23:5]. «Вот у м(е)ня хозяин був моряком, дак морскóо платьё было у м(е)ня. А золовка была одна, любила кудесом ходить, дак вот снарядицца “моряком”. Тельняшки были да эти, рубашки-то с воротника́м элакиё, бескозырка была и была эта, фуражка морскаа. Бушлат був. Вот она снаредицца элаким интересным, хорошим кудесом и сойдет на беседу» [НАИ, д. Веселая; МИА 23:77]. «У нас, знаэте, была старушка в деревне, Наталья Николаевна, она умерла — вот любила ходить! Мы одеваэмся кто как попало, к ей придем все, такой па́ртией. Берёт вещевой мешок, шинэль одета, костыльк и табаку карман кладова́т — табаку-то веть раньше мало было! — кладова́т в карман табак, и угошшаэт мушшын, стариков табаком. И поёт всякие частушки военные. Эта уш любила ходить. Вот мы коновóдом с ей ходим. Коноводом ходим мы за ей, а она всякие поёт частушки. А мы все приплясываэм под эти частушки» [ВВП, д. Никоново; СИС 23:44]. Вместе с тем ряженный-«солдат» воплощал известный по сказкам и анекдотам образ героя-удальца, весельчака, хитреца и обманщика, способного посостязаться в хитроумии с самим чортом и сварить кашу из топора. «Вот в первый год после войны. У нас две вот тут женщины жили. Вот Марья вот эта: чудáчка такая она была в молодости! Да Марья Шúтиха ишó, вот Миши Федотова мать. Они подружки и такие чудачки: ну только бы што-нибудь вот где им почудить! И они што выдумали? Он [=хозяин дома] сидит, я лежу дóма (на печку зашла погрещца на сумéречках). А у нас тут зимовка была: мы в зимовке жили — ни в этом доме. А они кормили коней обе. И уговорились: оббе нашли

где-то две шинели. Ну, шинели-то худые! Шапки нашли, и нашли старое ружьё, сумки эти повесили и нарядились “военным”. Ну, лицо у них было или замотано или закрыто — уш ни знаю. Голос изменили. Я слышу (а он сидел валенки подшивал): зашли, вот так оглянулись обёе, [один] и гов(о)рит: “Драстуйте,” — там каким-то голосом таким. Он положил все инструменты: “Драсьте! Откуда, служивые, будете?” — он их ни узнал! Никак не узнать! “А дальние мы, — вот так и, — пустили бы ночёвать! Ночёвать, — мол, — вот типерь нёгде: мы вот отстали тут от пути, а нам ишо дальше надо попасть — на Кóркун от тудá. Типерь ночью ни пойдём!” И как от у них голос-то ни!.. Ну, могли они это всё сделать как-то. “Да я бы пустив, ребята, вас ночевать-то, — он сирьёзно, — пустил бы ночевать, да у меня вот семья большая!” Они ни могли удержацца — схохотáли! Обе схохотали, шо симьи-то никакой нет, он просто их не желáет пустить, так: “У меня, — говорит, — семья-то большая!” А одна эта и говорит: “Да хто у тебя семья-то?” — “Да вот у меня тут ребятишки убежали на улицу, дак много ребят, дак нёгде вам лечь спать-то!” Потом они как сосмиялись-то: “О-ой, вы халеры, вы такие, вы сякие!” — схватил эту вот какуй-то, ни знаю — хотел хлес(т)нуть их. Они обёе со смехом-то бегом!» [ЛАФ, д. Мосеево; МИА 23:53-54].

Как правило, хозяйева благожелательно относились к приходу «красивых» ряженных: приглашали их зайти, поплясать, подпевали или подыгрывали им при пляске. Иногда им устраивали какой-нибудь розыгрыш: «Дедушко с сыновьям с двум жил [беседу пускал]. Дак это девки придут на беседу кудесом, дак вот сажой обольют, водой сажной. Намешают воды, да девок обольют, да девки только побежали из избушки! Шалили, шалили, нарано шалили!» [ККС, с. Липин Бор; ССН 9:17об.].

Слепцова И.С.

КРАСОТА

В предсвадебных и свадебных обрядах «красота» — символ целомудрия невесты, девичества. Как показывают исследования, в общерусской традиции «красотой» в разные моменты свадебного обряда называются разные предметы: коса, девичья головная повязка, лента, специальный «кóсный гребень», украшенный цветами, веночек из бумажных цветов, елочка.

В Вашкинском районе «красота» встречалась во время девичника (накануне венчания) или в день свадьбы (утро свадебного дня) и была тесно связана с ритуальным расплетением косы невест, символизирующим окончание «дивьего века», расставание с девичеством и «вольной волей». Девичью косу расплетали и делали «пучóк» — прическу замужней женщины.

«Росплетали ко́су-то. Вот так росчѣшут по плечам, да вот и все. А потом уш в пучок и завьют, косы уш и не плетѣт» [МАЯ, д. Мытник; МИА 25:9].

Расставание с косой — один из самых драматических моментов предсвадебной обрядности. Обряд совершался в доме невесты. Само расплетание косы проходило торжественно и публично, в присутствии подруг невесты и соседей. Все это сопровождалось причѣтами, а иногда и ритуальной борьбой подруг с невестой, поскольку расставание с косой — один из самых драматических моментов предсвадебной обрядности. Обряд совершался в доме невесты. В некоторых случаях этой церемонии могло предшествовать «красование» — прощальный выход невесты на улицу в сопровождении подруг. Нередко «красованием» считался обход родственников невестой накануне свадьбы (см. «По соломатам ходить»). «Когда по причѣтам невесту водили, она с косой была. А уш ковда венчацца поехали, ак уш товда заплетали [пучок]» [КЕА, д. Липник; ССН 9:3]. «Красоту снимали. Там подруги надевают ей эту красоту, и там бабушки какие, сродники, надевают. Невесту оденут и ей водят из дома в дом. Там свои сродники вызывают — она ходит. По домам ей и водят с этой красотой. А потом с её красоту снимают, ковда ей поводят по соломатам. Она по соломатам обойдѣт, все причѣты ответдѣт — и с ей эту красоту с неё снимут... И вот снимали с её красоту и отпевали ей. А красота — ей надето на голову такоѣ, она ходит, у ей ленты тожо навязаны сюды эдак. И пока она ходит по полу, ак она кланяѣцца, а у ей красота на голове да ленты роспушшоны. А потом кокошничек с ей снимают и красоту с ей снимают, и потом её отпевают, красу когда с ё(ѣ) снимают» [КАВ, д. Мытник; ССН 15: 5об.-6об.].

Существовало две разновидности обряда «красования». В одной из них, более древней, «красоту» символизировала лента (д. Новая Деревня), в другой, более современной, (Киснемский, Ивановский, Андреевский с/с) — «цветы», «венки» или «венцы» с цветами из восковой бумаги. «Завтра свадьба, так это вот невеста ходит. Там на нее оденут платок, и вот ходит, кланяеще. Вот невеста ходит, и причитают там ей. Причитают ей, шо: “Росплети-ко русу ко́сынью, / Розвяжи-ко алы ленточки...” Вот ей косу росплетают, потом ленточку обиэрают. Раньше всё ак девушка, ак коса была, топерь уш на́о, шоб пучок, как уш [стала молодой]... А невеста там ходит, кланяещѣ» [ХЕП, д. Артово; МИА 24:26-26об.]. «Красоваться» могли не только в избе, но и на улице: «Лента надета, ходят, наредѣцца, ей причитают. Собирающа, на улицу выходят, там на улице попрочитают, а вечером косу росплетают» [ЕНА, д. Новая Деревня; СИС 22:3].

Вечер прощания с «красотой» назывался по-разному: «красоту сдавать» (д. Новая Деревня), «красоту снимать» дд. Гавриловская, Липник), «красоту красить» (с. Липин Бор) — и являлся одним из центральных обрядов предсвадебного этапа.

Разновидность «красоты» в виде венца с бумажными цветами мало характерен для севера России, поэтому его употребление в свадебном обряде

Вашкинского района представляет особый интерес. В Ивановском сельсовете невесте поверх волос «делали цветы ранше такие вот, как из красивой ти бумаги. Делали ей цветы такие вот на голову сюда — всё красивыэ-красивые! Такой от ремешок шириной, вот к этому ремешку дак напришивают всяких разных цветов таких вот, из красивых таких гумáг. Оденут там вот, да привяжут сзади бантичком, да и всё». Причем «красоту» девушки-невесты нередко передавали друг другу: «Дак уш иш ты — у коо-то уш свои, а [если своих “цветов” нет], тада бы уш у коо-нибудь у других просит. Иная, она подёржит, а потом кой-нить другой отдаст. Так вот и хо(д)ят к ей подружки» [ХЕП, д. Артово; МИА 24:27]. «Косу расплетут и венок с головы снимут — красота снята» [ЕТП, д. Гавриловская; МИА 25:37об.-38]. «А цветы — венок, венок про всяких бумаг. Ну, бумаги, знашь, продавались. Сейчас-то нету, а всякие [были] — зелённикэ, розовенькиэ, беленькиэ. Вот делают — очень красивые. И цветы эти надевают» [ГЕИ, д. Тарасьево; МИА 25:Ф1994-16Волог. Оп. № 86]. Реже упоминался этот обычай в других местах. «Хорошие веночки-то прэжные-то: хорошие восковыё, восковыё. Цветы-то так все и дрожат — вот из воска, очень хорошие!» [ААИ, с. Липин Бор; ССН 12:1об.]. «Перед венцом базили: всё (с)делают тут да, набасят да, не знай цё. Я не венцялась, а набасили тожо всяко. Цветы надевали да, там в пучок цветы — у коо восковыэ, у коо всякиэ, розовыэ. Вот тут букет в грудину. Волосы пучком уш закручивали, коса уш не идёт, там уваль надёта, дак. Уваль (в)он до полу. Волосы-то набасят, другие кудрей тут наделают, навьют гвоздикам да» [КУН, д. Задняя Слободка; СИС 25:11].

Иногда прощание с «красотой» не заканчивалось вечером предсвадебного дня, а продолжалось и на следующий день. Рано утром невеста символически передавала свою «красоту» сестре или ближайшей подруге. «Утром-то красоту сдавала» [ЕНА, д. Новая Деревня; СИС 22:3]. «Ковда ее увозили, дак “красоту” снимали, причитали, ковда к венцу повезут. “Красоту” снимали, значит уш поехала к венцу, дак уш деушкой больше не будёт — значит и “красоты” не будёт» [КЕА, д. Липник; ССН 9:4]. «Перед свадьбой причитали. Невеста сидит — венки тут этот, сарафан русской, рубашка русская — сидит. А кругом всё старушки причётают. А она плачот, а она ревит!» [ААИ, с. Липин Бор; ССН 11:16]. «“Красоту красят” в этих причётах да, тут и “красят”. Потом она передаёт венки другой подружке. Сымаёт с головы, передаст. Венки-то на голове, дак это “красота” и есь. Кто понравивца, тому и передаст, с кем больше дружила» [САМ, с. Липин Бор; ССН 11:2]. «“Красоту” в последний день передавали. Ранше последний день, што наа к венцу ехать. Ковда к венцу ехать, дак товда “красоту” передавали. Тут причёты-то и пойдут. Плачет девушка. А “красоту” девушкам передавала да» [ГМЕ, д. Пужомзеро; ССН 8:26об.]. «Откроют окно ли, там зимой — дак форточку: “Улетай, красна красота!..” Сымáэт этот венки с себя, надеваэт на подругу: “Тибэ сдаю, — значит. — Отдаю всю красоту” Про-

сто так и отдаст “красоту” — веночек этот снимет. Потом уш ничево не надевают» [ААИ, с. Липин Бор; ССН 12:2].

В Анциферовском сельсовете «там-от последний день и причитаэт, вот последний день и што красоту, красоту сдают. “Красоту” делали из гумачи из товстой. И нашьют всяко(в)о бисеру — красивая такая была и с лентами. Вот йона с этой и ходит, причитаэт. К матери подойдёт, а матка скажет: “Покрасуйся ты, матушка”, — ак она и пойдёт, што велела ишо покрасовацца. А потом как, эсли к дефки какой подойдёт, а дефка-та и снимет. Вот йона и запричитаэт, што: “Не пожалела моёй красной красоты, вольной волюшки”, — чё сняла-то. Вот это потом дефка какая и снимет. Косу расплетала дефка... [Красота], дак она потом какая пойдёт замуж, дак тем и дают да. Следующая, не каждой делали, што ты! Эдакая она вся избашона, не каждой делали» [ММФ, д. Кропачево; СИС 24:24об.].

Причеты невесты, в которых она прощается с «девьею красотой» и передает ее ближайшей подруге или младшей сестре, сохранились в Троицком сельсовете. «Вот я здесь родиласе, и я из этого дому выхожу замуж. Уш сёдни свадьба, венчанье. Вот из утра и начну. Ну, с утра не с ранново невесту снаряжают в русскую рубашку, сарафан русской, надевают цветы. Знать, тут причитают доўго, а потом причитают, што:

Уш ты лети, да уш моя да красна красота.
Опушшу я красну красоту,
Уш во своё да Белазеро.

Потом опять причитают:

Тут не место да не мёстицо	Да пристрелит да мою красну красоту.
Уш моёй да красной красоте.	Тут не место да не мёстицо,
Уш пойдут да ветры буйные,	Уш моёй да красной красоте.
Уш розобьёт да волнам быстрым	Опушшу я красну красоту
Мою красную да красоту.	Уш на пристань да на Кросинскую.
Опушшу я свою да красну красоту	Уш пойдут да пароходики,
Уш на тёмный да лес,	Разобьют мою да красну красоту.
Повешу да на зелёную да ёлочку.	Уш тут не место да не местицо,
Уш пойдёт да полисник	Уш моёй да красной красоте.

А потом уш последний [раз причитаэт], как есть — сестре. Ну, это вот цветы надевают на голову и потом складут на стол. Тут причетают: “Куды скласть?” Дак опять обирают: “Не место да не местицо”. Дак на голову опять. Невеста ходит, и причитают, как есть сестра — сестре:

Уш ты бери мою да красну красоту,
Моя сестрица, моя милая,
Уш красуйся в моей красоте.

А подруг! Поўная изба подруг!.. Это днём, днём, пока не приедет дружка» [ГЕИ, д. Тарасево; МИА 25:Ф1994-16Волог. Оп. № 86-87].

Островский Е.Б.

КРЕЩЕНИЕ

Крещение — один из самых значительных праздников в традиционном народном календаре, связанный как с православно-христианской (крещение Иисуса Христа), так и с дохристианской символикой. Христианская символика доминировала в общественно-зрелищной составляющей праздника: торжественная литургия, шествие крестного хода к иордани, водосвятие. Она же оказала существенное влияние и на семейно-бытовую обрядность этого дня. Так, одно из общераспространенных действий — окропление дома, хозяйственных построек, скота освященной водой. «Перед Крещеньем съездят на погост, привезут святой воды и везде ее поливают — в квашню, в колодец» [ОУА, д. Опрячкино; СИС 26:49]. Причем для этого могла использоваться и вода из любых открытых водоемов, также считавшаяся в этот день освященной. Отсюда запрет: «Грех после Крещенья бельё полоскать, говорят святая вода. Трое сутки, што: “Платъё не полощи!”» [ММФ, д. Крочачёво; СИС 22:86].

Нередко окропление святой водой получало истолкование в соответствии с главным дохристианским смыслом Крещения как дня, завершавшего святки (см.). В этот день выпроваживали «душек» в образе «кудесов», «святков», «чертей»: кропили в доме, чтобы «кудеса» или «черти» не ходили. С этой же целью ставили по углам крестики из лучинок. «Крестики из лучинки, я помню, мамушка ставила, на окно, ну, в уголки вот. И святой водицей нао побрызгать. А нын не ставят» [КУН, д. Задняя Слободка; СИС 25:5об.]. «Крестики из лучинок делали накануне Рождества и Крещенья. Клали на кужель, на квашню, на окошко, чтобы черти не опоганили» [ОУА, д. Опрячкино; СИС 26:49]. «На окна крестики, на квашню крестики. Уголь возъмёшь, нао сходить закрестить у хлева ворота, на улицу ворота — все углем нао закрестить. Это я и топерь крешшу... Из лучины, так это на окошко делали, ставили — (в)эть рам-то не мазали углём-то. Так это на окошко делали, на кадушку этот крестик. Вечером-то это нам матки лучины нашшыплют элаку, мы и делаэм. На кадушку, на квашню — везде это делали. А потом эти крестики изломаэм да в печь кинем да» [ААК, д. Естошево; СИС 26:30об.].

С этой же символикой связано омовение в иордани тех, кто ходил ряженым на святки. «Робята кудесам ходили, как жо купалисе [на Крещеньё]. Тут на реке это все были, там служили. А оне подальше туды, подальше отой(дут), там купалисе. В воду падут — и в байну прямо бежали» [СНН, д. Село; СИС 26:78].

С выпроваживанием «нечисти» были связаны и некоторые поверья. В Шалго-Будуновском сельсовете накануне Крещенья «седни, гоорят, черти поедут, ниток наматают. На огород шолковых ниток наматают» [ОУА, д. Опрячкино;

СИС 26:49]. «В ночь на Крещение в полночь поедут черти, будут ленты бросать, надо бежать искать» [БФИ, д. Речица; СИС 26:9].

С кануном Крещения были связаны гадания (см.). Различные предвещения приурочивались и к крещенской заутрене и водосвятию. «На девушек смотрели у заутрени в Крещение — у кого лицо почернеет, та замуж выйдет [ОУА, д. Опряхкино; СИС 26:49]. «Когда девушки стояли все вместе у иордани, обращали внимание на них: румяная — хорошая, а бледная — не совсем здоровая» [ЛАД, с. Вашки; СИС 22:69об.].

Минюхина Е. А., Морозов И. А.

КУДЕСА

В Вашкинском районе удивительно хорошо сохранилось святочное ряжение. В отличие от многих других фрагментов традиционной духовной культуры (колядование, хороводные игры, свадьба и др.) оно продолжало полноценное существование вплоть до 50-х годов нашего века, а в некоторых местах и в более поздний период, несмотря на запреты со стороны властей.

Ряжеными («кудесами» или «кудесам» — от слова «кúдес», «зимогóрами», «маскирóванными»), как и во всех прилегающих районах Русского Севера, ходили больше всего во время святок, т. е. в период с Рождества до Крещенья. Однако молодежь начинала наряжаться и устраивать обходы домов односельчан уже с Николы зимнего (19.12. по новому стилю). «Кудесам ходили после Николы и все святки. После Николы и всё Рождство — это вот всё кудесам ходили. Рождство как пропразнуешь, и с Рождства тут неделю и ходят эти...» [ЛАД, д. Москвино; ССН 9:92]. «В первый день Николы делали бал-маскарад и с этого дня начинали. Ходили до самого Крещенья. В Крещение и Крещенский сочельник — в эти дни не ходили» [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:78об.].

Повсеместно соблюдался запрет на развлечения во время больших церковных праздников и их канунов, поэтому маскироваться начинали со второго дня Рождества, и прекращали ряжение за два дня до Крещенья. «В святки кудесам красивым и рябóшным ходили со второго дня Рождества» [МНИ, д. Мосеево; СИС 21:11; КЕА, д. Липник; ССН 8:3]. «Всё больше на второй день Рождества ходили, за два дня до Крещенья переставали» [ЛАФ, д. Панино; СИС 23:6]. «В святки ходили, значит. Ходили с Рождества до Нового года. Новый год, например, вот сейчас четырнадцато(в)о, а девятнадцато(в)о — Крещение. Ну, дак вот четырнадцато(в)о сходят, пятнадцато(в)о сходят, шеснацатого, а семнацатого, восемнацатого мы и не ходили. Уже это святки кончающа» [АТК, д. Макино; СИС 23:31]. «В Рождество-то кудесам и ходят. Вот эти святки самые и есть. Мы уж и ждём две недели

святков. Как Крешенье подошло — уж всё закончили. Все кудеса кончились, неково и не станет. Все уш ребята идут на беседы, так они уш идут по другому [=в обычной одежде]» [МАД, д. Москвино; ССН 9:97].

Традицией поощрялось ряжение в это время и обход в таком виде домов. Например, считалось, что «если глаз не закроешь, дак все грехи не спадут» [ЗАП, д. Трифоново; МИА 24:Ф1994-11Волог. Оп. № 32]. «Закрытые глаза», т. е. маски-личины, завешенные платком или вымаранные сажей лица, были одним из важнейших признаков ряженных.

Можно выделить два основных типа ряженных-«кудесов»: «красивые» («снарядные», «хорошие», «баские») и «страшные» («рваные», «рябощные»), а также близкую к «страшным» разновидность — «смешные кудеса». Хожение по домам и беседам «красивым кудесам», распространенное практически повсеместно, являлось, пожалуй, единственным видом ряжения, в котором могли принимать участие девушки, стремившиеся под этим предлогом обойти возможных женихов и осмотреть их дома и хозяйство. «Девоч чело(в)эк по дваццать [на беседе] было, знаешь, дак по всёму — где ребята-то эти, женихи, так к этим всё ходили, смотрели в домах. Нарезалисе в сарафаны да в рубашки, лица закрывали, платок хороший наденут» [СНН, д. Село; СИС 26:82]. Кроме того этот обход можно рассматривать и как своеобразную «ярмарку невест»: девушки одевались в красивые наряды, иногда «женихом» и «невестой», плясали и пели перед хозяевами, стараясь показать себя с самой лучшей стороны. В послевоенное время «красивыми» могли считать и наряженных в военную форму (см. «Красивые кудеса»).

Галерея «смешных» и «страшных» кудесов, граница между которыми, впрочем, весьма условна, гораздо обширнее. К ним относится целый ряд антропоморфных ряженных, одетых по принципу «чем смешняэ, тем лучше», в том числе большинство персонажей и участников сенок ряжения (см. «Блины пекчи», «Бык», «Грамофон», «Козел», «Лошадь», «Медведь», «Мельница», «Покойник» и др.). Хотя при выборе костюма для ряжения известную роль играла личная фантазия, гораздо большее значение имела традиция.

Выделяется несколько основных черт, присущих облику «страшных» или «смешных» кудесов. Одной из главных является вывернутая наизнанку одежда, чаще всего шуба, использование старых, рваных, грязных или вышедших из употребления вещей и обуви. «Шубу-то выворачивали, шуба дак тут шуба вывернута на леву сторону, да и всё» [АТК, д. Макино; СИС 23:32]. «[Красивыми] не наряжались, а всё больше эдаким смешным, кудесам. Шубу вывернешь на леву сторону да, шапку каку-нибудь эдакую, уши повешалисе да, вот и пошли, в штанах да...» [ККС, с. Липин Бор; ССН 9:17]. «Мы ранше “зимогорам” называли всяко, и таким снаряжающо, и таким наряядца... А парень да и девка, и женшшыны молодые ходили и мужчины ходили молодые, дак

маскированным ходили... Ну, наденут на себя всякоё рваньё да нехорошово. Придут, почудят, да поговорят всякую ерунду да, а потом гармонь заиграет, дак и спляшут — и пошли!» [КЕА, д. Липник; БЕФ, д. Ваномозеро; ССН 9:5]. «Бывало, што и страшным ходили. Шубу вывернут на лэву сторону да, это тут што-нибудь накомкают [горбом], смешно...» [МНИ, д. Мыс; СИС 21:60].

В костюме «страшных» часто особо выделялся головной убор: «Женщины в берестяных бураках, рябковатые [=в тряпье], широким кушаком перепоясаны. Покомедят, песен попоют» [ВАН, д. Ушаково; СИС 21:50]. «Банку каковую на голову наденут. Просто прибегут да другие, которые как бояцца, дак тех и пугают» [БЕФ, д. Малая Чаготма; СИС 22:48об.].

Не менее важной деталью наряда как «страшных», так и «красивых» кудесов были прикрывающий лицо платок, реже маска. «Кудеса! Закроём лицо марлей — платочком. Из деревни в деревню — во все, все деревни оббежим. И “страшным” наряжались, и “хорошим” наряжались — это всё равно “кúдес”, “кудес”! “Кúдес” — это закрытый человек. Закрытый. Ряженный» [ЛАФ, д. Мосеево; МИА 23:49]. «Овчину ли чё ли одевали на маску. Маски шерстяные были... Зимогор дак зимогор — такой оборванный» [КЕА, д. Липник; ССН 9:6]. «Маски делали. Как лицо вырежут из бумаги, нос прилипят тут, как-то пришьют эдакой смешной сделают. Бороду да усы сделают, как-то прилипят. Раньше лён был, дак начёшут да элакую длинную бороду сделают. Вот, придет. А все бояцца молодые, знаэш!» [БЕФ, д. Малая Чаготма; СИС 22:48об.].

Характерной чертой поведения кудесов была непрерывная пляска под оглушающий аккомпанемент шумовых инструментов. «Ряженные плясали, плясали и эти, шаханы называли, брянчали, раньше на скот навязывали. Этих на себя навяжут, идут и брянчат. И с барабаном придут, были эти случаи» [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:77об.]. «Эти, овчины вешали всякиэ рипки. Овчины вот — от овец шкуры. Колокольчиков, шаркунов навесят. Заскачут, дак они, видите, на все эти голоса. Музыки никакой не надо — плясать можно» [ЛАФ, д. Мосеево; МИА 23:52об.-53]. «И “рваным” снаряжались, шаханов навешают, погремушек, колокольчиков» [ШТА, д. Мякишево; ССН 8:40]. «Ско(в)ородку вот так и так перетянут [веревкой] вдоль и поперёк и у ёй тут висит, а она ложкой колотит по дну или по боку. По боку, дак звук один, а по дну, дак другой. Вот и ритм подбираэт плесать» [КНИ, д. Глухареве; МИА 23:96]. «Играют дак вот тоже под пляску. Только играй. Или по сковородке там какой палочкой колотят, и так вкочачивают, што можно русского плясать» [ЛАД, д. Москвино; ССН 9:86-86об.]. Нередко ряженные плясали «под язык» или под частушки (см. «Пляска»).

Признаком, отличающим кудесов от всех остальных «нормальных» людей было также или полное молчание, или изменение голоса с целью остаться неузнанными. «Нет, не пели, кудеса у нас чё-то не пели. По голосу-то веть узнают, голос-то трудно изменить. Бывало, разговаривать надо да как-то, как шафкать начнёшь...» [АТК, д. Макино; СИС 23:31об.]. Особая манера речевого общения очень

часто упоминается как характерная черта поведения кудесов: «Только вот раз-го(в)ор смеяют — разговаривали грубо. Переменят, дак совсем другое дело. Одно дак совсем не узнать. Снарядища, дак еси из другой деревни, дак и не узнаэш... Не даваэцца открыть, никак не даваэцца, отмах(и)ваэцца, отпёхиват тебя, не даваэцца никак, штобы не узнали» [ВВП, д. Никоново; СИС 24:3]. «Кудеса говорили как-то смешно, да всё равно узнавали, как ни говорят, всё равно узнавали» [ЛАФ, д. Панино; СИС 23:4].

Среди антропоморфных ряженных выделяется несколько персонажей, чей облик и названия указывают на их связь с лесовиком и «духами растительности». «Веников напривязывают везде с боков и боков. На голову сена навывергивают, накладывают, как лесово́й [=леший]» [МЕФ, д. Маньково; ССН 8:29]. «Вот кудеса придут, пляшут вот это с веникам. Привязаны какие-то веники на плечах и поясе» [КМГ, д. Хошково; ССН 9:71]. «У нас наряжалисе — изо льна костюмы делали, из чёсаного льна, все эти повёсма, значит, и шли. Так вокруг этим повёсмам, значит, всё: и руки, и всё... Эдак и на шею тут навязошь, и юбку — вторыэ уш туды привязываэш дела. А лицо платком. Это поверх одежды... И шли. Плясали тожо, только плясали. Какие-то пили частушки — пляшот дак поёт!» [БНС, д. Пиньшино; ЖВН, д. Ваномозеро; МИА 23:30-30об.]. «Каким ли снаряжуся чудным кудесом, пойду. Ак кругом уж это оввяжу веников, да...» [НАИ, д. Веселая; МИА 23:77]. В д. Парфеново приходил кудес «весь в гороховиньи ёпутан — и на голове тожо горох, кругом горох! Горох, конешно, вымолочен был». Этот персонаж также «представлялся и плясал, шобы показать своё искусство. Поудивлялись все, да и всё» [ЗПЕ, д. Парфеново; МИА 23:20].

Позднейшие разновидности персонажей такого рода явно рассчитаны на то, чтобы потрясти воображение зрителей самыми необычными чертами облика. «В старый Новый год обычно ходили ряженные по улицам. Кто наряжался, ходили по улице. “Дядя Митя, наряди нас как!” Ну, отец у меня вообще толковый был: “Ладно, ребята, давайте!” Принесли три мешка, значит. Мамин сарафан-крашенинник — раньше из холста. Красили этими — белые пятнышки оставались, рисуночек белый оставался, а весь синий. Вот этот сарафан [надели] на две эти фигуры. Два парня [=вместе], значит. На эту ногу делали мешок с сеном, а у тово [парня нога в другом мешке]. А вот эти вот [две ноги] тоже в один мешок — и оказалось три ноги. Три ноги, одно туловище, две руки и две головы. И одели платочки. Вот они целый день ходили по селу!» [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:77об.-78].

Отличительной чертой «страшных кудесов» можно считать стремление организовать свое поведение в виде особых драматизированных сценок, иногда с достаточно развернутым сюжетом, а иногда построенных лишь на одном-двух мотивах. Наиболее простые из них очень близки к святочному и масленичному озорству (см. «На шально делать») и являются символической формой насме-

шек, издевок над девушками. Вместе с тем эти сценки имеют «испытательный» смысл, напоминая шутки над неопытными и новичками (см. «Подшучивания и розыгрыши»). Особое место среди них занимали завершавшиеся битьем присутствующих девушек и зевак. «Придут ишо и с погонялкой. Дак ишо хлѣшут!» [МНИ, д. Мыс; СИС 21:60об.]. «Уколы делал палкой. Ткнѣт в платье ли куды ли. В руку или в спину» [ЛАФ, д. Панино; СИС 23:4об.]. Нередко битье сопровождалось вымарыванием зрителей сажей. «“Мазу́тами” ходили — с сажей. Махали веником, везде сажа летит. Их выгнали и они больше не приходили» [ПМП, д. Парфеново; СИС 22:54]. К сценкам такого рода относится «печенье блинов» (см. «Блины пекчи») и «чистка труб». «Ходили “трубочисты”, трубы чистить. Там разведут ишо и сажи в этой, в какой ли банке. Дак чистят-чистят, машут-машут там чистой, а потом макнут в эту в сажу, да ишо и девок выпачкают, какие платья ли, блузки ли, чѣ ли... То посиюцца, то некоторые, недовольные, разворчацца девки, дак ишо и расплачуцца, што там кофту ли чѣ ли запачкали» [АТК, д. Макино; СИС 23:32об.]. «Те “маляры” — придумали, дура́цияцца так — наведут сажи да, ходят да. Сажа-та налажена в горшке да, мажот да. Тут шум пойдет, рев пойдет. А людей-то ведь на бѣсиде не один человек, их там пѣльной дом. Збáлмош это всё! Это “кудеса” — святки» [ААЯ, д. Гавриловская; ССН 15:1об.].

«Махание вениками» могло быть связано и с другой символикой — парением в бане. «С веником идѣт сзади женшшына, другая идѣт с “робѣночком” — “бабка”. Робѣнка эта родила, идѣт парить. Такая тубаретка ли, лавки есть, дак вот тут повалят робѣночка. Веником напазгáт, напазгáт, робѣночек ревит (сами как-то сделают, порявкают), а веником пазгáт. Веником нахлѣшшут, раз в байне моют: “Попарить на(д)о, простыл, попарить, попарить на(д)о!” Эту “рожѣнку”-то нахлѣшшут по спине, нахлѣшшут тожо. Ево с водой, воды ешо тѣплой в какую нальют, да это виничек намочут, да это хлѣшшут, штобы на всех летело. Хохотали, знаэш, смизлись» [ЛАФ, д. Панино; СИС 23:5].

Еще один распространенный мотив — потчевание девушек принесенными «гостинцами»: замерзшим лошадиным пометом или льдом. «Лѣд приносили — “сахар”. Льду насску́т, вот и принесут. Как элако да вывалят на пол. Вот сидит: “Сахару!” — продаваэт сахар, — “Берите сахар!” Возьмут нарошно, возьмут по куску. Не возьми элако! Не возмѣшь, дак ведь худо, уш надо взять, выручить» [ЛАФ, д. Панино; СИС 23:4об.]. В других деревнях сценка символизировала «продажу соли»: «Льду наломают да катают “продавать соль” по избам. Всяких было тожо. Нарошно продавали лѣд, кудесам когда ходили. Ницѣ не просили — так давали» [АМИ, д. Гавриловская; ССН 15:2об.]. Нередко в качестве «угощения» предлагались экскременты и сценка носила вызывающе непристойный характер. «Вот я роскажу — не записывайте только! Возили “скипидар”-то. Посадят мужика на санки — закрыт кузовом. Ходит тут, ходит один: “Отпусти скипидару!” Тот ссанѣт — прямо из этый, из-под кузова (там сделана дырка). Не на

девушок, нет, — прямо на пол! Сколько попросят, столько и делаю. Потом укатят-то, на этих же санках укатят обратно» [ЛИМ, д. Шугино; МИА 23:46об.].

Кроме девушек «пострадавшей стороной» обычно оказывались и хозяйка дома, где устраивалась беседа, особенно если они не могли сладить с буйной толпой кудесов. Так парни могли досаждать тем, кто как-нибудь их обидел. «“Молотить” ходили. Принесут этот, тукач соломы. А тукач вот, ну, как большой сноп хлеба-то. Тукач соломы принесут — раньше в тукачи вязали, вручную молотили, видишь, дак. С середины этоо тукача завёрнуты угли. И начинают. Цепа(м) — по настоящшему “молотило” у нас называэцца — молóтят, молóтят. “Теперь, — го(в)орит, — надо подавать!” А “подавать” — значит нада разворошить этот тукач. Начнут “подавать”-то — сажа-то вся и полетит! Там у их измолочено всё да розбит уголь-то, видишь! ... Пóдковыри(в)ать наа, видишь. Тукач измолотят, а потом перебирают этим, граблѐишшом (такой палкой — подаваэш, штобы ишо лучше было бить). Тут сажи сколько поднимецца, дак Боже избав! ... Да потом, ой! К хорошим хозяевам, дак не смеют зайти, а где бабѐнки, вдовѐнки жили, дак к тем. Беседы-то были не в одном доме, а по очереди, видишь, раньше ходили. Ну, эсли — ты уже знаэш — мужик здоровый, дак сразу вышибѐт. Ну. А вдовѐнка, дак чѐо она мóжет сделать?» [ЛИМ, д. Шугино; МИА 23:47-47об.]. Подобная забава могла также называться «мельницей» (см.) или «кузницей». «“Кузнецы” приезжали: уголья навалют на стул, или на пол, или на чего и колотят. Потом уйдут и это всё оставят» [ПАИ, д. Мосеево; ССН 8:4об.]. «“Кузнецы” ходили. С углѐм ходили — тут уш понатовкут! Да вот дере(в)янна — типа наковальни — положат угли и свишшут. Так — уголь-то розбивают» [ЛИМ, д. Шугино; МИА 23:46об.].

Еще одним излюбленным мотивом представлений кудесов было высмеивание девушек и их занятий, а также испытание девичьей чести. «Кудес. Это кудеса́м мы элако ходили. Ну, в красивом. При(д)ѐт, за прявку сядет, прявку кладѐт и отдѐргиваэцт, прядѐт. Раньше прями, умели как прясць. Попрядѐт да опять и пошла с этой пряхкой» [ЕНА, д. Новая Деревня; СИС 24:11об.]. «Два “купца” приходили, один продает девушек, другой покупает. Кто продает — хвалит, а другой — хаёт» [МАИ, д. Устье; СИС 22:35об.]. «Осподи! Какая-то к нам пришла, гли-ко, кикимора или там, гли-ко снарядилася как, ну. Наздева́ла на себя. Придет женщина, наздева́эццэ — не одно платье оденет! Платьѐ, платье ниже, ниже, выше, выше, выше, там платок оденет. Зимой дак нао, штобы было тепло, или пальту́шку какую ли нарастопашку оденет. Приходили с пряхкой, обыкновенная пряхка, кужелѐк небольшой, сидит и этой, прядѐт: не прядѐт — натяг(и)ваат (чем она буд(д)эт? — нао поплевать на эту, на куделю). Ак сядит, накручиаэт, а у самой ничеó...» [ВВП, д. Ивановская; СИС 24:4].

Особую группу составляют сценки с эротическими мотивами, с демонстрацией обнаженной натуры или половых органов, целью которых было смутить, сконфузить девушек. «На Волоцком дак “с репой” приехали. Ишо

дровяшки взади притащат: “Покупайти!” [— Репа настоящая?] — Да сиди! Да какая! Челозка, челозка посадят ишо взади на чунки, да штаны вот элак призагнут немного, да вот чево! Он закрыт, не узнаэш. Да девки-то и заревят все. Так ревят-то, а хто не покупаэт, дак ишо и нахлѣшут. Потом это слух пойдѣт, што этот дурак быв. На Волоцком это, у нас не былó, на Волоцком» [МНИ, д. Мыс; СИС 21:61]. «Кудесам ходили “верѣтна точили”. Тако приспособленье было, вот тут вот [=между ног] элак приделано: он ногой качаэт, а рукам тут “веретешечко точит”... Вот у нас Трифон дядюшка быў мой родной. Всѣ ходиў “верѣтна точить”. Боле как го(в)орят: “Вот опять придѣт верѣтна точить”...» [КАВ, д. Мытник; ССН 9:62об.]. «“Веретена точили”. Как два парня придут, “верѣтном” оденутся и “веретна” возьмут — каток, валѣк — наладят. Вот верѣтна точат. Паўку меж ноги кладут. Элак и ходит. Ишь палка на палку кладѣт да и: “Веретѣна не точѣны! В бане виники мочѣны”. Деўка сидит. А мужик-то большой, катком-то и катает: “Веретѣна не точѣны! В бане виники мочѣны”, — и так тычет. А девка-то: “И-ы-ы!” — завижжыт, запишшыт! Ну, всѣ как чудили-то» [ТАМ, д. Трифоново; ССН 8:71,73; ЛМА, д. Трифоново; ССН 9:44].

В послевоенные годы такого рода шуточные инсценировки могли устраивать и сами девушки. Скажем, в д. Погорелка девушки наряжались «мужиком». «Так смешная Ольга Седова была, дак та даже взяла и привязала этот — противогаз! Вот смеху было. Ну, конечно, чѣ хорошово уш тут это? Пришла вон как — с противогазом! Ну уш сколько смеху было! На второй день идѣм с работы. Одна баушка топит баню, выходит и говорит: “Вот шас выйду, дак я вас! Насмешили-то — севодня не могла не спать, нецѣ дома!”» [ИЕИ, д. Погорелка; ССН 15:3]. «Я кудесом ходила, дак привязывала путуруню, а хоть из моркоўки, а нет — на песте робята дыру провѣрнут (картошку-то толкли — раньше песты были). И вот это верѣўку продѣрнут, привяжут тут. И через плечо вот это и дерьгаэш, эту путуруню за верѣўку. Эта путуруня и скачет. Так вот на де(в)ок-то и скачешь... Это раньше бегали с пестом. Дак это прибегут как деўки — такиэ деўки были раньше солидныэ, ядрѣныэ — прибегут, как этот пест почнут накачивать, так! Парни у нас скромныэ были, а деўки эти — ну хоть чѣ сделаэм. А с моркоўкой-то при мне уш, при мне бегали с моркоўкой-то» [ААК, д. Естошево; СИС 26:30об.].

В 30-40-е годы получили широкое распространение сценки с имитацией обнажения (см. еще «Рыбаки»). «В святки, в клубе, все собирались в клуб — прялка под мышкой, веретно, кужель. Мальчик заходит, мальчик заходит нашово возраста, там дваццати годов, девятнаццати, восемнаццати вот так. Милые мои! И одеваэт такой, у нас дак “сачóк” называли, азам такой домотканной. Он выткан в этом нитки, а так поперѣк выткано шерстью, этот такой азам. В этом азаме. Милые! Дорогие! Как развернувся — в одних трусах, голый! А трусы-то ес(т)ь. А мы все туда за сцену и пáли от страсти! Ой! Нам, знаэшь — в

трусах, а нам это стало страшно и стыдно! И мы все пали, глаза-то зажали — лежим, лежим! “Ради-то Бога уведите! Ради-то Бога уведите!” Это пришел такой страмец. Весь голый, только в одних трусах!» [ВВП, д. Никоново; СИС 23:42об.]. «Одна ходила в клуб — Катя Матвеева. Туда придёт да, от кудесом придёт — семь платьей или восемь. Да тожо потом до чё дорозде(в)аэща — в одних рейтузах останецца только!» [ЛИМ, д. Шугино; МИА 23:55].

Эротический оттенок имели и сценки с имитацией родов, генетически связанные с магическими действиями, призванными стимулировать плодородие в ситуации начала или конца важного календарного периода (см. «Покойник», «Святки»). «“Роженицу” привозили — привезут мужика в постельнике на чунках и двух-трех ребятишек туда же. Через постельник брюхо большое, гладят его. Потом ребятишки выскакивают: “Эх, как много!”» [ФАА, д. Мытчиково; СИС 22:33об.].

В д. Москвино существовала сценка, эротический смысл которой раскрывается только при знакомстве с символикой «хорканья» (см. «Драка», «Пляски»). Так называли произнесение звука «хр-р-р», получавшегося при втягивании в себя воздуха через рот и напоминающего громкий, грубый храп, который означал сексуальное желание. «Хоркнуть» в обществе было чрезвычайно грубой, оскорбительной выходкой. Не удивительно поэтому, что так задирались на драку или выражали кому-нибудь свое презрение (см. «Драки»). «Хоркать» могли и «страшные кудеса»: «Хоркали всё это когды вот эти святки. Вот они это и ходят, кудеса-то тут» [МАД, д. Москвино; ССН 9:97].

Некоторые сценки были целиком построены на обыгрывании символики хорканья. «“Швецц”-то пришли, сапоги как сядут шить. Говорят: “У-уй! Сапожники приехали сапоги шить!” Молотков нанесут, гвоздья нанесут, это почнут шить — ниток нанесут. Это как седут, как начьнут дергать, дак толькё: “Х-х-хр!” Самым диким хорканьем! Это шьют эдак. Ой! Дак веть посмеёшша! Эти робята над робятам дак веть умирают со смеху. Што это наа притти таким! Они вот так показали, што сапожники. Матом не матюгнуцца, дак всё равно другим да. ... Она веть, сапожник, ишь эжли иглу ташшыт, дак: “Ш-ш-ш”, — у нё(о) шум идёт. Раньше рукам шили дак, не машинам. Дак вот он и стат... Вот эти тянут нитки за иговки, а сами, извини за выраженье, хоркают дак на всю избу, на весь дом. Ну, ак и девки поругающца, што: “Уйдитё, ради Бога, уйдитё!” Заругающца, што: “Больше элакиё не ходитё. Мы не нуждаемся в элаких!” Посмеющца робята, да другие, которые смотрят на их дак, посмеющца. Хорканье — уш это худоё дело. Дак чё, уш всё равно, што матом, такой уш беспорядок это. Нет, это не надо» [МАД, д. Москвино; ССН 9:105об.].

Еще одна сценка ряженных становится понятной при сравнении со сказкой, повествующей о неверной жене, которая, притворившись больной, отправила своего мужа за лекарством, а сама устроила с любовником пир. Прочитать жену помог мужу догадливый солдат, который принес его в дом в охапке соломы и

спел: «Чуешь ли, солома, что деется дома?»¹ Этот сюжет известен на Русском Севере в виде скоморошины о госте Терентии, прежде всего в районах новгородской колонизации. «“Тукач” соломы, тут чело(в)эк вставаэт, вот так завяжут кушаком красным, по поясу, на голову наденет там [пучок соломы], завяжет за самы(е) кончики и оденет вот так. Как это, снопы накладём, бабки получающа. На верхушки накрываем вот как вот штобы не пролило дожжём, и здесь так. И этак ён и тут завяжот и элак и одинет, элак и придёт, пляшот. А тут одна была женшшына гуляшшая и быў у ей муж. А женщина-та сидит и пришёў (специально это было сделано), приходит кудес и поёт:

А посмотри-ко ты, солома,
Чёо делаэцца дома.

Припевает припеўки: “А посмотри солома, чё делаэцца дома”. Пока кудес плясал, жена с другим целуэцца за дверям. А кудес припрыгивает: “А посмотри-ко ты, солома, чево делаэцца дома!”» [ВЛФ, д. Ивановская; СИС 24:2-2об.].

Похожая сценка разыгрывалась и в д. Панино: «В солому ржаную — она длинная — это завёрнёцца, дак вот и при(д)ет и поёт: “Солома, солома, чё де(ла)ецца дома?” Пили это. Элакой тукáč дикóй, кругом. Вот тут [=по поясу] наопоясано каким ли, на голове какой липóк [=тряпка] ли шапка» [ЛАФ, д. Панино; СИС 23:6об.].

Одетые в тряпье персонажи ряжения нередко назывались «стариками». Их обязательными атрибутами были горб, палка («батóг»), изображающая посох, и часто колокольцы. «Стариками наряжались, на шею шаркунов навешают, по поясу котелков, колоколов, с корзинкой идут» [ПАИ, д. Мосеево; ССН 8:4об.]. «“Старик” и “старуха” были с горбом, с батогом, брюки рваные, лапти из бересты. Попляшут и уйдут» [ЛМФ, д. Мосеево; СИС 21:12]. Эти персонажи не составляли неразрывной пары, они могли появляться и действовать независимо друг от друга. Обычно они просто плясали или просили милостыню: «хлеба, молочка», — но иногда с их участием разыгрывались целые сценки. «“Старик” хромой приходил, был и “врач” наряжен, он говорил:

Эти бы ноги
Отсечь на пороге,
Телячьи приставить,
Да тебя плясать заставить!
[БАИ, д. Савалиха; ССН 8:28].

Это четверостишие является отрывком из народной драмы «Царь Максимилиан», ранее очень популярной на Русском Севере.²

¹ Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. М., 1984. Т. 3. С. 176-177. № 445

² Савушкина Н.И. Записи народной драмы на Онеге // Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973. С.237-238.

Характерная особенность этой пары ряженных — попрошайничество, нередко для принесенного «ребенка»-куклы: «Приходили с горбами. У-у! Всяких, всяких! А вот “старухой” нарядяцца, дак раньше беристяные [=из бересты] плели такие короба́ такие. Беристяные пестерь, вот как сзади [рюкзак]. Лямочки сделаны у пестеря, туда посажон робёночѣк, настояшша куколка сделана, поса́жѣна в пестерѣк. Лапоточки туда поса́жѣны. И рученьку протягваэт, што на меня и на робёночка нао́ дать, гостинец. Ей надава́ют и пирога́ю и гостинец всяких. А там сзаде робятка сидят» [ВЛФ, д. Ивановская; СИС 23:45об.].

Если «старики» приходили парой, то они разыгрывали пародии на те или иные события деревенской жизни. Например, в д. Панино они изображали посиделочное развлечение «в лоушку» (см. «Беседы»). «Снарѣдишь, чѣ смешнее, то всяких рибков на себя наденешь, всё. Возьмѣшь тукáč [=обмолоченный сно́п] соломы, привяжишь к прялке, где кужель-то привяз(ы)вашь (дак кужля-то уш нету, а привяжишь соломы). Верет(е)но вот. Вот и сидишь. А другая сѣдет напротив. Пряха “старухой” снаредицца, а этот — “стариком”. Лицо тряпочком зависишь; “старик” — дак шапка надета, а у “старухи” — платок. “Старик” тоже в рибка́х. “Старуха” прядѣт, а “старик” это сидит, сидит дремлѣт, будто што спит. Вот такая нитка, к нитке привязана называлась “ловушка”: так, крестиком. Как потѣнешь эту соломину, и он и схватит эту соломину. Соломину тѣнет, как уш вроде нитки. Как увидит, што это ниточка тѣнецца, “старичок” скочит, ло(в)ушку закидыват и поимѣт эту соломину ло(в)ушкой. Потом придѣт целовать. Скоцит, поцелуэт эту старуху. Да вот шалили тожо всяко» [ЛФФ, д. Панино; СИС 23:2].

Особую группу ряженных составляли дети и подростки 8-14 лет. Одевшись с помощью взрослых «как-нибудь почуднее», они обходили дома родных и близких знакомых, чтобы собрать небольшое угощение и устроить потом совместное чаепитие. «Детишки наздоблялись тоже, днем бегали, плясали» [ВАИ, д. Ушаково; СИС 21:50]. «Ребятишки кудесами приходили только стемнеет: “Глядите-ко, ребята не опоздали, раньше взрослых пришли!”» [МФГ, д. Лейбручей; СИС 22:13об.]. «Ой, дак это было-то: “старичок”, тут горбик сунут тут элакой. Вот и приплясываэт. А эти, ой! чѣ делают-то, дак! Пляшут, как жо, то́пающэ» [ВВП, д. Никоново; СИС 24:1].

Дети как правило плясали под те же припевки, что и взрослые (см. «Пляска»). Их им напевали хозяева. «Вот мы придем, а нету музыки, и мы этот, а нам плясать-то хочецца, да и хозяэ(в)а, штобы им поплясали, дак, и начинают:

Вѣники, веники,
Да веники-комѣлики,
По печи каталися,
С пѣчи оборвалися...

Давай, говорю, пляшите:

По дваццаті пяці, пяці,
По сорока́, рокá, рокá...

Опять иё и повторяю, опять повторяю, он напляшеца и уходят домой. Даси там им гостинца, когда денег даси, когда гостинцы есть ли: конфеты, пирожки, вот это всё... Гонобишша, штоб пироги испекчи, штоб придут, дак угостить. У меня внучата-то пришли, дак я в корзиночку уклала, да сошли, да в один-то дом сокопилисе. Прихожу: “Чё сёдни девок нету дома? Восемь часов вечера”. Я говорю: “Сережа, где у те(б)я детушки-то?” А говорит: “Вот, наклетова́ли, насобирали, дак пьют чай”. И конфет, и пирогов, и всякой всячины. Ходят, пляшут, у их и авоська на руке, значит, люди думают, чё-то в эту авоську надо положить. По всем, по всем домам ходят. Приду́т со снегом. Специально выкатаюцца во снегу, ой! Пришли все мокрые! Все исплясались!» [ВЛФ, д. Ивановская; СИС 23:40об.].

На ряжение детей большое влияние оказывали клубные и школьные вечера-маскарады. Так, вероятно, под их влиянием подростки наряжались «зайчиками»: «В светлом, в белом каком наденут, в серое какое ли. А на голове тожо какая ли шапка. А когда были уши, а когда и не было, хто как шарёдицца. “Зайчик” только бегаў, “зайчик” бегаў! Только на беседу, по избáм не ходиў» [ЛАФ, д. Панино; СИС 23:3об.].

Участники ряжения отчетливо осознавали греховность своего поведения с точки зрения православной морали и необходимость очищения от греха после окончания святок, обычно во время освящения воды в иордани на Крещение. «Говорили, што грешно рядицца... Мы, кто кудеса́м ходил, обезательно лицо [должны омытъ]. Это, знаете, такой трескучий мороз, а это прорубь-то сделана на речке там: значит, сначала освятят крестом серебряным воду-то, а потом уже чёрпают и моюцца. Кто уж кудесами ходил, обезательно надо было вымыцца. Как её — “иорда́н” называли, с “иордана”» [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:78об.]. «Кто кудесам ходили, дак у нас ходили на иордань, к пролуби на реку. Там воду брали святую в Крещенье, и сами лицо и руки там всё мыли» [МФФ, д. Гора Тимофеева; СИС 22:46]. «Надо итти, говорят, перед Крещеньем надо в проруб итти мыцца. Сходишь, лицо намозьш, да и всё» [ВВП, д. Никоново; СИС 24:6].

Местные священники принимали обычай ряжения по-разному. Одни отнеслись к нему, как и к другим неканоническим истолкованиям смысла календарных праздников, достаточно снисходительно. Другие, напротив, активно противодействовали ряжению, особенно когда речь шла об использовании «кудесами» пародийных форм литургических текстов и молитв. «Поп у нас строгой быў, так у нас попа боэлисе и у нас не шалили много. Это вот уш как “покойника” принесут, да эту отслужат [пародийную панихиду], так эть и то боэлисе! Ишо попросят друг дружку [чтоб не рассказывали о ряжении попу], а хитро — поп всё равно узнаёт. Ён спросит все грехи: “Каким кудесом ходила? Чёо там говорила?” — так ён не подпустит к причесью эту [девушку], не причестит. А если поп до причесья не допустит, эть это позор деушке иль там

женшине вот. Накажут и мужиков — и ко причесью не пустит. В одной церкви служат-то, дак как не знали-то друг по дружке. Это вот на этой ниделе я говею, на той нидели ты говеишь, про свою конпанью знаэшь. На той нидели та говеит, про свою конпанью знаэт. Так эть друг-то дружке и поделимсе: “Деўка, эть этой и причесья не дали!”» [ААК, д. Естошево; СИС 26:26-27об.].

Морозов И.А., Слепцова И.С.

ЛЕН СЕЯТЬ

Одним из немногих хороводов, которые в Вашкинском районе еще в 20-е годы разыгрывались во время весенне-летних праздников, в первую очередь на Троицу и в Петровки, был хоровод «А мы лён посием» («Уж мы просу сиели, сиели» — дд. Берег, Новосело, «А мы просо сеяли, сеяли» — с. Вашки, дд. Ивановская, Малая Чаготма, Зуево, Сальниково). В Кьянде (дд. Берег, Сементьево) молодежь с 14 до 25 лет нередко играла в «лен посием» и в обычные летние дни по вечерам. Старожилы дд. Новосело и Зуево вспоминают, что в «просо сеять» играли только в школе дети 10-12 лет. «В школе вот тут стояли по сторону, по другую. “А мы просо сеяли, сеяли, / А нам надо девочку, девочку” или пели “А нам надо мальчика, мальчика” — такоо-то мальчика. Ну вот брали мальчика, ну и как на эту уш сторону» [АНИ, д. Зуево; МИА 24:90об.; СЕА, д. Новосело; МИА 15:33].

Игроки становились в две параллельные шеренги («в одной робята, в другой девки»), которые поочередно то приближались друг к другу, то отходили обратно. Первую реплику (и далее через одну) пели девушки, а парни отвечали им.

- Мы-то лён-то посием, посием,
Алим ладо посием, посием.¹
(вар.: Ходим ладо посиели, посиели — д. Сементьево)
— Мы-то лён-то вытопчем, вытопчем.
— Чем жо вы-то вытопчете, вытопчете?
— Мы-то коней заведем, заведем.
— Мы-то коней выведем, выведем.
— Чем жо вы-то коней выведите, выведите?
— А шолковым поводом, поводом.
— Вам кого же на́доти, надоти?
— А нам надо (девицу, девицу).
— За кого надобно, надобно?
— А нам надо за́ (парня), за (парня).

«Девицу называют, оберут к кавалером».

¹ Повторяется после каждой строки.

— У нас в полке у́было, убыло.
 — А в нашем полке прибыло, прибыло.
 — У нас не пряха была, не ткаха была,
 Не умела по берегу ходить,
 Решетом воду носить.
 — Мы научим пряхь,
 Мы научим ткать,
 Мы научим по берегу ходить,
 Решетом воду носить,
 И постельки стлать,
 И с мужичонком спать.
 [КМП, ФАП, д. Берез; ГМК, д. Сементьево; МИА 15:57-58].

$\text{♩} = 120$ Нотация Е.Г. Богинной

А мы про - со се - я - ли,
 се - я - ли. Ой, дин - ла - ду,
 се - я - ли, се - я - ли.

— А мы просо сеяли, сеяли.
 Ой, дид-ладо сеяли, сеяли.
 — А мы просо вытопчем, вытопчем.
 Ой, дид-ладо вытопчем, вытопчем.¹
 — Чем же вам вытоптать, вытоптать?
 — А мы коней выпустим, выпустим.
 — А мы коней в плен возьмем, в плен возьмем.
 — А мы коней выкупим, выкупим.
 — А чем же вы выкупите, выкупите?
 — А мы дадим сто рублей, сто рублей.
 — А нам не надо тысячи, тысячи.
 — (А) что же вам надобно, надобно?
 — А нам надо девицу, девицу.
 — Открывайте вóротцы, воротцы,
 Принимайте девицу, девицу!

«Те расступаются и ставят ее в середину ряда».

¹ Далее каждая строчка повторяется с добавлением последнего слова.

- В нашем полкѣ прибыло, прибыло.
- В нашем полке убыло, убыло.
- В нашем полке пляшется, пляшется.
- В нашем полке плачется, плачется.

«И изображают: те прыгают до потолка, а эти плачут» [ЛАД, с. Вашки; СИС 22:66].

Завершение игры могло слегка видоизменяться. Так, в д. Малая Чаготма после реплики «А нам надо девицу, девицу» противоположная партия отвечала:

- А у девицы имя есть, имя есть.
Ой, дин-ладу, имя есть, имя есть.
- А нам надо [Танечку, Танечку].

«Подходят и девицу они передают. Вот так и длицца, продолжаецца игра, пока всех не заберут» [ИАН, д. Малая Чаготма; СИС 23:23об.].

В д. Ивановская после слов «Чем же вам выкупить» следовало:

- А мы красной девицей, девицей,
Ходит-ладо девицей, девицей.
 - Как зовут девицу, девицу?
Ходит-ладо девицу, девицу?
 - Ее зовут Машенька, Машенька.
Ходит-ладо Машенька, Машенька.
 - А у нас Маша дурочка, дурочка.
Ходит-ладо дурочка, дурочка.
 - А мы дуру выучим, выучим.
Ходит-ладо выучим, выучим.
 - Чем же вам выучить, выучить?
Ходит-ладо выучить, выучить?
 - А мы шёлковой ленточкой, ленточкой.
Ходит-ладо ленточкой, ленточкой.
- [ВЛФ, д. Ивановская; СИС 24:21об.].

Морозов И.А., Слепцова И.С.

ЛЕТЕЛИ ДВЕ ПТИЧКИ

Из круговых хороводных игр в Вашкинском районе лучше всего сохранились культивировавшиеся в местных школах, приютах (детских домах) или сельских клубах. Как правило, это игры, существовавшие в этой местности и ранее, но в иной среде — среди мещанства и интеллигенции (в первую очередь — среди педагогов). Некоторые из них были, по-видимому,

позаимствованы из разнообразных детских журналов конца XIX — начала XX вв. («Звездочка», «Светлячок» и т. п.) или сборников народных песен, а затем прочно вошли в детский и юношеский репертуар 20-30-х годов нашего столетия (см. «Хороводные игры»).

К таким играм можно отнести, в частности, и «Летели две птички», которая ещё в прошлом веке нередко упоминалась среди популярных посиделочных развлечений. В Вашкинском районе в нее играли как подростки на молодёжных гуляниях и посиделках, так и дети в школе или на улице («Скопяцца робята на деревне, дак играли на улице» — ПЕС, д. Тарасьево; МИА 25:84об.).

В д. Малая Чаготма в 30-е годы «соберемся (раньше клубов дак не было) в гумне было там собиралися мы эта, подростки, в хороводе ходили. Там в гумне сами сценку, сцену сделаем и вот:

Летели две птички,	Как они садились,
Ростом невелички,	Все люди дивились.
Одна бела, друга сера,	Как они прощались,
Вот какие птички!	Крепко обнимались.
Как они летели,	Одна бела, друга сера,
Все люди глядели.	Две красивых птички.

В кружочек ходили, да, а в середине две девочки. Ну, они как што подпевали, если пели “две красивых птички”, дак они, значит, улыбались. “Одна сера”, — дак котора изображает, она потопает, а потом “одна бела” — другая потопает» [ИАН, д. Малая Чаготма; СИС 23:19-19об.].

Вариации текста и игровых действий, отмечающиеся в пределах Вашкинского района, очень незначительны. Они касаются в первую очередь завершения игры. В детских и подростковых вариантах поцелуй чаще всего заменялся рукопожатием или объятиями: «“Крепко руку жали”, потому што мы тогда были маленькие. Это целовались уж потом, потом уже. И то уж мы редко с этим. А это што “прощались, крепко руку жали”, — играли мы маленькими ещё» [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:76об.]. В д. Москвино «птички» после завершения песни целовались и вставали в круг:

Две летели птички	Все люди дивились.
Ростом невелички.	Как они вставали,
Как они садились	Крепко руки жали
	И друг друга целовали.

«Там поют, пара идёт, дак што оне крепко руки жали и друг друга целовали» [МАД, д. Москвино; ССН 9:98об.].

Незначительные различия встречаются также в зачинах игровой припевки («ростом невелички» — «обе невелички») и в рефренах:

♩ = 112

Нотация Е.Г.Богиной

Ле - те - ли две птич - ки о - бе не - ве - лич - ки,

чер - но - бро - ва - я мо - я, чер - но - гла - зень - ка - я.

Летели две птички,
Обе невелички
Чернобровая моя,
Черноглазенькая!
Как они летели,
Все люди глядели.
Как они садились,
Все люди дивились.

Как они прощались,
Крепко обнимались (вар.: целовались)
(вар.: Крепко руку жали — с. Вашки)
Пару выбирали,
Тоже обнимали.
[КАА, д. Макино; СИС 22:58, ЛАД, с.
Вашки; СИС 21:76об.; близкий вариант:
ПЕС, д. Тарасьево; МИА 25:84].

Две летели птички,
Ростом невелички,
Тут и роза, тут и нег,
Тут и алый нежный цвет,
Тут и осень и зима
Заморозила меня.
Как они летели,
Все люди гледели...
[ГМК, д. Сементьево; МИА 15:59]

Морозов И.А.

ЛЕШИЙ

«Лёшой» («лесной хозяин», «Он» или «Они») — один из центральных демонологических персонажей в поверьях крестьян Вашкинского района. Как и другие герои местной «низовой» мифологии (см. «Банник», «Домовой и дворовой», «Кикимора») леший занимал важное место в системе традиционного мировоззрения, будучи включенным в цепочку причинно-следственных связей, при помощи которых носители традиции объясняли те или иные события. В этой связи вполне естественно бытование мощного пласта быличек (см.) и бывальщин (см. «Анекдоты и бывальщины»), в ко-

торых засвидетельствованы конкретные объяснения, что такое леший и каковы могут быть следствия от встречи с ним, а также сообщаются способы общения с лешим (обращение к «знающим» людям, заключение «договора» и т. п.).

Особая роль «лесного дедушки» в традиционной мифологии Северного Белозерья вполне понятна, если учитывать, что местное население еще совсем недавно активно занималась не только лесными промыслами (охота, собирание грибов и ягод, лесозаготовка), но и выпасала скот на лесных пастбищах, в опасной близости к лесному зверью (см. «Первый выгон скота»). Недаром вашкинский леший в рассказах старожилов многими чертами напоминает медведя. Именно повышенной опасностью общения с лешим объясняются многочисленные запреты, связанные с этим персонажем, в частности, запрет называть его по имени. «Про лешево никогда не говорили. У меня дедушка век свой не любил вспоминать. Ска́эт: «Лучше матюкнись, а этого не вспоминай!» [ММФ, д. Кропачево; СИС 22:76]. Соблюдение этого запрета сулит исполнение всех желаний, а нарушение ведет к несчастью, болезни. «Три года не вспомяни леснова, ну и тебе это будет хорошо, милушко; што ты задумаешь — всё тебе будет выполняться, что желашь. А если будёшь всё время напоминать это, и человеку непоздоровицца. Вот, примерно, по(й)дешь — запнёшшо, падёшь, ушибёшшо. “Ой, ой!” — и начнёшь это лесново вспоминать. Он тебе не залечит ноги, (а) исколечить чово-нибуть можот. Через дорогу женщина есть: “Ой, ой, я запнулась да чово-то, ногу-то сломила!” А теперь ходит, ноги дак и не вылечила! Так хромает с палочкой. Вот, не надо было тебе это вспоминать» [БАД, с. Иевлево; ССН 14:16-17].

Леший может показываться в разных обликах. «Говорят, што есть хозяин, есть веть в лесу хозяин. А мы Их не видам и не знам. Кому чово-то покажоцца. Можот всяким показацца: можот целовеком, можот какой-нибудь зверюшкой. Говорят — “лесной”... Бывает, что и вихрем — какая-то сила есть!» [БММ, д. Речка; ССН 14:53]. Но чаще, по представлениям жителей Вашкинского района, леший предстает в облике человека, обычно незнакомого мужчины или старика.

Одно из основных свойств лешего — умение быть невидимым. «У нас в деревне одну девушку леший увёл, не так давно, недавно увёл, и она два года не бывала дома. А как появилась, дак потом рассказывала, где ходила там. “Если ести захочим, он преобразится в старика, зайдём там в какую-нибудь деревню и поедим. А если кто принесёт ложку лишнюю за стол, дак тоже этой ложкой лишней поедим, они не замечают нас, просто из миски хлебаем и все”. А потом [та], што всё ходила, ходила, всё домой просилась: “Он, — говорит, — всё меня никак не отпускает”. А потом, што: “Я хоть посмотреть (где-то вроде далеко и ходили)”, — она говорит. “Только вот вышли, смотрю: мама на речке бельё полощет”. Она смотрит, а он ей стро-

го-настрога заказал, штоб не кричать, ничё, только смотрит там на неё. Мать-то голову [подняла], вскрикнула, закричала, а он её [=девушку] обратно и увёл. Искали — опять не могли найти. Только два года прошло, она сама пришла» [ОЕЕ, местн. Ярбозеро; СИС 23:14].

С лешим, как правило, связывали случаи исчезновения людей или скота. Леший может «увести» в результате неосторожного его упоминания, нарушения какого-либо запрета, а также ребенка, проклятого родителями. «Я помню хорошо, от там за Киснемой-то. Гоорит, пришла с работы: “Мама, помани [=погоди], гоорит, я сбегаю грибов насобираю да нажарим”. Ушла она, ушла на нидилло целую ходила. А всё со своим со старым, гоорит, — с деревни старичок. “Приду, — гоорит, — приведёт пить (она не понимала, што там нидиля, это всё закрыто было ак), как стану пить, дак как (с) сахаром”. Поив, если полюбив он ея. “А кормив, — гоорит, — какая корка была, — гоорит, — кинута, с дому пошла, так эта корка тут есь”. Так ходили оне ко знаку, охотники пошли туда, ак она услышала стрельбу, вот на это вышла» [СНН, д. Село; СИС 26:83]. «У нас терялась в Логинове. Ой, каэцца, хоть не ниделло ли не было. Небольшая де(в)оцька. А потом оцюдиласе — нашли в лесу, дак и гоорят: “Как ты жила? Да где ты жыла? Да как ты живая-то осталась?” — “Меня дедушко носиў, на плечах, носиў. Церёз реку перенесёт дедушко меня. До-обрый дедушко!” Вот дак это-то нонешнее. Кто её изругаў чёо ли, эту девоцьку? А жива осталасе... Ругать нельзя. Там нельзя вот так говорить, нельзя, што: “Неси тя лешой!” Вот это как скажешь, так обезательно... Это худо. Ныне есь веть и не так скажут» [САМ, с. Липин Бор; ССН 9:20].

Нередко было достаточно просто попасть «на след» (т. е. на дорогу, которой ходит леший). «У моей этый сестры дочку, дак это водиў ў лесу, этот — кто? — Господь знает кто. Три ночи ея дома не было. Потом ето старушки тут поделали да, пришла обратно. Дак после говорят, што леший водиў, дак чово-то тут с иконой походили, куда она пошла... А Шура уш говорит: “Я уш не прокляла свою дочку, никак и всё!” А хто скажот, што на след павава... А это где леший, говорят, ходит. На след попадешь, так он и уведёт с собой. А правда ли, нет ли, Господь знает. Но это-то дак ушла-то девка-то, дак уш это-то от моёй родной сестры дочка, дак. Уш это-то никто не соврёт. Правильно» [ККС, с. Липин Бор; ССН 9:32].

В Вашинском районе, чтобы найти потерявшихся в лесу — человека или скотину, которые, согласно поверьям, были «закрыты» лешим, т. е. не могли перейти границ, очерченных лесным хозяином, и потому оставались для других людей невидимыми — обычно обращались к помощи «знающих людей». «Вот тут у нас у одново, это я слыхала, потерялася лошадь. Нидиллю нету лошади. А вот какой-то знахарь быў. Старик на Мунгском ли, на Волоцком ли, где ли там. Он и пошоў к ему, к этому захарю узнать, где лошадь. Этот знахарь сказаў: “Лошадь живая. Подёшь обратно, тебе, —

учит, — встрѣту попадѣт кто, ты на ёо не гляди и даже с ним слова не говори”. Вот он идѣт. Пошов от ёо. Идѣт мужик, через плечѣ вот так намотано верѣвки, то-оўстой веревки, тоўсто-тоўсто. Вот это лесной-то эдак это и есь. И он ёму не звука не сказаў. Дак, грит: “Если не скажешь, лошадь придѣт домой”. Ну вот он ницѣ не сказаў, прошоў этот мужик. Потом лошадь пришла домой у этоо мужика. Живая осталася. Если бы цѣ поговориў, лошадь бы неживая быва. Закрыта была. Дак у ёо это, у хозяина-то лесново (тут цѣ называют “лешой”) закрыта была... А хто знаат как, ушла да и всё, не знают. Потерялась и всё — нету, нету, нету, нету...» [ААИ, с. Липин Бор; ССН 9:19-20].

Чтобы уберець от лешего скотину, пастух заключал с лешим тайный договор — «брал ѓтпуск». В Вашкинском районе «отпуском» называлось приношение в виде наговоренного кусочка хлеба, написанной на клочке бумаги молитвы, небольшой тряпочки или ленты, повязанной на дерево и т. д. Все действия по передаче лешему отпуска сопровождались разговорами и молитвами, известными только опытным пастухам. Отпуском могли называть также своеобразный «обѣт», который давал пастух, договариваясь с лешим.

«Лесной есь — и Бог есь! Лесной есь? Есь! Отпуска даѣт? Даѣт, грят! Он [=пастух] возьмѣт отпуск, ак он не пасѣт коров-то только их прогонит. На чѣо взят отпуск — и он [=леший] исполняй своѣ! У ёо там пасѣт, и какоо время надо — ёо пригонят. А если отпуск взяў, да ёво помѣшаў, то значит худо будѣт. Вот у нас мальчик пас беспризорной, это, Вася-то. Пас он. И он взяў этот отпуск коровушке на колокол. И вот он пас, парнишецько молоденькой. И эти ноци как раз мы работали — возили навоз. И вот недалѣко и пас-то ночью, пас парень-то коров-то. И в одну ночь трѣх коров свалиў медведь. И это вот, не знаю с чѣо — женщина у нас жила напротив — и не знаю с чѣо-то она сняла колокол у коровушки. А как он бедный плакаў! Как плакаў Васька этот, помню я! И он всё корову колхозную свалиў да единолишних, грит, коров — мидвидь! Она колокол-то сняла у коровы — не знаю, пошто сняла колокол?...» [КАВ, д. Мытник; ССН 9:64].

В непосредственный контакт с лешим вступали не только «знающие люди» и пастухи, но и охотники. Охотник мог получить от лешего «особую статью», т. е. заключить с ним своеобразный договор, за нарушение которого лесной хозяин наказывал. В этот договор могло входить, например, условие не брать больше, чем разрешал леший, и приходиться за добычей вовремя, как, например, видно из следующего рассказа. «Ну я запомниў дедка Федота. Охотник, понимаешь сѣ, во! А именем-то быў Федот Рандин. Спросто как дедко быў Дѣмка ёму. Да. А батько, как сын евонной, и жона (как родители это [Федота]), померли от халеры. Да. Ранше дичи-то было оцень много. Вот это старик [=Дѣмка] и говорит: “Всѣ, я тя, Федот, научу — статью дам!” Дак вот этот науциў, дак он вот поставит если (ну, ранше кляпи

— петел дак не было; кляпи — што капкан), значит, у ёо што: только в одне не попадѣт! Вот если двадцетъ сделаў — там колод или кляпей поставиў — значит, девятнацать попадѣт зайцей или там тетѣр. Тетѣр он имал по целому гнезду на болоте: наставит вот этих слопчей (слопѣц — это вроде голяк падаат, цетыре бревна наверх да, и их [=птицу] давит да). Ак он вот к осене набѣт, просто наносит так вот. Прецистый празник празнуют, ак мама говорила: “Зайци носити некуда, вешаецца тетѣр!” Дак вот приходят —надо к Прецистому [Рождество Пресвятой Богородицы. 12.09] сварить, веть не у каждого деньжоночек есте, а гости-то придут! Ак приходят: “Федот Максимович, тетѣрку-то бы ты мне даў!” Пять копек ничок [=связка] продаваў. Поняў, нет? Пять копеек ничок. Вот. И, значит, он што? — поставиў всё это. Надо было через день ходить проверять. Не в каждой день! Вот он, допустим, пришеў через день, а нету! Нао было ему тогда заўтра бы итти: раз нету, значит, заўтра итти. Вишь, а он не договориўся этово. Он заўтра не пришоў, а пришоў опитъ как цете через день. Дак вот ёо дедушко лесной с вершиной [дерева] прогнаў, [но не попал]: только по лыжам успеў вершиной хлѣснуть, во! Вот понимаешь ли, ёо оглушиў. Дак он худо слышаў, понимаешь ли. И с тех пор отстаў ходить и больше не ходиў. А статью эту знаў. Ну мне было годов так семь-восемь, как он помер. Да. Ну вот, он не мог нам рассказать, потому што у ёо вроде парализовано, язык дѣргало и всё. Так он ёо познаў» [РПФ, д. Аверино; ССН 9:36-37].

Былички и бывальщины о лешем входили в состав развлечений парней и мужчин во время общих собраний на досуге (например, рассказы о даваемом лешим «отпуске», о «договоре» с ним, заключаемом «знающими» людьми). Реже они употреблялись парнями на беседах и в разговорах с детьми (например, рассказы о проклятых родителями детях). Известен леший и в качестве персонажа святочного ряжения (см. «Кудеса»), переключющегося с «медведем» (см.).

Смольников С.Н.

ЛОДЫЖКИ

Игры с овечьими косточками («лодыжками») относятся к древнейшему слою ритуальных развлечений (см. еще «Волчок»). Некогда бросание костей и истолкование получившихся при этом комбинаций служило для предсказания судьбы или принятия важного решения. Игра с костями, по поверьям, оказывала влияние на погоду, приплод скота, здоровье людей. Еще в 20-е годы в некоторых деревнях «старушки гадали на лодыжках: трицетъ элаких возьмет (или картошки нарежет кусочками), расшевелит на месте и раскладывает парами; потом опять вместе соберет...» [СЕА, д. Новосело; МИА 15:32]. Поэтому к костям в старину относи-

лись очень бережно: их нельзя было выбрасывать и ломать, не проделав предварительно тех или иных предохранительных действий (кроме тех случаев, когда это предписывалось традицией), игра с ними позволялась только взрослым (преимущественно мужчинам) и только на определенные праздники (скажем, в святки или на масленицу). Отголоском такого отношения к игральным костям («лодыгам» или «лодыжкам») можно считать бережное к ним отношение. Их хранили и старались не терять: «Лодыжки берегли, втихомолку продавали, или (чаще) меняли» [КМИ, д. Лукьяново; СИС 22:52].

Разумеется, в начале двадцатого века игре в лодыжки уже не придавалось никакого сакрального значения, однако по традиции соблюдался запрет на игру в любое время кроме масленицы («В лодыжки играли только в масляную неделю» — БТМ, д. Гора; СИС 24:34). Не играли в лодыжки и женщины. «В масленицу в лодыжки мужики играли, даже детям не давали до масленой играть» [ЯАА, д. Веселая; СИС 21:7]. «Само главное, в лодыжки в масленку играют. Большинство это мужики играли. Собируцца дак целая артель, дак» [МНИ, д. Мыс; СИС 21:63]. «Вот на масленой нидиле — уш это лодыжки. Как зайдёшь — в каждой избе лежат на столе» [ОУА, д. Опрячкино; СИС 26:55].

В Вашкинском районе был распространен только один тип игры в лодыжки — «в щёлчки». При этой разновидности игры выбивали щелчками косточки, лежащие одинаковым образом. Практически повсеместно стороны лодыжки имели названия. Главной стороной считался «бык» (гладкая боковая), следующей по старшинству — «сак» (боковая с «ушком»), далее — «масла», «масло» (сторона с горбиком) и самая младшая — «горя» или «горька» (с ямкой). Иногда косточки окрашивали в отваре луковой шелухи, но они при этом никак не выделялись во время игры.

Перед началом игры все косточки складывали вместе и делили поровну, раздавая обычно парами. Затем «корились»: каждый бросал на стол по лодыжке. Очередь устанавливалась в зависимости от того, какой стороной кверху она ляжет: у кого выпадал «бык», тот начинал игру и т. д. В с. Липин Бор такой игрок назывался «хозяином». «И вот начинают играть. Беруг все и по столу [разбрасывают], а потом, значит, щелкают так: «масло» в «масло», «горька» в «горьку». И штоб другую не задеть. Как другую задеваешь, значит уже это кончаешь, следующий играет» [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:73об.]. Если между двумя одинаковыми лодыжками оказывалась третья, то можно было устроить своеобразный трамплин — одну из косточек положить на кулак и попытаться попасть ею в лежащую [КНИ, с. Липин Бор; МИА 15:5]. Выбитую лодыжку игрок забирал себе.

Целью каждого игрока было набрать по крайней мере первоначальное число лодыжек, так как в противном случае ему приходилось получать щелчки в лоб от своих более удачливых соперников. «Мне девять, примерно, полагается. Я выиграла двенадцать — я кому-то три щелчка должна была дать, у ково не хватит. Даже двум человекам: один — одному человеку,

второму — два. У ково сколько не хватает, щелчки получают» [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:73об.]. «Щёлкают, кто больше. Я как одну выиграю, дак мне там причитаэцца: надо штобы было четыре — ак мне четыре шшолчка. Так элака(я) булжжа [=шишка] в этом мисте!.. Некоторые со слезам уходили раньше: нашшолкают, лоб вспухнет» [МНИ, д. Мыс; СИС 21:63]. «Давали щелбаны, так лоб покрасят» [КНИ, с. Липин Бор; МИА 15:5]. Собственно в раздаче щелчков и состоял весь интерес и азарт игры: «Вот кто навывбивает много, а у ково нисколько, дак тому эти столько шшелканов дают в лоб. Дак у нас тут было смеху! И смех, и всё тут было. Веселья было с этими, с шшелканами!» [ЛАД, д. Москвино; ССН 9:85].

Слепцова И.С.

ЛОПТА

Игра «в лапту» или, как ее еще называли: «лохтóй» (д. Покровское), «на матки» (д. Семеньтёво) — в Вашкинском районе относилась к наиболее распространенным и популярным весенне-летним развлечениям детей и молодежи, а в старину и взрослых.

Перед игрой делились на две команды: кому «на кону стоять», а кому «гонять». Для этого игроки парами подходили к стоящим рядом жожакам («маткам») и угадывали, у кого из них в руке камень. Угадавший шел к нему, другой — ко второй матке. Затем один из жожаков подбрасывал вверх лапту (круглую палку, один конец которой был обтесан, или лопатку). Если лапта падала ручкой в «поле», то его команда «гонялась», т. е. ловила мяч. Играли одной лаптой и мячом: «Мячик торговый или из тряпков, с твёрдым внутри» [КМИ, д. Покровское; МИА 15:17].

Для игры размечали площадку: на расстоянии 20-50 шагов (в зависимости от возраста игроков) проводили две черты, которые назывались «тягами» (с. Вашки). Первая команда вставала у одной тяги, вторая — в «поле» (между двух тяг). Матка второй команды подбрасывал («сдавал») мяч перед первым игроком команды соперника, тот бил («чекал») по мячу лаптой, бросал ее и бежал к противоположной тяге. В это время игроки, находящиеся в поле, старались поймать мяч и осалить бегущего игрока («имáли» его). В случае удачи, он выходил из игры («погорел»). Если же он благополучно добежал до тяги, то выжидал здесь удобного момента, чтобы вернуться на свое место. Каждый игрок бил по две лапты (т. е. по два раза), а матка — три. Все пробившие и вернувшиеся игроки вставали за тягу («на кон» — КМИ, д. Лукьяново). Если одному из «полевых игроков» удавалось поймать мяч в руки, то команды менялись местами. То же происходило, когда все игроки бьющей команды были выбиты. В этом случае команде начислялось очко. Играли до

заранее обусловленного числа очков (5-10). А затем проигравшие возили победителей от одной тяги до другой «на кукрах» [КМИ, д. Лукьяново; СИС 22:50].

Названия игроков и разметки поля в разных деревнях имели свои особенности. Так, в д. Калитино границы игрового поля назывались «буй». В д. Макино черта, на которой стояли бьющие, называлась «верх», и соответственно команда называлась «верхней». Другая черта называлась «буй», а команда, находящаяся в поле — «нижней». В д. Новосело игрок, подающий мяч, назывался «сдавальщик», а игроки, ловящие мяч, — «полевыми» [БЮП, д. Калитино; МИА 15:38; КАА, д. Макино; СИС 22:57; ФВН, д. Новосело; МИА 15:27].

Существовал вариант лапты для трех человек («цыганская лапта» — с. Вашки). В этом случае один игрок («матка») находился в поле, а двое других, пробив по мячу, по очереди перебежали на тягу и обратно. Если ни одному из игроков не удавалось вернуться (т. е. бить было больше некому), то «матка» «варил кашу» — подбрасывал мяч вверх и ловил его. При этом игроки старались перебежать «поле» и встать на свое место, а «матка» пытался их осалить. При удаче осаленный игрок и матка менялись местами, в случае промаха, считалось, что игроки «выбегались» и игра начиналась сначала. «Выбегавшимся» считался также игрок, осаленный за два шага до тяги [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:24].

Была известна в Вашкинском районе и «круговая лапта». «“Окислым” играли. Большой круг начертят. И вот половина эта (ну, напополам деляцца) мячик прячут — эти, которые по-за кругу ходят. У йих мячик там, оне все дёржат руки вот так вот — в запáзухах. И вот дёржат — и из водящих не знаэш, кто там, у коо мячик. Вот. А в кругу бегаэт уже, берегаэцца всех. И вот у коо мячик, он себе подстерегаэт, штобы: “Как мне ближе ударить, штобы это мячиком попало?” Вот если я бросила мячиком в вас [и промахнулась], значит теперь уже наша команда идёт по-за кругу, а те становяцца в круг. [Если попал] выходишь, пока уж всех опять тут не выловят» [КАЛ, д. Сементьево; СИС 25:35].

У детей были и совсем простые варианты игры, при которых осваивались основные игровые навыки. Так, в д. Покровское «девки и робята 10-15-ти лет летом и особенно весной, когда гонят сплав, играли “круглой лохтой” на горе (называлось “Попóвско поле”». Игра заключалась в том, что один из игроков становился в начерченный на земле круг диаметром три-четыре метра, а остальные игроки по очереди старались попасть в круг с черты, расположенной на условленном расстоянии. Если игроку, стоявшему в кругу, не удавалось отбить мяч так, чтобы он не попал в линию круга, игрок с черты получал очко и право на еще один удар. В противном случае мяч бил следующий игрок, а бывший заменял игрока в кругу. Били мяч и задерживали его «ракеткообразными» битами размером около метра [КМИ, д. Покровское; МИА 15:17].

Игра, называвшаяся «лоптой-ложкой» (с. Вашки), представляла из себя подготовительное упражнение к сложной «взрослой» лапте. В ней отрабатывалось только одно игровое действие — умение поймать мяч на лету. На небольшое бревнышко клали наклонно доску длиною около метра, нижний конец которой упирали во вбитый в землю колышек. Он придерживал и не давал соскользнуть на землю мячику, положенному на этот конец. Затем один из игроков бил по верхнему концу палкой, от чего мяч взлетал в воздух, а остальные наперебой бросались его ловить. Поймавший получал право бить в следующий раз [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:25; БАЯ, д. Пиксимо-во; СИС 22:59об.].

Слепцова И.С.

ЛОШАДЬ

Вождение по домам живой лошади или медведя (см). входило некогда в состав свадьбы, а также в комплекс благопожелательных обрядов осенне-зимнего цикла. Обходы такого рода сохранялись вплоть до 20-х годов в Кичменгско-Городецком и Тарногском районах.

В Вашкинском районе «лошадью» наряжались только на святки. Чаще всего это было двое мужчин, которые, встав один за другим, клали себе на плечи две жерди и покрывали их пологом. К жердям на «спину» нередко прикрепляли доски, свернутое одеяло, плетеный короб, чтобы на «лошадь» можно было усестся верхом. Голову изготовляли из подручных материалов — свернутой фуфайки, мешка с соломой, рукава пиджака и т. п., к ней пришивали уши и гриву. Человек, стоящий сзади, держал в руках хвост или настоящий лошадиный, или сделанный из кудели, которым он старательно размахивал.

В преобладающем числе записанных нами вариантов сценки с участием «лошади» бессюжетны и построены на одном-двух мотивах: «лошадь смешит и потешает народ, иногда выпрашивает себе чего-нибудь на прокорм или засыпает посреди комнаты», что видимо, заменило более старую сценку с «подохшей» лошадью, которую затем оживляет или продает «цыган» (см. ниже). «Лошадью ходили, два человека. Ешо человек идёт, што(б) двери-то открыть. Голову делают лошадиную, из чево-то там напехают, платьё какое ли, из тряпок. Так чело(в)ек встанет наперёд, другой туды. Вот ешо передние ноги, там задние. Палки кладены на плечи, такие палки кладены, пологом закрыто. Такие пологá были. Лошадь элак потопает ногам, хвост тожо сделан, либо хвостом там помеледит, да покрутит и ногам потопчет. Устанет стоять — падёт, што “далёко ехали, дак устала лошадь”, ляжет спать. Потом выстанет. Только так представлялесе. Девок не трогала» [ЛАФ, д. Панино; СИС 23:6]. «Придёт “лошадь”, дак

лягаэцце. Там кладут уфатник, полог, фост там привяжут (ну, раньше там какой ли от околёной лошади найдут фост, привяжут). Лошадиный фост привяжут, што лошадь. И лягаэцца, и визжит! А там два мужика: один впереди, а другой сзади. Оне вот так сгорбатились — ноги-то видим, што чело(в)ичьи там, теперя ноги-то, а и кóвандают тода, как(ы) лошадь. Кóвандают — ходят эдак колотят. Ну, видишь, у йих одеты там сапоги, дак у йих стук-то хороший. Стукают ходят. [Другой] придёт тут, погоняўкой хлэшшот по “лошаде”. “Лошадь” там лягаэцце. Дика́рили» [ММФ, д. Кропачево; СИС 24:28об.].

«Мужики наденут пологи — между ними две палки. Первый держит на палке морду из соломы, тряпкой затянута, уши болтаются, один год морду сделали из толстой доски. Хвост настоящий, от лошади. Она ходит, вытягивает голову, ей скажут: “Нету хлеба, а то дали бы.” Она никого не била, её не боялись» [ПМП, д. Парфеново; СИС 22:54]. «“Конем” снаряжались два человека. Сбрую наденут, попону, рукав согнут навяжут, как голову. Лягается, игóндает [=ржет]» [ШТА, д. Мякишево; ССН 8:40]. «Коня водили — наденут полога, сделают уши, мордочку и два коромысла на плечи, кузов в серёдку кладут, ходят — “каландают”» [КЯЕ, д. Москвино; ССН 8:45]. «“Лошадь” приведут. [Полотно возьмут] всё такое большое. Туды станут народ. Кузов сделают на задницу. Ак “лошадь” с шарканóm там, с колокольчикам — “лошадь” большая. “Лошадь” помахивала головой и плясала ногám, ногам» [ПЕС, д. Тарасьево; МИА 25:80об.]. Иногда старались удивить присутствующих количеством «лошадей»: «Коней сделают, заезжают в избу, аж на тройке!» [БАИ, д. Савалиха; ССН 8:28].

Способ изготовления «лошади» не везде был одинаков. Так, в д. Ивановская при этом не использовали ни палок, ни короба. «А “лошадью” вот как. Два парня, сделают, как это, лицо, морду лошадиную. Морду лошадиную сделают из бумаги, из толстой бумаги, дак толстая-то бумага ес(ть), из толстой бумаги. Разрисуют, разукрасят — настоящшая лошадь. И даже гриву нарисуют. Один стоит, дак ходит вот так, как на четырёхках [=слегка приседая], а второй наклоницце, тот уже сзади, тот уже идёт наклоняцца идёт, за ё(о) захватицца за эти [за пояс]. Там хвост привязан изо льна, повесма льну. И накидывали там полог или какое там одеяло ли, такое байко(в)ое, чё-то накинут ли... Побегаэт, походит, постукаэт ножкам, кругом девок вот, в середине. Кому дак и стукнёт по лбу» [ВВП, д. Ивановская; СИС 23:44об.]. Подобного рода сценки с демонстрацией «лошади» зафиксированы еще в дд. Мосеево, Тарасьево, Устье, с. Липин Бор.

Наиболее популярными были сценки с катанием на лошади кого-либо из ряженных (часто «поводыря») или присутствовавших на беседе зрителей-детей. «“Уй, лошадь!” У нас “на лошаде” все время делали. Два челозка вот тожо: один сзади, а другой спереди. Голову сделают лошадиную-то — мешок набьют соломой и сделают. И уши привяжут, и всё. Тут морду-ту сделают, дак глаза подведут. И хвост приделают черной, длинный, из какоо-то из волосу. И натя-

нут полог. Один чело(в)эк спереди, а другой сзади. Да ишшо кладут доску вроде наверх или лоток-то — што заскаки(в)ат человек на эту, на “лошадь”, дак. Наверно, на плече и на другом так по доске и вот закрыты они — оне длинные. На беседы и приводят прямо в хату. Вот “лошадь” эта и придёт и ходит тут, чёо дак как тожо: как прыгнуть бы, прыгнуть надэ. Сидит чело(в)эк с погонялкой, хлешшат тут, машэцэ — (это) “хозяин”, над лошадью командовал: заскочит наверх, сидит. Там: “Карько (ли Рыжко ли), — называет как, — сюда, сюда давай, сюда, в эту сторону!” И заварач(и)ваэт вот этот, первый человек тут» [ЖВН, д. Ваномозеро; МИА 23:21об.]. «Лошадью тожо приходили. Ну, два человека взади и спереди — верхотиной связаны, протянуто с плеча на плечо. Морду приготовят, хвост сзади сделают (хвостов хватило настоящших, дак). Попона такая было: и с ремешками, как у цыган, — красивую делали. Ну, и идут. Это я один раз видел. Дак посадили пацанёнка. Ну, он немножко покатався. А [потом “лошадь”] чёо прикажут, то и делала: прыгала взадь да впередь — на месте, на месте! Ржот» [ЗПЕ, д. Парфеново; МИА 23:19об.]. «“Лошадь” сделают и приведут в эту, в дом. Робяга наздобяцца. (На) спины положат матрас наверх с каким ли кормом, закроют одеялом большим. И голову, и уши, и всё [сделают]. Узду наденут. И сидят верхом ишо на ней» [МАД, д. Москвино; ССН 9:96].

Ещё в 20-30-е годы во многих местах встречались сценки с «продажей» или «меной лошади», главным действующим лицом в которых был «цыган» (см.). «Два челоэка станут — там сделают уши, это всё, мордочку, узду наденут. Приведут и там люди лягающца, а девки убегают... Цыган продаёт, да, а другой покупает. Цыган шчо (с)каот: “Купи! Такая-то лошадь у меня, знацит, хорошая! (С)только-то стоит!” — “А чем хорошая?” — “Ну, как? Она — молодая, молодая!” Тот иногда дак и купит, а иногда скажат: “Ни надэ, — дорого!” — шчо-нибудь так. И уйдут» [КНД, д. Сидорово; МИА 25:62].

«Вот “лошадь” сделана как настояща. Придет цыган с погонялкой: как чирнёт по “лошадям”! “Лошадь” ржот и взлягува(э)т, как настоящшая... У нас вон в Борисове всё раньше приводив. Это в мою бытность. Ну, мужик-то простой, он в виде цыгана будет. Ну, минял, как цыганы миняют. Надо “лошадь” штобы была — без лошади он не будет минять же!» [БАМ, д. Янино; МИА 23:12-12об.].

Воспоминания участников и очевидцев часто изобилуют разными забавными подробностями, вполне отражающими атмосферу традиционных посиделок. Скажем, одна жительница д. Ваномозеро вспоминает случай произошедший с ней в детстве на беседах в соседней д. Веселая. «В каждой избе ведь были кадучки, и кроме того были полаты. И вот я сидела на воронце на полатах, и пришла эта лошадь и начала прыгать. Прыгат, прыгат, прыгат — и я в кадучку прямо с полатей — бух! Вытащили меня — всё мокроё! Я пришла домой, меня, конешно, мама наказала» [БЕФ, д. Ваномозеро; ССН 9:73].

Слепцова И.С.

ЛУНКИ

В Вашкинском районе известно несколько значительно отличающихся друг от друга разновидностей игры «в лунки», одни из которых более характерны для детей 8-10 лет, другие — для подростков или молодежи.

Детские варианты игры, часто называвшиеся «ярки» (д. Лукьяново, с. Вашки), представляли из себя разновидность «пятнашек с мячом». Перед началом игры выбирали ровное место и, крутанувшись на пятке, делали ряд небольших ямок-«лунок» на расстоянии 10-15 см одна от другой. В двух шагах перпендикулярно к ним проводили черту, на которую становился водящий, выбранный по жребию (см. «Кориться»), а остальные располагались около своих лунок. Чтобы не мешать друг другу, игроки обычно занимали место по обе стороны лунок (в д. Мыс и с. Вашки существовало небольшое отличие: все игроки вставали рядом с водящим).

Затем водящий катил мяч по земле, стараясь направить его по лункам. Хозяин ямки, в которой останавливался мяч, должен был схватить его и попытаться осалить кого-либо из разбегавшихся во все стороны игроков. В следующий раз катил мяч осаленный, а водящий занимал его место, но перед этим нового водящего наказывали: били мячом по спине и приговаривали:

Ярка не ярка,
Баран не баран,
Серая овечка
Не ярочка
Принесла единца.
Одинец околел,
Всему свету надоед,

Ярка не ярка,
Баран не баран,
Одна ярая овца

На полати упал,
Все полати обосрал.
Чисти лунки,
Чисти грезь,
Я с лопаткой
Вот и есть!
[ГЗП, ГЕП, д. Берёг; МИА 15:60].

Родила единца.
Одинец насрал,
Не вычистил.
[ЛЯД, с. Вашки; СИС 21:22].

В других вариантах игры, более характерных для подростков, кроме мяча использовали также палки или «лохты» — небольшие лопаточки с длинной ручкой. Игроки вставляли около своих лунок, расположенных без особого порядка, а водящий со стороны старался забросить мяч в чью-либо лунку. «Из берёста сплетут мячик вот такой или из лыку вот — этот вот луб-то дерут. Вот и играшь лохтáми. На своей лунке стоишь и играёшь. Стоишь на какой лунке батогом и —не батогом, а такие лопатки были маленькие. Вот и не пускаёшь. Как в лунку запустила, ты уж идёшь мячик бросать» [КМГ, д. Хошково; ССН 9:76].

В молодежных разновидностях игры, носивших сугубо спортивный характер, участвовали только парни. В них вместо мяча чаще применяли деревянный шар. В д. Пиксимова играли «солодом».¹ Игроки вставали у лунок, расположенных по кругу, поставив туда концы палок, одна, никем не занятая, находилась в центре. Водящий из-за круга старался загнать шар в центральную лунку или занять палкой лунку кого-либо из игроков. В случае удачи он вставал к этой лунке. Если же ему удавалось загнать шар в центр, то игра начиналась снова [БАЯ, д. Пиксимова; СИС 22:59об.].

Игра «в котел» отличалась тем, что водящий стоял на центральной лунке, которую охранял от игроков, стремившихся загнать туда шар. Он в свою очередь пытался поставить конец палки в лунку какому-нибудь зазевавшемуся игроку, тогда он мог поменяться с ним местами [БЮП, д. Калитино; МИА 15:39; КМИ, д. Лукьяново; СИС 22:51].

Слепцова И.С.

МАСЛЕНИЦА

Масленица — праздник переходного характера, открывающий цикл весенне-летних календарных обрядов. Несмотря на обилие обрядов, приуроченных к этому празднику, и их хорошую сохранность в других местах Вологодской области, в Вашкинском районе, как показывают материалы, тема столь популярной на Севере масленицы почти не звучит. Местная масленица ничем не примечательна. Основной компонент масленичной обрядности — проводы или похороны масленицы здесь отсутствуют. Однако праздничная неделя была полна и другими обычаями, как общерусскими, так и исключительно местными.

Как и по всей России, в Северном Белозерье на масленицу было принято гостить у родственников. В первую очередь это касалось молодоженов, которые начинали гостеванье с четверга масленичной недели. Как правило родители молодой ждали приезда дочери с зятем и специально к нему готовились. Пекли пироги, варили суп — словом, устраивали традиционное праздничное угощение (см. «Застолье»). «Маслена нидила только было розрешалосе масленое йисть. Это вот раньше-то. Уш это маслена нидила — мяса ни йидят, а йили раньше рыбу йили, и вот всё штобы тут молошноо. Блины пекли, олашки, и соломату мешали. В масленку возьмут винца. Пиво не варили, по-моему, потому што праздник этот недоўгой, всёо этот праздник один день “катальной”, дак там эть и гостей не так уш много, ак вино брали» [ОУА, д. Опрячкино; СИС 26:76-76об.].

Специальные блюда готовили на первую гостёбу зятю (в том числе и на масленицу). К такой ритуальной пище относился «солومات» — толокно, за-

¹ Информатор не уверен в точности названия.

правленное маслом или сметаной (см. «По соломатам ходить», «Жатвенные обряды»). «Зятья к тёщам так-то приежжали, на маслен(и)цу приежжали. И вот и там вот, хто свои ездят так вот. Вот у меня у мамы было два брата. Дак эти оба брата всёгда на масленку приежжали с жена́м, с йим от ишо́ и детки маленькие, дак с маленьким деткам приедут» Гостей угощали: «Так жо, как вот на Пречисту всё вот этоо: пироги пекли, суп варили, и всё там, всё приготавлили. Вот тожо сядут, дак супу нальют да по́днесут, да вот картошка скоромнаа — на сковороду накрошат с мясом да. Блины тожо пекли, соломату ишшо (и)ногда от мешали да, вот на масле. Ак толокна напарят с овса, намешают соломаты» [ХЕП, д. Аргово; МИА 24:14об.; АТК, д. Макино; СИС 23:36; БАН, д. Митрофанова Гора; СИС 22:24]. «Для зятя дак всёгда мешают соломату. Го(в)орят: “Зять за столом, дак надо соломата!” В любоз время это: зять придёт, соломату мешают» [АНИ, д. Зуево; МИА 24:82об.]. «Как дочку отдаси замуж, да зять приезжаат на первую гостёбу, дак этой уш соломаты намешают. Пока зять не хлебнет, дак ниhto — ни гости ни хлебнут! Ой-о-ой! Да на гостёбу приедут уш, эт уш все знают, дак сидят! Потом все йидят соломату-ти» [ЛАП, д. Сукозеро; МИА 24:Ф1991-11Волог. Оп. № 82].

Иногда солоMAT был последним кушаньем, обозначавшим конец угощения. «Зять приходил к тёще. Последнее кушанье — соломата» [МДП, д. Логиново; ПМП, д. Никольская; СИС 21:33]. «А соломату в последнюю очередь, в последнюю, в последнюю. Как этот в последнюю очередь, знаешь, энти олащечки. Ну, а потом уш солоMATка, а потом киселёк. Киселек наа клюквенной из ягодок, сладенькой» [ААК, д. Никоново; МИА 25:Ф1994-12Волог. Оп. № 26]. «Тёшша уж зять ждёт, дак напекёт блинов, олашок, там супу наварит, холодец сварит, тут всяк из яиц наделает и соломату принесёт, вот. Соломату почти што послиднюю. Самую послиднюю носили яишницу — вот тепере яйца-то жарят. Яйца-то, ак это яишницу самую послиднюю, а соломату уш предпослиднюю. Принесут первой суп, холодец ишо сразу в квасу́. Это у нас было. Потом супу принесут, потом жаренину можот быть какую ли кашу ли изо пшона (ранше веть рису не было, например, дак пшонную принесут). Потом принесут олашки да блины на одной сковороде. Сразу наверьху олашки намазаны. Толокном насыпаны, масляные. А потом принесут за этим соломату» [КМГ, д. Хошково; ССН 9:72об.]. В д. Задняя Слободка зять, прежде чем приступить к еде, стучал ложкой по солоMате — «проверял, не суха ли соломата? Если стукнет по солоMате, и масло не появится: “Неси, теща, еще масла!”» [КУН, д. Задняя Слободка; СИС 25:13].

Часто при выносе соломата над зятем подшучивали. «Зятьей всё солоMатом кормят и топерь кормят. Для зятюшка о масляной и делают. А то зять не знает, бывало. Тут у нас один не знал, дак тёшша спрашивает: “Чё, зятюшка, тебе — солоMATку иль гоголькóу?” А он не знает, чё сказать: “Тоголькóу!” А гогольки-то — толокно вот на воду насыплют, да вот и гогольки. Гогольки — это пустоэ.

Вот ему гоголькоу. Хохотали...» [КУН, д. Задняя Слободка; СИС 25:13]. По обычаю зять должен был непременно хлебнуть угощение первым. Если он этого не делал по каким-либо причинам, то рисковал получить ложкой по лбу. «В первую очередь наа, штобы зять хлебнуу солодатки. Не хто! Все и сидят, а нет и по рукам колонут, што: зятю! Твоя очередь вперёд есть солодатата, а потом все. Пока зять не хлебнет, дак уш ниhto не хлебнёт. Любишь не любишь, а хлебни. Потом всем покажешь дорогу, што вот нао всем поисть» [ЛМА, д. Трифоново; ССН 9:45]. «Вот как зять сидит дак, первой если не хлебнет соломаты, так уш и зóрят. Как только — в лоб дают лошкой дак! Это што прозёвав соломату зять. Вот зять первой и стремицца, глаза и пúцит, што: принёсут, принёсут соломату, дак наа не обезвать. Нет — в лоб лошкой полуцит» [КМГ, д. Хошково; ССН 9:72об.]. «В любой праздник, когда зять гостил, ставят соломату, а зять должен первый успеть хлебнуть, штоб ложкой в лоб не получить» [ЯОП, д. Сальниково; СИС 21:45; ПМП, д. Парфеново; СИС 22:55об.].

Вероятно, кормление зятя соломатом имело продуцирующий смысл. Вот как один из старожилот д. Зуево объяснил необходимость этого обряда: «Для зятя дак всёгда мешают соломату, штобы “штука” стояла, штобы дочку наладив хорошо. Это в любое время, когда придёт зять» [АДИ, д. Зуево; МИА 24:82об.].

Другим угощением, специально приготовленным для зятя, был «колоб» — пирог с соломатой. «А колоб: значит, из теста выстрепают корку — ну, там на сковороде на круглой, дак круглую. На противень — так такую. Ну, и намешают масленую соломату — масленую-масленую. Ну, и накладу́т. Наа только, што(б) не очень густая была: густая она — дак чё? В печке ешо подсохнет, дак. Штобы не густая была. Дак колоб будет симпатичный, вкусный. Ну, и по этой корке раскласть. А потом там краешки загнуть, штобы не выпала соломата. И печется колоб. Раз зять есь, и все гости, какие есь — приносят не одному зятю! Ну, для зятя колоб уш, как говорицца, и для зятя испечён, а ешьте все!» [АТК, д. Макино; СИС 23:37об.]. «Колобок и сицяс делаём. А в праздники всегда колобок! Когда девушка замуж-то выйдёт, дак вот зятю-то и говорили, што для зятя нао колобок испечь. В гости идёшь — и колобок уш там у матери испечён» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:67]. «Колоб пекут у нас всё больше зятю, когда зять приезт в гости, то ему уш в первую очередь — колоб. Колоб: там из теста такую корку сделают, накладу́т соломаты хорошей — уш на одном на масле там шобы она вся. Вот эта испекут это зятю, когда зять приедет в гости, дак. Знаёт как, што зять приехав, дак уш: “Да зять, ак наа, — гоорят, — колоб испечи!” Да и на масленицу ведь дождут (а другие и не только в масленицу, дак), на стол принесут: “Да, сёдни, — говорят, — для зятя ак колоб испекла!” Да и все это едят. А уш это так-то всё: “Для зятя!”» [ЗАП, д. Ушаково; МИА 24:Ф1991-11Волог. Оп. № 48]. В Пиксимовском сельсовете колоб выносили к столу разрезанным, и угощался им не только зять, но и все остальные гости в любом порядке. «А делали, пекли колоб. Колоб тожо на гостё-

бу, на это, когда приедут, дак колоб розрежут на тарелку на чёточки [=ломтиками], принесут, дак: “Ешьте уш!” Ели все: нет, колоб дак нецё не первой, а соломату дак уш зять первой» [ЛАП, д. Сукозеро; МИА 24:Ф1991-11Волог. Оп. № 82].

В Ивановском сельсовете колоб делали не только когда новобрачные приезжали к родителям молодой, но и если теща шла в гости к молодоженам в масленицу либо в другой праздник или свободный день. «В любой день пойдёт, например, ковды она вздумает. Ей свободно — она пошла гостить к дочке: там же обычно зять есь! Она уже этот первой пирог, ко́лоб несет к зятю. Соломату мешаэт на голом на масле. А соломата — толокно делали раньше. Сделают корку и тут накладывают вот эту соломату. Вот это назывался колоб. Не на праздник это, а как приходит тёшша к зятю в гости. В любой год хоть до самой старости. Это уш обычай: тёшша идёт к зятю, ак нао колоб печи» [БДП, д. Мытчиково ; МИА 24:Ф1991-9Волог. Оп. № 83].

Таким образом, угощение зятя в масленицу соломатом и колобом не являлось исключительно масленичным обычаем. Так, например, колобом кормили зятя и в престольные праздники и на Пасху (см.), а соломатом — в троицкое заговенье (см. «Троица»). Срок первой «гостёбы» обычно зависел от срока проведения свадьбы и мог приходиться как на масленицу, так и на последующие или предшествующие ей праздники. «Колоб, дак на праздники. А праздники около Смоленской были. Вот у ково масло есть да толокно, вот и сделает. А у ково нет, дак и не сделаат. И не обязательно на Смоленскую — а могли испечи раньше Смоленской, пожжэ Смоленской могли испечи и всё...» Кормили колобом зятя, но вместе с ним угощались и другие [ААЯ, д. Гавриловская; МИА 25:35]. «В троицко(е)-то заговенье тожо соломату делали» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:66]. В Троицком сельсовете зятю на Пасху (см.) также полагался колоб, правда, к нему еще прибавлялось и решето вареных яиц. Угощать могли как в доме родителей молодой, так и в доме ее мужа, куда с этой целью приходила теща.

Описанные выше обычаи и обряды относятся скорее к послесвадебному, чем масленичному циклу. Традиционная обрядность, связанная со вступлением в брак, не ограничивалась собственно свадьбой (см.), так как молодые должны были пройти еще целый ряд церемоний, позволявших им окончательно утвердиться в новом качестве, закрепить брак в сознании общины. Взаимная гостёба и ритуальное угощение зятя были призваны обеспечить породнение сторон. При этом соломат в старину символизировал приобщение к другой семье и покровительствующим ей духам предков.

Среди распространенных на масленицу обычаев наиболее популярным было катание на лошадях. «Катались на Ивановской вокруг домов. Круговая дорога была, там катались на санях. И молодых катали. И парни, и деушки — все йízдили» [АНИ, Зуево; МИА 24:83об.-84]. «На масленке катались на

лошадях. В воскресенье с обеда до потёмок, какие гуляют и до ночи. Саночки дубовые, полоз узенький. На спинку накидывали ковры, простыни с подвесами. Катались по кругу: из Парфеново на Тимино и обратно по другой дороге. Много, по десять лошадей, ехали» [ПМП, д. Парфеново; СИС 22:55]. «В масленицу молодёжь, хто имел сани хорошие, лошадь хорошую — запрягал и девушек катали. Так называлось: “катали”. Ну, а девушке за это — уважение» [ЗПЕ, Парфеново; МИА 23:15]. «На конях катались в масленку. Запрягали коней. Девушек катали любоўники, ухажоры были. Сани были, дуга была у тяти такая цветами, зелёными, так выездная дуга была... Заквѣшивали коней [=держали] и не пускали коней» [МНИ, д. Мыс; МЛМ, д. Сальниково; СИС 21:63об.].

Местной особенностью являлось то, что девушек катали не только парни, но и взрослые мужчины, и даже старики, которых молодёжь нанимала («поряжала») для этого за определенную плату. «О масленку на санках катались, даже на дровнях — единолично жили, дак. Дровни вот выпрягом и вот на дровнях катались. Вот у нас дедушка Мох(в)а поряжали. У ёб были дровни (эти, розвальни такие дереанные, дак). Вот он нас посадит, по деревням катаат. А мы песни поём: сидим у ёб в санях, а он нас на своём (рыжий був у ёб) по деревням возит. Дак мы ёму этот, летом пожнём подём — по дню жать. Это маслянка, о маслянке нас катали. Это сѣдем — нас элака куча, повные сани, и он нас, старик (шубу надинёт), нас по деревням и катаэт» [КАВ, д. Мытник; МИА 25:17].

Сани и лошади по этому случаю специально украшались, так как катание было ещё и своеобразной демонстрацией достатка и благополучия. («Тряпочек красивых навяжут лошади на лицо» — КАВ, Мытник; МИА 25:17об.). «На лошадь там ленточек всяких напривязывают да, бантиков наделают да...» [АТК, Макино; СИС 23:36]. «Сани были красавицы! Особенности. Сани в черную краску [красили]. А последнюю оправу различно. Витая была, в виде спирали. У ково золотистаа, у ково серебристаа. Сани так делали, дак у-уй!» [ЗПЕ, Парфеново; МИА 23:15об.]. «Сани раньше всегда красивые были. Были черные, коричневые, разрисованы все вот как, например, деревянные чашки-поделки, всё цветами розрисовано. Все санки такие небольшинькие. Ну, в эти санки не ахти войдѣт и народу, маленькие саночки. Назывались санки “дубовые”. Не знаю, из дуба ли, нет ли, но “дубовые”» [АТК, Макино; СИС 23:36].

Сама процедура катания выглядела так. Украсив сани и лошадей, парни съезжались в одну из ближайших деревень, где была круговая дорога, подъезжали к ожидавшим их нарядным девушкам и приглашали знакомых прокатиться. После чего катали тех, кто соглашался, два или три круга, высаживали их и приглашали кататься других. Катание производилось большими компаниями. «Ребята приезжали, дак девушек катали. Там парень если вот прийдѣт, так девушек штуки три-четыре посадят в сани. Вот и вместе катались — это вот

если своих знакомых вот естли вот. Вот подойдут, остановяцца (вот так вот стояли — на улицах [девушки] стоят, платки эдакиэ большие накинут, эти вот старинныэ, стоят), подходят: “Давайте садитесь!” — вот и приглашают. Это уш знакомыэ йим. А едет скоко хочешь, там кода скоко укатяще» [ХЕП, Артово; МИА 24:19об.]. «Молодежь так молодежь и ес(т)ь. Ну, а так это запрягут лошадей да, одних прокатят там раза два ли, три ли, да высадят, да других посадят да» [АТК, Макино; СИС 23:36]. «Катание было на масленицу. Катались ребята на лошадях. Подъезжают, а мы выходим гулять на дороге, вот. Подъезжали, приглашали садиться: “Садитесь, с нами прокатимся”» [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:79].

Вот довольно подробное описание масленичных катаний в южных местностях района. «На масленку у нас праздники. Вот сѣдни четверьг, сѣдни на Палшем у поехали. Завтра пятница — завтра поехали в тот угол. Там вот была Лукьянова да, Юрина да — на Муньском, дак. В субботу в этом углу [=на Волоцком]. А в воскресенье уш у нас, в Естошево. Вот тут у нас ломяцца: дереу́ня-то этакая большаа, барошней-то робята катают, из-за барошней-то роздурецэ, колье́-то ломают. Ой, батюшки-свет! Девки-то всё розукрашоны, в фаргуках, на подушках сидят! Сани-то хорошиэ. С гормоньей-то еднѣ [=некоторые]. Ой, хорошо было коль! А эть едны-то и поха́ют, го(во)рят: “Ой, тут-то дак и лошадь-то добра́, да и сбруа добра, да и сани добры, а и платье́-то ишо добрей, а в платье-то дак говно!” Девок поха́ют, ак чѣ? Худыэ дак худыэ, некрасивы(е). Лошадь вся, вся: (во) всяких бантах, всяких, всяких тут кустиков так навешают, так на всю и сбрую, и всё ту́то-тко. Дак едной [=какой-нибудь] парень лошадь-то загонейт. Так приидет ко крыльцу-то, ак батько-то будет ёо за эту лошадь-то: трясѣт-трясѣт — што лошадь-то загна́й! Ну, и нас-то ишо катали — как маленькии, так мы-то ишо не девишничали — дак у батьки лошадь запрягут, так тожо робята-то нас-то ишо посадят, покатают. А мы робятам-то ишо яйцо подаём о Паске — покатали нас, так» [ААК, д. Естошево; СИС 26:32].

В благодарность за катание девушки одаривали катавших их парней яйцами в Пасху (см.) или Троицу (см.). Так, по свидетельству из Парфёновского сельсовета, если парень катал девушку на масленице, то она дарила ему яйца: «О Пасхе, так и готовят, што надо яйца, кому должна» [ЯАА, д. Веселая, СИС 21:71]. «О масленке на конях у нас катались. Кони-то хорошие, бойкие у всех дак. Насадят, да нарошно заедут в сугроб, да пе(ре)вернут этих барошень всех да, в снегу укатают да. А в Пасху этим, хто катаэт, дают десяток яиц» [КУН, д. Задняя Слободка; СИС 25:7об.]. «Которых девушек ребята катали вот, в Пасху надо было христосоваться и яйцо дарить. Не знаэш, как это яйцо подарить! Крашено(е) яичко за то, что тебя покатал. Всем [кто катал] по яичку дать» [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:79об.]. «Парни девок приглашали катацца, кругов пять прокатят — два яйца надо в Пасху отдать» [БАН, д. Митрофанова Гора; СИС 22:24об.]. Катание на лошадях в масленицу, вероятно, было не только развлечением, но и изначально

связывалось с аграрной магией. Считалось, что чем больше прокатаешься, тем лучше будет урожай, выше лён («Вот на лошадях-то и катались, шtbody лён был») — ЛАД, Вашки; СИС 21:80), поэтому, катаясь, старались сделать как можно больше кругов.

В праздничном выезде на масленицу принимали участие не только холостые парни и незамужние девушки, но и молодые семейные пары, живущие в браке первый год. «Молодые приходят к родителям на масленицу да. На масленице это уш последние дни — с четверьга раньше праздновать начинали. Кресный жениха и приглашаэт в гости. И вот едешь на лошаде́, значит. Погостишь, а вот субота и воскресеньё, значит, каталисе в маслянке — по деревням» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:67об.]. «[Молодожены] у своих, у кажново гостят. Ну, это у жениха это у своих, и у невесты у своих. Это кажный созовёт. Это отво́дины, это на отво́дины йиздили... У лошади на шее-то эти, колокольчики, ак только названиваэт! А глупёли тожо чё-то над йим [=молодоженами]. А чё-то делали, каку-то, што зафатить [=захватить]» [ЕНА, д. Новая Деревня; СИС 24:13]. Повозчиком молодоженов был обычно кто-нибудь из близких родственников. «Молодых кто-нибудь из родных катал, по кругу, по Ивановской. Раньше посере́дке дом большой был, вокруг него катались» [БАН, д. Митрофанова Гора; СИС 22:24]. «Ранше молодыз — это вот женяцца, дак “молодыэ” — дак от есть катающца двое, а третий си(д)ит — по(в)озчик — лошадь держит, вожжи» [ХЕП, д. Артово; МИА 24:20]. «Ак это молодых катают на лошаде́ в санях — в санках... Ну, березовые, березовые. У коо простые, у коо красивые. Молодых катали, дак. Вот первоо го́ду, как женят» [ЗТН, д. Поповская; МИА 23:91об.].

Сани новобрачных также были пышно украшены. Это делали не только для демонстрации богатства вновь созданной семьи, но и для того, чтобы окружающие могли сразу отличить катающихся молодоженов от других пар. «На сани такú вышивку от вешали, што это молодые едут. Ну, вот там на матерьяле да вышьют узор такой строчной — ну, всяким тут всяким цветам узоры. Ранше всё больше на коленкоре вышиты тут этим, цветам: такой вот как скатёрка вышивка. На эти, на сани взади навешают. Это видят, што молодыз катающца» [ХЕП, д. Артово; МИА 24:20]. «Сани украшены, простыня с мысами [=кружевами] по спинке» [БАН, д. Митрофанова Гора; СИС 22:24]. «Уш там лошадь снаряжона как надэ, блестяшшоэ всё было. Сами, жених и невеста уш там и подушки — в сани (по́шовни раньше у нас называлисе). По подушке складёшь и одияло, одияло. Какой-нибудь коврик такой красивой, домотканной вы(в)эшивали сзади. У-уй! Лошади как, на́гнаты, што как птицы: лошадь за лошадью, лошадь за лошадью! Вот так» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:67об.].

Обычно, увидев молодых, их задерживали и требовали подарки, иногда заставляли целоваться. «На масленицу молодых задерживали жердью. Подарков с них ждали — конфекты, пряники. Вина не было. Говорили им:

“Поздравляем с законным браком!” Те должны целоваться и дарить» [ПМП, д. Парфеново; СИС 22:55]. «Молодые парни захватят лошадь за уз(д)цы, не пропустят да. Задерж(и)вали лошадь и молодые целовались» [ЯАА, д. Веселая; СИС 21:71]. «Ну, вот оне, молодызэ, едут, там естли мы шли, подскочит, лошадь захватит за узду — да и остановит. Останавли(в)али, штобы: “Наа, [штобы] поцеловались!” Вот останавлиющца, былó и поцелующца, опять сядут на место — и поехали!» [ХЕП, д. Артово; МИА 24:20]. «Парни или мужики остановят, молодая встаёт, поклонится, молодой встает, поцелуются, опять поклонится и поедут» [БАН, д. Митрофанова Гора; СИС 22:24]. «Остано(в)ят: вот вожжи захватят да остано(в)ят, да пока не поцелующца, дак не отпустят. Дак те чё? Поцелующца, ак те остануца да опустят вожжи, да и всё! Пока не поцелующца, оне постоят тут, ни уйдут» [ВАИ, д. Трошино; МИА 25:21]. «Захватывал хто хочет, у коо сила заберёт, хватали лошадь. Становят и выкупают. Вино дают и поцелующца, поклонница невеста или там молодая» [ЛАС, д. Большая Чаготма; СИС 22:19]. «Это тожо — заставляли целовацца, как поймают лошадь. А идёт, дак кучёр не даёт, штоб не смог поймать — ты вот хочёшь поймать дак. А другой ловкой сымет, дёржит. Тут уже цолуйтесь!» [ААЯ, д. Гавриловская; ССН 15:2].

Другой масленичной забавой было катание с гор. «Играют да с горы катающца да, на чуночках да. Место гористое, дак на снегу катались. Ничё не заливали, потом утопчещца, дак» [КАА, д. Слизово; МИА 25:74об]. Катались по-разному: и на дровнях, и на чунках; и вместе, и по одному. Причем катались не только дети, но и взрослые. «А горки! Мы с этих горок не сходили всю зиму. Не то што на чунках, дровни привезут, и на дровнях. На дровнях — большой кучей. А потом опять закатыт (этой же кучей закатывали на горку дровни) — и опять. Уже мы взрослые это катались. Это в масленицу, не всё время» [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:80]. «Деревня как на горке стоит, а пóд гору, значит, как по праву руку туда, по-за деревней, ну как за дворами-то под гору туда, и бывало сделаны такие катки, што от деревни до самого лесу доедешь. Прокатяцца раз на лыжах, а потом на чунках на этих же. А то бывало брали пóдчунки — бревна-то мужнины возили дак, дровни да эти брёвна везти, ак надо щё пóдчунки. Ну, да от ково ли отвяжут подчунки парни да, вот на подчунки, там несколько челозк. А вот оттуда, от лесу и бреди по снегу. Водой не поливали — хитрó это поливать, если от деревни до лесу там с километр с хороший будет, а то и больше» [АТК, д. Макино; СИС 23:35об.]. «Вот парень еси там коó надо прокатить, какая нравицца девушка, дак это приглашаэш што прокатить. Меня, например, пригласят, а он мне не нравицца дак, вот и не пойдёшь и начнём, остановимсе с девкам. Мы начнём-то ругать-то ребят по прозвищу, по прозвищу ругать, не садимся никак в санки-то, ездить, катацца это. Да ишо частушку составим да ишо, я сама эть сочиняла частушки... [Вечером] это все утихнут все, а мы давай катацца, сани-то надо украсть в колхозе и дроўни, на дроўни доски кладём, все-то усядимся, да все-то гурьбой-

то да. Другой раз ребята-то взади едут, да чё ли там подбороздят, а сани-то опрокинуцца, да мы все кубарем по гору-то! Ой, все обдерёмся-то, искалечимся-то!» [ВЛФ, д. Ивановская; СИС 24:22об.].

Для катания часто изготавливали специальные приспособления из толстой доски, нос которой несколько заострялся и подтесывался кверху. В середине выдалбливалось небольшое углубление или прибывалась скамеечка для сидения. Назывались они чаще всего «лодка́ми», «лодейками» или «като́шницами». Катались на них поодиночке, стоя, а дети лежа. «Снегу накладвали, водой обливали, штобы дальше туда. Это мы сами шо делали, небольшой мы ишо были, ну, подросткам. Катались на чунках, на доска́х, лодейки были элакие. Деряжные сделают, ну так элак носочек штобы поднялси, ну ишо сделают, штобы ставать да элакую деревянную, ручки делают, покатишь и за ручки дёржишься, взади стоит. Как корытцо, как корытцо, невысокое, небольшойэ дошечки были. Они как окатающа, так сами [едут]» [МНИ, д. Мыс; МЛМ, д. Сальниково; СИС 21:64].

Иногда помимо обычного катания на санях катались по жердям, которые обливали водой. В этом случае скатывались, стоя на ногах. Задача заключалась в том, чтобы не упасть. «А мама рассказывала, у них делали еще (этово я не видала, но она рассказывала) две жерди вот так вот [=параллельно] с горы спускающа и вот эта вот тарпиночка так вот и там вот эти жерди тоже обливались. И вот катались, штобы не упасть. Катались на ногах» [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:79об.].

В Вашкинском районе было известно также «кружало́», т. е. своеобразная карусель, состоявшая чаще всего из двух жердей, прикрепленных крест накрест при помощи тележного колеса к замороженному в лед колу. К жердям привязывали сани, которые и ездили по кругу. «Кружало сделают, так чё-то вертят, так это санки-то кругом этово места и вертяцца. Ну, раньше назывались не санки, а чунки. Раскручивали так, што вылетали из саней» [АТК, д. Макино; СИС 23:35об.]. «У нас “карусель” звали. Вот это сделают машину такую: привяжут колесо, жердь привяжут и подчунки (лес возили на подчунках). Посадят не одну — подчунки-то большойэ. А после масленки на другой день, в Чистый понидильник — все уш тут! Подчунки оберают — всё уш тут...» [ААК, д. Естошево; СИС 26:33].

Развлечения молодежи этим не исчерпывались. Часто на масленичной неделе парни собирались у кого-нибудь в избе и играли либо в карты, либо в лодыжки (см.). «Я дак не играла, а к нам собиралисe к брату ребята. Придут, дак играли в карты в маслянку. Да, это ребята взрослые были. В карты играли и в лодыжки потом играли» [КАА, д. Слизово; МИА 25:74об.].

Ритуалы проводов и сжигания масленицы в Вашкинском районе отсутствовали. Цикл масленичных обрядов завершался в «Чистый понедельник» — первый день Великого поста. Название этого дня отражает присущую для него символику очищения перед наступающим постом. В этот день обычно не работали [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:68]. «В Чистый понидильник баба

пойдёт гулять, а мужику: “Парень, истопи-ко сённо байну. Веть нао нам и помыцца. Сённо Чистый понидильник”. Ак эть какой как настоящый мужик, путней, дак истопит, а какой как не путней мужик, так: “Ну тебя к такой матери, чудо, буду я байну топить!”» [ААК, д. Естошево; СИС 26:33об.-34об.]. Считалось, что помывшись в бане в Чистый понедельник, избавишься от всех кожных болезней и паразитов. «Малосенькой была, это слыхала, што хто в понедельник баню топит, дак это вшивой, овшивел» [АТК, д. Макино; СИС 23:36].

В Чистый понедельник было принято доедать все, что осталось после масленичной недели. Это называлось «охараточки подбирать». «Ак уш знают-то уш, што больше уш бутывки нету: “Высохло всё!” Ну а элак-то не требовали, как уш нонь-то требуют. В гости-то и йиздят кажный — подбирают всё охараточки, доедают-то. Дак ведь не готовяцца уш на это в понидильник уш. Чё от вчерашнёо осталось только! Охараточки, дак это последнёе всё што. “Всё, робята! Всё-то добито, дойдидено!”» [ЛАП, д. Сукозеро; МИА 24:Ф1991-11Волог. Оп. № 86]. «Доедали, што было напечёно на масленицу. Ну, понедельник, Чистый понедельник — и всё...» [ЗПЕ, д. Парфёново; МИА 23:16об.]. Любопытно, что в д. Естошово доедание остатков считалось чисто женским обычаем. «В Чистый понидильник послаи масленки тожо собиралисе вот и женщины, там выпить тожо, пирушку устраивали. Днём собиралисе, вечером уш не ходили. Напьюцца пива, пляшут. [Закусывали] всем посным: капуста, рыжики (ну, раньше эть огурцей не садили, не было), картошка, уха, рыба на масленку уш кажный год была. Рыбы возили раньше. Это перед масленкой, так по деревне едут и едут, и не один обоз пройдёт. А уш это тут вечером всё [скромное] ишо ухутят большухи из избы: ухутят — спрятают, оберут от нашоо брата всё супрятают. Всё, всё, всё уберут, всё уберут. Соломату и ту вынесут — в ту [=летнюю] избу поста(в)ят в печь. А мы возмём да и украдём, съидим всю. До семи годоў у нас поп разрешал, молоко малышам давали. А уш с семи годоў, только если дают, што какой заболезт. Ну, дак вот попа привезут, да поп скажет, что вот розрешаю што этому-то, пока не ожи(в)ёт» [ААК, д. Естошево; СИС 26:33об.-34об.]. Доесть оставленную пищу нужно было обязательно, поскольку несъеденные куски считались «погаными» и оставлять их на Великий пост было нельзя. «Поганые куски доедали, хотя начинался Великий пост, вот. Это называли “поганые” куски, но доесть их надо, выбрасывать нельзя» [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:80].

Если у кого-либо оставалось пиво, то в этом случае тоже приглашали соседей допить остатки. Оставшееся «на дрожжах» пиво допивали не только в Чистый понедельник, но и в другие праздники (см. «Престольные и заветные праздники»).

Главными действующими лицами некоторых обрядов и обычаев первого дня Великого поста были новобрачные. Таков, к примеру, обычай «косьё

подбирать» — катать молодых в снегу. «Ежели выйдут молодые, дак и подойдут к ним, дак и в снегу накаатают молодую. А как жо, да, катают!» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:68]. «В Чистый понедельник — “косьё подбирать”. Поваляюща в снегу, парень девку свалит в снег да накаатает да. Шалят, тот и другой тут, балующа. “Косьё подбирали”... Верно катающа, так косьё ростеряют. Она не поддаёцца, он берёт её и хочет свалить в снег, а девка не поддаёцца ему, вот это и повозяцца эдак» [МНИ, д. Мыс; СИС 21:70об.]. Одна из мотивировок этого обычая — «собрание костей», растерянных девушками во время катания на масленицу, которое нередко сопровождалось вываливанием катающихся в сугроб. «В Чистый понидильник: “Нао сённи косточки собирать. Вчера каталисе на улице, так сённи нао косточки собирать!” — будто кости ростерёли. “Сённи, деўки пойдёмте к этой [=горке], там косточки сосбираэм да» [ААК, д. Естошево; СИС 26:34об.]. «Это вот пройдёт вот маслено заговеньё, и в Цистый понидильник, на второй день: “И сёдни, робята, бегите собирайте костощки-то!” Это, ишь, катаюцца, дак это...» [ОУА, д. Опрячкино; СИС 26:76].

Чистый понедельник завершал череду масленичных дней, после чего начинался Великий пост с его будничной суровостью, и веселье прекращалось до Пасхи (см.).

Островский Е.Б.

МЕДВЕДЬ

Один из древнейших персонажей ряжения, наряду с «покойником» (см.). В Вашкинском районе, как и на всем Русском Севере, это наиболее популярный зооморфный персонаж. Он играл важную роль в местной мифологии (см. «Леший», «Былички») и выступал в ряжении в разных своих ипостасях. Не удивительно поэтому, что в забавах ряженных «медведь» часто выполнял те же функции, что и «мельник» (см. «Мельница») или «черт» (см. «Кудеса»). Можно выделить несколько типов сенок с участием «медведя». Из них наиболее простыми по форме являлись зафиксированные в некоторых деревнях Ивановского, Андреевского и Троицкого сельсоветов. Здесь «медведя» приводили на коротком поводке, он ревел, набрасывался на девушек и пачкал их сажными рукавицами. «Медведя вóжували. В балахон какой-нить, шубу большую наденут, в рукава руки да ноги запехаю и там ташшát, ведут. А тут уш [=в избе] он сам карáмкаэцце тожо. На верёвках ведут, што он ийти-то не мóжот. А верёвка такаа — метра два. Заведут, он ходит-ходит, да марáть-то и надо: кто чистой, дакто тоб и пачкать надо. Дак чистой кто, дак убегаёт...» [МАЯ, д. Мытник; ААЯ, ЕТП, д. Гавриловская; МИА 25:10об., 34, 39об.; КАА, д. Трифоново; МИА 24:Ф1991-11Волог. Оп. № 71].

В дд. Трифоново, Маньково «медведь» приносил с собой в пестере уголья и во время пляски рассыпал по избе и растаптывал их. Тем самым сценка по смыслу приближалась к «выпеканию блинов» (см. «Блины пекчи») и к «мельнице».

Более сложными были сценки с инсценировкой заманивания в избу «медведя», которого приводили на очень длинном поводке. Так развлекались на святочных игрищах в дд. Ларино, Маньково, Семеновская, Ушаково, Ивановская Ивановского сельсовета, Мосеево Островского сельсовета, Логиново Липино-Борского сельсовета, Никольское Роксомского сельсовета. Основным смыслом забавы в этом случае оказывалось выстуживание избы, которое сопровождалось различными выходками, припевками и приговорами сопровождавших «медведя» ряженных. Действия же самого «медведя» мало отличались от описанных выше. «А “медведя” так [водили]. Особенно морозная ночь — открывают дверь и в эту же крестьянскую избу, гвóрят: “Медведя ведут!” Начинают выбирать веревку — там связано метров, на(в)эрно, двести. Издалека, издалека ташшыли. Дверь открыта — избу стóдят. Хозяйка забегает, што всё выстудят! Ну, ничёб ни спрашивают. “Ну, давай! Чёб там тихо идёшь?” А сам специально, видишь, тише и тянет. У них уш так уговорёно всё было. [Веревку] тут прямо сматывают, тут — в этой в избе. Заходит “медведь” — шубу вывернут и наоборот: ноги в рука(в)а, шерсть кругóm, на руках и на ногах. А морда не похожа на медведя — только закрыто лицо и всё. Рука(в)ицы — замазаны все сажой эти рука(в)ицы. И начинают лицо девчат (ребят не трогали — девчат!) этим сажаным рука(в)ицам... Иногда и попляшет. Девочк мнёт медведь, мнёт! Да чёб сделаэш-то? Так было принято, дак. Другая поругаэцца, дак... [Потом уходили — розденуцца и идут на биседу обратно, в нормальном одеянии] [ЛИМ, д. Шугино; МИА 23:43об.; БДП, д. Мытчиково; МИА 24:Ф1991-9Волог. Оп. № 81].

«Ак только што ушли эти ребята с “блинами”, вдруг ведут “медведя”. Веревка длинная — мотають, мотають, мотають. И заходит “медведь” — шуба вывернута вверх шерстью — заходит “медведь”. А у “медведя” одеты опять же самые эти рукавицы сáжны, там в трубе вываляны. И вот начнет обнимать, какая девка провиница. И начнет обнимать этим рукавицам! А сколько визгу! Ой! Дак хто куда забьёцца: хто на печку, хто под печку — хто куда. А на улицу не выпустят уж! Стоят два сторожа у дверей — не выскочишь! Да, в эти святки, дак уж так устряпають каждый вечер, дак. Ой, а и нам интиресно!» [ВВП, д. Никоново; СИС 23:42]. «Вот идёт человек — наряжанной тоже такой (азям одет, азам одет!). А верёвка длинная-длинная! Откроют двери зимой, и эту верёвку мотають. Мотають, мотають на руку — и заходит “медведь”! Ах, как тут! У-ух, как все завижжат! Потом он заревит, как зайдёт в эту, в квартиру. Забурóндат (ну, как медведь, какие звуки произносит) и девочк начнёт обнимать. Ой, милые мои! Как звук произнёс, сичас

тибя обнимет он шубным своим рукавицам сажным — всех подряд! А котоя нравщица, уж котоя — свою сударушку так уж не тронет, не валяэт в саже. Да котоя покрасивше одета, дак ту уж устряпаэт — не знаю как!» [ВЛФ, д. Ивановская; СИС 23:42].

Нередко «поводырь» с «медведем» разыгрывали сценки «медвежьего цирка», прототипы которых они могли видеть на местных ярмарках в исполнении бродячих актеров и цыган. Скажем, в д. Панино эти сценки разыгрывались после прихода на игрище ряженных с «покойником» (см.) и «козлом» (см.). «Потом “медведь” ходив. Шубы надеты, вывернуты шубы: на ногах шуба и тут шуба. Верёвки до-овгие-довгие. Вот ён ковды повзёт, двери всё и полые. Не смеем ничё и сказать. Придет. Придет: “Ну-ко, Миша, покажи, как дро(в)á катают?” И начнёт бегать, скакать да это — девок с ла(в)ок спéхивать. Девки да заревим, да забéгаем, а бежат не дава́ют — двери дёржат. Ён схватит да на́ пол девушку. Вывернецца — [так] вывернецца. Рукавицы са́жные, тяпнет, дак!» [ЛАФ, д. Панино; СИС 23:3; ВАИ, д. Ушаково; СИС 21:49].

В сценках такого типа могут встречаться мотивы более древнего происхождения: например, с демонстрацией «медведем» своей сексуальной мощи, что некогда, видимо, было составной частью развернутого ритуала, семантическим центром которого был символический брак с предком в облике «медведя». Скажем, в д. Глухареве визит «медведя» проходил так. «Ну, сделан настоящий медведь — голова и всё приделано, лапы и всё... И арканчик оденут, кольцо приделают — ожерёлок. Заводят ёво, глядят: “Мишенька, иди!” — там всё это. “А-а, мишка, ты это, потанцуй!” Дак станет, дак жопой потрясёт да и всё. Ну там ещё што: “Ну, поговори с нами, как!” А он: “Ох, ох!” — таким голосом. Хто канфетку даст, хто чево. А рука-та эта у ёо ходит свободно, рукава-та широкие. Ну, как поросёнок, снизу захватыват, а мы ёму положим. Ну, посмиялись — это тут-то смешно. А это покатаеся там или що чио — ну, как чио скажут, этот, хозяин-то. Ну, а потом. Ну, э: “Мишенька, постой, постой, покажи-ко ... толстой!” — вот такие ишо приговаривали, а как же». За неисполнение просьбы «медведю» обещали «дать тумака» [КНИ, д. Глухарев; МИА 23:108].

В д. Парфёново «медведя» наряжали «в чёрное — вывёртывали шубы вот эти, наши. Дак слушай: были охотники, были, понимаэш, эти, и шкуры — и всё делали, хто мог. А там, дак этии, шубну какú-нибудь навяжут, да — ой! — у шубы рукава вывернут: вот тебе и ла́па! “Медведь” на четвереньках, (д)ак когда холодно — рукавицы надевали, (а) на ноги — в чём е(с)ть. Раз приводили “мидвёдя”, понимааш, так вот к бабки, к Сáшинки. Нарядили — ну, обычно, пóдобно. Ну, и это ведь, как тебе? Эти, святки начинающа с сидьмо́о января. Ну. Морóз! И вот к одной бабке, Сашеньке (около нас была — это где посиделки были) так прохвосты привели “медведя”, открыли двери — и ведут, за верёвку тянут. Выстудили как в избé, так о-ой!

Как же, эт наа над старухами посмияще!.. Он ни бузил! Захватывал женщин, во(б)шем, обнимал так. Ни валял. Приводили только в коб игра была, дак ни боялись. А больше ничёб. Он ни бузил. Ну, токо: “Мишенька, постой, да покажи-ка ... товстой!” — это были эти, как в деревне. Ну, а потом приходит обычно, вливаэцца в эт(у), общую компанию. Тут-то не роздевался, при обществе. Все знают, што он приходил. Чёб? Ёб не брезговали...» [ЗПЕ, д. Парфёново; МИА 23:18об.-19].

Вероятно, «поводырь» когда-то обращался к «медведю» с более про-странным текстом, который содержал также и угрозу в случае невыполнения просьбы: «Мишенька, стой! Покажи батог товстой! Если не покажешь, дак по уху, как-то — по уху получишь!» Как-то ловко было» [НАИ, д. Веселая; МИА 23:78].

Сценки такого рода очень близки к демонстрации обнаженного «покойника». Эта аналогия становится особенно очевидной в финале «медвежьей комедии» после того, как разыгрывались сценки «убиения медведя» (т. е. собственно, превращения его в «мертвеца»), его «шкурания» и «продажи медвежьей шкуры». Этот древний мотив указывает на пережиточную форму ритуального жертвоприношения, приуроченного к поворотной дате календаря. В поздних вариантах сенок такого рода на первый план выдвигается мотив «демонстрации обнаженной натуры», чтобы «девок постращать».

«От у нас “медвѣдя” водили, (д)ак тоб продавали. Он в шубе, “медвѣдь”-то, упираэцца, не идѣт это. На верѣвке тянут “медведя”, а верѣвок-то дак, наверно, метрѣв триццать наматаэт. А двери полые, дак выступят и в избе. А тянут вот хто ведет продавать “медведя”. Говорят, што: “Иди, иди!” — там, пони(м)аешь, тянут. Медвидь упираецца, ну а потом-то зайдѣт. Верѣвка-то длинная — потихоньку так и мотают верѣвку: чем длинше верѣвка, тем интересней. Ждут, когда медведь... Я сам вѣжував. Притащшыли, там средились продать. Ну, там срядяцца, значит, ценой сойдущца. Значить наа бить — шкурать. А там у “медвѣдя” кринка — кринка глиняная (ранше в кринку молоко цедили). И вот тут, значит, у одново топор за кушаком. Этово “медвидя” по кринке: раз! Эта-от в черепки — кринка. “Медвидь” пав! Над(о) “медвидя”-то шкурать — ак пав “медвидь”. Ну. А шуба вывернута на леву сторону. Вот шубу розвѣрнут, росстѣгнут да и снимают — вроде и шкурают. Ну, а все веть глядят эти, девчонки там некоторые. А некоторые там бояцца ли цѣ ли. А росстѣгнут шубу, а он гѣлой! Вот этак бывало. Ну, этот сразу замѣр там. Это “медведя продавать”: схватят шкуру, “медведь” гольй, так... А придѣт на беседу, дак походит, поннохает всех. На ногах подымавсе. А некоторые бояцца, завизжат-то, дак это — у-уй! Одна дак тут прямо мне под ноги девка!» Горшок пристраивали на голове “медведя”, под шапкой, иногда на лице. Могли также делать маску: «Из шубы, с хляпакѣв сшивали. А и, значит, видно, штобы смотрѣть, так дырки, дырки. На ноги валянки, а руки в шубе — рук не видно, дак...» [БНС, д. Пиньшино; ЖВН, д. Ваномозеро; МИА 23:22об.].

Аналогичные мотивы нашли отражение в святочной забаве «Сидора колоть» (см. «Игры и развлечения на беседах»), представляющей из себя игровую пародию на «жертвоприношение медведя» — ср.: «Медведь — Сидор по-нашему» [КЯЕ, д. Москвино; ССН 8:45].

Морозов И.А.

МЕЛЬНИЦА

Широко распространенная в Вашкинском районе сценка ряженных, которая обычно основывается на мифологическом сюжете «чертова мельница», известном всем северно-европейским народам. Во многих версиях этого сюжета, встречающихся и в южнорусских и украинских легендах и сказках, в качестве хозяина мельницы выступает медведь или черт. Именно эти версии и легли в основу большинства инсценировок вашкинских ряженных. Причем обливание или расплескивание воды, столь характерное для этих сценок, объясняется связью мифологемы «чертовой мельницы» с небесными стихиями: молнией, громом, снегом, дождём.

«Веники наберут и “мельницу” принесут. Вот наряжца, дак на билом свите как! Мужика принесут, посадят в простёнок. Вот этот самый — это “черт” — сидит с подушкой [на животе]. “Мельницу” принесут, мужик-от сидит в кузове и там “мельницей” этой мелет (там жернов маленькой эдакой — крупённый: крупу мелёли раньше). Мельница мелет там тоже, во кузове в этом — приехали молоть, дак! Это уш другие. Дак вот он там тырындав-тырындав этим крупённым, вдруг остановивсе. Говорят: “Воды нёту! Черт, воды нету! Давай, черт, воды!” Вот этот самый (это “чёрт” — сидит с подушкой), ему и начнут этим вальком-то, колотушкой колотить по животу, што: “Дай воды!” А там подушок накладено, дак не больнё — токо отскакиваёт от подушок. Он всё не даёт. Ёё опять, вальком опять это по пúзе наколотят, и он опять и начнёт молоть там этим крупённым в кузове. Дак ой! Умрёшь! Как интересно-то как было, дак!» [МАД, д. Москвино; ССН 9:97, 106]. «С “мельницей” приходили — жернова раньше были дере(в)янные, знаэш? — гремит! “Мельник” нормально одет, только одежда мукой немного замарана. Ну, одежду тожо нежалимую одевали. “Черт” наряжон с пузой с такой с толстой — может подушка не одна положена, дак! Тоже вроде и рога пристроят на голове. И шубы всё выручали: кверху шерстью вывернут шубу — и всё! Лица не видно, закрыто лицо. Лёжит “чёрт” — прямо на полу. [“Мельник”] помелёт-помелёт — “мельница” остановилась! “Чёрт, дай воды!” — и по пúзе-то палкой! Поколотит — опять “мельница” замолола...» Потом «мельницу» уносили: «Розденуца и обратнo идут на эту же беседу» [ЛИМ, д. Шугино; МИА 23:44об.].

В Ивановском, Троицком и Мосеевском сельсоветах представление часто завершалось вымарыванием дома или присутствующих сажей (см. еще «Блины

печки»). «Приносили “мельницу” — жорнов, и начнут молоть. По всей избе и таскают: “Мельница приехала!” Уголь мололи. Всё замарают: и пол, и всё (стены-то неклеены были). Всех перемажут» [МЕФ, д. Маньково; ССН 8:29; ЛМФ, д. Мосеево; СИС 21:10; ГМЕ, д. Пужомзеро; ССН 14:61]. «А пѳтом привезли раз вот такой чугуи, а там наклáдѳно этоо — творѳньѳ, примерно: сажи да всякой грязи, всё. Да от весь пол тут зáлили. “Мы пришли, — этии, — с мельницей!” Ну. Это уголь-то там товкли: принѳсен був вот тѳто злакой чугуи чугуинной, ак давай, знацит, нáцели товчи товчком. Ну, вот как: “Мы товкѳм на мельнице!” Представ-ляли: “Затовкѳт! — дак ишо. — Мельница медленно товкѳт!” Ак пѳтом она всех выгнала эта, хѳзьяка из избы. Она поглѳдела: полетело вездѳ угольѳ, дак. А пыль! Ну, ѳна потом схватила ушат и на улицу йих выгнала пѳтом» [ХЕП, д. Артово; МИА 24:34об-35].

В ряде случаев символика мельницы соседствует с более архаической символикой жернова или ступы. «Товчѳньѳ — это “ступы товкли” называлосѳ. Шѳбѳ болѳ грязи было. Плитѳшкѳ одѳнут — карманы с дырам нарѳшно. Тудѳ угольѳ накладѳт. Вот пляшет и тѳпчет: угольѳ-то вáлицца, трѳсѳцца у ѳб там. Вот он тѳпчѳт — сам скачѳт. Одѳт как мельник, дак. Он ничѳм не измáзан: он просто так закрьт — и всё. Так он го(в)орѳт, шчо: “Мельница пришла, ступы товч бу(д)ѳт!” — дак. Не один человек придѳт, дак один там подсыпáат, а дру-гой сáзде подтоптуваѳт да розминаѳт, да. Вместѳ придѳт, шѳб три — “ступы товчи”: “У коѳ есть, дак давайте!..”» [БДП, д. Мытчиково; МИА 24:Ф1991-9Волог. Оп. № 81]. Аналогичную сценку разыгрывали и в д. Тарасѳево: «“Мельница” мелѳт — чѳѳ они тут ни делают! Натѳпчѳт тут и всё — всё нара-ботаѳт!.. “Мельник”, уж самой главной “мельник”. Да. Мелѳт чѳѳ-то: замелѳт, защѳлкáѳт чѳѳ-то и повалицца, да. Серѳди пѳлу, серѳди избы. А народ! — Все пѳлно народу, стоят. Не спрашиваѳт чѳѳ — замарáѳт, кѳдаѳт вездѳ. Уголь да вот пѳпѳл да, — какую-то квашѳнку или в кузовѳк либо чѳѳ ли сделаѳт тут, дак тут и толкут, и мелѳт, и делаѳт. Всѳ россыпáѳт и ростѳпчѳт. С гармошкáм, пляска всю ночь!» [ПЕС, д. Тарасѳево; МИА 25:81].

Иногда сценки с «мельницей» практически не отличались от «грамфо-на» (см.). «Это тожѳ была — “мельница”. “Мельница”, ак мелѳт — жорнов мелѳт. Ёѳ прикáтѳт, этово мушину — сидѳт там, во шчо-небудѳ, в какой-небудѳ грѳшѳнке закрытой (грѳшѳнка — это корзинка плѳтѳная большая). Оне ѳѳ и прикáтѳт, посѳрѳдкѳ пѳлу и складѳт ѳѳ — на чѳнках прикáтѳт. Ну, он там и орáторничáѳт, песни всякие поѳт, бы(в)ало — “мельник” это, “мельник”. А сам там крутит, сам крутит. Крутит. Чѳѳ(о) он там крутит — не знаю уш (закрьто, дак). А сам поѳт, в трубѳ-то он и говорит там чѳѳ. Он собираѳт всяко, всякие собираѳт, ну, частѳшки, а над йим смѳюцца. Он один там командѳѳт! Он один. А эти сидѳт там или стоят» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:61об.-62].

Морозов И.А.

МУХА

Среди спортивных игр с предметами, известных в Вашкинском районе, игра с деревянной Г-образной фигуркой — «мухой» была распространена мало. Она бытовала в основном у 7-10-летних детей.

В д. Глухарёво перед игрой где-нибудь на поляне забивали кол высотой около метра и на него вешали муху. На небольшом расстоянии от кола проводили черту, а отступив от нее еще 10 м — вторую, под названием «дом». По другую сторону от кола также проводили черту, с которой игроки должны были бросать палки — «галы» (в зависимости от возраста игроков она могла находиться ближе или дальше). Водящий вставал недалеко от кола, но так, чтобы не попасть под удар «галы». Игроку надо было броском палки выбить муху за первую линию. При удачном броске игрок бежал за своей палкой, подхватывал ее и возвращался на место. Одновременно с ним бежали и все промахнувшиеся игроки. Водящий же, подобрав муху, добегал до дома и надевал муху на кол, а затем старался обогнать игроков и занять себе место на черте [КНИ, д. Глухарёво; МИА 23:96]. Прибежавший последним — «отбивал наказание» (д. Калитино), т. е. водил.

В других местах существовал более простой вариант игры. Например, в д. Мыс надо было просто сбить муху с кола, после чего игрок и водящий наперегонки бежали один за палкой, другой за мухой, а затем старались занять место на кону, опередив соперника. Выигравший катался на «кукрах» (плечах) проигравшего. «Муху дере(в)янную делают робята, элакой, с кокорюшечкой с элакой. Столбик вкопают в землю, а эту “муху” нади(в)ают на этот столбик, а сами с палками взде. Кто как собьёт, а хто ни собьёт, дак на знаю, чё-то тоже на кукрах носили» [МНИ, д. Мыс; СИС 21:68].

Слепцова И.С.

НА ШАЛЬНО ДЕЛАТЬ

Некоторые формы поведения молодежи являются отражением архаических верований и обрядов. К ним, например, относятся ритуальное озорство, широко практиковавшееся на посиделках (см. «Беседы»), и подшучивания и розыгрыши (см.). В Вашкинском районе до нашего времени сохранился обычай озорства на святки, связанный со встречей и выпроваживанием «кудесов» (см.) и «святок» (см.). Наиболее распространенными названиями такого рода поведения были «шалить», «на шально делать», «дикáрить», «дурить», «глупеть». Теми же терминами обозначалось и

поведение самих чудесов. «На святках это всё дурили. Как тут чё наделают — всё ростопчут угóлье-то, дак...» [ЖВН, д. Ваномзеро; МИА 23:32]; «ходили дика́рили» [ЛИМ, д. Шугино; МИА 23:48].

Чаще всего в рассказах старожилов упоминаются различные шутки с саними и лошадьми, что в старину, по-видимому, символизировало приезд и отъезд «нечисти». «На святки “дика́рили”. Ворóта закладут, скажом, утром, шоб не вытти хозяевам. Тут нанóсят Бог знает чё! Или вот, скажэм, у м(е)ня сани стоят (на лошадях ранше йиздили) — пóд гору катнóт. Тут у нас у Михайла раз катнули (пойма была на реке), да(к) встыли, дак ведь не мог выкатить! Лошадь запрягáв, оттуда вывозив. А у меня дровни были, ак я вот за стовб закрывав на замок, штобы не катнули: цэп, и цэп на замок» [ЛИМ, д. Шугино; МИА 23:48]. «На Новый год у нас ишо любили все дроўни, все чунки — всё скатают среди дереўни и наставят всё дыбом и оглоблям кверьху. Не знай пошто? Робята это, робята да деўки да» [ААК, д. Естошево; СИС 26:31]. «Против Нового году всё, всё, из деревни все дровни у лесорубов укатят на реку. Это молодяшка придут, о-ой, нашалят колько!» [АСЛ, д. Большая Чаготма; СИС 22:19]. «На святках дак вот заклад(ы)вали ворота, на Новой год. Вот топериче под Новой-то год это вот и блажили вечер-то. Ранше этъ дроўни да сани какиэ там есте — всё стаскают среди дереўни окладут всё в один костёр. Утром станут — вся эта скатана в одну груду. Возьмут да лошадь выпрягут да куды-нибудь уведут ишо лошадь в другом дому. Хозяин выйдет, а и лошади нету» [ОУА, д. Опрячкино; СИС 26:56].

Характерно, что иногда в подобного рода акциях принимали участие и взрослые. «Бы(в)ало лошадь: вот здесь изгородь, лошадь тут стоит [=перед изгородью] или там [=за изгородью] стоит. Роспрягут, в изгородь оглобли проденут и запрягут на той стороне. Вредному хозяину, ак коб обидел он... Это парни взрослые делали. Ак и взрослые были иногда — вот у нас некоторые молодцы были цишше парней всяких! В войну погибли вот [Ростемов] отец, да вот Костя Пáвло(в)ычов, Ирине́в-то — вот чишше всяких парней, насмешники такие были, дак!» [ЛИМ, д. Шугино; МИА 23:48об.]. В качестве еще одной примечательной детали можно указать на в целом одобрительное отношение взрослых к этим проделкам молодежи. «Комбайн целый сделают ребята: чунки, дровни все свозят, сани. Выйдешь утром, мужики-то: “От молодцы ребята-то!”» [КУН, д. Задняя Слобдка; СИС 25:4].

При взаимных подшучиваниях девушек и парней обычно практиковались различные манипуляции над воротами, окнами и дверьми. «Двери заложáли, у коо девки да робята есть, дак залóжат. Воду лили в припóру, штобы не открыть ворота. Сани укат(ы)вали, платьё с грядки [=шест для сушки белья на улице] уносили, кидали. Окна мазали, чем попадёт — хорошим не намажут! Шалили

много, много шалили» [ЛАФ, д. Панино; СИС 23:7]. Вымазывание окон и ворот дегтем чаще всего практиковалось по отношению к «нечестным» и «гулящим» девушкам: «Провинище — вроде згуляла. А ранше знаете, што это было?» [ЛИМ, д. Шугино; МИА 23:49]. В этом же ряду упоминается затыкание дымохода и заваливание колодцев. «В святки ишо тут ворота залóжат, завалят и вытти не могут. Сани привяжут к ворóтам, всё наворочают, всё... И трубу за-кры(в)али, это бывало. В передний угол стучали» [ЛИМ, д. Сальниково; СИС 21:65об.]. «Трубу закутали в некоторых. Зайдут на крышу, там чё-нинабудь — платно накинут на крышу либо цем закроют. Пецьку затопят и дым не идёт» [ОУА, д. Опрячкино; СИС 26:56]. «В святки ворота закладывали, сани связывали и в колодец спускали, телегу на крышу сарая затаскивали» [ЯОП, д. Сальниково; СИС 21:46].

Как разновидность озорства рассматривался и старый магический прием, направленный на то, чтобы «связать сердца» неравнодушных друг к другу девушек и парней. «Выкладывали дорожку поленьями от дома девушки к дому парня» [ЯОП, д. Сальниково; СИС 21:46]. «Под старый Новый год от парня к девушке дорожку соломой натрясут. Утром граблями сгребают» [МАК, д. Пиньшино; СИС 22:41].

Излюбленным объектом подшучивания и озорства были «вредные» хозяева, чем-либо досадившие молодежи. «Который хозяин не любит, гоняэт, тоó больше дразнили. Вот на мосту плясали, хозяин выйдет с коромыслом — прогóнит. И специально ёо дразнили. Привяжут колотушку к окну (полено, большóо полено вытёсано). Дли-инную нитку привяжут и издалекá и колотят: о стéну, о стену, рядом с окном. Колотушкой колотили, дразнили. Ну, не у кáждоо тожо. Вот у нас [Увод] был эдакой горячий, дак тоó дразнили всё: за нитку таскают, а и колотушка-та стукаат о стену и выбежит: “У, таки(е) презлакие матери!” — забéгаэт. А ребята где? Вот метров сто нитка протянута, ак их найдёшь?» [ЛИМ, д. Шугино; МИА 23:48об.]. «Привяжут нитку да, и сами стоят вон там. О стекло как начнёт хрестать, дак боисся, што стекло расколят. Порычишь, порычишь...» [КУН, д. Задняя Слободка; СИС 25:7].

Остаточная форма ритуального обхода домов с живой лошадьёу в святки или во время праздничного пирования («на пивáх»), широко распространеная в более восточных районах, а также в Вятской и Костромской губерниях, в Вашкинском районе в 20-е годы также рассматривалась как пьяный кураж, разновидность озорства. «Да, вот в клуб заводили лошадь, в святки. В Малеево у нас был клуб дере(вя)нный, (ак) заводили. Ну, дом большой, бывшей, а крыльцо низко(е) такое, так прямо с крыльца да и в дом, в клуб... Мужчина пьяный быў, дак завёл, да и всё. Заводили в святки, дак што: “Заведём в святки, нам ничо и не будёт!”» [ВЛФ, д. Ивановская; СИС 20:46об.].

НЕКРУТА

Уходящие в армию парни («некрута») по традиционным представлениям имели такой же «переходный» статус, как и новорожденные, молодожены или еще не отпетые и не погребенные мертвецы. Пребывание в статусе некрута было связано с ощущением полной свободы и вседозволенности. «Мама рассказывала, что когда парни уходили в армию, девушки их опасались. Что угодно могли сделать, им все равно, не отвечать» [ЛАД, с. Вашки; СИС 24:30об.]. Церемонии прощания с некрутами их ближайших родственников, друзей и односельчан во многом перекликаются с другими обрядами «выпрощивания»: с девишником (см. «Свадьба», «Святки»), «соломатным» обходом (см. «По соломатам ходить»), святочными игрищами и даже с поминками.

Во многих местах специально для некрутов устраивались молодежные пирушки, нередко с угощением пивом. «Как некрутоў забриют, так уш это почти через вечер да кажный вечер уш биседу делают. Ну, и все ходят» [ААК, д. Естошево; СИС 26:43-44]. По составу развлечений эти собрания мало отличались от пирований во время пивных праздников (см. «Застолье», «Престольные и заветные праздники»). Нередко в разгар веселья старшие девушки подговаривали малолеток спеть шуточные частушки «бракоўкам» — признанным непригодными для военной службы парням. «А эть против кокоо, што оставят как, не возьмут в армию-то, так:

Некрутам давайте пива,
А брако(в)очке воды,
Да некрута пойдут в солдаты,
А бракоўка некуды.

Ты гори-гори лучина,
Вся на уголья исчай [=истлей],
Да окаянная бракоўка,
На бисиди не мешай.

Вот когды это было ишо всё, дак мы были ишо элакиэ, не барошни» [ААК, д. Естошево; СИС 26:43-44].

К свадебным обходам очень близка по атмосфере и по общему смыслу церемония объезда или обхода родни некрутами в сопровождении приятелей и девушек. «Некрута катались по деревне. Запрягали пару лошадей: бантиков, ленточек навязут» [ШТА, д. Мякишево; ССН 8:40]. «По родне ходили, ходили! Если вот в дереўне у нас там сколько — хоть пять некрутоў в дереўне есь; дереўня большаа была у нас, так эть некрутоў поўно было — ак всех и зовут. У меня если племянник некрут, там пять некрутоў в дереўне, я всех их зову. А завтра ты зовёшь всех — твой некрут. Послезавтра этот зовёт. А и деўки-то: некрутоў-то повезут катать (раньше на тарантасах катали некрутоў), если вот я гуляю с некрутом, так вот в тарантас посадят и покатыт. Вот это у нас дереўня большаа, это всё по дереўне и катаюцца»

[ААК, д. Естошево; СИС 26:43-44]. В некоторых случаях обход родни совмещался с последней вечеринкой, называвшейся «прощальным вечером». «Катают некрутоў тожо, в гости возят по родне. Ну, вот там робята друг дружку угощают, водят некрутоў к сибe и по родне возят. Это некрута провожали, как жо — прощальный вечер отводили» [ОУА, д. Опрячкино; СИС 26:74].

При катании по деревне пели специальные частушки («некрутские песни»), в которых преобладают мотивы прощания «с волей», расставания и измены:

Некрута мы некрута,
Бажонные головушки
Теперя дому не видать,
Родимья сторонушки.

Некрутам дается волошка
Вино и пиво пить,
Им недолго расхорошим
По беседам расходить
[ШТА, д. Мякишево; ССН 8:40].

Было время ошибалась,
А топерь не ошибусь,
Да боле с некрутом девчоночка
Гулять не соглашусь.

Некрута-некрутики
Ломали в поле прутики,
Ломали да истаили,
Любили да оставили.
[ААК, д. Естошево; СИС 26:43-44].

Угощали некрутов «в каждом доме, у своих», и угощение сопровождалось причитыванием девушек и родственниц. «Парней катали по деревне на конях, в этот день это и пели: «Прокотитесь, добры молодцы, / По широкой по дороженьке...» [КЕА, д. Липник; ССН 8:4об.]. Иногда прощание сопровождалось одариванием некрута «на дорожку» специально собранными молодежью деньгами. «Провожают некрута. Попляшут, попоют. И это-то некруту и скажут, што там: “Тебе дорога была тебе скатертью, приехать совсем здоровому, отслужить службу!” И вот там ешо кому так и денежки дают ребята на дорогу...» [МАД, д. Москвино; ССН 9:100].

Из старых элементов ритуала провода некрутов в Вашкинском районе сохранился обычай «заламывания березки» девушками для каждого новобранца. «Приносили березу, заломину заламывали, к углу прибивали, бацили всяким кусточком, тряпочком, ленточком» [КЕА, д. Липник; ССН 8:4об.]. «Веточку украшали — каждому некруту веточку. Он сломаёт и даёт нам, што: “Вы, девки, украсьте!” Нанесём всяких тряпоцёк, лентоцёк, и эту всю ветку раскрасят и некруту на дом наколотят» [МАД, д. Москвино; ССН 9:100]. «Украшали девки веточку березы или черемухи ленточками, приколачивали к углу дома» [ШТА, д. Мякишево; ССН 8:40]. Обычно веточка оставалась на доме, «пока сама не упадет».

Морозов И. А., Смольников С. Н.

ОГОРЕЛОМ

Одна из наиболее распространенных летних молодежных игр, более известная под названием «горелки». В старину в нее чаще всего играли во время гуляний на Троицу и на Петровки. Символика горения, характерная для этой игры, в фольклоре используется для обозначения для обозначения любовной страсти (отсюда, скажем, название ухажора — «горюн»).

В Вашкинском районе игра бытовала как у детей, так и у молодежи. Ее ход чаще всего не отличался от общеизвестного. Игроки вставали парами друг за другом. Если играла молодежь, то в парах были игроки противоположного пола. Водящий («огорёл» — д. Веселая) становился спиной к ним на расстоянии 10-15 шагов. Затем все хором нараспев скандировали игровой приговор. Было известно две основных его разновидности:

Огорел, огорел,	Гори, гори ясно,
Гляди на небо:	Штобы не погасло,
Там свечки горят,	Глянь на небо —
Колокольчики звонят!	Птички летят,
[МАД, д. Москвино; ССН 9:98;	Колокольчики звонят!
БАД, д. Иевлево; ССН 13:8].	[ЯАА, д. Веселая; СИС 21:9].

По-видимому, смешанной может считаться такая разновидность текста:

Огорел! Огорел!	Птички летят,
Гори-гори ясно,	Колокольчики звонят!
Штобы не погасло.	[ЮЕМ, д. Волково; ССН 15:9об.].

Часто в конце добавляли: «Раз, два, три — беги!» [МАК, д. Пиньшино, СИС 22:42; ПМП, д. Парфеново; СИС 22:56] или «Кыш, полетели!» [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:24]. При этом задняя пара бежала вдоль колонны игроков и, обогнув «огорела», старалась вновь схватиться за руки, а тот пытался поймать одного из них, причем надо было схватить игрока противоположного пола. Оставшийся без пары шел водить, а новая пара вставала в начало колонны. «Вот так вот стоят, элак артель. Ревят, што:

Гори, гори ясно,
Штобы не погасло,
Взглянь-ко на небо:
Птицкы летят,
Колокольчики звонят!

Вот сзади пара и побежит. Вот как схватишше, дак опять становашь. А как эс(л)и ни схватишшо с ней, дак там другие пойдут... Ну, подросткам были. Да и взрослые уш. Этой игрой, дак и взрослыэ играли даже, вечерами» [НАИ, д. Веселая; МИА 23:73].

Существовали и другие варианты игры. Скажем, в д. Новосело в конце 20-х годов в «гори, гори ясно» играли летними вечерами подростки 15-16 лет. После того как водящий произносил текст, все остальные участники бежали мимо него до условленного места, стараясь быть не пойманными [СЕА, д. Новосело; МИА 15:33]. В д. Погорелово дети также играли в эту игру «на опережение»: кто последним прибежал в условленное место, тот шел водить. «Вот там накопяцца на улице то ли в избе. Там захватишшо рука за руку, дак там сколько пар накопицца. Так вот, там наа было, хто вперёд выбежит, там:

Гори-гори ясно,
Штобы не погасло.
Птички летят,
Колокольчики звонят!

И бежишь к одному месту. Хто быстрее добёжит. Вот такая игра была. Хто последний останецца, тот и отдаляецца» [ШЕВ, д. Погорелово; ССН 15:10].

В д. Захарово подростки играли в круговой вариант игры «гори-гори ясно»: «Вот уш подрос(т)кам-то элакие-то бегают и играют. А к подрос(т)кам уш порядошные-то станут. Один считаэт, да потом другому наа бегать. Хто бегаэт, тот и считаэт вот элак:

Гори, гори ясно,
Штобы не погасло.
Гуси летят,
Колокольчики звонят!

И по кругу вот эдак кругом и бегаэт. Вот как: «Колокольчики звонят!» — дак вот этому опеть другому, коо вывёв, и бежать по кругу. Опеть побежит вот элак... Это вечером-то бегают, как вот порядошно соберецца, ак элак и станут...» [ЗКИ, д. Захарово; МИА 25:23].

Судя по описанию, основным смыслом этой игры был перебор пар: бегущий вдоль круга игрок передает эстафету тому, возле кого его застанет конец припевки. В молодежных вариантах игры при этом, по-видимому, целовались с игроком противоположного пола (в таком случае игроки в кругу должны были стоять парами: парень — девушка — парень — девушка и т. д.), который и продолжал движение по кругу.

Слепцова И.С.

ОХУТКОЙ

Одна из самых распространенных и популярных игр детей и подростков от 8 до 13 лет, разновидность прятков (см. также «Былой»). Игра проста и имеет не очень много вариантов. На территории Вашкинского района выде-

ляется два типа названий этой игры, соотносящиеся, по-видимому, с двумя миграционными потоками русского населения: более ранним, новгородским — «охуткой» (дд. Калитино, Покровское, Новосело), «охучек», «палочка-охучалочка» (д. Берег), «со́кучем» (д. Покровское); и более поздним — из ростово-суздальских и московских земель — «галой», «галей», «галя-палочка» (дд. Семеновская, Веселая, Хошково, Устье, Пиньшино, с. Липин Бор), «гана» (с. Вашки). В качестве зимнего варианта прятки «охучи» были известны в д. Зуево [АНИ, д. Зуево; МИА 24:Ф1994-9Волог. Оп. № 67]. Вероятно, сравнительно недавно распространились названия «палочки-разбросалочки» и «палочка-выручалочка» (дд. Калитино, Паршино).

Перед игрой определяли водящего: считались или перехватывались на палке, последний — водил: «кобылку гонял» (с. Вашки), «закрывался» (т. е. отворачивался к стене дома — д. Веселая). Остальные игроки прятались («сохучались» — дд. Покровское, Калитино) в укромных местах: по овинам, баням, сараям и т. п. Постояв некоторое время с закрытыми глазами, водящий поворачивался, клал палку («галу», «галю») на землю и произносил своего рода заклинание, которое иногда начиналось с «чурания»: «Чур, чур, кто палку возьмет, того леший унесет!» [КМИ, д. Покровское; МИА 15:18] или «Гали, гали, штобы палку не украли!» [ФАП, д. Берег; МИА 15:55]. Вот еще примеры подобного рода приговоров.

Гавка-гала
На месте была.
Кто галу украдет,
Тово леший унесет!
[КМГ, д. Хошково, ССН 9:76].

Галя, галя у подвале,
Штобы галю не украли.
Кто галюшу украдет,
Тово леший унесет!
[ЯАА, д. Веселая; СИС21:9].

Гала, гала,
Где не была!
Кто галу найдет,
Тово черт унесет!
[МАИ, д. Устье; СИС 22:36].

Гала, гала, гала, гала,
Не видала ли ребят?
Чур, галы не воровать,
Я пошел искать!
[МАК, д. Пиньшино; СИС 22:42].

Затем водящий отправлялся на поиски игроков. При этом он старался не выпустить из виду галу-палочку, так как игроки стремились застукаться или украсть ее (постучав палкой об угол дома и прокричав: «Я украл галу!» или «Галю-галю!»), тогда ему приходилось вновь «гонять кобылку». То же самое происходило и в случае, если водящий ошибался, назвав увиденного игрока по имени («огалился» — с. Вашки) или последний игрок, застукавшись, выручал всех. Обычно в следующий раз водил первый найденный игрок. «Вот эту галочку тут положишь, а сама пойдешь искать. Как только прозеворотишь эту галочку, кто тут прятался, дак прибежит оберёт. Вот опеть ты и закрываешь глаза и ишшошь. А как найдёшь ково наперёд, дак ишо надо — если я тебя нашла наперёд, дак наа, штобы я первая прибежала.

А как ты прибежишь, дак уш я опеть в этой игре — меня лешой уносит. Вот как было играно!» [КМГ, д. Хошково; ССН 9:76-76об.].

Другие варианты прятков отличались только началом. Так, в распространенной по реке Кеме и вдоль берега Белого озера игре «охуткой» (от «сохучаться» — прятаться) кто-нибудь из игроков забрасывал палку и пока водящий бегал за ней, все прятались. «Бросали палку — пока идет искать, мы должны спрятаться... В скирдах прятались осенью, в соломе — тут и девочки участвовали» [ФВН, д. Новосело; МИА 15:28].

В д. Калитино бытовал вариант прятков, в котором использовали десять палочек. На небольшое бревнышко клали наклонно доску, на нижнем конце которой лежало десять палочек. Затем один из игроков бил по верхнему концу палкой, маленькие палочки разлетались и пока водящий собирал их, все «сокучались». Когда водящему удавалось кого-нибудь заметить, он должен был постучать палкой по бревнышку, игрок же старался его опередить и ударив по верхнему концу доски, разбросать палочки, тогда игра начиналась сначала [БАИ, д. Калитино; МИА 15:39].

В Киснемском сельсовете была известна разновидность этой игры («гвоздем»), в других местах Русского Севера называвшаяся «свайей». В нее играли дети и подростки от восьми до пятнадцати лет (и мальчики, и девочки). Играющие забивали в землю по самую шляпку большой барочный гвоздь и прятались, пока водящий вытаскивал его из земли. Вытащив гвоздь, водящий кричал: «Чура, чура!» — и начинал поиск. Разыскивая товарищей, он должен был следить, чтобы никто снова не забил гвоздь — в противном случае ему приходилось водить заново [КМА, д. Паршино; ГЕП, ФАП, д. Берг; МИА 15:55].

Слепцова И.С.

ПАСТУХ

В число лиц, игравших важную роль в традиционной ритуально-обрядовой практике (см. «Первый выгон скота») и оказывавших существенное воздействие на формирование целого пласта верований и несказочной прозы, несомненно, входил пастух. Приписываемые ему способности контакта с хозяином леса (см. «Леший») и воздействия на потусторонние силы, определяли его особый статус, близкий к статусу знахаря или колдуна, и весьма неоднозначное к нему отношение окружающих: пастуха одновременно уважали и боялись, стремились всячески его «улестить» и в то же

время не считали полноценным членом общины¹. Пастухом становился, как правило, крестьянин из своей или ближней деревни: «Богатые ведь не пасли, а пасли бедные из своей деревни. Кто в своей деревне порядится, или придет с какой с другой деревни, не с далека, вот он и порежется, и пасет все лето. Вот он и цену скажет, сколько с коровы брать» [ИАВ, д. Ильино; ССН 12:12]. Однако в некоторых деревнях скот пасли по очереди. «Очередь подойдет, дак и надо идти» [БАН, д. Митрофанова Гора; СИС 22:25].

Традиционными атрибутами пастуха были пастуший рожок и барабанка. «Ак, вроде, кто из рогов бараньих и делал. Вот с Гóрьской у Кости Горьскоо Сашка был на Гридине, дак у ёо рог — и вот на рогу́ это уже отверстией наделано. Рога были подобраны как у архара (дикой баран это, архар). Он уже дул и пальцем в эти перебирал, в эти отверстия. Ну, от когда выпускаэт коров, дак в рожок трубит так, а когда собираэт — по-другому» [КНИ, д. Глухарево; МИА 23:101об.]. «Раньше были барабанки такие сделаны. На шею повешут доску, две палочки, да и стукает пастушок. Как забарабанит, вся скотинка к нему и идёт на этот на стук» [ИАВ, д. Ильино; ССН 12:11].

По мере разрушения традиционной пастушеской обрядности рожок и барабанка, наделявшиеся ранее магической силой, могли заменяться и другими музыкальными инструментами: «У нас Паша Кирилов пас, дак берестянаа была труба вот, наэрно, длиной [с метр]. Так нет, а там в Шугинé — трубив. А один пастух у нас был — Офонька, каэцца, со Слободки вон — у тоо гармошка была: утром вместо барабана пройдёт, проиграэт — и в лес носив гармошку». У остальных пастухов был деревянный «барабан» [ЛИМ, д. Мосеево; МИА 23:52].

Во время летнего выгона пастух жил и столовался в домах, где держали скот. «Раньше еще ходили, кормила каждая хозяйка, у кого коровушка есть, вот сёдне у меня, например, завтра — у кого коровушка есть: у соседа есть, дак к соседу пойдет. Его кормили, поили и платили всё лето» [ИАВ, д. Ильино; ССН 12:12-13]. Пастух «ходил по очереди — у коо коровы есть, дак. Вот сутки там питаэцца, на вторые сюда переходит, на третье туда переходит» [ЛИМ, д. Мосеево; МИА 23:62об.]. Поскольку от пастуха всецело зависела защита и сохранность скота, «его кормили хорошо, чтобы он коров пас хорошо». В д. Аверино «ему каждый день делали колоб и с собой давали» [РПФ, д. Аверино; ССН 9:51]. А в дд. Алешино, Аверино, Маньково «было завёдено ещё — вон на днях да дож(дь), знацит, — в дож ему вецером приносили бутыёку, ставили, штобы он, знаэш што? — Не промёрз, понимааш ли, обогреёсе. В ведро, знацит, не ставили бутыёки, а в дож это ставили бутыёку пастуху, это было!» [РПФ, д. Аверино; ССН 9:51об.].

¹ См. об этом: Щепанская Т. Б. «Знание» пастуха в связи с его статусом (севернорусская традиция XX — начала XX в.) // Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л., 1986. С. 165-171.

В прежнее время хозяева должны были не только платить за работу и кормить пастуха, но и обеспечивать его одеждой, чему некогда, по-видимому, приписывался некий сакрально-магический смысл. «Пастуха кормили отменно. Вот сёводни моя очередь. Он приходит — я уж постараюсь ёму и с собой дать молока и яичек, и пирога луччово — из последнево даст... Дак ранше-то глупость-то была: приходит — по домам ходил — вот приходит и надо всё сменить вплоть до этих, до порток. Вот, скажем, у йих на очереди быв, переходит к нам. Там снимаэт одежду, оставляэт, и приходит к нам. Ёму надо раздецца сѡвсем — ежедневно. Всю одежду снимаэт, а потом такиэ старыэ — [потому] шо, знаэш, не надолго давать надо — приходит ко мне, мне надо дать ёму и кальсоны, и штаны, и рубашку, всё это. Вот Миша Олюшин ходив, дак каждый день наа переодецца старику. Одевать надо, да... Ну, а потом мы вот — это было вот при моёй уже памяти — мы это, договорилисе с женщинами да дали две ёму пары, штоб он летом дома там менял, а не каждый день ёму. Одежду дали определённую, штоб он не переодевался-то каждый день. Там износит и Бог с ним там! Кальсоны свои холшѡвые, штаны, пиджак какой-нибудь, ну, куртку какую-нить или фуфайку старую даём» [ЛИМ, ЛАФ, д. Мосеево; МИА 23:62-62об.].

Пастуху отводилась значительная роль в обрядах первого выгона скота (см.). Пастухам вручали стадо, и они старались использовать все средства, в том числе и магические, чтобы сохранить его. Обязательным был обход стада пастухом. На поскотине пастух трижды обходил стадо с вербовым или березовым прутом. При этом обязательным условием было присутствие в стаде всех коров, которые будут выпасаться в этом сезоне. «Дак вот тут оне [=пастухи] уш пока скотину не соберут (оне знают уш, какие будут) — можот другиэ по какой-то причине и не выпустили — дак, значит, оне в этот день не обходят. Знают, што надо штобы в стадо вошла эта вся [скотина], штобы всё стадо это вошло. Вот. Иначе оне [=скотина] будут отходить» [КАЛ, д. Сементьево; СИС 25:31].

Обход совершался молча или сопровождался чтением специального заговора — «ѡтпуска» (см. «Заговоры и народные молитвы»). «Берут ѡтпуск коровам. У старух, говорят, ѡтпуск берет [пастух], чтоб коровушки не расходились и слушались, чтоб они вместе ходили, не убегали никуда» [ККС, с. Липин Бор; ССН 10:10]. «Пастух берет ѡтпуск и обходит все стадо. Выпустит на поскотину ли куда, обходит и читает этот ѡтпуск. В этом ѡтпуску скотинку никакой зверь не видит, медведю кажется скотина камнем, ай ли каким пнѣм, он и не трогает» [ИАВ, д. Ильино; ССН 12:11]. Текст ѡтпуска хранился в тайне, в противном случае он терял свою силу. Обычно чтение ѡтпуска сопровождалось определенными магическими действиями.

Известны два типа ѡтпусков: «божественный» и «от лесу». «Божественный» представлял собой обращение с просьбой о помощи к Богу и святым, а «от лесу» — договор с лешим. Образ Господа Бога и лешего — охранителя

скота, в данных заговорах разграничиваются непоследовательно: «У меня “от лесу” [отпуск] быв, дак я возьму три витвинки, да наа привязать ёо в руцёй. Все стадо обойду — шисят коров. Там девка помогала: сгрудим там на ниву, все сгрудимсе (пока ишо лис не опушивсе). Ну, вот с этой, с тремá веточкам хожу и приговариваю, штоб там Господь спас и сберёг, штобы милово живота своево напоив, накормив, домой пригнав штобы. Вот эту ветоцьку кладоваэш — в воду наа класть. На сухоэ место, дак буэт худо: коровушки худо бу(д)ут доить! В воду снесёшь, камешок привяжошь — ту(д)ы на верёвоцьку. В воду снесёшь в какуу-нибудь, штоб никто не пошевелит! А пошевелит, дак и все — и стадо капец! Штобы никто этой ветоцьки не знав. А ветоцька — березка. Три ветоцьки отломишь и кладёшь ту(д)ы, штобы спас, берёг Господь батюшко, штобы напоив, накормив и домой пригнав штобы» [ТАМ, д. Трифоново; ССН 9:41об.].

Беря отпуск, пастух заключал договор с лешим (см.). «Отпускá пастух берет у лесового» [БММ, д. Речка; ССН 14:53об.] и «спрашивает у лесового, в какое поле гнать, да как, чтобы пасти все летушко красное» [МЕФ, д. Маньково; ССН 8:30]. При этом функцию защитника скота пастух также возлагает на лесового. «Он [=пастух] возьмет отпуск, ак он не пасёт коровуто. Он не пасёт, только он их прогонит — на чё взят отпуск, и он уж исполняй своё. И он уж их не пасёт, у ёо там пасёт [=лесовой]. Пасут, и како время надо (е)ё пригонят» [КАВ, д. Мытник; ССН 9:64]. «Порядицца пастух — я, например, порядился — и отпуск добивающца, штобы скотинка ходила домой. И пастушок иной и просидит на одном месте, коровушки вечером придут все домой» [ГМЕ, д. Пужомзеро; ССН 8:27об.].

Заклучая договор с нечистой силой, пастух обязывался соблюдать ряд запретов: «Если отпуск взяв да ёво помёшав, то, значит, чёо-то будёт, значит потом какая-то беда и сделаецца. Вот, пример, скажем, он [=пастух] берёт отпуск на чево там, вот это-то делать не нао там ведь. Вот у нас мальчик пас беспризорной — у бедной это Вася-то. Пас он. И он взяв этот отпуск коровушке на колокол», т. е. повесил на корову заговоренный колокол, который уже не мог снять без риска быть наказанным лесным хозяином [КАВ, д. Мытник; ССН 9:64]. «А вот этот у нас Коля пас, он дваццать годóв пас. Вот он знацит пас, он за коровам не ходив, да. Корова отелицца в лесу, теленок придёт домой на двор сам, а коровы нет. Вот было как. И ни одной за дваццать годов, ни одной животины не скормив медвидю. И все коровы ходили вовремя. Он выгоняв их в одни цясы. Допустим, как если шес(т)ь цясов, знацит, в шес(т)ь цясов и выгонить скот да. Если в шес(т)ь пригнацце, знацит в шес(т)ь придут коровы. А он лёжит — вот тут пилорама была у двора у ковхозново — пьяный напьёцца, лёжит у пилорама, и коровы дальше не ушли, тут и коровы ходят. Вот это было. Вот я и говорю, што вот он с отпуском-то и пас», т. е. брал отпуск на время выгона скота [РПФ, д. Аверино; ССН 9:52]. «Брали

отпуск, дак у коо была такая погонялка (погонялкой скот-то гоняли), вот повёшают погонялку, где загоняют — в поскотину, в завор [=ворота]. Вот эта погонялочка и вешалась у завора. К этой погонялочке вся скотина вечером и выходила. Вот какие отпуска были», т. е. брали отпуск на погонялку [ИАВ, д. Ильино; ССН 12:11-12].

Пастуха, нарушившего отпуск, мог захлестать лес. «Вот если пастух взял отпуск там ко скотине какой, ёо надо, штоб вот ни в чём не провиницца, это не нарушить нисколько. Знаэш, отпуска у их куда клали: одне клали куда-то в воду, другиз — под заворы (завор-то, скотину выгоняют). И надо, штобы ёо [=отпуск] никто не дотронул, никто не нашёл этот отпуск. Если на барабанке (барабанки были раньше — вот барабан-то, скотину собирают), дак уш ты уш ёо тут прячешь, штобы никто даже не увидел! И вот тут как-то, милаа, и нашли тут — ну, ребяташки как-то наткнулись на эту на барабанку. Дак скотина-то вся разбежалась и долго тут они собирали. Но пастух-то сразу догодался и всё тут. Ну, потом он, конечно, спрятал это всё. Ну, и собралась скотина. А вот другиз-то веть: [отпуски] были (а знаэш, барабанку так хоть всё-таки нашли), а другоз-то веть: может, надо не стричься, или, может, надо не брицца, или как тут — не выпить. И нарушили — и не вернёшь. Дак вот того захлестывал прямо лес. Падаэт прямо — и вот веткам всем этим тут до смерти! Да, бывали случаи до смерти. Ну, это я давношноз, сейчас этово нету. А отпуск — это слова, да слова. Дак вот эти слова — на чёо наговоришь...» [КАЛ, д. Сементьево; СИС 25:30-31].

Миныхина Е. А., Морозов И. А.

ПАСХА

Пасха — праздник Светлого Христова Воскресения — известная в Вашкинском районе под названием «Христова дня», имела ключевое значение как в церковном календаре, так и в традиционном крестьянском мировоззрении. В приуроченных к этому дню церемониях тесно переплелись канонические христианские (всенощная, литургия, причастие, разговление и т. д.) и народные, дохристианские обычаи и обряды.

Подготовке к этому важному годовому празднику была посвящена вся страстная или «страшная» неделя. Особой концентрацией очистительных обычаев и обрядов отличался четверг на этой неделе, известный под названием «Великий» (см.) или «Чистый». В этот день ходили в лес за можжевельником или брали заранее приготовленные его ветви и жгли на противне или на сковороде: окуривали избу. Считалось, что такие действия предохраняли от болезней и порчи.

«Бабушка моя дом [можжевельником] часто окуривала, если какая болезнь ходит. Вот нынче грипп и грипп, а раньше пошшавка была. Если пошшавка эта пошла,

вот она, значит, заносит вересу домой, сухово, ложит на противень, зажигает и заставит нас всех перепрыгнуть: надо окуриться. Видимо, эти микробы гибли. Вот это делали, и делали часто. Чуть немножечко — и понесёт по всей избе на совочке на железном, везде дымить» [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:87].

Приготовления к Христову дню не ограничивались очищением. К празднику все старалась украсить свои дома. Так, например, веточки вербы, оставшиеся после Вербного Воскресения (см.), украшали цветной бумагой и ставили к иконам. «Это на Паску зави(в)али. Зави(в)али красивым бумажкам, ста(в)или ишо к иконе. Да. По сторону и по другую к иконам поста(в)ят вербушки эти. Да, это просто на Паску ста(в)или так» [НМП, д. Мыс; МИА 23:10об.].

Кроме того, на страстной неделе соблюдались некоторые запреты. Скажем, в эти дни не позволялось заготавливать и носить дрова, так как считалось, что в противном случае ягнята у овец будут пёстрыми. Накануне Пасхи и утром в праздничное Светлое Воскресенье необходимо было быстро управиться с домашней работой, поскольку, по народным представлениям, своевременное возвращение скота с пастбищ и его сохранность зависели от выполнения этих условий. «На страстной неделе дров не носили. Накануне приносили дрова для топки и клали в печку. Если дрова носит, то говорят, эти ягнята пёстрые рождаются. Не хотелось пёстрых. Вот» [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:87]. «Да в Христоу день там пораньше обрядище из утра, да пораньше вечером притить, штоб животинка ходила домой, как сам-то бы пораньше-то с работой убралися... В Христоу день к вечеру нао пораньше штоб» [ТАМ, д. Трифоново; ССН 9:39].

Как и с другими важными датами, венчающими переломные моменты календаря (см. «Рождество», «Святки»), с пасхальными праздниками связаны различные предсказания будущего, например, приметы, позволяющие определить, какова будет погода этой весной, что было особенно важным для крестьян. «И потом замечали, что если подстынет, иней есть, то сорок утренников будет, весна будет протяжная...» [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:87].

В предпасхальную субботу соблюдался строгий пост, что расценивалось как знак крепкой православной веры. Скажем, по свидетельству уроженки с. Вашки, накануне Пасхи «с утра до ночи не ели, постовали, ничё в рот не брали. Бабушка моя всегда эту субботу сидела голодная» [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:87].

По народным представлениям, воскресению Христа радовалась любая вещь. Именно этим часто объясняется всеобщее очищение перед праздником. «А на Паску чё делали, на Паску-то всё-то, всё-то перестираэшь, и мама у нас и скажет: “Всё надо выстирать, даже портяночка и та радуэцца, што будет Паска”. Такая радос(т)ь. Всё перестирают. Ак мама возьмёт, постельники вытрясут, всё перестирают, все эти матрасы. Принесёт гороховины два тукача, кладёт на пол, разостелёт, полы разостелёт и ложимсе спать. Вот это на гороховине спим... Го-

роховина собрана — вот такой завязана вязкой, называэцца “тука́ч”. А это у нас всё сохнёт на Паску: все матрасы, наволочки, все подстилки, все коврики, все половики — всё сохнет на Паску» [ВВП, д. Никоново; СИС 24:2].

Среди обычаев и обрядов, предворяющих пасхальную неделю, следует отметить разжигание костров в ночь перед Светлым Воскресением. Для этого в Вашкинском районе использовали смоляные бочки, которые поджигали на околице или на перекрестке дорог: «Костры жгли в Пасху, недалеко от церкви на берегу» [ЯОП, д. Сальниково; СИС 21:44]. Этот обычай, впрочем, нередко мотивировался чисто практическими нуждами. Так, в с. Вашки жгли костры «в Христовскую ночь, потому што в Пасху всегда без луны обходится — луны нет вот, ночи тёмныэ. Эсли снег еще когда не стáял, ночь темная, ничево не видно. А грязища у нас была дай Боже в Вашках! Ну, вот там смоляные бочки жгли, жгли [для освещения] на перекрёстках» [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:85].

В народном понимании в Светлое Воскресенье ликует вся природа. Скажем, в Ивановском и Пиксимовском сельсоветях утром пасхального дня взрослые, разбудив детей, наблюдали, как «солнышко радуется». «В Христов день-то совнышко радуецца. Дак ба(бу)шки там матки разбудят: “Робята, не спите, совнышко-то радуецца!” Совнышко скачет в Христов день: элак встаёт, как-то дрожит вот элак. Дома уш из окошка глядишь» [ЛАП, д. Сукозеро; МИА 25:Ф1991-12Волог. Оп. № 5]. «Паску вот встречашь, праздник Паску. И вот идешь утром. Ковда солнышко будет радовацца, то ходишь глядеть. А как солнышко выставáэт, дак вишь радос(т)ь, раз такоэ — Паска дак! Ранше все радовались Паске-то. Солнце-то радовалось ранше. Эдак вон затресё-оццё, затресё-оццё! Утром, утром уш это, ни свет ни заря. Только встанет солнышко — и сразу...» [БАЕ, д. Малеево; МИА 24:Ф1991-10Волог. Оп. № 45]. Иногда по «радованию» солнца определяли, каким будет год. «Это в Паску. Это я уш и на Тартосове жила. Да уш и послдние годы у нас Оксюта была тут тожо, элакая хорошая женшына, ак эть: “Шурка, Шурка, пойдём погледим, сонце-то как выставáэт, как сонце трепешшацца как будёт!” Если сонце трепешшецце хорошо — хорошо будём жить год, здорово. Если сонце худо (так — маленько только тут), то уш год худой будёт. [Верх-вниз] так элак, элак — радуэцца сонце, дак: “Ой, девка! Ой, сей год хорошо будёт!”» [ААК, д. Естошево; СИС 26:37].

Общее настроение этого праздника характеризуется резкой сменой настроения от глубокой скорби и печали до ликования и бурного веселья. «Кругом церкви обойдут, пронесут Христа-то — Христа-то эть погребают, кругом церкви носят. Ак эть пока ишо “Христос-то воскресе” не пропоют, так все стоят элакиэ, все унылыэ да всё туто-тко всё. А как “Христос-то воскресе” как грянут! Ой! Тут все пробудяцца, дак хорошо-то, весело-то! Вынэсут ео из церкви-то, ну дак потом уш и можно бицца и яйцами, яйци йись...» [ААК, д. Естошево; СИС 26:37об.].

В некоторых деревнях сохранялся старинный обычай бежать домой после Всенощной. «Это в Паску самую, вечером. Я и гоорю-то самому-то [=мужу]: “Ради Бога, раньше-то иди! Ради Бога, раньше-то иди!” А утром, кто скоряэ придёт домой, всё сделаэт скоряэ. Кто скоряэ придёт, тот всё с поля оберёт [раньше]. Бегом, тут так, бегом, шапка в руке» [СНН, д. Село; СИС 26:86об.].

Наиболее распространенным пасхальным обрядом, в котором принимала участие православная церковь, были обходы домов священником с молебнами. В течение всей пасхальной недели он в сопровождении дьякона и церковных помощников с иконами посещал дома прихожан, совершая в каждом из них службу. Иногда участники крестного хода, заканчивавшего праздничную литургию, сразу же отправлялись обходить дома жителей ближайших деревень. «Молебны служили. Вот в Паску служба кончицца (вот наши деревни рядом были), дак с кресным ходом идут. Идут сторожа, идут — кильи были, ак в килёйницы жили (в) просвирни. Вот и идут, значит, с крестами. В каждой дом заходят, молебны служат. Ну, вот у меня отец был старостой шеснаццат лет, дак уш мать у меня всегда столы наладит, значит — обедом кормили. Да, обедом и чаём. На стол ста(в)или первоѡ, холодец мясной. Да. А потом уш там чѡб ести. Это обойдут две деревни — уш у нас у отца столы налажены, пьют чай...» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:54].

Ношение икон было довольно трудным делом, поэтому участвовать в нем нередко вызывались по обету, как правило особенно ревностные прихожанки или женщины, у которых было какое-либо личное горе. «Я небольшая была, ак это штуки три да четыре идут, эти заветницы идут. Ну, девки ходили, бабы ходили. Мужики не ходили — бабы ходили. (В)сѡ говорят, што: “Мы грешны ли, не грешны ли?” — так это ходили, заветницы ходили... Наэрно, от грехов ли чѡ ли, всѡ ходили» [ЕНА, д. Новая Деревня; СИС 24:11-12об.]. «В Пасху с крестам-то ходили. Завитницы иконы носили, а херувима [=хоругви] мущины. Им яичко дадут» [ММФ, д. Кропачево; СИС 22:6].

Священника и причт обычно одаривали хлебом, пирогами или маслом, в зависимости от того, чем богат был каждый конкретный дом. Собирал приношения приходской староста, выбранный из числа местных крестьян, либо сторож, для которого иногда предназначалась специальная выпечка из «хожѡного» или «творѡного» (кислого) теста. «Сторожа́м давали “налетушки”. Круглые такие — большие круглые пироги. Целиком давали. С чем там испекѡшь. Бываэт, што и пустые испекѡшь, там какуу ли начиночку складѡшь: сметанку или чем-нибудь вот так вот. Даѡшь. Не пресные — мы твѡрим тесто, творѡено у нас тесто» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:54-54об.]. «Поп идѡт, сторож идѡт, дьячок идѡт. Тут собе-руцца, напекут этаких. Мама коровай напекѡт — коровай из ржаной муки. Это́т, сторож собирау́ эти короваи-то собирау́, дак это подают. Это мода была сторожу, это спеку́т небольшиэ эти, это кажный давау́. А поп приийэ́т, дак за стол поса́дят,

тут яец наварят, яичков дают» [ЕНА, д. Новая Деревня; СИС 24:12об.]. «К нам в деревню ак с крестам ходили в Паску. Ну, поп там соберав. Ёму давали там от, кто коровай там, яички, масло. Ну, и потом другие деревни туды элак обходили. . . Ак дарили коро(в)ай хлеба — он знав у какой у хозяйки какой хлеб. А соберат ходит сторож с мешком. Вот нашу деревню обошов (сколько у нас? — жителей шесь, примерно, было) — шес(т)ь короваэв. У коо какой. Там потом под(д)ьякон: “У етой — худой, у етой — хорошей, у етой — хорошей!”» [АНИ, д. Зуево; МИА 24:85]. «Поп придет, дак несёшь ковригу хлеба эту, яйца варишь... На стол наладёшь всё. Молебну отслужат, иконы занесут богоносцы (звалисе ещё што “богоносцы”, ак ще иконы носят дак). И эту ковригу попу отдаваэшь. В сани ковриг наносят, дак у-уй!..» [ЛАП, д. Сукозеро; МИА 25:Ф1991-12Волог. Оп. № 8]. В д. Кропачево обязательным угощением священнослужителей были «подэль» (небольшие ржаные корвайчики) и «колоб», который представлял собой открытый пирог с начинкой из толокна, смешанного с растопленным маслом — «солوماتы» [ММФ, д. Кропачево; СИС 22:6].

Если одаривание различной выпечкой практиковалось и во время обходов на другие праздники (см. «Престольные и заветные праздники»), то крашенные яйца были отличительной особенностью именно пасхальных молебнов. «Ну, а там деревню обойдёт, дак масла давали, у коо ес(т)ь да яички да там на Паску — крашоныё, крашоныё. Ну, уш попу надэ там по еицьку с дьячком...» [АНИ, д. Зуево; МИА 24:85об.]. «С иконам ходили, дак яйца дарили, яйца. Давали там хто пяток, кто десяток — [тому] хто иконы носив да, попу да...» [РАФ, д. Ново; МИА 23:85об.]. Ну, поп-то ходит по всей деревни. Четыре деревни — четыре и дня ходят. Да богоносцов сколько — шесть человек, да все с иконам. Просвирня ходит, той дают тожо. Вот приходят да на стол мама делаэт паску... Батюшко яичко даси, два даси — ну, родители дают» [КУН, д. Задняя Слободка; СИС 25:14об.].

Иногда в обходе участвовали девочки-подростки или дети, которым поручали носить мешки с дарами, за что в каждом доме им также давали по яйцу. «В какую деревню придут, нас [=детей] дак попросят: “Понosite подёлки”. Поделы-то это давали — такие хлебцы. Так вот мы и ходили, носили, дак вот нам яйц надава́ли» [ММФ, д. Кропачево; СИС 22:77]. В некоторых случаях детский обход совершался независимо от обхода священника, представляя некоторую аналогию западнорусскому обычаю «волочечников». «В Паску девки ходили по избам. Как в Христов день — поют “Христос воскресе”, стих этот. Давали им хлеба, деньги. Им надавают, дак продают эти куски хлеба. Маленькие дак конфет берут» [ЛАС, д. Большая Чаготма; СИС 22:18об.]. Возникновение подобного рода обрядов явно связано с деятельностью местных священников, которые могли быть по происхождению из западнорусских губерний.

Часто служителям культа помимо пирогов, каравая и яиц полагалась еще «паска» — праздничный кулич, который непременно готовили к этому дню.

«Паску пекли, паску обязательно. Приходит священник, значит, в каждой дом. В первой-то день так отдыхают, а на второй уже походят... Иконы были в переднем углу, дак вот заходят священник и дьячок и служат молебен. Отслужили молебен, вот плотят йим там, и паску розрежут пополам — священнику и дьячку. Ну, вот, а деньгам не брали» [ФАА, с. Липин Бор; СИС 23:28]. «Попу паску приносили, как жо, как жо! Посредине стола ставили. Пероги ешшо там разные были, дак это поп и заберав. Пероги всякие: и с твóрогом, и всякие разные. Как с творогом — дак “творожник”, с картошкой — дак “картофник”. Попу давали. Поп не один ходив. Поп больше брав паску вот эту вот. Да, да, целиком, целиком! Не режут это(в)о пирога уш. Этот поп и возьмёт» [НМП, д. Мыс; МИА 23:8об.].

Отметим, что в некоторых местах никакого вознаграждения за службу священнику не полагалось. Так, в Пушторе на Пасху ему «нищё не дарили. Поп прослужит, крестики поцелуют, опять в другую квартиру походят. Крестик поднесут. Мно-ого этих крестов носят! Ну и всё» [МТК, д. Сапогово; МИА 24:59].

Несмотря на канонически-церковное содержание обходов, они могли включать в себя и некоторые нетрадиционные для православной символики элементы, поскольку обходы домов в русской традиции связывались и со многими другими датами народного календаря: колядование накануне Рождества, волочечные обходы на Пасху, выюнишники на Красную Горку, а также средокрестные, егорьевские и свадебные обходы. Поэтому кресты, вносимые вместе с иконами в каждый дом, воспринимались не только как известные атрибуты христианской религии, но и как предметы продуцирующего характера, способные повлиять на будущий урожай. Скажем, в Пиксимовском сельсовете перед приходом священника жители выставляли на лавки различные семена, куда во время совершения молебна устанавливались кресты. Делалось это, видимо, для того, чтобы предохранить зерно от порчи; увеличить его вегетативную силу. «Это кресты-то принесут, дак у каждой-от по-своему наставлены на лавочках: ячень там, овёс — эти семена, какие есь. Вот в эти [семена] и ставят» [ЛАП, д. Сукозеро; МИА 25:Ф1991-12Волог. Оп. № 8]. «Заходят с иконами: “Христос воскрес!” А уш хозяин и хозяйка: “Воистину воскрес!” — стричают. А под кажну икону вот рожь, пшеница, ячень. Это не ста(в)ят на голой стол ли на куда-нибудь. Стано(в)ят эту икону — элаки черешки, дак этим стано(в)ят в чашку. В чашу, в чашу стано(в)ят — в какие есь, дак там и посуда та(д)а больше дере(в)аннаа — в зёрно стано(в)ят. А зёрно это хозяин возьмёт обратно. Да, хозяин возьмёт...» [РАФ, д. Ново; МИА 23:85об.]. «И наа тут: и Пасха, тут и хлеба коровай, тут и соль принесёна. А тут стол отодвинут. Кругом стола принёсено овса решето, принесено жита решето — всех культур зерна. Вот и отпевают. А икону ставят в этот: в овёс, в жито да, в рожь да. Чё — весь хлеб, культуры все принесли» [ККА, д. Босóво; ССН 9:78об.]. «А носили кресты по деревням, в Богородишный день. Вот до Богородишноо дня принесут в угол

корзину, вот эта корзина там. Ну, (в) корзину хоть чё: лукошко ли это тут с рожью, это с ечемнем, это со пшеницей, это с горохом, это с овсом — и вот носили, всю это Паску. Выносили все иконы из церкви. Ну вот батюшка и богоносцы все эти иконы забирают (иконы все большущиэ!), эти иконы несут, ста(в)ят в эти корзины, всё в этот, в зерно и вот служат молебн в избе. В каждой дом, в каждой дом нао затти. Вот пиисят два дома было!» [ААК, д. Естошево; СИС 26:40-40об.].

Как и все другие обходы, приуроченные к годовым или престольным праздникам, освящение домов на Пасху завершалось пированием и пляской (см. «Гуляния», «Застолье», «Престольные и заветные праздники»). «Вот как где в первый день “кресты ходят” — тут и пляска. Если как ишо рано Паска — к зиме дак гумно расчищено, в гумне пляшут. На другой день в другую деревню Паска, этот, кресты, Богомать идёт — Богомать всё говорили. Молодёжь все туды. Элак вот у нас большой [приход], ишь в Мосеево да в Босово, может, тут в один день сходят, а в Никонově да в Нефёдово — день! Потом в ШугинѠ — день! Ишо в какой тебе, в Костино» [ККА, д. Босово; ССН 9:78]. «В Паску как со крестами уйдут, обнёсут кресты, так все в овин или в сено(в)ал — там где розберут деўки, наладят место поплясать. И вот всю нидилю тут и ломяцца: гармонья, пляска, всё тут. Кажный во своей деревне» [ААК, д. Естошево; СИС 26:40-40об.]. «В Пасху устраивали пляску на гумне, потом в другую деревню шли. В той деревне, где кресты, туда и люди, там и пляшут» [БАН, д. Митрофанова Гора; СИС 22:25].

Об обычном ходе событий в этот день можно судить по следующему описанию. «На Паску испекут вот этих крупных пирогаѠ — тожо на сочнях. Это носили в церкву: там надо дать попу, там осветят эти пирожки, там домой принесут. И вот приходят вот это из церкви, уш у хозяйки всё готово. Сядяще, пойдят этих пирошкоѠ и ложаще все спать — пришли со всеношной, там всю ночь простоят, дак. Поспят, вставают, кипятят самовар, цйку напыоцце, пообедают, яйц уш тут накрасят на Паску, вот и пошли гулять. Молодяшко пойдут — как Паска в лите, што тёпло — дак где-нинабудь в сеновал либо в овине (эть раньше не было никаких не клубов, не цѠо уш), вот эти пойдут гулять. А женщины собирающе в одну избу тожо так. Это не гуляют, што ницѠ, а только вот так собирающе, што по биседам: посидить там погоорить всё. А мужьки эти, которы вот пожильэ, эти тожо собирающе в карты играть. Вот засядут — и как если Паска, што нету работы такой — так это нидилю не выходят там из избы! Такиэ тожо были картѠжники-то, вот в карты и ломяцце» [ОУА, д. Опрячкино; СИС 26:61-62].

Основной обрядовой выпечкой на Пасху являлся праздничный кулич. Он представлял из себя эмблематично украшенное печение из «хожѠного» (кислого) или «нехожѠного» (пресного) сдобного теста, круглой формы, около двадцати сантиметров высотой. Сверху «паска» была разбита двумя пересекающимися полосками из теста на четыре равных сегмента, в каждом из которых симметрич-

но друг другу были расположены буквы «Х» и «В». Крестообразно расположенные полосы символизировали крест, а буквы — слова: «Христос Воскресе». По другой версии на верхней части каравая располагали в два ряда буквы «Х» — «В» / «В» — «В», что означало: «Христос Воскресе» / «Воистину Воскресе».

«Паска» могла быть украшена изюмом, брусникой, облита сверху сладкой водой или сахарной глазурью — все это придавало хлебу праздничный и нарядный вид. «Паску пекли кто как. Творёную пекли и нетворёную пекли. Паску там: ну, сметаны да, масла да, белая мука да, яички да — вот делали... Вот такая вышины [=около 20 см], кругом такой ободочек выскут так это — ободочек вот такой кругом. А потом крестик. А другой раз творёная, дак там такие витушечки, кругленькие витушечки. Кругленькие витушечки или какие-нибудь там вырежут, положат, изукрасят... На дрозжах, значит, белая мука, на молочке растворят. Ну, а потом сдобного кладут утром. А не творёная — это делают уже как печенье или вот такое, знаете, вкусноё» [ФАА, с. Липин Бор; СИС 23:28]. «Паска из белой муки, ну, замешаём, ростворим там дак, масла нальёшь это, нескоромного, — туды линут, песочку, штобы вышло всё... Паски на поду пекли, тогда под хороший быу. Как вот коровай-то делаэцца, только кругом элакие колачики внизу, и тут кресты вот этиакие делают. Это и паска. Ягод тут накладывают брусёны ли, черницы накладывают. Вот и паска» [ЕНА, д. Новая Деревня; СИС 24:12об.]. «Да, специально паску пекли, паску да. Таковую круглую, большую и эти вот тут — буквы выделявали: “Христос воскрес — воистину воскрес”. Ну. Паска круглаа, знаэш, круглаа, вот такаа большая, дак. Не по бокам [буквы], а сделают вот элакой крес(т) вот. Вот: “Христос воскрес — воистину воскрес!” — это» [НМП, д. Мыс; МИА 23:8]. «Пекли паски. Паски красивыэ пекли! Вот были такие формы, примером, вот такие большие, высокие [=примерно 30 см в диаметре и в высоту]. Это тесто теперь складёшь, и оно подымаэцца. Тесто на паску складёшь, на молоке растворишь, складёшь масла да, песочку, яичок колонёшь — ну, много не складёшь, а там уж порция была. Эту паску, значит, выкатаэш [между ладоней] вот такие вот длиннинькие [жгутики] и вот так складёшь (крестнакрес(т) складёшь). А потом мелонькие выску и вот так положу: крестнакрес(т). Это “Христос”. И положу сюда. А “Воскрес” — букву “В” сделаёшь. Это рядом, через эту штучку, через крес(т) этот. Здесь “Христос”, а здесь “Воскрес”; а здесь опять “Христос”, а тут “Воскрес”. На паске рядышком с двух сторон. Паску сладкой водой [заглаживали]. Изюм клали в паску, а сверху только сладкой водой» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:54об.-55]. «Пекли паску как обычный коровай, из белой муки. И крестик: “Христос воскрес [=ХВ]”, — наверьху и выкатают» [МНИ, д. Мыс; СИС 21:66об.-67]. «Паску сделают. Всякаа мука была: пшенишная, белая была — изо пшенишной всё пекли. На столе паска — эдакой коровай. Колачикам всяко выбасят — завитушечки такие» [МТК, д. Сапогово; МИА 24:59]. «И в дому паска на столе,

паска большая. Испекут. Ну, там всяких напекут крендельков, да всяких наизделают — “Христос Воскресе”, да накатают элаких — крестик, крестик...” [РАФ, д. Ново; МИА 23:85].

В д. Росстани пекли кулич сложной формы. «Одна, видишь, большаа, потом опять вот такаа большаа, потом опять вот эдаконькаа, и потом опять, а самая маленькая ишо. Пять наа штук этих сделать. Пять. А потом это — крестик. Сперва ешо крестик наа класть. Сделашь пирог, высокой экой пирог. И вот так — муки это выкатаэш и прикладёшь вот элак и вот элак — две. Потом “сирьги” эти кладёшь ишо. Вот элак выкатаэш, завернёшь элак. И на эту стóрону, и на эту, и на эту, и на эту — на цетыре стороны. А потом эту делаэш уш эту “сверь” саму. Так пасха — это тут элакую лябушечку, потом элакую, потом ишо меньше. Все колёсика тут и складёшь пасхи. Она и высокаа вот такаа подымецца. Вынешь из печки-то — дак вóто какая вышины! Така большая паска выходила» [ДЕГ, д. Росстани; ССН 15:4об.].

В д. Зуево, судя по описаниям, кулич больше напоминал открытый пирог-«ягодник»: «Это о Паске, дак делали што, знаэш, раньше как? Ягоды собирали — вот брусника оставалася на Паску — дак (в) паску заворачивали. Это и мы сами пекли уже. Элаких накладёшь кресточок [=жгутиков из теста] — ну, вот так, попере́к, пóтом вот так: две туда, две сюда [крест-накрест]. Ишо мо(ж)ошь побольше, штобы выше было чёточок. Вот в эти ямочки и накладёшь ягоды. Ну, на эту, на скóвор(о)ду на большую складёшь. Вот ско(в)орода́ у меня така ёсте — пекёшь олашки какаа — вот на такуу скóвороду. И вот это туды ягод накладёшь. А теперь обычно ягод мало, дак эту — повидлу, да со свёклой, да. Вот так (в)от.

Вот это паска. Ак ростворишь на молоке, там еичко кладёшь, песочку — всёо хорошаа. Тут масло лёнуто...». Ели этот кулич после возвращения из церкви: «А йили как этоо — утром ранше эть ходили. Ночью-то ходили накануне-то [в церковь]. Ну вот как накануне уйдут, а на второй день (ну, утром) приходят, дак. А пироги испеклисе уже ночьюю. Это я помню, шо у мамы — я сплю, а огонь горит уже — ночьюю пироги пекут...» [АНИ, д. Зуево; МИА 24:87об.-88].

Куличей, как правило, пекли несколько. Один из них предназначался священнику, другой — для разговления, третий — для угощения гостей. «Не одну паску ведь пекли. Делай хоть сколько! Я дак три всё делаю. Всю неделю у меня паски — едим до воскресенья. А в церкоф паску одну. Но и обратно приносили — освещшал батюшко. Мы обратно приносили, в церкви не оставляли» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:55]. «А (в)эть паски пекли, ак не одну паску пекли — гости приходят, дак тожо паска есть, и для гостей» [НМП, д. Мыс; МИА 23:8об.].

Паска, как и некоторые другие предметы, связанные с определёнными христианскими праздниками (веточки вербы на вербное воскресенье, веточка березы, поставленная под иконы на Троицу, последний сноп при дожинках) могла наде-

ляться в народном сознании особыми магическими свойствами. Одну паску носили освящать в церковь, после чего хранили закрытой в переднем углу до посевной поры. Когда наступало время сеять, ее доставали, отрезали несколько кусочков и несли их в поле или на огород, клали в семена, брали на рыбную ловлю. «Вот идут в церковь и несут паску — небольшую паску несут. Ложат там на стол, и каждая знает там свою паску. Вот священник, значит, когда идёт и sprыскивает, служит. И эту паску приносят домой, ложат ее в передний угол (раньше в переднем углу божница была да иконы были, да всё) и ложат, значит, закроют, шtbody не пылилась. И вот когда надо сеять, начинают: берут, немножко отрезают — в полё. Это обязательно [кляли в семена]» [ФАА, с. Липин Бор; СИС 23:28об.]. «“Засевательная паска” — вот сеять — дак шtbody эта паска была батюшkom [освящена]. Ну, поп-то ходит по всей деревни. Вот приходят да на стол мама делает паску... Вот она считаэцца, когда будут сеить, тогда вот с этой паски берут с собой (сеют там овес, сеют ли ячмень ли чёо). Её до сева и берегут. Мама скажот: “Нет, робята, не трагайте, это засевательная паска!” Пойдёт сеить дак в карманы складёт ли там» [КУН, д. Задняя Слободка; СИС 25:14об.]. «Паску-то, свитят паску, дак этот горбочек и берегли. Например, сиять пойдут, засевать первой день, дак брали — там в огороде ли, чёо ли... Так и в озеро, наверно [на рыбалку]. Я думаю, шtbody первый [кусочек], поди. Первый, хоть послдний — это обби хороши!» [ПЕС, д. Тарасьево; МИА 25:91]. «Пекли не одну паску. Одну паску берегли целую, пока лен не начнут сеять. Потом придут с поля, чай с ней пьют. А если лен плохой уродится, говорили: “Лен не вырос, паску не уберегла”» [БАН, д. Митрофанова Гора; СИС 22:25об.].

Еще в 30-40-е годы в Вашкинских деревнях существовали обычаи чествования на Пасху молодожёнов, символически оформляющие их вступление в брак (см. «Свадьба»). Как и на масленицу, в это время новобрачные гостили у родителей молодой. К их приходу в качестве специального угощения варили яйца и готовили колоб (см. «Масленица»). Всё это предназначалось в первую очередь зятю. «Зять приходит первый [в гости], дак надо десяток яиц сварить да и колоб испечи — это для зятя. Вот молодожны, например, приходят первой раз — зять: то ли на Паску, то ли вообще так. Вот женяцца да пожи(в)ут, дак вот идут первый раз на Паску ли на празники. Дак вот и колоб на Паску пекли, на Троицу. Кто на масле, кто — половина масла, кто — на сметане, кто на чём делали. Толокно надо. Тесто выляпают, да накладывают соломаты, намешают, да наложат, да в печку. Загibaldi маленько, загibaldi крайчики. И в печку. Пекли в печке в русской» [ННС, д. Холмок; МИА 25:96-96об.]. «О Паске всё говорили: “Ой, зять есть, дак надо решето яиц!” Дак не обязательно решето — такая пословица была. “Ой, — говорят, — зять есть, дак надо решето яиц ко Христову дню, шtbody вот ешь ты, сколько хочешь”. Дак вот десяток, а то два сваришь: “Нате, ешьте, робята, сколько хочите!”» [ММФ, д. Кропачёво; СИС 20:74]. С угощением молодоженов связан, по-видимому, и обычай выпекания на Пасху свадеб-

ного печенья — «кудрей» (см. «Хворосты»). «Мама на Паску пекла “кудри” — раскатает сочень, режет узкими полосками, завивает, как веревку и сворачивает крендельком. Гостей угощали» [КФГ, д. Малеево; СИС 25:40].

Особое место в пасхальной обрядности занимали окрашенные в красный цвет яйца, что должно было напоминать о страданиях Иисуса Христа на кресте. «Как по Божьему писанью, дак наа красным окрасить. Считалось, што как кровавое яйцо, потому што Иисуса Христа когда клали на распятие — кроф была, знацит. Вот ввиду этой красят и яйца. И сейцяс красят. Не в смысле тово, штобы оно было баскоё там, а для тово, штобы — особенно красным красят — для тово, штобы это признавали ранше Иисуса Христа. Понимаешь-то: распятие клали, вот, знацит, и Иисус Христос сказаў, что яйца надо красным красить, вот» [РПФ, д. Аверино; ССН 9:52]. Встречаются свидетельства и о том, что яйца могли красить в зеленый цвет, хотя такая окраска более характерна для Троицы (см.). Пасхальные яйца были обязательной принадлежностью праздничного стола: «Это в Паску — первое яйца и паски! Вот это ейчики эти — вот, примером, я в субботу их красила — намою там и чугу́н (в)скипичу́ или там кастрюлю, и йих в веничках зеленых. Они зелёненькие такие выходили — красивые-красивые! И в тарелку накладываю, кладу на стол» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:54об.].

Крашенные яйца святили в церкви вместе с паской и ходили с ними на кладбище поминать умерших родственников. Принесенные яйца оставляли на могиле, предварительно раскрошив. Когда разбрасывали крошки по могиле, обращались к птицам с просьбой поклевать — помянуть мертвых. «Это в Паску ходили. Ходили и в первой день, и на второй день. Роскрошат по могилке — к голо(в)э ближе роскрошат [яйца]. Крес(т) и сичас так ведь к голо(в)э ближе ста(в)ят. Говорят: “Пусть птички съедят!” Не знаю, почему говорили» [НМП, д. Мыс; МИА 23:10]. Поминать ходили «в Христов день-то, в первый-то день. А чёб? — Сядут да, родителям покрошат на могилку [яиц], да и всё. “Царство небесно!” — и всё, а боле ничёб» [ЗТН, д. Поповская; МИА 23:93об.]. «Это в Паску, в Паску еички клали. В Паску и на Фоминой неделе клали. Идут на кладбишшо и — ранше у цэрквы дак яйцам билисе. Вы-то, наверно, это и ни испытали? Ну, ну. Служба. После службы выходят все — яйцам бьюцца. Вот элак вот. И идут на могилки, на могилках яйца кладут к головам [не те, которыми бились]. Вот крест, сюда и кладут вот, к кресту и кладут еички. Крошили, крошили, штобы птички небесные поклёвали. Да, да. Звали: “Птицы небесные, клуйте!” Вот так» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:53].

Наряду с местным обычаем посещать кладбище на Пасху, встречается и более каноническое представление о запрете посещать могилы в этот день. «На могилки ходят в Радуницу, в Троицу ходят, только в Христов день не ходят. В Липином Бору в Христов день ходят. В Спасов день [18.08.] ходят,

яички всёгда носят на могилку. Мама сказала: “Яйцом меня не поминайте. Наш праздник в Радунциу. Через двенацать дён — Радунца, вот тогда поминайте за яечком, а не поминайте в Христов день яйцом. Потому што не наш Христов день! — в Радунциу все, вишь, ходят поминают. — Наш Христов день будет через двенацать дён”. Оставляли на могилке яечко. Пшено сыплём, по всей могилке рассыплем, птички тожо помянут» [ММФ, д. Кропачево; СИС 22:85об.].

Яицами разговлялись, их дарили соседям и родственникам (в первую очередь — детям) в знак Христова Воскресения, ими бились и играли (см. «Игры с пасхальными яйцами»). После возвращения из церкви каждая семья садилась за праздничный стол, где среди различных угощений обязательно присутствовали пироги, холодец и яйца. «Это всеношну отслужат (называласе — ночью), придут домой и сразу за стол. Сразу за стол. Которые дома пироги, дак вот и ели. Еички были на столе уш о Паске, уш еички были...» [НМП, д. Мыс; МИА 23:9об.]. «Вот придут от службы-то когда, с цэрквы-то — первое еичко и едят это. Разговлялись. И холодцом — мясноё было, мясным и разговлялись: первое блюдо. Это вот набьют осенью, и берегли ножки. Вот это мясо и берегли» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:55об.].

Смысл игр с пасхальными яйцами сводился к ритуальному обмену ими. Эта же символика присутствовала в церемонии христосования: когда поздравляли друг друга с Христовым Воскресением, обязательно дарили яйца и целовались. При этом звучала традиционная формула: «Христос Воскресе!» — с обычным ответом: «Воистину Воскресе!». «Ну, христосовались. Вот и сечас пожилые, дак: “Христос воскресе!” Поцелующе и яичко и подарят друг дружке. Это дома, дома или куда-то идешь вот к знакомому, дак принесешь яичко, што: “Христос воскресе!” Поцелующе и всё, и боле ничёб...» [ЗТН, д. Поповская; МИА 23:93]. «Детишки, да и старушки тожо христосовались. Дак вот у нас бабушка, ак нас приведёт вот к соседке к своей. Сами две старушки похристосующе, поздравят, росцелующе и нас заставят: “Ну-ко и вы, матушки, тожо поздравьтесь с Рождеством Христовым: “Христос воскресе!” — крестиком и поцелующе. А он отвечат: “Воистину воскресе!”» [ЛАФ, д. Мосеево; МИА 23:59].

Как и на Троицу (см.) девушки дарили в Пасху яйца парням, которые катали их в масленицу (см.). «А там служат, ну, — метров десять килья стоит: больша-а-я изба, кильей ранше звали — Всеношная идёт, дак все (кто веть покурить надо — мужики веть) зайдут, да. Ходят люди в церкву... А в другой половине молодёжь: барышни да кавалеры. Яиц у всех набраны карманы да. Дак дома это перед Паской вечером в субботу наварят яйца. У нас дак отец роздилит яйца всем, кому сколько. Вот и берут, барошне дарят, барошни их дарят. А Богу-то молицца — штоб Бог дал, што пойдут молодяшка» [ККА, д. Босово; ССН 9:78].

В д. Митрофанова Гора для того, чтобы собрать побольше яиц, девушки зарабатывали их мытьем изб к Пасхе, получая за день работы 20 яиц.

Яйцо должно было достаться каждому катавшемуся, поэтому дарили не только в сам праздничный день, но и в течение всей последующей недели. «Вот парни девочек покатают, барошнёй. Ну, а Паска подойдёт, дак эти барошни парням яйца дарили — кто сколько сможет... Кто как подарит. Как я-то дарила? Ну, я выняла из кармана да подала. Похристосо(в)ались. А ковды пятóчик [яиц] даси — смотря как куры накладуца на Паску. Всем надо уш подарить. Да. От и берегёшь еичок: нада кто покатав, дак тому и подарить» [НАИ, д. Весёлая; МИА 23:75об.]. «На второй день Паски ходили тожо в церкву. Тожо там служба была. А я помню, у нас даже гулянка была округ церквы. Когда как тёпло, тёплая это Паска, так кругом. Ишо кругом церквы ограда и могилы ишо тут — раньше хоронили ишо — и вот тут гулянка была. Кругом церквы ходили: хто пароцьками, хто там деўки с деўками ходят, робята с робятами ходят. И вот яйц-то туды и наберут барошни-то, яйца и дарили. На второй день Паски — эт уш робята и знают, што деўки пришли с яйцами. А это тожо эт не кажному, можот, надо подарить-то. Што вот там кому надо подарить миня — неохота другому-то подарить, дак деўки-то яйца-то ишо отдают кому-нинабудь там вот (женщины тожо ходили), ак вот: “Возьмитё-ко у миня, поберегите яйца-то”. Там подойдёт случай, дак я этому парню подарю. А эть робята, знаэш, де(в)ок даже тут грабают ишо што: “Вы с яйцами пришли-то?” Как жо, как жо — это ить было всё, дак всем охота было яйц!» [ОУА, д. Опрячкино; СИС 26:63-64].

Традиционным развлечением на Пасху и в последующие недели было качание на качелях, в котором принимали участие и взрослые, и дети. Обычно их устанавливали к празднику и сохраняли до Троицы (см. «Качели», «Троица»). Пасхальное празднование включало и другие обычаи. Например, всю неделю после Великого Воскресения вход на церковную колокольню был открыт, и каждый желающий, поднявшись на нее, мог ударить в колокола, чтобы возвестить на всю округу о воскресении Христовом. По многим свидетельствам, перезвон колоколов из всех окрестных приходов создавал особое, приподнято-возвышенное настроение. «В Паску на колокольню вход был свободный. Звонили, кому не лень, неделю целуу. Да до чёб долáзэашь, дак в этих местах [=в коленях] больно станёт ногам-то!» [ЛИМ, д. Шугино; МИА 23:59об.-60]. «Зайдём туды и звоним. Эту всю недилю уш — было тут не закрыто на колокольню — всю недилю ходили. Просто так забегали. Зайдём туды — не одна лис(т)ница ведь! — и позвоним. Большая, хорошая церква была да розрушили. Я не такаа взрослая была уш, в трицеть пятом году взамуж выходила...» [НМП, д. Мыс; МИА 23:10].

Островский Е.Б.

ПЕРВЫЙ ВЫГОН СКОТА

Обычай первого выгона скота представляет собой комплекс обрядовых действий, включенных в весенний календарный цикл, которые отражают архаические представления о скоте и его роли в крестьянском быту. Обряды первого выгона должны были обеспечить сохранность скота на летнее время и продолжали древнейшую традицию почитания скота, связанную с культами предков. Этот обычай традиционно приурочивался к Егорьеву (см.) или Юрьеву дню (6.05.): «Первый раз скот выгоняли на Егорья» [ЛАД, с. Вашки; СИС 24:30об.], однако на Русском Севере, в частности в Вашкинском районе, вследствие климатических условий сроки первого выгона были отнесены на более позднее время: например, на весеннего Николу [ММФ, д. Кропачёво; СИС 24:7] или на Вознесенье [БТМ, д. Гора; ССН 8:14]. Нередко выгоняли «смотря по погоде. А вот обычно у нас вот сейчас, дак первою июня всё. [А в этом году], дак четвертою июня даже. А выгоняли и в мае... В поло(в)ине мая было, само(е) ранее — в половине мая» [ЛИМ, ЛАФ, д. Мосеево; МИА 23:62об.-63].

В последнем случае при выборе времени для первого выгона скота предпочтение отдавалось воскресным дням: «Дак ить штобы не в постный день: в среду не выпускали да в пятницу не выпускали — в эти дни не выпускали скотинки! А тут выпускают: и в четверг, и всяко. Токо што лучше нет — в воскресеньеце скотинку выпустить» [ММФ, д. Кропачёво; СИС 24:26-26об.]. «Скот надо выпускать в четверг и воскресенье. А чё-то понидельника боялисе, пятницы, среды боялисе, чё-то дни это чёрные какиз-то считалисе, дак» [АВП, д. Медведево; СИС 25:22об.; ЛМФ, д. Мосеево; СИС 21:13]. Существовал также запрет выгонять скот в «крайние» дни: понедельник и субботу [МЕФ, д. Маньково; ССН 8:30]. Но в некоторых деревнях в субботу выгон допускался: «В июне месяце уш погнали. День-то субботний штобы был. Не в понедельник, не в четверг, а в субботу гнали» [ККС, с. Липин Бор; ССН 10:10; КАД, д. Москвино; ССН 9:95об.]. «Всегда обычно коров выпускали в субботу или в воскресенье, што тут и люди свободныз были, ну как в “молошный” день называли, а не в посный штобы» [КАЛ, д. Сементьево; СИС 25:31].

В обряде первого выгона можно выделить следующие основные моменты: обход скотины хозяйкой дома; выгон скотины в стадо; обход скотины пастухом на пастбище.

Обход скотины на дворе совершался ранним утром. Обходя скот, хозяйка как бы «замыкала его в круг». Данный обычай являлся остатком древнего магического действия, имевшего охранительное значение. В общерусских вариантах обхода могли использоваться следующие магические предметы: верба, икона (Георгия Победоносца как покровителя скота или любая другая), обрядовый каравай, яйцо, свеча, оберег (в виде ножа, топора, замка, ремня и т. д.). В

Вашкинском районе этот набор ограничивался яйцом, иконой, оберегом (в качестве которого выступали топор, ремень, коса, камень и др.), а также вербовым прутом, который освящали в Вербное воскресенье (см.) и хранили до первого выгона скота в углу под иконами. «Тычинку выломают, вот вичку выломают такую — райдовую. И вот этой вичкой скотинку опрвожajúют и летом провожajúют на пастбишко. Вот эту вичку и берегут все време. Вот эта райда — ну, вербушки-то эти, она зовéцца-то “райда”. Раз принесёт домой, дак на двор там складёт к месту большуха-то, да што. Вот так выпускаэт скотину, ак от и вицинкой этой опушajúют» [ЛАП, д. Сукозеро; МИА 25:Ф1991-12Волог. Оп. № 7]. «Скот-то выгоняли в полё, дак вербушки немношко оставляли, шчёбы проводить» [ФАА, с. Липин Бор; СИС 23:30]. Вместо вербы мог также использоваться ивовый или черемуховый прут: «Прутик-то ли ветвинка вот от черёмухи ли от чё ли, от куста от какоо — выпуска́ть и берегут еэ. Другаа, дак она овецъ ли выпускаат и ветвинку в руки возьмет и прова́дит» [ЗАП, д. Ушаково; МИА 24:Ф1991-11Волог. Оп. № 35]. «Когда выгоняли, хлестали ивовым прутом, а то и черемуховой ветвиной» [ЛИМ, д. Мосеево; МИА 23:63].

Обход скотины совершался как правило хозяйкой. Держа в руках лукошко с иконкой и яйцом, она шла вокруг коровы, слегка покачивая лукошко, стараясь, чтобы яйцо все время каталось вокруг иконки. Сопровождавший эти действия приговор мог варьироваться. «Это я всё в Ни́колу вёшную, дваццать второва, Никола, ма́я-то. Вот я в Ни́колу обойду корóушку: “Как яичко кругóм, — это, — иконки катаэцце — вкруг, так бы у меня ко́роушка ходила домой”. Дак она у меня нигде не остаицца, не ночуёт. Уш как я со скотинкой ни набиласе!» [ММФ, д. Кропачёво; СИС 24:7]. В следующий раз та же собеседница произнесла этот приговор несколько поиному. «На Егорья обходят скотину с решетом: “Как кругом яичко катаецца по решещу, так бы скотинка кругом своей избушки знала и ходила домой, нигде не останавливалася”. Потому что оно [=яйцо] нигде не останавлиецца, катаецца, вот и скотинка ходит» [ММФ, д. Кропачёво; СИС 22:86].

При выгоне скота в дверях хлева или в воротах двора клали топор, клещи, ремень, косу, камень, и заставляли скот переступать через него. При этом хозяева верили, что пояс и ремень заставит скотинку держаться возле дома, а стальные предметы оградят её от волков, медведей, нечистой силы. «Там кладёт топор под порог — корову-то как будут выпускать, дак. И до осени этого топора не вынимать оттуды! Без топора нельзя: под порог ту(д)ы надо, на двор. И скотину-то уш гонит через порог со двора-то она — топор-то. И клéшшы — ранше байну-то готовили, камéньем-то воду-то грели, дак — клéшшы кладут под порог-то. Ак сталь это. Сталь — это хорошо, што ни звирь ни возьмёт и ничё. Сталь!» [ТАМ, д. Трифоново; ССН 9:41об.]. «Ешшо ремешок с себя снимешь да поперек порога положишь. Да ну, чтоб она прошла через этот ремешок. И топор вот сюды, к порогу лезвиём. Камешки мимо клали, чтобы камешки переступала коровушка.

Вот и она все время проходит домой тóтотки» [КМГ, д. Хошково; ССН 9:73]. Коса, как правило, укреплялась над воротами: «Еще и косы клали, чтобы скотинка ходила, да никто летом не потревожив... Над воротами, это когда скотину выпускаешь, дак и кладешь. Вот коровушка и пойдет, и перекрестишь вот эдак» [КМГ, д. Хошково; ССН 9:73].

При первом выгоне скотины существовал ряд запретов: запрет выгонять скотину «вицей» — сухой веткой или веткой без коры [ЯОП, д. Сальниково; СИС 21:44]; запрет выгонять скотину голой рукой и прикасаться рукой к скотине: «Обезательно — выпускаэм коровушку — рукавицу одеваэм. Ни с голыми руками! Я ни знаю, какоо поверье, но штоб были руки закрыты» [ЛИМ, д. Мосеево; МИА 23:63]. «При первом выгоне мама наказывала, што ни во дверях, ни в отводах, ни в заво́рах, нигде коровушки не трогать рукой. Потрогаешь — пристанет болезнь — “седок”» [ИАВ, д. Ильино; ССН 9:33]. Нельзя было выгонять скотину босиком, и с непокрытой головой: «Нельзя босиком ходить выпускать скотину, безголовому... [А почему] это уж спросите у пастуха — и тот не скажет» [БММ, д. Речка; ССН 14:53об.]. «На Егорьев день пастух обходит кругом уш всё стадо и скажет, што: “Женшчыны, вы гологоловые не выгоняйте скотинку, шчэбы гологоловые и босые! Што-нибудь да обувайте и на́ голову одевайте!” Ну, они раньше, знаете ли, со слова́м выгоняют скотинку: в лесу пасли да всё, дак штобы Господь сохранил» [ФАА, с. Липин Бор; СИС 23:30].

Чтобы заставить корову возвращаться домой, совершались следующие действия: при выгоне за ворота бросали коровий след обратно домой: «Гонишь первой раз животину, выпускаэш когда летом, а следки-то обери да клади туда [=в хлев], обратно: “Где слединка, тут и будет жить животинка”. Эти следки штобы не были [оставлены], эти следки обезательно наа класть туда» [СНН, д. Село; СИС 26:84об.; ЯОП, д. Сальниково; СИС 21:44]; а шерсть со лба — на спину коров: «Коровушка подойдет ко дверям, так вот она [=хозяйка] шорсточку возьмет и кидает на коровушку, чтоб: “Пойди, коровушка, в поле, не помни новой хозяйки, а помни старую, в поле иди, а с поля сама домой приходи!” — три раза надо сказать, каждое утро по три утра, вот коровушка и будет домой приходить» [ИАВ, д. Ильино; ССН 12:12]. Чтобы корова не убежала и ходила со стадом «это вот станешь говорить: “Царь лесной, царица леснаа, малы детушки, возьмите мою там короушку, — например, у меня Мальвина, — возьмите мою Мальвинушку на летушку. Поите и кормите, домой ведите!” Вот так три раза скажешь, обойдёшь это стадо и хорошо. Раньше были пастухи, колхозное стадо было, и коров пасли, а сей год сами пасли. Сей год мне пришлось обойти. Так и сделали, сами обошли» [СЕВ, д. Задняя Слободка; СИС 25:18].

Производимые над скотом действия иногда совершались молча, но чаще они сопровождались приговорами, близкими по своей форме к заговорам (см. «Заговоры и народные молитвы»). Словесная магическая формула могла представлять из себя обращение с простым напутствием: «Поди, моя милая коровушка, на

Божью волю, шелковой травкой наедайсе, ключевой водой напивайсе, будь здорова до самого Покрова, сыга и гладка» [БАИ, д. Савалиха; ССН 8:55]. Часто заговор имел форму краткого обращения: «Господи, благослови. Сохрани, Господи, нашу скотинку и спаси! Господи, благослови в доброй час и во святой!» [КНЯ, д. Сидорова; МИА 25:58]. «Я справаживаю всегда: “С Богом в час добрый”. Да. Без Бога не до порога. Всю жизнь: не молюсь, а верую. Вот так...» [ЛИМ, д. Мосеево; МИА 23:63об.]. «“Благослови, Господи, коровушку, на все лётушко красное”, — и выпускай благословясь» [ГМЕ, д. Пужомзеро; ССН 8:27об.]. «Выпускаеш на улице, крестишь: “Господи, благослови моего милого живота с зимнего стóйлица на весельное гуляньице!”» [ККС, с. Липин Бор; ССН 10:9].

Нередко в заговорах такого рода встречается обращение к домовому (см.): «Ну и выпускаэм, просим хозяина дома (в каждом доме есть свои хозяйюшка и хозяин). Вот так испокон веков так ведется, из поколения в поколение передается. Вот и хозяина попросим, штоб он берёг всё лето коровушку, и поил, кормил на воле и домой водил» [ЛИМ, д. Мосеево; МИА 23:63об.]. «Хозяин-хозяйюшка, малы детушки, на красное лётушко подсобите Зорьку кормить и поить, баской водить» [МЕФ, д. Маньково; ССН 8:30]. «Коровушку гнали, дак там выпускали, дак хозяина просили: “Хозяин-батюшко, хозяйюшка-матушка и милые детушки! Сохраните мою коровушку — я выпускаю её в полюшко!” — штобы никто не обижал мою коровушку» [ШЕВ, д. Погорелово; ССН 15:11]. Встречаются в заговорах одновременные обращения к Богу и к домовому или лешему (см.): «Спаси Господи и сбереги скотинку-матушку, хозяин полевой и дворовой впереди. Спаси дворовой и полевой хозяин!» [КАА, д. Трифоново; МИА 24:Ф1991-11Волог. Оп. № 65]. «Бог земной, царь морской, царь лесной, пойте, кормите мою коровушку и домой гоните!» [ИАВ, д. Ильино; ССН 9:34].

Отсутствие общих и устойчивых текстов заговоров («у каждого свой приговор» — БАИ, д. Савалиха; ССН 8:55) показывает, что слову как таковому уже не приписывалось ритуального значения. Вероятно, эти заклинания присоединились к действию, чтобы подкрепить его или пояснить.

Совершались некоторые действия, чтобы заставить коров держаться вместе. «Все [хозяйки] ведут на веревочках, каждая свою коровушку. Другой порой и подведут, чтобы они понохали друг друга, познакомились. Потом уж поводят так дня два-три, а потом станут отпускать с веревок, они и обходятся эти коровушки». При этом коров выгоняли на поскотину или на такое место, «чтобы все стадо поместилось» [ИАВ, д. Ильино; ССН 12:10-11]. В некоторых местах Вашингского района в день первого выгона на поскотине коров опрыскивали водой и встречали из лесу с иконой. Иногда, чтобы заставить коров держаться друг друга, их закармливали одним куском хлеба. «Вот мы берем хлеба кусок — та хозяйка и я — выносим. Вот мы сначала одной дадим полизать этот хлеб, и второй этот же [кусок]. И они все лето у нас одну травину едят бок о бок, неразлучные. А хлеб обычный» [ЛИМ, д. Мосеево; МИА 23:63об.].

Значительная роль в обрядах первого выгона отводилась пастуху (см.). Пастухам вручали стадо, и они старались использовать все средства, в том числе и магические, чтобы сохранить его. Так, при первом выгоне обязательным был обход стада пастухом. На поскотине пастух трижды обходил стадо с вербовым или березовым прутом. «На дворе не обходишь: ковды все выгонят, тогда и обходишь. Ковды это пасти погоним все — лес опушивсе. А сама уш ты вот, например, пастух, дак обходишь сама. Сгрудит, сгрудит — у меня девка была, дак — загоним, всё сгрудим, я и кругом три раза и хожу, кругом стада эдак. Коровы в середке, а я эдак вокруг» [ТАМ, д. Трифоново; ССН 9:41об.]. При этом обязательным условием было присутствие в стаде всех коров, которые будут выпасаться в этом сезоне. «Дак вот тут оне [=пастухи] уш пока скотину не соберут (оне знают уш, какие будут) — можот другиэ по какой-то причине и не выпустили — дак, значит, оне в этот день не обходят. Знают, што надо штобы в стадо вошла эта вся [скотина], штобы всё стадо это вошло. Вот. Иначе оне [=скотина] будут отходить» [КАЛ, д. Сементьево; СИС 25:31].

Обход совершался молча или сопровождался чтением специального заговора — «óтпуска». «Пастух берет отпуск и обходит все стадо. Выпустит на поскотину ли куда, обходит и читает этот отпуск. В этом отпуску скотинку никакой зверь не видит, медведю кажется скотина камнем, ай ли каким пнём, он и не трогает» [ИАВ, д. Ильино; ССН 12:11]. Текст отпуска хранился в тайне, в противном случае он терял свою силу. Обычно чтение отпуска сопровождалось определенными магическими действиями.

Минюхина Е.А.

ПЕСТУШКИ И ПОТЕШКИ

Один из жанров детского фольклора (см. также «Заклички», «Колыбельные»), характерной чертой которого являлось сочетание простых форм движения, выполняемых взрослым с ребенком или самим ребенком, и коротких рифмованных приговорок или песенок. Пестушки и потешки играли чрезвычайно важную роль в развитии ребенка раннего возраста: они устанавливали эмоциональный контакт со взрослым, без чего немислимо нормальное психическое и физическое развитие ребенка, обучали языку и мелодике, давали первые представления о реалиях окружающей действительности и т. д.

Одной из важных функций пестушек являлось поддержание у ребенка весёлого настроения, отвлечение его от капризов и слёз. Для этой цели чаще всего применялись самые простые действия: щекотание, поглаживание, тормошение, подбрасывание и т. п. Например, плачущего ребенка часто успокаивали, показывая ему «козу», т. е. «бодали», наставив на него вытянутые указательный палец и мизинец, при этом приговаривали:

Идет коза-дереза,
Выставила свои рога!
[ИАН, д. Малая Чаготма; СИС 23:22об.].

Коза-дереза,
Ребяные глаза,
Кто титю сосёт,
Молоко хлебаэт,
Того коза забудаэт.
[ЛАД, д. Москвино; СИС 25:46].

Или же, посадив к себе на колени, щекотали по темечку, лбу, носу и т. д. и говорили:

Здесь лес, (щекотали по темечку)
Здесь поляна, (по лбу)
Здесь бугор, (по носу)
Здесь яма. (по рту)
Здесь грудь, (по груди)
Здесь живот, (по животу)
Здесь барин (или барыня) живет! (по низу живота)
(вар.: Здесь Мирон (Мирониха) живет!)
[ЗЗВ, с. Липин Бор; СИС 21:20]

Сажали ребенка на колени и подбрасывали, приговаривая:

Поехали с орехами,
Поскакали с колпаками,
Ступиком, ступиком, / 3 р. (немного приподнимая
колени, т. е. лошадь ступает медленно)
Рысью, рысью, / 3 р. (немного побрасывали)
В скок, в скок! / 3 р. (высоко подбрасывали
на одном колене).

Поехали с орехами!
Вот хорошая дорога, / 2 р.
Вдруг ухаб!
(раздвигали колени, валили ребенка на спину
и у пола подхватывали)
[ЛАД, с. Вашки; СИС 21:39]

Пестушки для самых маленьких формировали умение соотносить реальные предметы или действия с их названиями, для чего взрослый показывал их или проделывал вместе с ребенком. Существует большое количество таких пестушек. Например, взрослый, обхватив головку малыша руками, переваливал ее с боку на бок, приговаривая: «Коровай, коровай, кого хочешь выбирай» [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:39]. Или сам поворачивал голову

вправо-влево со словами: «Кудри где? Где кудри?» [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:39]. «Головой крутят — “кудри кажут”: “Где-ка кудри?”» [ЛАД, д. Москвино; СИС 25:46об.]. И ребенок вслед за ним тоже начинал крутить головой.

Положив ребенка на спинку или посадив к себе колени и взяв его ручки в свои, взрослый то сводил, то разводил их, одновременно произнося нареспев: «Маме — сажень, папе — сажень» и т. д., перечисляя всех родственников, «а Ванечке самая большая сажень!» (или: «А Ванечке больше всех!») — и растягивал ручки ребенка как можно шире [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:38]. Поднимали ручки малыша на головку и говорили:

Гули-гули полетели,
На головушку сели,

Яичко снесли
И накакали.

[ЛАД, с. Вашки; СИС 21:38].

Или, взяв его ручки в свои, взрослый махал ими и приговаривал: «Полители, полители, на головушку сели» [ИАН, д. Малая Чаготма; СИС 23:22].

Уты-уты-утицы,
Уты полетели,
На головушку сели.

Уты-уты поплыли,
На головушку скóкнули!
[ФАП, д. Берег; МИА 15:58].

Уты-уты,
Да на головушку сели,

На головушку хлопнули.
Уты опять полетели,
На головушку сели.

Да поплыли, поплыли, поплыли,

«Он опеть ручки снимает, опеть кладоват [на голову]» [МФФ, д. Гора Тимофеева; СИС 22:47].

Так, со временем ребенок, услышав слова взрослого, начинал выполнять необходимые действия. «Возьмешь робенка, дак вот и ска(же)шь: “Уты-то, уты-то сделай”. Вот ён как элак [=руками машет] станет делать, ак и поёшь, што:

Уты, уты, полители-полители
(махали руками)
По-о-плыли, по-о-плыли
(разводили руками)
Потом на головушку хлопнули:
Кар, кар, кар!

Вот эти ево-то ручки да и складёшь на голову» [КМГ, д. Хошково; ССН 9:76об.]

Очень важную роль в освоении языка играли пестушки, построенные в форме диалога. В отличие от настоящих речевых диалогов в них реплики-ответы заданы текстом. При игре весь текст сначала проговаривался взрослым, затем ребенок с подсказками отвечал на вопросы взрослого и, наконец, текст разыгрывался в виде настоящего диалога. Наиболее распространенной пестушкой такого типа были «Ладушки».

— Ладушки, ладушки,
Где были?
— У бабушки.
— Что ели?
— Кашку.
— Что пили?
— Бражку.

[ЛАД, с. Вашки; СИС 21:36].

— Лáдушки-ладóшки,
Где были?
— У бошки [=бабушки].
— Чё пили-йили?
— Кашку варили.
Кашка сладёнька (вар.: маслёнька),
Бабушка добренька.
[ММВ, д. Ларино; СИС 24:8об.;
КАА, д. Слизово; МИА 25:74].

С детьми постарше разыгрывались более сложные диалоги. Посадив малыша к себе на колени, взрослый похлопывал его ладонью по спинке и говорил:

— Что в горбу?
— Денежки.
— Кто наклал?
— Дедушка.
— Чем клал (вар.: посыпáл)?
— Ковшиком
— Каким?
— Золотым.
— Дай мне.
— У тебя нос в говне,
Поди вымой на реке!

[ЛАД, с. Вашки; СИС 21:38; ЗЗВ, с. Липин Бор; СИС 21:20;
ЛАД, д. Москвино; СИС 25:46; ЗЕД, с. Ухтома; СИС 24:37].

Многие пестушки включают в себя движения рук и пальцев, что, по наблюдениям психологов, стимулирует развитие речи и других психических процессов. Наиболее известной пестушкой такого типа является «Сорока». Слегка поплевав на ладонку ребенка, взрослый водил по ней пальцем (своим или малыша) и приговаривал:

Сорока-ворона,
Кашу варила,
На тын скакала,
Гостей скликала:
— Подьте гости
Кашу лóстить [=есть].
Этому — на ложке,
(загибали большой палец)
Этому — на поварешке,
(указательный)
Этому в чашке,
(средний)
Этому — в колобашке.
(безымянный)

А ты, горюнок,
(брали мизинец)
Выскребай котелок.
По воду ходи
И скотинку корми.
Тут тебе дорожка,
(вели пальцем по предплечью)
Тут тебе колодчик,
(щекотали локоть)
Тут тебе дорожка,
(вели пальцем по плечу)
Тут тебе ключевая водичка!
(щекотали под мышкой).
[ЛАД, с. Вашки 21:36;
ЯАА, д. Весёлая; СИС 21:71].

Сорока-ворона
Кашу варила,
Гостей скликала:
— Подьте, гости,
Кашу лóстить.
Этому — ложечка,
(загибали мизинец и т.д.)
Этому — поварёшечка,
Этому — чашечка,
Этому — черепяшечка.
Пальчик-мальчик,
По воду ходи,
(большой палец)

Скотинку пой,
Коровушек дой!
(вар.₁: Скотинку пои и корми,
И на волю води. — д. Залохта;
вар.₂: А этому по воду ходить
Да водичку носить,
Да коровушек поить. — д. Гора
Тимофеева)

Вот пень, вот колода,
Вот косая огорода,
Тут ключёвый родничок!

«И пощикочешь ево» [ИАН, д. Малая Чаготма; СИС 23:22; МАМ, д. Залохта; СИС 22:21; МФФ, д. Гора Тимофеева; СИС 22:47].

Сорока-ворона и т.д.
Этому — на ложечке,
(загибали большой палец и т. д.)
Этому — на поварёночке,
Этому — в чашечке.
А ты, пальчик-мальчик
(брали мизинец),
По воду ходил,
Коровушек кормил.

Тут пень,
(щекотали плечо)
Тут колода,
(предплечье)
Тут ворота,
(кисть)
Тут мальчик по воду ходил.
(щекотали ладонь)
[ПМП, д. Парфёново; СИС 22:56].

Сорока-ворона
Кашу варила,
На пень (вар.: тын) скакала,
Гостей скликала.
— Идите, гости, кашу ес(т)ь!
Этому — ложечка,
(загибали мизинец и т. д.)
Этому — поварёжечка,
Этому — чашечка,
Этому — колобашечка.
(вар.: Этому дала, / 4 р.
А этому не дала. — д. Задняя
Слободка)
Ты, пальчик-мальчик, не ходил,
(поколачивали большой палец)

Скотинки не кормил, не поил,
Тебе нет ниче(в)о!
(вар.: Ты пальчик-мальчик
Ничё не работал,
Воды не носил.
Ничё не делал,
Дак сиди голодной. — д. Задняя
Слободка)
Тут пень, тут колода,
Тут косая огорода.
Тут родник, ключевая вода бежит!
(вар.: Тут колодчик, / 3 р.
А там ключевая водица! — д. Задняя
Слободка)

[ММВ, д. Ларино; СИС 24:7; КУН, д.
Задняя Слободка; СИС 25:9].

В других, более сложных забавах ребенок должен был повторять вслед за взрослым движения и реплики или действовать по его команде. Например, взрос-

лый складывал руки тыльной стороной и сцеплял пальцы, оставляя средние свободными. Попеременно сгибая и разгибая их, он говорил: «Моя мечет, твоя серет» [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:38] или «Моя серет, твоя в баенке сидит!» [ЯАА, д. Весёлая; СИС 21:71об.].

Просили ребенка показать «метку», т. е. соединить указательные пальцы: ««Ну-ка, давай, Вася, покажи метку!» Вот так, што пальчик в пальчик. Штобы ён, когда только начинаэт, штобы хоть чё-то, какие-то движения делал. Так ён вот так сделаэт» [ММВ, д. Ларино; СИС 24:9].

В игре «копной» задача еще больше усложнялась. Взрослый и ребенок складывали поочередно руки на стол стопкой — «копной». Тот, чья рука была внизу, говорил: «Чья копна на моей копне? Скинь долой, увези домой!» Затем выдергивал ее и клал сверху. Следующий, чья рука оказывалась нижней, продельвал то же самое и т. д. [МАК, д. Пиньшино; СИС 22:41]. Для маленького ребенка быстро сообразить, где его рука, и повторить нужную реплику было непросто. Со временем темп игры убыстрялся, и зазевавшемуся давали щелчок.

Характерной чертой многих пестушек является элемент неожиданности, подвоха, который ребенок должен суметь разгадать. Такие забавы могли быть и совсем простыми, рассчитанными на четырех-шестилетних детей и более сложными. Например, сложив крест-накрест указательные и средние пальцы обеих рук, взрослый предлагал ребенку засунуть пальчик в образовавшийся «колодчик»: «Сунь пальчик в колоччик!» [ИАН, д. Малая Чаготма; СИС 23:22об.] или «Сунь пальчик, там зайчик!» [ЯАА, д. Весёлая; СИС 21:71об.]. В последнем случае взрослый сжимал руки в «замок» и поднимал большие пальцы, изображая как бы заячьи уши. Смысл игры заключался в том, чтобы опередить взрослого и вовремя выдернуть палец.

Иногда в таких забавах встречается запугивание, устрашение. Однако, как известно, страх, переживаемый «понарошку», не травмирует детскую психику, а напротив укрепляет ее, делает ее более устойчивой. Скажем, взрослый соединял кончики пальцев обеих рук наподобие полусферы и предлагал ребенку проситься в «баньку». Ребенок проводил своим пальчиком по пальцам взрослого (сначала по мизинцам, потом по безымянным и по средним) и каждый раз просил: «Пусти в баньку!» На что тот отвечал: «Веничка нет!», «Водички нет!», «Мыльца нет!», а затем говорил: «Ну, иди». Когда же малыш засовывал свой палец между ладоней взрослого, тот схватывал его палец ногтями и грозно говорил: «А тут баенник есть!» [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:38]. В д. Пиньшино эта игра была известна с другим текстом: «Пусти помыться», — просил ребенок. «Пожалуйста, — отвечал взрослый, — и жар есть, и пар есть, и водица есть». В конце игры, зажав палец малыша, он с шутливым испугом кричал: «Ой, баенник, баенник задал!» [МАК, д. Пиньшино; СИС 22:41].

Обращает на себя внимание то, что во многих развлечениях взрослых с детьми начинает появляться элемент состязательности, столь характерный для игры вообще. Он выполняет очень важную функцию: подводит ребенка к мысли, что есть не только победа и успех, но и поражение и неудача, и учит его переносить также и последние. Конечно, взрослый часто поддавался малышу, чтобы доставить тому радость победы над большим и сильным соперником. Такие забавы были обычно незамысловаты. Кроме уже приведенных выше «колодчика» и «баньки», опишем еще одну. Взрослый складывал пальцы стопкой: средний на указательный, безымянный на средний, мизинец на безымянный или наоборот: безымянный на мизинец и т. д. и протягивал руку ребенку: «Купи петушка!» [ЯАА, д. Весёлая; СИС 21:71об.], «Петушка уцепишь?» [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:38] или «Купи барашка!» [ЗЗВ, с. Липин Бор; СИС 21:20]. Если ребенок не успевал схватить сложенные пальцы, то взрослый со словами: «Ой, пропал!» — разводил их. В случае успеха считалось, что «петушок» или «барашек» пойманы и наставала очередь малыша «продавать петушка».

В некоторых пестушках еще хорошо прослеживается их связь с магией (см. «Заговоры и народные молитвы»). Например, потешая ребенка, зажимали его ручку между вытянутыми указательным и средним пальцами и делали вид, будто пилат ее и при этом говорили: «Заюшко идёт, да осинку грызёт. Осинка горька, ноженьки да рученьки крепка» [МФФ, д. ГораТимофеева, МАП, д. Пиньшино; СИС 22:46об., 41].

Магическая природа некоторых пестушек также заметна при обучении ходьбе. Когда малыш уже довольно крепко стоял на ножках, но еще не решался оторваться от опоры (это называлось «стоит лёли» — с. Вашки), ему припевали «Ой, лёли, лели, лели» [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:39] или «Вставай, лёли-лели, штобы ножки не овёли», — т. е. не ослабли, от слова «вянуть» [ММВ, д. Ларино; СИС 24:8; МАМ, д. Залохта; СИС 22:21]. При этом руки держали около подмышек, но не касаясь малыша.

Очень близки к пестушкам по своему назначению прибаутки. Они также должны позабавить и развлечь ребенка, однако в отличие от пестушек в них главное — содержание, они обладают более или менее развернутым сюжетом, чем приобщаются к сказкам. Со сказкой же сближает их и такая черта как антропоморфизм. Птицы и звери, домашние животные, действующие в прибаутках, знакомят ребенка с реалиями крестьянского быта, этическими и эстетическими нормами и пр., под их простенький напев получает он первые уроки народной хореографии. Конечно, граница между жанрами детского фольклора весьма условна. Один и тот же текст мог служить в зависимости от напева то колыбельной, то плясовой, то просто прибауткой. Приведем ниже несколько прибауток, бытовавших в Вашкинском районе в 20-30 годы.

Когда ребенок уже мог самостоятельно ходить, его брали за ручки, поворачивали к себе и напевали:

Топни-ка ножка,
Правая по-немножку,

Топни-ка левая,
Маменька велела.

«Вот он и потопает» [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:39].

Тили-бом, тили-бом,
Загорелся кошкин дом,
Кошка выскочила,
Глаза выпучила.

Идет курица с ведром,
Заливаэт кошкин дом.
[ИАН, д. Малая Чаготма;
СИС 23:22об.].

Ой, бом, бом, бом,
Загорелся кошкин дом!
Кошка выбежала,
Глазки выпучила.

Побежала к кабаку,
Табакерка на боку.
Курочка избушку метет,
Зайнъ, зайнко лапки плетет...

«Рассказывали и на голос малёнько пили. Усыпляли робят, так протягивали, поди, мѳжот...» [ПЕС, д. Тарасьево; МИА 25:84об.].

♩ = 120 Нотация Е.Г. Богниной

Ту - ру - ру, ту - ру - ру,
по - ти - рял му - жик ду - гу, ду - гу то - че - ну - ю, да
поз - за - ло - че - ну - ю. Ша - рил, шарил, ни на - шёл,
к_баб - ке - тѳгушке за - шёл, баб - ка - тѳг - ка на по - рож - ке,
от по - рож - ка две до - рож - ки, на пе - чи куз - не - цы,
на по - ла - тях ут - ки за - и - гра - ли в_дуд - ки.

Ту-ру-ру, ту-ру-ру,
Потирял мужик дугу.
Дугу точеную,
Да подзалоченую.
Шарил, шарил, ни нашёл,
К бабке-тегушке зашёл.
Бабка-тётка на порожке,
От порожка две дорожки,
На печи кузнецы,
На полатях утки

Заиграли в дудки.
Журавли пошли плясать,
Не могли земли достать.
Покатилось колесо
Прямо к Ване под окно.
Ванюшка пишет,
На девушку дышит.
— Девица, девица,
Сходи за водицей.
— Водица далёко,
На самом на болоте.

«Это при пляске пели. Я помню она [=бабушка] нам напевала. Просто сидела, вот, нам, забавлялась и вот как это, утешала нас игрой. Там была еще это последняя, я уж не пою:

Как поп попадью
Повесил на ремень
И сам запердел.

Это бабушка, што-то эт такое, штоб мы рассмियाлись» [ИАН, д. Малая Чаготма; СИС 23:20].

Туру-туру-туру-ру, Потерял мужик дугу, Дугу точенную, Позолоченную. Шарил, шарил не нашёл, Повернулся и пошёл. Девочки-татарочки, Взяли все по палочке,	Пошли на погос(т), Колонули по доска́м, Прибежали ермаки, Все одели колпаки, Не надел колпак один ермак, Вот брошу калошу Прямо тебе в рожу. [МАК, д. Пиньшино; СИС 22:41об.].
--	---

Многие потешки представляют собой фрагменты бывальщин, скоморошин, шуточных песен, исполнявшихся ранее взрослыми. В детский репертуар они переходили довольно легко, так как их персонажи — звери и птицы — близки к сказочным и хорошо известны детям.

Кукурику, пётушо́к! Скоцил к бабе на мосто́к, Клюну́в блинка, Помянув сынка Парамонушка.	Паромонова жонá На пеце сенó косила, На полатах молотила, На шостшочке вияла А поварённой миряла. [КМГ, д. Хошково; ССН 9:77].
--	---

Петушок-петушок, Золотой гребешок, Што ты рано встаёшь, Голосисто поёшь / 2 раза Спать не даёшь? Што у Карпова двора	Приукатана гора. Тама ехали бояре, Рассыпали горох, Некому подбирать, Встань петушок, Подбери зерно! [ККС, с. Липин Бор; ССН 10:17].
---	--

«Утушку луговую пели»:

— Утушка луговая, Где ты ночесь ночевала? — Там, там на болоте, В пригороде на заборе. Шли мужики с топорами,	Высекли по пруточку, Сделали по свисточку. Вы свистки не свистите, Батюшку с матушкой не будите. [ПМП, д. Никольская; СИС 21:29-30].
---	--

Одним из средств развлечения детей и одновременно воспитания умения образно мыслить, было загадывание загадок. Некоторые из них были довольно сложны и требовали не только хорошего знания реалий крестьянского быта, но и свежести и оригинальности восприятия окружающей жизни. Например, «Дом шумит, хозяйэва молчат, пришли люди, забрали хозяйэв, а дом в окошко ушёл». Разгадывалась она так: «Вот, значит, приходят мужики с неводом к реке, вот — “дом шумит”, “хозяйэва молчат” — молчит рыба, “пришли люди, забрали хозяйэв, а дом в окошко ушёл” — вода-то ушла из сети» [ВЛФ, д. Ивановская; СИС 24:20].

Слепцова И.С.

ПЕТРОВ ДЕНЬ

Петров день (12 июля) — день памяти преподобного Петра Афонского, известного в других местах России под именем Петра-солнцеворота.

На Петров день в Вашкинском районе ловили паутов и закапывали их в землю, т. е. выполняли обычай, напоминающий «похороны мух» на Семенов день (см.). «У нас заставляли, шо ло(в)ите в Петров день этих, паутóв, да закапывайте в землю, что с Петрова дня штоб меньше было этих, паутóв, штоб скотина могла ходить днём — не ночью ходить пасти, а днём штоб...» [ЛИМ, д. Шугино; АГА, д. Никоново; МИА 23:64об.].

С этим днем была также связана традиция выпекания обрядового пирога — «сыра». Его готовили следующим образом: замешивали тесто из муки или манной крупы, масла, яиц, сметаны, творога; выкладывали на сковороду и украшали различными «фигуринками» из теста. «Сыр пекли на Петров день: мука, масло, сметана. Вот напекёшь сыру — элакую сделаэш, розболтаэш ложкой, размешашь, дак. Элакой сделаэш, штоб связкоо, и на сковороду складёшь. Тестом украшаэш: элаких наделаэш фигуринок, крестиков нарежощь да, ножиком натычещь да. Делали птичок, цветочки делали — всё делали. Этъ хто чё можот сделаэт. Потом в печке мы ё(о) — я всё в митёной [=подметеной] печке, дак. Печку протоплю да в печку положу. Спекёцца — висо-ока подымецца булка! “Сыром” называацца, што вот сыр, сыру наделали...» [НАИ, д. Веселая; МИА 23:82-82об.]. Ели “сыр” обычно с «цяэм». На Петров день можно было испечь не один сыр, а два-три и больше, «сколько наделаашь теста» [НАИ, д. Веселая; МИА 23:82].

Миныхина Е.А.

ПЕТУХ

Популярный персонаж святочного ряжения. Часто упоминается вместе с «курицей», хотя название, по-видимому, давалось в зависимости от того, кто наряжался — парень или девушка. «Петухом» или «курицей» могли «наздоблять» и в других ситуациях: например, так в молодежных компаниях одевали неопытных и новичков, когда хотели над ними подшутить. Святочный вариант ряжения нередко сохраняет эту мотивировку: «петухом» обычно наряжали детей и подростков, устраивая им своеобразное испытание на сообразительность и искушенность. «Мама всё мне гоорила: “Ты смотри курицей не редись! Если курицей наредисси, весь вечер пролежиши. Мы, — гоорит, — наредили девку курицам, а пришли, а биседа дикаа [=очень большая], пехнули под кро(в)атку, ак она там плакала сидела весь вечер”. Связана была вся дак» [СНН, д. Село; СИС 26:78об.].

В Вашкинском районе можно выделить несколько способов наряживания «петухом». Самый распространенный, употреблявшийся как при розыгрышах, так и во время святочного ряжения, известен на всем севере России. Он заключался в следующем: желавший нарядиться всовывал ноги в рукава шубы или балахона; затем, наклонившись и просунув в рукава руки, обхватывал ими голени. После этого балахон застегивали у него на спине. «Хвост» и «голову» оформляли по-разному, в зависимости от фантазии и имеющихся подручных средств.

«Было, было — “курицей” вроде наряжали! Шубу-то тожо вы(в)эрнут на леву сторону. Да как-то ноги и руки — всё наа запехать в рукава, в одни жо. В один рукав руку и ногу, в другой рукав тожо вторуу ногу да руку. На голову, на платок тожо чё-то надевали. Вот там завязывали, и она кувыркалась: ей ни выстать некак, ницё. Гусиным шагом дак ходили. Принесут уш, тут её занесут, наэрно, в колидёр-то. Потом занесут в хату. В хате-то вот и ку(в)ыркаэцца. Поку(в)ыркают, покувыркают тут еэ — а (о)на (в)стать ни мójот, дак она сама кувыркаэцца. Ей бы стать нада, а она ни мójот, што рука, иш — в одном рукаэ рука и ногá, в другом тожо. Потом уш тут наиграюцца, дак обратно вынесут. Погледи — за крыльцо ишó: одну девку у нас за крыльцо ишó выкинули. Што вот здесь-то Катька-то жилá, Алистрóва-та. Вот эту Катьку наредили этой, “курицей”-то и во снег вот выкинули тут» [ЖВН, д. Ваномзеро; БНС, д. Пиньшино; НАИ, д. Весёлая; МИА 23:25об., 78; ККС, с. Липин Бор; ССН 8:7].

Всячески обыгрывалась беспомощность этого персонажа и его неспособность к самостоятельному передвижению. В д. Кропачево ряженому «петухом» «шубу накинут на голову, гребень красный. Одна рука в рукаве, а в руке “кóка” — клюв. Он весь связан, лежит на полу, клюет — “кóкает”, ходить не может» [ММФ, д. Кропачево; СИС 22:7]. Наиболее распространенные действия «петуха» и «курицы» — кувыркание и звукоподражание

(квохтанье или кукареканье). Символика кувыркания, с одной стороны, связана с общим пониманием ряженных как оборотней, с другой — имеет то же значение, что и рождественское кувырkanie молодежи по соломе, известное в юго-восточных районах Вологодской области, при котором девушка непременно должна была «покататься» со своим парнем.

«Петуха всё носили — называли “петух”. Как-то вот всё уш какоо-нибудь мужика наздóбят, элак вот и нóги складúт как-то в штаны туды, да как-то вот всё-всё перевяжут — так вот эдак ходит да кóкаэт, кóкаэт, кóкаэт. Как петух. К этому месту [=к затылку] привяжут виники ли чё ли уш, как гребень сделают. А сзади хвост элакой привяжут (когда из соломы там свяжут эдакой, когда из чёб там). Ну и ходит: ёб водят тут двóё, поддёрж(и)вают. Он ходит, ак: “Ко-ко-ко-ко-ко!” — токо так по полу “кóкаэт” да “кыркат”: “Кы-ы-кы-кы-кы-кы!” Ак ёб как кто товкнёт, (он) и выстануть сам не мóжот. У ёо и крылья были — виники какие навяжут, дак. Дак вот у нас свояк-то быв, так раз-то ходив — всё ростеребили йих! Побежав потом: “Петúх убежав!”» [ХЕП, д. Артово; МИА 24:37]. «“Петуха” наздóбят. Шубу оденут, в рукава ноги и руки складúт. Вот и кикурéкает. Много [случалось, что] выкинут, он и лежит на улице — не понравится если, как по полу прыгает» [МЕФ, д. Маньково; ССН 8:29]. «Пётухом наряжались. С кукуриканьем. Хозяин прикажет: “Клюнь!” Так он и клюнет» [ААЯ, д. Гавриловская; ССН 8:36; ФАА, д. Мыгчиково; СИС 22:34; УАП, д. Калитино; МИА 15:31].

Реже встречаются более сложные сценки с мотивом выбора пары, напоминающие посиделочные игры типа «жмурок» («имáвок», «чимок»). «“Петухом” покатили с малой беседы на большую. Подростка нарядили. Рука и нога в одном рукаве пиджака, клюв деревянный привязан к голове, гребешок красный и хвост. “Эй, Петя-петушóк, какая тебе девка нравится? Выбери мне невесту! Ну, угадай, какая мне девка нравится?” Он подходит, клювом толкнёт. “Не угадал, не угадал!”» [ВЕФ, д. Малая Чаготма; СИС 22:63об.].

Сценки такого типа чаще были связаны с другим способом наряживания, по-видимому, навеянным клубным или школьным «бал-маскарадом». «“Петухом” и “курочкой” нарежались. Шубу вывернут да на двух лапках ходят. Оне ходят на ногах, руки загнетúт в рука(в)а, ноги в другую шубу загнетают. Это подпояшут здесь [=на поясе]. А на голове тут чё-то навертят тожо. Зерно кидают, да: “Тип-тип-тип-тип-тип!” По девкам бегаэт, да. Девки — засмеэшься, скажешь: “Отступитесь, дураки, зёрна-то кидáть! Веть нáo подметать нам пол!”» [МФФ, д. Тимофеева Гора; СИС 22:45об.].

«“Петухом” тоже как-то снаредяцца: в чё ли красное снаредяцца, и красное на голове — такой гребень. Тут кокшáрь элакой [=кдюшка]. И на ногах надето красное: в шлéпах в элаких прилетит — такие шлéпы какие ли надеты. Вот и ходит — кокшáрь в руках! Клюнет как этим, дере(в)янной такой кдюшкой. Другой раз бóльк(н)о пазганёт — не жалеют! Кукурикнет, так руками захлóпат» [ЛАФ, д. Панино; СИС 23:3об.; МЛМ, д. Сальниково; СИС 21:62об.].

«“Петушком” — шея долгая, клюв открывается. Крылья от курицы пришиты на спине к черному пиджаку: на нем еще разные ляпаки нашиты — зеленые, красные, как перышки. В черных брюках. Ходит по кругу, кукарекает. Немного зерна посыплешь — он делает вид, что клюёт. Днём ходил чаще» [ПМП, д. Парфёново; СИС 22:54].

В некоторых случаях «петух» выступал в роли персонажа, запугивающего и наказывающего девушек. При этом, разумеется, он наряжался по-иному, чтобы иметь возможность свободно двигаться и самостоятельно действовать. Название «курица» или «петух» в данном случае относилось, вероятно, не ко внешности ряженого, так как никакого внешнего сходства с ними у него не было, а к его функциям, в том числе символическим (ср. употребление слов «курица» и «петух» для обозначения мужского полового органа). «Приведут кудеса, што шуба на левой стороне и сделана “курица”. Значит, челоэк забираэцца [в шубу], вот так вот на коленочках, вот элак пригнёт ноги и повзёт. У ёо одна рука, второй нету. [Он вторую] руку протягива(э)т в этот, в рукаў, и в рукаэ там сделана такаа деревяннаа, вóстраа, как клюў. Сам лёжит, гли(д)ит, гли(д)ит, гли(д)ит — ишо́ и выглянит оттуда: где деўки, да какие деўки, да... И вот сидишь — эта “курица” как подойдёт ко скамейке, как тяпонёт! Первый раз никак не знали, дак не страшно было. А потом дак стали боэцца: как саданёт, дак тут эдакой синяк дикой и слипицца. Рёвушком мы ривим. На скамейку вскóчим все, и с прялкам! И прялкой этой, ей пихаэм, копылóm што: “Ты больше нас не трогай! А нет — убежим!” Приходилось и убежать. Какой мальчик подойдёт: иной, знаэш, вредный какой есь ишо́ — исклюёт девок! Какую не залюбят, дак не знай! Ребят не трога(э)т, только девок» [ВВП, д. Никоново; СИС 21:5-5об.]. Поскольку «петуха» часто приводили на дневные посиделки, во время которых пряли, то еще одной шуткой «петуха» могло быть выдергивание у девушек кужеля «клювом» — палкой со вбитым на конце и загнутым крючком гвоздем [ЛВИ, д. Великий Двор; МИА 15:12].

В Вологодском крае такую разновидность «петуха» очень часто называли «журавлём». Для Вашкинского района это название не характерно: ряженный-«журавль» был зафиксирован только в с. Вашки и дд. Весёлая, Сальниково и Кропачево. «“Журавля” делали: сковородник, к сковороднику приделают веретено, на которое пряли, и (в) рукав от шубы — так туда [всовывали]. А сковородником управляли уже под шубой, да. Кой-кому и в голову стукнут, да и [так] больковáто, што и закричит!» [ЛЯД, с. Вашки; СИС 21:78]. «У нас так наряжались и “журавлём”, и клюху́, клюху́ там прирёдят — кочерга, кочерга. Всех и клевал» [МЛМ, д. Сальниково; СИС 21:62об.]. «Вот в шубе, шуба у нёо вся, сделана, привязана везде всё. Вот всё, принесли, клали, а в рукав протянута кока [=клюв] такая тут, у ёо протянута рука-то, протянутая, тут сделана-то кока, да вот у журавля дак рожа-то долгая, долгая, клюв, ну. И вот ён и кокаэт. Ёо нао притащить, он не видит там, в шубе так завязан. Вот народу-то много наберёц-

ца, наберёцца народу-то и ён там, ёо бедново топчут. Кудеса пляшут, а ён, а ён, внимания не обращают дак. У нас быў парень, дак чуть не задохся, што вот ништо внимания не обращает» [ММФ, д. Кропачево; СИС 24:29]. В д. Весёлая этот персонаж только ходил и «шею вытягивал: клюшку-то это и поднимает кверху. Ничё таково не делал: [девок клевать] никто не позволял!» [ЯАА, д. Весёлая; СИС 21:70об.].

В Киснемском сельсовете была известна еще одна разновидность «снаряживания петухом», которая в Вологодском крае встречается довольно редко. «А там (в кузову же в этом принесут — большой такой) сидит и поёт сам, как будто петух. Идёт он этъ, не несут ёво. Он как подходит к этой, где там биседа, ну, ёб и посадят. Занесут с калидору ёб на квартиру, он и покукурёкаёт — чёб бльше-то? Ёб не кажут, под корзиной-то он закрыт!» [БЗМ, д. Тарасьево; МИА 25:77об.]. «“Петухов” — это в кузову, сплетённый кузов. Ну, там, можот, молодой сидит — притащшат да кукурикат да. Ну, мушшына та молодой сядет да притащшат — кукурикат. И ранше было глупостей!» [КАД, д. Москвино; ССН 9:95].

В этом же сельсовете была известна сценка с участием «петуха», которой завершалась беседа, т. е. забава с ряженым-«петухом» выполняла роль «разборной» игры. «Посадят [парня] да в кузове принесут: кузов большой, ак он там сядет-от у двери в колидоре. Ево в кузове заносят в квартиру, где тут весь народ пляшет. Там в кузове сидят-сидят, а в эту трубу поют — в самоварную трубу. Да как резко-то [=громко] надо, што смеху-то, дак! Кому чово в голову падёт, то и поют — знали все песни робята». Когда надо было заканчивать беседу, то тот, кто сидит в кузове, объявлял: «“Двенацать часов!” — и как петух закукорикают там. Кукурикнут, дак только слушай! И голос протянут. Время ужо вышло, нао “петуха” домой везти! Петухом кукурикат в кузове, будто курицы там где-то, и забегает, и закокочет: “Кы-кы-кы-кы-кы”. Будто курицу зовёт там: “Кы-кы-кы-кы-кы”, — сам по кузову поколотит. Тут и скажет, который им заведует, ходит (приходит-то ветъ не сам, тожо с ним робята придут); дак онэ скажут: “Роспустив [кур], дак уш нечево теперь собирать! Нао было сразу хранить, а теперь розбежались — кто будёт искать? Дак вот мы бы прóдали, охотно продали!”» Последняя реплика, видимо, связана с одной из сценок, связанных с сидящим под корзиной «петухом» — его «продажей» девушкам [МАД, д. Москвино; ССН 9:96об.].

Необходимо отметить, что ряжение «петухом» или «курочкой» в Вашкинском районе было распространенной домашней забавой. «Петушком, дак это нарежалась сама даже! Это для блажи просто, дома. Ну, там руки в руко(в)а и ноги тут жо — вот теэ и петух! А сзади полы завяжут, как хвост. Пóка не розвяжут, не розденут, дак уш не роздище никак — хоть выкидывай на улицу! Я сама наряжалась этим петушком — дома. Просто посмеяццэ...» [ПНО, д. Пиксимова; МИА 24:69]. Иногда так тешили маленьких детей взрослые и старики. «Да как? Очень просто! Большие понитки были. Знаешь, раньше ветъ домотканые понитки

— пиджак, домотканый пиджак, рабочий пиджак; ну, наверх надёвали ево, дак большово размера шили. Вот если большой мущина — вот на ево, например, дак надо большущий такой! А мы в подростках были такие, дак. От придём: “Дя-адя Яша, нареди нас кúрицам!” — “Давайте!” Смешной такой старик! Вот в рукава он вот так вот положит, видишь, руки и ноги — в руко(в)á связовав вмéсте как-то (мы небольшие были, а эти-то, понитки, большие). И как-то он там нас застегнёт, да — задом наперед нас застегнет или завяжот, всяко. Как он складёт туда нас — нам самим-то не подныще, нам не встать самим-то! Дак он нас поднимет да на лавку-то и поса́дит (лавки ранше были). “Ну, теперь ку-курéкайте!” Или: “Ткните друг друга!” Где как ткнем, дак то́ко вниз голова́м встанем! Нам ни рука́м, ни нога́м — мы связаны все, дак! Всяко было! И с ро́гой [=с шишкой] ище придёшь [домой] — всяко было! О-ой! Чудак такой был старик!..» [ЛАФ, д. Мосеево; МИА 23:55об.].

Морозов И.А.

ПЛЯСКА

Пляска была основным развлечением на вашкинских гуляниях (см.) и беседах (см.), во время праздничного застолья (см.) и свадебного пира (см. «Свадьба»). Одаренных плясунов уважали и ценили не меньше, чем хороших гармонистов (см.) или сказочников (см. «Анекдоты и бывальщины»). Владение этим умением считалось необходимым условием для равноправного участия в компаниях неженатой молодежи, особенно парней. Мужская манера пляски отличалась большей изощренностью и количеством «колен», чем женская. Каждый опытный плясун имел свою манеру пляски, органично сочетавшую общепринятые элементы и фигуры с своими собственными «коронными» приемами и коленцами. «Парень “цыганским колесом” пляшет: на руках, перевертывается, ноги кверху и весь круг обойдет. Это один только мог, очень трудно. Большинство дробили и парни, и девки» [ИАН, д. Малая Чаготма; СИС 22:64]. Подобные колена использовались не только для того, чтобы «удивить публику», но и при соревновании с другими парнями во время пляски «на кругу» или как способ устрашения, издевки над соперниками. В последнем случае приемы «выпляски» были составным элементом «ломания» (см. «Драки»).

Обучать искусству пляски начинали с раннего детства, используя плясовые песни в качестве потешек (см. «Пестушки и потешки»). Хотя пляска была столь органичным элементом любой формы народного веселья, что в специальном обучении обычно не было необходимости: будучи непосредственным соучастником любого семейного или общественного торжества, ребенок с младенчества впитывал традиционные плясовые мелодии и ритмы, движения и пластику. Вовлечение детей в пляску иногда служило свое-

образным развлечением, которого не гнушались даже местные священнослужители — настолько оно было органично для традиционного мироощущения. Вот как описывает впечатления своего детства бывший житель Логиновского сельсовета — Николай Иванович Кириллов. «А Вася вот волоцкой, (в)он церква там — я в той ишо церкви был; семилетка-то была, там учили ишо: в Логино(в)э четыре класса, а там пятый был класс — ну, так вот в церкви Вася поп, Василий Иванович — как ёо? Я попа помню. Мне годов сем было. А была Тихвинская или — как я росказував праз(д)ники — Изосимов да Тихвинскаа. И вот этот — наа носить иконы. Иконы в часовне были чо-орной какой-то краской намазаны, намалёваны — там, верно, художник не очень хороший был. Ну, одна палка так, а тут доска. На доске там Изосим и Савватий да или Тихвинскаа Божья Матерь, значит. Ну, один за одну ру[чку] нисёт, другой — всё. А Вася-та с дедком всю ночь пьют. А Вася и говорит: “Коля, попляши!” А он знал, што у Ильи ес(т)ь трехрядка, а поп-то играл на гармонью-то, ну и: “Коля, сходи, у дяди Ильи спроси, што батюшко просил гармонью поиграть!” А Илья дал мне: “Токо ни урони!” (При)ташшыл, и вот он играл, а я это вот и плясал. Ну, я плясать — а дядя-то, мамин брат, и говорит: “Скачи как-нибудь — они пьют, дак!” Ну и, значит, приносит — вот сантиметров присят-шиисят — восьмёрка баранок. Достает из мешка: “Вот, Коля, тибел!” Там опять выпили. Ёму интересно, што: как я пляшу? Мне-то ак годов сем было. Ну, я чё, плясун какой? Скачу, как (вс)пляшу, дроблю ногам — два крендила! И вот восем крендилей у этоо попа выплясав! А дядя Митя-то и говорит: “Скачи-то!” Ну, потом батюшко встал: “Коля, снеси гармонью!” Встал и ишо с гармоньей-то вышел: вышел на улицу — и как хрястает! Старухи вышли: “Батюшки-и мой! Василь-то Иванович, што с йим?” — моляще. “А, — говорит, — с Митирием Тростимановичом всю ночь ведь пили! Так какой вам это?..” Он на гармонье-то и хрястает. А дядя Митя ёо отправил: “Иди, Василий Иванович, батюшко...” Дак иконы все унесли в часовну обратно: прошли туды-сюды — и в часовну. А он уехал туда, к сибе, где церква вот там вот... Всю ночь пили, дак! Пьяной. Ну, это давно было — сем годов, дак скоко годов прошло, дак! Да. Это уже и церкву, наверно, разрушили и считай, што. Ну, дак вот мне век ни забыть, што я за крендили эти плясал дак. Ну крендили хорошиэ: как их откусишь, так и тают во рту!» [КНИ, д. Глухарёво; МИА 25:Ф1994-17Волог. Оп. № 3к].

Существовало несколько традиционных способов аккомпанирования: «частые» плясовые песни, инструментальные наигрыши и пляска «под язык». К началу нашего века в Вашкинском районе старые плясовые песни и припевки сохранились лишь в зоне новгородского заселения (например, у переселенцев из Бежецкой пятёны). Скажем, в Троицком с/с еще в 20-е годы пришедшим кудесам пели:

$\text{♩} = 132$ Нотация Е.Г. Богоиной

Што на го - рке ря - би -
 нка ка - ча - ё - ща, вкруг ря -
 би - нки хме - лин - ка об - ви - ва - ё - ща, да
 круг ря - бин - ки хме - лин - ка
 об - ви - ва - ё - ща. Рос - хо -
 ро - шой кум И - ван про - бе - ра - э - ща в - чу - лан, да

Што на горке рябинка качаецца:
 Круг рябинки хмелинка обвиваецца,
 Да круг рябинки хмелинка обвиваецца.
 Росхорошой кум Иван
 Пробераецца в чулан,
 Да, росхорошой кум Иван
 Пробираецца в чулан.

Я со радости скочила,
 Голову не учесала,
 В косу ленту не ввезала,
 Низко кланеласе,
 Низко кланеласе:
 — Ты здоро́во, кум Иван,
 Поздорóвкайсе, галд́ин.

«Можот, грубый был, што “галдин”...»

У Ивана у галд́ина
 Не случилось алтына,
 У Ивана у галд́ина
 Не случилось алтына,
 У девушки Аннушки
 Не случилось воды,
 Да, у девушки Аннушки
 Не случилось воды.
 Пришлось Анне молодой
 На реку́ идти одной,
 Да, пришлось Анне молодой

На реку́ идти одной,
 На Торопу на реку́,
 Да, на Торопе на реке
 Стадо серых гусей,
 На Торопе на реке
 Стадо серых гусей,
 Онé с́или да поплыли,
 Свежу воду сомут́или,
 Онé с́или да поплыли,
 Свежу воду сомут́или.

«Это пели когды (в)от вечеринки элакие бывают. Или кудесам: например, прѣдут, а у нас же гармошки-то нет, так, знаэш, и подпеваэш. А она, вишь, такаа, (с) перехватом, шо от частые этъ есть слова, дак тут и притопнут всяко, и...». Петь могли как хозяева, так и «кудеса», иногда хором. «Да бывает, шчо ковды хозяева, ковды кудесá. Бывает, шчо и ни один поёт — дак вить ризчáэ, лучше» [ПЕС, д. Тарасьево; МИА 25:82-82об.]

В этом же селе сохранились и фрагменты старой «скоморошины», посвященной «сватовству сыча» — вариации известного сюжета «свадьба птиц». По утверждению рассказчицы, в ее детстве скоморошина исполнялась в качестве аккомпанемента при пляске. «Случилась свадьба. Приехали, верно, птицы — так уш сказать — приехали птицы. А совушка сидит на столбе, вот как невеста, дак.

Прилетела сова,
 Села сова на печной столб.
 А сычушко по горёнке похаживаёт,
 Частёнько на совушка поглядываёт.
 — Сычушко, сычушко,
 Умеешь ли пашенку пахать?
 — А в городе не пашут да калачики едят,
 А в деревне орут да мекину ждрут.
 — Умеешь ли, совушка, ткать да престь?
 — А в городе не ткут, не прядут да тонко носят.
 В деревне прядут да ткут,
 (А) носят по одной да по толстой...

Дак долгая писня-та, сильно интересна. И под плясанье это, под пляс. Пляшут сами и это поют и вот так всё прихлопывают ладонями... Тятя пел, тятя пел — сільнѣ интересна, долгая она. Дак и ни вспомнить-то поди, ни вспомнить-то...» [ПЕС, д. Тарасьево; МИА 25:85-86].

В Ивановском сельсовете вспомнили еще одну старую плясовую песню, которую в старину могли петь во время вождения хороводов или в качестве «проходочной» на беседах:

Жил я, жил я во деревне
 Не видал веселья,
 Пошёл вышел из деревни —
 Увидал веселье.
 Заростай моя деревня
 Горамы, долами,
 Ой, не горам и не долам,
 Крутым берегами.
 По-за дворью сударушка
 Водицу носила,

Она не воду носила —
 Дорожку торила.
 Коромысло гнёцца, гнёцца,
 Свежа вода льёцца,
 Не свежа водица льёцца,
 Молодец смеёцца.
 Стукну-брякну о крылечко,
 Отойдёт сердечко,
 Стукну-брякну о крылечко,
 Отойдёт сердечко.

[ВЛФ, д. Ивановская; СИС 24:23об.].

$\text{♩} = 128$ Нотация Е.Г. Богининой

Жил я, был я во де - рев - не,
не ви - дал ве - сель - я, по - шёл вы - шел
из де - рев - ни, у - ви - дал ве - сель - е.
За - рос - тай, мо - я де - рев - ня
го - ра - ми до - ла - ми, ой, не го - рам,
и не до - лам, кру - тым бе - ре - га - ми.

В Островском сельсовете сохранился фрагмент еще одной старой плясовой песни:

Отдавали мóлоду
За седую бороду.
Пойду за водой,
Возьму старого с собой, / 2 р.

Суну в прорубь головой, / 2 р.
Оставайся чёрт с тобой,
Со мной мальчик молодой.
[ААД, д. Кузнечиха; СИС 22:9].

Пляска была главным развлечением на вашкинских беседах. «На большой [беседе] не играли, только плясали “ланца”, да “чижика” ходили, да вот “по двойке”, гармонист сыграит... Вот пар-от полдесяток ли другой раз собирёцца, так это ходят да. Одне споют — двое — а потом опять вторые. Вот всё кругом и ходили» [МНИ, д. Мыс; СИС 21:59]. «На беседах всё пляски — “ланчик”, “русского”, “кадриль”. Танцевали “вальс”, “краковяк”, “суботка” — это всё вдвоем танцевали под гармошку. “Кырганского” у нас редко, только в насмешку поминали, танец немодный был» [ЛАД, д. Москвино; СИС 25:44]. Так плясали и «на кругу» во время летних гуляний (см. «Гуляния», «Троица»).

В молодежной пляске обязательно был командир, он объявлял фигуры: «звездочка», «звездочка с левой руки», «звездочка с правой руки», «проходная». При пляске под гармонь или балалайку обычно пели частушки:

Супостаточка напряла
На кривое веретно,
Подружка сбегала насучила
К милому под окно.

Супостатку Анну
Да заложу я в баню,
Замочек новой на пробой —
Не ходи на перебой!

Мой милёнок как телёнок,
Только разница одна —
Пьёт телёнок из корыта,
А милёнок из ведра.

Всё бы пела, всё бы пела,
Всё бы веселилася,
Да одно меня сгубило —
В пьяницу влюбилася.

Не любóй сидит за прялочкой,
Любóй пошоў домой,
Покатилися слезиночки
По кофте голубой.
[ВВП, д. Никоново; СИС 23:43об.]

В Шалго-Будуновском сельсовете пляска под гармонь и частушки назывлась “хóвканьем”: «Это так назвала я, што “хоўкают”. Это по-нашему, деревеньска тожо дурнаа сказка, што “хоўкают”: ну, веселяцца, пляшут там, гуляют» [ОУА, д. Опрячкино; СИС 26:73].

Нередко пляска сопровождалась различными шутками, завершавшимися поцелуями. «Шутили при пляске: “Меха лопнули!” — гармонист перестанет играть и все, кто с кем пляшет, должны поцеловаться» [ИАН, д. Малая Чаготма; СИС 22:64]. «Гармонист играть не будет [=перестает играть], никак не будет, ты от выкупи ево. Это целовали парня, с которым пляшешь» [СНН, д. Село; СИС 26:82]. Над плохим гармонистом насмехались:

Эту бы тальяночку
Полóжить бы на лавочку,
А тово бы игрока
Да переделать на быка!

«Ему и споют, што худо играет» [МАД, д. Москвино; ССН 9:99].

Если у девушки не было на беседе кавалера, ее могли заставить плясать с печной задвижкой [ЗЗВ, с. Липин Бор; СИС 21:19]. Частушки под пляску, хотя они и исполнялись нередко от первого лица, были очень удобным способом сведения счетов с «изменщицами» или соперницами-«супостатками». «Да пúли всё: што на ум взбрédёт, то и пúли раньше. Всякие эта — бы(в)ало и похабную споёшь и всяко...» [ЖВН, д. Ваномозеро; БНС, д. Пиньшино; МИА 23:30об.-31]. В качестве образца насмешливых плясовых песенок можно привести следующую, обыгрывающую мотив колокольчика, столь характерный для сенок ряженных (см. «Кудеса»).

Меня мама посылала
В огород за редькой.
А я вышла простояла
У окошка с Федькой.
Ой, дилíнь, дилинь, дилинь,
Ой, дилинь, дилинь, дилинь.
[ИАН, д. Малая Чаготма; СИС 23:20]

«Погородят элак иные смехотворы. Ак чё, как думашь ни к чёму» [КЕЕ, д. Слизово; ССН 9:81].

Очень хорошей возможностью отомстить изменщице был «кырганский». На беседах в Васильевском сельсовете «кырганского» плясали, почти как ланчик — четыре или восемь пар. Первая фигура: встав крестообразно, пары приплясывая поочередно подходят к противоположным парам и возвращаются на место. Вторая фигура: парни по очереди подходят к девушкам из противоположной пары и крутят их. Третья фигура: «перебора» — идут двумя кругами навстречу друг другу, пожимая руки — «здравствуются», пока не дойдут до своей пары. Четвертая фигура: становятся в две шеренги и каждый парень крутит под рукой каждую девушку, при этом поет частушку хорошую, если хочет девушку похвалить, и плохую — если похаять. Когда парень крутит девушку, с которой гуляет, то все хлопают в ладоши [ГАМ, д. Устье; СИС 26:2об.].

В Ивановском сельсовете «кыргансково как и ланчика [пляшут], но ребята ходят это кругом. Кругом вот так девочку крутят [под рукой] и песни поют... А кому-то и с матом поют, девкам-то, а и боимся идти-то. А я-то, один парень меня взял, да и крутит, самый первый раз я пошла, и запомнила песню:

До чёо хорóша девушка,
Охота погулять,
Я приду в субботу вечером,
Нихто не будёт знать.

А я-то и говорю: “Господи, отнеси меня, оборони, Господь!” А ребята-то чужие — знаэш, боялись чужих-то. А ребята свои-то зляцца, што с чужим-то танцуём. Ой! ... По одиночке [девушек брали], вот пляшут, дак одну девушку захватят, вот крутят, а ты крутишься. Стоит мальчик, захватывает и вот так вот за руку, и вот так вот крутишь(ся), а он частушку поёт... Если за [девушкой] чё-то ес(т)ь, то и с картинкой спюот. Если у коо в девушках рожон робёночек, дак и спюот:

Ох, чео я натворила,
Што накурлесила,
Против папиной кровати
Людечку подвесила!

Всякую спюот... Эту пляску привезли, у нас здесь лесоучастки, и это привезли это “кырганскоо” с этой, с Мяксы. У нас здесь не плясали этово, а привезли с Мяксы, вот это “кырганскоо”, лесорубы приехали вот и “кыргансково”...» [ВЛФ, ВВП, д. Ивановская; СИС 23:45].

Важную роль играла пляска во время гуляний (см.). «На мосту раньше плясали. Молодёжь. Ну, а пожилые дак приходили на мост глядеть. Раньше молодёжи в Ухтоме было дак не знай сколько! Полно! А плясали дак “ланчик”, да

танцы всякиэ, да “вальс”, да “кроковяк”, да “падэспань”, да — ну, эти вот танцы были. Которы постарше дак плясали и “русково”. Ну а мой возраст “русково” не плясал» [ЗЕД, с. Ухтома; СИС 24:37]. «Гуртом все ходили... Первой идёт с гармоньей, возле гармони крупные парни, потом поменьше, поменьше и самые мелкие там самые задние. Вот идут и песню какую, все одну частушку поют, ну там хоть какую. Какую заведут. Один заведёт, а все поттягиваут одну. А девки тожо идут, тожо гуртом идут под ручку все. Эсли, например, вот у нас праздник — от ранше в Алёшине было Вознесенье — в Алёшине там и ходят гуляют по улице. Вдруг гармонья заиграла, остановилисе и пляшут: и тут пляшут, и там пляшут. Плясали “русково”, и “Семеновну”, и “цыганочку” плясали, “кадрель”. Здесь [=в д. Зуево] “ланчика”, а у нас в Вытегорском “кадрель”. Плясали и “кырганского”: ну, парень девку вертит, вот так [рука] выше головы, а сам частушку над ей поёт, какая ему в голову взбрэдёт, конечно, не матюкаль-ную. Простые цяштушки всякие. “Елецкого” плясали. Ну, частушки пели тожо:

Ой, Елец, Елец, Елец,
Скоро ли тебе конец?
И тогда будет конец,
Ковда посявят под венец
[СМС, д. Брянская; ССН 8:32]

Во время обходов ряженных в 20-е годы под пляску нередко пели «нескладушки», использовавшие мотивы традиционных небывальщин. «Я частушки-нескладушки всё время — ходила “кудесом” — дак пела:

Возьму вострую пилу,
Пойду яблоки копать.
Не прийдёт ли милáа
В поле сени боронить?

В огород завор попав
Суслон телёнка розтрепав...

— вот такую ерунду.

Самовар. товстые плечи,
Замуж уговаривав...

Как-то тут... Это нескладушки» [ЖВН, д. Ваномозеро; БНС, д. Пиньшино; МИА 23:30об.-31].

По диревни расплылось
Молоко варёнае,
Мне не жалко молока,
Жалко Мишка пенку съел.

Дедко бабку насмешил,
Сапоги с карманом сшил.
[ИАН, д. Малая Чаготма; СИС 23:23]

Чаще всего ряженые плясали «под язык», то есть под короткие припевки, которые с небольшими изменениями могли повторяться без конца. «Вот кудеса придут пляшут вот это с веникам. Привязаны какие-то венки [=на плечах и по поясу]. Кто как может нарядицца и пляшут. Вот, например, придёт ко мне, дак я и пою эти припевы:

Вéники, вéники,
Вéники-комéлики,
По печé каталися,
(вар.: С пéчи оборвалися —
д. Рогалево)
В лапти одевалися.
Кум Гаврило, кум Гаврило,
Кум Гаврило, кум Иван.
Я Гаврилу говорила:

(вар.: Веретёна не точёны,
Брёвна с Волги прикачёны.
Шевели п... усами,
Бурлаки приедут сами. —
д. Рогалёво)
Веники, венки,
Веники-комелики... и т. д.
[КМГ, д. Хошково; ССН 9:71;
ААД, д. Кузнечиха, СИС 22:9;
ШМД, д. Рогалёво; ССН 8:41].

«Вот мы придём, а нету музыки, и мы вот этот, а нам плясать-то хочецца, да и хозяйэ(в)а, штобы им поплясали, дак, и начинают:

♩ = 128

Нотация Е.Г.Богинной

Веники, венки,
Да венки-комелики,
По печу каталися,
С пэчи оборвалися.

Кум Гаврила, кум Гаврила,
Мне Гаврила говорила,
Кума, кума, кумака,
Кума, сделай трепака.

А мы все дробим под эти песни. Ишо играэм “под язык” игра. Придут ко мне кудеса, я играю “под язык”:

♩ = 150

Нотация Е.Г.Богининой

По два - ца - ти пя - ти пя - ти, по
со - ро - ка ро - ка, ро - ка, те - бя за - му - чат ду - ра - ка.
Ту - ни, ту - ни, ту - ни, ту - ни, ту - ни, ту - ни, у Пет - ру - ни.

По двацáти пÿти, пÿти,
По сорокá, рокá, рокá,
Тебÿ замучат дурака.
Ту-уни, туни, туни,
Туни, туни, у Петруни
Была сивая кобыла,

Заскочила в огород,
Съела груду огурцей,
Наломала молотцей!
(вар.: В огород она ходила,
Съела грядку огурцов,
Напугала молодцов — там же)».
[ВЛФ, д. Ивановская; СИС 23:40].

Припевки «под язык» нередко представляли из себя голосовую имитацию наигрышей на гармошке или балалайке. В этом случае они обычно состояли из бессмысленного набора слогов и звуков.

♩ = 120

Нотация Е.Г.Богининой

Ай, да ку - ри - ку - ри - ку - ри - ку - ри,
ай, ку - ри - ку - ри - ку - ри, ай, ку - ри - ку - ри - ку - ря.

«Это вот под пляску кудесам: “Тáнда-гурь, гирь-гирь-гирь-гíрь, / Тáн(д)а-гурь и гири-гíрь, / Танá-гурь, гирь-гирь-гíрь”» [КНИ, д. Глухарёво; МИА 23:102об.]. «А наздóбÿца хто как можот: хто бáско наздобищца, моот, а хто рипку(в)áто — все девушки, молодые девушки. И гармонья тут и пляска. Хто пускав, дак зайдут с гармошкой, пляшут русскоо. А то потырырыкаэт хто да: “Тыры-рыры рырыры,” — вот и пляска получищца. “Пляшите, — га(ва)ряят, — кудесá, хоть по пÿням, хоть и так; хто не пляшот, тот дурак!” Вот и все. Напляшуцца да пойдут по домам розболокацца...» [ЕТП, д. Гавриловская; МИА 25:39]. «Ну, вот, знаете, гармошки когда нет или чё ли, я вот женщÿн. “Ну, давайте пляшите! Кеун, кеун, кекеунке, кеун, кеун кекункé”». А женщÿны поют частушки, пляшут» [КАЛ, д. Сементьево; СИС 25:33об.]. «Это пели, кто пляшет дак под пляску, вместо гармошки. А вот так и поёшь: “По двадцати пÿтí, пÿтí, пÿтí, / По двадцати пÿти, пÿти, пÿти”. А человек пляшот. Под ногу, штобы плясать было. Иногда гармошки

нет на биседе, не всегда гармошки-то были. Гармонист когда придёт, а когда и не придёт. А все собирающа, а наа чево-то делать. И вот это пели. Пойдут плясать, дак как: “Тан-тарлú-тарлú-та, / Тын-дырлú та-тú та-тú-та”. Уш рóтом поиграть. Вот. А уш тут выдeldывают, кто пляшот:

$\text{♩} = 120$ Нотация Е.Г.Богинной

Ти - та - та-ри-ди-ри-да-ри-ри-ри-да-ри, ри - та - ти - та,
 ти - та - ти - да-ри-ри - та - та - ри - та ти-ри-да-ри,
 ри - та ти-ри-да-ри-ри - та, ти-ри-да-ри ри - рита - ри-ри - та.

Играют дак вот тоже под пляску. Только играй» [ЛАД, д. Москвино; ССН 9:86-86об.]. «Играли старухи языком, дак:

Кинакúр, кинакúр,
 Кинаакур, кинакур,
 Веретёна не точёны,
 В бане венки мочёны.

Не ходитё молодцы,
 Вам не это будёт!
 Чёрна курица насерёт —
 Кологуха будёт!

А яишницу “колотухой” звали. А хто как игра(э)т; наша-то Глаша Киля (д)ак играла:

Дикадá, дикадá,
 Дикада, дикада!

— а мы пляшем. Ну, от, конечно, придём плясать, дак она, она нам и играет:

Дúка, дúка, дикадá,
 Дикадá, дикадá,
 Дикада, дикада!

А мы топаэм все, бегаам. Всё было. И сковородой брякаэт, ложкой железной о сковороду. Раньше обычно были подносы медные — поднос хорошо звучит-то, медный он! У нас всё “русская” пляска. И по-одинке, и вместе тут все топаэм — и всё было. С притопом! — дробить на(д)а, дробить, всё время дробили» [ЛИМ, д. Шугино; ЛАФ, д. Мосеево; МИА 23:50].

Частушки, исполнявшиеся во время пляски ряженных по смыслу нередко были близки к непристойным свадебным. «Онé жо, все эти ряжоные, пьяные. Вот. И вот они и паздáют вот этоо мату:

Сидит заец на березе,
 Топоришшо делаэт.
 Приспособилась п...:
 На х... обедает.

Я поставила неладно,
 Повернула не туда,
 А мужик дома на сарае,
 Не уехал никуда!

— дала понять! [=что отдалась мужчине].

Што по нашому по саду
Всё летаэт белый пух.
Хуже нет тово на свете,
Когда милой любит двух.

Они жо пьяныэ, ряженыэ-то! А так, он не пьяной, дак ёо и ни заставишь, шобы он пошол — мужик какой или женщина.

У попа была кобыла —	Поп обидёнки не служит,
Дивяносто стоила.	Попадью е..., не тужит.
Жеребенка принесла —	За васьмушку табаку
Всю п... расстроила!	Е... — и шляпа на боку!

Как по нашой по реке
Едете поп на турикё,
Попадья идет пешком,
П... чёшэт гребешком.

А “турик” — это женщины ткут когда, ак на турик основу делают. Он круглой, а как бы (сделан из фанеры, допустим) загнут и прошит, этот турик. Он одеваэцца на специальныэ там, как основ(ы)вают, эти — воробья. И вот турики ставят, и он крутицца, нитка обходит по ёму — это турик называэцца.

Бабка сеяла муку	Бабка сеяла, трусилы,
На сарае в уголку.	За п... блоха вкусила.
Дедка пряников несёт —	Она думала, што клоп —
Бабка сикалём тресёт.	По п... ладонью — хлоп!

А ищо начнут матюкацца да, прискакивать да, хоркать да. Ну, вот в себя так воздух [=втягивать с шумом и хрипом]. Они пляшут по-одному. Вот пляшот да, отпоёт да и хёрнет. Это добавляёт ко всёму к этому, што: “Вот хто я!” И к ёму уже не лезут остальные ти этъ. Плунут да уйдут да, которые более люди сознательные... Ряженные, оне ходили, где больше от прицитаэцца сюда [=щелкает пальцем по горлу]... Я вот эти частушки-то, дак слышал от старух. Ходят моляцце, а потом посмотришь: жнут или где чёо-то делает — как хрястаэт, дак Боже упаси! А я раз на Икóвском озере ўдил, а оне жали, да каких, каких песен! Да я уж маленькой — тожо хохотав... Из церкви выйдут, а сами с матершыной песни поют, дак чёо тут на них гледеть на дураков!» [КНИ, д. Глухарёво; МИА 23:102об.-104об.].

Еще в 20-30-е годы соблюдался запрет на пляску во время поста. «Вот с Филиппова-то заговенья это проидет и ходят на биседы, а уш плясать тут не пляшут. Тут только одне вот ходят с прялочками, придут, прядут, кавалеры приходят, там садяцца к барошням за прялочку, посидят, а плясать не плясали до Рождества. Это было грех видно. А ить песни пели, песни дак пели» [ОУА, д. Опрячкино; СИС 26:72]. «В Благовещеньё плясали, а в буддень [на

посту] не плясали. В Великой пост считали, што грех, так сидели, пряли и даже песен не пели. В Благовещеньё танцовали, праздник на Бору [=Липином Бору] был, ну и разрешалось, верно» [ФАА, с. Липин Бор; СИС 23:27об.].

Морозов И.А.

ПОДШУЧИВАНИЯ И РОЗЫГРЫШИ

Особый тип развлечений составляли подшучивания и розыгрыши. Они были непременным элементом общения взрослых с детьми, молодежных бесед, сельских пиров и праздников и повседневного быта. Элемент испытания, присущий для этого типа развлечений, позволяет предположить тесную их связь с испытательно-посвятительными церемониями и обрядами, оформлявшими переход в другую социовозрастную группу.

Большинство подшучиваний над детьми основано на их естественной доверчивости к словам и действиям взрослого. Для ребенка младшего возраста характерно некритичное восприятие всего, что исходит от старшего. Однако по мере взросления это качество становится препятствием для выработки собственного опыта. Поэтому подшучивания и розыгрыши чрезвычайно важны для формирования таких необходимых качеств, как предусмотрительность, скептицизм, умение анализировать ситуацию и т. п. Скажем, ребенку предлагали залезть под стол и спрашивали: «Мама у тебя есть?» Он отвечал: «Есть». — «Папа у тебя есть?» — «Есть». — «А ум у тебя есть?» — «Есть». — «Был бы у тебя ум, не сел бы под стол» [ЛЯД, с. Вашки; СИС 22:68об.]. Или, спросив у малыша: «Хочешь Москву увидеть?» — и получив утвердительный ответ, подходили к нему и, обхватив его голову ладонями, приподнимали до уровня глаз взрослого. «Вот так вот за уши подымут, да и: “Видишь Москву?”» Ребенка держали до тех пор, пока не добивались ответа [ЗТН, д. Поповская; МИА 23:93]. Понятно, что главной целью подобных подколов было не стремление унижить или поиздеваться над несмысленным, а побудить его к активному противодействию, поставить перед необходимостью постоянного критического анализа возникающих ситуаций.

Впрочем, подшучивания над самыми маленькими чаще скорее должны были занять и повеселить малыша и играющего с ним взрослого, чем подвергнуть его экзамену на зрелость. «“Давайте! Чей нос длинней!” — и начинают [себя тянуть за нос]. Вот тянут, и тянут, а потом уш нос весь красный делаэцца — тянут дак эт сильно. А потом смеюцца, значит: “Вот у тебя!” У ково красней делаэцца: “Вот у ково длинней-та! Вытянул весь нос”. Это старшие которы над младшим подшучивали. Или: “Ну-ка, давай-ка, у ково уши длинней?” Вот и начнёшь. Стараюцца, што уши все закрас-

неют: “У тебя, у тебя длиннее!” — успокоят. А он довольный, што: “Вот у меня уши длиннее!”» [ИАН, д. Малая Чаготма; СИС 23:23].

Иногда шутка или розыгрыш являлись своеобразным дидактическим приемом, иносказательно излагающим те или иные практические истины. «Бегаэм по лужам, дошш пройдёт, дак по лужам бегаэм дак, обувь-то нечео. А мама и го(в)орит (прибегаэм, у нас стоит таз с водой), она и го(в)орит: “Давайте, мойте быстрее ноги”. — “А чё же мама?” — “Так эть сорока сапоги-то дас(т) вам! Сорока-ворона сапоги дас(т)!” — “А, мама, какиэ сапоги?” — “А вот узнаете, ишо побегаэте!” Ой, потом ноги вот так все и переколюцца здесь — в грязи-то засохнут, как сапоги. “Мама, чё ли-то поделай, помажь!” Намоэмся сидим, а чё раньше? Не было ни вазелина, ничё» [ВЛФ, д. Ивановская; СИС 24:20об.].

Ряд подшучиваний над детьми и подростками происходит от давно забытых обычаев и обрядов. К таким, например, относятся шутки с обливанием водой, которые раньше были приурочены к началу года — святкам. Обливаную водой в народной культуре всегда придавалось очищающее значение. «Это на святках. В избе другой раз сидишь, придешь друг к дружке, сидели, бегали девки-то друг к дружке. А кузобья были раньше элак-то плели долгие, большие. “Ой, девки, — говорят, — сядьте это [под кузов], вот увидите золотые звездочки!” Вот вишь и седем двой или трой, колько запихаемсе. “Сидите, девки, сейчас золотые звездочки увидите”. В кузов седешь, а на кузов воды нальют, водой окатят, пока выйдем из кузова сырые...» [ЛАФ, д. Панино; СИС 23:7об.].

В наиболее распространенном названии этой забавы («поросенок показывать») обыгрывается реакция испытуемых: визг, с которым они выскакивали из-под кузова. Сама забава при этом очень близка к народной загадке: чтобы не попасть впросак, необходимо отгадать, что имеется в виду под столь заманчивым предложением. «“Поросенок” показывали. Закроют кузо(в)ом ли, какой ли тряпкой да чё ли, посадят — если, к примеру, тубаретку переверну я, тряпочкой закрыла — потом водой оболют. И он выскакиваэт» [ММВ, д. Ларино; СИС 24:8]. «“Поросят” приносили: под кузов сажали ково. Скажут: “Иди, поросёночка покажем!” — и водой оболют. Они там, как поросята [визжат]» [ЛЕА, д. Мытчиково; ССН 8:21]. «У хозяина-то быв кузов сплетён большой-большой, новый, кузов из лоз. Нас склали под кузов. Один кузов дёржит, а другой — чайник воды принёс. И льют в дыры на нас, а мы орём — ревим. “Видите поросят-то?” — “Ой, видим, видим, видим!” Выпустили нас из-под кузова — век на памяти! — сухой нитки не было у меня. Вот он пестун-то какой был! Он на сем лет меня старше, дак он со мной и водивсе» [ККА, д. Босово; ССН 9:79об.].

В д. Сементьево розыгрыш назывался «зайчиков показывать». Ее устраивал местный пастух. «“Накройтесь-ко кузовом”, — [скажет детям]. Они накроются, сядут под кузов, а пастух-то сверху холодной воды ведро и вы-

лёт: “Прыгайте, прыгайте, — кричит. — Вон как зайчики-то прыгают!”» [ГМК, д. Сементьево; МИА 15:52].

Интересно, что розыгрыш мог представлять из себя своеобразный способ «обмывания» сплетенной корзины, ее ввода в обиход. «Старики плетут корзинки. Вот как забегаам — раншэ ведь ходили к друг дружке — заходишь, а там баушка либо хто ли страшчаэт. “Вот, — скаэт, — вот ужo сичас дядя-та сплетет кузов, дак поросят покажат!” Под кузов посадят да воды нальют — да вот и поросята!.. Ой, все делали это, притевáli! “Залезайте под кузов, поросят покажу!” — “О-ой!” — гнетуща под кузов. А воды нальют да ребят оболют, да: “А-а!” — пошла визготня. Вот и “поросята”» [ЛАП, д. Сукозеро; МИА 25:Ф1994-12Волог. Оп № 4].

В некоторых случаях, особенно в подростковой среде, эта шутка приобрела характер грубой насмешки. «“Кўропти показать?” — “Покажи”. — “Ну, садись под кузов”. И обоссит» [ММФ, д. Кропачево; СИС 22:16об.].

Среди подшучиваний выделяется довольно большая группа, построенная на языковой игре. Например, один из компании предлагал повторять за ним слова, а когда кто-то соглашался, шутник добавлял в рифму обидное для говорившего продолжение. Здесь, так же как и в других случаях, важно было предугадать результат и не идти на поводу у начавшего игру. «Сидят их много тут, не один дак, кто чё ска(ж)эт. Скажи: “Шайка”. — “Шайка”. — “У тя matka попрошайка!” Скажи: “Ушат”. — “У тя полный рот мышат!” Скажи: “В рукомоичке (вар.: на приступочке) песочек”. — “Укуси г... кусочек!” Скажи: “Пып”. — “У тя matka по деревне фьюк!”» [ММВ, д. Ларино; СИС 24:7об.; ММФ, д. Кропачево; СИС 22:17]. «Скажи: “Чайник” — “Твой батька начальник”. — “Веревка”. — “У тя matka воровка”. — “Жеребец”. — “У тя батька молодец”» [ВЛФ, д. Ивановская; СИС 24:21].

С языковой игрой часто связаны и различные забавы с дерганием игроков за нос. Наиболее известная из них такая. «Дуб или вяз?» — «Дуб!» — «Тяни до губ!» «Дуб или вяз?» — «Вяз» — «Тяни до глаз!» [МАК, д. Пиньшино; СИС 22:42].

Менее распространены рифмованные вопросы с зашифрованным в тексте ключевым словом, назвав которое, испытуемый подвергался наказанию.

Тарин, барин, Пощипай
Ехали на лодке.
Тарин, барин утонул,
Кто остался в лодке?

Скажут: “Пощипай”. Вот и щиплют» [МАК, д. Пиньшино; СИС 22:42]. В 20-е годы говорили: «Ленин, Троцкий, Пощипай» [ММВ, д. Ларино; СИС 24:8].

«Марья, Дарья, Акулина
Ехали на лодке.
Марья, Дарья утонули,
Кто остался в лодке?

— “Акулина!” — тут за нос и потащут...» [ИАН, д. Малая Чаготма; СИС 23:24].

Обычным явлением были подшучивания над участниками младших посиделок. «Один старик пришел на маленькую беседу, когда парняшкóв еще не было. “Ну, — говорит, — на улице волков много!” — “А как же тебя не задрали-то?” — “Дак а я их не боюсь, они меня слушают. Куда скажу, туда и идут!” — “Да ну тебя к лешему, чево скажешь!” — “А вот сейчас скажу им сюда, в избу придти — и придут! Ну-ко, девки, скачите на лавки. Вот вам бадожок, коли что. Да вы не бойтесь, не вкусят. Только бадогом не машите гораздо, штобы волков не распугать!” Сам в сени вышел, дверь распахнул, потом заходит и говорит: “Ну, девки, не столько на улице волков, сколько в избе дураков!” [ПЕИ, д. Паршино; МИА 15:52]. В д. Панино устраивали ту же шутку, обещая показать поросят: «Зимой откроют двери: “Сечас поросята забегут!” Откроют двери, холоду-то и напустят» [ЛАФ, д. Панино; СИС 23:8].

Подшучивания и розыгрыши в молодежной среде имели характер заигрывания, если практиковались в компании, состоящей из парней и девушек (см. «Беседы»). В однополом коллективе они часто приобретали соревновательный элемент или характер насмешки, издевки (в случае, если кто-либо не соответствовал принятым в этой компании нормам поведения), и тем самым являлись одним из механизмов, благодаря которым общность поддерживала свою стабильность и устойчивость. В старину подшучивание и озорство (см. «На шально делать») играли важную роль в поддержании веры в чудесное. Молодежь нередко брала на себя функции мифологических персонажей: «кудесов», «святков», «чертей», — создавая у остальных иллюзию их реального присутствия. Характерными примерами такого рода некогда ритуально-обрядовых «розыгрышей» могут послужить ряжение (см. «Кудеса») и подшучивание над гадающими девушками. «У нас ребята узнают, што девки слушают, зачнут в колокольчики, доскам забрякают. Шалили, штоб почудилось» [КУН, д. Задняя Слободка; СИС 25:7]. О том, насколько важным представлялось это разыгрывание «чудесного предвещения» о замужестве, можно судить, хотя бы по тому факту, что в нем принимали активное участие взрослые, чаще всего родители гадающих (см. еще «Святки»). «Я помню, мы маленькиэ слушали [на крестах]. Вот котораа: “Переведут ли [в другой класс]? — училисе в школе-то. — Проживём ли нет ли, ли котору замуж возьмут?” Ак тятя ходив — взяв этот, знаэш, от савовара-то — ак звонил. Звонил нарошно» [СНН, д. Село; СИС 26:81].

Довольно значительное число подшучиваний, розыгрышей, подколок было связано по происхождению с обрядами инициации, приобщения к престижному кругу старших парней и девушек или взрослых. Подобные шутки устраивались чаще всего над неопытными и доверчивыми новичками. Наиболее употребительны они были в подростковой и молодежной

компаниях и от того, как новичок выдерживал испытание, во многом зависело его положение в коллективе.

Подобные развлечения нередко включали в себя довольно сложные, иногда почти акробатические трюки, т. е. по существу являлись спортивными упражнениями. Упомянутое выше назначение этих развлечений обуславливало их употребление в очень интимном, узком кругу сверстников, как правило одного пола. Одним из неперменных составных элементов забав такого рода являлась и смеховая эротика — использование уязвимости и беззащитности испытуемого для разного рода мелких насмешек: заголения, шипков, толчков и т. п. Среди забав такого рода встречаются и забавы с кувыркиами.

Нередко эти забавы, особенно когда они устраивались парнями, имели довольно жесткий характер, и требовали от новичка физической выносливости и силы воли. Начинались они, как правило, с несложной на первый взгляд задачи, которую предлагали выполнить новичку. Так, на будничных беседах в с. Вашки или просто в компании парней, если там находился кто-то незнакомый с этой забавой, один из постоянных участников ложился на пол и предлагал: «Кто выгащит меня на сени?» Кто-нибудь неосмотрительно вызывался это сделать. Лежащему парню связывали ступни ремнем или веревкой, а другой брался за ремень, сцепив руки в замок. В этот момент лежащий переворачивался на бок, при этом руки второго парня оказывались перекрученными, он не мог расцепить их и от боли и неожиданности начал кричать [ЛАД, с. Вашки; СИС 22:67].

Подобного рода испытания практиковались и у девочек-подростков обычно на беседах до прихода парней. Так, в с. Вашки все участницы, сговорившись, решали «подоить коровушку» и предлагали поучаствовать в этом какой-нибудь неискушенной своей подруге. Одной девочке, хорошо знакомой с забавой, связывали ноги и поднятые над головой руки и укладывали на бок. Вторая, пожелавшая быть «коровушкой», усевшись напротив нее, просовывала свои ноги между ног и между рук первой, а затем, наклонившись вперед и положив голову на ее бок, захватывала руками пальцы своих ног. После этого пара добровольных помощников слегка приподнимала «коровушку», отчего она пододвигалась еще ближе к партнерше, а затем резко опрокидывали ее на спину. Одновременно первая девочка перекатывалась на другой бок и «коровушка» оказывалась прижатой к полу, не имея возможности двигаться или даже сопротивляться, что, наряду с ее отчаянными по попыткам освободиться, и служило поводом для веселья окружающих [ЛАД, с. Вашки; СИС 22:67].

Многие розыгрыши были связаны со спором, битьем об заклад, хотя по сути это те же «трудные задачи» или загадки. «В одних трусах придёшь». — «А может у тебя там кто стоит, разденет». — «Да нет, никого». — «А долго стоять?» — «Да нет». — Испытуемый выходит. Через некоторое вре-

мя его зовут: “Ну, заходи!” — “Ну, что?” — “Да ты ведь в одних трусах зашел, не в двух!”» [ММФ, д. Кропачево; СИС 22:17].

В д. Панино на спор в избе «примораживали чугуны». «Примораживали эти чугуны к лавке и никак оторвать не могли. Вот соли накладёшь в этот в чугуны да снегу и на лавку намочат... Вот тут и примораживают. Это шалили всё, шалили» [ЛАФ, д. Панино; СИС 23:7об.].

Один из розыгрышей, практиковавшийся в Индомане, представлял из себя задачу на сообразительность: оставившему неосмотрительно без присмотра одежду (например, на сенокосе, при купании, во время вечернего гуляния молодёжи и т. п.) продергивали рукав в рукав, а затем запихивали вовнутрь камень, не пролезавший в узкую часть рукава и выдергивали рукав обратно. Камень, застряв в узкой части рукавов, намертво заклинивал их, и не зная секрета вытащить его было невозможно. «Рукав в рукав и камень туда запеха́ют, в эти, в рукава, и опять обратно так вот продёрг(и)ва(э)цца и ёо не вытащыть. Кто не знает — никак не достанет, хоть режь! Ак домой, у нас баба домой приносила — не вынеть!.. Я этот, тут я роботал и вот Лиде Та́ничёвой лапоть, лапоть [запахнул в рукава]. Пришла, смеёцца, знаэш: не можот никак достать. А кто знает, так обратно вот так вот просов(в)вает, дак». То есть, чтобы достать камень, нужно подать рукав назад, чтобы он вывалился, а не пытаться его вытащить напрямую. «Достали. А в лапте в этом столько грязи было! О-ой! А нова жакетка. Вот она вместо смеху тада расплакалась, дак я и не рад! Жакетку-то всю набузува́ли-те [=испортили]...» [ЛИМ, д. Шугино; МИА 23:56об.-57].

Некоторые типы подшучиваний больше напоминали наказания (см. «Петух»), а порой и в самом деле являлись ими. «У нас на сплаве повар напивсе пьяный, мужикам обеда не приготовил. Мужики приходят, а повар возле харчей на берегу лёжит и этот, руки роскинул так. Ему взяли багрéишшо в этот рукав да мимо спины да в другой рукав высунули и оставили, (а) сами ушли. Дак вечером приходят, а он плачет сидит, што: “Уберите!” — встать-то не может никак! Багрéишшо-то длинное — багор вот, на сплаве-то работали. На конце металлический: пика и крючок — брёвна таскать штобы. Отпéхивать, таскать — это багор и багреишшо. А багор где-то метра три — три с половиной длинной. Вот ему и запехали...» [ЛИМ, д. Шугино; МИА 23:57]

Излюбленной мишенью детей и шутников были местные дурачки и юродивые. В д. Мосеево, к примеру, это был Миша Свисту́лька. «Вот сидят на крыльце: “Миша, сёдни руга́цца ни будём?” — “Дак чё: руга́цца, руга́цца — я с тобой ни ругаюсь...”» — в ответ собеседник свистит на губах, сделав при этом губы трубочкой и втягивая в себя воздух. «“Ох, ты такая переэлакая мать!” — а ёо Свисту́лькой прозвишшо было. И — погóней!..» [ЛИМ, д. Шугино; МИА 23:54об.-55]. Хотя значение прозвища «Свистулька» рассказчики объяснить затруднились, из других его употреблений мож-

но сделать вывод, что оно обозначало нечто вроде «пустомеля, врун» (ср. арготическое выражение «не свисти!», т. е. «не заливай, не ври»). Другим способом подшучивания были различные обидные жесты. «Вот он идёт [по улице], а там из одноо угла выглянет: “Мишá!”» — при этом задирает свой нос указательным пальцем вверх, изображая “пяточок”. «У ёб нос быв ломаный: упав в детстве с лошади да нос повреждён. А тут ешшо была — с другой стороны выбегает да “кулúшку” показ(ы)ваэт. Кула́ у нёб какая-то [сзади на затылке была], кулыжка такая. Срóду такая у нёб. Ну, урóда чёо-то был, дак...» [ЛИМ, д. Шугино; МИА 23:54об.-55].

Многие коллективные работы также сопровождалась различными шутками и забавами. Например, когда весной перед выгоном скота чинили изгороди, огораживающие поскотину, то молодые пары, поженившиеся в предыдущий год и обязательно участвовавшие в этой работе, устраивали шуточные потасовки. «Как не шутили! Кто свою бабу ак по грязи проведёт, по воде, чем ли кинет. Вот как шутили... Чужих не трогали, только свою молодúшку. Возьмут да и по воде проведут, по луже проведут, да и готово дело! Ногам проведут — этъ ходили-то в лапоточках, нёчё было обуть... Кто чё, хто дак тут эт там это чем ли кинет ли, сёдут отдыхать, немного-то отдыхали-то. Да были эдакие осколочки — рубили лес, дак эдакие шепочки, дак кидались. Как в гúбу кину — эка кровь-то потекла! “Ты чё, — криг, — с ума сошла?!” — “Я чё? не специально. Ты тожо кидал в меня дак. В меня не попав, я дак в тебя попала» [ММФ, д. Кропачево; СИС 22:72]. Близки по смыслу шутки над молодоженами на масленице (см.) и во время окончания жатвы (см.).

В конце зимы, когда вывозили навоз на поля, молодежь устраивала смотр лошадей. При чистке хлевов взрослые выполняли тяжелую и грязную часть работы — нагружали навозом телеги и разгружали его на поле, а молодежь и подростки повозничали. Обычно эта работа выполнялась в деревне одновременно, поэтому по дороге на поле вытягивалась длинная колонна из лошадей. «Ой, наперегонки дак! Я девкой была, у меня лошадь до чё хорошая была. Озером йиздили [на поле], ишь раньше как заст(ыв)ало, шчё всю зиму озером йиздили. Вот у меня такая лошадь была, шчё она не хлестать, только вожжи натяну. Вот она возьмёт! Хотя пятнацать лошадей обгонит! Я посиживаю, обгонит всех, первая окажусь. И поеду последняя, окажусь первая... Ак ребята всяко шалили — в колёса палки кладут, што и колёса не завертяцца. Шалéли, которые возили навоз. Так мы-то тогды дак йих, этих робят, и нахлешшём погоняўкой, шчёбы это не шалéли не следовало чё» [ММФ, д. Кропачево; СИС 22:72об.].

Морозов И.А., Слепцова И.С.

ПОКОЙНИК

Персонаж святочного ряжения, распространенный в Вашкинском районе повсеместно. Он в наиболее явном виде выражает идею святочного ряжения: встречу с умершими («духами предков»), которые возвращаются в этот мир в переломные даты календаря. Присутствие предков на святочных игрищах в облике ряженных (см. «Кудеса») одновременно и таит в себе смертельную угрозу, и даёт возможность, вступив в контакт с пришельцами, узнать свое будущее (см. «Гадания»), повлиять на урожай, плодородие скота и т.п. Некогда важную роль играл и эротический контакт с предками, иногда символическая сексуальная связь, ритуальный брак с ними, который предшествовал браку настоящему (ср. приуроченность традиционных свадеб к периоду «межговинья», т. е. от святок до масленицы).¹ Все эти черты сближают ряженого-«покойника» с другими, близкими по сути персонажами ряжения: «медведем» (см.), «чертом» или «сатаной» в сценке «Сатана и черти» (см. «Кудеса») и др.

В Вашкинском районе в переосмысленном виде сохранились многие архаические особенности этого типа ряжения, в том числе отражающие специфику местного похоронного обряда: оплакивание («причеты»), «отпевание», одевание мертвеца и отношение к нему и т. п.

«Покойником» наряжались двумя способами. Первый тип ряженого-«покойника» можно назвать «ходячим», так как он по внешнему виду напоминал соответствующего персонажа из быличек о «ходячих мертвецах». Такой тип ряжения был распространен в дд. Семеновская, Зуево, Парфёново, Глухарёво, Шугино, Пиксимова, а также в окрестностях Балтозера и Ярбозера. «Ходили “покойником” (приводит ёб человек тожо, с йим приходит человек). Зубы вырезаны из этой, из турнепса, лицо белоз, намазано овсяной мукой, нос перевязывали ниткой. Во всё белое одет и скачот тожо босиком (просто в рубашке, с голым ногам — женская станина одета с большой бабы, старухи, да). Как бес скачот! Как бес скачот, дак боялись некоторые, здорово боялисе! На каждо скакал. Ак ходили ить дети маленькие (придут поинтересовацца на биседу-то на эту), дак некоторые замирали с испугу!» [ЛИМ, д. Шугино; МИА 23:45-45об.]. «У ёо огонь горит во рту, дак. Там в зубы-то вставляли — там спичка или што уш. Святилосе там вот» [д. Большая Чаготма; МИА 23:46]. «Иной будто с тово свету сам придет: идёт, шатается, всех хватает. Девчата заревут, розбегающа» [МЕФ, д. Маньково; ССН 8:29]. «“Покойник” приходил во всё белом, зубы редешные во рту, руки сажей вымазаны, и всех, кто есть на беседе, перемажет» [ПАИ, д. Мосе-

¹ Морозов И.А., Слепцова И.С. Свидание с предком (пережиточные формы ритуального брака в святочных забавах ряженных) // Секс и эротика в традиционной русской культуре. М., 1996. С. 248-304.

ево; ССН 8:5]. «“Покойник” приходил — весь в муке, зубы из картошки. Ходит и всё грабает» [МНИ, д. Семеновская; ССН 8:39].

Иногда «мертвецов» могло быть двое: «“Покойником” двое придут — мужчина и женщина: оба в кальсонах и рубахе, сверху полотно. Лицо из бумаги сделано, зубы из картошки, на ногах лапти. Малыши на полатах заревят. Иные большие боелись: уй, закричат как! А те бегали, имали» [ПМП, д. Парфеново; СИС 22:53об.; БАД, д. Иевлево; ССН 13:11]. В д. Мыс «ходячий мертвец» мог передвигаться на ходулях: «Бёлоэ надинет, ведро на голову надинет. Высокой такой — весь в белом, закрóэт. Такой зайдёт, дак все тожо из избы убегали. “Покойником” звали. На ходулях, дак высокоой!» [МНИ, д. Мыс; СИС 21:61об.]. В д. Малая Чаготма ряженный «покойником» запугивал участников младших («маленьких») посиделок. Здесь он «в дом не заходил. Он только постучицца, если заморожено окно, он там оттаёт и вот там покажецца. Другой раз мы дак вот на маленькой биседе сидим-сидим — вдруг он это! Испугались сразу, как показался в окно! Тут все завизжат и побегут. Он тут [пугать] начнет! Выбежим на улицу мы, дак он побежит там всех разгонит» [МАН, д. Малая Чаготма; СИС 23:22].

«Покойник» такого типа мог забегать в дома односельчан, пугать гадающих девушек или прохожих на улице и т. п. Зубы, по-видимому, были наиболее впечатляющей деталью облика этого персонажа святочного ряжения, о чём свидетельствует постоянное упоминание о них во многих описаниях очевидцев. «А во рту зубы вот такие с картошки, крупные таки(э) вставлены — рот-то ни открываэцца. Зубы-то большие, белые — страшно! Вырезали из сырой картошины. Картошинку-то возьмёшь да вот распластаэш ей на три части. А середина-то пласкóвая [=пластина]. Вот из этой из срединки-то вот так и вырезаёшь, и вырезаёшь — как зубы-то делаэш» [БНС, д. Пиньшино; ЖВН, д. Ваномзеро; МИА 23:28].

Отметим, что «ходячие мертвецы» еще в 30-е годы воспринимались окружающими вполне серьезно, вызывая искренний страх не только у девушек и женщин, но и у мужчин. «Я вот здесь [=в д. Малеево] бабой была да, мой батька-то сидит, мой муж-то на коне, дак у нео вот так ноги дрожат. “Чё ты дрожишь-то?” — “Я боюсе покойника”. Дак я за ёо отвернуласе [=спряталась], боюсе. Так они бежат, да ишо шшыплют, шшыплют... Котороо принесут, дак “поп” ходиў, а который ходиў, так не было “попа”. Котороо принесут, дак вот “поп”-то и отпеваў, а который сам бегал, да(к) придёт шшыплют да пугает всех да» [ММФ, д. Кропачево; СИС 24:27об.].

Второй тип ряжения «покойником» был построен в виде развернутой сценки с «отпеванием» и «оживанием» мертвеца. В отличие от «ходячего мертвеца» (которым чаще наряжались мужчины), этот тип ряжения всегда был коллективным и, как правило, смешанным, так как оплакивание «мертвеца» традиционно совершали только женщины (обычно преклонного возраста или вдовы), испол-

нявшие роль плакальщиц и на настоящих похоронах. С другой стороны, роли «носильщиков», «попа» и «дьячка» чаще всего исполняли женатые мужчины и старики из числа местных балагуров и весельчаков.

Сценки с «отпеванием покойника» были известны в деревнях Ивановского (Тимофеева Гора, Артово, Трифоново, Савалиха) Андреевского (Мытник), Троицкого (Тарасьево, Сидорово, Москвино) сельсоветов, а также в дд. Большая Чаготма, Устье, Хошково. Кроме того во многих местах, например, в дд. Ларино, Мытчиково, Маньково, Ушаково, Никольская, Панино, Гора, Ново, с. Мосеево — сосуществовали обе эти формы.

Трудно сказать, какая из этих форм является более древней. Повидимому, их бытование определялось как наличием состава исполнителей, так и целью: сценки с «отпеванием покойника» разыгрывались преимущественно на святочных игрищах, а ряжение «ходячим мертвецом» использовалось и в других ситуациях. Определенную роль могла играть и местная традиция, корни которой нередко уходят к субстратному дославянскому населению Северного Белозерья: ряжение «ходячим покойником» широко распространено, например, у вепсов.

Приведем описание второго типа ряжения «покойником» из разных мест района. «Там беседа большая, дак: “Несите, несите!” Вот и занёсут [покойника] на эту, на носивках, на носивках настоящих. Поставят посередке по́лу. Вот сами ходят. Ишó, правда, сделают это-от, кринку. В кринку накладывают угóлья горячево. Кринку-то привяжут с этим, с ниткам, штёбы это, махать-то, как поп-то махают кадиллом-то. Так вот, кругóm обойдут, это оммáшут всё, потом уш это начинают молиция. Мóляцца настояще, кланяющця. Цесть по цёсти отпоют: “Царство небесно” да “Святы Боже, святы крепки, святы бессмертны, помилуй нас!” Помазкóм — вода в цяшке — цяшкой воды помáжут, попрышшут... А потом этот “покойник” скóчит да и даст жáру! За всем бегаёт, да имáет всех, да шалит, дак все испугающця, побегжат. (В)этъ покойника-то веть знаете как боящця?! Потом заругающця, што: “Унёсите, неси вас леший, а нето и с бисёды уйдём!”» [ККС, с. Липин Бор; ССН 9:17-17об.]. «“Покойника” на доске носили (когда приносили, был “поп, а так бегал, дак без “попá”). Зубы кладúт экие — из картошки вырежут, туды огня кладут (элакую — угáрок). Вот и здышот: там огонь пышот!.. Принесут на досках, да. Кладут посередке по́ла: две табуретки, на табуретки и кладут. “Поп” пев, всяку солёну пев — хорошово не пев, матюкáльну. Пели: “Пришли хоронить, а ён глазами гледит!” Тожо всяко собирали. Вот поют, поют: ён скóчит с этой, с дошóк-то и давай шшыпáцце! Боéлись “покойника”» [ЛИАФ, д. Панино; СИС 23:2об.]. «Принесут, где посиделки — вот туда ево и ташшáт. И как вот поп, оденут наподобие попа. Веник принесут, брыжжут на всех. Отпевать так не отпевали. А все боялись: этот “покойник” потом вскочит да давай бегать, да на всех! Вначале-то принесут-то ево — ноги босые. К девчонкам да как выскочит, ноги-то бóсье выздымет кверху да только — раз! — на колени! Рёв! Визготня! Ну, ложи-

ли обычно босые, штоб побольше было такоэ, когда он там (в)станет да начнет бегать» [ИЕИ, д. Погорелка; ССН 9:60].

В Вашкинском районе нами зафиксировано несколько разновидностей причитаний по «покойнику». В большинстве случаев отпевание начиналось с канонических церковных текстов: «Святый Боже, святыи крепкий», «Вечная память» или их пародийных форм. «Сразу как будто бы это всё в действительности — пели “Упокой, Господи”. Это общее так. Ну, а потом эту чушь начинали. Дак это токо два раза я в жизни слышал» [ЗПЕ, д. Парфёново; МИА 23:18]. «Покойника носили на носилках, а потом он вскочил да всех намазал. Сперва отпоют, будто хоронят:

Со святыми-то упокой,
Человек-от был какой!
На ково ты женушку
Да малых детушек оставил?»
[ДЕГ, д. Гавриловская; ССН 8:37].

После этого нередко следовали тексты, близкие к народным причитаниям по покойнику. «“Покойника” наредят, лицо намажут мукой, зубы репные, в рот уголь, чтобы пылало. Тоже бегал, хватал ково попало. Сам приходил и приносили на скамейке. Старушка нарядится да причитает:

Помер не во времечко,
Оставил маленьких детушек матушке,
Матушке надо биться, кормиться, да...»
[ЛЕА, д. Мытчиково; ССН 8:21].

В Ивановском, Островском и Нестеровском сельсоветах отпевание «покойника» напоминало известную народную игру в оживающего мертвеца («Кострома», «умрун»). «“Покойник” сам бегал. В зубах огонь, лицо завешено или очки картонные, нос расплющен, завязан... Принесут котелок, кисточку, брызгают водой, отпевают:

В сѣреду, во вторник
Умер покойник,
Пришли хоронить,
Он глазами глядит».

Потом повторяли припевку сначала, заменяя лишь последнюю строку на «сѣжа сидит», «сто́я стоит», «за нами бежит». После этого «покойник» «вскакивает и хватает, щиплет» [ММВ, д. Ларино; СИС 21:56]. «“Покойника” несут: картонные зубы накладыны, холодный элакой. Ну, ёво принесут, повалят. Вот и запоют, вот:

Умер покойник
В сѣреду, во вторник,
(вар.: Не в сѣреду, во вторник. — д. Большая Чаготма)
Пришли хоронить —
Он глазами глядит.

А ён встанет да пойдёт людей грабать, дак. Как начнет бегать по наро́ду! Все убежим, ревим. Босой, и всё. Во всё́м белом. Ну, “покойник”, дак покойник и есть!» [КМГ, д. Кошково; ССН 9:72; ВАИ, д. Ушаково; СИС 21:49]. «На доске носили у нас “покойника” всяко. Отпевали стары́е люди. Так поют, как в роде этих, вот попы-то служат, дак эти:

Умер покойник,
 Ни в се́реду, во вторник,
 Пришли хоронить,
 А он глазами гледит!

Дак много што тут. Наперёд, наверно, “на лавке сидит”. Потом это — “рука спала” [=упала]. Да всё от. Отпюют, а потом “покойник” скóчит да давай грабать всех!.. Лёжит на доске повалён, дак. А што выстанёт, а потом скочет и побежав щипать — он щипать девок пошов...» [ЛАП, ТАМ, дд. Сукозеро и Трифоново; МИА 25:Ф1994-12Волог. Оп № 12, 13].

«Ходили “покойника” носили. “Покойника” несут — как [будто бы] умер. Рёпны зубы вставят — как-то в рот запехаю́т. Уголёк маленькой кладут тут посере́дочке. Все заора́ют, знаэш. Ревят: “Ой-ой-ой! Што быть-то?” — кто как! Оне поскáчут, штоб визжали да рыка́ли девки-то. Робятам (не) интиресно, штоб мы сидели так... А тут с “попом” это, кадили, да. Накладу́т в кринку, уго́лья накладут, да, за́паху-то напустят. Ой, хозяйка-то жилá, да заругает: “Робята, отста́ньте! Веть мне надо ночевать, а вы всяку гадость жгитé!” Робята отпевали сами. Один отпевает хорошо — хорошим, благо-славлённым, благославлённым словом, как в церкви. А другой — это приго-ворки эти говорил:

Умер покойник
 В сре́ду, во вторник.
 Понесли хоронить,
 А покойник глядит.

Вот тут и начнут плести. А мы: “Робята, по-хорошому, робята, отста́ньте! Вынесите вы этоо покойника обратно!” Он вскочит да побежит. Шшыпáл какую поймает, дак. Визгу было — повизжат, да. Мы знаём какво парня [принесут], узнаваём, дак не боёлисе: “Сядь на место да хватит тут! Вынь свои зубы страшные!”» [МФФ, д. Тимофеева Гора; СИС 22:44об.-45].

«Приходили “покойником”. Нарéдяцца и — ну, надéто во всё́ бёлоо. При́дут, начнут шшыпáть — кто си(д)ит на бесед(е), всех нашшыплют! ... Приносили на носилках, [ставили] о серéдке по́лу. Поёт, што:

В се́реду, во вторник,
 Умер покойник
 Пришли хоронить,
 Ён глазами гледит.

Гоорит, а он глаза открóет.

В среду, во вторник,
Умер покойник
Пришли хоронить,
Ён сира [=сижа?] сидит.

В среду, во вторник,
Умер покойник
Пришли хоронить,
(Ён) стоя стоит.

В среду, во вторник,
Умер покойник,
Пришли хоронить,
Ён за народом бежит!

Уш начнёт шшыпáть! Эт “покойник” придёт, шшыплёт...» [КАА, д. Трифоново; МИА 24:Ф1994-11Волог. Оп № 69, 70].

В Останинском сельсовете существовало импровизационное причитание на основе этого текста. «“Покойника” приносили на досках, посредине избы ставили на две табуретки. Девок тащат силкóм его целовать — прощаться. Его напудрят, зубы рёпные. Он в рубахе и покрывалом покрыт. “Поп” приходил, отпевал:

У покойника ручка отвалиласе,
У Матрёны печка розвалиласе...

Это беседа была у бабки Матрёны, а покойник руку спустил» [МАИ, д. Устье; СИС 22:35об.].

Сценки с отпеванием «покойника» имели ярко выраженный эротический характер: он щипал, обнимал девушек, скакал на них. Нередко это подчеркивалось намеренным оголением, вымарыванием всего тела «покойника» сажей (д. Мытник). В д. Мытчиково его приносили на скамейке: «Весь голый, только грех закрыт, а сверху морковина. Приходили “поп”, “дьякон” в ризах из мешка, крест на ней из бумаги нашит» [ФАА, д. Мытчиково; СИС 22:33]. «А вот “покойника” принесут — деўки все по лаўкам. Входит “поп”, привязана кринка, вот этоо “попа” кадит:

Окади, Господи,
Освети, Господи,
Прими, Господи, в сырую землю
Раба Божья там-от коо.

— Ну, чё-то дело не выходит.

Стоит шишка,
Не подходит крышка,
Закреть нельзя —
Не простилися!

— с“покойником” наа прошацца!

Вот де(в)ок начнут подводить. Он покрыт белым полотном, а потом сдёрнут полотно-то, как это пропоёт — што тут ёо уш окадят, пригото(в)ят, наа уш прошацце. А деўки разве пойдут к “покойнику” голому? Деўки-то все бедныэ-то по лаўкам-то, по столам-то, везде-то хыханья-то! Девок-то

подводят прошшацца, ну уш не тута [=к гениталиям] подводили, а подводили к лицу. Лицо открыто. Так эть чоо тут: зубы вставлѣны да намазаны да эть разве узнаэш, што кто есь?! Так элак с визгом с элаким деўки бедныэ дак!» [ААК, д. Естошево; СИС 26:26-27об.].

Среди такого рода сенок встречались и очень откровенные. «Кудесаи называэцца, маскиро́ванные — Господи-и! Ну, как? Снаредили меня мёртвым — и всё. Овсяной мукой намазали, сделали ящик — и несут. В рот брали зубы — репа, редька, [штоб] нимножко-то видно было — страх наводить. Да всяко тряпьё одёвали на себя, дак. Лицо закрывали обычно тряпками тожо. Сапоги, валенки — чёо? Покрывали белым, белым, да. Ак боялись все-э! Один раз принесли, я помню, дак две девки, они этот — пали в обморок... В “попа” редились. Отпоют да и унесут обратно (тожо “кудеса”). Всяку ерунду мололи. Обожди, не буду говорить! Напевали глупуу-глупуу песню из половой жизни. Ак и ни стоит говорить. Чудаки, дак всяко пели. Сразу, сразу, как это принесут:

А были мўдюшка е...вые,
 Да были ль мўженьки (?) пивливые,
 Да красно ты моё солнышко,
 Да ушло ты из жизни ни во время...

— вот такую ёресь» [ЗПЕ, д. Парфёново; МИА 23:17-18].

В некоторых случаях в действо вмешивались взрослые, например, хозяева избы, в которой проходило игрище, выполняя функции своеобразных защитников от «нечисти» всех его участников. «Это на биседу, биседа-то была у нас, у дедушка. Вот принесли на такой доске, и ён снаряжон, “покойник” дак. Как покойник во всё белоэ одет и зубы кладены репные, весь в муке, ну, покойник — покойник. Вот сюды [=на нос] вот такую ленту завяжут, нос расплющенной элакой, страшной-то, так спаси Господи! Я век свой бояласе покойников. А ёо принесли да ишо нао отпевать, “поп” тут с кадиллом. Мы заревели: “Дедушка, дедушка, дедушка!” Си(д)ит-то это там на лежанке (ну, раньше у печки были этакие приступки), сидит: “Ах, ты, такая мать! Дак ты ишо пришёл девок пугать!” Как погоняўкой! Как дедушка взяў погоняўку, да как хлёснул этово “покойника”. “Покойник”: “Дедушка, не трожь! Я, я, я наредивсе-то”. И ён как это “покойника” озвездил погоняўкой, так это убежаў покойник, боле не подумаэт притти... “Поп”-то ладил, што отпевать ёо. Кадило тут наклáдено, чё-то дымит у ёо в банке, дымит, да качает на этой на веревочке. Ай дедушка нé дав ему петь-то» [ММФ, д. Кропачево; СИС 24:27-27об.].

Морозов И.А., Слепцова И.С.

ПОКРОВ

Праздник Покрова Пресвятой Богородицы (14.10) — один из наиболее значительных осенних праздников в системе православно-церковного календаря, связывавшийся в народной традиции с окончательным завершением сельскохозяйственных работ и началом зимы. В Вашкинском районе этот праздник не был отмечен особыми обычаями или обрядами. Не удалось также записать какие-либо приметы и поверья, связанные с ним. Единственным обычаем, распространённым практически повсеместно, было закармливание в этот день скота последним снопом, оставшимся от дожинок (см. «Жатвенные обряды»). «Дождём этот солодатник, ну, а потом принесём — да вот в передний угол. А потом этот стоит, стоит солодатник, а как Покров придёт, дак по горсти всё и скотине и роздают» [ЗКИ, д. Захарово; МИА 25:24об.]. «Вот всю жниву выжнёшь, послidine — на послидней снопик осталосе, какой тут ляпачок оставишь. Потом этот ляпачок, кружочик сожнёшь на вязочку, вязочку завяжешь, понесешь домой, поставишь в передней угол. И ёё берегёшь. И эт в углу стоит, а потом на Покров, наэрно, когда скот уже заставают, на Покров и закармливали скотинку-т. [Что говорили при этом] — а Бог знаёт! Мать всё носила, дак я топерь не помню. Мы ишó маленькие были, дак тут...» [ЖВН, д. Ваномозеро; БНС, д. Пиньшино; МИА 23:34об.-35]. «Овёс, послидний сноп нажнут и это, гоорят, “на бороду”. Принесут и поста(в)ят в передний угол, под икону. Эта “борода” стоит до Покро(в)а. Вот в Покроу закармливают скотинку» [ОУА, д. Опрячкино; СИС 26:71об.].

Закармливала скот хозяйка рано утром, «до свету», обязательно на сытый желудок и ни с кем не разговаривая [ЯАА, д. Веселая; СИС 21:7]. «Мама, хозяйка закармливаэт. Этот снопик — ковды не в колхозе были, этот свой снопик, поотдельно жали — этот снопик выжнут, и она принесёт, посидит в избе тут у этих, а потом в анбар вынесёт. А к Покрову как скотинка отходище, этот снопик, весь вот эдак да, весь скотинке и скормит. Ну, порежет, и корóушке и всем скормит» [ЕНА, д. Новая Деревня; СИС 24:17об.].

Интересный рассказ о закармливании скота на Покрова записан в д. Естошево. «А послидний сноп овсяной жали. Послидний сноп нажнёшь — “борода”, “бороду” эту несёшь домой, ставишь в угол (ну там этъ дожинали дак уш в летнюю избу несёшь), и стоит эта “борода” до Покрова. (В)станешь в Покроу, сперва первым делом отрежёшь холодца, принесёшь студени, на стол скатёрку накроэшь, хлеб принесёшь. Всё это сделаэшь, седёшь, тут похлебаэшь сама, пойиси. Хлеб-то всем отрежешь — всёй скотинки, “бороду” эту с собой, и идёшь во хлев. Вот эту “бороду” по горсточке даси, хлебца даси. У хозяина попросиси: какая скотинка поставлена на место [=на зиму], нао у хозяина

попросицца в Покроў. Станёшь вот середи, это всё надаваэшь (это в уголки всё: наугольники-то были ранше, так в наугольники и клали этот, хлеб-то, — делили по четырёх углам), станёшь среди полу, по этому, хлеба и просиссе: “Хозяюшко-батюшко, хозяйюшка-матушка, ставлю я милова живота-скотинку на всю студёную зиму. Вы её пойте и кормите, теплом обогревайте и спать мистечко давайте!” Вот поклониссе везде, (во) все четыре уголочка поклониссе и три раза проговоришь, потом пойдёшь давать сено. Ёни уш этот кусочек прожовали, этот овесиц сыйили. Ак веть ранше сена мало накошивали, дак веть о Покрове-то только это какая скотинка в зиму, дак ту закормляли-то» [ААК, д. Естошево; СИС 26:36-37].

Общественные гуляния и перегащивания на Покров устраивались только в тех деревнях, где этот праздник был престольным. «Это вот на гулянке топерь вот о Покрове, о Пятнице — это в Естошеве догуливали. Там Естошево — большаа деревня была самая крайнаа — ну, дак там гулянка на другой день...» [ААК, д. Естошево; СИС 26:19об.-20].

Милюхина Е. А.

ПОПА НА ПРОГОН

В Вашкинском районе вплоть до 40-х годов сохранялись старые подвижные игры с предметами, которым некогда приписывалось ритуальное значение. Одна из таких игр была известна под названиями «попа на прогон» (дд. Новосело, Калитино, Паршино, Покровское), «на перегон попа» (д. Берг), «в гон попа», «попа гонеть» (с. Липин Бор), «гонкой» (с. Вашки, д. Гавриловская), «в цыбу» (с. Липин Бор). Еще в 20-е годы во многих местах Вологодского края «гоняли попа» не дети и подростки (с 6 до 15 лет), а взрослые мужчины и старики. «И мужчины в выходной с удовольствием играли» [ЛВИ, д. Покровское; МИА 15:13]. Причем основной смысл игры: «изгнание из деревни попа», т. е. деревянной чурки — воспринимался играющими с полной серьезностью. Игры такого рода, судя по воспоминаниям очевидцев, проходили с не меньшим ожесточением и азартом, чем в других местах кулачные бои. Такое сравнение вполне правомерно, так как мотив «изгнания», «выпроваживания» в равной мере характерен и для кулачек, и для многих других развлечений и обрядов весеннего цикла.

Игроки вставали в ряд на «кон» (черту) и начинали по очереди бросать вверх битую («лопту»). Она представляла из себя стесанную наподобие лопатки палку длиной около 50-60 см и от 6 до 10 см в диаметре с круглой ручкой. Тот, у кого первого она падала ручкой в поле, водил («гонялся»), другие устанавливали очередность по уговору (д. Лукьяново). В д. Покровское «водитель» выбирался по желанию, остальные игроки

становились по росту и дальше соблюдали этот порядок (самый высокий бросал первым и т. д.).

Кориться могли и по-другому. Подбивали городок палкой вверх, и тот, у кого получилось меньше всех ударов, — «гонял кобылку», т. е. водил, а очередность остальных устанавливалась в зависимости от числа ударов [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:23]. В д. Новосело корились, бросая палки так, чтобы они «кубылялись» (т. е. ударялись о землю то одним, то другим концом). Затем игроки бежали за палками и возвращались к «попу» и каждый касался его палкой. Прибежавший последним водил.

«Гонщик» или «водитель» ставил городок («поп» — с. Липин Бор, «цыбу» — с. Липин Бор, д. Новосело) в 8-10 м от кона (в д. Покровское коном часто служила дощечка размером 20x30 см), и отходил от него еще примерно на такое же расстояние, а игроки броском палки старались его сбить («колонуть в попа»). В д. Покровское, если кто-либо не добрасывал биты до «попа», «водитель» подбирал ее и перебрасывал через голову подальше в поле, после чего игрок не мог ею воспользоваться, пока до нее не догонят «попа». Когда городок оказывался сбитым, то «гонщик» ставил его на то место, куда он отлетел, а игроки подходили и вставали там, где легла бита. Так продолжалось, пока все не промахивались. В этом случае, если все палки оказывались лежащими до городка, то игроки могли взять их и бить с этого места. Если же все биты были переброшены за городок в поле, «гонщик» хватал городок, а игроки свои биты, и все наперегонки мчались на кон. Прибежавший последним становился «гонщиком» [КМИ, д. Лукьяново; СИС 22:51].

В д. Покровское «попа» гнали по дороге до определенной цели, расположенной примерно в километре от места начала игры — до горы, до поля, и если удавалось этой цели достичь, то игра считалась оконченной [ЛВИ, д. Покровское; МИА 15:13].

В с. Липин Бор для водящего, который никак не мог избавиться от своей роли, существовало следующее наказание. Все игроки забивали в землю «сваю» — колышек длиной 10-12 см — ударяя по ней каждый по 3-5 раз. «Гонщик» должен был вытащить ее зубами и убежать, стараясь при этом ее незаметно выбросить, а все остальные гнались за ним. Если его преследователи находили «сваю», они заколачивали ее вновь и наказание повторялось [КНИ, с. Липин Бор; МИА 15:5; ЛИМ, д. Шугино; МИА 23:66об.]. В д. Покровское «того, кто сгузит», т. е., устав, отказываясь от игры, в следующую игру не брали [ЛВИ, д. Покровское; МИА 15:13].

Слепцова И.С.

ПО СОЛОМАТАМ ХОДИТЬ

«По соломатам ходить (ездить, кататься, водить)» — предсвадебный ритуал, совершавшийся незадолго до свадьбы (см.), иногда накануне венчания (точно закрепленного времени не существовало). Суть его заключалась в том, что невеста вместе с подругами и плакальщицей совершала обход домов родственников, подруг, иногда ближайших соседей, где получала подарки к свадьбе и плакала под причёты, исполнявшиеся обычно плакальщицей в сопровождении хора девушек. Обход этот преследовал две цели. Во-первых, оповещение о дне свадьбы и официальное приглашение на нее родни. Во-вторых, прощание с родными и близкими перед уходом из родительского дома в дом будущего мужа. Название ритуала мотивируется употреблением специальной обрядовой пищи под названием «соломат» или «соломата», которая приготавливалась из толокна, заправленного сметаной, простоквашей или маслом. Помимо свадьбы, это блюдо выставлялось на праздничный стол в масленицу (см.), а также на помочах и дожинках (см. «Жатвенные обряды»).

«Невеста по соломатам ходила. Это водили по гостям невесту, по своим родным. Это называэццё по соломатам ходить. Водили по́д руки. Невеста закрыта, две женщины брали ее и водили» [ККС, с. Липин Бор; ССН 10:6]. «Вот, примерно, сцяс вот бы мы жили, ак вот если бы я тожо была взрбслая, выходила замуж бы, ак от к ней заходим там — ну, от как гости. Она вот собирэ́т сто́л — цо там: ды уш суп наварит и всё этот по́ставит. Все покушают — невеста ходила с девушкам там: какие по́други две-три, невеста ходила с йим. Это покушают, а потом напослед́ время — солома́ту. Это называлось «ходить по соломатам». И вот если родня есть — там не один человек, штобы стол собираэ́т, — схо(д)ят ко всем... Не в каждый [дом] — вот токо к родне своей, у ко́ есь родня. А если родни нет, ак не ходит по соломатам... Вот прихо(д)ят оне, прихо(д)ят кода́, ак у йих там стол уж на́лажон. Ну, раз прихо́(д)ят, там йих за стол и садят, угошшают. Ну, вот там пойидят-то вот супу да там вот че́-нить тако́-ту. Ранше делают жаренины из пшона, дак всё называлась жаренина. А потом вот принесут соломату — [хозяйка] принесёт. Соломата поест, потом чай попьют — и опеть выходят и дальше [идут], если ишо́ есь где» [ХЕП, д. Аргово; МИА 24:28об.-29]. «Невеста прицитала, ходила по своим. Это я одну невесту запомнила, што как ёна прошчаэ́цца со всем родным-то: (ак) уходит за другоо, то сама ходит, причитаэ́т, да кланяэ́цца. Они не у нас, конечно, вот у ёвной [=мужа] матери вот эта, Анюта-та ходила, дедко, Мониha. Вот та прицитала, вот ту видáла... У ей ишо́ свадьбы не́ было, ёна ишо́ и не уехала из родительскоо дома. Ну, ак вот она закрыта была и ходила, прицитала как уш у двоюродной сестры. Ну, вобшом, которые породне́е...» [АНИ, д. Зуево; МИА 24:82]. «Причитают. Сколько родни есть, в деревне невесту к кажным водят подружки.

У каждой причитают. Называлась “соломата”. По соломатам, по всей родне ходила, причитала. Перед [свадьбой] уж это...» [САМ, с. Липин Бор; ССН 10:17]. «Вот там дома отричитали, потом родных-то мало ли в деревне есть! По всем родным в дом приводили и причитали. Перед венчаньем это, перед венчаньем. За несколько дней причитали» [КЕА, д. Липник; ССН 9:3].

Причеты могли исполняться как самой невестой, так и сопровождавшими ее девушками-подружками или специальной «причитальницей». «Да уж совсем договорились и Богу помолились. Вот это родня невесту водит с девушкам “по соломатам”. Соломату там мешали. Кто поест, а кто и не поест. Но не одной соломатой угощали, конечно, и чаем ешшо поили. Ты идёшь к тётке к родной ко своей, ак там тёта и встречает невесту с причётам. Плачёт. И эта невеста плачёт. А там тётушка причитает и эти девушки причитают. Раньше уж все научены были. Деушки причитают, а невеста ходит да кланяецё. Тожо плачёт, не плачёт, а уландаэт, будто што и плачёт» [ГМЕ, д. Пужозеро; ССН 14:64]. «Невеста приезжает с подружками и причитальницей к тому, кто пригласит из родни. Походит по-полу, поклоняется, а причитальница причитает по всем членам семьи. Потом уж за стол садяца» [ПМД, д. Логиново; ПМП, д. Никольская; СИС 21:34]. «Невеста когда просватаецца, потом она ходит по этим по соломатам. Свои родные зовут ёй. К сродникам ходит. Вот она ходит по полу кланяецца, а ей свадебные песни поют. Она ходит и плачет. Эти-то причёты интересные были. Подходит ко своей тётиньке, или тётинька созовёт дак. В пояс закланяецца, а они причитают там ей. Вот это по соломатам невесту и водили. В каждой избе она по полу ходит, кланяецца. А причитальницы с ей ходят, ей причитают с ей ходят, а она ходит да кланяецца по полу. Соломату мешали, когда невесту водили по избам, по гостям. Тогда это соломата была» [КАВ, д. Мытник; ССН 15: 5об.-6об.]. «Деушки, подружки ходят по соломатам. Водили по родне, по родне — ко всёй деревне не пойдут, а свои вот какии есь, да. Ну, дак там-то приготовились, покормят, попят. А эта, которая причитаэт, эту берут уш — Аннушка приходила, вот прицётов знала!

Ты красуйся, красна красота
Да при последнем порé-времени
Да при чесном да росставаньце...

Невеста та плацет, дак в заливную. Она тут не один носовик смочит. Вот как причитали! Ой, да тут всё не высказать, чё-то причитали, ак мы заслед, помогали. Попричитают — и всё хорошо» [КУН, д. Задняя Слободка; СИС 25:10].

Фрагменты причитаний при этом обходе удалось записать в Муньгском сельсовете. «Так вот невеста собираэт всех своих подруг, запрыгают коней, этих подруг садят и причётальщицу. Вот приезжают (ну, вот к Ольге я приехала, Ольга меня звала в гости) с подругами. Вот подхожу к воротам ишо:

Сдорога да мила тётушка,
Я не смию взеть-то за скобу,
Отворить-то двери на пятау,

Не една иду единая,
Не по стару да не по прежнему,
Иду с миленьким подруженькам...

Тут уш Ольга ревит, плачет, меня стричает с подругами. Усаж(ы)вамсе за стол все, эти подруги. Нету ни вина, ни пива. Эта причётальщица всё ревит:

Ешьте милые подруженьки,
Ешьте овсенечок да преничок,
Ржаной хлеб да за пшеничничок.

У меня у милой тётеньки
Да в город Караполь не съезжено,
Сельди-рыбы не накуплено.

Вот это всё уш тут отпричитают. Потом уш поспас(иб)ают:

Тибе спасибо, мила тётушка,
За большоэ угошшеньицо.
Ты м(е)ня приняла да горя бедноо,
Приняла да не обидела,
При послиднем да поре-времечке

Меня при девочьей да при волюшке,
Што топерь я горюша горькая
Иду да во большую во неволюшку,
За чужово-то за чуженця,
Во чужую семью дикую.

Вот это всё отгрохают. И свекроўка там стоит слушаэт (раньше госью привезут, так этъ ходили бабы-то тоже по избам-то). Ну вот это всё тут и отведут, опеть в другую повезут в избу, в другую свезут это, опеть надо это жо орать» [ААК, д. Естошево; СИС 26:45об.-46об.].

Иногда невеста посещала не только родственников, но и подруг и соседей. «Невеста каталася по соломатам по подружкам. Она плачет, а подружки причитают вместе с причитальницей» [ЯОП, д. Сальниково; СИС 21:45]. «Невесту снаредят вот. Она и ходила к тёткам или там к двоюродной сестре, и подруге, или к кому-нибудь ешшо. И тут эти бабы — женщины ли, деўки ли — ходят с ней писни поют и причитают и плачут. Она зайдет в избу, поздороваэще, наверно, поклоняэще; а после садяэще за стол. Их угошшаэт хозяин. Супу наварят, пирогов напекут, каш всяких наделают, блинов напекут, олашек, яичницу сделают. Соломату тожо давали. Всё тут за одним столом, все это тут гостят госью эту. Это и есть “по соломатам ходить”» [ХНД, д. Хошково; МИА 24:66об.]. Одевалась невеста для этого случая в будничную одежду, никаких особых украшений не было и, вероятно, ее лицо должно было быть закрытым. «А как одевалась? — Не как на свадьбу. Так вот платьё какоё-нибудь надинёт. Ну, вот платочек ранше всё эк одевали...» [ХЕП, д. Артово; МИА 24:28об.]. «Она закрыта была и ходила, прицитала» [АНИ, д. Зуево; МИА 24:82; ККС, с. Липин Бор; ССН 10:6].

Однако далеко не всегда прощаться ходила невеста. Иногда родственники, соседи, подруги посещали ее дом с той же целью. «А это у каждой невесты быў уш вечерок прошшанья. Деушки ходят, и тут как зайдет хто и посторонний дак приглашают тожо постороннево. Вот зайди кто не приглашеной в гости, дак всё ровно приглашают, што: “Проходите!”... Причитали, причёты были. Невеста кланяёцца да плачет...» [МАЯ, д. Мытник; МИА 25:9]. «А до свадьбы, дак чё тут: невеста причитаэт ходит. Ходят к невесте

подружки, и она плачѣт. Причѣты называюцо. Потом свадьба» [ААИ, с. Липин Бор; ССН 11:17]. «Не по соломатам ходила, а причѣты были. Раньше мало кто по любви выходили. Приедут сваты, высватают невесту, а невеста не знает и жениха, и ни видела. Вот она и плачет, уливаэцца, вот и причитают. Придут подружки, да какие ишо старушки, которые знали, как надо причитать, а невеста уливаэцца, плачет. Причѣты-то и были перед свадьбой: до свадьбы ишо один день, каэцце» [ИАВ, д. Ильино; ССН 12:17]. «Да вот причитали, как со свѣкром да со свекровкой станет жить. Да там вот причитают, што: “Выходишь ты на чужую сторону, / Да не у роженой матушки, / Да там будут пѳвки высокие, / Да ты не смеешь и руки протянуть...” Да вот как причитали — кто чѣ может» [ЕТП, д. Гавриловская; МИА 25:37об.].

В Киснемском сельсовете этот обычай полностью отождествлялся с традиционным девичником (днем накануне свадьбы) и проходил в доме невесты, куда приезжал жених и где, как и положено, было угощение. «Невеста “по соломатам ходила”. Соломата была — это как вечеринка. И причѣ-оты были. Это перед свадьбой. Красоту когда сымает невеста, вот и делают родители праздник. Жениха приглашают там, девушюк, кавалеров. Дома у себя. Наготовят всё. Женщин выбирали, которые умеют, причитали. Это приговаривали, как уходят от родителей там, штобы приняли её потом в гости. Платок одѣвають, и ты ходишь пѳ полу, а они причитают. Сначала родителям, што: “Примите доченьку!” — потом брату причитают, подойдут, што: “Не оставь сестричку!” И к сестре там(ы). Это идут причѣты. Невеста плачѣт, а уш потом она кланяэцца, и садяцца за столом с женихом... А там наготовлено всё у родителей, тогда соломатою уш и угостят» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:66].

В Андреевском сельсовете зафиксирован вариант ритуала. По материалам, представленным из деревни Гавриловское, видно, что там не было обхода всех родственников и подруг («Нет, нет ходила не по всей родне. Всю родню соберут на свадьбу» — ЕТП, д. Гавриловская; МИА 25:37об.). Здесь невесту водили на вечеринку к тетке или божатке (крестной матери) — ближайшему кровному или духовному родственнику в деревне. Называлось это «на вечеринки водить» или «на беседки ходить» и проходило, приблизительно за неделю до свадьбы. В остальном Андреевский вариант совпадает с приведенным выше, включая прощание невесты с родными, причѣты и угощение. Следует отметить, что здесь обряд проходил в отсутствие жениха. «На вечеринки водили... Вот ежели божатка есь в одной дерѣвне, там тѣтка ли хто ли есте, так янѳ яѣ в гости созовѣт до свадьбы. Сѣдни невесту в гости, в гости приведут. Этот, за-пѳд руки захватят, цветы нѳ голову наденут — цветы раньше покупалисе, ну, веночик. Вот и иѣ пѳ полу водят причитают. А причитают, штобы плакали все — взамуж выходит, дак. А это до свадьбы за недилю либо как ли» [ЕТП, д. Гавриловская; МИА 25:37об.].

Похожий вариант предсвадебного обхода зафиксирован в том же районе в деревне Мытник. Здесь его называли «по дробчонам ходить». Невесту звали в гости вместе с подружками (без жениха). Те, кто собирался прийти на свадьбу, угощали ее и одаривали. Невеста, в свою очередь, причитала и прощалась с родственниками и близкими. «Невесту дарили, ковды ходила по дробчонам, дробчонам называли. Невесту ходили звали да — в гости да и девушок звали, подружок-то. Перед свадьбой это, а жениха уж тут не было — одну невесту. Ходили ко своим: кто на свадьбу будёт, дак к тому и ходили. Угошшали: стол, настояшшой стол соберут. Соломату делали. Это уш соломату кажному, где в гостях, дак соломату и делали. Это “дробчоны”, это название “со дробчонам пошли”. Невесту-то зовут. Одне там старушки поют ей припевы, а она ходит да кланяецца. Всим кланяецца» [МАЯ, д. Мытник; МИА 25:7об].

Второй тип «соломатных» обходов сближается уже не с девичником, проходящим до свадьбы, а с «молодишником» — элементом свадебного действия, которым в некоторых районах области заканчивается брачная церемония. Его цель — своеобразное «посвящение» молодухи в коллектив замужних женщин деревни мужа, где он всегда и проводится. В Вашкинском районе вместо молодичника свадьбу завершают «гостёба», «отводины» либо гостевание молодых под названием «по соломатам ездить». Отводины — это последняя точка в свадьбе. «Отводины — и всё. Никуда больше не ездят» [ААИ, с. Липин Бор; ССН 12:2]. Молодые приезжали в дома невесты и родственников. Время проведения обряда — весьма свободное — в пределах от трёх до четырнадцати дней после свадьбы. «Отводины бывают, ковды там приготовяцо родители. К невесте ездили пировать» [САМ, с. Липин Бор; ССН 11:7]. «У невесты отводины после свадьбы. Неделю, две ли пройдёт, пошли к невесте, к родителям невестиным справлять этот праздник» [ИАВ, д. Ильино; ССН 12:17]. «Отводины уж через неделю, наверно. По гостям ходят. Это кто на свадьбе был, дак и водили» [ККС, с. Липин Бор; ССН 10:14]. «Вот после свадьбы там, вот хто свои-то были на свадьби, дак там ко(в)ды коо кода пригласят, в какие дни, так это и называецца “на отводины”, эти дни. Это вот, верно, свадьба была, дня два-три прошло, вот есь близко своя родня, недалёко, дак молодые и ес(л)и там вроди батько, matka есь, дак своэй семьёй йиз(д)или. И вот — примерно, вот эт-та и я — были свои тут, ак схо(д)ят в деревне к кому, у коо ес(л)и двое, дак к двум схо(д)ят, а далеко ни йиздят, только где хто в своей волосте уш, неподалеку. Это называлось, вот ес(л)и ходят — “йиздили на отводины”... Ничоо ни дарили, токо там схо(д)ят, все поугошщаются тут, попьют, пойидят, да и...» [ХЕП, д. Артово; МИА 24:29об.-30].

Само празднование очень напоминало свадебный стол на второй день. Снова собирались все родные, приходили и подруги с песнями. «На отводиных тожо пели. А вот подруги-то все, однокодки приходили. Поют невесте» [ААН, с. Липин Бор; ССН 12:2]. Несмотря на то, что отводины совпадают с молодич-

ником по времени проведения, и являются последним, как и молодежи, этапом свадьбы, эти два элемента значительно различаются по своим целям. Если молодежи — это церемония ввода молодежи в новый коллектив и приобщение ее к новому социальному статусу, то «отводины» и «соломатное» гостевание — выражение благодарности близких за свадебное угощение и прием, дань уважения новобрачным и их родителям. «Поезжают на отводины к невестинной родне. Там дядюшки да тётки зовут этих молодых» [ГМЕ, д. Пужомзеро; ССН 8:27]. «Отводины — вот свадьба пройдёт, а потом зовут в гости, гостей, дак. Невесту зовут, да и жениха зовут, да и жениховых родителей зовут, да. Своих, хто на свадьбе быв, дак и зовут» [МАЯ, д. Мытник; МИА 25:7]. «А гостёба — вот свадьбу ранше справляли, дак после свадьбы на “отводины”. Считались, што вот “отводины” — обратню. Нонь дак свадьбу справят, дак и ништо и цяэм ни напоит друг дружку. А тогда уж хто на свадьбе быв, кажный звав. Вот сёдни если я была на свадьбе, ак уж на како число я и приговолююсе, што молодые приедут. Вот приезжают в гости — я уж и угошаю, што я на свадьбе была» [ЛАП, д. Сукозеро; МИА 24:Ф1994-11Волог. Оп. № 83]. «Потом начнут по всей родне звать в гости жениха, невесту и родителей. Это называецце “на соломаты”. Вот сёдни на соломату придут, зять там — хто мо́жот собираце. “Молодых вот, — говорят, — на́а как на отводины”... Ну, там уж соломата — всё на стол носят, носят, а потом на послиде соломату горячую принесут на одном на масле» [ЗАП, д. Ушаково; МИА 24:Ф1994-11Волог. Оп. № 48].

В Андреевском сельсовете существовал обычай устраивать угощение невестинных подруг после свадьбы. Это называлось «по дробёнам ходить». На этот праздник приглашалась только молодёжь. Видимо, в этой местности «дробёны» завершали прощание невесты с односельчанами, которое состояло из двух частей: соломатного обхода (до свадьбы) и ритуала «по дробёнам ходить» после развернутой брачной церемонии. Вероятно, на первом невеста прощалась с родственниками, а на втором «давала отпускное» своей возрастной группе — подругам. «По дробёнам знаете когда ходили, после свадьбы издили по дробёнам. Это после свадьбы издили дробены. Девки издили по дробёнам. Издили, были, были дробёны. А соломата это до свадьбы невесты... Невеста, этот, дома ходит по домам к рѳдникам, и ей отпевают, и она, этот, ходит кланяецца, ей отпевают. А дробены — это издили девушки холостые на дробёны... Да это после свадьбы. На кольной день-то, не помню, издили на дробёны, это были дробёны. А чѳ там, угошшают? Да там угостят вот, бывает, как пазничек сделают и всё. Они едут как на праздник “на дробёны”. Празник там делали им. Ну такоѳ — назвали “дробёнам”. Молодые девушки после свадьбы издят на дробёны и всё. В гости — как едут в гости... Да, девчонки — мо́лодѳжь, мо́лодѳжь издила на дробёны толькѳ, там стареньки не издили, подруги вот эти на дробёны поедут» [КАВ, д. Мытник; ССН 9:66-66об.].

Островский Е.Б.

ПРЕДАНИЯ

Рассказывание всевозможных историй было одной из форм крестьянского досуга. Беседы на «серьезные» темы, целью которых было не только развлечение, но и помощь молодым людям, вступающим в жизнь, в осознании своей деревенской генеалогии, в непосредственном освоении окружающего исторического ландшафта, в выработке норм оценки происходящих внешних событий, непременно включали в себя предания — устные рассказы о событиях местной истории, связанных с жизнью крестьянского коллектива в достаточно отдаленное от момента повествования время. Их занимательная форма, нестандартность и в то же время связанность с известными людьми, знакомыми с детства географическими и природными объектами вызывали неподдельный интерес молодежной аудитории. В качестве примера можно привести предание о происхождении двух основных рек Северного Белозерья. «Мама рассказывала, у нас две реки в Исаеве — одна Кема, а другая Индоманка. Оне с ручейка заводяцца. Я знаю — там работали, в лесу, показали вот, откуль реки заводились, с ручейка. Вот они [=речки] ложились спать — вот еще не было рек-то, такой ручей шол — вот ложились спать, говорят, што: “Которая мы выстанем раньше?” А эта наша Индоманка хитрая была, да, взяла пошла с вечера. Дак она с каким кривулям не ходила, каким кривулям не ходила! А эта, Кема, спала преспокойно. А как проснулась Кема-то, шчѐ нету Индоманки, как профурнула! Так эта Кема, видишь, какая вся хорошая, прямая! А у нас Индоманка всё кривулям, всё идѐт кривуль, где мыс — чуть не сойдецца — нет, опять отошла» [ММФ, д. Кропачево; СИС 22:84об.-85].

В форме преданий и легенд излагалась история происхождения отдельных растений, животных и птиц — их форма, окраска, величина, издаваемые ими запахи и звуки, целебные свойства, их место в общей иерархии животного и растительного мира. Например, легенда объясняет отсутствие собственного гнезда у кукушки и то, что ястреб якобы постоянно мучается жаждой, их отказом участвовать в рытье колодца при сотворении мира. «А раньше в земле копали колодцы. Там, (в)ишь, раньше копали воду, кто знаѐт при каких веках. [А] кукушка и ястреб не копали. Эти не копали, они отказались обои. Вот ѐны поганые обои птицы» [ММФ, д. Кропачево; СИС 22:84об.].

История, сохраняемая преданиями, сильно мифологизирована. Это проявляется в стремлении описать реальные исторические факты не столько правильно и достоверно, но таким образом, чтобы излагаемое не противоречило народным представлениям о ходе и причинах исторических событий, о характеристиках и свойствах действующих исторических лиц. В каждой местности существовало предание о происхождении первопоселенцев. «Наша фамилия Якутовы. Всѐ

время ругали маленьких ребят, дак всё “ягуткам(и)” звали: “Ох, вы ягутки вы! Ягутки, ну!” Вот эти вот “якуты”, дак там Вашпан — это приход быв, как раньше волос(т)ь называласё. Ак у нас были и “поляки” — из Польши, ишо тут было какоо-то названьё — Закревские были... А Жудрово — “якуты”, а ишо-то Гречковы-то были, тожо какоо-то названьё, тожо какие-то нерусские были. А “якуты” — от, гоорят, што не было нечо, не какова не жила, нечо. И вот этот человек там, откуда-(то) приехав этот Якуб или Якут, поселивсе тут и, верно, сибе домик сделав. Дак потом, гоорят, привели ёму барана да козла, и надо было розвести племя. Верно, хто-то где-то живой быв ишо, дак привели барана да козла. А как от барана да от козла розведёшь племя-то? (Да)ак уш этоо не знаю, што уш как он розвёв ли, не розвёв ли это племя? А вот эта фамилия наша якутскаа» [ЖВН, д. Ваномзеро; МИА 23:27].

Для предания важно не то, что было в действительности, а то, что могло или по ряду причин должно было быть. Например, внешние враги-захватчики, «паны» или разбойники наделяются в них демоническими или исполинскими чертами, нечеловеческой силой.

Особенно многочисленны в Вашкинском районе предания о скрывающихся в окрестностях кладах. Местонахождение кладов, как правило, связано с местами, известными по эпосу, сказкам, заговорам: под громадным камнем, под особым деревом, в лесу, на болоте, в местах захоронений. Это соответствовало общим представлениям о мистической организации окружающего пространства, которые нашли отражение во многих верованиях и обрядах. А сам клад, связанный с миром мертвых, часто одушевлен, персонифицирован, недосягаем. Предания о заветных кладах — один из немногих источников, сохраняющих представление о древних ритуалах захоронения и добывания хранимых в земле сокровищ.

Достоверность предания обязательно аргументировалась ссылками на авторитетность источника информации («старики говорили»). Доказательством ее часто служили местные реалии, нередко уже утраченные, и географические объекты, сохраняющие следы описываемых событий. Предания могли включать в свою структуру былички и бывальщины, комментарии и подтверждающие излагаемое. Приведем примеры преданий, записанных в Вашкинском районе.

[«О шведах-поляках и белых крестьянах»] «[Это было] давно... Вот шведская граница у нас: от нашей деревни тут ёсе лошшынка к той-то деревне — вот там были шведы, в здесь русские, да. Знацит, они ходили — всё на земле сметáли, понимаэш, во! Ак вот у нас братская могила вот здесь, это у моста-то бугóрчик есь. Ак мы яму картофельну копали, тожо мы не знали. А потом старики, которы были ранше-то, дак они, да, так выкóпывали такие большие маслы, понимаэш. Здорóвой народ, наверно, быв — такие маслы большие выкóпывали. Да черепа выкóпаали. Мы делали струб и клали картошку ту(д)á, в этот... Это были поляки, приходили, по-

нимáашь. Была какáа-та польская война. Да. Вот, воевали. Поляки, они ведь много у нас тут издили да. И потом поляки они дошли до “белых кресьян”, вот куда, за Чёрную Слободу [в Вытегорском р-не], в Пóншалo(в)о, понимáшь. Там кресьяне што зделали, видев да. Только я не знаю, какой там царь быв в это време — ни могу, не извесно было. Да. Они подрубили лесу, во! — лесу подрубили. И пошла ихна армия — лесом задавило. Они назывались “белые кресьяне”, их царь освободиў от налогов и ото всего освободив, што они, знацит, войска нарушили поляков. Раньше веть, видев, тожо с рогатинам и поляки воевали. Не то што наши. У поляков оружия-то не было никакова, видишь вот» [РПФ, д. Аверино; ССН 9:53об.-54].

[«Панское раззоренье»]. «Слыхать — слыхал, но правда ли нет и не знаю. Паны проходили. Было тут по нашей местности много хуторов. Есть признаки жизни-то; счас уже лес вырос — вырубил, а признаки жизни есте. Вот Кема-то тут река есте, вот в этой Вологодской области, тут книга есте специальная, цитывал. Панское раззоренье было. [А паны] тожо цё? — Грабили, говорят, так. Паны-то по реке тут делали плота-да, всё это у людей обирали и увозили. Это давно было дело» [БММ, д. Речка; ССН 14:58об.].

[«Клады»]. «Было ранше веть разговору-то, было, што клады спрятаны... Вот тут вот деревня вот Ушаково у нас ёсте, а возле деревни бугор там вроде какой-то. А какой там был богач, што там в золотом гробу захорóнен; этот бугор бульдозером весь розрыли, дорогу засыпáли, гравий брали — никакова гроба не видáли. А разговор быв. Специально, тут я думаю, ево розрыли... Клад этот: купец похоронен в золотом гробу. Многие тут интересовались, а потом тут гравий-то стали брать, дак специально этот бугор розрыли, никакова гроба не нашли. [Еще была] у деревни сосна. Здоровущая такая — двум целовекам только обхватить. Дак все тоже говорили, што под этой сбóсной клад... Никто не искал. Сбóсна и сцяс стоит» [БММ, д. Речка; ССН 14:57-57об.].

[«Клады»]. «Вот это было — клады. Вот клад быў, я дурака сделаў, што просто из виду упустил это. Емчук рыў ковда дорогу-то. В полях против вот сейчас зернотока на той стороне камень подрыл, и всё, понимаешь и все. Дядя Ося копаў. Я не знаю, с кем они клад этот копали. К ним — на паре лошадей! — выскочила эта, ну тележка ли там тарантас, понимáашь сё. Они испугались, убежали. Нáo было не бежать, говорить: “Чур, чур, чур, аминь!” Всё — значит, клад они выкопали. Эта бы тележка потерялася. Ак вот я забыў Емчуку сказать, вот он это место срыў, а ничево... Этово камня-то не могли натти в каком месте вот этот клад-то быў. Потом, гоорят, клад вот быў у нас в этой... Поламóниха ёсте. Там камень вот почти немножко моево дома поменьше. Вот под этим камнем быў закопан клад. Дак я не знаю, кто ево выкопаў или не выкопаў этот клад. Потом клад есте вот где. В Михалёве, где сад у поля. Там,

гоорят, лодка целая серебра складена. На весь Кириловской уезд хватит! А в каком мисте никто не знат...

На Паламóнихе ишо ёсте клад. Вот дорога была на Паламонику, вот там какой камень-то, бульжник-то! Вот дедко Чернякоў, он жиў сто пять годоў, вот я ево запомниў. Дак вот он говориў, што вот он дороги тожо сам точно не зна́ат. Ишь, дело-то давно было. Што кла́дена боцька золота. Во! Восемь сажен от дороги была закопана, да. Ну а кто закопаў, тех ведь людей тожо, их-то, батюшка, уничтожали, штобы они не рассказали никому. Вишь, людей этих нету. А кто если знаў, тех, вишь, уничтожили. Дак вот, клады где вот есте! На Поломонихе итти, так вот дорожónка есте и сейчас, можот быть внов зделана. Вот, а гоорят: бочка золота закопана — на весь Кириловской уезд хватит на несколько лет! Во! Это раньше было» [РПФ, д. Аверино; ССН 9:54об.-55].

[«Забытые клады»]. «Клады, будто как это находили в земле ли, где ли, против какова ле помёсья. Это, конечно, могло быть, это и в самом деле. Потому што забыто дак, а потом объявилось — дак: “О, тут клад!” ... А после богачей не было, и это не было, вобщем» [ААЯ, д. Гавриловская; ССН8:36об.].

Смольников С.Н.

ПРЕСТОЛЬНЫЕ И ЗАВЕТНЫЕ ПРАЗДНИКИ

Традиционная праздничная жизнь включала в себя несколько составляющих. Это семейные праздники, важнейшим из которых, конечно, была свадьба (см.), и праздники календарные (см. «Егорьев день», «Ильин день», «Пасха», «Святки», «Троица» и др.). Кроме того в рамках календаря важное место отводилось престольным и заветным праздникам и приуроченным к ним общественно-семейным церемониям перегащивания и пирования («пивám»). Престольные или храмовые праздники до сих пор почитаются старшим поколением и воспоминания о них обычно очень эмоционально насыщены и экспрессивны.

В Роксомском сельсовете крупнейшими годовыми праздниками считались Пасха (Христов день) и Троица. «В Шубаче — Духов день, в д. Устье (бывш. Волоцкой сельсовет) — Пасха» [ГАМ, д. Устье; СИС 26:4об.]. На Ильин день торжественное богослужение устраивалось в д. Ильинская. Три дня продолжалось празднование Фролова дня в д. Мыс («на Мысу Хролов день три дня празно(в)али, а в Ильин день делали службу на Ильинской»). Важными считались эти праздники и в д. Парфёново: «Празники у нас, в основном, дак были Фролов день, Ильин день, Троица. Троица — это со всех тут, даже с Чарó[вья] приходили, с Чарозера были, да... Это ишшо я в недозревшем возрасте был... Приходили они (лет по двадцать пять им), шо — вот Погорелка место была. Прямо идут, гуляли — и всё. Знакомилсь...» [ЗПЕ, д. Парфеново; МИА 23:13об.-14]. «На Муньг-

ском» отмечалась Ильинская Пятница и Покров. Во многих деревнях (Вьюшино, Янино, Ильинское, Софроново, Колосово) особо выделялся «Семянов день» (см.) или «Семян стóвбик» (14.09.), некогда считавшийся рубежом летнего и зимнего сезонов [НМП, д. Мыс; МИА 23:5]. «Вся Рóксома» отмечала Егория зимнего (9.12.), а д. Полохтино — «осённу Пятницу» (10.11.).

В Киснемском сельсовете главным праздником считалась Троица (см.). «В Киуе праздновали Покров, а в Киснеме — в Троицу службы. Отовсюду йиздили да: с Орлова, с Коўжи, вот с Кьянды — это отовсюду всё так люди-то, да два дня, дак это спаси Бог! И колько торгоўцов-то этих найдет, знаашь, кругом да около. Народу киш кишел! Раньше в деревнях, дак народу везде было много. А у нас в Киуе отдельнэ. У нас Тифинскаа Божья Матерь: [ходили] на кладбишо, хлеба носили, все тут, все угощалисе, родня приедут вся. С могилы идут в дереўно — Чертёж дереўня. Тут от празновали очень хорошо, два дня» [СНН, д. Село; СИС 26:77об.; ОУА, д. Опрячкино; СИС 26:73].

Троицу, наряду с Михайловым днем и Благовещеньем, отмечали также в окрестностях с. Липин Бор, в д. Шугино, в Парфеньевском и Логиновском сельсоветах [МЛА, с. Липин Бор; СИС 24:36]. В д. Панютино Киснемского сельсовета особо почитались Успение и Крещенье [КАД, д. Панютино; СИС 25:41], а в д. Задняя Слободка того же сельсовета «Спас яблочной — престол. А в Измайловке — Катерина будёт седьмова [декабря], да Новой год — Василий великий» [КУН, д. Задняя Слободка; СИС 25:8-9].

В деревнях Ивановского сельсовета важнейшим годовым праздником была «Пречистая» (Рождество Богородицы, 21.09.). «Вóто праздник Прецистой бываэт. Глишь — у нас полная деревня народу скоплялись... Дваццать первоо сентября и дваццать второо — два дня праздник Прецистой ранше быв...» [БАН, д. Ново; МИА 24:6-6об.]. В д. Малеево «престол Спасов день, а еше Пречистую, Троицу праздновали» [КФГ, д. Малеево; СИС 25:40об.].

В деревнях, расположенных в среднем течении реки Индоманка, в том числе на прилегающей к Вашкинскому району территории Вытегорского района (Низовской сельсовет) особенно торжественно отмечался Никола вешний (22.05.). В этот день обходили дома с иконой, чтобы предохранить дом от грозы. «А вот у меня мамушка раньше (ей монашенки приходили в Троеручицу-то) ей научили дом обходить. Избу свою обходит летом в Николу. В Николу она обходит, три раза обойдёт с иконой. “Не бойтесь, — говорит, — молнии, ничё не будет”. Скажет: “Детушки, когды погодушка [=непогода], старайтесь домой-то попасть. Во своей-то избушке у нас никогда ничё не будет”. Так ведь мамушка пока жива была, никоково желобка [=тесины] не тронуло ни от какой погоды» [ММФ, д. Кропачево; СИС 22:76об.]. Осенний и весенний Никола праздновался и в Островском сельсовете [ЧМС, д. Потетьево; ССН 8:17]. В Шалго-Кемском сельсовете и в д. Ваномзеро (Роксома) праздновали Михайлов день (21.10.).

В Островском сельсовете отмечалась Казанская (4.11.), хотя в каждой деревне были и свои престольные праздники: «В Никоно(в)э этой, — Кирики, в Захаро(в)э — Успенью, на Нефёдове — Николе были часовни. Ак вот эти три деревни к церкви ходили всё, к Казанской» [ЛИМ, д. Шугино; МИА 23:60об.]. Кроме того в Ухтоме и Индомане (Мосеевский сельсовет) отмечали в качестве престольных Иванов (7.07.) и Здвигев день (Воздвиженье — 27.09.).

Продолжительность праздников могла варьироваться в зависимости от местной традиции. Обычно празднование престольных, заветных и годовых праздников продолжалось от одного до трех дней, а пивные праздники могли продолжаться до недели. «А вот как Иванов день, дак два дня праз(д)ник, гулянка: один в Мосееве (Мосеева деревня), а потом, на другой день — в Никоно(в)о. Два дня гуляли» [ЗКИ, д. Захарово; МИА 25:22]. «На Мысу Хролов день три дня празно(в)али» [НМП, д. Мыс; МИА 23:5]. «У нас Тифинскаа престол, ак два дня празно(в)али — потом косить начинают. А Изосим и Савватий — пивной праздник, дак до недели ходили друг к другу по взаимному приглашению — от дяди к матери...» [КНИ, д. Глухарёво; МИА 23:95].

Празднование обязательно включало в себя гуляние (см.). «Молодежь по деревне гуляли, плясали, песни пели, с гармошкой! А как весело-то! Мы тоже ходили в Кононово-то, за десить километров — Девята пятница — в Андреевскую ходили. Пойдём, а надо, штобы успеть [вернуться] овин смолотить или на сенокос идти. А мы ходили босиком. Туфли были парусиновые, эти через плечо носили. Пальтишки если есть, загнём, штобы не запачкать там, платишки. Босиком идём девять километров в Кононово туда. Там приходим, вымоём ноги, оденём, приберёмся. Там как приходим: ребята по деревне и девчонки все ходят, кто во что одеты. По деревне артилям ходим. Со всей округи собирающца. Народу! Полная деревня! Песни поют, пляска. Тут и взрослые. Очень весело. Большинство частушки пели. Под гармошку и так пели идём, без гармошки поём. Вот я, примерно, запою — идём там трое или четвера, по двое да; по одиночке не ходили, а всё три, четыре человекка — ну вот, одна песню споёт, другая другую поёт, по очереди. А там уш: там с гармоньёй, там с балалайкой идут, и вот кто во што! Очень весело было. И вот весь вечер, до каково там надо идти домой, “ланчика” раньше плясали. Так по парам: парень и девка, парень и девка — в восьмером. Не выйдем из кругов. Напляшемся, придём, пойдём косить» [ПАМ, д. Ваномозеро; СИС 24:32об.-33].

Характерной чертой крупных годовых и престольных праздников было следовавшее после них перегащивание. В этой церемонии чаще всего принимали участие только родственники. «По домам пиво варили. Да-а. И каждой: вот ко мне гости придут — у меня пьём... Только свои-и! Только свои! Ну, гости, ак моот дочка там с мужем ли кто ли придёт, дак все вмисте: нальют и пьют пиво. Чё? — Гости, ак эдак...» [БАН, д. Ново; МИА 24:60б.]. «А гуляли — у нас вина наберут да, пива наварят да, белоо всего напекут да. Это от помню, отец у

м(е)ня носиў всё [=пиво] в цяшках больших, всё угошшал — артиль цеааа придет дак. Два ушата пива наварят, вина наберёт, это всё угошшаў» [СНН, д. Село; СИС 26:77об.]. «У нас (я в Шалге жила) дак быў Михайлов день, это глаўной праздник осённой. Летние праздники ак там, знаэшь, робоциэ тожо, роботы много тут. Дак так погуляют, но этоо не было, што ходили вот перегащивалисе после празникоў. А это уш Михайлов день (вот дваццать первоо ноября будёт) — этот праздник уш осенней, робота вся управлена у людей, вот и гуляют. Гостей справят — это три-то уш ноци гости ноцевают. Как уходят гости — и пошли по дереўне. Там: “У меня вот это-то осталосе, пойдёмте ко мне-то”. Вот и ходят...” [ОУА, д. Опрячкино; СИС 26:59-60]. «Гостёбищо. После праздника вся деревня ходит друг к дружку. Вот эдак по дваццать пять человек соберуща, гостили друг у дружки. Тут и пляска, тут и писни поют. [После праздника] потому што в праздник чужие гости приходят, так некогда, мы чужих-то угостим, а вот у меня [в Малеево], например, дак из Исаево всё ходили: там придут эти сёстры двоюродные да племянки. А после праздника мы и гостим-то со своим бабам. Не кажная гостилась, конешно, иные не гостяцца. Одни женщины, да и мушшыны гостят, мушшыны тоже. Мелкоту не гостят, веть, не берут мелкоту, только эти взрослые. И плясали, и писни пели всякие» [ММФ, д. Кропачево; СИС 22:73об.-74]. В д. Вашкозерки «пиво на Казанскую варили, кто мог. Пива варили два сорта: один получше, другой — похуже. Ребята придут холостяки, хозяин несет чашку пива. Один попил, другой попил. Последнему не хватило — еще несут. Вот и пойдут. Молодежь, ребята дома обходили. Не один дом обойдут» [РИА, д. Вашкозерки; ССН 8:18].

Пиво варили на все праздники, но «на Хролов день посильные [=покрепче], на Ильин день — послабже» [БАМ, д. Янино; МИА 23:5]. В деревнях Ивановского сельсовета пиво готовили к Пречистой. «Ржи намолотят, так носили в реку. Намочат, солоду нагото(в)ят. Вот намочат (да, это к Пречистому празднику) и розвалят там, где гўмна или куды ли там вывалят: кто сколько. Вот всю-то зиму этоо солод-то потом дёржат. А к Пречистом(у) празднику — элакые щчаны были — пи(в)о варили, своё пиво варили. Это к празднику... Вот и, ну, солд выростёт, да высушат, да смелют. Потом пиво и варили в бочках. Ну, а ак угостишь — к кому какие гости придут. Свои, родные, ак...» [БАН, д. Ново; МИА 24:6]. «У нас вот была зимоўка, у нас шшан [=чан] быў у дедушка у Семёна. Вот и у нас у байны [пиво] варили. Сусло носили ушагами. Вот и в зимоўке там и ходило [пиво]. Кладут хмель, дрожжы, вот там и ходит... Складшына была, складшына. Этот шшан-то большой, дак в шшану варили. А, гыт, не у кажново ранше был этот шшан-то, а у дедка у нас быў дак. Три човека, цётрьё складывалисе вместо. Вот и потом розливали. Варили в праздник на Прецистой, варили на Михайлов день. Вот. А уш в зиму на какие праздники там...» [ЛМА, д. Трифоново; ССН 8:74-74об.].

Существовала также специальная церемония «опробывания пива». «Как там наварят пива, дак мушшыны пойдут проб(о)вать пиво, ишо накануне этоо праздника, нао попробовать, у коо какоэ пиво наварено» [ОУА, д. Опрячино; СИС 26:59].

Для праздничного угощения специально забывали скот, пекли блины, готовили селянку. В д. Ваномзеро «вот у нас праздник был Михайлов день, Михайлов-чудо был у нас в деревне. Это Михайло-чудотворец девятнадцатого сентября. Вот за петнаццать километров это придут к нам двоюродная сестра и брат, ну дак придут, две ночи ночуют. Придут, соломату эту вот [сделают]. Убьют там овечку и всем, у коо нет, дак по килограмчику ли што ли продадут вот на этот Михайлов день. Пиво, пиво у баен варили, пиво хорошее! А кто и самогонку гнал. Ну там олады испекут, супу сварят, каши пшонной на молочке сварят. Селянку, блинов напекут. У коо корова есть, дак, ну, сметанки там скопят, с оладьям там да с блинам да. А радосно было, очень радосно!» [ПАМ, д. Ваномзеро; СИС 24:32об.-33]. Во время застоля (см.) гостей усиленно потчевали: «Выпейте, пожалуста, помяните праздник, проздравьте!» [МФФ, д. Тимофеева Гора; СИС 22:47об.]. Праздничные пирушки были настоящим средоточием народного веселья, включая в себя все разновидности традиционного фольклора: пение, пляску, игры и развлечения, острословие и балагурство. Скажем, выпив рюмку, говорили: «Как Христос по горлышку прокативсе!» [ММФ, д. Кропачево; СИС 22:73об.-74; БАЯ, д. Пиксимова; СИС 22:60]. «Мужики-то выпьют, дак: “Ой, как Иисус прокативсе!” — кто дак любил вино. И по голове проведут рюмку кверху ногам» [МФФ, д. Гора Тимофеева; СИС 22:47об.]. «Ишо скажут: “Ой, вино, вино, вино, не прокисло ли оно?” — нао пить! Как долго не садыцца за стол дак, мужики и заговорят: “Вот вино, не прокисло ли оно?” Нао пить» [ММФ, д. Кропачево; СИС 22:73об.-74].

В д. Естошево престольные праздники, также как и календарные и семейные, завершались отдельной женской пирушкой. «А бабы делали складчину. Вот спра(в)ят Покроў. На пятый день Покро(в)а чё есь у коо, всё несут тамо-тко каким в дома (какие такие бабы, эти, артильнэз) — все несут всё в одну избу. И тут допивают, тут пляшут, тут мужики беднэз баб таскают — домой таскают, как жо! Напьюцца, эть одна баба — эть баба-то непьюшшаа. Бабы-то эть раньше не пили, милаа! А тут как тожо в канпанье, так давай: “Деўка, давай пей! Да, деўка, пей!” А деўка пьёт-пьёт да и напьёцца! Мужик придет гледеть пляску у баб, а и баба валяэцца! Вот наа бабу ташшыть домой, бабу-то — робята маленькиэ там. Так вот пили-то...» [ААК, д. Естошево; СИС 26:20об.-21].

В других деревнях района такие совместные женские пированья устраивались в рамках перегащивания. «У нас (я в Шалге жила) дак быў Михайлов день, это глаўной праздник осённой... Я помню, как вот ишо и мама-то была, — это после праздника собирались женщины. Там оставаэцца у коо чёо, какая попойка, вот собираюцца вся дереўня и ходят по дереўне — у коо цё там осталосе допивают-

доедают. Только женшины, женшины. А мушшыны тожо. Это и мушшыны после праздника дак тожо собирающе. Мушшыны в одну избу, а женшины в другую, ходили нарочно — это даўно, даўно! И мы здись на Волоку жили, у нас тожо тут дереўня была дружнаа всё, дак это вот с сусидями гостилисe. Как там наварят пива, дак мушшыны пойдут проб(о)вать пиво, ишо накануне этоо праздника, нао попробовать, у коо какоэ пиво наварено. Как после праздника оставаэця у коо там чёо, опять тут уш собиравлисe все — мушшыны и женшины в одну избу собиравлисe вместе... Ишо [и теперь] постоянно заходят: “У тя нету хоть ницё, бабка? Цё-нибудь на дрожжах-то не осталось?” — “Да цё надо-то вам? Какоэ топерь, я веть ницё не варю никаких ни пивов ницё дак, да где дрожжи-то?” Ходят спрашивают...» [ОУА, д. Опрячкино; СИС 26:59-60].

Допивать оставшееся «на дрожжах» пиво ходили и по приглашению хозяина. «Ну, ведь пригласит уже хозяин, што: “Приходите, у меня пиво осталось, мужики, — выпьём!” Выпьют, да там к другому — у коо есть, дак пойдут. Да говорили — ну, пиво у коо ес(т)ь, дак пригласят, да выпьют мужики, да: “На дрожжах пивка не осталост у тея?” — “Осталось!” О праздника это, о праздниках. Это вот большие праздники: вот Спасов день у нас быв ранше, да Никола вот, да» [НАИ, д. Веселая; МИА 23:79].

В 20-е годы гуляние молодежи в первый день праздника обычно завершалось чаепитием. «Погуляют, потом барошни с кавалерам парочкам разойдўцца... Вот гости от Конё(во) хо(д)ят, с Исáэво хо(д)ят, с Чёрной Слободы оттуда вот, с Индомана, с Остро(в)а. Так это у коо эстли гостят, дак это и барошня кавалера (к) сибe уш и доведёт тут. Эстли барошня гостит, (д)ак кавалер с барошной идёт. Посидят, чай попьют, а потом ведь уxo(д)ят вечером» [ХЕП, д. Артово; МИА 24:12].

Большое значение придавалось «заветным» праздникам, устанавливавшимся «по обещанию» тому или иному святому в благодарность за предотвращение различных бедствий: болезни, засухи, пожара, падежа скота и т. д. «Завет дали, што будем праздновать Смоленской Божьей Матери, и потом скот став живой...» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:64об.]. В этот день служили молебен возле «заветной» иконы, нередко в специально установленной часовне, носили эту икону по деревне или по полям. В состав ритуалов этого дня могло входить омовение в святом источнике. «Вот эта была на Мунском. На Мунском была цясовня сделана — от церкви уш далеконько там, в поле была. Эта цясовня была сделана на стоўбах — ну, перила были кругом обнесёны, и крыша была; стовбы наставлены и кругом перила сделаны, перила есь все и крыша на стовбах. А вот, как топерь уш помню, што вот служили всё тут на воле, эть народ не помешшавсе на этот, на мостик, эть и по сторонам тут народу было много. Я ишо была неболышаа, чё-то тожо, видно — маленька — можот, я и поболела цем-то, и у мамы был завет складён, што свозить меня под иконы, штобы туды, под Пятницу подвести... Ак вот это накануне Пятницы Ильинской, это там отслужат — ну, там эти были

заветы кладёны, подводили под икону. Ну, ме(н)я только под икону подводили, а у некоторых заветы были кладёны [купаться]. В Пятницу в самуу службу отслужат тут в церкви. И там церква была у озера, и быў там сделан этот ендарь-то [=алтарь] этот тожо — такой плот. И среди этоо плотика была сделана дыра, штобы вот там обмывали, маленьких. Дак тут купали, туды опускали. А большиз дак купались сами...» [ОУА, д. Опрячкино; СИС 26:79об.]. «На Мунском были у нас престольные праздники — была Пятница Ильинская. Ярманка тут раньше была (я-то тут ишо запомнила), была ярманка, съезжались со всеми. Были красныэ ряды все-то оборудо(ва)ны и с товаром со всяким приедут: тут и с чёсноком, тут и с луком, тут и с кринками, и с чашками, и с ложками, и с поварёшками — какоо не было только товару! И вот в Пятницу в эту служили в церкви. Народ сбиравсе, съезжавсе, была у озера сделана ердань такая, мос(т), в середине дыра. Вот там [=например] у меня родивсе робёночэк, чё-то он приболел и я завитила этоо робёночка, што я к Пятнице Параско(в)еэ ево свожу. И вот свезу я этоо робёночка (ён хоть тоо у меня менеэ), я ёо выкупаю тут в этой ердане и платьйицо всё с ёй сниму, всё кину в эту в ердань. А ёо наряжу в другоэ, и потом несу в церкву. А вот большиз есть завичаны, там ногой болеют ли чё ли, так это платье накидают в озёро, так эть это платье — все едут, ну, если меня везут, завичена я, к Пятнице Парасковеэ, так я окупнусь, меня окупнут, большую, и с меня никакиэ вот тут не возьмут, всё скинут в озёро — ну, дак какоэ получче, так сторожа повыбирают, а остатки-то (вот мы стали ходить, уж я-то запомнила) сойдём какоэ оставлено, так мы это платьицо всё собираэм да моэм в церкву на тряпки» [ААК, д. Естошево; СИС 26:14-15].

«Заветные» иконы обычно считались «явленными», т. е. явившимися чудесным образом. «Ходили кругом церкви с иконами, в Пятницу-то Ильинску, в Пятницу ишо ходили кругом церкви. Говорят: “Ой, нао идти с выносом, с выносом пошли”. Так эть это народу-то как под икону-то! Иконы-то несут вот тут батог элакой и там батог, а икона-та в середине. Ну, дак вот и идём под иконы. Вот и идут все так элак под иконы, под иконы — конца нету, край нету! Все подходят под иконы. За Юриной-то [=деревня] быля цясовня, эту Пятницу-то Парасковзю, икону-то, нашли, гоорят, на пустыне, тае её с пустыни-то несли и йона пожелала сперва сюды на Волоцкоэ [=озеро и название местности] — приснило-се попу, што на Волоцкоэ, а Волоцкой поп не взяў, гоорит: “В рабочую пору всю траву спортят, народ весь задёржат!”. А у нас поп быў такой божественной, хорошой, йон эту взяў. И вот Пятница и празновали. Дак вот против-то ишо Пятницы [=накануне] эти старушки все и йени несли эту икону с пустыни вот большой дорогой — тожо дорога с Конёва была на Мунскоо — и отдыхали, вышли в Юринскоэ поле и отдыхали на камешке. Дак вот вы знали бы — вот на камешке сделалси следок маленькой: и пятка, и перстики — всё это есь. И у этоо камешка вырос куст райдовой [=ивовый] дикой. И на этом месте поставили цясовню. Часовню поставили уш тут хорошую, дере(в)анную так. Вот в этой часовне против

Пятницы все-все старухи с корзинами, все-все и ходили туды за Юрино. Што как видно встричали икону ли чё ли — уж это не знай... А с корзинами — хлеб-то наа нести-ти, родни-то не у кажноо была, без родни ходили-то. Так вот в корзинах-то хлеб-то себе и несут. И вот только этот сторож только стоит — вода насвечена в этом, в ведре у часо(в)энки — и только в этот следочек подливаэт. А в этом следочке старухи берут тряпочкам и выжимают в скляночки. Это робятишек маленьких умывають, там вот скотинку свитяют, в хоромы переходят, так это вот свитяют, этой вот водой.

Камень дак и топерь этот есте. А куст тожо всё. Как нарушили часознку-то у нас всю, да попа-то нарушили, да всё тут унесли, икону-то у нас взяла старушка в Лукьяново — эту Пятницу Парасковэю. Так вот старушка эту иконку-то у нас унесла, дак ходили это старухи-то, (в)сё равно ходили ишо после: служить-то не стали, а за Юрино-то сё равно ходили. Ну дак вот это на кустик тут навешано было как этих полотенец всяких, платков всяких! Это на этот куст, так весь куст! На портянки всё унесут пахоря, трактористы. А под этот, под корень опускали деньги. Дак тожо — правда ли нет ли, я нагрешу сама на себя — гоорят, вот тут у одной женщины денег-то не было. И сказали: “Маша, сходи, это, Маруська, за деньгами-то, дура, потом отдаси”. От она сходила да денежек под камешком и взяла. Ну, деньги эти старушка обирала эта, лукьяновска-то старушка оберёт и везёт в церкву. Вот йегнят [=ягнят] первую стриж[ку] (раньше первую стриж егнёночки) эту несли в церкву. А церкви не стало, несут под камешок, под этот, под кустик. Ну дак вот, гоорят, ходила эта женщина-то да денежек-то и взяла. Так, гоорят, кажную ночь у окошка рыкало: “Баба, принеси деньги”. Так вот насколько это правда, я тожо вот вам рассказую, а это не в нашей деревне было, ну, в нашей волосте-то, а в деревне не в нашей, так я это не буду врать» [ААК, д. Естошево; СИС 26:16об.-19].

Для поздних версий легенд о появлении «заветных» икон характерны более «земные» мотивы. «В нашей деревне Казанскую празновали: иконы носили с Вашок (семь километров). У нас часовня была. Сгорела от молнии. А потом иконку нашли недалеко в поле — подкинул кто-то. Вот и сказали, што Казанская Божья Матерь просит часовню сделать. Икона большая — вчетвером ее носили!» [РИА, д. Вашкозеро; ССН 8:18].

Молящиеся приносили к иконе посильные пожертвования: полотенца, платки, деньги, а также давали обеты в благодарность за защиту от личных несчастий. «А заветные — это вот Знаменьё. Вот у нас, примером, — вот берёзы-то вот тут есь, вот у домика-та. Тут была часовня Знаменьё — очень хорошаа была часовня! Очень молебны служили — даже заветные! У нас была служба тут, в часовне в этой. Это вот как праздник когда Знаменьё, дак повная деревня лошадей. Приедут издалёка, лошади постаноят и сами — служба! — идут. Заветы тут отмечали. Вот так вот. А заветы — ну, у коо чё. У коо болеет там человек. Вот и я — заветилась, што если Володя у меня выздоровеет,

поедем с дедом (ишшо́ тогда не дед ишшо́ был) поедем в Белозерск и отслужим там молебен. Да. Вот так ёму́ и помогло» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:51об.-52]. «Парасковия — это икона была, дак скок(о) туда ходило народу! От нас ходили старушки, а мы ещё вот эдакие — подростки. Я с мамой ходила. Народу, дак тьма — не видно, [как] эту икону несут: Божью Матерь Пятница Парасковья. Как жар вся горит — вся-то в золоте! Ей подарки-то кидают: хто деньги, хто платки, хто полотенца — всё на её кидают. Заветная! Заветы давали. Заболеет маленький ли чево ли, дак вот мать даёт завет, Богу мо́лища: “Пятница Параскеева, токо поправився, дак я уш сходила бы, молебен отслужила!” Заветный был праздник, завечали все» [ААИ, с. Липин Бор; ССН 12:6-7]. В д. Гавриловская «бы́ падёж лошадей, скота. Вот и завéтили, што этот праздник сделать, штобы падёж прекрати́ся. И вот эту они, Смоленскую эту, и завéтили, што цясовню поставили на берегу озёра. И этот день приежаэт поп. Делают ему мостик тут на озере. Служит там: ну хрест окупнет, потом этих коней загона́ли, купали в этом озере. Плавают кони. Это уш я ежжал там купать лошадь тожо» [ААЯ, д. Гавриловская; ССН 15:2].

Морозов И.А.

ПТИЧУШКУ ИМАТЬ

Среди игр, культивировавшихся в школах в начале века, можно выделить одну, основанную на символике, характерной для традиционного городского романа: «птичка в золоченой клетке». Несмотря на свое явно не фольклорное происхождение, игра успешно выдержала испытание на выживание, адаптировалась в детской среде и в течение первых десятилетий нашего века могла использоваться детьми без вмешательства и помощи взрослых, что крайне удивительно для эпохи быстрого исчезновения из детского репертуара большинства традиционных игр, сопровождающихся текстами.

«Да вот “птичушка”: то́жо одново в серёдку ста(в)или, да “птичку има́ли” тожо. “Птичушку-то имали”: вот вы стои́те в середине нас. Кружок — круго́м ста́ло де́вочек хоть мальчиков. Вот и мы и запоём, што:

— Ак попала, птичка, стой,
Не уйдёшь из се́ти.
Ни росста́немся с тобой
Ни за што на свете!

А Вы отпева́ете:

— Нет, зачем, зачем я вам,
Миленькие дети?
Отпустите полетать,
Розвяжите сети!

— “птичка” гоо(р)ит. А мы отпеваем:

— Нет, не пустим, птицька, нет,
Оставайся с нами!
Мы дадим тебе канфет,
Чаю с сухарями!

Она (о)твичает:

— Нет, канфет-к(ь) я ни клюю,
Ни люблю я чаю:
В поле мо́шок я ловлю,
Зёрнышки собираю.
— Там застынешь ты зимой
Где-нибудь на ветке,
А у нас ты будёшь жить
В золощёной клетке!

А она отвицает как:

— Зелёная вётоцька
Мне сер(д)це веселит,
Золота́а клéтоцька
Помереть велит.
Подружки на вéточке
Тужат обо мне,
Стóнут милы дéточки —
До пьёнья ли минé?

Вот и мы отвецаём:

— Отперто окóшечко
В ро́шшыцу весной:
Будь сцислив, наш крошечка,
Полетай скорей!

Выпустим ёо из круга — этоо, “птицюшку”: “Будь сцислив, наш крошечка!..” — и полетит он. Эк рúчкам замáшет и полетит, полетит. Это на улочке играли и пели — это пéли, эту “птицюшку имáли”... Мы дóма, дома мы играли! У нас и в деревне детей [много] было вот в моём возрасте!..» [КАВ, д. Мытник; МИА 25:14об.-15об.].

Можно предположить, что это стихотворение разучивалось, а затем инсценировалось в школах ко дню весеннего «отпуска птиц» (чаще всего — на Благовещение или Алексея Божьего человека), обычаю, очень распространенному в городах и получившему отражение в русской поэзии, литературе, живописи прошлого века («Птичка Божия не знает ни заботы, ни труда», «Вчера я растворил темницу воздушной пленницы моей», «Лето господне» И. С. Шмелева и т. п.).

Морозов И.А.

РЫБАКИ

Сценка ряженных, обыгрывающая эротическую символику рыбной ловли. Эта тематика очень органична для традиционной культуры Вашкинского района, где издавна был развит рыбный промысел. Более старые варианты ряжения «рыбаками» представляют из себя пародию на «ловушку» — излюбленное посиделочное развлечение парней (см. «Игры и развлечения на беседах»). Такие сценки разыгрывались только в тех местах, где обходы ряженных совпадали по времени с прядением (например, во время «свóзов» на святки). «Наздóбьяца, с удочкам придут с корзинам. Закинут, да(к) цё? Оторвут тут [нитку] на бисéде. С úдом пришли, дак знай ково ловят! На биседе какая рыба у них?..» [КМГ, д. Панино; ССН 9:79]. «С неводом, с мерéжами парни по избе ходили, барышень ловили, заставляли целоваться» [ПАИ, д. Мосеево; ССН 8:4об.].

Для 20-30-х годов более характерны сценки, в которых заигрывание («ужéние» девушек) вытесняется различными пародийно-комическими инсценировками, где главная роль отводится «рыбаку»-недотёпе, напоминающему героя народных анекдотов про пошехонцев. Такие сценки, как правило, разыгрывались уже в клубе. «В корыте сидит, как в лодке — дере(в)янное корыто, удочку закидывает. Вывернецца из этой, из корыта, как будто тонуть начинаэт — заорёт! А тут помошник ес(т)ь — вытаскивает ёб» [ЛИМ, д. Шунгино; МИА 23:55]. «Я на корыте-то приежжала. Ну, лицо эк нама́жешь: како́о покрасишь, какоо набилишь, какоо углём. Корыто стирáльно принесли да ищё удочку. Эту удочку закинёшь, чё-то: “Рыба́-ак, рыба-ак! Клой, рыбка крупнаа и мелкаа! Клой, клой, рыбка, большаа и мелкаа!” — я чё-то вот говорила да и выпала тут из лодки-то, да начала роздевацца: “Ой, вся о(б)мо́кла!” — на минé, наэрно, семьдесят одёжок было! Уж я роздевалася, роздевалася да, роздевалася да. Розделасе до одно́о платья. Г(в)а(р)ят: “Вот зараза-та! Погли, наздёвала-то сколько!” А и кончилось — шо тут? Раз уш розделася, што из “лодки” вышла, ак (э)то всё собрала, в корыто склала и поташшыла “лодку” обратно» [ЖВН, д. Ваномзеро; МИА 23:32].

Другой тип ряжения «рыбаками» близок ко многочисленным сценкам с вымарыванием девушек сажей (см. «Блины пекчи», «Медведь», «Мельница»). «Поглядишь там, “покойник” бéгат, а прибежит эт, какой тебе — два “рыбака” рыбу удить. С удалéишшем! На удалéишше привязано на кончик тряпка, да принесут ишо там навéдено. Какой ли сажи наведут — всех нас устряпают! Дак все визгом ревём, хоть пла́чи! Вот как стряпали» [ВЛФ, д. Ивановская; СИС 23:41об.].

СВАДЬБА

Традиционная свадьба — сложный ритуальный комплекс, включающий многие религиозно-магические церемонии, обряды и народно-правовые установления, которые должны обеспечить новобрачным и окружающим их людям благополучное существование в будущем и закрепить факт брака в сознании общинного коллектива. В силу своей многофункциональности свадьба — строго регламентированное действие, проводящееся по определенным правилам, с четким соблюдением порядка свадебных этапов.

В конце XIX — начале XX века на Русском Севере существовало два типа заключения браков: традиционный, по «сватовству», с соблюдением всех свадебных правил, и свадьба «убёгом», «уводом», «самоходкой», когда молодые вступают в брак без согласия родителей, часто вообще без их ведома. При «самоходке» свадьбы как праздника, торжества обыкновенно не было и после того, как парень уводил девушку в свой дом, всё заканчивалось через неделю или через две (а то и раньше) примирением с родителями невесты. «Как убёгом? Погуляешь, уйдёшь ночью. Приведёт парень домой. А чё тогда? Вот почувешь ночь, пойдешь к родителям ко своим мирицца. Сами шли — жених и невеста. Не хочет девушка, дак не украдёт» [КАА, д. Трифоново; МИА 24:Ф1994-11Волог. Оп. № 76]. «Как увёдут дочку там у йих, ак потом ходят “на мировую”: родители с родителями знакомяще... Да чё делают? Ранше — угостят, выпьют сколько ли, попляшут, дак» [БАН, д. Ново; МИА 24:5]. Как правило, такое заключение брака провозирировалось тем, что родители жениха или невесты, желая как можно более удачно, с экономической точки зрения, выдать молодых, забывали об их личных симпатиях и желаниях. И это вполне объяснимо, поскольку брак часто рассматривался крестьянами не только и не столько как оформление связи брачующихся, создание семьи, но как возможность увеличить экономическую мощь своего хозяйства за счет удачного брака сына. «Она рассказала про себя-то, как она за Ивана выходила. Просватали её в Белозерск, она и дары подарила. В Белозерск-то её настоящие просватали. Беседа была, плясали. А потом жених уехаў. В этот вечер и увёл ее свой деревенской парень самоходкой. Сразу Богу-то и помолились. А жених потом злюшкой уехаў» [САМ, с. Липин Бор; ССН 11:13].

Еще в 20-е годы отмечались случаи действительного похищения девушки, без предварительного уговора с ней. Впрочем, в случае отказа девушки к браку ее не принуждали, и она могла вернуться к родителям. «Тут вон одна, йиэ сначала самоходкой увели, силой уташшыли, волоком. Ей, видишь, (и)шо шеснаццать годов было или петнаццать (и)шо, ак у Танюшки золовушка была, она видела, ак туоу девушку садят в сани, и они рвали волоссьё, мужички. Шапки кинули в сторону, и они без шапок, ну, на холоде иё тащат кило-

метроў за семь — и силой, гыт, самоходкой. А она жониха не любила никак. Ну, там над ей ничо жоних не сделаў. Она не поддалась ёму никак! “Я, — гвыт, — спать, — гвыт, — рядом никак не легла, — гвыт”. А потом приехали-т домой и она — мамой и папой звала как (“Так теэ не родные, — гвыт, — отец и мать твои-то!”) — она рёвущком заревела и: “Тятя, — Иваном звали, — тятя да мама, — гыт, — меня, — гыт, — лучше убейте, я, — гыт, — не пойду, ни живая, ни мёртвая не пойду!” От тут дак. “А мы-то тут, — гыт, — приготовилисе всё. У нас тут-от и напекли пирогов, вина набрали, набрали всё — (в)от приготовилисе тут принять, как “на миро(в)ую едут”. Ну, а она раз не идёт, дак чё мы? Потом так-то жоних обратно и уехав...” [ХЕП, д. Артово; МИА 24:31-31об.].

Отголоски таких обычаев наблюдались в Вашинском районе еще во второй половине нашего столетия, хотя в это время подавляющее большинство браков заключалось уже с согласия жениха и невесты, по любви. «Её хотели замуж за незнакомого, а она дружила с другим из Малеево. Он катал валенки. Ему позвонили, что ее просватали, он и приехал за ней, она самоходкой ушла. А уже богомолье было, дары подарили, так всё и пропало» [ММФ, д. Кропачёво; СИС 22:4].

Несмотря на распространенность обычая вступления в брак «убегом», к поступившим так девушкам обычно относились с насмешкой: «Над самоходкой смеялись: “Ушла не сватанная!” — позор. Высватают — девушка хорошая, чесная, а если самоходка — не чесная. Бабы разругающа: “Сиди! Ты самоходкой ушла! Знаем невесту!”» [НАЕ, д. Полохтино; СИС 26:11об.].

Что касается свадьбы «по сватовству», то она «игралась» по определенным правилам и традиционно включала следующие этапы: добрачный, брачный и послебрачный. Первый, самый продолжительный, в Вологодской области делился на стговор («сватов посылать», «запросто девку смотреть», «место смотреть», «богомолье», «фрукобитье», «запоруки»), подготовку к браку («дары готовить», «пиво варить» и проч.) и преддверие брака («баня» и «девишник» — прощание невесты с красотой и волей). Второй, брачный этап включал в себя две основных церемонии: венчание и собственно свадьбу — свадебный пир (первый и второй день торжества). Наконей третий, послебрачный этап состоял из обрядов, посвященных совершившемуся браку¹. Это могли быть «хлебины», «отгостки», «гостьба», «блины», «отводины», «молодишник» и т. д.

Ясно, что приведенный порядок является лишь упрощенной схемой, очерчивающей общий контур свадебной игры. В разных районах и даже отдельных деревнях эта схема варьируется, поскольку каждая отдельная местность имеет

¹ См. Гура А. Опыт выявления структуры севернорусского свадебного обряда (по материалам Вологодской губернии) // Русский народный свадебный обряд. Исследования материалы. Л., 1978. С. 72-88.

свой, сохраняемый до сих пор обычай проведения брачной церемонии. Не исключение и Вашкинский район. Здесь общий порядок проведения свадьбы выглядел так. Сватовство (см.) из перечисленных обрядов включало лишь сватанье («сватом ходить») и богомолье, т. е. согласие на брак и скрепление его молитвой. Зато в расширенном виде был представлен предсвадебный этап, куда входил помимо приготовления даров (см. «Дары готовить») и хозяйственных приготовлений обряд «зорьку снимать», т. е. утренние причитания невесты в течение предсвадебной недели. «Эту зориньку дак снимали ак каждой день с недилу ли больше» [ГЕИ, д. Тарасово; МИА 25:100].

Также был значительно расширен цикл обрядов, совершаемых в предвещии брака. Следует выделить три наиболее значимых части. Это соломатные обходы (см. «По соломатам ходить»), девишник и элемент с названием «красоту сдавать», «красоту красить» (см.). Вероятно, все эти три части следует рассматривать как одну церемонию прощания невесты с ее «родом» перед свадьбой. Интересно также и то, что центрами этого трехчастного единства являются первый и последний элементы. Именно здесь невеста прощалась, причитала, получала подарки, передавала красоту и проч.

Девишник же наиболее ярко был представлен в с. Липин Бор, хотя описание его отличаются неполнотой и отрывочностью. Единственным фиксированным моментом здесь можно считать время проведения девишника — канун свадебного дня, остальное весьма противоречиво. По одним сведениям, на девишнике причитали. «Ну, дак эти писни-то поют, раньше причитали-то — причёты» [САМ, с. Липин Бор; ССН 10:17об.]. По другим, — никаких причётов здесь не было. «На девишнике не причитали ничево» [ККС, с. Липин Бор; ССН 10:7]. То же можно сказать о составе присутствующих: в одних случаях на девишник собирались одни девушки. «Ходили только одни подружки. Это и называлось дивишник, што девушки все приходили, ее подружки на этот праздник» [ИАВ, д. Ильино; ССН 13:1]. «Дивишник так уш сразу тожо до свадьбы. Подружки приходят. Прошшаюцце, как жо» [САМ, с. Липин Бор; ССН 10:18]. В других — на него приглашали всю молодёжь деревни, откуда была родом невеста. «Девишник — это перед свадьбой. Это уж собиралось много молодёжи и парни все — как жо, без парней какой девишник!» [КЕА, д. Липник; ССН 9:4]. «На девишник собирались все девки да робята. Плясали да писни пили» [ККС, с. Липин Бор; ССН 10:6]. Та же неясность существует и относительно приезда жениха в этот вечер к невесте: по одним утверждениям он приезжал, по другим — нет.

На девишнике плясали, пели песни, припевали девушек и парней, а те, в свою очередь, одаривали деньгами невесту. «Плясали “ланчика” у невесты в доме. А невесту водили парни (разрешения спросит у жениха, разрешит дак и водили) плясать и жених водиу» [КЕА, д. Липник; ССН 9:4]. «Писни пили робятам. А невесте деньги дарили:

Ты кудряфчик, мой кудряфчик,
Кудреватая голоушка,
Это кто тебе за(в)ивал кудри?
За(в)ивала мила девица

Под решечатым оконочком
Золотым веретешечком.
Приговаривала, приговаривала:
— Женицца, взять хорошую невесту,
Благостивую и красивую.

Тут эти — робята и дефки. Это робятам поют на девишнике, кто подарит — тому и споют. А деньги — невесте» [ККС, с. Липин Бор; ССН 10:6].

Баня невесты в Вашкинском районе была приурочена к утру свадебного дня, когда невеста прощалась с красотой. «Котороо дня свадьба, в этот день она в байну утром ходит. Невеста в байне моёще одна, а тут потом вот девушки прихо(д)ят и перед байнёй поют песню. После байны выходит, да идет домой. Ну, потом уш там к свадьбе будут готовище» [ХЕП, д. Артово; МИА 24:26об.-27]. «Невесту водили в баню ишо до свадьбы. В какой день свадьба, приежжают за невестой, и в баню ё водили мочить. Там чё делали, тожо не знаю. А ведут по дороге в баню — закрыта скатертью и невеста причитает. Под скатертью ведут с причётам в байну и из байны с причётам. А потом жених приезжает, увозит уш. В баню-то ведут закрытую, а обратно-то приводят в этом уш в свой дом. Красоту-то снимают, когда в баню-то водят. Жоних-то приезжает, тут ишо у невесты стол соберут. Ну и потом ё, приезжает и уводят к жениху, там и свадьба» [ЛАД, д. Москвино; ССН 9:88об.-89].

В старину мытье в бане сопровождалось многочисленными причетами и песнями, о которых рассказчики чаще всего уже знают только понаслышке. «В баню водили. Ведут под руки, невеста рё(в)ом ревит, плачёт, до бани пока идёт» [КАА, д. Слизово; МИА 25:73]. «Водили в байну, водили невесту. Да вот девушки водили. С причётами там...» [КУН, д. Задняя Слободка; СИС 25:11]. Фрагмент «банного» причета с обращением к брату записан в Мунском сельсовете. «Походят ишо в байну и просят брата:

Подойди-ко, братец миленькой,
Ко своей да сестре любименькой,
Расплети да русу косоньку

У меня у красной девицы.
Завернуцца волосьи-то
На железные на шпилечки...

И тут почнут причитать, слёзы и пойдут. Брат-то подходит, косу-то расплетает, плачёт-то. Косу расплетут да завьют... Ой, да уш какоэ тут мытьё, оди-нецца-то, наэрно, и всё. Тут в байне оденуцца у всем — привезут им. Из байны привезут, так за стол не сядат, уш все наготовлены уш к винченью ехать» [ААК, д. Естошево; СИС 26:45].

В старинной версии обряда после мытья в бане и прощания с красотой невесту начинали собирать к венцу. «Свои подружки дак невесту к венцу одевали. Причёску делали. Сама невеста не делаэт причёску» [САМ, с. Липин Бор; ССН 11:3].

Перед приездом дружки, после того, как невесту оденут, собирали на стол и, посадив её, пели специальную «выводную» песню. «Вот невесту за

стол садят, родня невестина садица около стола — обед сделают — и вот поют невесте:

♩ = 96 Нотация Е.Г. Богвиной

Уже не тош - но ли те - бе, да свет Е -

ле - ну - шка, да не о - бид - но ли те - бе, да свет Пет -

ров - на. Уже чу - жа - та род - ня да круг об - се - ла,

а сво - я - то бед - на - горь - ка от - ступ - ил - ла - се.

Уж не тошно ли тебе, да свет Еленушка,
 Да не обидно ли тебе, да свет Петровна?
 Уж чужая-та родня да круг обсе-ла,
 А своя-то бедна-горька отступилася.
 Ищѣ дружка с передружкой, с чужой свахою,
 Ищѣ князь молодой да со боярами,
 Ищѣ тысячкой да с поезжанами.

Ну, это невесту от отца да от матери из дому выводят» [ГЕИ, д. Тарасьево; МИА 25:Ф1994-16Волог. Оп. № 90]. После этого невеста получала благославление родителей и над ней совершались различные магические действия, призванные предохранить ее от «порчи». «Мама меня благославила на сараз — вот уш жених приехал за мной, дружка за мной да, нао ехать. Я легла, она меня перешагнула два раза, ну, через спину. Бог знает зачем? Чѣ-то она слова какиз-то говорила...» [КУН, д. Задняя Слободка; СИС 25:12].

Дружка (реже — жених: обычно они ехали раздельно) приезжал за невестой на украшенном экипаже. В доме новобрачной ему повязывали полотенце через плечо; иногда вместо полотенца на плечо нашивались лоскутки материи — «кустики», которые тоже служили отличительным знаком дружки. «Дружка, дружка. У мушшины дак на плече элакаа тут що всяких из разных лоскутков, лоскутков. Не помню, на котором плече на правом ли, на левом ли. Это дак видала, а только не знаю. [Нашиты лоскутки] на пинжак ли куда, вот и ходят с этими лоскутами» [КМГ, д. Хошково; ССН 9:73]. «Дружка приезжал, навязано хорошо уж там полотенце вышитое, там какое-нить. Ну, и лошадь убашона. Раньше ак тряпкам

убашáли. Вот и шьют, кто чё — так какие отрезки остануцца. Попривязавано по сброе, да...» [ЗАП, д. Ушаково; МИА 24:Ф1994-11Волог. Оп. № 55]. «Полотенце завязано у дружки обычно, наверно, через правое плечо. Вышивал кто полотенце? А уш невеста, наверно...» [САМ, с. Липин Бор; ССН 11:4].

Путь к невесте дружке был обставлен различными препятствиями. Сначала его попросту не пускали в избу, держали на крыльце, заставляя отгадать ряд традиционных загадок: «Ну, дружка приехаў за невестой. Не пускали в избу, дверь дёржали. Вот спросят: “На чём стоишь?” Он отвечает: “На мосту”. — “На чем мос(т)?” — “На столбах” — “На чем столбы?” — “На земле” — “Земля на чём?” — “На воде”. Вот и пустят в избу» [ГЕИ, д. Тарасьево; МИА 25:Ф1994-16Волог. Оп. № 92]. Но и после этого дружка не получал невесты — ее надо было выкупить. «Невесту рядяца продают. Когда дружка приедет, дак еще скоро к невесте не пускают, што невесту выкупай» [САМ, с. Липин Бор; ССН 11:4]. То же делал и жених, если сам приезжал за невестой. «Ковда приедут за невестой к венцу везти, товда жених выкупал невесту, требовали деньги вот» [КЕА, д. Липник; ССН 9:4]. Отгадав загадки и заплатив выкуп, дружка должен был одарить и девушек, которые начинали его хвалить. «За невестой дружка приезжал. Дак много чево просили у дружки хвалили да и хаяли. Всяко говорили:

♩ = 80

Нотация Е.Г. Богоиной

Друженька хорошенькой,
Да друженька пригоженькой.
Будем друженьку хвалить,
Станет друженька дарить.
Друженька хорошенькой,

Друженька пригоженькой.
Што на друженьке сибирка —
Девяносто одна дырка.
Што на друженьке тулуп —
Девяносто один руп.

Хвалили, да и хаяли» [САМ, с. Липин Бор; ССН 11:3-4; ККС, с. Липин Бор; ССН 10:5]. «Он деньги дарит им. Мало, дак какие-то ешо худые и песни спонот: “Што на друженьке тужурка / Девяносто одна дырка”. Всё больше хвалили, чтобы деньги дарил» [ААИ, с. Липин Бор; ССН 11:17].

В Анцифировском сельсовете после выкупа невесты молодые некоторое время сидели вместе за столом, и девушки пели специальную припевку жениху. «Это жо к венцу только поэжжают, только за столом сидят ишо:

Хто у нас хороший,
Хто у нас пригожий,
Хорош зародиўсе,
Баско снарядиўсе,
В аглицкой рубашке,

Цясы во кормашке,
Пойидет на биседу,
На большую биседу,
Ему станут девицы писни пити,
Да будут невесту припевати.
[ЕНА, д. Новая Деревня; СИС 24:18].

Выходя из-за стола, чтобы ехать к венцу, невеста обычно тащила за собой скатерть, чтобы ускорить замужество подруг. В Мунгском сельсовете существовал шуточный вариант этого обычая: невеста, выходя из-за стола, «скатерть-то ишо поколотит, штобы ейные подруги не вышли» [ААК, д. Естошево; СИС 26:47об.].

Перед отъездом к венцу дружка должен был предпринять ряд предохранительных мер, чтобы свадьбу не испортили. К таким действиям относилась ритуальная стрельба. «Стреляли, стреляли ешо раньше» [ГМЕ, д. Пужомзеро; ССН 14:63]. «Ён — тот первый раз выстрелит промѣжным конем. Кони на мисте стоят. Им шолоху нету, да. А второй раз стрельнѣт-от кверху. И кони заплясали, поехали, вот. Это к венцу, к венцу поехали, Это вот стрелил, штобы порча не подходила» Такая процедура была обязательна, поскольку «раньше много портили молодых, Богу веровали, дак тоже всяких людей-то было» [ААК, д. Ухтино; МИА 25:Ф1994-12Волог. Оп. № 30]. Порча могла быть самой разнообразной в зависимости от умения и желания колдуна. Например, он мог останавливать свадебный поезд, возвращающийся от венчания, при помощи таракана, посаженного в спичечный коробок (см. «Былички»). Незаметное человеческому глазу насекомое казалось лошадям медведем. Устранить преграду колдун соглашался, только получив от молодых выкуп [БАД, д. Ивлево; ССН14:34-35]. «Испортят тебя с молодой молодичей. А ты чѣ — пообнимаашь ё да и ничѣ и не сделаашь. Вот так и делали. А потом чево-то делали старушки опять, потом всё наладят, опять всё хорошо. Старухи. Старухи да и старики есте, портили, говорят, ранше» [ГМЕ, д. Пужомзеро; ССН 8:27об.].

С отъездом к венцу завершается добрачный период с его обрядами, однако следует отметить еще один повсеместно распространенный обычай: преграждение дороги свадебному поезду. Происходило это обычно на обратном пути от церкви, после венчания, когда поезд новобрачных следовал к жениху ко свадебному столу. Новобрачный или кто-нибудь с его стороны должны были выкупить право двигаться дальше. «Верѣвку протянут и, значит, задерживали молодых, штоб молодые чем-то оддали» [КЕА, д. Липник; ССН 9:5]. «Едут от винцяня, дак загораживали, не пропускали. Значит, пара коней, дак не пропускали. Уш там йим просят, штобы што-нить дали» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:68]. «Как не перегораживали! Вѣто ишо только вѣто ныне отстѣли [=перестали соблюдать]. Как поедут, дак остан(в)ят, дак хто конфетов даѣт, хто чѣ там дают...» [БАН, д. Ново; МИА 24:5об.]. «Дорогу закладывали, когда жених ехал от венца, выкупали» [ЯОП, д. Сальниково; СИС 21:45]. «Загородят дорогу, штѣ нельзя проехать — на людей не поедешь. Вот жених рашитывался. Кто вина даст, кто конфетки даст, штобы освободили дорогу, пропустили молодых» [ИАВ, д. Ильино; ССН 13:1].

Задерживать поезд с молодежѣнами могли далеко не единожды. Иногда останавливались в каждой деревне, через которую проходил путь, и каждый

раз выкупали дорогу. «Ак везут, дак это кто знайт, как далёко везти да, д-ревням. Дак согрешишь! Всё заставы делают, не пропускают молодых. Тебя раззорят: давай вот вина ли, чё ли там надо дать» [ГМЕ, д. Пужомзеро; ССН 14:62об.]. Помимо выкупа продуктами или вином, иногда заставляли молодых целоваться. «...Да ешо заставят: “Поцелуйтесь да!” Вот заставу делали — расплатитесь» [ГМЕ, д. Пужомзеро; ССН 14:62об.].

Задерживали свадебный поезд не только посторонние, но и сами поезжане. Иногда дружка в шутку останавливал его под каким-нибудь предлогом и требовал выкуп, причем паузы в движении могли происходить как на пути к церкви, так и на обратном пути. «А дружки нас везли, подружек везли, значит, впереди. Молодую везли сзади, а жених дома еще вот. И выехали на озеро — лошадь стала, встала, не идет лошадь. Никак. Весь поезд, гостей-то много там сзади щё ехало, весь поезд встал, и вот начиналось это: поить всех. И бутылки тут это: “У лошадей ноги пристыли!” Надо, штобы отогрелись ноги. Выпили тут, поехали дальше. Это в церковь (ехали)...» [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:80об.].

По приезду к «большому столу» молодых встречали родители с хлебом-солью (см. «Каравай»), обсыпали их зерном, кидали деньги, чтобы богаче жили. Затем следовало угощение. В Пиксимовском сельсовете за свадебным столом сначала ели мясной суп, потом мясное жаркое, кашу-«селянку» из гречки, риса или пшена на молоке, яшницу с молоком (омлет), блины, олашки с суслом, солomату и кисель. Солomату и «тоболки» — пирожки с солomатой — ели с густым клюквенным киселем, причем часто это было последнее блюдо. Кроме того подавали различные холодные закуски: капусту, винегрет, огурцы, пироги [РЗМ, д. Прокино; СИС 25:38об.]. В Муньгском сельсовете к свадьбе пекли пироги-«рыбники» («во ржаном тесте, можно и в белом — в ржаном было цё-то больше»). Пирог сначала разрезали по толщине, отделяя верхнюю корку от нижней, а потом нарезали на куски поперек. «Розрежут вот так вот на цёточки и берут эти, корочки, рыбу». Рыбник ставили поперек стола [КУН, д. Задняя Слободка; СИС 25:12]. Здесь особое внимание уделялось мясным и рыбным блюдам. «Свадьба, дак — на столе, и на другом, на третьем — цетьре стола да, три да. Ну, накладывают всё одинаково. Мясное всё своё — телята ли овцы, у коо цёо. И судаки да, лёщи да, рыбы нажарят и всё. Картошку делали, конечно, тушонку. Бываэт и капуста. Каши не ели» [КУН, д. Задняя Слободка; СИС 25:12].

Во время свадебного стола новобрачные непременно должны были целоваться. Для этого существовали специальные обрядовые формулы, произнесение которых за столом обозначало необходимость поцелуя. «Только нальют по первой-то стопке вина-то все-то и скажут, что “горько!”» [ККС, с. Липин Бор; ССН 10:15; БНП, д. Мытчиково; МИА 24:Ф1994-9Волог. Оп. № 76]. «Молодым говорили: “Пала муха о четыре уха!” За уши захватяцо, поце-

лююцца в крестики» [ЛАС, д. Большая Чаготма; СИС 22:18; ЕЕЛ, д. Большая Чаготма; СИС 22:27]. «Покажут в стопке: “Ой, это четыре уха, два брюха”. Вот приходище целовацца йим, молодым. Это и есть, у молодых четыре уха, да два брюха. Показывают им рюмку: “Ой, ой, погли чё попало-то, четыре уха, а два брюха”. Вот придёцца молодым поцеловацца. Кричат: “Горько! Шамина (г)ли какая попала!” — кто чё может. “Ой, мне шамина попала, я не буду пить! Чё ли поделайте, молодые, а то я не буду пить!” Вот они и поцелующе» [ММФ, д. Кропачёво; СИС 22:86]. «Когда свадьбы идёт, за стол сядут: “Порох пал, порох пал!” В рюмку бросят чё-нибудь: конфетку — молодые целуются. И жених мог так пошутить» [ПМП, д. Парфёново; СИС 22:55]. «Кричали: “Комар летеў, ногой задеў, куды нога пала?..” Ну вот, молодёжь вставают уш, целующе. У нас тут вот тожо свадьба-то была в дереўне-то, вот тётка это, кресная ишо, видно, жениху-то: “Ой, Максим Федоровиц, эта, Марья Михайловна, муха летела да ногой задела, горько!”» [ОУА, д. Опряхкино; СИС 26:71].

Целоваться на пиру заставляли не только молодых, но и гостей, причём далеко не всегда молодёжь. «Ково там вызовут, объявляют, што вот тому-то там целоваться. Сколько молодых сидит или постарше и пожилым, всяким предлагали, што там вот: “Упала муха о четыре брюха!” — дак это уже надо четыре раза целовацца. Как будто муха в стакан упала, а это выпить-то надо...» [БДП, д. Мытчиково; МИА 24:Ф1994-9Волог. Оп. № 76]. «Не только што молодых заставляли целоваться. Вот там кричат: “Вот такому-то и такой-то и вот горько! С такой-то сделайте, штоб сладко было!” Вот у нас была одна женщина, ну она на шутки была такая мастерица, всегда, всегда на свадьбе она всех рассмешит, вот ходила, ходила со всеми, всё “горько” с по-пьяну. Отглонёт и опять идёт к другому кому-нибудь. А потом священник сидит: “Всех перепробовала, всех, но этово, — священника, — нет! Горько!” — и поцеловала попа!» [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:82]. «На свадьбе бросят хлебну корочку и говорят, што: “Нао порох вынять!” А это все знали закон, што нао целовать. Парню кинут — девушку целует, а муж жену» [НАЕ, д. Полохтино; СИС 26:10об.].

Очень распространенным обрядовым развлечением во время свадебного пира было припевание молодых, гостей, родственников. «Родно припевали. А какая родня сидит за столом, тех и припевали. Братьям пели. Ешо девок припевали. Например, меня к тебе, либо вот тебя ко мне» [САМ, с. Липин Бор; ССН 11:7]. «Песенку припоют, дак бы и денежку ему даси. Это за денежки пели. Это на свадьбе. Свадьба, пир идет уж. Вот тут и поют песни все, всем поют. И жениху и невесте припоют. Пели девки-то эт жо, подругито. Не все за столом сидели. А тут так собирауцо, много собиралось на свадьбу народу» [ГМЕ, д. Пужомзеро; ССН 8:27].

Особенно много припевок с пожеланием счастья и благополучия в будущем получали, естественно, новобрачные. «Это молодым: жениху да

невесте пили. Вот там девушки стоят, из деревни придут, стоят вот там против свадебноо стóлу, стоят и поют песню:

Не шелкова ленточка
К стенке льнет,
Ванюшка Машеньку
К сердцу жмёт.
Жмёт, прижимает,

Успрашивает:
— Скажи, скажи, Машенька,
Хто в роду мил?
— Мил минé милёшенёк
Ты, господин!

Это за столом уш вроде сидили-то, за столом...» [ХЕП, д. Артово; МИА 24:21; БАИ, д. Савалиха; ССН8:54].

В Киснемском сельсовете в этой ситуации пели:

Нотация Е.Г.Богиной

Не шёл - ко - ва лен - точ - ка к - стен - ке - льнёт,
к - стен - ке льнёт, Ва - силь - юш - ко Ан - ну - шку
к - сер - цу жмёт, к - сер - цу жмёт.
Ты ска - жи - ко, Ан - ну - шка, кто те - бе мил,
ты ска - жи - ко, Ан - нуш - ка, кто те - бе мил.

Не шелкова ленточка
К стенке льнёт, / 2 р.
Васильюшко Аннушку
К сердцу жмёт, / 2 р.
— Ты скажи-ко, Аннушка,
Хто тебе мил? / 2 р.
— Мил мене милёшинёк
Папонька в роду! / 2 р.
— Анна-душа, то неправда твоя, / 2 р.
Неправда твоя да неистиная!
— Ты скажи-ко, Аннушка,

Хто в роду мил?
— Мила мне милёшенька
Матушка в роду! / 2 р.
— Анна-душа, то неправда твоя,
Неправда твоя и неистиная!
— Ты скажи-то, Аннушка,
Хто тебе мил? / 2 р.
— Мил мне милёшинёк
Васинька в роду. / 2 р.
— Анна, душа, это правда твоя! / 2 р.
[ПЕС, д. Тарасьево; МИА 25:83].

«А когда свадьба, на свадьбе пели. Это припевали жениха и невесту:

$\text{♩} = 120$ Нотация Е.Г.Богвиной

Эй, ку - дряв - чик, ку - дряв - чик мой, да
ку - дре - ва - та - я го - ло - ву - шака,

Эй кудрявчик, кудрявчик мой,
Да кудреватая головушка.
И что кто тебя спородил молоца?
Спородила родна матушка,
Да вспоил, вскормил сударь батюшко,
И что кто те русы кудри за(в)ивал?
(вар.: — А и кто те русы кудри росчесал?
— Росчесала красна дѣвица душа,
Надежда Васильевна! — ХЕП, д. Артово)

За(в)ивала родна матушка
Под решчатым окошечком
Золотым да веретѣшечком.
За(в)ивала, приговаривала:
— Пока реки не разбѣюца,
Русы кудри не разбѣюца.
У (имя) хорошого у молоца
Взять невеста хорошая:
Чернобровая, пригожая!
(Имя невесты).

Молодые сидят, там свадьба, а тут подружки. Ну, вот тут и поют песни. Тут их угощают, а им тут всем по родне, всем песни поют. Много свадебных было песен» [ААИ, с. Липин Бор; ССН 12:1; САМ, с. Липин Бор; ССН 11:7; ХЕП, д. Артово; МИА 24:21об.].

В с. Липин Бор, «чтобы хорошая, пригожая невеста была, пели:

Што не яфант ли по блюдечку катаеццѣ,
Не жених ли женицца собираеццѣ?

Говорят, што:

Невеста хорошая,
Черноброва, красивая,

Там какая-нибудь либо Анна, либо Мария... Много эдаких прибауток-то пели...» [ККС, с. Липин Бор; ССН 10:14].

Особые величальные песни адресовались свахе. Скажем, в д. Артово ей пели:

В нашей-то во свадьбке,
Во хорошем большом поезде
Есте свахонька хорошая,
Есте свахонька пригожая.
Она сидит, как луча (вар.: свеча) горит,

Го(в)орит, как рублям дарит.
Ты послушай-ко, свахонька,
Мы те песню поѣм,
Мы те песню поѣм,
Тебе чес(т)ь воздаѣм!
(Имя невесты).

Это девушки пили. Которым поют, дак эти подавают деньги девушкам. Кода как: кода рубель, кода там трицетъ копеек, кода сорок копеек. Ведь раньше деньги дорогие были, не как сечас» [ХЕП, д. Артово; МИА 24:21об.]. В д. Новая Деревня «писильницы были: женчины, девки. Давали им по пяти рублей за писню. Свахе пели:

$\text{♩} = 120$ Нотация Е.Г. Богиной

Во ши - ро - ком боль - шом по - ез - де
 ес - те сва - хонь - ка хо - ро - ша - я,
 ес - ть сва - хонь - ка при - го - жа - я.
 Уж о - на си - дит да как све - ца го - рит,
 го - во - рит, буд - то руб - лём да - рит.
 Уж ты слу - шай - ко, сва - хонь - ка.
 Уж ты слу - шай - ко хо - ро - ша - я,
 уж я те - бе да и не пес - ню по - ю,
 я не пес - ню по - ю, ти - бе честь воз - да - ю.

Што во нашей-то во свадьбе,
 Во хорошем большом поезде
 Ести свахонька хорошая.
 У нас сваханька пригожая
 На ней шубонька [столько-то] рублей,

Она сидит, как свеча горит...
 Без белил сваха билёшенька
 Да без румян, да румянёшенька.
 Она сидит, дак как рублём дарит
 [ЕНА, д. Новая Деревня; СИС 22:3;
 БАИ, д. Савалиха; ССН 8:54].

Вариант этой песни из Андреевского сельсовета выглядел так:

В княженёцком большём поезде
 Есь и свахонька хорошаа.
 Да без румян да румянёшенька
 Она сидит бутто свича горит,
 А говорит бутто рублём дарит.

«Дак вот это, а потом дак мне скажут (пример, если как к себе-то, если как мне бы тебя) што и назовут, што: “Да вот Анна да Васильевна”. Это скажут — кому пели. Дак вот уж она и доўжна положить [деньги]» [КАВ, д. Мытник, ССН 9:67об.].

Особые песни были связаны и с величанием молодоженов и гостей во время потчевания их пивом. «Подрушки подблюдные поют песни. “На золотом блюдечке”, как подносят чару:

♩ = 120 Нотация Е.Г.Богинной

Ча - ро - чка мо - я се - ре - бря - на - я,
на зо - ло - то блю - де по - ста - влен - на - я,

Чарочка моя серебристая,
На золотом блюде поставлена.
Кому чару пить?
Кому здоровым быть?
Свету [имя жениха] чару допивать,
Нас не забывать.

Хоть невесте, дак назовут её. На подносе подносят. А подносят уж, наверно, своя родня — мать ли хто-нибудь, а подружки песни поют. Такой обычай» [САМ, с. Липин Бор; ССН 11:6; ААИ, с. Липин Бор; ССН 12:1-2].

Семейным парам также пели «чарочку»: «Полна́, — как-то, — налита́. Тут черб́чка, — ли чё́ ли, — спушшо́на, спушшо́на. Нихто́ к столу не по-дойдёт, не подойдёт, слатко, — как-то, — вина не изопьёт, ни изопьёт. Ты, Василей, подходи, подходи, свою, — как-то, — свою жену подводи, подводи. Выпей, — как-то, — вина красноо...

Во горнице на столе, на столе,
На дубовой на доске, на доске,
Стоит чаша золотá, золотá,
Полно мёду налитá, налита.
Нихто к чаше не идёт, не идёт,

Крепко вин не изопьёт, не изопьёт.
Ты, Анюта, подходи, подходи,
Своёо мужа подводи, подводи,
Выпей меду слаткова, слаткова,
Будёт жисть у вас слаткаа...
[ПЕС, д. Тарасево; МИА 25:83об.-84].

Величание завершалось обращением к присутствующей молодежи, прежде всего к парням: «Холостым парням пели:

Меня матушка провожала,
Хорошо кудри да расчесала.
Ты поедешь, мое дитяtko, женицце
Да ты на большую на беседу —
на свадебку.

Тебе станут девицы писню пити,
Тебе станут девицы писню пити,
Да тебе будут невесту припевати —
(Имя невесты)

Всем пили парням, всем, всем. Или другую песню:

Во хорошем большом поезде
 Был мальчик хорошей,
 По горнице ходит,
 Сам кудрям поводит.

Хорош разодивсе,
 Баско снарядивсе,
 В аглицкой рубашке,
 Цасы во кармашке.
 [ЕНА, д. Новая Деревня; СИС 22:2].

Перемена блюда на свадьбе превращалась в своеобразную игру, которой руководил дружка, развлекаая гостей шутками и приговорами. Гости же, слушая его, следили за тем что приносят и считали перемены, поскольку качество свадебного стола часто оценивалось их количеством. Завершалось угощение выносом специальных блюд, символизировавших окончание трапезы. В Вашкинском районе это обычно солومات или кисель. Последний мог быть как овсяным, так и клюквенным. «Вот свадьбы были на свадьбах, значит, ишо зачитают вот, потом вот и скажут: “Вот сколько то перемен было!” А дружка там застучает ложкой: “Перемену несите, а то на кухню жить перееду! Несите перемену — на кухню жить перееду!” Ложкой колотит о торелку. Вот и несут... Первое — это студень. Там студень делали, холодец, суп, потом там каша пшонная, и там крупяная жаренина, и яишница, и блины, и солوماتа. Дак вот и насчитают: по двенадцать более перемен сделают. Холодец, первой, а последняя солوماتа была. Чем больше перемен то славняе: у-у! — эта уж хорошая свадьба была» [КАВ, д. Мытник; ССН 9:66об.-67]. «Кончали солوماتой да. И кисель. Кисель это дома варили — это такой. Ну, просто из овсяново варили. Потом стали варить и сахарной, как ведь клюковный-то кисель. Кисель тот и другой варили. Кисель ишо послидней несут. Это перемен более десяти» [КАВ, д. Мытник; ССН 9:67].

Реже последним блюдом мог быть «пирог», т. е. обычный круглый хлеб: «Последнее приносили — пирог большой, безо всего. Каждому гостю на блюдечку песочка, макали и ели — и ни чаю, ничего» [КЕА, д. Липник; ССН 8:2].

Важным этапом свадебного пира было одаривание невестой родственников, жениха и гостей, выражавшее породнение её с новым коллективом (см. «Дары готовить», «Сватовство»). Ту же семантику, вероятно, имело употребление блюд, заканчивающих праздничный обед.

Можно отметить еще один любопытный обычай вашкинской свадьбы, исполнявшийся наблюдавшими за застольем односельчанами. «А на свадьбах вот, знаэш, ак у нас в голоу колотили кулаками! Ну, вот, например, угошшают этих свадеблян-то угошшают. А эть народу-то наберёще со стороны-то — поглитить-то свадьбу-то охота всем. Вот и была такая мода — в голоу давали вот колотушки! Это не свадеблянам, это так вот которы пришли, зрители-то вот, хто стоит. Колонут — и руку оберут, а хто колонул? Бог знаэт хто колонул. Идноо [=иног] наколотят, што до болька» [ОУА, д. Опрячкино; СИС 26:66]. «Хто свадьбу ходил смотреть (и взрослые, и дети ходили смотреть), мода была

— стоишь глядишь, на молодых глаза выпучишь — сзади пазгнут! Кто дёрнет сзади. Глядишь — где? Руки опушены» [НАЕ, д. Полохтино; СИС 26:10об.]. Под названием «давать коки» этот обычай был известен и вепсам, причем действительно иногда били друг друга по голове вареными яйцами («коками»). Вашкинские варианты представляют из себя уже полностью десемантизированную форму этого обряда.

Кульминацией первого дня свадьбы, безусловно, является первая брачная ночь символизирующая естественное скрепление брака. Церемония вывода молодых на постель и их укладывание поэтому сопровождалось целой серией обычаев и обрядов. Обыкновенно брачное ложе располагалось на подклети, на сене, но в зависимости от благосостояния семьи это могли быть и отдельные комнаты, и летняя горница, и зимовка. «Уж она отдельно спят где-нибудь. У ково где. У ково подклет, клетки есь (летом ежели), у ково отдельные комнаты. Где-нибудь в отдельном месте спят» [САМ, с. Липин Бор; ССН 11:6]. «Ну, вот, пусть летом, дак там первую ночь ли, как ли после свадьбы на сарае спят. А вот зимой, дак тожо, наверно, на сарае» [ГЕИ, д. Тарасьево; МИА 25:Ф1994-16Волог. Оп. № 93].

Но прежде чем постель оказывалась в распоряжении молодых, они или кто-нибудь со стороны жениха (дружка, например) должны были её выкупить. Выкупать постель приходилось два раза. Первый — когда привозят приданое. Второй — когда ведут новобрачных на подклет. «Свадьба-то приехала, приданое привезла. Там на сундуках сидят колобелницы, што наа выкупить. Ну, стопочку винца и там чё-то дают, и сундуки заносят. Ну, и напослед — там молодые сидят — а нао напослед, дак тожо постель обогреть, тожо надо выкупить. Обогревал просто простой человек. Мало ли? — Робыта заберуцца туда на постель» [ААК, д. Никоново; МИА 25:Ф1994-12Волог. Оп. № 31]. «В келью зайдут да там нагреют йим место, так йим платили денежки. Вот там какии есь соберуцца, какии ли девчонки сговоряцца да и лягут на йихнюю постель, нагреют место эти. Их [=молодых] полят куды на сарай, в кладовку, да веть холодно, вот и грели место. Дак йим за это плотили там» [ММФ, д. Кропачево; СИС 24:26]. «Постель на сарае, на сарае. А зимой тожо бывало делалось, где холодняэ. Бывало, скажут: “Обогрейте постель”, — и пойдут девки» [КУН, д. Задняя Слободка; СИС 25:12об.; ЛАС, д. Большая Чаготма; СИС 22:19].

Первая ночь предварялась кормлением молодых. Человек, который провожал новобрачных (обычно дружка: «Дружка водила невестина и жениха» — ЛАС, д. Большая Чаготма; СИС 22:19) брал с собой кашу или крошенину и перед тем, как оставить молодоженов одних, угощал их. За это полагалось одарить кормящего. «Ну, дак туды ходили с крошениной: хлеба накрошат, да воды нальют да. А там тожо дарили. Там на крошенину полотенце или платок накладывали. Из-за подарка ходили» [ГЕИ, д. Тарасьево; МИА 25:Ф1994-16Волог. Оп. № 93]. «Ведь там свадьба есте, дак ишо свадьба не отойдёт, а молодых отведут на подклет. Уведут молодых (свадьба ешо тут останецца), ак сойдут

там — крошки сделают, накрошат хлеба — вот и идут к молодым там свои, сродники. Божатка, больше всё ходит, божатка да баушка: “Обое поеште крошки! Невеста и жоних!” Это ешшо с вечера, они там на подклет сведены, ну, и там скоко ли надо, пойдут к невесте и к жониху с крошкой. Наа, штобы этой крошки они поели» [КАВ, д. Мытник; ССН 15: 5об.-6об.].

Оставшись наедине с мужем, молодуха должны была помочь ему раздеться и, подождав пока он ляжет, просилась к нему. Для этого существовал специальный ритуал, развёрнутый в виде вопросов новобрачной к мужу и его ответов, определявших последовательность ее действий. Ритуал этот, в настоящее время полностью утраченный, сохранился лишь в отрывочных воспоминаниях старожилов. «Вот она [невеста] просится, што там называет: “Михаил Константинович, постелька-то моя, а волька-то не моя, так уж разреши мне лечь”. Вот такие случаи были. Это в старину, это в наше время не было» [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:83].

В завершение церемонии укладывания «ломали рюмки». «Вечером молодых на подклет сведут, а потом рюмки сломают. Ломают хто где, хто за столом сломаэт, хто как» [ЛАС, д. Большая Чаготма; СИС 22:19].

Из обрядов второго дня следует отметить бужение молодоженов. В Вашкинском районе будить ходили родители. «Мать с отцом ходили с вином будить. Угошшали. Спрашивали, как ночь спалось, да как чё, спокойно ли нет спали, какой сон видели» [ККС, с. Липин Бор; ССН 10:14]. После этого молодые вставали. По сведениям из с. Липин Бор, новобрачные могли вставать под пение девушек-подружек, которые исполняли специальную песню. «Подружки пели утром, што: “Конь-то отвязался, истоптал весь зелёный сад...”» [САМ, с. Липин Бор; ССН 11:6].

В старинной версии свадьбы после бужения полагалось традиционное обрядовое очищение: утренняя баня молодых. «Как-то молодых будили. Байну истопят, молодых введут» [ПМП, д. Парфёново; СИС 22:55]. «Байну, дружка истопят байну, это уш обезательно. С самоо утра, это как токо выстанут, баэнка готова. Истопят баенку и сходят молодые в байну, обкатяще и всё там, невелико мытьё, чё она? Только обкатяще вместе» [ММФ, д. Кропачево; СИС 24:26]. В д. Задняя Слободка также делали на второй день молодым баню. «Там оставляют рубашку — уш знают, што хорошая была. Потом приходят, цйя пьют и бывало дарит свёкор: “Спасибо, сватушко, за твою дочку!” Што была цесная» [КУН, д. Задняя Слободка; СИС 25:13]. В наше время этот ритуал не существует. «Нонь не обязательно топить байну. Это ранше у нас так и было, што как после свадьбы, дак так на второй день байну и топили. Это байна — обязательно топили. А перед свадьбой она дома, дак, конечно, вымоецца дома» [КАВ, д. Мытник; ССН 15: 5об.-6об.].

Утром второго дня было принято также проверять «честность» молодой. «Старухи говорили, что под кровать кто-нибудь залезал из родни жениха — проверяли невесту. И простыню показывали» [ЯОП, д. Сальниково; СИС

24:45]. «На второй день свадьбы свекрока рубахой потрясёт передо всем гостям...» [ААК, д. Естошево; СИС 26:47об.]. Иногда невинность невесты должен был подтвердить сам жених, хотя в старину его мнение на этот счет обычно не было решающим. «А на второй день он уш свекровке признайся. Она спросит у сына: “Какая у тя невеста? Какая была у тя невеста, честная ли нечестная была?” Честная — значит, всё хорошо, хорошаа, дак там ей и примут хорошо, и всё по-хорошому» [КАВ, д. Мытник; ССН 15: 5об.-6об.]. Сообщение о невинности невесты могло совмещаться с обрядом утренней бани молодых и связанной с ней церемонией обхода деревни. «Это обезательно, што она если честная девушка, дак узнают. По постеле смотрят. А рубашку уш не понесут на всех, а свекровка там, родители поглядят. Это было, было! А потом на второй день ишо они топят байны. Это уш и знают, што была деушка хорошаа или нехорошаа. Да ведь не скажет веть муж, дак это было ешо такоё. Это при моей бытности уж стало выходить, а это рассказывали наши родители-то. Дак эту невесту водят по деревне: под руки водят, дак над ей как насмехающца, што она если вышла нехорошаа, пришла к мужу. Вот и, бывало, мама рассказыват, какая-то одна дак в петлю сунуласе, што ей стыдно было, што поведут ее по деревне. Это веть куда — насмешишшэ, дак наа глаза завязать! Вот как ранше было. Выйди-ко как нехорошая, вот как гуляха топерече — четырнадцати годов родят ребёнка! Это разве слыхано? Даже народ выскажот, што вот чесная благородная де(в)очка была! Родители-то там как и выскажущца. А эсли как вот такаа-та — водили её по деревням» [КАВ, д. Мытник; ССН 15: 5об.-6об.].

С демонстрацией «честности» были связаны обычаи второго дня свадьбы «выносить бутылку», повязанную лентой определенного цвета, гостям и «бить посуду». Если невеста до брака сохранила невинность, то выносили бутылку красного вина, с красной лентой и били какую-нибудь целую посудину: либо тарелку, либо горшок. Если — нет, то бутылку не выносили вообще, а посуду всё же били — надбитую, расколотую, что символизировало утрату девичьей «чести». «На второй день невестиным родителям давали с красной ленточкой бутылку красного вина. Благодарили, что чесная. Жениховы родители благодарили» [ЛАС, д. Большая Чаготма; СИС 22:19]. «Ленточек навязут на бутылку, што деушка хорошая, чесная-благородная» [ГМЕ, д. Пужомзеро; ССН 8:27]. «Еси от девушка выхо(д)ит, там вот ранше не гуливала ничёо, чеснаа уш как, ак от и приносят бутылку ставят с вином и красну лендочку навязут на бутылку... И вот если девушка очень хорошаа, дак на второй день выносит matka или сватъя (еси матери нет, дак дома тётка ли дядя), выносит хорошуу посудину или две, грохнет вот там от у порога, вся шоб вдребезги! А ес(л)и балó(в)ана девушка, дак подносят, подавают батьке и матке ломануу посудину за столом, кóлотыэ — ну, как ранше сгуляла, до мужа. Деушку уш тут и опозорят, што вот кода ранше времени прохудиласе. Писни-то не пили, а потом муж-то изде(в)авсе: ну, кода там поколотит её чем-нить. Вот, конешно, не у всех, а от так

вот бы(в)ало, я слыхала» [ХЕП, д. Артово; МИА 24:23-23об.]. «Матку да батьку привезут, на другой день привозили после свадьбы. Это утром к молодым. И при всём народе выйдет там свекровка или там кто-т — золовушка ли какая выйдет — да покажет [горшок]: “Вот ваша дочка!” Если хорошая дочка, значит горшок новый принесут и покажут, што: “Вот ваша дочка да какая хорошая”. Худая, значит с дырой горшок найдут. При всём народе, штобы все видели, што дочка у них худаа. И тут и сломают, всё равно тожо растопчут. Вот и кажут: “Вот, вот, вот!” Все штобы видели» [ММФ, д. Кропачево; СИС 24:25]. «А вот из утра горшки били. Горшок сломали, што там деушка хорошая или нехорошая была, чесная или бесчесная. Присломают, а моэт — кто знает, какая она есь? Если не охота пристрамить-то жениха-то да невесту, дак и сломают и горшок, штоб всё хорошо было. А так не надо ломать» [ГМЕ, д. Пужомзеро; ССН 8:27].

Некоторые варианты указывают, по-видимому, на магический продуцирующий смысл обычая: не разбившаяся посуда в этом случае символизировала бесплодие невесты. «Кверху дном тарелка на ступеньках, на крыльчке и наа топнуть ногой — там сломаэцца. Ак другая и не сломаэцца...» [ЗАП, д. Ушаково; МИА 24:Ф1994-11Волог. Оп. № 53]. «Посуду били, посуду бьют, это все пляшут на этой на посуде и подметаэт потом невеста всё. Всё невеста подметаэт, а ей деньги кидают» [ААК, д. Естошево; СИС 26:47об.]. «Били-били, этот об пол горшки кидали. Жоних биў, кидаў — латку ли, чово ли — кидал на пол, если невеста чесная. Ранше веть всякие приметы были у старух. Приметы были. Это-то и есь, из-за этово-то и кидали» [КАВ, д. Мытник; ССН 15:6об.].

К битью посуды на второй день был приурочен другой, по-видимому, более поздний обычай: бросать деньги на пол. Это мотивировалось необходимостью испытать умение молодой мести пол, хотя скорее суть церемонии заключалась в ее символическом приобщении к кругу женских обязанностей в доме мужа. Церемония была выдержана в пародийно-игровом духе, характерном для второго дня свадьбы. «Раньше на второй день свадьбы деньги кидают, а невеста собираёт. На пол, на пол! Такой виничок маленькой и изо всех уголков собираэт она себе. Виничок — это подмести деньгито» [МАЯ, д. Мытник; МИА 25:6об.; ЯОП, д. Сальниково; СИС 21:45]. «После свадьбы на второй день как переступила невеста за порог, пришла, да помолилась там, дак сразу стала пол мести. Гости-то на второй день все ешо тут путающё, не уходят, не уежжают. “Ну-ко, — говорят, — невеста, умеешь ли пол мести?” Ей дают виник в руки, она начинает мести, а ей деньги бросают» [ККС, с. Липин Бор; ССН 10:15]. «А потом ишо на второй день денег там насобирают, серебра целоо блюдцо-то. И вот придут, кинут, брякнут, и это невеста и жоних бегают, собирают эти деньги» [ХЕП, д. Артово; МИА 24:23об.].

В этот день гости и родственники «проверяли» не только умение молодухи мести пол, но и многие другие навыки: печь блины, носить воду и т. д. «Молодую заставляют блины печь. Если она провóрая, то значит она спровóрит. Заставляют печь, приносят кузов, штоб она туда блины бросала, напечь целый кузов. Ну, если она проворая, она должна перевернуть и скатерётку раскинуть — и на скатерётку... Она должна сообразить, што кузов не напечь, никакой не напечь. Ну, она если непроворая и в руках у нее ничо ни бывало, она в кузов и бросит первый блин, а нужно кузов перевернуть кверху дном и скатерётку постелить на кузов. И на скатерётку блин» [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:83об.].

Суть испытания в ношении воды заключалась в том, то невесте необходимо было, не расплескав ведер, принести воды в дом, невзирая на препятствия со стороны зрителей. «Воду носили молодые. Заставляли носить на второй день, и у них воду проливали» [ЛАД, с. Вашки; СИС 22:69]. «В первой раз после свадьбы пойдут воду носить, так вот ушат проливали. Ушат проливали и молодых водой обливали» [ОУА, д. Опрячкино; СИС 26:66]. «На второй день молодые должны воду носить, вот, и у них воду выливали. Ушатами раньше воду возили, как “клич” называли, не коромысло — клеч — это, значит, палка прямая, а от нее цепочечка такая, а у ушата два ушкá, туда палочка вдевается, и штоб поливать не мешала, она на цепи висела, на этом плече. Вот, и подходят, и проливают воду. Тут это надо свекрови выбегать с пирогами, значит так. А у нас вот когда свадьба была, соседка и выбежала воду проливать, я-то с деверем воду носила, Ваня не пошёл воду носить: “Воду будут проливать — не пойду”. А Алексей, ну тот: “Пойдем тогда со мной носить будем воду”. Вдвоем мы с ним пошли вот: “Становись впереди”. Так-то он впереди шел, Алексей. “Становись впереди, я сзади пойду”. Только начерпали воду, подняли на плечи, подходит соседка и хотела было вылить, а он взял да на иё и ковырнул! Никаких ни пирогов, ничево не надо. Там смотрят в окна, смеются» [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:83об.-84].

Испытания новобрачной не ограничивались вторым днем свадьбы, а продолжались еще год-два после свадьбы, чаще всего до появления первого ребенка. Так, свекровь могла поручать ей различные работы в иносказательном виде, проверяя ее знание всех сторон домашнего распорядка. «Свякровка уш работы даваэт. Глядит — какова у её сноха, как делат. Поглядит уш. Ей загаданье даст — вот, што умеет. Вот мама рассказывала, как была у нас свякровка строгая-то эдакая. Вот на второй день её заставила мыть. Ранше вить вот таких стулów не было, лавки кругом были. Стол в переднем углу — кругом лавки и всё. Ак вот она мыть ё(ё) заставила: “Мой-мой, миленькая, да и личико оммой!” Вот эта невестка у ей эти лавочки мыла, мыла: “Маминька, хорошо?” — “Нет, миленькая! Мой-мой да и личико помой!” Догадайся! А вы-то догадайтесь ето? Сколько раз шоркала — больше не знает как. Уш до чео она её домыла эти лавочки,

дошарила! Раньше веть голиком без хвои шарить да, шарить да, всё пока смоёшь. Веть полы-то некрашенные были, половикоў-то не было! Ак подошла, потом ей доказала: “Вот што, миленькая! — вот и опять ишь как. — Нет, мой-мой да и личико помой! Не только лавочку-то мой! Вот эти-то местецька ты, — говорит, — мыла?” Вот кожды ей доказала! Она моет да это-то место [=верх доски] шарит, а (в)низу-то [=боковую сторону] она у ей не пошарит — личико-то! Личико-то! Да в вот догадалась ли нет: “Мой-мой да и личико помой!” А в вот догадайтесь! Хитро молодому догадаться топерь. Вот тебе скажи, так и не догадаться было, што за “личико помой”!» [КАВ, д. Мытник; ССН 15:5об.-6об.]. Возможность такого рода испытаний основывалась на наличии в каждой деревне своей, особой терминологии для обозначения реалий хозяйственного и домашнего обихода.

Своеобразные «испытания» молодых практиковались в течение всего первого года их совместной жизни. Например, весной, когда чинили изгороди, в Вашкинском районе были приняты шутки особого рода: каждый молодой хозяин должен был «провести» свою жену через грязь или лужу (см. «Подшучивания и розыгрыши»). Сохранились отрывочные сведения и о старинном обычае «сажать на муравьище» молодую, не угостившую после свадьбы женщин из деревни мужа. «Бывало — при моей бытности этово не было, а рассказывали старушки — на муравейник воживали, ак это слыхала от старых. Это молодуху там какую или за провинку за какую — так в вот ранше было!» [КАВ, д. Мытник; ССН 15:6об.]

Застолье второго дня, как правило, отличалось от застолья первого дня свадьбы большей свободой и раскованностью, поэтому основная масса шуток, забавных происшествий, анекдотов приурочена именно ко второму свадебному дню. «Шуток много. Друг другу загадки какие загадывают. Вот как раз мой отец сидел и говорит: “Вы, — говорит, — откуда приехали?” — “Из города Белозерска”, — это волостной старшина отвечал. “Так вить там препятствие большое — Шексна, как вы переехали через Шексну?” Он и говорит (не думала никогда, што он может так ответить): “А ехал, — говорит, — ухтомский мещанин, да м... прищемил, мы, — гварит, — по им и проехали”. Опять все: “Ха-ха-ха!” А потом шутили-шутили и до чего дошутились, в вот это женщина, про которую я говорила, шутить-то любила, в вот. Стали сватать эту женщину за ее же возраста старика — “флотский” да “флотский”, он на флоте раньше служил, так “флотским” прозвали. И в вот дошли до этово до райисполкома, што это: “Нас зарегистрируйте!” Регистрироваться пошли и вся-то [толпа] туда и ввалила! Шутка» [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:82об.].

Среди забав второго дня следует отметить ещё одну, тоже, вероятно, позднюю. Называлась она «куколку подавать», «куколку приносить». «Там сделают от парняка, куколку какуу-нибудь сделают — настоящаа кукла (там набасят иё — как делают куклы в вот игрушечные-то, из магазина), придут в вот, принесут.

Вот там им подают, што вот што: “Вам надо таких-то вот родить-то всё!” Што вот, вроди: “Я вот в такуу далину ехала, да вот насилу дождалася, да вот и мне подарили, дали, ак вот наа вам отдать!” Наздобяще так, наздобяще в такоо платьё (к)акоо-нибудь такоо вот широкоо, большоо ли, прийдёт и роскланяецце, и молодым подаваэт тóда» [ХЕП, д. Артово; МИА 24:24об.]. «На второй день свадобяна, свои-то, кто на свадьбе был, подносили куколку. Сделают куклу. Там имя дают. Потом заста(в)ят невесту — газет навертят, а куколка и вся вóто какая [=маленькая]! — это невеста и разбираёт, потом жониху подаваёт. Жоних берёт, цолуёт эту куколку (наперед-то невеста, а потом жоних)». При этом «говорили чё-то, а не знаю чё...» [МАЯ, д. Мытник: МИА 25:6об.-7].

С обрядами второго дня заканчивался собственно брачный этап свадьбы, но свадобный ритуал продолжался и после этого — наступал послебрачный обрядовый период. Особенность его в Вашкинском районе заключалась в том, что помимо традиционных «отводин» или «гостёбы», симметричных с предсвадебными солодатными обходами (см. «По соломатам ходить»), он включал еще ряд дополнительных элементов. Одним из таких, завершающих композицию Вашкинской свадьбы праздников, был «первый сбор» родни в доме у жениха. «А ишо у жениха после свадьбы, после сорока дней, как проживут молодые, все родные собирались. Это первый сбор всех родных был. Так и называлось, што “первой сбор”. Опять угошшались, праздник был дак. Специально не готовили, а все приходили со своим; кто чё приготовит, то и приносит. Угошшались этим. Родители тоже немножко чё приготовят. А вино и пироги — все своё приносили» [ИАВ, д. Ильино; ССН 12:16-17].

Остальная обрядность этого, по всей вероятности, самого длинного периода — социализации молодых — была распределена по календарным праздникам в качестве их составляющей. Например, на масленицу (см.) зять ездил к теще угощаться солодатом и колобом, на Пасху и Троицу (см.) было принято специально к приезду молодых варить десяток яиц для зятя и т. д. Срок полной интеграции в общину молодых в новой роли определялся, однако, еще одним обрядом, окончательно завершающим брачный ритуал. «Говорят: “Над молодежи три года и лапоть смеёцца”. Это если она не то делает, то не должна обижаться на людей» [ЛАД, с. Вашки; СИС 22:69]. «Три года, говорят, лапоть и тот смиёцца над молодухой. Как потом три года пройдёт: “Ой, слава те, Господи, топерь лапоть надо выкинуть, лапоть хохотаеэт, топерь тово не надо!” С крылечка бросят, што лапоть топерь отсмиялси, три года прожила» [ММФ, д. Кропачёво; СИС 22:74]. «Старухи нам говорили: “Какая замуж выйдет, дак над молодежи три года лапоть смеэцца, а не то народ”. — “Бабы, прошло три года, теперь лапоть кинула!” — так скажет, а не знаю, бросала ли нет» [МФФ, д. Гора Тимофеева; СИС 22:46об.]. На этом цикл брачных обрядов и испытаний заканчивался.

Островский Е.Б.

СВАТОВСТВО И БОГОМОЛЬЕ

Сватовство и богомолье в Вашкинском районе — главные церемонии предсвадебного этапа. Во время первой здесь, как правило, давалось окончательное согласие на брак, а во время второй совершалось согласование условий заключения брака. Богомолье следовало в том случае, если сватовство заканчивалось согласием. После богомолья свадьба уже не могла расстроиться, если только девушка внезапно не решалась на «самоходку» (см. «Свадьба»).

Сватать ездили в промежовинье под вечер или ночью, никого об этом не оповещая, чтобы неудачливого жениха потом не дразнили и не смеялись над ним. «Невеста откажет, дак смиюцца» [ЛАС, д. Большая Чаготма; СИС 22:18]. Тайна отъезда, помимо этого, вообще должна была благоприятствовать сватам, поскольку как бы ограждала само действие от дурного глаза, не давала его испортить.

Основные участники обряда — родители, ближайшие родственники или соседи, почти всегда вместе с женихом. «Сватать родные придут с женихом» [САМ, с. Липин Бор; ССН 10:18]. «Мать берешь там, отца ли, ково ли. Ково-то берёшь. Или суседку хорошую» [ГМЕ, д. Пужомзеро; ССН 14:63]. «Сватали. Жених и ишо кто-нибудь с ним, какие-нибудь ишо люди сватают» [ААН, с. Липин Бор; ССН 11:16].

Лошадь для сватовства готовили специально, украшали ее разноцветными лоскутками. «Сватали на лошаде. Уж лошадь украшена обязательно тряпочкам всяким, кустикам...» [БАМ, д. Янино; МИА 23:5об.]. «Украшали коней тряпочкам. Всяким разным тряпочкам. Навяжут тряпочек и все. Кустикам. Кустики — это, и лоскуточки» [КЕА, д. Липник; ССН 9:5]. При удачном окончании сватовства, возвращались домой с колокольчиком.

Если жених получал отказ, говорили: «Мутовку получил у такой-то!» [ЛАС, д. Большая Чаготма; СИС 22:18]. «Этому парню мутоўку дали: сватал эту деушку, да не пошла, дак тут с мутоўкой уехаў» [МАЯ, д. Мытник; МИА 25:13]. Иногда мутовку действительно привязывали к саням. «Не высватают, дак говорят: “С мутовкой уехали!” Ну, а кто ли кинет и мутоўку. Раньше сватали зимам дак, мот, в сани кинут и мутоўку да» [НАИ, д. Весёлая; МИА 23:75]. «Вот Вы помянули, што от привязать-то чёб-то нибудь-то. Ему эк шарпáк привезáли элакой, дровину нека́рзану [=необрубленный ствол дерева]. Это называлось “мутовка”. “С мутовкой поехав!” — это уш опозоренный жених. К саням привязывали, как же, к саням. Там хто сзادي, а хто и тут, сбоку привяз(ы)вали. Вперёд сучками, шёбы знав! Я сам участие принимав. За кончик и снизу, к саням там, штобы не видно было ево. А то придёт жених, увидит сразу, отвяжет вить. А тут и волокёт хорошо, за снег тормозит, ясно дело» [БАМ, д. Янино; МИА 23:5об.].

Существовала и другая формула при отказе — «гушши налить» [«гушша» — пивной остаток]: «Гушши на́лили» — это если жениху отказали. Поехаў, да

отказали, дак говорили: “Гушши на́лили”» [САМ, с. Липин Бор; ССН 11:4]. «Кто откажет — дак всё развалища. Ничё девка не подёт замуж. Вот и говорили: “Гушшу повёз”, “Этот с гушшой, с гушшой поехаў”, — говорили: отказали, значит. Как откажут, дак это “гушша”» [ААИ, с. Липин Бор; ССН 11:16].

Если родители невесты колебались и не давали согласие сразу, и в то же время не хотели упустить жениха, то в этом случае жених получал в залог что-нибудь из одежды невесты, чаще всего платок. «Залог невеста даёт, если подумать надо; если роздумает, платок остаётся у жениха» [ММФ, д. Кропачёво; СИС 22:4]. «Это “заклад” называлсе, што давали заклад, што не откажеце: полотенце, платок ли...» [ОУА, д. Опрячкино; СИС 26:71]. Отказывали нередко, поскольку жениха старались выбрать непьющего, работающего и с хорошим характером. Случалось, что в этом помогал сват, выполняя не свойственные ему функции: «Вот у нас там, значит, на Вьюшине была девка. Пóсватали, ну а сват попал не совсем действительной. Сват говорит, как отвернёще жених-то, гыт: “Ты хоть, Танька, не ходи, ради Бога-а! Пьяница!” Ну, и ничё́ дело и не получилось» [БАМ, д. Янино; МИА 23:5об.]. Но выбирали не только жениха. Сама невеста тоже была объектом выбора. Смотрели здесь, главным образом, на здоровье (выбирали работницу) и на богатство — приданое. «Раньше так сватались: парень с де(в)ушкой ходит, а родителям наа де(в)ушку взять богатуу. А парень-то, ён ходит ить как бедной. У нас вот дядя Сеня быў, ён с деушкой ходиў с этой, с бедной. Ну, и де(в)ушки этой не дали взять ёму. Взял, грит, батька да матка пошли сватать. Принесли подарки. А парень на пещьке в катки катаеце, што этой деўки-то не любит ён. А принесли, дак. Вот как раньше сватали. Какую любую, дак не дают де(в)ушки, што бедная, нао всё за богатство, видишь. Потом сватать пошли, што там батько торгует в магазине, дак ту богачку высватал. А парень в катки катаеце: “Мне той девки не надо!” Дак вот оно ранёшнее сватовство. Вот и жили-то худо» [ТАМ, д. Трифоново; ССН 8:73].

После того, как жених и невеста выбраны, взаимное согласие на брак получено, наступало время богомолья — окончательного закрепления брачных намерений. Совершалось оно, как и сватовство, в доме невесты. Точно установленного срока для проведения этого этапа не было. Иногда свадьбу скрепляли в день сватовства, вечером, если стороны быстро приходили к согласию. «Богомолье устраивалось, вот когда высватают, в тот день и богомолье. Вечером, конечно, вечером. Иконами блаасловят да Богу молящца да, потом чаепитие да там, всё да» [АТК, д. Макино; СИС 23:38]. В большинстве же случаев богомолье назначалось через несколько дней, которые требовались для окончательного согласования материальных вопросов брака. «Потом уже, когда сговорятся, значит, назначаецца богомолье. Опять тут вся родня — не вся родня, а близкие все собираются. Это уж гостят у невесты на богомолье» [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:81]. «Сходят там договоряцца, ешо Богу молящцё. А молящцё, дак уж грех отказацца. Не откажешься — живи. Худо ли, хорошо — надо жить» [ГМЕ, д. Пужомзеро; ССН 14:64]. «Делали богомолье ли чё ли. Богу моляще. Да вместе уж жених и невеста. После сватовства это ковды

договоряще» [САМ, с. Липин Бор; ССН 10:18]. «Богомольё у невесты. Гости, гости — много гостей. Богу моляцца жених и невеста перед иконами. Вот и названо, што богомольё. Значит она вышла за ево. А потом уж там свадьба» [ААН, с. Липин Бор; ССН 11:17]. «Богомолье — это Богу моляцца. Придёт жених, придут сродственники жениха, отец, мать. Вот и угошшаюцца» [НАВ, д. Ильино; ССН 12:16].

Во время этого обряда не только молились Богу. Тогда же невеста впервые одаривала женихову родню. «Невеста женихову родню дарит. Полотенца, рубашки. Свекроушке — дак рубашка. Дары “трясут” — показывают, приговаривают при этом: “Вот наша невеста не в лес ходила, не ягоды соберала, не грибы соберала, дары припасала!”» [ААН, с. Липин Бор; ССН 11:16]. «Нао ещё всех одарить и родных жениха невесте. А дарила матери, отцу, жениху — полотенца, рубашки-то вышитые дарила. Какая невеста можот чёо сделать, вот то и дарит, одаривает родных» [ИАВ, д. Ильино; ССН 12:16]. «Пришли Богу молицца жених да матка, да батька ео, дак. Ну, да с моёй стороны да, все и вставали Богу молицца. К Богу [=к иконе лицом] все вставали и молились. Богу молились — просватают, дак нао помолицца. Богу моляцца, так йим-то надарили — весь сундук выдаришь на богомолье! Ну, вон какой узел наделаешь — на большую семью выходила дак. Свекрови дак рубашку. Она тресёт:

Моя-то невеста
 Не по лесу ходила,
 Не лыко драла,
 Не дремала, не спала,
 Всё дары припасала.

А свёкру — да хто рубашку, а хто полотенце длинноо, хорошоо. А тут мелкошпице [=остальным, менее важной родне] — кому платки, кому маленьки полотенца. А семья большаа вот была, дак да. У меня пять золовок было вот, дак» [КУН, д. Задняя Слободка; СИС 25:11об.].

После богомолья наступал период подготовки к свадьбе (см.) и приготовления невестой даров и приданого. С этого момента «невеста уж не девка — Богу помолено веть уш» [КУН, д. Задняя Слободка; СИС 25:11].

В прошлом веке в Вашкинском районе были известны более архаические формы сватовства под названием «надолбём возить». Такой способ практиковался по отношению к «засидевшимся» девушкам и исполнялся ее родителями. «Надолобём раньше возили, дак это давно ишо! Навал(и)вали возили, навал(и)вали. Это как устареет [девка], да ништо не берёт, так и повезут. “Надолобём” и назовут, што ништо не берёт. Так вот и повезут, ну, “наваливать” — это, ну, предлагать. Невесту везут по волосте, по волосте. Ехали [к тем] у коо женихи есь. Кому как надо невеста, да што: “Приворачивайте к мозму двору!” Это я слыхала от старых, от свекровушки — это давно! Свекровушка была проходивца элака. Ну, это ишё и при ёй бытности этово не было. Это уш очень давно, очень давно» [МНИ, д. Мыс; СИС 21:64об.-65].

Островский Е.Б.

СВЯТКИ

Святки — т. е. две недели от Рождества (см.) до Крещения (см.) — важнейший период народного календаря, обрамлявшийся рождественским и крещенским сочельниками — «постовыми днями». «Рождество это пройдёт, дак две недилы и святки до Крэшшэнья и считающа. Ну, што в этих, в Рожэство Исус родився, а о Крэшчэньё крестився, дак вот и святки две недели» [ЛАП, д. Сукозеро; МИА 24:]. «Два дня были — перед святками цецельник, потом после святые — справляли святки, дак цецельник. Вот в цецельник и из утра до вечера есть нельзя. Да. Весь день не еси...» [ГАВ, д. Курулёво; МИА 25:43]. Реже «святками» называлась лишь одна неделя — с Рождества до Нового года. «Святки кончались уж в Новый год: “С Нового году все черти в воду!”». Поэтому кудесами ходили только до Нового года, а «в Крэшшэниэ гадать ходили да слушать ходили» [САМ, с. Липин Бор; ССН 11:9].

По народным воззрениям все, что совершалось на святки, т. е. в начале календарного года, оказывало воздействие на ход событий в течение всего года в целом: на будущий урожай, здоровье и благополучие всех членов семьи, «спорость» и легкость в работе и т. д. «В Рожесво уже, говорят: “Святки приехали!..” И была примета, што как в святки ночь темная, значит коровы будут доить хорошо летом, потому што лето будет холодное, а курицы класть худо будут, потому што солнца не будёт. А как звезд много всё, значит ягод будет много и будут коровы доить худо, потому што паутов много [будет]» [РПФ, д. Аверино; ССН 8:31].

Отсюда особое внимание ко всему, что происходило на святки, в частности, запрет на некоторые виды работ: «На святках девушки мало прели: кудесам все бегали да беседы справляли. А пресь-то мало прели, потому што на святках пресь нельзя: жать станём, дак рожь перепутаэцца!..» [ГАВ, д. Курулево; МИА25:43]. «Мама не давала в святки мотать. “Потому што, — говорит, — хлеб на поле испутаэцца!” Вот» [НМП, д. Мыс; МИА 23:7].

Особая ритуальная значимость этого периода отмечена и необычными формами поведения: ряжение (см. «Кудесы»), озорство (см. «На шально делать»), гадания (см.). Именно к святкам были приурочены и молодежные игрища с пляской (см. «Беседы»), на которых чаще всего присматривали невест для свадьбы в ближайший мясоед. На святки в старину практиковались особые типы игр и развлечений (см., например, «Чимкой», «Со вьюном ходить», «Гадания с подблюдными песнями»), а также обрядовые обходы домов (см. «Христа славить», «Коляда»).

Как и во многих других районах Вологодской области святки нередко персонифицировались, связываясь по ассоциации с наиболее важными событиями, характерными для этого периода, в первую очередь — с появлением на улицах деревень ватаг ряженных (см. «Кудеса»), воплощавших собою «духов предков».

«Ходили кудесам о святках, о святках кудесам ходили. А больше святков нет, значит кудеса не ходят. Как святки так и кудеса...» [ТАМ, д. Трифоново: ССН 8:73об.].

Смешение мифологического и обрядового пласта отразилось и в верованиях и преданиях о святках: «“Святки едут вон!” — ко(в)да кудесам-то ходят, дак...» [КАА, д. Трифоново; МИА 24:Ф1994-11Волог. Оп. № 73]. О тесной взаимосвязи этих явлений свидетельствует и приуроченность приезда «святков» ко «второму дню Рождества», т. е. к тому же дню, когда в большинстве случаев начинались обходы ряженных. Характерно, что «приезд святков» нередко ассоциируется с морозом (ср. известный на юге и западе России обычай приглашать в рождественский сочельник «на кутью» Мороза): «Другой раз морозная зима, дак мороз-то трещит. Дак как мороз-то треснет: “Святки о угол шшёлнулись, поехали! — говорят. — Это святки поехали!...”» [АТК, д. Макино: СИС 23:31].

Мифологема «приезда и встречи святков» развертывается в виде поверий, обращенных в первую очередь к девушкам и к детям. Связанные с этими поверьями былички и устные рассказы (см.) сосредоточены на теме даров, которые можно получить от святков в дни их приезда и отъезда. Причём рассказы об одаривании «святками» девушек, очень близки к многочисленным быличкам и рассказам про девичьи гадания о «суженом-ряженом» на перекрестке (см. «Гадания»). «“Святки” приезжают на другой день Рождества. Вот “святки” поедут, дак выходили на дорогу, ждали, слушали, ковды “святки” поедут: лентоцек накидают шолковых. Ну, девки сидят-сидят. Сидят, замерзнут (о святках, дак самой мороз!). Замерзнут — и домой... А ковды уезжают после Крешшэния, через две недели, тожо ждуть...» [ГАВ, д. Курулево; МИА 25:42об]. «А раньше знаашь, нам чо́ говорили? — Накануне святков вот едут “святки”. И это ранше было, это нам говорили старухи. Едут “святки”, это выйди и сиди. Токо надо выйти это чово-то сказать... Едут оне, “святки”, едут оне как с сеном, ты, го(вор)ят, успеи вырвать у их: сколько вырвешь волотóчек [=травинок], столько шолковых лентоцёк у тя очудицэ...» [КАВ, д. Мытник; ССН 9:64].

Параллель «шелковая ленточка» — «невеста» обычна для свадебной поэзии: «Шелковая ленточка к стенке льнет, / Ванюшечка Манечку к сердцу жмет...» (см. «Свадьба»). То есть ленточка от «святков» — это знак того, что к девушке приедут сваты, и она вскоре выйдет замуж. В других случаях напротив, — гадали по тому, возьмут ли «святки» с собой повешенные ленточки или нет. «Ну, годов мне, наэрно, сколько было? — Там шеснаццать-семнаццать... Святки подходят, дак надо: “Пойдёмте, девчата, наколотимте. На гумно пойдёмте!” — и там на здание наколотим гвоздей. Нам и ленточек наоставляют. А поедут, да потом у нас уберут, увезут: вот Крешшенё начнецца, канун Крешшеня — всё, уже “святки” поехали, всё и увезли. Это как обычай: [ленточки] сходишь и навешашь. А унесёт ветром да и всё!» [ВВП, д. Никоново: СИС 24:3об.].

Несколько иной смысл вкладывался с эти поверья, если их сообщали детям. С одной стороны, детей пугали: «Будите баловаться, “святки” поедут, вас увезут далеко!» [ПНК, д. Исаево; СИС 22:26об.]. «Когда святки начинающа, дак мамушка говаривала: “Дуры, не бегайте допоздна, святки поедут дак вас увезут”. Это нас пугала, што не бегайте допоздна. “Святки-то ведь ездят на конях, дак вас увезут!”» [ММФ, д. Кропачево; СИС 22:85об.]. Вместе с тем приезд «святков» — постоянная тема разговоров родителей с детьми в предрождественский период: «Как Рождество-то приходит, дак там станёшь робетишкам говорить: “Вот скоро святки приедут!”» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:63]. Нагнетание этой темы, создание атмосферы ожидания, настроения приподнятости и страха выступало в качестве педагогического приема: стращение непослушных и ленивых и поощрение остальных. Обещание подарков от «святков» — это другая сторона, другой поворот той же темы. «Маленьких пугали, што: “Ой, вот час ложитесь спать: поедут “святки”, будут у кажново дома останавлицца, наоставляют лентов на углах. Вот утром рано на́о вставать: вот утром рано встанете, а ленты-то на углах висят — “святки” вам наоставляли”. А мы вскочим утром, глядим в окно — ничё нет! — “Дак, мама, как ничё нет-то?!” — “А видно уж ветром унесло. А вы спать не ложились, дак я уш вас укладывала, дак...”» [ВВП, д. Никоново; СИС 24:2]. «“Святки приедут да привезут ленточек!” — это маленьким ужо. Ну, маленькие, ждём. Ак не привезут: “Поехали да забыли заехать — увезли обратно!”» [ЛАС, д. Большая Чаготма; СИС 22:18]. «С Рожества. Сённи Рожество, в баню сходили... Тятя ска(ж)от: “Девки сходитё, сено-то покладитё под уголок кудесам, святки поедут дак хоть ленточку оста(в)ят!” Мы глупыи маленькии были, ак пойдём, сена возьмём, под этот пойдём под уголок, што святки поедут, святки, сённи, што завтра Рожество, а сённи святки поедут напротив Рожества, дак хоть нам ленточку оставят. А мы дак глупыи пойдём выстоим, ак никакой ленточки нет и сено лежит...» [ТАМ, д. Трифоново; ССН 8:73об.].

Характерна связь подарков «святков» с сеном: этот мотив, уже возникавший выше в связи с получением девушками ленточек от святков, появляется и при обращении к детям. «Уй! Дак ранше Рождество, дак святки-то едут. Вот ленточек — скажут бабки там, шо: “Ой, сёдни святки поедут, дак ленточек накладут, да под уголок сена кладите”, — да...» [ЛАП, д. Сукозеро; МИА 24:].

Сено выступает здесь как составная часть дарообмена: «сено» (в других вариантах — «вички», криночки) — «ленточки» («шнурочки», «серебро» или «золото»). Обрядовые функции выкладываемого под угол избы сена не совсем ясны: возможно, оно использовалось ряжеными-«святками» в ритуалах с символикой выпроваживания, во время которых, как известно, часто жгут сено (солому, отопки, старые веники и т. п.). В этой связи любопытно, что роль «святков» нередко исполнялась родителями (а не ряжеными). «Вечером перед Рожеством, когда святки начинающа, синцо кладут. Под угол на́а класть сенца —

под первый, под передний угол. Да. С улицы сложат сенца. Робята науцят, што: “Вам оставят гостинця на этом синце... Вот “святки” поедут, дак вот уш шоб под угол клали сена — там вам оставят гостинец!..” Научат так, знаэш, шоб эта — шутят. А робята бегают, сено кладут... А эт уш, знаэш уш, родители-т иной раз выйдут чео-нибудь положат (там, когда конфеты есть — конфет, либо цёо ли положат), а они и возьмут» [КАА, д. Трифоново; МИА 24:Ф1994-11Волог. Оп. № 72]. «Девки-то бегали большиэ-то, старыэ-то девки были, старше-то. Дак скажут [младшим]: “Девки, сѣдни несите сена по охапке! Сѣнни поедут биси, нао опеть снести — шовку надают!” Осоки нао взеть, полóжить на крѣсты: “Вот вам! Пойдите, ак вот осока: кормите лошадей, а нам дайте шовку!” А сойдѣм утром, никакоо шѣлку нету. Ак этъ нас-то (в)сѣ уго(в)оривали, шчѣ: “Это большиэ барошни обрали шолк”. Мы пришли, ак барошни обрали» [ААК, д. Естошево; СИС 26:31].

По-видимому, первоначально дети были органичным звеном всего обрядового святочного комплекса: наученные родителями, они стремились с утра пораньше снять ленты, которые девушки, в свою очередь вывешивали, чтобы погадать о женихах (ленточки, по-видимому, могли вешать и ряженые «святками» парни или взрослые мужчины). В поздних вариантах обычая, преимущественно детских, мотивы замужества исчезают и роль «святков» выполняют уже исключительно родители или природные стихии (ветер).

«Говорили: “Святки уехали!...” У нас лес недалеко быв. Мы там наклали там всяких этих вичек да всё — што поедут “святки”, ак нам накидают ленточек. Ак вот на эти вички тятенька нам нависил, накидал голтяшкóв чѣрных, шѣлковых (такой плетешок [из тесьмы], как шнурочек), утром нам сказал: “Девки, чѣ спите? — Нао сходить, наэрно святки ведь проехали!” Ну, мы сходили, принесли. Радостей-то што! Што “святки” накидали!» [ЛАФ, д. Панино; СИС 23:7]. «Говорили: “Святки ленточки повесят на домах!” Родители и вешали на скобку дверную» [ЖКК, д. Семеновская; СИС 22:20об.].

Иногда обычай трансформировался в довольно грубый розыгрыш, который исполнялся, по видимому, в рамках святочных шалостей (см. «На шально делать»). «Родители говорили детям: “Кладите к колодцу криночку, поедут святки, вам серебра накладывают”. Накануне Рождества ставили. А кто-то насмеялся — говна положил» [ПНК, д. Исаево; СИС 22:26об.]. В этом варианте обыгрывается старый мотив, популярный также в сказках и преданиях о кладах (см. «Предания»): золото (серебро), полученное от «нечисти», в конечном счете обязательно превращается в мусор, песок, экскременты. Не исключено, что именно такого рода предания или сказки рассказывались в утешение пострадавшим. Тему экскрементов уезжающих «святков» развивает и поверье, явно перекликающееся с верованиями, связанными с Ильиным днем (см.): «“С Нового году все черти в воду”, — что вот святки пойдут, дак ещё чего и

наделают в воду. Так вот на озере-то и собирались» [РИА, д. Вашкозерки; ССН 8:19].

Конец святок, крещенский сочельник или само Крещение (см.) знаменовался их «отъездом» и ритуалами проводов: кроплением дома святой водой, закрещиванием дверей и ворот. «Спрыскивали всё, што “святки” ездили, дак штобы свято было, хорошо, не болеть» [ГАВ, д. Курулево; МИА 25:42об.]. «Уже святки уезжают [на Крещенье], дак раньше старухи дак всё: “Святки поедут, дак наа ворота углем накрестить, штобы не зашли!”... На воротах только чиркали...» [ЛАП, д. Сукозеро; МИА 25:Ф1994-12Волог. Оп. № 15]. В Крещение «наделаешь так вот [крестиков], вот так, што домиком [=наподобие старообрядческих крестов на могилах]. На окошечко поставишь, на стол бросишь — и всё. А потом убираэм. Убирём да...» При этом «крестики» сжигать запрещалось [ВВП, д. Никоново; СИС 24:3об.]. В других случаях напротив: крестики необходимо было сжечь: «В Крещенье из лучинок ставили крестики на все выходы из дома: на окна, двери, ворота, а утром их все сжигали. Крестик стоит — значит “святки” не заходили. Сожжешь их — святков близко не будет» [ЯОП, д. Сальниково; СИС 21:46].

Морозов И.А.

СЕМЕНОВ ДЕНЬ

Семёнов день (14.09.) — день, посвященный памяти Симеона Столпника. Нередко считался последним летним днём, откуда одно из названий праздника в других местах России — «Семён-летопробóдец».

В Вашкинском районе Семянов день (Семян-день, Семян-стóвбик) отмечался как престольный праздник в Роксоте (дд. Вьюшино, Янино, Ильинское, Софроново, Колосово — НМП, д. Мыс; МИА 23:5) По свидетельствам старожилов, здесь «Семянов день отмечали два дня. На Симапов день обизáтельно барашка резали — подиляцца с тем, кто придёт (человека на 2-3). А тот осенью зарежет — отдаст» [НПМ, д. Мыс; МИА 23:5]. Обычай «резать барашка» соблюдался и в другие престольные (см.) и годовые праздники. В Андреевском сельсовете в этот день освящали скот. «Семенов день — это годовой праздник быё. Дак вот тожо всю скотину [=светили]. На конях верхом издили. Это попушко [=поп] ходит и вот элак в сторону да в другую. Например, тут кони и коровы на стороне, а ён серёдкой идёт вот элак вот и машот. Оммахиват» [КМГ, д. Хошково; ССН 9:73об.].

С символической окончания лета связан приурочивавшийся к Семенову дню обычай «похорон мух». В 20-е годы ему приписывалось чисто практическое значение: избавление от насекомых (см. еще «Петров день»). «Бывáат Семянов день ли там вот у нас, дак это, гóрят, нáдэ муху — муху,

и торокана, и клопа натти да похоронить куда ли. Там вот огород был позаде поля — ак наа туда снести в спицельнем яшшыке да и похоронить. Минэ это свекровушка своя элак научила — штобы нэ было никою в квартире. Клопа, и муху, и торокана — штобы все ени там закопаны...» [ЗКИ, д. Захарово; МИА 25:24об.-25].

Похороны мух совершались как взрослыми, так и детьми, обычно утром или днем, причем мух хоронили или в «гробике» («спицельном ящике»), или просто закапывали в землю на улице: «в любом месте», на краю огорода или под углом дома. «Семенов день называеццэ праздник. Дак вот в яшшык накладут мух, да вот в землю и заруют. Да старухи этэ, всё ранше старухи. Ну в этот в спицельный, спички-то есть, дак накладут да и похоронят. На улице, на улице похоронят. Из утра и в день, вот старухи наимают это мух, да и заруют их» [ЛАП, д. Трифоново; ССН 9:45об.]. «Мух наимаем. Мама в уголок складет в коробке спичек» [КМГ, д. Хошково; ССН 9:75]. «Закапывали муху в Семенов день. Говорят, надо муху закопать. Так мы [=ребятишки] ходим закапываем. Мы просто так закапываем, чтоб мухи пропали» [ЛАД, д. Вашки; СИС 22:68].

Минюхина Е.А.

СО ВЬЮНОМ ХОДИТЬ

Одна из старых хороводных круговых игр (см. «Хороводные игры»), сохранившихся в Вашкинском районе вплоть до 30-40-х годов нашего века. Еще в 20-е годы в нее играли на беседах или в импровизированном сельском «клубе», устраивавшемся молодежью на гумне (д. Малая Чаготма). Позднее игра упоминается среди подростковых и детских развлечений, практиковавшихся как в сельских школах (под руководством местных учителей в нее, например, играли в д. Новосело — СЕА, д. Новосело; МИА 15:33), так и в компании сверстников, на деревенской улице или в клубе. Старая брачная и обрядовая символика игры: «вьюн» — это венок, который плели во время гулянья на Троицу или на Петровки и использовали при гадании о замужестве и женихах девушки — была утрачена уже в конце прошлого века.

В д. Малая Чаготма, где подростки собирались поводить хороводы, поплясать и попеть на гумне, «со вьюном» играли по классической схеме — как игру с выбором пары. Парень или девушка с платком на плече, заменяющим «вьюн» (иногда платок свивали жгутом), обходил стоявших в кругу игроков, перекладывая «вьюн» в соответствии со словами песни «со правого на левое» плечо. Затем, остановившись перед кем-либо, кланялся, клал ему на правое плечо платок и становился на его место в круг. Игрок с платком продолжал движение по кругу под песню:

♩ = 120 Нотация Е.Г. Богинной

Со вью - но - м я хо - жу.

я не зна - ю, ку - да вьюн по - ло - жить.

Со вьюном я хожу, / 2 р.

Я не знаю, куда вьюн положить. / 2 р.

Положу я вьюн на правое плечё, / 2 р.

А со правого на лево положу. / 2 р.

Я ко девице (молодцу) иду, иду, иду, / 2 р.

(вар: Я околицей иду, иду, иду, — ФАА, д. Мытчиково)

Подойду да и прочь пойду! / 2 р.

(вар.1: Поклонюся да и прочь пойду! — ИАН, д. Малая Чаготма;

вар.2: Поцелую да и прочь отойду! — КЕА, д. Липник)

[МАД, д. Москвино; ССН 9:99; ИАН, д. Малая Чаготма; СИС 23:19об.; ААИ, с. Липин Бор; ССН 12:4; КАА, д. Мытник; СИС 22:57об.; ФАА, д. Мытчиково; СИС 22:33об.; КЕА, д. Липник; ССН 9:1]

Хотя в 20-30-е годы «вьюн» нередко передавали уже любому «понавившемуся» игроку (это относится в первую очередь к подростковым и детским вариантам игры), сохранялось и правило передавать его игроку противоположного пола. Тем самым игра «со вьюном» сближалась с другими старыми посиделочными развлечениями, начинавшими святочные игрища и хороводы, основной смысл которых заключался во взаимном знакомстве участников при помощи перебора пар (своеобразное символическое их «переженивание»).

В дд. Курулёво и Покровское игра «со вьюном» выполняла роль наборной игры, благодаря которой участники разбивались по парам: «На бисёдах, на бисёдах. Ишшошь парня, дак. Вот и кинёшь — на парня кинёшь [платок или ленту]. Ну, этот парень уш и уходит из круга вместе с тобой. Вот. Другá(я) идёт, другая элак тóжо идёт поёт...» [ГАВ, д. Курулёво; МИА 25:44об.]. Текст игровой песни при этом практически не отличался от приведенного выше:

Со вьюном я хожу, / 2 р.

Я ни знаю, куда вьюн положить.

Положу я вьюн, / 2 р.

Положу я вьюн на правое плечё, / 2 р.

Положу я, друг, на левоё плечё. / 2 р.

[ГАВ, д. Курулёво; МИА 25:44об.;

близкие варианты: КАА, д. Макино; СИС 23:17; МАД,

д. Москвино; ССН 9:98об.; КМИ, д. Покровское; МИА 15:17].

В д. Курулёво была известна еще одна близкая по смыслу игра — «По кругу хожу».

По кругу хожу,
Свою пáроцьку ишшú.
(вар.: Сибé товáришша ишшú. — так пели девушки)
Как найду,
Так домой пойду!

«Ну, это парня како́о на́а выбрать. Возьмут элаку лёнточку какú(ю) ли и машут. А тут кружо́к. А и ходят по кру́гу. Ходит-ходит, ходит-ходит и выберет себе парня, эту ленту кладёт: “Вот мой товариш!”» [ГАВ, д. Курулёво; МИА 25:44].

Морозов И.А.

СОСТЯЗАНИЯ В ЛОВКОСТИ И СИЛЕ

Наряду с жесткими испытаниями вроде боевых противоборств (см. «Драки») в традиционных мужских компаниях и в молодежных группах широко практиковались различные соревнования демонстрационно-показательного типа. Интересно, что еще в 20-30-е годы нашего века сохранялось понимание их важной роли в молодежной «женитьбе», смутное напоминание об обрядовых соревнованиях за руку невесты. «Парни ходили на руках. Кто дальше пройдет, у того лучшая девка будет, замуж за него выдадут» [ИАН, д. Малая Чаготма; СИС 22:64об.].

Наиболее распространенными были испытательные соревнования на силу. В Вашкинском районе наряду с традиционными разновидностями борьбы («Бороться я и сам мастак. Одной рукой за плечо, другой за ремень, или двумя руками за плечи, коленом в живот и опрокинуть на себя» — АМИ, д. Малеево; СИС 22:10об.), было употребительным силовое единоборство на руках («руку класть»), которое иногда практикуется и в настоящее время. Двое желающих померяться силой садились за стол и поставив руки на локоть, сцеплялись ладонями. Дальше все зависело от умения уловить момент и на секунду поддавшись, резким толчком уложить руку соперника на стол.

Аналогичное силовое упражнение, но с использованием ног, называвшееся «цыганской борьбой», в Вашкинском районе менее популярно. Оно заключалось в следующем. Двое парней ложились рядом на пол, головами в разные стороны с таким расчетом, чтобы ступни каждого из них находились на уровне бедер соперника. Затем, подняв вверх соприкасающиеся ноги, соперники сцеплялись ими и сгибали их в коленях, причем в исходной позиции пятки у обоих должны были находиться в одном и том же положении. Для дополнительной устойчивости борющиеся нередко схватывались руками. После этого каждый стремился оторвать соперника от земли или опрокинуть на себя, если они держались руками.

[БАЯ, д. Пиксимова; СИС 22:59; АМИ, д. Малеево; СИС 22:10об.]. Иногда в шутку так могли бороться и девушки на беседе до прихода парней. «Негу как робят: “Девки, давайте по-цыгански бороцца!” Лягешь на спину и подымаешь ногу, нога за ногу и которая перекувырнёт. Толнёшь которая посильняэ, дак падёт на бок, вот и всё» [ВЕФ, д. Малая Чаготма; СИС 22:48].

Хорошо был известен и еще один распространенный способ демонстрации силы — поднимание тяжестей. Соревновались, например, в поднимании гирь или камней (кто больше). Со святочным ряжением была связана по происхождению мужская силовая забава «покойника поднимать». Она состояла в том, что один участник, изображавший «покойника», ложился на спину на пол и «застывал», а другой пытался поставить его на ноги. Существовало два приема для выполнения этого трюка. Более простой заключался в том, что желающий поднять «покойника» становился за его головой и, захватив за шею или голову, ставил того на ноги. Более сложный прием, особенно для «покойника» — поднимание с захватом под колени. Для этого поднимающий приседал и опирался тазом о ступни «покойника». При этом было очень важно, чтобы лежащий не расслаблялся [КМИ, д. Лукьяново; СИС 22:51об.; ФВН, д. Новосело; МИА 15:29; БАЯ, д. Пиксимова; СИС 22:59].

Среди испытаний на силу выделяется довольно большая группа, основанная на перетягивании. Подобного рода состязания обычно технически достаточно просты и эмоционально насыщены, поэтому так забавлялись чаще дети и подростки, как мальчики, так и девочки (хотя обычно в компании одного пола). Правда нередко они вовлекали в игру и взрослых мужчин, которым позволяли в шуточной форме продемонстрировать свою силу и ловкость. Так, практически повсеместно было известно перетягивание на палке. Двое соревнующихся, усевшись на землю и упираясь ступнями друг в друга, ухватывались за палку, которую клали на носки. По команде начинали тянуть каждый к себе, пытаясь оторвать соперника от земли.

Довольно часто перетягивались на веревке, встав по разные стороны предварительно проведенной черты. Быстро победить соперника помогала небольшая хитрость: следовало резко на мгновение отпустить веревку, из-за чего соперник терял равновесие, а затем, сразу же дернув ее на себя, почти без труда перетянуть его на свою сторону. Причем так поступали и в том случае, если соревновались две команды [МАК, д. Пиньшино; СИС 22:43].

К старым забавам «испытательного» типа можно отнести «скакание волчком». Один вставал на четвереньки, а второй садился ему на плечи и захватывал руками его ноги. Затем вместе скакали до упаду [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:25]. В д. Малая Чаготма эта забава называлась «лягушкой» [ИАН, д. Малая Чаготма; СИС 22:65]. Следующая забава была более характерна для детей, хотя могла исполняться и вполне взрослыми парнями. Два человека становились спиной друг к другу и обхватывали руки партнера, чтобы они оказались пере-

плетенными с собственными руками в области локтей. Затем один из игроков резко наклонялся вперед, поднимая на спину партнера, ноги которого при этом отрывались от земли. Затем выпрямлялся и с ним то же самое проделывал его партнер. Так «качались» пока не обессилеют или пока не надоест. Это называлось «соль весить» [КНИ, д. Глухарев; МИА 23:97]. «Ну, когда вот в детстве летом. И вот там друг дружку в спину, руки вот так вот захватят, вот и один одново элако и качеет. Вот это называлось у нас “соль вешали”» [ААЯ, д. Гавриловская; МИА 25:31об.; МАК, д. Пиньшино; СИС 22:43об.]. Если же так развлекались парни, то тот, кто сильнее, перебрасывал партнера через голову.

Известны были в Вашкинском районе и различные забавы на равновесие. Среди широко распространенных можно назвать «рубку капусты» — обычное развлечение парней на беседах до плясок. «Это парни, парни только — вечером тут тоже вот, на посиделке: “Давай капусту рубить!” — “Давай!” Вот лицом к лицу стоят, один [две руки, сложенные ладонями вместе] к уху (хоть к правому, хоть к левому), а второй шлёпаёт ему. Вот ет по ладоням и хлёпнет тебе — в которую сторону ловчээ. Ну, с правой стороны, конечно, ловчээ» [ААЯ, д. Гавриловская; МИА 25:31; БАЯ, д. Пиксимо; СИС 22:59].

Разновидностью этой силовой забавы было известное в д. Лукьяново очень простое, но тем не менее требующее немалой ловкости упражнение под названием «быками будаться»: стоя на коленях лицом друг к другу, надо было повалить соперника на землю [КМИ, д. Лукьяново; СИС 22:51об.]. В с. Липин Бор соперники, сев верхом на лавку и поджав ноги, пытались сбить друг друга на пол подушками [ИМС, с. Липин Бор; СИС 26:5об.].

В ожидании начала плясок парни нередко затевали соревнования на ловкость и гибкость. Скажем, сидя на табуретке, нагибались назад и доставали ртом лежащую на полу ложку [КМИ, д. Лукьяново; СИС 22:51об.]. Или вставали на руки, приговаривая: «Дядя Миша, дядя Миша, подыми-ка ноги выше!» — и стремились как можно дольше продержаться в таком положении [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:25]. Приговор при этой забаве, возможно, связан со святочными забавами с участием ряженого-«медведя» (см.).

Для демонстрации ловкости и силы часто использовали воронец. Так, в некоторых деревнях на подростковых беседах «по воронцу бегали»: надо было на одних руках пройти по воронцу из конца в конец [ИАН, д. Малая Чаготма; СИС 22:65; ЛАД, с. Вашки; СИС 22:67]. На улице для этого использовались другие подручные средства. Например, в с. Вашки при забаве «бараном висеть» — висели на жерди, на которой сушили белье, как бараньи туши, т. е. вниз спиной, схватившись руками и ногами, стараясь продержаться в таком положении как можно дольше [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:25]. В 20-30-е годы были популярны различные упражнения на гимнастических снарядах. К примеру, в Васильевском сельсовете «делали старуху»: подтянувшись на перекладине до уровня груди, прокручивались несколько раз ногами вперед. Другое упражнение

назвалось «делать козла»: подтягивались на перекладине и забрасывали ноги на нее. Затем переворачивались головой вниз и опускали вниз ноги до предела. Повисев, возвращались в исходное положение. Так повторяли несколько раз [КНИ, д. Глухарево; МИА 23:97].

Некоторые силовые забавы были почти лишены соревновательности. Они практиковались, когда просто хотелось размяться или согреться в холодные дни. Один участник забавы садился на землю, вытянув вперед ноги. На его голени (лицом к лицу с ним) усаживался второй участник и, схватившись за руки или за ремень партнера, слегка приподнимал его, а затем сводил вместе свои ноги, чтобы тот мог на них усестся. После этого оба начинали, поочередно отклоняясь назад, тянуть на себя товарища. Со стороны забава слегка напоминала греблю на веслах [ИАН, д. Малая Чаготма; СИС 22:65]. В д. Пиксимова похожая забава так и называлась: «на лодке». Участники захватывали друг друга за подколенки и качались вправо-влево [БАЯ, д. Пиксимова; СИС 22:59].

Морозов И.А.

ТРОИЦА

Троица — седьмое воскресенье после Пасхи, один из центральных календарных праздников у русских, своеобразная точка отсчета летнего времени. В 20-е годы в Вашкинском районе к этому празднику были приурочены различные действия с зеленью и цветами (сбориание трав и цветов, плетение венков, украшение домов березовыми ветками и т. п.) и обычаи и обряды, связанные с поминовением умерших родственников. Впрочем, традиция вития на Троицу венков к началу века уже почти полностью разрушилась и упоминания об этом обычае встречаются крайне редко. «Вот в Троицу уш веночки из цветочков — которые бобыльни [=купальница], жовтые» [АНИ, д. Зуево; МИА 24:Ф1994-9Волог. Оп. № 64].

От старинных семицко-троицких обрядов завивания и развивания березок к концу 20-х годов также мало что сохранилось. По единичным свидетельствам, накануне Троицы девушки «артилью» ходили в лес и каждая завязывала на березке бант. Через несколько дней проверяли, сохранился ли он. Пропажа ленты была хорошим предзнаменованием: считалось, что девушка вскоре выйдет замуж [ЗАВ, ЗЗВ, с. Липин Бор; СИС 21:16]. Близость этой формы «завивания» к обычаям встречи и проводов святок (см. «Святки»), связанным с предвещением замужества, является, видимо, слабым отголоском представлений о Троице как о «зеленых святках».

Этот обычай, вероятно, существовал и в других местах, поскольку известна детская игра, в которой он изображался и которая была связана с обычаем по-

сещения в этот день могил. Так, в д. Прокино в Троицу вся молодежь и дети ходили на Гурину гору. Эта гора была вся покрыта зарослями вереска. У каждого из детей и подростков был там свой куст. Все навязывали на свои кустики яркие тряпочки, ленточки, бумажки, вешали на них веночки из «деряги» (вьющееся растение), украшенные бумажными цветами. Эти кустики считались «могилками». Потом садились у «могилок» и угощались тем, что принесли из дому, после чего начинали «ходить хороводом». Играли в «Просо сеять», «Со вьюном», «Летели две птички», «Коровай». В игре участвовали дети и подростки не старше 14 лет, которых не брали кладбище, потому что оно находилось далеко [РЗМ, д. Прокино: СИС 25:39об.].

Наиболее хорошо сохранившимся фрагментом обряда «завивания березок» оказался обычай украшать березовыми ветвями дом и высаживать возле домов девушек-невест «рощу» из молоденьких березок. В субботу накануне Троицы или в сам праздничный день срубали березки, приносили их в деревню и устанавливали возле дома (обычно вкопав их комлем в землю), как правило, напротив окон и у крыльца. «Берёзки таскали — к окошкам тут всё становили. Берёзки были, и прутьков навтыкаэм. Троица, так тут берёзка в честё. Вот этот — берёзовые-то прутья приносили в дом» [МНИ, д. Мыс; СИС 21:66]. «Вот и дом украшали ветками берёзы. Раз, я помню, мы от своего крылечка до большой дороги аллею берёзками сделали. Была алейка, я подростком еще была» [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:86].

Нередко целое дерево заменялось отдельными ветвями, которые приколачивали к окошкам, украшали ими углы избы, как снаружи, так и изнутри, клали под иконы. «А не знаю — такой обычай быв. Раньше были, знаэш, скóбки бáрошнё-то. Прибита скобка, и в эту в скобку как в эту, в гнездо — веток... Ну, возле окошка — со стороны окна и с другой: и ветки туда — берёзовыэ ветки» [ЛИМ, д. Шугино; МИА 23:51об.]. «Ранше носили берёзку-ту, к этим, к окошочкам приколачивали. А так по деревне не ходили [с березками]. Токо кода на вечер не выходят-ту — ранше дак, перед Троицей. Ак уже у кажноо всё у окошечка приколочены эти берёзки были. Не знаю и поштó. В субботу ишо идут, принесут берёзки, а там уш в воскресеньё приколотят к этой, к избé-то. А потом куда вечéром ута́шшат, кода потом так как хто сдёрнёт» [ХЕП, д. Артово; МИА 24:44об.]. «Троица в воскресеньё всёгда бываэт. После Паски шес(т)ь недиль — Троица. Ломали березки рáньше — теперь-то не ломают. Ранше-то ломали и приносили к окошку березки накануне Троицы [=в субботу]... Кто смóжет принести: и старушки, и женшыны. Себе носили под окошечко — кажный к себе несёт» [НАИ, д. Весёлая; МИА 23:76]. «До Троицы берёзок не ломали! В саму Троицу ломали и клали в углы — к дому, к дому. В передние углы втыкали. И носили вот на иконки клали, на иконки. А Троица-матушка, ак я и сама знаю: вот што надо класть эти берёзки, дак укладываю, дак. Оне и на иконе и лёжат, стоят» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:57об.]. «А берёзкой вот

раншэ украшали: к избáм-то кладовáли, к окнам, да. Ну, вобшом, куды можно прилепить» [АНИ, д. Зуево; МИА 24:Ф1994-9Волог. Оп. № 65]. «А к Троице так берёзки, правда, заносили. Веточки занёсут берёзки. Тожо к иконе ставили. В саму Троицу, в саму Троицу» [НМП, д. Мыс; МИА 23:10об.].

После праздника высохшие берёзовые ветви хранили («А пускай они хоть год лёжат!» — КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:57об.), иногда использовали во время первого выгона скота (см.), а осенью сжигали. «Этими веточками пользовались. Вот коровушку гонишь, из этих [=троицких] берешь. Не бросали, обратно несли — прутиков-то много было... (В)итвина у нас называли, итв́ина. Эту (в)итвинку обратно несли. Это местное название. [Потом], наверное, в огонь бросали, потому што лето-то кончилось, коровушек гонять не надо» [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:86].

Обычай украшать дом березовыми ветками до сих пор соблюдается многими пожилыми женщинами. Уцелели и некоторые представления об особых свойствах и целебной силе троицкой зелени. Так, до нашего времени сохранился обычай заготавливать после Троицы банные веники, которые припасали на целый год. Причем считалось, что до Троицы веников ломать нельзя. «До Троицы не ломали веников, а после Троицы веники носили. Вот теперь вот после Троицы надо опять веников поломать. У меня сын парицца один, дак веником этим берёзовым. Дак он опять привезёт прутья, дак вот я и повяжу» [НАИ, д. Весёлая; МИА 23:76об.].

В Троицкую субботу, так же, как и на Пасху (см.), пекли пироги, красили яйца и ходили в церковь и на кладбище поминать умерших родственников. «Накануне Троицы поминальнэй день — в субботу. Троица в воскресенье, а в субботу поминальнэй день. Четыре раза в год бывают поминальные дни. Да. Это поминальнэй день вот, примером, накануне масленицы бывают. После Паски — считалась неделя, на второй неделе Фоминаа неделя была — на Фоминой во вторник поминальнэй день. Вот в церкву и идут, несут там — какие ли перожки пекут — на столы накладывают в церкви. В церкви столы наставлены. И вот кто идёт, в своём платочке на стол кладёт — там какой перожок испекёт. По-разному все! А батюшко приходит, читает... Пишошь, кто умёрший, как поминаэшь, передаёшь батюшку эту записку, и батюшко перед этим поминаэт, перед столом. И тут эти перожки. А эти перожки оставляли тут да, там оставляли...» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:52об.].

При поминовении на кладбище «кормили покойников»: оставляли на могиле принесенную с собой пищу и выливали на могилу вино. «На Троицу так с пирогами ходили. Пирогов напекём и — примером, стол на могилке — на стол салфеточку и на салфеточку на эту перогов накладёшь. Всякие пероги пекли, какие с чем ес(т)ь: изюм дак изюм, творог дак творог» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:53об.]. «Приходим это, своих родителей помянем, да оставим кода йим по яичку да. На кладбишшэ, ак мы отут подле крестик(а) кладём. Крест ставят под

это место — подсереду [=на середину могилы]. Я ак когда хожу, ак кладу по яичку да. А так от пироги спечём там, эт вино есь ишо хто брав. Ну, а потом я обычно, ак всё от маме капельку лену; а брат-от это-то и знаю, што горázдо выпи(в)ав, ак тожо тому надо — там лену» [ХЕП, д. Артово; МИА 24:44].

Встречаются упоминания об обычае носить на могилы цветы и березовые ветви, а также украшать могилы зеленью. «На кладбишшо ходим носим, хто цветы, хто берёзки» [КУН, д. Задняя Слободка; СИС 25:10]. В д. Панютино утром в Троицу ходили на могилки, носили пироги, крашенные яички и украшали крест венком из зелени [КАД, д. Панютино; СИС 25:41]. Украшали могилку зеленью и в д. Гора [БТМ, д. Гора; СИС 24:35].

Как и в остальные крупные годовые или престольные праздники (см. «Масленица», «Пасха», «Ильин день», «Престольные и заветные праздники»), на Троицу перегащивались и устраивали обильное застолье (см.). Обычным угощением для зятя был колоб, солодат и яйца: «Дац вот и колоб на Паску пекли, на Троицу. Хто на масле, хто — половина масла, хто — на сметане, хто на чём делали. Толокно надо. Тесто выпляпают, да накладывают соломаты, намешают, да належат, да в печку. Загибали маленько, загибали крайчики. И в печку. Пекли в печке в русской» [ННС, д. Холмок; МИА 25:96-96об.].

Важной составной частью праздника были гуляния (см.) и ярмарки. Молодежь на праздник обыкновенно гостила у родственников или друзей, угощалась чаем и пирогами, реже — вином. Затем собирались компаниями (парни отдельно, девушки отдельно) по несколько человек и, взявшись под руки, шли к церкви. Туда приходила основная масса гуляющей молодежи. Подошедшие компании («артилии») вскоре распадалась, большинство находило себе парочку, после чего уже гуляли по улицам парами. Пели песни, плясали «ланчика», «русского». Скажем, в Троицком сельсовете, где Троица была престольным праздником, «ходили, где гулянка, туда собирались. Там танцевали, гармошки [играли]. У нас всё у церкви гуляньё было. Вот от озера и туда гуляньё было. В каждом месте всё плесали, гармошки. Все больше ланчика танцевали. Со всех дере(в)энь шли к церкви. Да, да, да, шли парами и шли артилиями, но шли уш очень окуратно. Пóд руки брали. Еси парень с деушкой знаком, дак он йиё под ручку захватит, и гуляют, идут, да. И девушки тожо идут так жо, тожо парами, парами и под ручку. И парни идут так жо. Идут, идут там, потом своих знакомых найдут — барошон — и пóйдут гулять. Вот так и гуляли. И бываэт, што приезжали издалёка на эти праздники к нам. Пóзнакомяцэ — и с чужим деушкам гуляют» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:59]. «В саму Троицу тожо служба была. Придут днём оттуда с погосту, цяйку опять напыюцце, молодяшка, летом дак знаэш, ходят гулять, то в дереўне тут у нас ходили, а у нас такая рецька была, называласе всё Шумиха да Шумиха, ак вот ходили всё на эту рецьку гулять. Ну, тут уш свои только, вот ближнии свои, тут дальних не было никоо»

[ОУА, д. Опрячкино; СИС 26:66об.]. «Гуляли на Троицу — ходили ранше гулять. Народу у нас соберались повная деревня — дак пѡвно! Пряма плясали, всё от: (где ланчика пляшут, (где рускоо пляшут, (где чѡо от как. А так вот девушки-то всё ходили тут: штуки три-четыре захватяцца, ак от писни пили. Одна запеваэт, а потом другие подхватываюут. Ну, и по деревне пойдѡм: захватимсе так от [=под руки], вперед пойдѡм туда, потом оттуда опеть вот так вот пойдѡм». При этом пели в основном частушки: «А всякие там — какуу какаа знаэт» [ХЕП, д. Артово; МИА 24:45]. «Троица была. А хорошо справляли! Пирогов напекут, вина наберут. Вино пьют и угошшáют. И в гости ходили к друг дружке. И хорошо, хорошо было, весело у нас! Ой, гуляньѡ было в Троицу! Народу соберѡще — так целаа деревня: робята с гармошкам, девки ходят, писни поют, пляшут. А вот робята пошли с гармоньѡй по деревне — штук, наэрно, шес(т)ь. Рядом все идут и друг дружку дѡржацца, штобы не росходицца. А вобшэм так, по порядку [=по улице] идут, и идут, и идут. А девки заслед. Ходят, ходят, потом пойдут ланчика плясать. Поют писенки элакие хорошиэ — частушки» [МТК, д. Сапогово; МИА 24:60об.].

Обычно пляску под гармошку устраивали в центре деревни. «Пѡсерѡдке деревни пляску организуюут робята. Один (в) гармошку играэт, а робята эти соберуцца плясать. Вот элак вот встанут: вот так и так [=друг против друга — в квадрат]. Ко(в)да цетыре, ко(в)да и восим(ь) [пар] — ко(в)да как. Потом приглашаюут де(в)ушок. Вот так пошов, например, какой парень плясать, дак де(в)ушку пригласив. Она пошла с ним, пляшот...» [МТК, д. Сапогово; МИА 24:61]. Гуляния и пляска часто заканчивались дракой (см.), особенно если на праздник приходили парни из других деревень и принимались плясать «наперебой». «Драки были на Троицу, да и в Успенску(у) были, да и всегда. Робята тожо напьюцца пьяныэ, а иныэ и девки иной раз выпьют...» [МТК, д. Сапогово; МИА 24:61]. «Драки бы(в)али! Вон с Индомáна ак всё ходили хулигáна, ак всё времечко ходили дралисе» [ХЕП, д. Артово; МИА 24:45].

Наиболее торжественные и многолюдные гуляния на Троицу, продолжавшиеся не один день, устраивались в деревнях, где это был престольный праздник (см.), либо просто в большом селе, куда приходили жители окрестных деревень. «Троица была здесь, в Липином Бору праздник, сюда шли к Троице. А Духов день уже шли на Шульгинѡ. Там на Шульгинѡ они леса свои имели, земли они богато, леса продавали... А здесь земля плохая, в Липином Бору, земли мало — одна рыбная ловля. Так что здесь? Только справят это Троицу, а на второй день в Липином Бору ни одного человека — все на Шульгине. Там уже гуляньѡ большое было, потому што там проежжей дороги нет, и туда уже специально гости только шли» [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:86].

Необходимо отметить еще один обычай, приурочивавшийся в Вашкинском районе к Троице: своеобразный смотр невест с демонстрацией нарядов. При выходе из церкви после окончания праздничной службы молодежь раз-

делялась на две части: по одну сторону вставали девушки, по другую — парни. И те, и другие внимательно изучали друг друга, знакомились, иногда обменивались любезностями и мелкими подарками, после чего могли появиться вечером вместе на общей «гулянке». Так, в с. Троицкое девушки «станут в одном мѣстечке там, а кавалеры — в другом, ребята в другом местечке. В Троицу это было. Как из церкви выходят, так там девушки в сторону, ребята — в другую. Да, вот так. А потом уш, под вечер уш, значит, ходили по домам. А потом приходят вечером уш — гулянка была» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:64].

Перегащивание и гуляния продолжались и в Духов день. В Шалго-Будуновском сельсовете в этот день посещали старое кладбище, неподалеку от которого проходили и праздничные гуляния. «На второй день Троицы называвси Духов день. Вот в Духов день ходили вот на то кладбишко [=старое], на большоэ — в лесу кладбишко-то. Это тожо поминали своих родителей, и там такаа жо [как и на Вознесенье] гулянка была, дак собиравлось. Вот у нас это кладбишко, где вот было новоэ-то кладбишко сделано, ак тут только свои, вот дереўни нашей. Наших вот цетыри, да вот тут с тоо конца, да коўды ишо от Спаса тожо как эть приходили — тут-то не так было много народу. А вот уш на том-то, на старом-то кладбишке, дак там быво сколько волостей соберѣцце, дак там народу очень быво много.

Опять служба на погосте: походят уш все, тут малый и старый; все походят, хто можот идти только. У службы там отстоят это, и вот идут на кладбишко. На кладбишко сойдут, там у коо есь (ить не у всех тожо эть умирали люди), у коо свои ести похоронѣны, зайдут на могилки, посидят там, пойидят пироги (всѣ эть раньше с пирогами ходили), помянут родителей и там у коо хто умер, и потом уш гулянка. Ну молодяшка ак это, пожалуй, можот и на кладбишко эть не заходят — пошто молодяшке? Эть уш старенькиэ-то которыз ходят, а молодяшка ак собираюцце, ак там гуляют уш вовсю! А потом уш все с кладбишша уходят все туды, на дорогу. На дороге-то все тут-то и ходят. А дорога-то — ну, раньше на конях йиздили. Вот тут гулянка и была. Ну, молодяшка ходят гуляют, а хто посторонней, эти вот (ну, очень пожилыз женшыны, мужики) дак, эти — такая были канавы вроде (лесу-то тут не было, што уш рядом-то лес-то), дак сидят там на канаўке, сидят глидят. Што ты! Эть бабам-то интиресно, как там пляшут, да какая деўка с кем, какой парень с какой деўкой гуляют, да всё это. Вот только плясали, да пели цястушки, да и всё. Русскоо деушки плясали, ланцика плясали, вобшом вот так... Много, много, этих гармонистов-то, робят-то, де(в)ок-то! А эть посторонней-то народ сколько вот! Все эть, все ходили — мужики и бабы — все ходили Уш только хто не можот идти, дак только не ходили! Родителей помянут, посидят там на могилках, а потом уш и гулянку объявляют. А к вечору опять и росходецце, эть по домам росходецце. Ишо придут, дак што ты!

Молодяшке ак эть дома не сидище, ишо пойдут вот: нао ишо дома там погулять, хоть около дереўни» [ОУА, д. Опрячкино; СИС 26:65об.-67об.].

Следующее после Троицы воскресенье носило название «троицкого заговения». В Троицком сельсовете любимым развлечением молодежи в этот день было катание по озеру на лодках, сопровождавшееся пением под гармошку. «А на озере — в лодки сядут с гармошкой и каталисе по озеру. Тихо! Взад да вперед и катающа, катающа на вёслах — на заговеньё троицкоё» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:56]. Такое катание было составной частью и троицких гуляний (см. «Гуляния»). В этот же день парни и девушки собирались вместе, устраивали складчину и шли в ближайший лесок, где варили и ели яйца. «После Троицы неделя пройдёт, называэцца “заговеньё троицкоё”. Вот у нас и яиц варили — вот здесь были кустышки (“кустышки” — месность, лесок такой был на кру́че; а сичас у нас всё вырублено!), это девушки и ребятки сойдут туда и варят там в котле эти яйца. Ну, кто сколько принесёт. У коб дак, можот быть, и есть как много, дак и побольше принесёт, а мало — дак и принесёт и немножко». Сваренные в «кустышках» яйца не красили, а «так, так ели — били да ели» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:56].

Помимо совместной трапезы яйца могли употребляться и как подарок. Каждая девушка по обычаю дарила их своему парню. Количество яиц, необходимых для подарка, как и в других случаях, определялось достатком семьи. «Это пойдут как гулять, дак и подарят парней. Ну, которая гуляэт уж с кем, с этим парнём, она ему подарит, да. Ну, там сколько подарит: можот, два ли там, три ли подарит ёму...» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:56].

Взрослые отмечали троицкое заговеньё обильным застольем, которое в Троицком сельсовете обычно завершалось обычным для Вашкинского района «последним» блюдом — солوماتом (см. «Масленица», «Жатвенные обряды»). «В троицкоо-то заговеньё тожо солوماتу делали да, да. Солوماتу мешали да — ели, ели! Это по́следнее там — ђбедаэшь ли ужинаэшь, дак по́следнюю солوماتу несут, ели...» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:66].

Островский Е.Б.

УСТНЫЕ РАССКАЗЫ

Повествования о случаях из личной жизни рассказчика, воспоминания о знакомых и близких, на первый взгляд имеют мало общего с привычными фольклорными формами. Такие рассказы, как правило, индивидуальны и личностны, но, тем не менее, они часто отражают народные представления об окружающей действительности и используют традиционные схемы повествования. Поэтому они могут быть интересны любителям и ценителям

народной культуры не только как источник этнографической информации, но и как любопытное современное фольклорное явление.

Как правило, записанные в Вашкинском районе устные рассказы сопровождают воспоминания о старых обычаях, комментируют их. Сегодня многие из таких рассказов передаются с уст родителей (матери или бабушки) и бережно сохраняются подобно семейному преданию (см. также «Былички»). Например, в д. Росстань удалось записать такой рассказ о дарах невесты на свадьбе: «Мама всё рассказывала, што целую коробку роздарила. Целая коробка была, говорит, платья всякого, все пришлось роздарить. Дарила это деверям да, ну, да и свахи, золовушкам да, свекровке да, свекру да. Целую коробку, ну там кто быў на свадьбе. Дружке — полотенце... На лошаде поедут дак надо ишо полотенце, и на дугу кладовали. Это у нас мама выходила, дак мы от мамы слышали» [ДЕГ, д. Росстань; ССН 9:62].

Рассказы о старинных обрядах и обычаях не сюжетны. Они включают в себя описание действий, которые нужно совершить в определенной последовательности, и предполагаемый результат. Такие рассказы одна из форм передачи традиции. «А ранше знаат нам чё говорили: “Накануне святок, вот — едут святки! Едут святки. Это выйди и сиди! Токо надо выйти эть чово-то сказать ... Едут оне святки, едут оне как с сеном. Ты, — гоорат, — успеи вырвать у их (оне с сеном!): сколько вырвешь волотоцёк, они столько шёлковых лентоцёк у тя очюдищэ”. Это когда святки едут, дак на святки. И это ранше было, это нам говорили старухи: “Вот, девки, выйдете, вырвите если этих сколько травинок, столько шолковых вам лентоцек. Святки едут”. На святки едут. Это ранше было, говорили. Мы делать не делали. А это было» [КАВ, д. Мытник; ССН 9:64]. Подобный прием повествования характерен для описания обрядов и ритуальных действий. Особенно типичен он для описания святочных гаданий (см. «Гадания»).

Другие рассказы представляют собой воспоминания участников или очевидцев обряда или действия. Рассказчик рисует слушателю «живую картину», отмечая при этом наиболее существенные или наиболее яркие и почему-либо примечательные для него детали (см. «Былички», «Гадания», «Кудеса», «Свадьба»). Различная установка рассказчика, стремление произвести на слушателя то или иное впечатление сообщают рассказываемой истории признаки, характерные для других прозаических жанров.

Общеизвестные положения, доказываемые или опровергаемые рассказчиком, выражаются сопровождающим рассказ резюме. Таково, например, описание святочного ряженья: «Покойники напугают да... Ну, ранше боялись. Вот топерь никто никово не боюща, веть никаких покойников! Или мне вот топерь хоть лежи тут покойников, не знаю — дак я хожу хоть бы что! А ранше боялись. Мы идём с девчонкам, а такие две избы-то стояли рядом, такой заулоч за имя. Оттуда парень-то покойником снарядиўсэ, а мы

без сознания и сделались, дак перепугались, думали и не оживить будёт! Ну, покойник, покойник. Зубы такие редешные, во всём белом, такой заулок страшный, выбегаёт покойник — ну тут все и уложились!» [КЕА, с. Липин Бор; ССН9:5-6].

Нравоучительное резюме сближает устный рассказ с быличкой, особенно ярко обнаруживающей связь с народной дидактикой и проповедничеством. Воспоминания о прошлом часто соединяются в них с оценкой настоящего («раньше-теперь»), постоянно сопоставляются с хорошо известными слушателям фактами. Устойчивые критерии осмысления хотя и недавнего, но уже исторического прошлого, способствующие его идеализации или некоторой мифологизации, связывают устный рассказ с преданием (см.). В рамках обобщения мог рассматриваться любой частный случай из жизни рассказчика, его родственников и знакомых. Таков, например, рассказ о том, как отец купил первый в деревне громофон: «У меня у отца был громофон. Съехал в Роксому к празднику, а там — к Егорью. А сырос(т)ь и схватила, ну а мы все в каганьках — в валенках. Ну. Нельзя. “А вы, робята, бегите, пока не растаяло. Бегите домой! А я потом приеду. Начевать останусь”. Vuот. Ночь начевав, другую. И остаться, и ийти домой нельзя. Ну. Там увидев у коо-то громофон — этот громофон купив. Купив громофон — элакой большо-ой-эт! Знаэш, наверно? Ага. Бо-ольшаа труба! А ехать-то из Роксомы, дак можно по реке. Река розошла-ась и всё! Йиздили, дрова возили по реке; а тут все розошлось, така оттепель была. От ён этот громофон поста(в)ив на беседку [=скамейку в лодке], йидет по реке, громофон поё-от! Уй, мы-то все-то, все-то бегаам-то; “Господи! Чё тятя-та везет, тятя-та цё везёт? — раншэ “тятя” все звали, не “папой?” — Тятя-та!” Тятя приехав с громофоном. О-ой! И да на этот громофо-он да сбежалосе тут с трёх деревень людей дак. Либо из утра пойдут на работу, а ён возмет да с громофон — окошко отворит, на стол поста(в)ит и заведет. Дак все-е у окошка слушают громофон. Вот ранше занятіе было! А топерь чё занятіе? О — нехто нецё, только одну бутылку все знают, боле ницё. Одну бутылку!...» [ГАВ, д. Аниково; МИА 25:42].

Незаурядность описываемых ситуаций, нередко анекдотичность происшедших ранее случаев, отмечаемые рассказчиком с целью удивить слушателя или просто развлечь его занимательным рассказом, определяют сходство устного рассказа с бывальщиной. Например, близки к бывальщинам воспоминания о святочных проделках молодежи и ряженных (см. «Кудеса»). «[Это было] в первый год после войны. А у нас две вот тут женщины жили. Вот Марья вот эта, чудачка такая она была в молодости. Да. Марья Шутиха ишо, вот Миши Федотова мать, — они подружки и такие чудачки! Ну только бы што-нибудь вот где им почудить. И они што выдумали? Он [=муж] сидит — я лежу дома (на печку зашла погретца в сумеречках). А они кормили коней обе [в колхозе]. И уговорились: обое нашли где-то две шинели, после уш войны-то, ну шинели-

то худые, и нашли старое ружьё. Сумки эти повесили и нарядились военным. “Военным”. Шапки нашли. Ну, лицо у них было или заматано или закрыто-уши знаю. Голос изменили. Я слушаю-то (я слышу, а он сидел валенки подшивал), зашёл и гов(о)рит (вот так оглянулись обое) — а у нас тут зимовка была, мы в зимовке жили, ни в этом доме; у одних у нас тут рядом зимний домик был: “Драствуйте”, — там каким-то голосом таким. Он положил эти, все инструменты: “Драсьте! Откуда, служивые, будёте?” — Он их ни узна-а-л! Никак не узнать! — “А дальние мы, вот так. И пустили бы ночевать! Ночевать, — мол, — вот типерь нэгде: мы вот отстали вот тут от пути, а нам ишо дальше надо попасть на Коркуч (в)от туда, типерь ночью ни пойдём!” И как-ат у них голос-то ни... — ну, могли они это всё сделать как-то. — “Да я бы пустил, ребята, вас ночевать-то, — он сирьёзно, — пустил бы ночевать, да у меня вот семья большая!” Они ни могли удержатца — схохотали! Обе схохотали, шо симья-то никакой нет, он просто их не желает пустить, так: “У меня, — крик, — семья — то большая!” А одна эта, вот эта Марья, и говорит: “Да хто у тебя семья-то?” — “Да вот у меня тут ребяташки убежали на улицу, дак много ребят, дак негде вам лечь спать-то!” Потом, как они сосмьялись-то: “О-ой, вы, халеры вы такие, вы сякие!” — схватил эту вот какуй-то, ни знаю — хотел хлестнуть их. Они обое со смехом-то бегом. К [Куверихе] потом зашли к бабке вот, к Саше, дак ту перепугали, ак та на двор не один раз сбегала (обо...алася с испугу). Да к той сошли, дак: “Чёо, сичас зарежем или погода?” Кошка была положена в корзину, кошка-а! И она, значит, вот так, руку-то положит, да кошку-то там дернет. Кошка-та как заорёт! Сколько сил, худым матом. Да и гвыт: “Што, сечас пристанем делать дело-то это потом?” — это друг другу-то. Ак старуха-то вся перепугалась, да только, только на двор бегаэт — понос пробрав с испугу. О-ой! Чёо было!» [ЛИМ, д. Мосеево, МИА 23:53-54].

Устойчивым мотивом воспоминаний о святочном ряженье является и то, что хозяйева избы или бойкие девушки на беседе, куда пришли кудеса, дают ряженым достойный отпор: «Покойника на скамейке принесут да это — кадят. Да к это, дыму-то напустят, дак. Двери откроешь, думашь: “Идите вы к лешему, вы нас уморите этта!” Девки все молодые, ак любят, штоб посмьялись» [МАД, д. Москвино; ССН 9:97]. «И покойников на носилках, во всём белом, кадят, причитают. Зубы белые вставят. У нас мама принесла, дак я маме и съездила бадогом. Да к она меня вокруг печки после этого гоняла — сама виновата, не надо было сильно прижимать [=держат в строгости]» [СНС, д. Мамоново; ССН 8:22]. «Один раз мы цыганками нарядились, пошли просить. А тут у нас старуха была очень вредная. Одна нам в сметану сажи насыпала. Мы пришли, хотели соломоту со сметаной есть, а там сажа. Так мы эту сметану сажную ей на дверь вылили» [ММА, д. Ларино; ССН 8:26].

Смольников С.Н.

УТУШКА

Игра «утушкой» в Вашкинском районе некогда была одной из самых любимых как на летних гуляньях, так и во время святочных игрищ, где она, по-видимому, могла выполнять роль наборного хоровода. В 20-е годы эта игра уже перекочевала в подростковую среду. Скажем, в дд. Паршино и Берег в нее играли летом дети от 10 до 15 лет. Двое из них образовывали «петельку», т. е. поднимали вверх соединенные вместе руки, и у них под руками под припевку начинала бегать цепочка из остальных игроков («утят»), возглавлявшихся «утицей»), которые друг у друга «за подол держались».

Утя, утя, утица,
Уте некуда пройти
С малым детушком,
Со дитятушком.

Постелька мягка
Распушилася.
Кабы петелька была,
Задавилася!

В конце припевки игроки в «петельке» опускали руки. «Котора из круга не успе-ла — в круг с ними станет». Теперь «утята» пробегали под руками трех игроков, стоящих в кругу, и т. д. [ПЕИ, д. Паршино; КМП, д. Берег; МИА 15:56:57].

В д. Москвино двое игроков образовывали «воротца», а остальные про-ходили в них цепочкой под песню.

♩ = 128 Нотация Е.Г. Богиной

У - ти - у - ти - у - тень - ки, у - тям не - ку - да прой - ти

с_ма - лым де - туш - ком с_ма - ло - ле - туш - кам.

Что пе - рин - ка мях - ка рас - пу - ши - ла - се,

ка - бы пе - тель - ка бы - ла, дак за - да - ви - ла - се.

Ути-úти, úтеньки,
(вар.: Ути, утеньки, ути)
Утям некуда пройти
С малым детушком,

С малолетушкам.
Што перинка мяхкá
Распушиласе.
Кабы петелька была,
Дак задавиласе.

По окончании песни «воротца» останавливали ту, которая шла последней. «И вот одну, которая задняя, дак эту её уш и захватывают эдак. Как уш: “Задавила-

се,» — дак уходит в сторону и всё. Вот всех эдак переписывали. А вот чово было дальше? — Тянуцца это. Друг дружку перетягивали, это было много. Тянулисе. Вот так тянулисе, што силу пробовали друг у дружки, кто ково перетянет. Вот сядем на луг друг перед дружкой. Вот так захватиссе и тянешь. Которая может перетянуть» [ЛАД, д. Москвино; ССН 9:83].

Другие варианты не намного отличались от приведенных выше.

Ути-ути-ути-ти,	вар.2: Ути-ути-утяти!
Утке некуда итти	Утям некуды протти.
Со малым дитям,	С малым детушкам,
Со малюточкам.	С малолетушкам. — д. Гавриловская)
(вар.1: Ути-ути-ути-ти,	Кабы мяккая перина —
Утям некуда протти,	Дак распушилася,
С малым детушкам,	Кабы петелька была —
Со дитятушкам. — д. Волково;	Задавилася.

«Играют, бегают девочки да вот. Друг за дружку [держатся]. А эта “утя”-то и бега-ет. Как это — “не детца ей” — захватяцца да и задавят её» [ККА, д. Босово; ССН 9:79об; ЮЕМ, д. Волково; ССН 15:9об.; АМИ, д. Гавриловская; ССН 15:2об.].

Утушка, ути-ути,	Кабы лес густой —
Утке некуда протти	Заблудиласе...— д. Парфеново)
Со малыми детушкам,	Кабы быстрая река —
Со рожоньми.	Утопиласе,
(вар.: Уточка, ути-ути,	Кабы петля была —
Тебе некуда уйти	Задавиласе.
С малым детушкам,	[КФГ, д. Малеево; ССН 9:94;
	ПМП, д. Парфеново; СИС 22:56].

Иногда под пение «Утушки» девочки-подростки просто ходили «плет-нем», тогда эта игра больше напоминала хороводную: «ходят по кругу, цепочкой, правая рука на левом плече».

Утушка, ути-ути,	Утопилася,
Утке некуда пройти	Кабы петелька была —
С молодыми детками	Задавилася.
Со рожоненькими.	ПМП, д. Никольская; СИС 21:29-30;
Кабы озеро воды —	КАА, д. Макино; СИС 22:57об.].

В некоторых вариантах после традиционного зачина следовала считалка, при помощи которой, по-видимому, определяли того, кто должен был вый-ти из игры:

Ути-ути-ути-ти,	Поп под стол,
Утям некуды протти,	Попадья на стол.
Там играли мышки	Курица на улицу,
У попа на вышке.	Петух на село,
Одна мышка околела,	Сам не знает ничево.
Всему миру надоела.	[ШЕВ, д. Погорелово; ССН 15:10].

Как хороводную могли использовать и известную песню «утушка луговая»: «Ходят как-то руками захватывались».

— Утушка луговая,
Где ты ночесь ночевала?
— В поле под ракитовым кусточком.
Шли мужики с топорами,
Срубили по пруточку,
Сделали по гудочку.
Вы гудки не гудите,
Уточку не будите.
МАК, д. Пиньшино; СИС 22:42об.].

Слепцова И.С.

ФОТОГРАФИРОВАТЬ

Эта сценка ряженных представляет собой поздний вариант разнообразных инсценировок с демонстрацией обнаженной натуры (см. «Медведь», «Покойник»). В 20-е годы в Вашкинском районе еще сохранялись сценки со старой символикой. «Фотографировали: на санки задницей голой поставят кверху, закроют, привезут на беседу, откроют, рукой шлепнут — вот и сфотографировали!» [ШТА, д. Мякишево; ССН 8:41]. Обращает на себя внимание взгляд деревенских жителей на городские нововведения (фотоаппарат, патефон, граммофон, телефон), как на нечто неприличное.

В других вариантах этой забавы девушкам демонстрируют «фотографии», т. е. их карикатурные портреты на кусках бумаги. «На(д)а, штоб “фотограф” пришел да и сфотографировал. Какую ли коробку придумают ли. Каково ли чуда напишут, каково ли чуда нарисуют да и подпишут, што ты сфотографирована: “На вот тебе! Тебе фотокарточки пришли!” Ну, вот они и раздают ходят, што: “Это ваши фотокарточки!”» [МАД, д. Москвино; ССН 9:97].

Иногда все ограничивалось пародированием самого процесса фотографирования. «На фотокарточку снимать. Вот элакую сделают: этово закроют чем ли да принесут. Принесет палки, кладет на палки какую там — полож либо чё ли большоз, тряпку каку-то большую. Вот велит: “Стой, стой, стой!” Ну, и снимаат. Снимает всех, всех — [то на одну, то на другую нацелится]. “Стой, стой — сичас снимаю!” Щелкнёт там чем-то» [ЛАФ, д. Панино; СИС 23:5].

Слепцова И.С.

ФРОЛОВ ДЕНЬ

Фролов или Хролов день (31.08.) — день, посвященный памяти святых великомучеников Флора и Лавра. В народных верованиях и в православной иконографии эти святые угодники представлялись покровителями лошадей. Особо торжественно данный праздник отмечался лишь в тех деревнях, где он был престольным. Скажем, в д. Калитино во Фролов день устраивали пляски в овинах [УАП, д. Калитино; МИА 15:32]. В Роксоте (д. Мыс) Хролов день отмечали три дня, а на четвертый и пятый день ходили по дворам, по всем соседям «сшибать». «Спрашивали: “На дрожжах не осталось?” — “Нету”. Или: “Садитесь за стол, пока не допьем — не уйдем!”». Пиво в этой деревне варили на все праздники, но «на Хролов день посильные (=покрепче), на Ильин день — послабже» [НМП, д. Мыс; БАМ, д. Янино; МИА 23:5].

В 20-е годы на большей части территории Вашкинского района сохранялась традиция выпекать в этот день обрядовое печенье — «фролы» («хролы»). В других местах России его нередко выпекали в форме лошадиного копыта и закармливали им лошадей. «Хролы — не печенье, а шарички круглые, и назывались оне “хролы”. Из муки, только сдобные. Круглые шарики. На Хролов день надо “хролы” печи» [ААИ, с. Липин Бор; ССН 12:7].

«Хролы» обычно приготавливались из ячневой или пшеничной муки [ЯАА, д. Веселая; СИС 21:8], чаще из домашнего толокна («овес запаривали, высушивали, толкли в ступах»). Муку или толокно замешивали на масле, добавляли сметану, яйцо, сахар. Тесто раскатывали в жгут, разрезали на части и скатывали небольшие шарики («катыши»). Пекли «хролы» в печи на противнях или сковородах. Подавали к столу с чаем или молоком. «“Хролы” пекли, на масле да еиц наколотят, да элакие, толокно — да толокно, совсем с толокном-то он развалицца, эсли одно толокно, ишо мучки подсыплем, да вот и катали. Шарики, круглыи шарики. Запекали в печё и вот на стол и подавали. “Хролы” и называли. С чаэм, с чаэм ели» [МНИ, д. Мыс; СИС 21:66об.].

На «Хролов день» было принято не только самим есть «хролы», но и угощать ими всех, кто заходил в дом. «Много пекли. Угостить — хто ни зайдёт, дак всех угостить...» [ЖВН, д. Ваномозеро; МИА 23:34]. «Из толокна замешают солоMAT, вот на масле из толокна. Накатают вот эдаких шариков. Парного молока выпарят и с этим молоком эти шарики поддевают и хлебают. Едят это в Фролов день» [КАГ, д. Филиппово; ССН 14:44]. «Такой быв праздник — Фролов день пекли “флоры” (“флоры” и “фролы”, и как их? — “фролам” назывались). Ели все. Сдоба такая, сдоба была. Из толокна, на масле... Толокно своё домашнёе толокно, запарное толокно. На масле этоо толокна намешают, значит, и накатают таких круглых. Накатают катышей. Да, вот это флоры. И с чаем подавали» [ЛИМ, д. Шугино; ЛАФ, д. Мосеево; МИА 23:60].

Минюхина Е.А.

ХВОРОСТЫ

Хворосты — обрядовое печение, приготавливавшееся на свадьбе, а также на Троицу (см.) и Вознесение (см.). Представляло из себя сдобные, сухие сочни из белой муки, завернутые в спираль наподобие бараньего рога, или изготовленные следующим образом: в полоске теста посредине делали сквозной разрез, в который продевали один из ее концов. Хворосты варили в кипящем масле или жарили на сковороде. «Сочешки выскут из белой муки. Красивые — скалкой выскёшь. Хворосты, хворосты называлисе. Когда масло кипит, на веретёшко вот так завёрнут [=в спираль] и иё — прямо в масло. Оно кряду сварилось, а потом на тарелочки кладут... Дак он закрутище сам в масле: на веретено ево элак завьёшь, и он там сvariще» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:57]. «Хворост пекли: сочни круглые. Яйца, растительное масло, муку белую и соль смешать и печь на сковороде с двух сторон. Получаются хрустящие» [ПМП, д. Парфёново; СИС 22:55об.]. «А такие вот катаники небольшие сдобные. Сдобные сделают, дак в таких дырочках: как сочешки, эдакие вот круглые такие, продолговатенькие» [ХЕП, д. Артово; МИА 24:29-29об.]. «Форосты — сдобы накладывают и на муке на белой намешают, намнут это всё и наскут этих, как сощни: такиэ тонкиэ-тонкиэ-тонкиэ. И вот пекли. Ну, оне пропечёнээ такиэ, как вроде маленько хрустяшыэ такиэ. Вот эти форосты» [ОУА, д. Опрячкино; СИС 26:70об.]. В Пиксимовском сельсовете сообщили такой рецепт приготовления «хвороста»: взбить яйца с водой и солью и замесить тугое тесто, затем тонко раскатать сочень, нарезать его полосками шириной в палец, скрутить или свернуть кренделем и бросит в кипящее растительное масло или сало. Потом вынуть и посыпать сахарной пудрой [РЗМ, д. Прокино; СИС 25:38].

На свадьбе это печение обычно подавалось после приезда молодоженов от венчания в дом жениха, когда основные приглашенные соберутся и рассядутся за столы. Иногда хворосты раздавали, встречая молодых от венца. «На свадьбах эти форосты принесут уш вот когды княжой стол отойдёт. Там станут садицца — эть раньше нао ишо накормить штобы всех — и вот потом принесут форосты, такиэ в решотах. Вот принесут форосты, жених с невестой (в)станут, станут кидать форосты к народу, штобы народ эти форосты фатали [=хватали]...» [ОУА, д. Опрячкино; СИС 26:70об.]. «Форосты (блины, блины сухиэ, хрупкиэ) носили когды за княжом столом сидят молодыэ. На стол принесут ришато, тогды форосты мнут и кидают по сторонам, а деўки хватают... А мнут-то — дак эть по форосту кажный (с)фатит, так эть мало форостов-то, а эть народу-то много. Так йих поломают да и кидают» [ААК, д. Естошево; СИС 26:47]. По сведениям, полученным в с. Липин Бор, хворосты могли использоваться и в качестве «разгонихи», т. е. блюда,

завершающего свадебную трапезу. «Последне — ф́орост. Такие тоненькие — ф́орост называюцце. Самое поседнеё подавали» [САМ, с. Липин Бор; ССН 11:7].

Подавали и ели хворосты несколько иначе, чем остальные свадебные блюда. Во-первых, их никогда не ели за столом: большуха или свашки бросали их детворе и толпящимся возле двери односельчанам, пришедшим поглазеть на свадьбу. Во-вторых, их никогда не отдавали целиком, но непременно ломали на куски, чтобы досталось всем желающим. В-третьих, зрители не просто брали (или ловили) печенье, а хватали его наперебой, вырывая друг у друга, стремясь обязательно попробовать хотя бы кусочек. «Приедут от винчёння, тут за столом сидят жоних и невеста, дак народ накопицца. Вот и кидают хв́оросты. За столом, после еды уш начнут бросать. Да. Всем — ну, детишкам и взрослым. Дак схвата́ют — по кусочку по вот элакому инно и достанецца! Дак чё тут: х́амнут да всё!..» [ЕТП, д. Гавриловская; МИА 25:38]. «Как жених да невеста идут, этот на тарелку хворост, дак уж што! Всей деревней только хватаем, только хватаем эти хворосты. Кому достанецца, а кому и нет. Большая вот и носит. Это вот, знашь, хозяева, где свадьба» [ААК, д. Ухтино; МИА 24:]. «Делали. Вот о свадьбах делали. Кода за столом сидят там, празнуют, кидают на народ. Народ там хватает, кому попадёт. Это кода свадьба, в самую свадьбу...» [КНЯ, д. Сидорово; МИА 25:57]. «Ковда собирают на стол, дак тут подавают на тарелочке. Ковда кто кому надо — бери. Ну, вот, ломают: они сдобные, ак» [ХЕП, д. Аргово; МИА 24:29об.]. «Там, на свадьбе — “хв́оростом” называюцца, сочни какие-то сќали, сочни. Ак кидали через голову, дак кто поимáэт, дак и йидят хворост. В свадьбу. Ак километра з́а три ходили маленькиё!..» [КАА, д. Слизово; МИА 25:73].

Перед разбрасыванием хвороста сваха иногда хвалит невесту, подчеркивая ее лучшие качества и разнообразные умения. «На свадьбе на стол вынесут большую стопку хвороста, говорят: “Наша невеста пряха и ткаха, и шолковица”. Свахи берут и кидают ево свадеблянам от невесты» [ПМП, д. Парфёново; СИС 22:55об.].

Таким образом, хворосты предназначались не только приглашенным гостям, но и посторонним. А их форма, способ скручивания теста, обрядовые действия с ними, вероятно, мотивированы теми же продуцирующими свойствами, которые в традиционном сознании приписываются и иным свадебным обрядовым реалиям с символикой завивания, закручивания (например, косе, волосам невесты — см. «Красота»). Первоначальной же формой хвороста был, по-видимому, круг, так как часто встречаются его описания в виде тонких хрупких блинов. Всякие усложнения формы можно считать позднейшими (скорее всего — городскими) влияниями.

Островский Е.Б.

ХОРОВОДНЫЕ ИГРЫ

Традиционный быт Вашкинского района 20-40-х годов нашего века характеризуется сильным влиянием городской культуры и моды. Уже в начале века в этих краях частушка и кадрили практически повсеместно вытеснили протяжные песни и хороводы. Даже самые старые рассказчицы (1903-1910 годов рождения) знают о хороводах только по воспоминаниям своих матерей или даже бабушек.

Вместе с тем вплоть до 30-40-х годов в молодежном и подростковом обиходе сохранялось немало хороводных и круговых игр, в том числе и старых, известных еще по записям XIX в. Скажем, в д. Никоново у девочек-подростков бытовали хороводы «Розочка алая» («Хожу я гуляю вдоль по хороводу, / Хожу выбираю любую невесту») и «В хороводе, в хороводе, в хороводе были мы, /...увидали парочку» [ПЕМ, д. Никоново; ССН 8:6]. В д. Новосело дети 10-12 лет еще в 20-е годы, став на улице в кружок, разыгрывали старинный хоровод с выбором пары («выбираешь и ходишь парой» — СЕА, д. Новосело): «Хожу я гуляю вдоль по хороводу, / Смотрю, выбираю молодого парня (молоду девицу)». В этой же деревне дети нередко играли в старую посиделочную игру «Со вьюном я хожу». В д. Прокино во время Троицкого гуляния на Гуриной горе (см. «Троица») дети и подростки играли в «Просо сеять», «Со вьюном», «Летели две птички», «Каравай» [РЗМ, д. Прокино: СИС 25:39об.].

В ряде случаев такого рода игры, по-видимому, получили известность благодаря популяризации в детских учреждениях (в школах, интернатах, детских домах и приютах, позднее — в детских садах). Встречаются упоминания о том, что некоторые из этих игр и хороводов были усвоены от детей местной интеллигенции: учителей, священнослужителей, ссыльных и т. п. Учитывая широкое распространение такого рода игр, трудно с уверенностью сказать, какие из них отражают местную традицию (в любом случае, видимо, несколько трансформированную и адаптированную в дидактических целях), а какие бесспорно занесены извне. Отметим лишь тот факт, что игры типа «Лен сеять» (см.), «Уж я сеяла, сеяла ленок», «Со вьюном я хожу» (см.), «Летели две птички» (см.), «Каравай», «Капустка» и под. еще в прошлом веке были популярны у провинциального мещанства и пригородных крестьян, а поэтому могли проникнуть в вашкинские деревни вместе с другими «модными» вещами. Это особенно правдоподобно, если учесть значительные масштабы отходничества, характерные для населения этих мест в XIX веке.

Случаев использования хороводов и круговых игр на молодежных гуляниях и беседах в 20-40 годы сравнительно немного. Так, в д. Малая Чаготма молодежь часто собиралась на гумне или на поляне, где пели, плясали и водили хороводы. Один из них, по свидетельству рассказчицы, разучивала с

подростками учительница (хотя при этом уточняет, что песня, видимо, местная, так как она ее «на свадьбе слышала: у нас дядюшка женился, дак на свадьбе пели эту песню» — ИАН, д. Малая Чаготма). Песню запевал парень, а остальные подхватывали:

♩ = 90 Нотация Е.Г. Богининой

Си - дел го - лубь на ка - ли - не,
го - луб - ка на ви - шне.

Сидел голубь на калине, / 2 р.
А голубка на вишне.

Все:

Ты скажи, скажи, голубка,
Што у Вас на мысли? / 2р.

А девочки поют:

Один молодец-соколик / 2 р.
По горенке ходит,
Ясных глаз не сводит.
— Ты скажи, скажи, голубка,
Кто Вас разобидел? / 2 р.
— Зачем было подходить-то
К другому крылечку,

Зачем было тебе сватать
Девицу другую?
— Знать судьба моя такая:
С другой обвенчацца,
А твоя судьба такая —
Сиротой остацца...

«Там было больше этих куплетов, да я вот все не запомнила — это ведь когда еще в школе учились, пели» [ИАН, д. Малая Чаготма; СИС 23:24об.-25].

Во время пения этой песни «ходили плетнем»: «Плетень» у нас назывался. А «плетнём ходили» всегда вот тут вот на полянке, где играют, тут и ходили. Сначала в круг, потом расходяцца из этого круга. Самая, которая «завивала» этот плетень и нацинает первая, вот так и «розвиваэцца» — рука у каждой снимаэцца и всё. Когда они ищё вот так это ходят, то вот, например, из ромашек веночки делали. И вот у одной, которая «расплетает», дак у ней поднят этот венецек, а потом вот так опускаэцца...» [ИАН, д. Малая Чаготма; СИС 23:24об.]. «Плетнем» в этой деревне ходили и во врем игры «Со вьюном» (см.), и под другие песни. Способы «заплетания плетня» были, по-видимому, разными. Иногда просто клали руку на плечо партнеру, а иногда поочередно проходили цепочкой под руками игроков, как это обычно делали при игре «в капустку», припевку к которой еще помнят старики:

Вейси ты вейси, капус(т)ка,
Вейси ты вейси, белая!
Как теэ, капус(т)ка, не вицца,
Как теэ, белаа, не ломицца?..
[ЛАП, д. Сукозеро (в детстве жила в приюте
в г. Белозерске); МИА 24:Ф1994-11Волог. Оп. № 90].

Разновидностью «плетня» является и игра «в веревочку», упоминания о которой можно встретить в описаниях весенне-летних гуляний: «Ходили одна за одной — правая рука на левом плече — по кругу или по улице и частушки пели» [ПМП, д. Парфеново; СИС 22:55об.]. В Мосеевском сельсовете (местность Индоман) так могла называться одна из фигур кадрили или ланчика: «Веревочкой вот элак вот друг за дружку захватяцца да тонцуют вот элак под гармонь. Рукам-то друг друга захватят и верёачкой выюцца: друг за дружкой вот элак тонцуют, тонцуют, а и выюцца, а пѳтом и все вмисте и сойдущце... И под рукам-то: вот элак вот руки пѳднимут, да и пѳ паре-то гнетущца друг за дружкой, вот элак вот и прѳходят, пѳ паре-то проходят...» [ЗКИ, д. Захарово; МИА 25:22об.]. Похожие описания «веревочки» встречаются и в Андреевском сельсовете: «Пляшут да все и завьюцца. Все в кружок завьюцца, завьюцца и уйдут...» [ГАВ, д. Курулево; МИА 25:45].

Сходство движения при игре «в веревочку» и «в капустку» приводило к тому, что одна игра могла переходить в другую: «Это завивались, все за руки держались и завивались [=ходили зигзагом] верёвочкой. Верёвочкой, а потом из верёвочки «капустку» делали. Пели, слова-то не помню» [ЛАД, с. Вашки, СИС 21:76об.].

В некоторых деревнях Андреевского сельсовета (местность Каменный Бор) существовала разновидность «плетня» — «барское колесо» (возможно, по прежнему названию одной из деревень — Барская). «“Барским колесом” играли — все в один ряд захватишэ... А вот первый-то вот так он и пойдѳт через челозка вот элак и переходит... А эти [и хоть и] захватывающца. Потом получищце челозк-то получищце спинам к спинам получат[се] друг (к) другу. И, а потом, потом развиваэщца, это колесо развиваэщца; опять элак переходят друг через друга и розовѳщца колѳсо-то. Через челозка проходили... Пока ходили, и пили: ходишь и поѳшь» [КАВ, д. Мытник; МИА 25:15 об.-16]. Петь могли при этом разные песни.

Среди хороводов, которые особенно широко культивировались в школе вплоть до 50-60-х годов нашего века, было немало имитирующих трудовые процессы. Не случайно, их вспоминают в основном те, чье детство пришлось на предвоенное десятилетие. Игры подобного рода легко воспринимаются детьми и надолго задерживаются в их игровом

репертуаре. В качестве примера такого рода хороводов можно привести «Ленок».

♩ = 128 Нотация Е.Г.Богоиной

Уж я се - и - ла, се - и - ла ле - нок,
се - и - ла я при - го - ва - ри - ва - ла,
каб - луч - ка - ми при - ко - ла - чи - ва - ла.

Уж я сеила, сеила ленок.
Сеила я приговаривала,
Каблучками приколачивала.
Ты удайся, удайся ленок,
Ты удайся, мой беленький ленок.

Тут сказано вся работа, што с ленком делают.

Уж полола, полола ленок,
Я полола, приговаривала,
Каблучками приколачивала.
Ты удайся, удайся ленок,
Ты удайся, мой беленький ленок.

«Потом, значить, “теребила ленок”, вот это всё повторяется, а потом уже, значить, начина(ит): “трепала, трепала ленок”, потом, значить, “чесала”, потом, это, “пряла”, потом уж “ткала”... Кругом это идут и значит всё это делают руками [изображая работу], ходят по кругу, за руки не держались. Ходят, потом повернутся в другую сторону» [ИАН, д. Малая Чаготма; СИС 23:18].

К числу старых местных хороводов относится «дрема». По тем отрывкам, которые удалось записать, можно предположить, что существовало две разновидности хоровода. Один — в котором «дрема» собирает с игроков какие-либо предметы — фанты, и затем заставляет их выкупать¹:

¹ Развернутые варианты этой разновидности игры в «дрему» см.: Морозов И.А., Слепцова И.С. Праздничная культура Вологодского края. Часть 1. М., 1993. С. 92-95.

$\text{♩} = 120$ Нотация Е.Г.Богинной

Си - дит Дрё - ма, пря - дёт Дрё - ма
на стуль - чи - ке, на юль - чи - ке.

Сидит дрема,
Прядёт дрема,
На стульчике,
На юльчике...
[ВЛФ, д. Ивановская; СИС 24:22об.]

Другой — где «дрема» вначале изображает нерадивую пряжу, а потом встает и выбирает себе замену, после чего хоровод повторяется:

Сидит дрема,
Сама дремлёт, сама спит.
Вставай, дрема,
Не спи, дрема!..

При повторе пели: «Походи, дрема!». «Да коо-то выбирала, типерь ни помню, дак чё» [КАВ, д. Мытник; МИА 25:16].

Вероятно, существовала и третья разновидность этого хоровода — в качестве наборного, в котором названная девушка должна была выбрать припетою ей парня и наоборот.

Сидит дрема,
Прядет дрема,
Шелковый кужелёк.
(вар.: Шелковую кужель — д. Мосеево)
Насказали Марьюшке,
Што Ванюшка придёт...
[ВЕФ, д. Малая Чаготма; СИС 22:49;
ЛМФ, д. Мосеево; СИС 21:10].

Хотя не исключено, что этот текст мог употребляться и просто как игровая или плясовая припевка вроде популярной в Ивановском сельсовете «Дуняши вдовиной»:

Нотация Е.Г.Богинной

Ой, Ду - ня - ша, Ой, Ду - ня - ша,
Ой, Ду - ня - ша вдо - ви - на, вдо - ви - на.

Ой, Дуня, ой, Дуня,
 Ой, Дуняша вдовина, вдовина,
(каждая строчка повторяется)
 Вдоль бережка,
 Вдоль бережка ходила да плясала,
 Правой ножкой,

Правой ножкой ходила да топала.
 (В)стань, Ванюша,
 (В)стань, Ванюша, проснись, пробудись,
 Ня мне деву,
 На мне деву наглядись, наглядись.
 [ВЛФ, д. Ивановская; СИС 24:23].

Среди активно бытовавших вплоть до 60-х годов детских хороводов можно упомянуть также «Каравай». «Там вот, милый, день мой рождения — да и не мой-от день, дак меня поставят, да и поют [мол] про меня, шо этот. Шо:

На Анины именины
 Испекли мы коровай
 Вот такой вышины,
 Вот такой низины,

Вот такой ширины,
 Вот такой ужины.
 Коровай ты коровай,
 Коо любишь — выбирай!

А она-от, коровай-то (в)ить:

Я люблю вас всех,
 А вот эту лучше всех!

Любит всех, а выберет одноо. Эту опять во круг и ставим, другую во круг, опять это отпеваем тожо... Летом [играли], а зимой какáа!» [КАВ, д. Мытник; МИА 25:16об.].

Морозов И.А., Слепцова И.С.

ХРИСТА СЛАВИТЬ

Как и во многих других местах, в Вашкинском районе древний обычай колядования (см. «Коляда») уже в прошлом веке постепенно вытеснялся церковным обычаем «славления Христа», причем внутренняя взаимосвязь этих обычаев продолжала осознаваться носителями традиции. «Славили Христа-то, славили! На Рождество коляда, на Рождество Христа славили. Я сам хоживал...» [ЛИМ, д. Мосеево; МИА 23:59]. Первоначально инициаторами такого рода обходов были священник (пономарь, дьячек) или наиболее активные прихожане, помогавшие священнику в исправлении служб. Уже в начале века в нем принимали активное участие мальчишки-подростки и парни. «“Славить” — это ходили по избам, дак это поп и дьячок. А мы уш порознь ходили, утром рано-рано-рано. Поп и дьячок [после обедни] ходили, а мы-то утором рано, рано, знаэш, кто где богатыэ-то были. Иконку мы тут [=на грудь] привязвали, небольшая была» [СНН, д. Село; СИС 26:81]. В 30-е годы в результате антирелигиозной пропаганды и преследований всего, что было связано с православной церковной культурой, обычай постепенно угас.

«Славление» начиналось рано утром и могло продолжаться до обеда, а то и весь день. «Ходили в Рожество рано, в празник, Христа славить. Мы спим ешо, а они уж придут. Мальчики всё. Им хто денег даст, хто пирогов даст... Мама никогда не отказывала» [МФФ, д. Гора Тимофеева; СИС 22:46]. «С утра ходили, с утра. Вечером не ходили. Вот собирауца два парня и пойдут по дерёвням да» [НМП, д. Мыс; МИА 23:5]. «Мальчики бо́ле ходили девочки мало. Придут в экую рань к тятэ: “Дянька, можно Христа пославить?” Тятя скажот: “Пожалуста, мальцики, пожалуста”. Все стают, Богу моляцца. А они три придут, чытыри. Вот такое решато, прежное лукошко, там всё поклеено, Исус Христос прикладён и свечка. Они и нацньут славить...» [КУН, д. Задняя Слободка; СИС 25:2-3].

Отличительным признаком славильщиков была самодельная звезда. «Как звезду сделают ли чё ли. Из этово, решето такое, лукошко там наделают, што сият. И свечи поставят, и свечечки горят, и там, знаэш, такую красивую, ну вот сичас как чай заворачиваюот, блестящую тут сделаюот. Ну и ходят: “Рожество Твое, Христе Боже наш, воссия миру и свет разума”, — там поют это...» [АТК, д. Макино; СИС 23:32]. «Брали решето, и вот это решето всякими украшениями украшаюот. Свечичку туды ложили, шобы свечичка там была, в этом ришате. И потом — называлась она “звезда” — и звёздочку сделают такую (из бумажки делали всё). Ну. Потом Бога-то, иконку становили — в эту “звезду”» [БЗМ, д. Тарасьево; МИА 25:79-79об.]. «Звезду некоторые, не все поголовно, а некоторые делали звезду. Пятиугольная звезда: эти были дощечки такие широкие, туды ставили свечку и красным обтягивали ее... Свечку или лампочку с фитильком туды ставили такую маленькую. И кумачом было сделано. Это уж после революции» [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:84об.]. «До меня ишшо ходили. Ну, тожо сделают “звезду” — со “звездой” ходили. Из ришата — элакое, ришато знаете? Окóльш. И вот положат туды свечку — со свечкой ходили. Закроют ришато-то сверьху... Ну, я не знаю, чем закрывали — не в мою бытность; мы, дак не хóживали. Ну, только штобы не погасило — свечку туды поставят, шо ак идти-то, свечку-то не погасило. Ну, и чем-то прикрывали да...» [ЗТН, д. Поповская; МИА 23:91]. «Христа славили, делали звезду: решато и вся украшно звездам...» [КАА, д. Слизово; МИА 25:70]. «В руках носили звездочку: звездочка элакая с крестом, кругленькая [=примерно 15 см в диаметре]. Ручка была приделана. А в середине тут как крес(т). Да... Я не знаю, с чёо, вот не помню я это: небольшая была, дак ходили так. Ли в церкви брали ени эту ли? В церкви, наверно, брали...» [НМП, д. Мыс; МИА 23:8]. «Мальчики эдакие, ученики, ходили. Вот эдакую звёзду сделают, как из решота. Придут: “Можно ли нет славить?” Там скажот: “Пожалуста!” Ославят» [ЮЕМ, д. Волково; ССН 15: 9об.].

В отличие от колядовщиков, славильщики всегда входили в дом. Испросив позволения: “Дайте Христа прославить?” — становились «среди пóлу», лицом к иконам, и исполняли рождественский тропарь. «Так вот ходили по

деревне. Вот всю деревню обойдут — у нас невелика и деревня была. В каждой дом зайдут и молитву прочитают» [НМП, д. Мыс; МИА 23:8].

Текст тропаря мог довольно сильно исказаться, хотя напев и манера исполнения как правило были близки к каноническим.

Христос рождается, славите,
Христос небездрящите,
Христос на земле вознесится,
Пойте Господи вся земля.
И веселья люди яко прославимся.
Рождество твое Христе Боже наш,
Воссия мира и свет разума,
Небо звездою служащий,
Со звездою учахуся,
И тебе видети с высоты востока,
Наш Бог в городе родивсе,
Отрочи млада превечный Бог.
[ММФ, д. Кропачево; СИС 22:15]

Старания «славильщиков» вознаграждались обычно деньгами и каким-либо угощением. «Мы прославим Христа, нам дадут и пирожков, и мелочи дают. Потом разделим» [ММФ, д. Кропачево; СИС 22:15]. «Христа славили: кто сахару даст, кто кусок перога, кто чёб...» [ЛИМ, д. Мосеево; МИА 23:59]. «Там кто денежек даст, кто чево: кто олашек дают, кто пирогов дают» [ЮЕМ, д. Волково; ССН 15:9об.]. «Ребятам дают тады копейчки, две копейчки, а мам пекёт олашки, так олашек. Оне всё берут, цё дают. Ну, за это спасибо скажут. И йим спасибо, што прославили. Веть рано ходят, пецецьки только затопяцца. Обходят деревню, там в каждой дом» [КУН, д. Задняя Слободка; СИС 25:2-3]. «У коо пироги испекли, дак пирога дают, а у коо нету, дак и деньги подают». При этом деньги «славильщики» использовали для своих нужд. «Подрок(т)ки бегали годов двенадцати и четырнадцати, дак и для себя и деньги возьмут. Не велики деньги-то были — каки(э) копейки дают-то!» [ЗТН, д. Поповская; МИА 23:91]. «Христа славили: давали хлеба скипу, деньги, семечки. Хлеб для лошади — скормят. Себе сочни, тобёлки пекли» [КАА, д. Слизово; МИА 25:70].

Морозов И.А.

ЦЫГАНЕ

Ряжение «цыганами» относится к числу наиболее популярных святочных развлечений. Оно было более характерно для девушек, подростков и

детей. Парни, а тем более взрослые мужчины, наряжались «цыганами» очень редко и только в сценках с «лошадью» (см.).

В костюме, поведении и речи ряженые пародировали настоящих цыган, что было сделать довольно просто, так как «цыгане раньше очень часто приезжали, к себе звали посидеть, у них гармонь хорошие, и плясали хорошо» [БАН, д. Митрофанова Гора; СИС 22:25об.]. Как правило, «цыганами» ходила группа девушек, наряженных в длинные и пестрые юбки, яркие кофты и шали. Очень редко их костюм состоял из старой, негодной одежды. Отличительной чертой «цыганок» была их речь: между собой они говорили необычными, сдавленными, горловыми голосами, употребляя непонятные слова, отдаленно напоминающие цыганские. Когда же им приходилось обращаться к участникам беседы или хозяевам дома, то они растягивали и коверкали слова, стараясь придать речи «цыганский» колорит. «Цыганком ходили, просили милостыньку. Покудётсяму говорили — в себя» [ДЕГ, д. Росстань; ССН 8:37]. «По-цыгански говоришь — там уш не выговаривали по-цыгански, а маленько-то, ну звук-то. У их веть всё не по-нашему. А где нам знать, мы уш только переменяли звук. Один звук, што как цыган, цыганка. Как-то: “Хасиям на парые. Дайте, пожалуста, хасиям на парые. Малышонку-то вот этому дайте кусоцька”... Собирали, кто чё даст. И всё просили, и хлеба, и сахару, молока ли вот. Дак цыганки придут дак просят только чё. Мяска ишо главной» [ЛАД, д. Москвино; ССН :92об.-93].

Основная цель «цыганок» — собрать продукты для последующей пирушки, поэтому они старались заработать вознаграждение: гадали, пели и плясали или просто попрошайничали. Причем, девушки предпочитали посещать соседние деревни, где их знали мало, и где они себя чувствовали гораздо свободнее.

Гадали, разумеется, в шутку, стараясь рассмешить присутствующих. «Мороз этакой, а за три километра ходим. Ишо там гадать заведём — ребятам. Знаешь, неженатые, холостые, дак тем погадаем. Когда гадаем, дак по-цыгански говорили. Дак чё говорить-то, цыгане как говорят, дак и так. Ну уш если спросит тебе, так ты уш отвечаешь по-цыгански. Ну, так же высказываешь, только в себя, изменяешь наричию другую. Ну, што скаат? “Милый, тебе погадать или ни надо вам погадать? Дайте я вам всю жизнь расскажу. Как у вас вперёд будет. Шчо ты могла видеть там, а чем тибя антиресоовало, мы тебе всё роскажем и сгадаем!” Они: “Пожалуйста, гадай!” Вот станут гадать — а и ни знат и на картах путём. И скажут там: “Ты скоро женишише,” — это робята если заставляють. “Ты скоро женишише, у тя много дитей будёт и будешь ты герой по дитям, тебе всё будут платить!” Робята денег надають, у ково чё есть, так и надавають нам, то мяса...» [МАД, д. Москвино; ССН 9:95].

Кроме предсказания судьбы «цыганки» развлекали зрителей своими песнями. «Цыганскими» песнями были обычные частушки, в текст которых вставлялись «заумные» или искаженные слова. «“Цыганкам” ходили днём, днём ходили. Цыганкам наряядяца покрасивше. Заходишь, дак — цыганкам

наряжены, платки элакие навешаны, всякие тут уш — подойдеш дак чё ли элак, повреш чё ли да што: “Руку подай ты, дорогая, руку, я те всю судьбу расскажу!” И начнешь говорить по-цыгански. Ну, гадать начнешь, што какая судьба твоя да. Потом и цыганские песни тут пели. Там да:

Пáрда, пáрда, самовáрда,
Прóсками да тёласа,
Врынша лыста, сáра драйза,
Чем ты натардёласа?

Споешь, попляшошь. А ищо:

Рупь серебряной
На столе лёжит,
Мой-то миленькой
С лагерей бежит.
Мáросáни кранпрады,
Ларáды нэрапы.

Цыганска песня. Всякие, всякие пели» [ВЛФ, д. Ивановская; СИС 23:46об.].

Сбор продуктов для приготовления соломаты — блюда употреблявшегося во многих семейных и календарных обрядах (см. «По солوماتам ходить», «Жатвенные обряды», «Масленица») и составлявшего основное угощение на пирушке ряженных, указывает, вероятно, на то, что ряжение «цыганами» вытеснило и заменило существовавший ранее поздравительный обход домов односельчан на святки. «Или обычай такой быв, дак люди и давали и масла, и сметаны, и это самоё, и толокна главнóе — с котелочком ходишь. И потом мешаэм вечером солوماتу. Старающца и масло, и сметану, и толокно, ш(т)обы вечером сокопищца замешать солوماتу. И деўкам, и робятам мешать солوماتу» [ВЛФ, д. Ивановская; СИС 23:46об.]. «“Девки, пойдёмте цыганами нарядимся!” Вот нарядимся в какое-нибудь лохмотье (раньше цыгане были, ходили всё это). И вот пойдём и даже днём, по домам там. И вот, значит, начинаем просить разным прибауткам, да всё. Кто дают это сала, кто толокна даст, потом солوماتу мешали. Придём, собирёмся в одну избу и всё там это едим. Если не подадут, побежим да чё же — наговорим всякие зло, хозяйке там желали нехорошо. Да большинство, вообще-то, были там может, единицы [не давали], а так-то все подавали, потому что обычай такой был, што придут тут, пляшут, дак частушек напоют да всё повеселят хозяев, дак большинство всё давали.

В доме, где места побольше [соберемся], нас несколько человек, много: и парни, и девушки. И вот вроде такое отмечали празнество. Нам, правда, основнóе, знаете, што тада было? Што в святки вот солوماتа — это штоб была солوماتа. Толокно вот делали из овса, в деревне, знаете, парили, а потом сушили, да потом мололи, то есть толкли ево. Вот это солوماتа. Солوماتа на свином сале, всё большинство раньше в деревне держали, ведь поросят держали, нам в основном давали. А уж так хлебное што, дак пирогов давали,

блинов давали, и сахарку у ково было — тогда мало у ково был сахар — тожо давали. Или чаю на заварку. Вобщем, просили, дак подавали хорошо. Это в святки только» [ИАН, д. Малая Чаготма; СИС 23:21].

Обход домов с целью сбора продуктов сблизает «цыган» с колядовщиками (см. «Коляда»). Это отражается и в некоторых формулах-пожеланиях, адресованных хозяевам в случае недовольства количеством полученного подаяния: «Не дашь пирога, кусок творага, / Не дашь пирога, уведём быка со двора!» [ИАН, д. Малая Чаготма; СИС 23:25об.].

Ряжение «цыганами» практиковалось не только взрослой молодежью, но и детьми, которые также собирали продукты для пирушки в своем кругу. «Мальши ходили “цыганам”. Ребятишка ходили — небольшие. Взрослые не ходили цыганам. Цыганам снарядца, это днём. Цыгане просят: “Да дай сгадаю, да хорошово!” Либо попляшут, да перевернуцца. Перевернецца на полу — через голову кувырнецца, да попляшот... Вот котелки возьмут, просят там сметанки, да всё да, хто сколько чё дас(т). Вот йим всё и надавают. Всё-то по-немножку давали. А потом в одну избу скопяцца да чё ли сделают — саломату ли чё ли намешают» [ЛИАФ, д. Панино; СИС 23:5об.]. «Цыганами больше подростки ходили, взрослые не ходили. Просят: “Дай хлебца, сахарку, чайку”. Вместе потом чай пили» [ПМП, д. Парфеново; СИС 22:53об.].

Другой сценкой, разыгрывавшейся с участием «цыган», была «продажа или обмен лошади». Ее, как правило, разыгрывали взрослые мужчины и весь интерес состоял в том, чтобы возможно более достоверно изобразить настоящего цыгана-торговца лошаадьми. Причем в некоторых случаях в этих сценках участвовали ряженые «лошадью», в других же — обходились без нее. «“Цыганы” придут, дак: “Выменяйте у нас лошадку-то, выменяйте! Она очень хорошая, она роботяга огромная, роботяга. Только што вы возьмите ее, пожалуста, возьмите. Мы продадим вам, за деньги продадим. Купите вы у нас!” А это што робята дак: кто смеётся, кто чево да. Придут, дак как лошадь заправдошная пришла, как живая лошадь. Два парня: один наперед, другой назади. Вот и руководят там руками. Морда сделана и рот, туды удила кладут. Лошадь эту за узду задернут. А у лошади на подпотолок голова!» [МАД, д. Москвино; ССН 9:96]. «Цыганом редились на пару — “цыгán” и “цыганка”. Ну, хто цё там отмочит, понимаэш? Покупают да продают, да по-цыгански там — хто милостиню просит, хто там покупаэт лошадь ли миня(э)т там...» «Лошади» при этом могли и не водить — «так просто говорили» [БНС, д. Пиньшино; МИА 23:21]. «Вот раньше на “лошаде” “цыгана”: два мужика станут, палки положут на плеча, наперёд постаят вилы (раньше вилы были, только сошники), накинут веретищо (ну, полוג), и вот этоо приведут — “лошадь”. Два “цыгана” и одна “лошадь”. Вот цыганы-то поспорят! Погоняўкам-то похлэшшут по голенишшам, што “коньям минеть”. То придачу просит, то барана просит какой “цыган”: “Я постачам не отдам! У меня лошадь хорошаа!” А посточам, што, как ишь только што обминим лошадь на лошадь [=без придачи]» [ААК, д. Естошево; СИС 26:25об.].

Иногда вся сценка сводилась только к демонстрации «цыганом» своей «лошади». «Ну, как вот на “лошадé”, дак Офоня всё, Валькин батько, — этот как цыган быв; дак этот — “цыган”. Как “цыганы” приедут: намажецца — тут чёрно, брюки наденёт широкие элакиё, распустит туды, на валянки, куртка какая ли надета и — “цыган”» [ЖВН, д. Ваномозеро; МИА 23:23].

Сюжет с «продажей» мог использоваться ряжеными и в других случаях, например, в импровизированной сценке «продажи собак». «Всё это “цыганы” приведут, да ешо какие ли там, не наши [ребята]: “Собачек вот у нас! Мы продаём недорого!” С улицы приведут этих жо собак. Вот там у тебя есть собака. Он пошёл, дак свою собачку берёт. Там договоряцца ребята: “Ты свою, я свою — пойдём продавать!” Вот и придут на беседу. Ак вить смеху-то сколько! Ой! Очень даже хорошо!» [МАД, д. Москвино; ССН 9:96].

Слепцова И.С.

ЧИГОМ

Игра «в чижа», в Вашкинском районе называвшаяся еще «в чирку», «чиркой» (д. Калитино), «в чирожку» (д. Кузнечиха), «в чиргú» (дд. Сальниково, Шугино, Никольская, Пиксимова, Ушаково, Паршино, Берег), была наиболее популярна среди подростков. Игра существовала практически только в одном варианте. Чертили квадрат со стороной 80-100 см («круг», «кружок», «сало»), в который клали «чигá» — брусочек с шириной грани 3-4 см и длиной 15-25 см со срезанными на угол торцами. В д. Мосеево чига опирали на маленькое полешко так, чтобы один конец несколько возвышался над ним, а в д. Кузнечиха укладывали на маленькую ямочку, с тем, чтобы его можно было снизу подцепить палкой и подбросить в воздух.

Затем определяли водящего («погóнщика») — д. Калитино), меряясь на палке (см. «Кориться»). Водящий уходил в поле, а игроки по очереди били палкой или специальной неширокой лопаточкой (д. Новосело) по концу чига, добиваясь, чтобы он подпрыгнул и подбивали («под(в)злúпывали» — д. Никольская; «чекáли» — д. Новосело) в поле. Водящий должен был сбить чига на лету или, подобрав его с земли, постараться забросить в «круг». В случае удачи игроки менялись местами. В д. Новосело существовала разновидность игры, при которой бросать чига на кон можно было только в том случае, если его удавалось поймать в воздухе: «Чирка падёт — (с)хватит, так бросает в кружок [=кон в форме квадрате]. Попал — чекáет». Если же попасть чигом в кон не удавалось, следующий раз его выбивали в поле с того места, где он упал [КАС, д. Новосело; МИА 15:25]. Если водящий промахивался, то бил по чигу следующий. «Гáря была, чиргá была... Гаря — палка. Вот. Чирга видишь заделана, затёсана так: эту стукни, дак эта, видишь, полетит. Стúкнёшь — и туда. Пóлэ очерчено на земле. Ну, вот стукнул,

сыграла она так вот — поддаваешь дальше. А один вот тут вот на “сале”. А этот, а другой — оттуда, надо попас(т)ь в это полё. Не попал — снова, а попал — он уже бьёт» [ЛИМ, д. Шугино; МИА 23:65]. «“Чиргой” играли. Сделают: вот палка, заострят с эту сторону, потом с другую сторону эдак, и эту чиргу положат вот на палку, носик штобы торчал. Вот по этому носику-то как лопаточкой (эдакая есь) — толк! — это и подкинешь туда дальше. А тот должен в этот круг, штобы: попадёт или нет. Если попадёт, значит он идёт теперь бить, а если не попадёт, значит я продолжаю бить» [КАЛ, д. Сементьево; СИС 25:35об.].

Иногда возникали спорные случаи, когда чиг падал рядом с чертой. Тогда проводили палкой между чигом и чертой и если при этом он сдвигался, то засчитывали попадание. Упавший на черту чиг считался попавшим.

Название этой игры, по всей видимости, притянуло к себе известную плясовую песню о «чижике-пыжике», попавшую позже в детский фольклор: в некоторых деревнях прежде, чем ударить по чижу игрок приговаривал:

— Чижик, чижик,
Где ты был?
— На канаве водку пил.
Выпил рюмку, выпил две,
Зашумело в голове.
Чижик в клетку не хотел,
Встрепенулся, улетел!
[ПМП, д. Никольская; СИС 21:27;
АТК, д. Макино; МИА 23:65].

Играли обычно до 10-12 очков, причем подсчет в разных деревнях производили по-своему. Например, в дд. Потетьево [ЧИС, д. Потетьево; ССН 13:5] и Калитино если игрок попадал чижом в очерченный квадрат, ему засчитывали одно очко. В с. Вашки давали два очка, если игроку удавалось, после того как чиг подлетит вверх, подбить его палкой еще раз, а затем уж отправить в поле. В д. Новосело в 30-е годы игра заключалась в соревновании, кто больше раз выбьет чирку в поле дальше всех: «Бросали кто дальше; считали, сколько раз» [СЕА, д. Новосело; МИА15:32].

В д. Сальниково существовал простейший вариант этой игры, в которой не было водяшего. Игроки поочередно били по «чирге» — брусочку с нанесенными на каждую грань черточками (от одной до четырех) и смотрели, как он упадет. Тот, кто набирал больше очков за условленное число ударов, считался выигравшим [ЯОП, д. Сальниково; СИС 21:41]. Того, кто набрал меньше всех очков, наказывали. В с. Вашки это называлось «кобылку гонять». Игроки по очереди били по чигу, каждый раз с того места, где он упал (если же играли вдвоем, то так проделывал победивший), а проигравший, взяв чиг, должен был прыгать на одной ноге обратно до круга. Если у него не хватало на это сил и он вставал на обе ноги, то его «подковывали», т. е. били палкой по подошве [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:22]. При другом наказании заколачивали в землю сваю:

каждый ударял по ней столько раз, сколько пробил по чижу. Игрок, которого подвергали наказанию, должен был вытащить сваю зубами и убежать, стараясь незаметно выбросить ее в траву или кусты так, чтобы не нашли другие игроки [ИМС, с. Липин Бор; СИС 26:6].

В д. Покровское существовала разновидность этой игры. После выбора водящего вбивали в землю кол высотой 60-70 см («свайку») и водящий вешал на него «чиж» (его здесь делали из сучка с головкой до трех сантиметров в диаметре). После этого игроки по очереди подбивали чиж битой вверх, а затем с лету отбивали его в поле. За удачный удар игрок получал одно очко. Те, кто хотел заработать себе дополнительные очки, подбив чиж вверх, стремились подбить его палкой еще несколько раз прежде, чем выбить в поле. Сколько раз игроку удавалось ударить по чижу, не уронив его на землю, столько ему защитывалось очков.

Водящий должен был каждый раз приносить выбитый в поле чиж и вешать его на свайку. При этом он мог попытаться с места падения чижа попасть им в свайку; если это ему удавалось, то его замещал следующий игрок. После того, как все пробивали по одному разу, считали очки. Тот, у кого их оказывалось больше всех, в следующей партии получал право бить первым, а тот, у кого очков было меньше всего, должен был вешать чиж на свайку [ЛВИ, д. Покровское; МИА 15:13].

Слепцова И.С.

ЧИМКОЙ

Общеизвестная игра «в жмурки» в Вашкинском районе была известна под названиями «чимкой», «чинкой» (с. Вашки, дд. Залохта, Малая Чаготма, Макино, Ушаково, Покровское, Калитино, Новосело, Иевлево), «тимкой» (с. Липин Бор, дд. Веселая, Сидорово, Москвино), «кимка» (д. Лукьяново), «кимками», «имечком» (дд. Пиньшино, Мыс), «Афонáсом» (д. Логиново), «Опонáс» (дд. Паршино, Берег), «Фóфан» (д. Берег), «слепúшкой» (д. Паршино). Еще в 20-30-е годы игра сохраняла ряд архаических черт, в частности, приуроченность к святам. В нее нередко играли на беседах (см. «Игры и развлечения на беседах»). «Глаза вот платком завяжут, вот нао коо-то поймать. А веть хитро́ поймать, дом большой — вот биседа была дак, дом большой был. Вот и бегаим имаим. Ковдынековды схватишь. Другому завяжут глаза» [МНТ, д. Мыс; СИС 21:59об.].

Перед игрой выбирали водящего: «чимку», «тимку», «слепúшку», «Фóфана», «Афанáса» («Опонáса»). Чаще всего для этого считались или мерялись на палке (см. «Кориться»). В с. Вашки при игре «в чимки» практиковался специальный жребий. «Это, значит, идёшь к печке, мажешь пальчик который-нибудь сажей, и вот это предлагаешь: «Чимчик-минчик, мой мизинчик! Который берешь?» Вот. И кому попадет мазаный, значит, тому завязывают глаза, и

он должен ловить» [ЛАД, с. Вашки; СИС 21:73]. Обычно мазали один палец из трех: указательный, средний или безымянный.

Игра часто начиналась с диалога водящего и остальных игроков. Его подвели к двери (к дверной скобе) и спрашивали: «Где стоишь?» — «У скобы». — «Что продаешь?» — «Квас». — «Ищи три года нас!» [ЯАА, д. Веселая; СИС 21:6]. Или, хлопая его по спине, говорили: «Опонас, Опонас, ишшы три года нас!» [КАН, д. Паршино; МИА 15:58], «Афанас, Афанас, поди по нас!» [МДП, д. Логиново; СИС 21:28]. В д. Залохта игра предвлялась приговором:

Тимка-Тимошка,
Убей мою вошку.
Тимка хлопнул по м...,
Раздалось по всей избе!
[МАМ, д. Залохта: СИС 22:21об.].

Затем все разбегались, а водящий должен был поймать и иногда определить пойманного. Причем игроки старались запутать и обмануть водящего: «Кто скукураикэйт, а сам перебегайт» [МАК, д. Пиньшино; СИС 22:42]. Дразнили его: «Тимка-Тимошка, поймай мою кошку!» [ЛАД, д. Москвино; СИС 25:44].

Реже в Вашкинском районе встречаются круговые жмурки: игроки образывали круг, внутри которого водящий ловил одного какого-либо игрока.

Слепцова И.С.

ШУБУ ШИТЬ

Среди игр и развлечений, записанных в Вашкинском районе, сравнительно немного специфически мужских (см. еще «Драки», «Состязания в ловкости и силе»). Характерно, что здесь к мужским были причислены и те игры, которые обычно являются смешанными (т. е. в них играют и девушки, и парни). К ним относится и игра «шубу шить», суть которой в других местностях заключается в том, что один из парней ищет под ногами или подолами девушек спрятанный предмет (в других районах его называли «мошня» или «уж»).

В деревнях Вашкинского района так развлекались парни на беседах (см. «Беседы», «Игры и развлечения на беседах»), пока девушки были заняты пряжей. Состав участников определяет и специфическую символику (ищут ремень, который называют рыбой — «налим», «линёк», «менёк»), и жесткий характер игровых наказаний. Символика рыбной ловли, оставляющая смысловую основу вашкинских вариантов этой игры, вообще очень распространена в Белозерье (см. «Рыбаки») и органична для местного традиционного хозяйственно-бытового уклада, в котором значительное место отводилось именно рыбному промыслу.

В д. Гавриловская (местность Каменный Бор) в эту игру «вообщё в забуднё вот играли на посиделках: вечером девки сидели — изба (квартира) большая. Вот они эт девушки сидят прядут (раньше пряли!), а мальчики в круг усядуцце и играют. Шубам-то ноги закроют. Ну, чё от у меня есть: пиджак, халат какой — сняв, закрывси. А ён туды этот ремень ходит под ногам вот так вот здися. “Налим” — это ремень-то, ремень-то ишшут-то. “Налим” ли, “линёк” ли, “менёк” (ну, рыба есть такáа) — так вот эт ремень-то и называли. Вот все сядут в круг, а человек один-то и ишшот. В середине круга пóвзаэш по ногам вот там. Не поймал — значит, дальше давай! А схватил — значит, ты садишьса на моё место... И хлестали ремням: который ловкой, дак и хлис(т)нёт, как же! Вот Вы ишшыте там по ногам, а я успею выгашшыть и могу Вас ударить и опять обратно туды пёхнуть, другóму эт ремень. И потом ево тоже: как я нашов, значит, у тибя под ногám, то тибя тоже, может, вот так...» [ААЯ, д. Гавриловская; МИА 25:30-30об.]. «“Шубу шили, шили!” Соберуцца, все усядуцца нá пол в кружок да к друг дружке ремень преда(в)ают. Ноги протянут и прикрывали — у коб какая одёжина на себе, ак этой и прикроюцца. Хто ишшот — посередке. Найдёт, дак и хлёснút ремнём (дак всяко попадёт и тому, хто ишшыт), другóму передают... Ницё ни приго(в)аривали» [ЕТП, д. Гавриловская; МИА 25:40]. «Это тожо, можно сказать, блаж! (В)от парней десять-восем усядуцца в круг. Ноги закроют. Да ремень один имеецца — ремень! Этот ремёнъ вот мы пропехиваем с тобой, а парень один в середину встаёт. Надо ёму этот ремень натти, поймать. Вот ён обвёрнёцца, а ты ёо — раз рёмнём! А он тя за рёмень! А рёмень уш там. Ему опять дают [жару]. Вот этот парень вот этот рёмёнъ ишшэт. Игра просто такáа. А ремня найти не можошь — ребята лоўкие, дак похлэшшут. Нахлэшшут досыта. Веть и болькёвáто было — этъ рёмёнъ! Первый — кто виноват, чево ли сделал не так. Вот ё(о) и первым» [ААЯ, д. Гавриловская; ССН 15:1].

Варианты из других деревень мало отличаются от описанных [МАЯ, д. Мытник; МИА 25:5; ИЕИ, д. Погорелка; ССН 9:60, ПЕМ, д. Никоново; ССН 8:6]. В дд. Берег, Паршино подобная игра под названием «в ремень» или «ремнём» была обычным развлечением молодежи на беседах, в клубе, на улице. Иногда так развлекались только парни: «Хлестáли робята “в ремень” — через спину кидали, передавали. Кругом, кругом стояли: кто первый схватит, тот хлэшшэт» [КМП, д. Берег; ПЕИ, д. Паршино; МИА 15:54]. В других случаях в игре участвовали и девушки, причем «если у меня рёмень [нашли], значит кавалеру принадлежу — должен проводить» [ФАП, д. Берег; МИА 15:54].

В дд. Калитино, Покровская в предвоенные годы мальчики 8-13 лет играли «в рёмёнъ» или «в рёмень» в школе, хотя учителя нередко игру запрещали: «Рёмёнъ гуляет под фуфайкой, один ищет. Если не угадал — хлещут» [БЮП, д. Калитино; МИА 15:39]; «Колени накрыты пóльтами. Один стерёг — “часовой”. Передавали рёмень. Сзади хлэшшут» [ЛВИ, д. Великий Двор; МИА 15:14].

Морозов И.А.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В один из приездов в с. Липин Бор мы познакомились с замечательным человеком, прекрасной рассказчицей (ее воспоминания неоднократно приводятся в книге) Анной Дмитриевной Лукичевой. Она показала нам дневник, который на протяжении 18 лет, с 1920 по 1938 гт., вел ее отец Дмитрий Иванович Лукичев (1878 — 1938), крестьянин с. Вашки. Д. И. Лукичев был незаурядным человеком. Окончив всего лишь 3 класса церковно-приходской школы, он помогал учителю вести наблюдения на водомерном посту и метеостанции, и так освоил эту работу, что после отъезда учителя смог его полностью заменить, при этом он не оставлял занятия сельским хозяйством. Со временем он стал корреспондентом-наблюдателем Российского Гидрологического Института в Ленинграде и неоднократно участвовал в конференциях Института, а кроме того сотрудничал с Центральным бюро краеведения.

В дневнике отразился весь драматизм времени, выпавшего на его долю. Он немногословен, по большей части это фиксация каких-либо семейных событий (важнейшие из них им подчеркнуты), сроков сельскохозяйственных работ, цен на товары, но за этими сухими записями чувствуется желание оставить память о своей эпохе будущим поколениям. Само написание дневника было продиктовано именно этой целью. Во всех его записках сквозит стремление показать за фактом явление. Необычайно интересны собранные Д. И. Лукичевым исторические сведения о с. Вашки и местной церкви, топонимическая легенда, история семьи, воспоминания о I мировой войне и революции. Можно только удивляться историческому чутью Д. И. Лукичева и его кругозору. По некоторым записям видно, что он много читал самой разнообразной литературы — специальной, религиозной, научно-популярной (например, запись о размерах и свойствах солнца) и газет (например, заметка о землетрясении в Японии).

Дневник почти никогда в прямую не содержит оценки переживаемых событий (только раз, будучи несправедливо осужденным, звучат слова обиды и отчаяния), но многочисленные выписки религиозно-нравственного характера и отобранные им пословицы позволяют заглянуть в его внутренний мир, представляют Д. И. Лукичева как человека глубоко верующего и порядочного.

В дневнике содержатся рисунки некоторых сельскохозяйственных орудий и эстампажи монет разных годов выпуска и несколько детских рисунков А.Д. Лукичевой.

Дневник представляет собой записную книжку в твердой обложке размером 10,5x18 см. Рукопись содержит 78 листов дневниковых записей и 2 листа с номерами документов и облигаций 1936 и 1938 гт. Записи велись фиолетовыми, синими, черными чернилами и иногда карандашом. К сожалению, дневник не сохранился полностью, несколько последних листов потеряно.

Текст публикуется с соблюдением норм современной орфографии и пунктуации (заметим, что грамматические ошибки очень редки и отражают диа-

лектные особенности, например, оканье: “уплотил”, “конава”). Были произведены незначительные сокращения, отмеченные трюеточием в угловых скобках. Так, опущено описание водомерного поста в с. Вашки и работ на нем, заметка о размерах солнца, упоминание о жертвах землетрясения в Японии, географические координаты с. Вашки и под. В квадратных скобках дается расшифровка сокращений. Автором часто употреблялось двойное летоисчисление — по старому и новому стилю, при публикации оставлены даты по новому стилю.

1920 года 27 июня н./ст.
ПАМЯТНАЯ КНИГА
ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА ЛУКИЧЕВА
с. ВАШКИ
(Дневник)

В настоящую книжку записывать все события и заметки семейной жизни, для памяти. Как для себя так и для будущего поколения семейства; книга должна храниться и тщательно оберегаться от порчи и утери, записывать для памяти только то, что окажется достойным внимания и памяти, а также то, что должно быть полезным как в материальном так и в нравственном положении; также те мудрые и нравственные изречения и пословицы, кои могут быть поучительны и полезны для самоусовершенствования себя и всех, кто их прочтет. Чувства и мысли, кои записываются, должны быть тщательно и основательно проверены и обдуманы здравым разумом.

Дм. Лукичев

27 июня

Семейство Д. Лукичева

Дмитрий Иванович Лукичев 41 л. родился 1878 г. 14 ноября (ст. ст.) [день] Анг[ела] 15 н[оября].

Парасковья Дмитриевна Лукичева 39 л. родилась 1880 г. 23 июля (ст. ст.) [день] Анг[ела] 26 июля

Мария Дмитриевна Лукичева 18 л. родилась 1901 г. 22 июля (ст. ст.) [день] Анг[ела] 9 августа

Екатерина Дмитриевна Лукичева 16 л. родилась 1903 г. 10 ноября (ст. ст.) [день] Анг[ела] 24 ноября

Анна Дмитриевна Лукичева 12 л. родилась 1908 г. 30 января (ст. ст.) [день] Анг[ела] 2 февраля

Александра Дмитриевна Лукичева 8 л. родилась 1912 г. 20 апреля (ст. ст.) [день] Анг[ела] 23 апреля

Сергей Дмитриевич Лукичев 5 л. родился 1914 г. 10 октября (ст. ст.) [день] Анг[ела] 7 октября

Елизавета Дмитриевна Лукичева 1 г. родилась 1919 г. 8 августа (ст. ст.) [день] Анг[ела] 5 сентября.

1-го июля. Начали сенокос.

В зиму 1919 года и 1920 года изловлено мерёжешниками четыре ятвы и население кормилось рыбой в виду голода, так как хлеба своего было мало, а подвозу не было совершенно. Цена хлебу существовала 10 тысяч за пуд на советские деньги (бумажные). [Часть листа оторвана]...мся соломой, и колосом, что вредно отзывается на здоровье.

12 июля. Петров-день.

Бог есть любовь.

Голодающее население начинает срезать колосье на кашу, хотя рожь еще зелена.

13 июля.

Чтение облагораживает душу, развивает и укрепляет ум.

18 июля.

Сейте разумное, доброе, вечное.

Читал книгу сочинение Неплюева, том I “Что есть Истинна”.¹ Книга написана очень разумно, взгляд Неплюева на современную жизнь, а также на религию, считаю правильным и вполне согласен с автором; рекомендую познакомиться с ней основательно, кому представится возможность ее получить и прочитать.

20 июля. Начали жать рожь.

На память потомству. Родословная нашего дому.

Мой пращур был крестьянин, звали его Лукой, от которого и получилась фамилия Лукичевых, настоящая же фамилия наша была Шармановы.

Прадеда моего звали Никифором Лукичем, от него три сына: старший Федор Никифорович, Алексей Никифорович и Евдоким Никифорович; Евдоким женат на Ульяне Курицыной, был взят в солдаты и помер в Кронштадте бездетным. Алексея жену звали Анной Симоновной, после раздела с Федором остался жить на старом месте против церкви, от него осталось семейство Лукичевых. Мой дед Федор Никифорович после раздела с Алексеем построился в поле на том месте, где живет наше семейство и по настоящее время, но уже далеко от поля, так как село застроилось далее по дороге в поле. Дед Федор женат на Парасковье Захаровне Зориной, помер 16-го февраля 1886 года 63-х лет. Его жена, моя бабка, померла 1900 года 25-го июня на 81-м году от роду жизни. Дед Федор носил фамилию Лукичева, но ему было прозвище “Рябина”, получил он его по такому случаю. Раз он ездил в Вологду с рыбой и в одной деревне увидал такую сцену. Лежит на дороге пьяный мужик, а другой его поднимает и кричит: “Вставай Рябина! Рябина слушай Рябина, что лес говорит!” Дед Федор, приехавши домой, рассказывал эту историю, она ему казалась занятной, и чрез то получил прозвище Рябины.

Дед Федор был сухощавый старик, лысый и с седой длинной бородой, каким я его запомнил, бабка Прасковья была маленькая старушка. Более я ничего не помню из их жизни. У них было 2 сына: мой отец Иван Федорович и дядя

¹ Имеется в виду соч. Неплюева Н.Н. Что есть истина. Лейпциг, 1893.

Анфиноген Федорович. Мой отец, как и дед, был тоже лысый и седой, среднего роста, был женат на Елизавете Семеновне Журавлевой, моей матери. Отец на 22-м году выучился самоучкой кузнечному ремеслу и занимался до самой смерти в свободное время от полевых и хозяйственных работ, но очень много пьянствовал и под конец жизни был болен, весь трясся, в особенности правая рука и нога. [Он] прозывался тоже Рябиной или Рябининым по отцу своему, помер в 1900 году в страстную субботу 1 апреля 73-х лет. Мать моя Елизавета Семеновна была женщина среднего роста, довольно красивая в молодости, очень благоразумная и набожная. Очень любила кормить нищих, в семействе была тихая и любящая, мать померла в 1918 году 27 февраля. От отца дядя Анфиноген отделился в 1891 году 21 апреля. [Он] был женат дважды, первый раз на Марии Васильевне Вавиловой и второй раз на Дарье Неоновне Моничевой. Помер в 1912 году. От него остались сыновья, которые поделились на два семейства и носят фамилию Шармановых. Нас от отца осталось в живых трое, дочь Карелья и сыновья Дмитрий Иванович и Иван Иванович. Карелья Ивановна была выдана в замужество в дер. Тарасьево за Матфея Степановича Афоничева, который утонул на Белом озере 16-го июня 1906 года. После его смерти вышла вновь замуж за Ивана Леонтьевича Орехова, который помер в 1913 году и она померла в 1919 году 1-го января. От нее остались в Киснеме дети сын Александр и дочь Ираида в замужестве за Алексеем Забавичевым, который в настоящее время находится в плену в Германии. Брат Иван Иванович отделился в 1912 году и женился на Татьяне Григорьевне Франц, вдове бывшего доктора, которая померла в 1918 году в Петрограде, от нее осталось два сына Вячеслав Иванович и Виктор Иванович. Вновь женился в 1919 году на Белозерской мещанке Марии Николаевне Воробьевой, служит он с 1917 года в г. Белозерске в отделе социал-обеспечения.

21-го июля. День Казанской иконы Б. М.

Моя жизнь. Воспоминания.

Я родился в 1878 году 14 ноября. Семья наша, я запомнил, состояла: дед мой и бабка, отец и мать, дядя с теткой и нас детей — у отца было четверо и трое у дяди. Старшая сестра Корелья была выдана замуж, когда мне было только еще 3 года, другая сестра Анна была старше меня на один год и померла на 16-м году своей жизни, третья сестра Мария померла на 20-м году жизни. Я был шести лет, как родился мой брат Иван. Шести лет я поступил в ученье в Начальное училище в с. Вашках Мин[истерства] нар[одного] проsv[ещения] и продолжал ученье до 11 лет, то есть пять лет, хотя курс ученья был трехлетний, но как я был молод, то и к экзаменам допущен не был, хотя учился довольно хорошо. На седьмом году моей жизни помер мой дед, который меня очень любил. По окончании ученья занимался домашними делами и по большей части извозом. У нас была станция от правления волости и я все время был в разъезде. На 14-м году моей жизни мой дядя Анфиноген отделился от нас и мне пришлось принять все хозяйство на свои руки, так как отец в то время был уже не молод и болен, пахать я научился еще 14-ти лет и все хозяйство по крестьян-

ству справлял довольно сносно, 17-[ти] лет ловил на озере бродником и мутником и тагасом осенью, тагасом я ловил по пятнадцать осеней.

Вскоре после раздела захворала моя сестра Мария и, хворавши четыре года, померла. Женился я на 22 году, вскоре померла моя бабка и сестра. Чтoб содержать свою семью, брался за всевозможные работы, возил в вывозке дрова и бревна, пилил дольной пилой, ловил в озере, и работал в кузнице, ковать я выучился чуть что не самоучкой, хотя отец и показал мне, но очень немного, из-за своей болезни. В солдатах я не служил, так как мне были даны льготы по старости моих родителей.

27 июля. Начали молотить рожь. Сегодня молотили первый раз на новом гумне.

7-го августа. Начали жать овес.

11-го августа. День свадьбы Ольги Егоровны Курицыной и Петра Григорьевича Ларионова.

13 августа. Окончили жниву.

28 августа. Нынешнюю осень молотили на своем гумне, которое переносим на новое место, от дому Петра Гаврилова к мостику по большой дороге.

Урожай в 1920 году.

Названия хлебов	количество янного	засе-	нажато	вымоло- чено	[Урожай] сам
рожь	12 чк		200 коп.	110 чк	с. 9 я
овес	20 чк		200 к.	70 чк	с. 4 я
пшеницы	11/4 чк		20 к.	4 чк	с. 3 я
ячмень	1 чк		18 к.	4 чк	с. 4 я
лен	25 ф		200 с.	3 п.	с. 4 я
картофель	25 чк			150 п.	с. 6 я

Урожай считается удовлетворительным.

Надельной земли 2 1/4 души. Высеяно в 1920 году ржи — 12 чк.

Пословица: Плохой земли нет, а есть плохие земледельцы. Что посеешь, то и пожнешь.

30 авг. Пришли из германского плену Василий Егорович Курицын и Яков Витальевич Гаврилов.

Окончено молоченье.

8 сентября. Сильно захворал.

9 сентября. Здоровье полегчало.

1920 года лето стояло жаркое и засушливое, дождей почти не бывало, кругом горят леса и земля (торф), от чего в воздухе стоит дым и гарь, трудно дышать.

1-го октября. Зачислен наблюдателем водомерного поста в с. Вашках, вознаграждение 1200 р. в месяц и продовольственный паек.

17 октября. Назначен новый священник в нашей церкви от Дружининской церкви — отец Михаил Кириллович Кузнецов взамен выбывшего отца Алексея Мурашева.

Библейские изречения.¹

Иова, гл. 40. Не все сотворено для человека и не над всем простирается его господство.

Тоже, гл. 41. Могущество сил природы должно было бы образумить самых гордых.

[Книга] притцей [=притчей] Соломона.

Гл. 6. Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действие его и будь мудрым. Остерегайся негодной женщины... Может ли кто ходить по горячим углям, чтоб не обжечь ног своих.

Тоже, гл. 12. Добродетельная жена — венец для мужа своего, а позорная, как гниль в костях его.

Тоже, гл. 31. Не отдавай женщине сил твоих. Миловидность обманчива и красота суетна, но жена, боящаяся Господа, достойна хвалы.

Еклезиаств, гл. 8. Только мудрая вера в Бога и конечное торжество правды его может дать разумному духу успокоение и радость.

Премудр. Иисуса сына Сиранова.

Гл. 3. Делом и словом почитай отца твоего и мать. Чрез меру трудного для тебя не ищи. Что заповедано тебе, о том размышляй: ибо не нужно тебе что сокрыть.

Тоже, гл. 6. Отдаляйся от врагов твоих и будь осмотрителен с друзьями твоими. Верному другу нет цены.

Тоже, гл. 7. Не отвращайся от трудной работы и от земледелия, которое учреждено от Вышнего. Не меняй друга на сокровища. Есть у тебя сыновья — учи их справедливости.

Тоже, гл. 9. Не отдавай жене души твоей.

Тоже, гл. 8. Не открывай всякому человеку твоего сердца.

Гл. 10. Уважаемый в бедности, настолько больше будет уважаемого в богатстве.

Гл. 11. Не хвали человека за красоту его и не берись за множество дел. Не всякого человека вводи в дом твой.

Гл. 12. Если ты делаешь добро, знай, кому делать. Делай добро благочестивому.

Гл. 22. С безрассудным много не говори и к неразумному не ходи.

Гл. 23. Первый человек не достиг полного познания “Воли Бога Всевышнего”, не исследует ее и последний человек.

Гл. 25. Блажен кто живет с женою разумною. Не давай [неразб.] злой жене власти.

Гл. 26. Счастлив муж доброй жены. Кроткая жена дар господина и нет цены благвоспитанной душе. Благодать на благодати жена стыдливая.

¹ Многие изречения, приводимые Д.И. Лукичевым, являются перифразами библейских, они не всегда соответствуют каноническому тексту.

Гл. 27. Посреди купли и продажи вторгается грех. Среди неразумных не трать времени. Люби друга и будь верен ему.

Гл. 28. Удар бича делает рубцы, а удар языка сокрушает кости.

Гл. 30. Необъезженный конь бывает упрям, а сын, оставленный на свою волю — делается дерзким.

Исайя. Гл. 67. Не религиозные обряды, а настроение духа имеет значение.

11 ноября. Екатерина получила назначение на место учительницы по ликвидации безграмотности в д. Борок.

13 ноября. Деяния Апост[олов]. Гл. 20. Блаженнее давать, нежели принимать.

Соб[рание] посл[аний] св. Ап. Иакова. Мудр ли и разумен кто из вас — докажи это на самом деле добрым поведением.

5 декабря. Пойте Богу разумно.

20 ноября двинуло лед на озере и замяло выпущенные мережки, лед сломило толщиной в вершке.

1921 год

5 января. Перестань делать зло; научись делать добро.

9. II. Изловили ятву в слободской даче, на 150 п[удов] судаков.

16 февраля. Найден замерзлый человек на Белом озере, оказавшийся из Киснемской вол. д. Оксентьево [=Аксентьево].

1-го марта. На основании декрета Народных комиссаров произведено слияние кооперативов: Вашкинского Кредитного т[оварищес]тва с Обществом потребителей Вашкинской Многолазкой.

Заметка. Кредитное товарищество было открыто 1915 года 15-го сентября по моей инициативе и просуществовало до 1921 года 1-го марта. Принесло большую пользу населению, снабжая деньгами в нужное время и доставкой товаров. Был все время существования Т-ва членом правления и счетоводом Т-ва и очень жалею о ликвидации такого полезного учреждения.

4 марта. День свадьбы Ивана Егоровича Курицына и Марии Александровны Рублевой.

9. III. Изловили ятву 130 пудов в околотке на дольнике от боровской межи. Сдано в совет в продовольственный отдел 30 пудов.

Заметка: Зима стоит малоснежная, лед на Белом озере толстый, в первых числах марта стоят вьюги и метели.

10-го марта. Взяты на учет кузница и кузнечный инструмент, а также мобилизован сам как кузнец для поправки орудий сельскохозяйственных при прокатном пункте и для работы орудий сельскохозяйственных населению.

13-го марта. Воскресенье. Масленица.

19. III. <...> Справедливость есть высшая мудрость. Честность — залог спокойствия человека.

[подпись] Д. Лукичев

28 марта.

Наш храм посетил преосвященный Тихон епископ Кирилловский. Была устроена торжественная встреча с красным звоном, произвести который пришлось просить разрешения местной власти; певчий хор был составлен под руководством псаломщика Петра Ивановича Парвовицкого, я принимал участие в хоре как старый певчий, так как участвую в нашем церковном хоре с восьмилетнего возраста. Преосвященным Тихоном на Липином Бору 27-го марта была отслужена обедня при участии многого духовенства с боролинским хором певчих, организованным всего полгода тому назад служащим за священника иеромонахом о. Корнилием.

31 марта. Изловили ятву 100 пудов. Рыбу отдали в совет в прод. отдел.

3 апреля. Воспоминания.

Учился я в Вашкинском начальном училище Министерства Народного Просвещения, начал учиться на шестом году жизни и учился пять лет до одиннадцати лет. Первым моим учителем был Никандр Иванович Тихонов из крестьян д. Нижнего Хотино. Помню его как хорошего симпатичного человека, ученики его очень любили, учительствовал он у нас всего один год. Затем учителем у нас был Григорий Андреевич Хохлов, очень строгий к ученикам, но учением занимался очень мало, а все более работал по технике и построил маленький пароходик. Учителем у нас всего 2 года, ученики его боялись, но не любили. Следующим учителем был Александр Александрович Богомолов, уроженец п. Крохино. В молодости был очень веселый и симпатичный, к делу обучения детей относился внимательно и ученики его уважали и выходили из его училища хорошими людьми. Он учительствовал у нас около 35 лет, основал хор церковных певчих, в котором находился и я все время его существования и после. Законоучителем у нас в школе был все время местный священник от. Иоанн Разумовский. Очень добродушный священник и так увлекательно рассказывавший священную историю, что вся школа притихала и слушала, боясь проронить хотя одно слово из его рассказов св. Писания. Он помер, когда я находился в школе последний год и его влиянию обязаны все ученики в духовно-религиозном направлении, ученики его очень любили, и вообще он был любим всеми своими прихожанами. Этим и оканчиваются мои школьные воспоминания. Ученье мое шло довольно хорошо, всего более любил уроки Закона Божия, и хорошо учился по арифметике, только одно чистописание не давалось мне, что и приносило мне громадное огорченье. К пению я имел большое пристрастие и обладал очень хорошим голосом и любовь к пению осталась у меня на всю последующую жизнь. Учился хорошо, но был большой шалун.

7 апреля. День Благовещения.

Прошла наша речка, снегу на полях наполовину стаяло.

Имена волхвов, поклонявшихся Христу: 1-й грек, Гаспар — сын афинянина Клеонфа; 2-й индус, Мельхиор; 3-й египтянин, Валтасар (из рождественского рассказа о поклонении волхвов).

8. IV. Видимо было частное солнечное затмение в 12 ч. дня.

Начал работы в кузнице с 25 марта н. ст., назначен молотобойцем в кузницу гр. д. Поповской Павел Мазуров. Принято железа от Волземотдела и Волпосевома 12 п[удов] 10 ф[унтов] для ремонта сельскохозяйственных орудий населению Вашкинской волости.

14. IV. Начали по деревням сеять овес.

Лед на озере тронулся. Весна ранняя, сухая, теплая, воды очень мало. Население по деревням голодает. Сеять, нет овса семян. Советские деньги совершенно обесценили и за них ничего купит невозможно. За работы, а также купля и продажа производятся на обмен продуктов. 1 пуд ржи стоит на деньги 50000 руб.

Помни, не забывай святой труд земледелия.

17. IV. Трудящийся достоин пропитания. За труды свои да примет мзду свою.

18. IV. Население с. Вашек начали сеять овес.

20. IV. Начал пашню под овес.

21. IV. Начал сеять овес.

22. IV. Пятница Вербной недели, весна стоит сухая и ясная, снегу нет, и воды тоже на полях нет, земля просохла.

Населению, неимущим выдают на обсеменение овес и ячмень правительственной ссудой.

24. IV. Всю неделю стояла хорошая погода, жарко. Кончили сеять яровые, лед на Белом озере унесло, рыбаки ловят рыбу, лес одевается листвой, такой ранней и сухой весны в нашем краю не помнят старожилы.

27. IV. Сильно захворала моя жена Парасковья.

28. IV. Окончил сеять овес. Высеяно овса — 24 чк, ячменю — 2 чк, пшеницы — 1 1/2 чк, льну — 1 пуд.

29. IV. Заметно население увеличивает посев хлебов, пустующих полос, как бывало прежде, нет почти совершенно, должно быть голод хороший учитель.

1-го мая. Пасха.

Тепло, сухо. Лес опушился листвой. В озере воды очень мало, так что не дошла до берегов.

2. V. Воспоминания.

Мои годы после школьного ученья были проведены в родной семье до 17 лет. На семнадцатом году моей жизни мой отец разделился с дядей Анфиногеном, а так как отец был больной, то мне пришлось вести все домашнее хозяйство. На 22 году я женился на Парасковье Дмитриевне Курицыной, день нашей свадьбы был 30-го мая в Духов день и начал новую семейную жизнь. Семейная жизнь наша была спокойной и мирной, ссор в нашей семье не было почти совсем, детей у нас было 9 ребенок, из которых старшая Мария родилась в 1901 году, вторая Екатерина родилась в 1903 году, третий мальчик Сергей родился в 1906 году и помер в 1914 году, четвертая дочь Анна родилась в 1908 году, пятая дочь Олимпиада родилась в 1910 году померла в 1918 году, шестая дочь Александра родилась в 1912 году, седьмой сын Сергей родился в 1914 году, восьмой

сын Владимир родился в 1917 году помер в 1918 и девятая дочь Елизавета родилась в 1919 году, в настоящее время в живых шестеро детей.

За свою жизнь в солдатах и Красной армии не служил по неспособности, потому что работая в кузнице, разбил себе глаз левый, которым очень плохо вижу с той поры. Это было в 1905 году 25 ноября. Жена моя после смерти сына Сергея старшего, о котором мы оба очень тосковали и по рождении сына Сергея младшего в 1914 г. очень сильно захворала и всю зиму не вставала с постели и утратила трудоспособность на всю остальную жизнь. Тяжелые годы пришлось пережить нам начиная с 1912 году, так что в 1912 году разделились с братом Иваном и за тем вскоре поколела лошадь и бык, помер Сережа и захворала жена.

4.V. Парасковья уехала в г. Белозерск к доктору за советом по своей болезни.

Воспоминания

Свою жизнь почти непрерывно с 20 лет находился выборным в волости и волостным судьей, а затем по другим должностям. В 1899 году у нас была основана пожарная вольная дружина, где я и был на службе все время дружинником и помощником председателя и секретарем, также служил в Обществе потребителей казначеем и в кредитном т[овариществе], основанном мною, счетоводом. Из особенных событий общественных следует отметить размежевание между селениями приходы земельных угодий в 1905, 6, 7 гг. Затем развертка нашего общества на отруб в 1912 году и общественный передел земли в 1918 году черным делом.

В церковной жизни почти всю жизнь состоял попечителем и членом церковного совета. [Вс]поминаю освящение престола в холодном храме Рождества пресвят. Богородицы в 1890-х годах, потом устройство и освящение нового иконостаса в теплой церкви в 1911 году, тогда же освящение прест[ола] Св. Николая и устройство шпилей глав и поднятие крестов в 1913 году. Постановка памятника Александру Второму в 1914 г., который был в революцию снят коммунистами.

8. V. Сегодня свадьба Якова Гаврилова

9. V. Садили картофель.

10. V. Пашем паровое поле.

11. V. Получил письмо. Жена помещена в Белозерске в больницу, хотелось бы поехать самому лично в Белозерск, но невозможно оставить дом и детей одних.

13. V. Получена телеграмма о выздоровлении жены. Окончена пашня поля под пар. Посажено картофеля 25 чк.

14. V.-15. V. Ездил в Белозерск за женой, здоровье ее несколько поправилось. 15 мая помер Яков Петрович Копытов.

22. V. День праздника св. Николая Чудотворца, погода теплая, яблони цветут, рожь колосится.

30. V. Окончена бороньба парового поля, начинают возить навоз.

1. VI. Рожь цветет, на гумно положена новая крыша.

2. VI. Все время с окончания пашни паровых поля работал в кузнице.

3. VI. Захворал, сильно болит голова.

4. VI. Продолжается головная боль. Стоит жара, засуха.

Воспоминания

1905 и 6-й год во время японской войны, волнения, прокатившиеся волной по всей России, коснулись несколько и нашего села. До манифеста о свободе слова, печати, собраний и союзов, все было спокойно, хотя и раздавались голоса о бесполезности войны и против других правительственных распоряжений, но крестьянство все еще относилось спокойно и верило в свое правительство. Манифест от 17 окт. был встречен радостно, отслужен благодарственный молебен с торжественным крестным ходом и были устроены большие собрания, митинги, где говорились речи об новой милости царя и составлялись петиции об улучшении жизни народа. Следующие события в Петрограде поселили недоумение среди населения. Некоторые граждане, ранее высказывавшиеся за свободу, совершенно умолкли, а все остальные стали осторожнее, хотя многие еще волновались на собраниях и других сходках, так например, при выборе в Государственную Думу. Январские события и следующий за тем строгий режим прекратили все волнения. Следующие годы до Австро-Германской войны в 1914 году населению жилось хорошо. В нашем краю заработки были хорошие и хлеб, который большую часть года население покупало, был дешев, всевозможных товаров было в изобилии, цены были очень доступные. Так, хлеб стоил:

рожь	1 пуд	1 руб.
белая мука	1 п.	1р. 50к.
крупчатка	1 п.	2 р.
чай	1 фунт	2 р.
сахар	1 ф.	20 к.
пшено	1 ф.	5-6 к.
масло льняное	1 ф.	15 к.
масло коровье	1 ф.	20 к. и 25 к.
мясо	1 ф.	8 к. и 10 к.
рыба судак	1 ф.	6 к. и 10 к.
крынка молока		3 к. и 4 к.

Мануфактура

простой ситец	1 арш.	8 к., 10 к., 12 к.
сукно	1 арш.	1 р., 1р.50к., 2 р.
железо	1 пуд	2 р.
чугун	1 пуд	2 р.
веревки	1 пуд	6 р., 10 р., 20 р.
конопля	1 пуд	4 р., 5 р.

Заработная плата

Мужчины за день	от 60 к. до 1 р. и более
Женщины	от 25 к. и 40 к. и 50 к. и более
Мужчины с лошадьми	от 1 руб.50 к. до 3 р. и более

По приведенной таблице можно судить о жизни, принимая во внимания, что безработицы не было.

6. VI. Здоровье полегчало. Сегодня ездил на свадьбу крестника в деревню Скоково Петра Афанасьевича Кротова.

7. VI. Снова начинаю работать в кузнице.

14. VI. Начали переорвать [=перепаживать] паровое поле.

17. VI. Окучивали картофель.

19. VI. Троицын день.

22. VI. Окончена переорка поля, рожь наливаются. Состояние хлебов: рожь средняя, овес средний, яровая пшеница плохая, ячмень плохой, картофель хороший, капуста и прочее огородное плохие, травы совершенно очень плохие. Вся весна и начало лета сухие, дожди перепадают изредка. Население сильно нуждается в хлебе, так как привозного нет и продовольственных пайков не выдают окромя обсеменения.

29. VI. Праздник св. великомуч. Екатерины. Рожь поспевают. Местами начинают сенокос. Дожди стали перепадать чаще.

Пословица: На что клад, когда в семье лад.

Сильно хвораю.

1. VI. Начали сенокосить.

5. VI. Сенокос в полном разгаре, а я все еще продолжаю хворать. Скучно, тяжело видеть, как люди сенокосят, а ты сидишь дома прикованный болезнью к постели. Невыносимо медленно тянется время в ожидании конца болезни, когда и я могу идти в поле на работы.

7. VI. Иванов день.

Продолжается моя болезнь, хотя уже пошла на выздоровление. Вследствие болезни сегодня была созвана помощь для косьбы. Рожь поспевают. Голодающее население начинает брать колосья на кашу.

13. VI. Начиная с осени 1919 года, в продолжение зимы 1919 и 1920 года, и лето 1920 года и зима 20 и 21 года, весна 1921 года стояла сухая погода, дождей и снегу было очень мало почему и следует 1920 год считать самым сухим.

13. VII. Переделены черным делом сенокосы в урочище "Симанцево" в 1921 году. Здоровье несколько поправилось. Начинаю работать.

14. VII. Сенокос мокрый, работа идет очень тихо по причине дождей.

15. VII. Похороны Ал. Вит. Мыловой.

18. VII. Начали жать рожь.

20 июля. В 1914 году началась Австро-Германская война. Слухи о войне носились задолго до 14 года, было известно усиленное вооружение Германии, которое должно было в конце привести к войне. Но не смотря на все война явилась неожиданно.

1914 года в самый разгар сенокоса 18 июля по ст. ст. вдруг была объявлена мобилизация всех запасных и 20 июля от нас отправлена первая партия мобилизованных, в тоже время узнали об объявлении войны Германией.

Сколько было при отправке слез и рыданий, трудно себе представить. Каждая семья отправляла кого-нибудь, если не из семейников, то близких родных и знакомых. За первой мобилизацией последовала вторая и третья и так далее. Было мобилизовано все мужское население от 18 лет до 44 лет. Я сам лично был мобилизован 1 января ст. ст. 1915 года, но по неспособности уволен уездной Кирилловской комиссией и таким образом остался забракованным почти один во всем селе из тех годов, кои подлежали призыву. Скучно и грустно было, как будто лучшая половина села вымерла. С нетерпением ждали известий и газет, и писем с войны и болели душой о наших неудачах на фронте. Беспременно устраивались сборы пожертвований и подарков для армии и раненых и были недовольны начавшейся войной и правительством, так неумело ведущим дело. Так дело шло до 1917 года, когда 28 февраля началась революция и последовало отречение от престола царя Николая II.

Революция 1917 года 28 февраля.

Отречение от престола Николая II в нашем селе Вашках стало известно на другой день 1-го марта. События в Петрограде доходили до нас по телеграфу, вскоре было получено официальное извещение об отречении. Население все время было спокойно, вскоре затем был избран временный исполнительский комитет, который принял дела Волостного старшины, а также полиции и вообще все управление. Устраивались митинги и валовые сходы, старались установить порядок, но чем далее, тем порядок становился все хуже и хуже. Возвратившись из действующей армии солдаты внесли в население окончательный разлад в связи со сменой временного правительства и передачи власти в руки советов рабочих, красноармейских, крестьянских депутатов. Окончательно все спуталось, пошли реквизиции и обложения. Начали с богатых купцов и дошли до крестьян, даже до бедняков и так продолжалось до 1921 года, когда несколько поутихла партийная война и стал несколько налажаться порядок. Выборы в Волостное земство прошли у нас очень хорошо в порядке правильности производства их, но само земство в 1918 году оказалось малоспособным по причине общей разрухи и неимении каких-либо основательных инструкций, а также потому, что волость наша разделилась на двое, а именно с. Ухтома и с. Муньга отделились от нашей волости и остались в старом Кирилловском уезде, а мы, Вашкинские, перечислились в Белозерский уезд. Тогда же перечислена и губерния. Прежде бывшая Новгородская губерния перечислилась в Череповецкую, основанную в уездах Череповецкого, Белозерского, Кирилловского и Устюженского.

Выборы в Государственное Учредительное собрание в 1917 году были проведены у нас тоже правильно согласно данных инструкций, и население питало большие надежды, что наконец с созывом Учредительного собрания наступит конец смутам и беспорядкам и Учредительное собрание даст возможность ввести и устроить порядок. Но созыв Учредительного собрания не состоялся и 7 ноября власть перешла в руки Советов. Все время по выборам в волостное земство, уездное земство и Учредительное собрание работал в качестве предсе-

дателя Волостной избирательной комиссии, почему и могу с уверенностью сказать, что выборы были организованы правильно и прошли спокойно. Выборы были всеобщие, прямые, тайные, равные.

Власть советов у нас началась с 6-го января 1918 года.

21. VII. Прекращение продажи водки и пива и вообще всех спиртных напитков последовало с первой мобилизацией 1914 года 20 июля, первоначально временно, а затем на неопределенное время, навечно.

24. VII. По деревням местами начинают сеять озимую рожь.

27. VII. Окончили жать рожь. Нажато 133 копны, суслона, десятки.

29. VII. Окончен сенокос, накошено сена в поле сеновал, на парах 3 телеги и в лесу стожок воза 2 зимних.

3. VIII. Жали пшеницу и ячмень.

4. VIII. и 5. VIII. Сеяли рожь, высеяно 13 чк ржи.

8. VII. Начали жать овес.

10 авг. Смоленская, праздник.

17. VIII. Окончена жнива. Нажато овса 290. Стоит ясная, теплая погода, тихо и жар[ко]. Убран хмель, урожай хмелю очень плохой.

19 авг. нов. ст. Преображение Господня. Зазеленело озимное поле.

Ищи прилежно истину. Внимательно читай, в особенности Священное Писание. Многие отрицают Бога и вообще религию. Почему? Потому что поняли Священное писание в материальном смысле, а многие и совершенно не знакомы со Священным писанием. Читай и понимай его в духовном смысле и помни, что догматы религии непорочны, святы и чисты, как следует быть Божественному учению и никое другое ученье социализма не заменит его.

20. VIII. Праздник “Митрофания”

21. VIII. Объявлен налог на хлеб, масло, яйца, мясо, сено, называемый продналог, то есть продовольственный налог.

С населения получавшего ссуду овса для посева яровых полей весной текущего года требуется властью половину ссуды уплатить рожью, для обсеменения поволжских губерний, пострадавших от засухи. Населению приходится очень тяжело платить ссуду и продналог.

Поволжские губернии, начиная с Вятской, и Северный Кавказ вследствие засухи весной и в начале лета постиг неурожай как озимых и яровых хлебов, так и трав. Последствием является голод для населения тех мест. Советская власть принимает все меры для обсеменения пострадавших губерний.

Население всей России относится сочувственно к голодающему населению, но опасаются, что собранный хлеб не придет по назначению в голодную местность, но будет расхищен по пути следования разными служащими и рабочими, и другими личностями.

28 VIII. Празд[ник] Успения Бож[ьей] Мат[ери].

Две недели стоит сухая погода. 1 сентября приехала в гости тетка Марфа Ивановна, проживающая в городе Рыбинске.

7. VIII. [видимо описка, надо IX]. Был на спевке на Липином Бору. Погода стоит пасмурно и холодно.

11. VIII. [IX?] Состоялся духовный концерт в Липиноборском храме, пел хор под руководством священника иеромонаха Корнилия, я участвовал в хоре. Сбор был в ползу голодающего Поволжья.

12 сент. Празд[ник] Александра Невск[ого].

20 сентября. Канун праздника Пречистыя. Окончены все полевые работы и молотьба.

Урожай в 1921 года

Название	количество посева	Нажато	Вымолочено	Сам. %
рожь	12 чк	133 к.	92 чк	Сам 7 1/2
пшеница	2 чк	45 к.	7	Сам 3 1/2
ячмень	2 1/2 чк	30	3 1/2	Сам 2
овес	24	286	132 чк	Сам 5 1/2
картофель	25 чк	—	300	Сам 12
лен	1 п.	300	4	Сам 4

Высеяно ржи [неразб.] 1921 г. 13 га. Урожай удовлетворительный.

[Далее несколько страниц поддаются прочтению только местами из-за выгорания чернил].

... В первый раз привезены товары в лавку потребительского [товарищества], товарообмен: население променивает хлеб, грибы, ягоды, сушь [=мелкую сушеную рыбу] и так далее.

Впервые появляется в нашем месте самогон, водка.

21 сентября. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы.

Бог есть любовь. Разумная христианская любовь; человек, усовершенствуясь, должен приближаться к идеалу Бога, идеалу любви, делающий и творящий добрые дела разумно служит Богу, любви.

Будь честным не за страх, а за совесть. Справедливость — высшая мудрость.

27 сент. Праздник Воздвижения Креста Господня.

2 октября. Выпал первый снег. Снег покрыл землю ровным слоем в вершок толщиной.

3. X. Снег растаял. Осень стоит дождливая, сырая и холодная. Рыба ловится плохо по причине непрерывных ветров. ...

28. XI. День моего ангела.

Советской властью объявлена свободная торговля.

28. XI. Снята с учета кузница и все вообще кузницы. ...

18. XII. Продналог за 1921 год.

Уплачено: ржи — 10 пудов, мяса — 19 фунтов, шерсти — 2 фунта, ... масла — 7 фунтов, сена — 17 пудов, яиц — 10 шт. ... Населению очень тяжел настоящий продналог. Некоторым приходится уплачивать продналог, отдавая последний хлеб и корм. Налог с ловца за ловлю на Белом озере 18 пудов рыбы невыполним ввиду плохого лова рыбы.

1922 год

7. I. Рождество Христово.

Продналог взыскан полностью со всего населения. С неплательщиков взыскан в двойном размере и у некоторых лиц взяты коровы по постановлению ревтрибунала за неуплату в срок продналога, не исключая и бедняков. Невесело встречают праздник в особенности бедняки, у которых не осталось хлеба после уплаты продналога.

Высшее счастье на земле спокойное состояние духа.

Век живи и век учишь. Ищи прилежно истины. Во всех делах и поступках спрашивай у своей совести.

8. I. Существующие цены: рожь 1 пуд 300000 руб.

Самоусовершенствование — самоограничение.

Научись довольствоваться тем, что у тебя есть и будь спокоен.

18. I. Оштрафовано районной тройкой по сбору продналога 28 лиц граждан с. Вашки за несвоевременную уплату продналога, 9 лиц по 25 пуд. ржи и 19 лиц по 15 пуд. ржи каждого, в том числе нахожусь я оштрафован на 15 пудов ржи. Уплатил штраф 12 пудов ржи и 3 п. 31 фунт овса. Отдан почти последний запас хлеба.

23. I. Захворала Мария, воспаление левого легкого.

28. I. Ловили ятву, ничего не изловили.

Унылое настроение у населения. Предстоит голодовка, отобран хлеб за продналоги и штрафы.

2 февраля. Объявлен трудгужналог, шестидневник, т. е. каждый гражданин, кто бы ни был, должен отработать в пользу государства шесть дней в год, три из них назначено выполнить по 10 февраля с/г. Работа бесплатно и со своим хлебом и конями. Привлекается все население мужчины от 18 до 50 лет и женщины от 18 до 40 лет. Исключение делаются только служащим на государственной и военной службе, а также больным гражданам, беременным женщинам и кормящим грудью до 1 года по свидетельству врача. Екатерина ушла в Конево для работ трудналога.

8. II. Екатерина отработала три дня трудгужналога. Мария с лошадью назначена для перевозки хлеба в Белозерск от загконторы.

12. II. Праздник трех святителей.

21. II. Отработано шестидневник трудгужналога за Марию и лошадь, отвезено до Белозерска 58 пудов хлеба, продуктов из Вашкинской загконторы № 12-й.

22. II. Ездили ловить в околодке ятву. Не изловили ничего.

25 февраля. Суббота масляной недели.

26. II. Воскресенье (масленица).

3. III. Цена на хлеб рожь 100 000 руб. за пуд — за все прочее сообразно цен на рожь. Цены на все растут. Причины, во-первых, непосильный продналог, во-вторых, недоверие населения к советской власти.

10. III. Куплена икона Скорбящей Божьей Матери древнего письма по серебряном окладе.

25. III. Снег глубокий, рыхлый. Зима была средней температуры, многоснежная, без оттепелей. Цена хлеба 1200000 за пуд ржи.

26. III.

Село Вашки

Наше село Вашки расположено на северо-восточном берегу Белого озера на ровном месте. Служит издавна центром окружающей местности, благодаря своему местоположению, так как сходятся дороги из Киснемской волости, Шубачской волости, Островской волости и Вытегорского тракта на большой дороге. Жителей считается до 400 человек, дворов имеющих землю крестьян 61 ч[еловек], безземельных 9 ч[еловек], всего 70 дворов, т. е. домохозяев. Земельный надел 105 ревизных душ, а надельных 113 душ. Пахоты 294 десятины и покосу 250 десятины и около 800 дес. лесу, болот и выгона. Храм в нашем селе каменный с одной главой построен в 1741 году и придел к нему Екатерины Великомученицы построен в 1871 году. В селе с незапамятных времен сосредотачивается управление местности, как то: Правление, в настоящее время Исполком, Штаб милиции, в прежнее время полиции, также больница, двухклассное училище, в прежнее время под ведомством Министерства Народного Просвещения, пожарная, вольная дружина. Общество потребителей имеет в селе лавку и так далее.

В давнее время село Вашки принадлежало Кирилло-Белозерскому монастырю. С отобранием крестьян от монастырей перечислено в ведение государственных крестьян и потому не помнят никто барщины, было ли село когда помещичьим, неизвестно.

Около 1800 годов село выгорело все дотла, но в котором году, нет точных сведений. Существует предание, что свое название Вашки село получило от проживающего или же какого управителя, которого звали Васькой и называлось “село Васьки”, что в последствии и переделано на село “Вашки”.

16. IV. Пасха.

Весна стоит холодная и сырая, снегу еще очень много. Цена на хлеб рожь стоит 2500000 руб. на бумажные советские деньги

22 апреля. Всю Святую неделю стоит холодная погода.

Громадный голод в Поволжье. Местное население все перехворало инфуенцией, но смертных случаев не было. В прошлом году сеяли, а в нынешнем году еще более половины окрестности покрыто снегом.

25 апреля. Помер Павел Дмитриевич Жаравлев (двоюродный брат по материнской линии).

Снег на полях стаял.

28. IV. Лед на Белом озере тронулся.

2 мая. Начали пахать яровое поле и сеять овес.

4 мая. Начал сеять овес. Очень сырая земля. Весна теплая и мокрая.

[Приведены рисунки бороны «с железным зубьем» и сохи-косули]

Земледельцы в старину пахали двумя сошниками, такого же устройства, плугов в нашей местности почти нет, редко встретишь пахаря с плугом.

6. V. Бороны с нашем селе деревянные с железными зубьями. В старину была вообще все из дерева, из елового лесу с сучками. С 1910 году стали заводить железные зубья, и есть все железные, зигзагом. Есть еще сохи, прямые с двумя сошниками, служат для окучивания картофеля, а также запахивают посеянную рожь. Молотилок, сеялок и других уборочных машин нет, окромя нескольких вялок. Имеется сортировка, траер на котором население расчищает семена и который приносит населению громадную пользу.

7. V. [Приведены эстампажи, выполненные методом натирания графитом: медные деньги — 2 копейки 1874 года; серебряные деньги — 15 коп., 20 коп., 10 коп. 1878-1915 годов; 50 коп. 1894-1915 годов; 1 рубль 1899 года].

С революцией 1917—18 года все медные, серебряные и золотые деньги более не выпускаются и у кого из населения имеются, то берегутся как ценности, даже бывшие государственные царские деньги бумажные, ценятся очень дорого на нынешние советские бумажные деньги, которых выпущено громадное количество и которые не имеют почти никакой ценности. Так, в настоящее время пуд ржи стоит 3 миллиона рублей. С каждым днем ценность советских бумажных денежных знаков продолжает понижаться.

[Приведены эстампажи медных денег: 1/2 коп., 1 коп., 2 коп., и 3 коп. выпуска 1878-1975 г. и иностранных — германских — серебряных денег]. <...>

[Приведен рисунок профиля водомерного поста с. Вашки, подписанный «наблюдатель водомерного поста Дм. Ив. Лукичев. 1922 года 10 мая. С. Вашки»].

12. V. Высеяно овса 31 чк, ячменя 1 1/2 чк.

(пшеница и лен смотри ниже)

14. V. Свадьба Алексея Афиногеновича Шарманова и Ирины Михайловны Носовой.

Озеро Белое очистилось от льда.

15. V. Посеяно пшеницы 1 1/2 чк, льну 1 п. 10 ф., гороху 25 ф.

16. V. Все время идет дождь. Весна мокрая, сеять пришлось в сырую землю.

19. V. Ясно, тепло, пашут пар.

20. V. Построена баня, поставлен сруб. <...>

27. V. (Поднят пар) вспахано паровое поле. Изъятие церковных ценностей. Отбираются церковные ценности по распоряжению и требованию советской власти для нужд республики, подлежат изъятию серебряные и золотые сосуды, ризы с икон и украшения и прочие принадлежности церковного богослужения. Из нашего храма назначены к изъятию две серебряные дарохранительницы, два серебряных креста и одна серебряная дароносица. Обе дарохранительницы художественной работы, под золотом.

30. V. Посажен картофель 30 чк.

31. V. Уплачено общегосударственного налога на 1000000 руб. с работника, т. е. с каждого трудоспособного члена семьи (на нов. деньги 450 р.).

1. VI. Цена: рожь 1 пуд 4 1/2 миллиона руб.

2. VI. Новые деньги: 1 рубль считается за 10 тысяч рублей.

8 VI. КуПЛЕН никелировый самовар.

11. VI. Воскресенье. Рыбаками Вашкинской рыболовной артели прокопано в новом месте русло реки, для устья. <...>

12. VI. Построен новый сеновал в лесу, урочище “Овсянниково” и покрыт крышей из нового тесу.

14. VI. Уплачен яичный и масляный налог. 10 шт. яиц и 5 фунтов масла.

15. VI. Начали боронить паровое поле. Переделана борона вновь.

22. VI. Начали возить навоз. Последовало еще изъятие церковных ценностей, взято два серебряных потира (чаши), два серебряных диска, четыре серебряных тарелочки, две ложки, кадило.

24. VI. Рожь цветет.

27. VI. Окончил возить навоз. Вывезено навозу 100 возов, поле от Бору. Переорка поля.

29. VI. Пр[аздник] Великомучен. Екатерины.

1. VII. Наложена на баню крыша.

3. VII. Окончена переорка поля, рожь отцвела. Состояние хлебов: рожь ниже среднего, яровые хорошие, травы хорошие.

6. VII. Окучивали картофель.

7. VII. Праздник Иванов день. Хвораю вот уже 2 недели.

8. VII. Начали сенокос. Рожь наливается.

21. VII. Сенокос плохой, погода пасмурная и дождливая.

22. VII. Погода дождь, сенокос остановился.

25. VII. Сенокос делается очень медленно. Рожь поспевает.

26 июля в среду. Родился мальчик в 12 часов дня.

27. VII. Местами начинают жать рожь.

[Приведен рисунок косы-горбуши]. Коса горбуша, какими в старину косило население села Вашек и окружных деревень.

Куда свой взор не обращаю, везде, тебя, Господь встречаю.

[Приведен рисунок цветка, выполненный акварелью, подписан “Анна Лукичева 23 июля”].

30 июля. Крещен новорожденный сын назван Борисом. День Ангела 24 июля (старого стиля) / 6 авг. нового стиля.

[Приведен рисунок косы-стойки] Коса-стойка, такими начинают косить молодое население.

Борис Дмитриевич Лукичев родился 26 июля нов. ст. 1922 г. / 13 июля ст. ст., день ангела 24 июля стар. стиля. / 6 августа нового стиля. Восприемники: Михаил Николаевич Курицын и Анна Дмитриевна Лукичева.

3 августа. Окончен сенокос. Начали жать рожь. Начали боронить под рожь.

6. VIII. Третий день идет дождь. Сеять нельзя, пахать тоже нельзя, урожай ржи предвидится совершенно плохой, опять населению угрожает голодовка.

Ученье — свет. Век живи — век учись. Научись любить людей. Научись любить справедливость.

[Приведены рисунок цветка, выполненный акварелью, подписанный “Анна Лукичева 23 июля 1922 года” и рисунки чернилами серпа и цепа или молотила].

Люби ближнего, как самого себя. Будь трудолюбив. Трудись разумно. Люби труд и тружеников.

Пословицы:

На что и клад, когда в семье лад.

Худо тому, кто добра не делает никому. Не проси у богатого, а проси у доброго.

Нет друга — так ищи, а есть — так береги. Не имей сто рублей, а имей сто друзей. Новых друзей наживай, а старых не теряй.

С миром везде простор, с бранью везде теснота.

Правда светлее солнца.

Неправдою нажитое — впрок не идет.

Кто пахать не ленится, у того хлеб родится.

Труд человека кормит, а лень портит. Долго спать — добра не видать.

Работа да руки — надежные поруки.

Блажен иже и скоты милует.

Не мучь мухи и ей больно.

Накормить голодного, одеть нагого, напоить жаждущего, утешить страждущего есть одна из Евангельских истин, которую должен помнить каждый человек и по силе возможности исполнять ее.

[Приведен рисунок василька акварелью, подписанный “Анна Дмитриевна Лукичева”].

Нет плохой земли, а есть плохие земледельцы. Применяй к земле труд и разум.

9. VIII. Молотили первый раз в году.

11. VIII. Начали сеять рожь.

12. VIII. Выжата рожь 150 копен, ячмень 16 копен.

16. VIII. Окончен сев ржи. Посеяно ржи 11 чк, надергано льну 500 снопов.

19. VIII. Преображение Господня. Убран горох. Убрано ржаное поле.

21. VIII. Начали жать овес. Нажато пшеницы 38 копен

26. VIII. Поездка в Белозерск. В Белозерске захворал и пролежал 2и сутки.

31. VIII. Окончена жнива. Нажато овса 250 копен по 5 снопов каждая. Картофель гниет, вымолочено ячменя 4 чк, пшеницы 6 1/2 чк, рожь 65 чк, льну 6 чк, гороху 3 чк.

1 сентября. Объявлен продналог за 1922 г. с. Вашки по третьему разряду.

4. IX. Продналага за 1922 год по третьему разряду урожая, скидка уплатой в срок 10%. С нашего семейства 18 пудов ржи.

8. IX. Уплачено в продналага в г. Белозерске: ржи 6 п. 31 ф., семя льняного 2 п. 37 ф.

10. IX. Болезнь моя продолжается вот уже все лето, все медицинские пособия нисколько не помогают.

12. IX. Продолжается болезнь. Болит сильно грудь, заметна плохая деятельность сердца.

15. IX. Окончено молочение овса. Вымолочено овса 14 чт. 2 чк, выкопан картофель.

Урожай за 1922 год.

Название хлеба	высеяно	нажато	вымолочено	сам %
рожь	13 чк	150 к	65 чк	сам 5
ячмень	1 чк 1/2	16 к	4 чк	сам 3
пшеница	1 чк 1/2	38 к	6 S	сам 4
овес	31 чк	250 к	114	сам 3 1/2
лен	1 п. 10 ф.	500 к	6	сам 5
горох	25 чк		4 п	сам 7
картофель	30 чк		150	сам 5

Картофель очень плохого качества (гниет). Высеяно в 1922 году озимой ржи 11 чк.

24 сентября. Поехал в Рыбинск.

27. IX. Приехал в Рыбинск.

2. X. выехал из Рыбинска.

4. X. Приехал домой. 24 сент. сдано в остаток продналогу 3 пуда овса и 33 ф. льняного семя.

Уплочено продналогу:

ржи 6 пудов 31 ф.	6 п. 31 ф.
семя льняного 3 п. 30 ф.	7 п. 20 ф. в переводе на рожь
овса 3 п.	2 п.
итого	16 п. 11 ф.
скидка 10 %	1 п. 32 ф.
всего сполна	18 п. 3 ф.

28. IX. У Ивана Ивановича Лукичева родился сын, Евгений.

1-го октября. Исключены из обращения бумажные деньги, кредитные билеты и расчетные знаки выпуска 1918 года, 1919 года, 1920 года и 1921 года с замеченой выпуска 1922 года 1 рубль считается за 10 000 рублей.

16 окт. Первый заморозок.

22. X. Продолжаю хворать, работаю очень мало, с большим трудом. 31 сентября был у доктора Сыромятникова в г. Рыбинске. Признано доктором нервная болезнь.

5. XI. Здоровье мое несколько пооблегчало, работаю в кузнице.

11. XI. Первый раз истоплена новая баня.

Цена на хлеб 1 п. ржи 10 миллионов руб. или 1000 руб. 1922 г.

15. XI. Пожар в деревне Поповской, сгорело у Павла Мазурова дом с двором и хлевом.

Перевыборы Волостного совета, избраны: гр. д. Давыдово Иван Борисович Мурашев, д. Нижнее Хотино Семен Савельевич Новожилов. Новожилов вы-был, его заменял И. И. Мясков и с. Вашек Иван Кирилович Лукичев.

20. XI. Ездил в Белозерск для получения патента на кузницу. Брат Иван Иванович Лукичев строит в Белозерске собственный дом.

28. XI. Сегодня день моего ангела.

6. XII. Праздник Св. Митрофания.

7. XII. Пр[аздник] вел[ико]м[ученицы] Екатерины. Продолжаю хворать.

Снег выпал на талую землю. Продолжает валиться снег, морозов нет и ловли на озере не производится. Рыбаки взяли в аренду 18 верст квадр. озера по 12 пуд. за каждую версту. Из-за болезни мною оставлена рыбная ловля.

17. XII. Ездил в Крохино за лесорубочным билетом и в Белозерск за братом.

19. XII. Св. Николая праздник. Были гости, приезжал брат Иван Иванович из Белозерска.

31. XII. Ездил в Белозерск за счет шестидневника (трудгужналога).

1923 год

1 января. Новый год 1923-й нов. ст. встречал в Белозерске.

5. I. Вашкинская артель рыбаков изловили ятву 450 пуд. чеши.

6 янв. Сочельник. Мария и Екатерина поехали в гости в Белозерск.

8 января. Помер маленький сын Ивана Ивановича Лукичева, Евгений, 1923 г. 8. I.

9. I. Поступил в число рыбаков на полпая (аренда 10 пуд.). Хотя здоровье и не совсем поправилось, но сила привычки перемогла и снова езжу на рыбную ловлю.

19. I. Праздник Крещения Господня.

Избран председателем общества потребителей многолавки: уплачен государственный уравнильный налог 7р. 50 к. дензнаками 1923 года. С первого января 1923 года переменен счет денег 1 миллион выпуска прежних лет считается за 1 рубль.

26. I. Цена на хлеб 20 р. дензнаками 1923 года, то есть 20 миллионов прежними деньгами.

Марию сватают женихи, но все сватовства отклонены.

3. II. Сегодня вновь явились сваты с предложениями Марии, Николай Вас. Мылов. Заручившись согласием обеих сторон, жениха и невесты, устроили сговор, но до окончания сговора было принесено письменное предложение Марии от Федора Степановича Уханова гр. с. Муньги. С Мыловым пришлось прекратить сватовство и Мария приняла предложения Федора Степановича Уханова.

1. II. Сделано предложение Марии Григорием Федоровичем Маничевым. Предложение отклонено.

7 февраля. Последовал настоящий сговор дочери Марии Дмитриевны с Федором Степановичем Ухановым. Устроено Богомолье и Мария невеста.

Патент на кузницу с 1-го января и 1 апреля по 10 р. дензн[аков] 1923 г., уплачен штраф 4 р. Налоги очень велики и тяжелы.

8. II. Назначена свадьба Марии Дмитриевны и Федора Степановича на 11 февраля (мясное воскресенье).

8. II. Сильно хворал 3 дня.

- 10. II.** Продолжаю хворать. Завтра назначена свадьба (мясное воскресенье).
- 11. II.** День свадьбы Марии Дмитриевны и Федора Степановича Уханова.
- 12. II.** Сегодня вернулись со свадьбы, Мария осталась веселая и спокойная, что все остались довольны и успокоились несколько на счет ее судьбы.
- 13. II.** Приготавливаемся к приему молодых новобрачных и гостей, к так называемым отводинам, которые назначены в пятницу на масляной 16-го февраля.
- 16 февраля.** Праздновали отводины, было много гостей.
- 18. II.** Масленица.
- 21. II.** Ездил ловить ятву, в околотке изловили 50 пуд. мелкой рыбы и только, тоня задели, порвали невод.
- 2. III.** Вновь ловили ятву в другом околотке, тоню задели за лом и невод остался к ночи до следующего дня.
- 3. III.** Изловили ятву 300 пуд. чеши. Порвали невод и упустили много рыбы.
- 13. III.** Доверие порождает доверие, а любовь порождает любовь.
- 14. III.** Захворал вновь очень сильно. Был в озере, становили мережки в обнос и со мною приключился удар в поясницу, причем я упал, подошедший товарищ П. И. Зорин поднял меня, и уложил в сани. По приезде домой из саней завели под руки и уложили в постель.
- 15. III.** Оставался без медицинской помощи, болезнь усилилась так, что силы изменили и временам думалось, что помираю. 16. III поставлены балки и сделан массаж. 17. III продолжают ужасные боли. 18. III Почу[в]ствовалось некоторое облегчение.
- 19. III.** Наконец боли стали затихать и я сижу и пишу, хотя с трудом. Уехали ловить ятву. Изловили ятву 700 пуд. чеши.
- 20. III.** Изловили еще 1500 пуд. чеши и судака.
- 21. III.** Перевозили рыбу.
- 22. III.** Еще выловили 500 пуд. чеши и судака.
- 24. III.** Еще выловлено 300 пуд., всего выловлено 3000 пудов, на долю по 70 пудов. Цена рыбы: судак — 60 р. за пуд, чеша — 20 р. за пуд. Цена на рожь: 40 руб. дензнак 1923 г.
- <...>
- 25. III.** Здоровье полегчало.
- 27. III.** Ездил в Белозерск на ярмарку.
- 7. IV.** Благовещенье. Страстная Суббота.
- На кузницу патент с 1-го апреля по 1-е октября 35 руб., уравнильный сбор за кузницу с 1.I по 1. III 70 руб., пени 7 руб., уплачено 3. IX в комитет взаимопомощи 20 ф. ржи, страховых 45 руб. Громадное количество налогов, население с трудом справляется с налогами.
- Поделена земля священника между малоземельными гражданами.
- 8. IV.** Пасха. Праздник торжества христианской любви, на коей основано все христианское ученье.
- 10. IV.** Помер Виталий Иванович Гаврилов.

23. IV. Правительством приняты строгие меры к искоренению пьянства, выгонка самогонки и употребление ее строго преследуется. Цель достигается, пьянство уничтожается.

28. IV. Работаю в кузнице совместно с Георгием Александровичем Ермиловым гр. д. Омясовы Киснемской вол.

29. IV. Положен штраф за кузницу 18 р. за не подачу сведений об доходе за 1-ю четверть года.

26. IV. Зять Федор Степ. Уханов поделился с братом Петром Ст. Ухановым.

6. V. Весна затянулась, поля все покрыты снегом, ездят на санях, по озеру ездят и ходят, лед еще не тронулся. Корму нет, скот голодает.

6. V. Праздн[ик] Георгия Победоносца.

7 мая. Общее собрание членов многолавки. Выбыл из председателей общ[ества] потребителей по собственному заявлению в виду плохого здоровья.

13. V. Снег стаял, река прошла и очистилась от льда. На Липином Бору начинают пахать. Ездят на телегах. В общем весна поздняя.

Будь справедлив и честен не за страх, а за совесть, т. е. не за то, что будет известен дурной поступок людям и ими осужден, а будь честен и справедлив в силу своего собственного достоинства. Научись уважать сам себя за благородность твоей души, но не гордись пустым тщеславием.

16. V. Поздняя весна. Начали пахать яровое поле и сеять овес. На Белом озере тронулся лед.

17. V. Вознесение.

18. V. Начал пахать, **19. V** начал сеять.

[Эстампаж золотых денег: монета 10 рублей выпуска 1900 года].

22. V. Понесло лед на Белом озере.

22. V. Праздник св. Николая. Подрядил сработать новую кузницу.

26. V. Высеяно овса 25 чк.

27. V. Троицын день.

24. V. Озеро очистилось от льда.

27. V. Весна поздняя, мокрая, сеют поздно. Лес начинает зеленеть.

29. V. Посеяно пшеницы 1 1/2 пуда.

31. V. Посеяно ячменя — 2 1/2 чк. и 1/2 и льну — 35 ф. Окончил сеять яровые. Погода холодная и вся весна мокрая и холодная, озимые плохие, на суглинке совсем пропали.

Примета: снег осенью выпал на талую землю, на глинистой почве озими плохие.

1. VI. Начали пахать паровое поле. Лес еще не совсем опушился.

4. VI. Вся весна стояла холодная и дождливая, картофель еще не посажен и огородные овощи тоже. По причине холода и дождей гибнет озимая рожь, особенно на глинистой почве и сырой песчаной тоже.

8. VI. Начинают садить картофель.

15. VI. Посажен картофель, всего 25 чк. Погода улучшилась.

10. VI. Окончена пашня парового поля. Лес опушился. На озимой рже появился вредитель озимого, червь в громадном количестве, так называемый “проволочный червь”, живет внутри стебля соломы и подъедает под корень рожь, от того гибнет в громадном числе. По причине сырой весны и червя урожай ожидается самый плохой, что в будущий год и грозит вновь голодом населению.

17. VI. Здоровье плохое, хвораю и работать не могу.

Цена на хлеб: рожь 100 р. дензнаками 23 г. Получил фотографические карточки снимки 3-го IV-23 г.

18. VI. Рожь начинает колоситься, цветет черемуха, тепло.

23. VI. Куплена швейная машина.

25. VI. Начали боронить пар. Сильным ветром сбило в озере все мережки.

1 июля. Всероссийский церковный совет постановил перевести счисление времени на новый стиль, то есть на тринадцать дней ранее, праздники и церковные богослужения исполнять по новому стилю. Переход на новый стиль обязаны все общины устроить до Рождества Христова сего года. Постановлено и много других изменений из церковных обрядов.

2. VII. Рожь начинает цвести.

3. VII. Начали возить навоз.

7. VII. Иванов день празднуется по ст. ст. Возят навоз и переорвают поле. Рожь цветет, погода жаркая.

8. VII. Окончили возить навоз, вывезено навозу 100 возов, поле от д. Борка.

13. VII. Окончена переорка. Состояние посевов: рожь плохая, овес средний, яровые средние, трава выше среднего.

16. VII. Начали сенокос, рожь наливаются.

17. VII. Сосед Як. Вит. Гаврилов поменял постройку с Зориным, и переселились на новое место.

28. VII. Рожь налилась и зреет. Сенокос идет тихо по причине дождей.

2. VIII. Стоят дожди вторую неделю. Сенокос остановился, скошенное сено гниет, рожь зелена.

2 августа. Праздник Св. прор[ока] Ильи.

4. VIII. Сырая и холодная погода, голодающее население срезает колосья еще зеленой ржи на хлеб.

13. VIII. Начинают жать рожь по деревням и на Липином Бору. В Вашках еще рожь зелена и жнут только для еды на хлеб. Начинают боронить.

4. VIII. По утру местами иней и холодная роса.

16. VIII. Начинают сеять у кого есть старые семена. В деревнях сеют уже новые.

17. VIII. Снова дожди, сенокос не окончен, жать нельзя и боронить тоже.

22. VIII. Начали жать рожь.

25. VIII. Начинают сеять.

26. VIII. Окончен сенокос. Сенокос продолжался очень долго по причине дождей, урожай сена выше среднего.

27. VIII. Начали сеять рожь.

31. VIII. Окончен сев ржи. Высеяно ржи 13 чк, поле от деревни Борок. Сев ржи все время стояла благоприятная погода, земля приготовилась хорошо.

1. IX. Выжата рожь. Нажато ржи 180 копен по 10 снопов, поле от Бору. Овес зелен.

8. IX. В ночь с седьмого на восьмое сентября большой иней, морозно, грязь и лужи застыли, морозом повредило яровые, овес, ячмень, пшеницу, которые еще зеленые, а также огородные овощи.

Цены на рожь 200 руб. за пуд дензнаками 23 года, сахар 150 руб. 1 фунт, табак 50 руб. 1/8 ф. и т. д.

10. IX. Очищено ржаное поле. Нажато ячменю 40 бабок, надергано льну 480 снопов.

14. IX. Помер П. И. Качалов.

25. IX. Нажато пшеницы 34 бабки.

26. IX. Начали жать овес.

28. IX. Вымолочено ржи 87 чк.

29. IX. Вымолочено ячменю 8 чк.

30. IX. Лето стояло очень сырое и холодное, замечательно дождливое. Цены на рожь 500 руб. за пуд. Объявлен продналог по первому разряду в виду неурожая. Продналогу должно уплатить 9 п. 25 ф. Продналог уплачивается деньгами.

4. X. Нажато овса 290 бабок. Патент на кузницу 3 руб. заплатил и облигация золотого займа 5 руб. зол[отом] с 1-го октября 23 года по 1 апреля 24 года.

6. X. Вымолочено пшеницы 7 чк. Идет уборка картофеля, цена ржи за один пуд 450 р. дензн. 23 г.

17. X. Овес еще не убран с полей по причине беспрерывных дождей.

20. X. Уплачено продналогу 7 пуд. ржи деньгами и облигациями хлебного займа.

27. X. Очищено яровое поле.

1. XI. Выпал снег. Местами еще не убран овес.

3. XI. Окончено молоченье. Вымолочено овса 110 чк, гороху 6 чк, льну 5 чк, картофеля 200 чк.

Лето 23 года все стояло сырое и холодное, весь год должно считать сырым, дождливым и холодным, от того получился большой недород и зима обещает населению вновь голодовку.

Урожай 1923 год

название культуры	высеяно	нажато	вымолочено	сам %	примечание
1. рожь	11 чк	18 к	87 чк	8	плохая
2. овес	25 чк	29 к	110чк	4 1/2	плохой
3. ячмень	2 1/2 чк	40 к	8 чк	3 1/2	плохой
4. пшеница	1 1/2чк	36 к	7чк	4 1/2	плохая
5. горох	1 п	7воз.	6чк	6	плохой
6. лен	35 ф	480 с	5 чк	5	хорош
7. картофель	25чк		200 чк	8	средний

По урожаю год считается плохой. Высеяно ржи 1923 год 13 чк в поле от д. Борка.

11. XI. Отремонтировано крылечко и новые ворота на сени. С 1-го ноября анулированы дензнаки выпуска 22 года.

25. XI. Сильная буря, западный ветер.

27. XI. Первый заморозок, озеро еще не стало.

28. XI. Ледостав. Озеро застыло.

21 ноября. Пожар в дер. Поповской, сгорел дом с двором и хлевом у Федора Андреевича Худякова.

11. XII. Мария развелась с мужем Федором Ухановым и возвратилась домой. Причина развода — очень грубое обращение свекрови, даже совсем невозможное, а также полная бесхозяйственность мужа и семьи.

1924-й год 1 января

7. I. Праздник Рождества Христова.

8. I. Помочь: перевозили новый сруб на кузницу.

13. I. Заготовлено бревен в лесу для зимней избы 70 шт., плата 12 п. 10 ф., по 7 ф. за шт.

22. I. Телеграммой получено извещение: 21 января 6 часов вечера помер Владимир Ильич Ленин (Ульянов) председатель Совета народных комиссаров. [Запись обведена двойной линией].

27. I. Похороны В. И. Ленина. Митинг в Исполкоме, манифестация и салют в минуту похорон.

<...>

21. II. Слияние волостей Вашкинской, Киснемской и Шубачской в одну волость Вашкинскую с центром с. Вашики.

9. III. Масленица.

В начале 23 года выпущены новые деньги червонцы, стоимость одного червонца 10 золотых рублей. В продолжение 23 года выпуск червонцев продолжался и в 24 году. Выпускаются новые деньги 5 рублевые и еще меньшего достоинства, каковые будут по курсу золотого рубля. Дензнаки выпуска 23 года теряют свою ценность.

Куплена облигация государственного 6 % выигрышного займа. Серия 07 (седьмая) № 316855 на капит. в 5 руб. золотом вып. 1922 г. принудительным порядком при выборах патента на кузницу с 1-го окт. 23 г. по 1 апр. 24 г.

14. III. г. Белозерск, Мария снялась на фотографическую карточку.

20. III. <...> Курс рубля остановился. 1 рубль золотом равняется 50 тыс. руб. дензнакам вып. 23 г.

26. III. Зима 1923-1924 года средняя по количеству снега.

2. IV. Патент на кузницу 3 руб. золотом и облигация государственного 6 % выигрышного займа, квитанция принудительным порядком.

10. IV. Выпущены новые деньги. в 5 р., 3 р., 1 рубль, бумажные и 20 к, 15 к и 10 к. серебряные.

Прилетели жаворонки, речка прошла.

12. IV. Прошла речка.

27. IV. Пасха.

1. V. Праздник рабочих. Комсомольская свадьба И. К. Лукичева.

3. V. Разделена пустошь (Ребриков починок).

6. V. Начали сеять овес.

10. V. Окончили сев овса. Высеяно: овса 25 чк, льну 10 пудов, гороху 10 ф.

8. V. Снег стаял совершенно весь.

9. V. Унесло на озере лед.

12. V. Посеяно пшеницы 2 1/1 меры, ячменю 1 1/2 меры.

20. V. Организационное собрание об открытии вновь Кредитного т-ва в с. Вашках.

[Эстампаж: серебряные деньги выпуска 1923 года].

22. VI. Поле от Митрофанова пронесена дорога, выкопаны канавки и спуски вновь и вычищены старые канавы.

15. VI. Выбран председателем и казначеем Вашкинского кредитного т-ва.

23. VI. (Г-Де Мопассан) Мудрецы вместо того, чтобы жениться и порождать для утешения в старости детей, которые их покинут, искали хороших, верных друзей, с которыми доживали до старости в духовном общении, могущем существовать только между мужчинами.

17. VII. Нажато ржи 180 копен по 10 снопов, ячменю 16 коп. по 5 сн., пшеницы 54 коп., льну 400 сн., овса 260 копен, картофелю 170 меш.

23 авг. нов. ст. померла жена Ив. Шарманова Серафима Андреевна Шарманова после родов сына Александра, который помер 1. IX. 2. IX. Иван Шарманов женился вновь на Серафиме Васильевне Шитиковой.

6. IX. Вымолочено ржи 70 м., ячменю 5 чк, овса 100, пшеница 13 чк, льну 4 чк.

17 октября. Построена новая кузница. Начал работать в новой кузнице.

13 ноября родилась дочь Евстолия. 27 ноября померла дочь Евстолия.

Поделено по едокам у озера к слободке.

14 ноября утвержден земельной комиссией протокол об общем переделе земли гр. с. Вашки по едокам с переходом от трехполья на четырехполье.

Зима 1924-25 года теплая, малоснежная, большие оттепели, местами согнало весь снег.

20. XI. Куплена вейлка 65 р.

24. XI. Куплена молотилка на 8 паев, 12 руб. за пай. Первый год молотили и веяли на машинах.

14. X[II?] Построена новая изба зимовка.

Посеяно на первый год рожь в урочище Ребриков починок.

1926 год

24. I. День свадьбы дочери Екатерины Дмитриевны и Михаила Васильевича Мылова.

Проверка водомерного поста.

Куплен новый плуг 14 р. 50 к. Соха брошена с весны 24 года, начинаем пахать плугом.

27 мая. Родился сын Михаил, день Ангела 5-го июня н. ст.

4 ноября. Родилась дочь у дочери Екатерины и Михаила Мыловых, Анна, день Ангела 4 ноября.

октябрь. Переход на многополье гр[аждан] с. Вашки

10 ноября. Выделка новой избы-зимовки.

28 ноября. Оставил службу в кредитном т-ве.

16 декабря. Передал дела и кассу кредитного т-ва.

26 дек. Прирезано к нашему наделу 200 десятин болота к слободке из бывшей казенной “Фетининой Вашкинской” доли.

Передел земли 1926 года. Получено на наше семейство на 9 едоков.

Наш десяток: Лукичев 9 ед[оков], Копытов 6 ед., Гольшев 8 ед., Зорина 8 ед., Балтозуюв [?] 7 ед. Итого 38 членов.

[1927 г.]

1 января. г. Белозерск. Ревизия Сельпредсоюза. Союз ликвидирован февр.

30 января. Раздел Мыловых Михаила и Екатерины с отцом.

20 мая. Посев клевера первый год, поле к Бору. Уравнивание усадебной земли.

24 мая. Разделена вновь полоса на задах.

25. VI. Утонул на Белом озере Кузьма Ефимович Рублев.

1. VII. Получил диплом корреспондента-наблюдателя РГИ — Российского Гидрологического Института и нагрудный знак.

12. VII. Передел сенокосов.

15. IX. Проведено районирование, вместо уезда Белозерского — Вашкинский район Череповецкого округа.

Отдана корова дочери Екатерине.

1. XI. Перешли жить в новую избы-зимовку.

1927 год считать дождливым и сырым, лето было жаркое, весна холодная и дождливая, октябрь, ноябрь, декабрь снежные. Снег выпал с 18 октября и не стоял.

[Помещена фотография Д. И. Лукичева]

[1928 г.]

Наше семейство состоит из 9 членов:

1. Д. И. Лукичев 49 л.

2. П. Д. Лукичева 47 л.

3. Мария Дм. Лукичева 26 л.

4. Анна Дм. Лукичева 16 л.

5. Алекс. Дм. Лукичев 16 л.

6. Сергей Дм. Лукичев 13 л.

7. Елизавета Дм. Лукичева 3 л.

8. Борис Дм. Лукичев 5 л.

9. Михаил Дм. Лукичев 1 л.

Десятин земли: пашни 4,95 десятины, покосу 4,05 десятины. Скота: лошадь одна, коров две, нетелей одна, быков один, овец четыре. Постройка: домов 2, двор 1, хлевов 2, баня 1, гумно 1, сеновалов 2, амбар 1, кузница 1, хлевов 2.

12. III. Куплен новый дом 10 [аршин] шир[ины], 12 арш. длины с двором у гр. д. Васильевской Михаила Ивановича Иванова за сумму 400 рублей с уплатой по срокам до сентября месяца.

Зима 1927-8 года глубокоснежная, снег выпал на талую землю и не стаял, земля осталась талой на всю зиму, больших оттепелей не было.

16. VII. Первый укос клеверу.

19. IX. Куплен жеребенок, кобылка, название “Лебедка” И. Ф. [фамилия неразб.] уплачено 25 р.

День рождения 18 июля.

1929 год

10. III. Окончил работать при Вашкинском кредитном т-ве, членом наблюдательного совета. Зима в феврале месяце —небывалые морозы, доходили ниже 40 % по Цельсию.

3 июля. Сломан старый дом.

5 июля. Закладка нового дому.

19 июля. Утонул в Белом озере Алексей Александрович Афоничев д. Тарасьево, сын племянника Александра Афоничева, 22 лет от роду.

Дочь Анна Дм. Лукичева поступила на работу при д. Митрофаново заведующая дет. яслями. Кончила 10 сентября.

16 сент. родился у Екатерины Дм. Мыловой сын. Назван Владимиром.

1. IX. Сергей Дм. Лукичев поступил в Киснемскую школу семилетку.

23 сентября. Выехал в г. Череповец на окружную краеведческую конференцию.

26 - 30. IX. Окруж. конференция

30. IX. Выехал в Ленинград. Посетил, поднимался на Исаакия, осмотрел памятники Ленинграда: Петропавловскую крепость, Петропавловский собор, казематки крепости и другие памятники, храм Воскресения, Смольный, некоторые музеи, в том числе Географический музей при областном бюро краеведения, Зоологический сад и другие достопримечательности Ленинграда, выехал из Ленинграда 7 окт.

20. X. Поставлен и закрыт новый дом .

9 декабря. Смена конем с гр. д. Тарасьево Сергеем Забавичевым.

10. XII. Дочь Мария вышла замуж в г. Белозерск за Григория Ивановича Тимофеева (служащий).

1929 год неурожайный. У большинства населения хлеб уже весь съеден.

31 декабря. Подошли лошади.

1930 год 1 января

9. I. Куплена другая лошадь темно-бурой масти у гр. д. Петрунинская Кирил. Ив., уплачено 70 руб.

15. II. Состоялось постановление о переходе от единоличного ведения сельского хозяйства к коллективному.

17. II. Рассмотрен и принят устав о коллективе, название коллектива “Завет Ильича”.

24. III. Окончательное утверждение устава коллектива.

1. IV. Крестьянство массами подают заявление о выходе из колхоза. Причины к тому: 1-е. Несознательность населения в пользу обобществления хозяйства и труда в особенности среди женщин. 2-е. Неумелый подход к делу коллективизации руководящих органов и полное отсутствие разъяснительных бесед по ведению сельского хозяйства и коллективизации.

Жаль дела, которое должно разрастись, не будучи еще организованным, так как среди остающихся в колхозе нет трудоспособного элемента.

26 апреля. Колхоз в Вашках “ Завет Ильича” 17 семейств, поле от Бору. Остальное население в числе 64 хозяйств вновь переделывают землю для единоличного пользования.

28 июня. Свадьба дочери Анны Дмитриевны Лукичевой и Ивана Степановича Гаврилова.

Перекладка печи в хате-зимовке

11 сентября. Поездка в Ленинград с дочерью Марией. 2 октября приехал домой. <...>

10. XII. Центральное бюро краеведения при Русском Обществе любителей мироведения переведено из Ленинграда в Москву и в Ленинграде заменено Областным бюро краеведения.

25 декабря. Первая запряжка молодой лошади “Лебедки”.

1931 год

1 января. Четверг. Проверка водомерного поста. <...>

11 марта. Передана кузница в промыслово-снабженческое т-во “Красный октябрь”. Оценка на сумму 150 р. 75 к.

1-го марта подано заявление о вступлении в колхоз “Завет Ильича”. Принято хозяйство в колхоз.

25-го марта. В колхоз вступило все село Вашки. [С] 10 марта работа в кузнице объединенной артели Вашкинского колхоза “Завет Ильича”.

2 мая. Первый выезд на пашню колхоза. Поля разбиты на 9-вети полос. С 25 марта работаю в кузнечной мастерской, переданной колхозу “Завет Ильича”.

27 августа. Работал честно, а доработался до бесчестья. 26 авг. 1931 года все собрание колхоза “Завет Ильича” исключили из колхоза 9 семейств, в том числе наше хозяйство.

Пословица говорит: Не копай другу яму, сам в нее можешь влететь. Много интриг, много сплетен, много лжи и можно даже сказать сумасшествия получилось на 26 августа и более чем уверен, что далее будет еще более.

28 августа. Почему же мы не идем на полевые работы. Как-то невозможно себе представить, чтоб крестьянин в страдную пору сидел сложа руки.

28. VIII. Мое хозяйство обложено в индивидуальном порядке на сумму 151 р. сельхозналога, 24 р. 57 к. страховых платежей и 151 р. самообложения. Нужно ждать далее еще хуже, а платить пока в настоящее время нечем, так как все хозяйство обобществлено в колхоз “Завет Ильича”. Остается дом, другой недостроенный, баня и старый хлев, а скот: корова, телка и овца с ягнятами. Вот теперь я чище пролетария.

30. VIII. Скучно, томительно тошно тянутся дни. Обращаюсь за справедливостью, но не вижу ее нигде — скоро ль конец. Это называется борьбой с кулачеством бедноты.

27. VIII. Произведена [слово неразб.] опись имущества.

1. IX. Без перемены то же положение.

4. IX. Лишен избирательного права президиумом РИКа. Чем далее тем труднее жизнь.

6. IX. Опротестовал все решения и постановления.

10. IX. Для памяти. Сын Сергей уехал для поступления в школу к Вознесенью в ФЗУ с кузнечно-слесарной мастерской на 1 сентября 1931 года.

14. IX. По разбору дела пленумом РИКа назначено вновь к расследованию и пересмотру.

24 сент. По пересмотру дела о лишении избирательных прав Вашкинским РИКом 24 сент. восстановлена в избирательных правах вся семья, индивидуальное обложение снято.

1. X. Сергей не поступил в учење, и уехал на Мурман[ск] в Кестеньгу на работы.

17. X. Признано неправильным постановление общего собрания об исключении из членов колхоза, что и на самом деле было так. Не общее собрание, а личные счета т[оварища] партии Яблокова, ему бы не партийцем быть, а плутом и фатом.

21. X. Анна, дочь, уехала в Ленинград.

4. XI. Иван Гаврилов выехал на службу в Ленинград как военнообязанный.

10. X. Принят вновь в члены колхоза. Приехал сын Сергей домой и записался в рыбаки.

1932 год.

21. IV. Подрубили и уронили верх колокольни. Конец Пречистья. С 1-го января 1932 года церковь в селе Вашках перешла в ведение РИКа и перестраивается на клуб. Верх церкви снимается и назначен подрубить второй этаж. Так пришел конец Пречистья (название церкви).

Здание церкви построено в 1741 году. В 1870 году церковь расширена приделом с левой северной стороны. Высота церкви от основания до креста 18 сажень. Большой колокол 113 пудов весом.

17 мая. Приезжала на побывку дочь Мария из Ленинграда.

30 мая. Открыт рынок в селе Вашках, торговля производится подекадно 10-го, 20-го и 30-го числа каждого месяца. <...>

1933 год.

1-го января. 31. XII в 8 часов вечера открыта электростанция в с. Вашках, впервые засветились электричеством лампочки Ильича.

1 мая. Открытие клуба в селе Вашках.

1-го июля. Достроен дом.

27 августа. Уехала в Ленинград дочь Елизавета. Заложено здание ШКМ [школы крестьянской молодежи] в селе Вашках.

1 октября. Прилетел первый самолет аэроплан в с. Вашки.

[1934 год]

1 июня. Приехала дочь Лиза домой.

27. VIII. Уехала Лиза в Ленинград в учење.

5-го сентября. Выехал на конференцию Гидрологических районов в г. Череповец и в г. Новгород, был на конференции в г. Новгороде 10, 11 и 12 сентября. 13 сентября был в Ленинграде. 15. IX выехал из Ленинграда домой.

1-го декабря. Погиб, убит наш любимый вождь Сергей Миронович Киров, секретарь ВЦКПБ и Лен. об. КПБ. Убит выстрелом от злодейской руки.

1935 год

12. III. Поездка на конференцию в г. Ленинград с хозметеорологией.

29. III. Приехал домой.

21. VII. Захворала жена, отвезена в больницу, а я с Лизой хозяйничаю дома.

13. VII. Самолет упал в озеро, разбился. Летчик Суханов и начальник аэродрома Кошкин спасены. Причина — полетели пьяными.

Приехала дочь Мария работающая в Ленинграде на заводе “Термометр” (Электроприбор) с 1932 года, вслед приехала дочь Анна, работающая шофером при леспромхозе ст. Сиверская. Мария уехала 25. VIII, Лиза уехала 31. VIII, Нюра уехала 4. IX.

Дочь Александра с 1-го мая поступила работать на маслозавод в Волотской [вероятно, Волоцкой] с/совет заведующей.

5-го ноября. Сергей и я сам привлекаемся к суду за якобы вредительские действия в колхозе, хотя никаких вредительских деяний нами не совершено. Нарсуд приговорил Сергея к 5-ти годам лишения свободы и гражданский иск 1672 рубля в пользу колхоза, и меня Д. Лукичева на 1-го прин[удительные] раб[оты] по месту службы с вычетом 25 % зарплаты за якобы скрытие вредительских действий сына Лукичева Сергея и бригадира Гаврилова Алексея.

1. XII. Дочь Александра вышла в замужество за Федора Федоровича Лаврова гр-на д. Никоново Мосеевского с/совета Сын Сергей арестован 4-го XII 35 г. Подана кассационная жалоба.

5. XII. Ходатайство по кассационной жалобе Обл. Лен. суд. кас. комиссией отклонено, приговор суда остается в силе.

Произведена опись имущества.

6. XII. Перешли жить в новый дом, две комнаты: кухня и спальня.

1936 год

4. II. [вероятно, описка, надо I] Сергей находится в Новозерской колонии Белозерского р-на.

16. I. Дорезана корова — хворала, не вставала на ноги. <...>

Суд выделил из имущества избу-зимовку цена 1200 руб. на долю сына Сергея.

16. III. Изба зимовка передана в к/х “Завет Ильича”.

Дочь Александра с января месяца ушла с работы заведующей маслозавода.

17. VII. Приехала дочь Лиза домой на побывку. 28 августа Лиза уехала в Ленинград.

26-го сентября. Открыто новое училище неполной средней школы в с. Липин Бор Вашкинского р-на.

29. X. Куплена корова цена 450 руб. у гр-на д. Поповской Александра Кузнецова.

Сын Сергей с 15-го мая выслан в Восточную Сибирь.

Изба зимовка передана колхозом Парвовицкому в обмен за взятый у него дом. Цена зимовки 1200 рублей.

5. XII. Утверждение новой Сталинской Конституции СССР VIII Чрезвычайным Съездом Советов СССР. Новая Конституция является небывалой первой Социалистической Конституцией в мире, дающей равные права трудящимся страны без различия национальностей, пола и т. д. Вводятся всеобщие прямые тайные выборы. Уничтожается эксплуатация человека человеком.

1937 год.

6. I. Всеобщая перепись.

31. III. Получил сообщение о смерти сына Сергея Дмитриевича Лукичева. Помер от дизентерии, отбывая срок наказания в Восточно-Сибирском крае, жел. дор. им. Молотова, станция Каганович, рудник Бугачачи [?].

1937 год. Открыта машинно-тракторная станция, МТС, в Вашкинском районе. МТС находится на Липином Бору, там же назначена и постройка гаража.

12-го апреля. Вышли на пахоту первые трактора в к/хозе “Победа II”, а 14-го апреля вышли на пахоту в колхозе “Завет Ильича” и других колхозах района.

1937 год. Получено постановление, утверждение Ленинградского област. исполкома о переносе управления центра района из с. Вашек...

Публикацию подготовила И.С. Слепцова

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

- ААА — Арсентьева Анна Алексеевна, 1915 г.р., род. д. Гавриловская, прож. в д. Андреевская
- ААД — Архипова Анна Дмитриевна, 1925 г.р., род. д. Кузнечиха, прож. в д. Малеево
- ААИ — Афоничева Анисья Игнатьевна, 1912 г.р., род. из д. Липин Бор, прож. в с. Липин Бор
- ААК — Аксёнова Анна Кирилловна, 1906 г.р., род. из д. Ухтино, прож. в д. Никоново
- ААК — Антипова Александра Кузьминична, 1920 г.р. из д. Естошево, прож. в д. Пиньшино
- ААЯ — Абрамов Александр Яковлевич, 1910 г.р., род. и прож. в д. Гавриловская
- АВП — Афанасьева Вера Павловна, 1922 г.р., род. из д. Медведево, прож. в д. Задняя Слободка
- АДИ — Александров Дмитрий Иванович, 1917 г.р., род. и прож. в д. Зуево
- АМИ — Абрамова Мария Ивановна, 1916 г.р., род. и прож. в д. Гавриловская
- АНИ — Александрова Наталья Ивановна, 1921 г.р., род. и прож. в д. Зуево
- АТК — Алипова Татьяна Кузьминична, 1914 г.р., род. д. Макино, прож. в с. Липин Бор
- БАЕ — Беспалова Александра Егоровна, 1922 г.р., род. из д. Малеево, прож. в д. Ивановская
- БАД — Белокурова Александра Дмитриевна, 1909 г.р., род. в с. Иевлево, с 1956 г. прож. в пос. Октябрьский
- БАИ — Богданова Анастасия Ивановна, 1915 г.р., род. из д. Савалиха, с 1939 г. прож. в д. Алёшино
- БАИ — Бучилов Александр Иванович, 1925 г.р., род. и прож. в д. Калитино
- БАМ — Богданов Алексей Максимович, 1933 г.р., род. из д. Янино, прож. в д. Парфёново
- БАН — Богданова Александра Никитична, 1910 г.р., род. д. Митрофанова Гора, прож. в д. Остров
- БАН — Богданова Анна Николаевна, 1914 г.р., род. из д. Ново, прож. в д. Мыгчиково
- БАЯ — Богачев Александр Яковлевич, 1913 г.р., род. д. Пиксимова, прож. в д. Липин Бор
- БДП — Бородулина Дарья Петровна, 1925 г.р., род. из д. Мыгчиково, прож. в д. Ивановская
- БЕФ — Быстрова Елизавета Фёровна, 1926 г.р., род. из д. Ваномзеро, прож. в с. Липин Бор
- БЗМ — Бабаненкова Зинаида Матвеевна, 1919 г.р., род. из д. Тарасьево, прож. в д. Сидорово
- БММ — Богданов Михаил Матвеевич, 1924 г.р., род. в д. Речка, прож. в пос. Октябрьский
- БМП — Бородулина Дарья Петровна, 1925 г.р., род. из д. Мыгчиково, прож. в д. Ивановская
- БНС — Богданов Николай Степанович, 1922 г.р., род. из д. Пиньшино, прож. в д. Весёлое
- БОП — Бучилова Ольга Павловна, 1923 г.р., род. и прож. в д. Калитино
- БТМ — Березина Трефёна Матвеевна, 1913 г.р., род. в д. Гора, прож. в с. Липин Бор
- БФИ — Беляков Федор Иванович, 1918 г.р., род. из д. Речица, прож. в д. Поповка

- БЮП — Бучилов Юрий Павлович, 1927 г.р., род. в д. Калитино, с 1944 г. прож. в г. Ленинграде
- ВАИ — Виноградова Анна Ивановна, 1907 г.р., род. из д. Трошино, прож. в д. Давыдово
- ВАИ — Воронина Анна Ивановна, 1922 г.р., род. д. Ушаково, прож. в д. Ивановская
- ВВВ — Володичев Василий Васильевич, 1929 г.р., род. из д. Рашино, прож. в д. Ивановская
- ВВП — Воронина Вера Петровна, 1927 г.р., род. из д. Никоново, прож. д. Ивановская
- ВЕФ — Виноградова Елизавета Федоровна, 1909 г.р., род. д. Малая Чаготма, прож. в д. Остров
- ВЛФ — Володичева Людмила Федоровна, 1931 г.р., род. в д. Ивановская, прож. в д. Малеево
- ГАВ — Герасимова Анна Васильевна, 1913 г.р., род. из д. Курулёво, прож. в д. Аниково
- ГАМ — Ганичев Александр Моисеевич, 1940 г.р., род. и и прож. в д. Никоново
- ГАМ — Глебова Александра Михайловна, 1926 г.р., род. из д. Устье, прож. в д. Поповка
- ГЕИ — Ганичева Елизавета Ивановна, 1911 г.р., род. и прож. в д. Тарасьево
- ГЕП — Головкина Евдокия Петровна, 1916 г.р., род. из д. Берег, прож. в пос. Новокемский
- ГЕФ — Гринина Евдокия Федоровна, 1924 г.р., род. и прож. в д. Аверино
- ГЗП — Грибанова Зинаида Петровна, 1934 г.р., род. из д. Берег, прож. в д. Паршино
- ГМЕ — Герасимова Мария Егоровна, 1910 г.р., род. из д. Пужомзеро, с 1932 г. прож. в д. Алёшино
- ГМК — Гусева Мария Кирилловна, 1908 г.р., род. из д. Сементьево, прож. в д. Берег
- ГМФ — Ганичева Мария Федоровна, 1924 г.р., род. из д. Лейбручей Низовского с/с Вытегорского р-на
- ГНЯ — Грибанов Николай Яковлевич, 1928 г.р., род. и прож. в д. Паршино
- ДАК — Домничева Александра Кирилловна, 1912 г.р., род. из д. Сапогово, прож. в пос. Октябрьский
- ДЕГ — Домничева Евдокия Григорьевна, 1921 г.р., род. из д. Росстань, прож. в д. Гавриловская
- ДПН — Дутьшев Павел Николаевич, 1918 г.р., род. из д. Юрино, прож. в с. Липин Бор
- ЕЕЛ — Евдокимова Елизавета Лукинична, 1911 г.р., род. д. Большая Чаготма, прож. в д. Турзино
- ЕНА — Ерёмина Надежда Андреевна, 1913 г.р., род. из д. Новая Деревня Вытегорского р-на, прож. в д. Ивановская
- ЕОФ — Емельянова Ольга Федоровна, 1915 г.р., род. из д. Тимофеева Гора, прож. в д. Зуево
- ЕТП — Ермолаева Таисья Павловна, 1916 г.р., род. из д. Гавриловская, прож. в д. Панино
- ЖАД — Жбанова Аксиныя Дмитриевна, 1906 г.р., род. д. Ушаково, прож. в д. Ивановская
- ЖВН — Жудрова Вера Николаевна, 1914 г.р., род. из д. Ваномозеро, прож. в д. Веселое
- ЖКК — Жбанова Клавдия Кирилловна, 1925 г.р., род. и прож. в д. Семеновская
- ЗАВ — Зайцева Анисья Васильевна, 1909 г.р., род. и прож. в пос. Липин Бор
- ЗАП — Задунасева Анна Петровна, 1926 г.р., род. из д. Ушаково, прож. в д. Трифоново

- ЗЕД — Зайцева Елена Дмитриевна, 1916 г.р., род. из с. Ухтома, прож. в с. Липин Бор
ЗЗВ — Зайцева Зинаида Васильевна, 1917 г.р., род. и прож. в с. Липин Бор
ЗКИ — Зводская Клавдия Ивановна, 1910 г.р., род. из д. Захарово, прож. в д. Кононово
ЗПЕ — Захаров Павел Егорович, 1914 г.р., род. и прож. в д. Парфёново
ЗСН — Задунаев Степан Николаевич, 1922 г.р., род. из д. Ларино, прож. в д. Трифоново
ЗТН — Золоторева Татьяна Никитична, 1906 г.р., род. из д. Поповская, прож. в пос. Липин Бор
ИАВ — Иванова Анастасия Васильевна, 1917 г.р., род. из д. Ильино, прож. в с. Липин Бор
ИАН — Иванова Анна Николаевна, 1919 г.р., род. д. Малая Чаготма, прож. в с. Липин Бор
ИЕИ — Иванова Екатерина Ивановна, 1927 г.р., род. из д. Погорёлка, прож. в д. Гавриловская
ИМС — Иванова Марина Семеновна, 1921 г.р., род. и прож. в д. Мосеево
ИМС — Иванов Михаил Семенович, 1931 г.р., род. из с. Липин Бор, прож. в д. Поповка
ИТО — Исакова Тамара Осиповна, 1931 г.р., род. и прож. в д. Калитино
КАА — Косарева Анна Александровна, 1919 г.р., род. из д. Слизово, прож. в д. Монастырская
КАА — Кочуева Антонина Антоновна, 1912 г.р., род. д. Макино, прож. в с. Липин Бор
КАА — Круглова Анна Александровна, 1926 г.р., род. и прож. в д. Трифоново
КАВ — Киселёва Анна Васильевна, 1913 г.р., род. и прож. в д. Мытник
КАГ — Кудреванова Анна Григорьевна, 1909 г.р., род. в д. Филиппово, с 1963 г. прож. в пос. Октябрьский
КАД — Ксенофонтова Анна Дмитриевна, 1914 г.р., род. и прож. в д. Москвино
КАД — Ксенофонтова Анна Дмитриевна, 1911 г.р., род. из д. Панютино, прож. в д. Москвино
КАЛ — Кирина Анна Леонтьевна, 1937 г.р., род. из д. Сементьево, прож. в д. Москвино
КАН — Киснемцева Анастасия Николаевна, 1911 г.р., род. и прож. в д. Паршино
КАС — Коновалова Александра Степановна, 1915 г.р., род. и прож. в д. Новосело
КАС — Краснецова Анна Степановна, 1923 г.р., род. и прож. в д. Новосело
КАФ — Карькова Анна Федоровна, 1927 г.р., род. из д. Калитино, прож. в д. Покровское
КЕА — Кирикова Евдокия Алексеевна, 1911 г.р., род. из д. Липник, прож. в с. Липин Бор
КЕЕ — Кабанова Ефросинья Ефимовна, 1903 г.р., род. в д. Слизово, прож. в д. Роголёво
ККА — Корнилова Клавдия Александровна, 1917 г.р., род. из д. Босово, прож. в д. Кононово
ККС — Капарулина Клавдия Сергевна, 1907 г.р., род. из д. Липин Бор, прож. в пос. Липин Бор
КЛА — Краснецов Леонид Александрович, 1924 г.р., род. и прож. в д. Новосело
КМА — Кочина Мария Алексеевна, 1914 г.р., род. и прож. в д. Паршино
КМГ — Корчагина Мария Германовна, 1919 г.р., род. в д. Кошково, прож. в д. Давыдово
КМИ — Карькова Мария Ивановна, 1912 г.р., род. и прож. в д. Покровская
КМИ — Кононов Михаил Иванович, 1919 г.р., род. д. Лукьяново, прож. в с. Липин Бор

- КМП — Каретина Мария Павловна, 1910 г.р., род. и прож. в д. Берег
КМС — Коновалова Мария Степановна, 1914 г.р., род. и прож. в д. Новосело
КНИ — Капарулин Николай Иванович, 1936 г.р., род. из д. Липин Бор, прож. в пос. Липин Бор
КНИ — Кириллов Николай Иванович, 1922 г.р., род. из д. Глухарёво, прож. в пос. Липин Бор
КНЯ — Клубикова Наталья Яковлевна, 1903 г.р., род. из д. Сидорово, прож. в д. Мо-настырская
КОП — Каретина Ольга Павловна, 1909 г.р., род. и прож. в д. Паршино
КУН — Копылова Ульяна Никоновна, 1907 г.р., род. и прож. в д. Задняя Слободка
КФГ — Кириллова Фелисата Григорьевна, 1914 г.р., род. из д. Малеево, с 1938 г. прож. в д. Москвино
КЯЕ — Кириллов Яков Евлампиевич, 1914 г.р., род. и прож. в д. Москвино
ЛАД — Лукичева Анна Дмитриева, 1908 г.р., род. с. Вашки, прож. в с. Липин Бор
ЛАД — Лыкова Александра Дмитриевна, 1917 г.р., род. из д. Москвино, прож. в д. Рогалёво
ЛАП — Лазарева Анастасия Прокопьевна, 1911 г.р., род. из д. Сукозеро, прож. в д. Трифоново
ЛАС — Леонтьева Анна Сосипатровна, 1905 г.р., род. д. Большая Чаготма, прож. в д. Матвеевская
ЛАФ — Лебедева Анна Филипповна, 1921 г.р., род. и прож. в д. Мосеево
ЛАФ — Леонтьева Анна Филипповна, 1915 г.р., род. д. Панино, прож. в д. Матвеев-ская
ЛВИ — Левичев Виктор Иванович, 1922 г.р., род. из д. Великий Двор бывш. Шовско-го р-на, с 10-ти лет проживает в разных деревнях Вашкинского р-на, ныне прож. в д. Покровская
ЛЕА — Лаврентьева Екатерина Александровна, 1924 г.р., прож. в д. Мытчиково
ЛИМ — Лебедев Иван Михайлович, 1920 г.р., род. из д. Шугино, прож. в д. Мосеево
ЛМА — Лазарева Мария Афанасьевна, 1919 г.р., род. и прож. в д. Трифоново
ЛМФ — Лебедева Мария Филипповна, 1918 г.р., род. и прож. в д. Мосеево
ЛНП — Лыкова Нина Петровна, 1939 г.р., род. из д. Петухово, прож. в д. Рогалёво
МАД — Мохова Анна Дмитриевна, 1914 г.р., род. и прож. в д. Москвино
МАИ — Медведева Антонина Ивановна, 1926 г.р., род. д. Устье, прож. в д. Андреев-ская
МАК — Мониева Анна Константиновна, 1922 г.р., род. д. Пиньшино, прож. в д. Ан-дреевская
МAM — Михайлова Анна Макаровна, 1918 г.р., род. д. Залохта, прож. в д. Семенов-ская
—
МАЯ — Мохова Александра Яковлевна, 1910 г.р., род. и прож. в д. Мытник
МЕФ — Максимова Елена Федоровна, 1925 г.р., род. в д. Маньково, прож. в д. Але-шино
ММА — Максимова Мария Александровна, 1918 г.р., род. из д. Ларино, прож. в д. Маньково
ММВ — Межуева Марина Васильевна, 1924 г.р., род. д. Ларино, прож. в д. Ивановская
ММФ — Межуева Марина Филиппьевна, 1913 г.р., род. д. Кропачево Вытегорского р-на, прож. в д. Малеево
МНИ — Мурашева Наталья Ивановна, 1915 г.р., род. и прож. в д. Мыс
МЛМ — Мурашева Лидия Матвеевна, 1923 г.р., род. в д. Сальниково, прож. в д. Мыс

- МТК — Мурилова Трифёна Кирилловна, 1915 г.р., род. из д. Сапогово, прож. в пос. Октябрьский
- МФФ — Мальшева Федосья Федоровна, 1912 г.р., род. д. Тимофеева Гора, прож. в д. Остров
- НАЕ — Николаева Анна Егоровна, 1924 г.р., род. из д. Полохтино, прож. в д. Пиньшино
- НАИ — Никонова Анна Ивановна, 1913 г.р., род. из д. Веселая, прож. в с. Липин Бор
- НВА — Никифорова Валентина Александровна, 1931 г.р., род. из д. Трошино, прож. в д. Трифоново
- НГА — Никонов Григорий Афанасьевич, 1940 г.р., род. из д. Логиново, прож. в пос. Липин Бор
- НМП — Новожилова Мария Прокопьевна, 1916 г.р., род. из д. Мыс, прож. в д. Парфёново
- ННС — Налетухина Надежда Савватеевна, 1924 г.р., род. из д. Холмок, прож. в с. Троицкое
- ОЕЕ — Осипова Евгения Ефимовна, 1912 г.р., прож. в местн. Ярбозеро
- ОМД — Осина Мария Дмитриевна, 1912 г.р., род. из д. Лукьяново, прож. в с. Троицкое
- ОУА — Осипова Ульяна Александровна, 1918 г.р. из д. Опрячкино, прож. в д. Пиньшино
- ПАИ — Парфёнова Антонида Ивановна, 1913 г.р., прож. в д. Мосеево
- ПАМ — Павлова Александра максимовна, 1922 г.р., род. из д. Ваномозеро, прож. в с. Липин Бор
- ПЕИ — Порошина Евдокия Ивановна, 1908 г.р., род. и прож. в д. Паршино
- ПЕМ — Парфёнова Евдокия Михайловна, 1910 г.р., род. в д. Никоново, прож. в д. Мосеево
- ПЕС — Приёмшышева Евгения Сергеевна, 1913 г.р., род. и прож. в д. Тарасьево
- ПАЕ — Павлова Анна Егоровна, 1913 г.р. род. из д. Сергеево бывш. Шольского р-на, с 1938 г. прож. в д. Конёво, ныне прож. в пос. Новокемский
- ПИН — Павлова Ирина Никифоровна, 1903 г.р., род. и прож. в д. Мосеево
- ПМД — Паничева Маремьяна Дмитриевна, 1908 г.р., род. д. Логиново, прож. в пос. Липин Бор
- ПМП — Погодина Мария Петровна, 1915 г.р., род. д. Никольская, прож. в пос. Липин Бор
- ПМП — Павлова Мария Павловна, 1910 г.р., род. д. Парфеново, прож. в с. Липин Бор
- ПНО — Прикашикова Нина Осиповна, 1914 г.р., род. из д. Пиксимова, прож. в пос. Октябрьский
- РАФ — Ромашова Александра Феофановна, 1907 г.р., род. из д. Ново Кирилловского р-на, с 1925 г. прож. в д. Вашкозеро, ныне прож. в с. Липин Бор
- РЗМ — Рябчикова Зоя Михайловна, 1922 г.р., род. из д. Прокино, прож. в с. Троицкое
- РИА — Ромашов Иван Александрович, 1912 г.р., род. из д. Вашкозерки, прож. в с. Липин Бор
- РПФ — Родичев Петр Федорович, 1917 г.р., род. и прож. в д. Аверино
- САМ — Светлова Александра Максимовна, 1912 г.р., род. из д. Липин Бор, прож. в с. Липин Бор
- САЯ — Самойлова Анна Яковлевна, 1903 г.р., род. из д. Сотозеро бывш. Шольского р-на, с 1933 г. прож. в д. Новосело
- СЕА — Сафонова Ефросинья Александровна, 1915 г.р., род. из д. Новосело, прож. в д. Калитино

- СЕВ — Сорокина Елизавета Васильевна, 1927 г.р., род. и прож. в д. Задняя Слободка
СМС — Семенова Мария Степановна, 1933 г.р., род. из д. Брянская, прож. в д. Зуево
СНН — Суздаленкова Нина Николаевна, 1900 г.р., род. из д. Село, прож. в с. Липин Бор
СНС — Соловьева Наталья Семеновна, 1923 г.р., род. из д. Мамоново, прож. в д. Ушаково
СТФ — Сафронова Татьяна Ивановна, 1908 г.р., род. и прож. в д. Мосеево
ТАМ — Тимофеева Анна Михайловна, 1918 г.р., род. и прож. в д. Трифоново
УАП — Уланова Александра Петровна, 1904 г.р., род. и прож. в д. Калитино
ФАА — Фигурина Александра Арефьевна, 1902 г.р., род. и прож. в с. Липин Бор
ФАА — Федорова Анна Алексеевна, 1917 г.р., род. д. Мытчиково, прож. в д. Андреевская
ФАП — Федоранова Анна Павловна, 1916 г.р., род. и прож. в д. Берег
ФВН — Федотов Виталий Николаевич, 1926 г.р., род. из д. Новосело
ХЕП — Христофорова Елена Петровна, 1912 г.р., род. из д. Артово, прож. в д. Мытчиково
ХНД — Христофорова Наталья Дмитриевна, 1920 г.р., род. из д. Кошково, прож. в пос. Октябрьский
ЧИС — Чистяков Иван Степанович, 1908 г.р., род. из д. Потетьево, прож. в с. Липин Бор
ШЕВ — Шигина Елена Васильевна, 1919 г.р., род. из д. Погорелка, с 1937 г. прож. в д. Волково
ШМД — Шаманов Михаил Давыдович, 1926 г.р., род. и прож. в д. Роголёво
ШТА — Шаманова Таисья Андреевна, 1927 г.р., род. из д. Мякишево, прож. в д. Роголёво
ЮЕМ — Юркова Елена Михайловна, 1914 г.р., род. из д. Дудрово, прож. в д. Волково
ЯАА — Якуничева Апполинария Александровна, 1912 г.р., род. и прож. в д. Веселое
ЯОП — Яковлева Ольга Петровна, 1917 г.р., род. д. Сальниково, прож. в с. Липин Бор

Список названий населенных пунктов и местностей

Аверино, д. Ивановского с/с
Алёшино, д. Ивановского с/с
Андреевская Андреевского с/с (*Унжа*)*
Аниково, д. Андреевского с/с (*Каменный Бор*)
Артово, д. Ивановского с/с
Берег, д. Киснемского с/с (*Кьянда*)
Большая Чаготма, д. Островского с/с
Босово, д. Островского с/с (*Индоман*)
Брянское, д. Вытегорского р-на (*Черная Слобода*)
Бутыгино, д. Мунского с/с
Ваномозеро, д. Роксомского с/с (*Ваишпан*)
Вашки, с. Липино-Борского с/с
Вашкозёрки, д. Липино-Борского с/с (*Вашко́зеро*)
Ва́шпан, местность в Роксомском с/с
Великий Двор, д. Шольского с/с Белозерского р-на
Весёлая, д. Роксомского с/с (*Ваишпан*), старые названия Кожухово и Горемыкино
Волково, д. Киснемского с/с (*Киснема*)
Волоцкое, местн. в Васильевском с/с
Гавриловская, д. Андреевского с/с (*Каменный Бор*)
Глухарёво, д. Васильевского с/с
Гора, д. Васильевского с/с (*Муньга*)
Гора Тимофеева, д. Ивановского с/с
Давыдово, д. Андреевского с/с (*Унжа*)
Дудрёво, д. Киснемского с/с (*Киснема*)
Естошево, д. Мунского с/с
Задняя Слободка, д. Киснемского с/с
Залохта, д. Роксомского с/с
Захарово, д. Островского с/с
Зуево, д. Ивановского с/с
Ивановская, д. Ивановского с/с
Ивановская, д. Вытегорского р-на
Иевлево, д. Киснемского с/с (*Киснема*)
Ильино, д. Липино-Борского с/с
Индоман, местность в Островском с/с
Калитино́, д. Покровского с/с
Каменный Бор, местность в Андреевском с/с
Киснема, местность в Киснемском с/с
Киуй, местность в Киснемском с/с
Конёво, д. Роксомского с/с (*Шубач*)
Кононово, д. Андреевского с/с (*Лупсарь*)
Кропачёво, д. Анциферовского с/с Вытегорского р-на
Кузнечиха, д. Островского с/с
Курулёво, д. Андреевского с/с

* Далее название местности выделено курсивом.

Кьянда, местность в Киснемском с/с
Ларино, д. Ивановского с/с
Лейбручей, д. Низовского с/с Вытегорского р-на
Липин Бор, с. Липино-Борского с/с
Липник, д. Васильевского с/с
Логиново, д. Липино-Борского с/с
Лукьяново, д. Липино-Борского с/с
Лупсарь, местн. в Андреевском с/с
Макино, д. Липино-Борского с/с
Малая Чаготма, д. Островского с/с
Малеєво, д. Ивановского с/с
Мамоново, д. Андреевского с/с (*Пуштора*)
Манькóво, д. Ивановского с/с
Матвеевская, д. Ивановского с/с
Медведево, д. Киснемского с/с
Митрофанова Гора, д. Ивановского с/с
Монастырская, д. Киснемского с/с
Мосеево, д. Островского с/с (*Индоман*)
Москвинó, д. Киснемского с/с (*Киснема*)
Мыс, д. Роксомского с/с
Мытник, д. Андреевского с/с (*Лупсарь*)
Мытчиково, д. Ивановского с/с
Мякишево, д. Киснемского с/с (*Киуй*)
Никольская, д. Роксомского с/с
Никоново, д. Островского с/с
Новая Деревня Анциферовского с/с Вытегорского р-на, второе название Холуй
Ново, д. Андреевского с/с (*Шалго-Кема*)
Ново, д. Кирилловского р-на
Новокёмский, пос. Коневского с/с
Новосело, д. Покровского с/с
Октябрьский, пос. Ивановского с/с
Опрячкино, д. Шалго-Будуновского с/с (бывш. Чарозерский р-н)
Остров, д. Островского с/с
Панино, д. Андреевского с/с (*Каменный Бор*)
Панютино, д. Киснемского с/с
Парфёново, д. Роксомского с/с (*Роксома*)
Паршино, д. Киснемского с/с (*Кьянда*)
Петухово, д. Киснемского с/с (*Киснема*)
Пиксимоно, д. Пиксимоновского с/с
Пиньшино, д. Васильевского с/с (*Волоцкое*)
Погорёлка, д. Андреевского с/с (*Тимино*)
Покровское, д. Покровского с/с
Полохтино, д. Васильевского с/с (*Волоцкое*)
Поповка, д. Васильевского с/с (*Волоцкое*)
Поповская, д. Вашкинского с/с
Потетюєво, д. Островского с/с
Прокино, д. Пиксимоновского с/с
Пужомзеро, д. Ковжинского с/с Вытегорского р-на
Пуштора, местность в Андреевском с/с
Ракшино, д. Киснемского с/с

Речеца, д. Череповецкого р-на
Речка, д. Кóвжинского с/с Вытегорского р-на
Рогалёво, д. Киснемского с/с
Рóксома, местность в Парфёновском с/с
Росстань, д. Пиксимовского с/с
Савалиха, д. Ивановского с/с
Сальниково, д. Роксомского с/с
Сапогово, д. Андреевского с/с
Село, д. Киснемского с/с (*Киуй*)
Семéнтьево или Семéнчево Киснемского с/с (*Кьянда*)
Семёновская, д. Ивановского с/с
Сергеево, д. бывш. Шольского р-на
Сидорово, д. Троицкого с/с
Слизово, д. Киснемского с/с
Сотозеро, д. бывш. Шольского р-на
Сукозеро, д. Пиксимовского с/с
Сухарево, д. Киснемского с/с
Тарасьево, д. Киснемского с/с
Тартосово, д. Васильевского с/с (*Волоцкое*)
Тимофеева Гора, д. Ивановского с/с
Тимино, д. Андреевского с/с
Трифаново Ивановского с/с
Троицкое, с. Киснемского с/с (*Киснема*)
Трошино, д. Островского с/с
Турзино, д. Андреевского с/с (*Лупсарь*)
Унжа, местность в Андреевском с/с
Устье, д. Васильевского с/с (*Волоцкое*)
Ухтино, д. Киснемского с/с (*Киуй*)
Ухтома с. Ухтомского с/с
Ушаково, д. Ивановского с/с
Федоровская, д. Андреевского с/с (*Пуштора*)
Филиппово, д. Андреевского с/с (*Пуштора*)
Холмок Андреевского с/с (*Кинжезеро*)
Хошково, д. Андреевского с/с (*Пуштора*)
Черная Слобода, местность в Вытегорском р-не
Шольский р-н — ныне Белозерский р-н
Шубач, местность в Роксомском с/с
Шугинó, д. Островского с/с (*Индоман*)
Юрино, д. Муныгского с/с
Янино, д. Роксомского с/с
Ярбозеро, местность в Покровском с/с

ОГЛАВЛЕНИЕ:

ВВЕДЕНИЕ	3
ПУТИ И СПОСОБЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЭТНОДИАЛЕКТНЫЙ СЛОВАРЬ	3
ЯЗЫКОВЫЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОЛЬКЛОРНОГО ДИАЛЕКТА ВАШКИНСКОГО РАЙОНА 19	
АНЕКДОТЫ И БЫВАЛЬЩИНЫ	27
БАННИК	34
БЕСЕДЫ	36
БЛИНЫ ПЕКЧИ	46
БЫКА ПРОДАВАТЬ	48
БЫЛИЧКИ	49
БЫЛОЙ	56
ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРГ	57
ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ	60
ВОЗНЕСЕНЬЕ	60
ВОЛЧОК	62
ВОРОН	64
ГАДАНИЯ	67
ГАДАНИЯ С ПОДБЛЮДНЫМИ ПЕСНЯМИ	73
ГАРМОНИСТ	87
ГОРОДКИ	89
ГРАМОФОН	91
ГУЛЯНИЯ	93
ДАРЫ НЕВЕСТЫ	99
ДЕТСКИЕ ИГРЫ	101
ДОМОВОЙ И ДВОРОВЫЙ	105
ДРАКИ	108
ЕГОРЬЕВ ДЕНЬ	116
ЖАТВЕННЫЕ ОБРЯДЫ	118
ЗАГОВОРЫ И НАРОДНЫЕ МОЛИТВЫ	125
ЗАКЛИЧКИ	136
ЗАСТОЛЬЕ	140
ИВАНОВ ДЕНЬ	146
ИГРЫ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ НА БЕСЕДАХ	149
ИГРЫ С ПАСХАЛЬНЫМИ ЯЙЦАМИ	152
ИЛЬИН ДЕНЬ	156
КАМЕШКИ	158

КАРАВАЙ	158
КАЧЕЛИ И СКАКУХИ	160
КИКИМОРА	165
КОЗЕЛ	166
КОЛЫБЕЛЬНЫЕ	168
КОЛЯДА	171
КОРИТЬСЯ	174
КРАСИВЫЕ КУДЕСА	177
КРАСОТА	181
КРЕЩЕНИЕ	185
КУДЕСА	186
ЛЕН СЕЯГЬ	197
ЛЕТЕЛИ ДВЕ ПТИЧКИ	199
ЛЕШИЙ	201
ЛОДЫЖКИ	205
ЛОПТА	207
ЛОШАДЬ	209
ЛУНКИ	212
МАСЛЕНИЦА	213
МЕДВЕДЬ	223
МЕЛЬНИЦА	227
МУХА	229
НА ШАЛЬНО ДЕЛАТЬ	229
НЕКРУТА	232
ОГОРЕЛОМ	234
ОХУТКОЙ	235
ПАСТУХ	237
ПАСХА	241
ПЕРВЫЙ ВЫГОН СКОТА	254
ПЕСТУШКИ И ПОТЕШКИ	258
ПЕТРОВ ДЕНЬ	267
ПЕТУХ	268
ПЛЯСКА	272
ПОДШУЧИВАНИЯ И РОЗЫГРЫШИ	284
ПОКОЙНИК	291
ПОКРОВ	298
ПОПА НА ПРОГОН	299
ПО СОЛОМ АТАМ ХОДИТЬ	301
ПРЕДАНИЯ И ЛЕГЕНДЫ	307
ПРЕСТОЛЬНЫЕ И ЗАВЕТНЫЕ ПРАЗДНИКИ	310

ПТИЧУШКУ ИМАТЬ	318
РЫБАКИ	320
СВАДЬБА.....	321
СВАТОВСТВО И БОГОМОЛЬЕ.....	342
СВЯТКИ.....	345
СЕМЕНОВ ДЕНЬ.....	349
СО ВЬЮНОМ ХОДИТЬ.....	350
СОСТЯЗАНИЯ В ЛОВКОСТИ И СИЛЕ	352
ТРОИЦА.....	355
УСТНЫЕ РАССКАЗЫ	361
УТУШКА	365
ФОТОГРАФИРОВАТЬ.....	367
ФРОЛОВ ДЕНЬ.....	368
ХВОРОСТЫ.....	369
ХОРОВОДНЫЕ ИГРЫ.....	371
ХРИСТА СЛАВИТЬ	376
ЦЫГАНЕ.....	378
ЧИГОМ	382
ЧИМКОЙ	384
ШУБУ ШИТЬ.....	385
ПРИЛОЖЕНИЕ	387
СПИСОК ИНФОРМАНТОВ.....	421
Список названий населенных пунктов и местностей	427

Морозов .И.А., Слепцова И.С., Островский Е.Б.,
Смольников С.Н., Минюхина Е.А.

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА СЕВЕРНОГО БЕЛОЗЕРЬЯ:
ЭТНОДИАЛЕКТНЫЙ СЛОВАРЬ

*Утверждено к печати Ученым советом Института этнологии и антропологии
Российской Академии наук*

Научное издание

Подписано к печати с оригинал-макета 10.12.97. Формат 60x88 ¹/₁₆
Гарнитура тайме. Печать офсетная. Усл. авт. л. 22,1. Усл. печ. л. 27.
Тираж 1000 экз. Заказ № 742